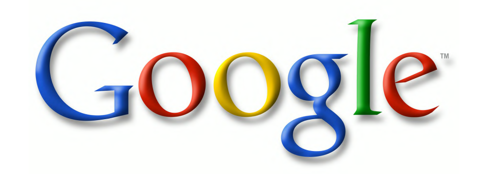
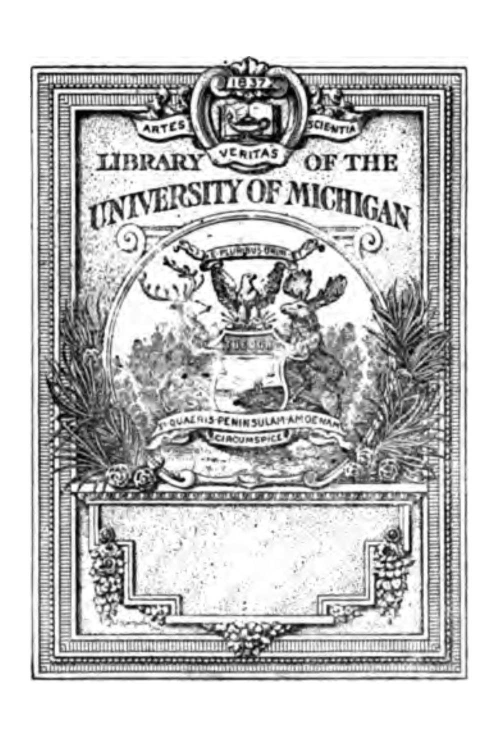

1837
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
E PLURIBUS UNUM
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

СОЧИНЕНІЯ
ЛЕРМОНТОВА

СЪ ПОРТРЕТОМЪ ЕГО И ДВУМЯ СНИМКАМИ СЪ РУКОПИСИ.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ,

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ, ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ П. А. ЕФРЕМОВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА ГЛАЗУНОВА.
1882.

Типографія Глазунова, Казанская, № 8.

ОГЛАВЛЕНІЕ 2-го ТОМА.

1828.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

ЧЕРКЕСЫ.

I.

Въ горахъ ужъ солнце исчезаетъ,
Въ долинахъ всюду мертвый сонъ,
Заря, блистая, угасаетъ,
Вдали гудитъ протяжный звонъ;
Покрыто мглой туманно поле,
Зарница блещетъ въ небесахъ,
Въ долинахъ стадъ не видно болѣ,
Лишь серны скачутъ на холмахъ,
И сѣрый волкъ бѣжитъ чрезъ горы,
Его свирѣпо блещутъ взоры.
Въ тѣни развѣсистыхъ деревъ
Влѣзаетъ онъ въ свою берлогу.
За нимъ бѣжитъ черезъ дорогу
Съ ружьемъ охотникъ; пара псовъ
На сворахъ рвутся съ нетерпѣньемъ.
Все тихо, и въ глуши лѣсовъ
Не слышно жалобнаго пѣнья
Пустынной иволги; лишь тамъ
Весенній вѣтерокъ играетъ,
Перелетая по кустамъ;
Въ глуши кукушка запываетъ,
И на дуплѣ, какъ тѣнь, сидитъ
Полночный воронъ и кричитъ.
Межъ дикихъ скалъ крутитъ, сверкаетъ

Подалѣ Терекъ за горой;
Высокій берегъ подмываетъ,
Крутяся пѣною сѣдой.

II.

Одѣто небо черной мглою,
Въ туманѣ мѣсяцъ чуть блеститъ,
Лишь на сухихъ скалахъ травою
Полночный вѣтеръ шевелитъ.
На холмахъ маяки блистаютъ:
Тамъ стражи русскіе стоятъ;
Ихъ копья острыя блестятъ;
Другъ друга громко окликаютъ:
«Не спитъ казакъ во тьмѣ ночной;
«Чеченцы ходятъ за рѣкой!»
Но вотъ они стрѣлу пускаютъ,
Взвилась! и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана;
Въ очахъ его смертельный мракъ:
Ему не зрѣть роднаго Дона,
Ни милыхъ сердцу, ни семью.
Онъ жизнь окончилъ здѣсь свою...

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ:

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

ИЗЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

I.

Въ большомъ аулѣ подъ горою,
Близъ саклей дымныхъ и простыхъ,
Черкесы позднею порою
Сидятъ.—О коняхъ удалыхъ
Заводятъ рѣчь, о мѣткихъ стрѣлахъ,
О разоренныхъ ими селахъ,

И съ ними какъ дрался казакъ,
И какъ на русскихъ нападали,
Какъ ихъ плѣнили, побѣждали.
Курятъ безпечно свой табакъ,
И дымъ, віясь, летитъ надъ ними...
Иль стукнувъ шашками своими
Пѣснь горцевъ громко запоютъ.
Иные на коней садятся,
Но передъ тѣмъ какъ разставаться,
Другъ другу руку подаютъ.

II.

Межъ тѣмъ черкешенки младыя
Вбѣгаютъ на горы крутыя,
И въ темну даль глядятъ—но пыль
Лежитъ спокойно по дорогѣ,
И не шелохнется ковыль.
Не слышно шума, ни тревоги.
Тамъ Терекъ издали крутитъ,
Межъ скалъ пустынныхъ протекаетъ
И пѣной зыбкой орошаетъ
Высокій берегъ. Лѣсъ молчитъ,
Лишь изрѣдка олень пугливый
Черезъ пустыню пробѣжитъ,
Или коней табунъ игривый
Молчанье дали возмутитъ.

III.

Лежалъ цвѣтовъ коверъ узорный
По той горѣ и по холмамъ;
Внизу сверкалъ потокъ нагорный
И текъ струисто по камнямъ.
Черкешенки къ нему сбѣжались...
. . . .*

* Точки обозначаютъ пропускъ стиховъ и цѣлыхъ строфъ.

*

IV.

Послѣдній солнца лучъ златой
На льдахъ сребристыхъ догораетъ,
И Эльборусъ своей главой
Его, какъ туча, закрываетъ...
Ужъ раздалось мычанье стадъ,
И ржанье табуновъ веселыхъ,
Они съ полей идутъ назадъ.
Но что за звукъ цѣпей тяжелыхъ?
Зачѣмъ печаль сихъ пастуховъ?
Увы! то плѣнники младые!
Утративъ годы золотые,
Въ пустынѣ горъ, въ глуши лѣсовъ,
Близъ Терека пасутъ уныло
Черкесовъ тучныя стада,
Воспоминая то, что было,
И что не будетъ никогда!
Какъ счастье тщетно ихъ ласкало,
Какъ оставляло наконецъ,
И какъ оно мечтаньемъ стало...
И нѣтъ къ нимъ жалостныхъ сердецъ!
Они въ цѣпяхъ, они рабами!
Сливалось все, какъ въ мутномъ снѣ.
Души не чувствуя, они
Ужъ видятъ гробъ передъ очами.
Несчастные! въ чужомъ краю!
Исчезли сердца упованья!
Въ однихъ слезахъ, въ одномъ страданьи
Отраду зрятъ они свою.
. . . .

V.

...Идутъ домой. Лай вѣрныхъ псовъ
Не раздавался вкругъ аула,

Природа шумная уснула;
Лишь слышенъ дѣвъ издалека
Напѣвъ унылый. Вторятъ горы,
И нѣженъ онъ, какъ птичекъ хоры,
Какъ шумъ привѣтный ручейка:

ПѢСНЯ.

Ка́къ сильной грозою
Сосну вдругъ согнетъ,
Пронзенный стрѣлою
Ка́къ левъ зареветъ:
Такъ русскій средь бою
Предъ нашимъ падетъ,
И смѣлой рукою
Чеченецъ возьметъ
Броню золотую
И саблю стальную,
И въ горы уйдетъ.

Ни конь, оживленный
Военной трубой,
Ни варваръ, смятенный
Внезапной борьбой,
Страшнѣй не трепещетъ,
Когда вдругъ заблещетъ
Кинжалъ роковой.

Внимали плѣнники уныло
Печальной пѣсни сей для нихъ,
И сердце въ грусти страшно ныло...
Ведутъ черкесы къ саклѣ ихъ
И, привязавши у забора,
Ушли. Межъ нихъ огонь трещитъ;
Но не смыкаетъ сонъ ихъ взора,
Не могутъ горесть дня забыть...

ИЗЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

XVIII.

Однажды, погрузясь въ мечтанье,
Сидѣлъ онъ позднею порой.
На темномъ сводѣ, безъ сіянья,
Безцвѣтный мѣсяцъ молодой
Стоялъ, и лучъ дрожащій, блѣдный,
Лежалъ на зелени холмовъ;
И тѣни шаткія деревъ,
Какъ призраки, на крышѣ бѣдной
Черкесской сакли прилегли.
Въ ней огонекъ уже зажгли;
Краснѣя онъ въ лампадѣ мѣдной,
Чуть освѣщалъ большой заборъ...
Все спитъ: холмы, рѣка и боръ.

XIX.

Но кто въ ночной тѣни мелькаетъ?
Кто легкой тѣнью межъ кустовъ
Подходитъ ближе, чуть ступаетъ,
Все ближе, ближе, черезъ ровъ
Идетъ бредучею стопою?...
Вдругъ видитъ онъ передъ собою:
Съ улыбкой жалости нѣмой
Стоитъ черкешенка младая!
Даетъ заботливой рукой
Хлѣбъ и кумысъ прохладный свой,
Предъ нимъ колѣни преклоняя.
И взоръ ея изобразилъ
Души порывъ какъ бы смятенный;
Но пищу принялъ русскій плѣнный
И знакомъ ей благодарилъ...

XXI.

Четверту ночь къ нему ходила
Она, и пищу приносила,
Но плѣнникъ часто все молчалъ,
Словамъ печальнымъ не внималъ...
. . . .

XXV.

...Покрылись пеленой сребристой
Холмы, лѣса и лугъ съ рѣкой...
Но кто печальною стопой
Идетъ одинъ тропой гористой?
Она... съ кинжаломъ и пилой...
. . . .

XXVI.

«Ахъ, русскій, русскій! что съ тобою?
Почто ты съ жалостью нѣмою
Печаленъ, хладенъ, молчаливъ
На мой отчаянный призывъ?
Еще имѣешь въ свѣтѣ друга,
Еще невѣсты не терялъ...
Готова я часы досуга
Съ тобой дѣлить; но ты сказалъ,
Что любишь, русскій, ты другую?
Ея бѣжитъ за мною тѣнь,
И вотъ о чемъ и ночь и день
Я плачу, вотъ о чемъ тоскую!...
Забудь ее! готова я
Съ тобой бѣжать на край вселенной!
. . . .»

XXVII.

Тутъ вдругъ поднялся онъ. Блеснули
Его прелестные глаза

И слезы крупныя мелькнули
На нихъ, какъ свѣтлая роса...
«Ахъ, нѣтъ! оставь восторгъ свой нѣжной
Спасти меня не льсти надеждой;
Мнѣ будетъ гробомъ эта степь!
Не на останкахъ славныхъ бранныхъ,
Но на костяхъ моихъ изгнанныхъ
Заржавитъ тягостная цѣпь!»
Онъ замолчалъ. Она рыдала,
Но ободрилась, тихо встала,
Взяла пилу одной рукой;
Кинжалъ другою подавала.
И вотъ подъ острою пилой
Скрипитъ желѣзо; распадаетъ,
Блистая, цѣпь и чуть звенитъ.
Она его приподнимаетъ,
И такъ, рыдая, говоритъ:

XXVIII.

«Да!... плѣнникъ... ты меня забудешь...
Прости!... прости же... навсегда;
Прости навѣкъ!... Какъ счастливъ будешь...
Ахъ!... вспомни обо мнѣ тогда...
Тогда... быть можетъ, ужъ могилой
Желанной скрыта буду я;
Быть можетъ... скажешь ты уныло:
Она любила и меня!...»
И дѣвы блѣдныя ланиты,
Почти потухшіе глаза,
Смущенный ликъ, тоской убитый,
Не освѣжитъ одна слеза!
И только рвутся вопли муки
Она беретъ его за руки
И въ поле темное спѣшитъ,
Гдѣ чрезъ утесы путь лежитъ.

XXIX.

Идутъ, идутъ, остановились;
Вздохнувъ назадъ оборотились;
Но роковой ударилъ часъ...
Раздался выстрѣлъ—и какъ разъ
Мой плѣнникъ падаетъ... Не муку,
Но смерть изображаетъ взоръ;
Кладетъ на сердце тихо руку...
Такъ медленно по скату горъ,
На солнцѣ искрами блистая,
Спадаетъ глыба снѣговая.
Какъ вмѣстѣ съ нимъ поражена
Безъ чувства падаетъ она:
Какъ будто пуля роковая
Однимъ ударомъ въ одинъ мигъ
Обоихъ вдругъ сразила ихъ.
. . . .

XXX.

Но очи русскаго смыкаетъ,
Ужъ смерть холодною рукой.
Онъ вздохъ послѣдній испускаетъ...

XXXI.

Межъ тѣмъ черкесъ, съ улыбкой злобной,
Выходитъ изъ глуши деревъ,
И волку хищному подобный,
Бросаетъ взоръ... стоитъ... безъ словъ,
Ногою гордой попираетъ
Убитаго. . . . .
. . . .

XXXII.

Но вотъ она очнулась вдругъ,
И ищетъ плѣнника очами...

Черкешенка! гдѣ, гдѣ твой другъ?
Его ужъ нѣтъ. Она слезами
Не можетъ ужасъ выражать,
Не можетъ крови омывать
И взоръ ея, какъ бы безумной,
Порывъ любви изобразилъ;
Она страдала. Вѣтеръ шумной,
Свистя, покровъ ея клубилъ...
Встаетъ... и скорыми шагами
Пошла съ потупленной главой
Черезъ поляну—за холмами
Сокрылась вдругъ въ тѣни ночной.

XXXIII.

Она ужъ къ терему подходитъ
Увы! зачѣмъ, зачѣмъ она
Такъ робко взоромъ вкругъ обводитъ
Ужасной грустію полна?
И долго на бѣгущи волны
Она глядитъ, и взоръ безмолвный
Блеститъ звѣздой въ полночной тьмѣ.
Она на каменной скалѣ—
«О русскій, русскій!» восклицаетъ...
Плеснули волны при лунѣ,
О берегъ брызнули онѣ!...
И дѣва съ шумомъ исчезаетъ.
Покровъ лишь бѣлый выплываетъ,
Несется по глухимъ волнамъ—
Остатокъ грустный и печальный,
Плыветъ какъ саванъ погребальный,
И скрылся къ каменнымъ скаламъ...

XXXV.

. . . .
Отецъ, убійца ты ее:

Гдѣ упованіе твое?
Терзайся вѣкъ! живи уныло!
Ея ужъ нѣтъ. И за тобой
Повсюду призракъ роковой.
Кто гробъ ея тебѣ укажетъ?
Бѣги, ищи ее вездѣ...
«Гдѣ дочь моя?» и отзывъ скажетъ:
«Гдѣ?»

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ:

КОРСАРЪ.

ИЗЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Друзья, взгляните на меня!
Я блѣденъ, худъ, потухла радость
Въ очахъ моихъ, какъ блескъ огня.
Моя давно увяла младость;
Давно, давно нѣтъ ясныхъ дней,
Давно нѣтъ даже упованья!
Исчезло все! одни страданья
Еще живутъ въ душѣ моей.
Я не видалъ своихъ родимыхъ,
Чужой семьей воскормленъ я.
Одинъ лишь братъ былъ у меня,
Предметъ всѣхъ радостей любимыхъ.
Его я старѣ годомъ былъ,
Но онъ равно меня любилъ;
Равно мы слезы проливали,
Когда все спитъ во тьмѣ ночной;
Равно мы горе повѣряли
Другъ другу жаркою душой...
. . . .
Мой умеръ братъ! передъ очами

Еще теперь тотъ страшный часъ,
Когда въ ногахъ его съ слезами
Сидѣлъ. . . . .
. . . .

Не могъ съ улыбкою смиренья
Съ тѣхъ поръ я все переносить:
Насмѣшки гордости, презрѣнья...
Я могъ лишь пламеннѣй любить...
Самимъ собою недоволенъ,
Желая быть спокоенъ, воленъ,
Я часто по лѣсамъ бродилъ,
И только тамъ душою жилъ...
. . . .

Возненавидя шумный свѣтъ,
Узнавъ невѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ людей нашедъ измѣну,
Утративъ жизни лучшій цвѣтъ,
Ожесточился я—угрюмой
Душа моя смутилась думой...
. . . .

Я въ Грецію идти хотѣлъ,
Чтобъ турокъ сабля роковая
Пресѣкла горестный удѣлъ.
. . . .

«Прости, отчизна золотая!»
Сказалъ: «быть можетъ, въ этотъ разъ
Съ тобой навѣки мнѣ проститься;
Но этотъ мигъ, но этотъ часъ
Надолго въ сердцѣ сохранится!»
. . . .

ИЗЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Гдѣ Геллеспонтъ сѣдой, широкій,
Плеская вѳлнами, шумитъ,
Покрытый лѣсомъ, одинокій

Аѳосъ задумчивый стоитъ.
Вѣнчанный грозными скалами,
Какъ неприступными стѣнами
Онъ окруженъ. Ни быстрыхъ волнъ,
Ни свиста вѣтровъ не боится.
Бѣда тому, чей бренный челнъ
Порывомъ ихъ къ нему домчится.
Его высокое чело
Травой и мохомъ заросло.
Между стремнинъ, между кустами,
Изрѣзанъ узкими тропами,
Съ востока рядъ зубчатыхъ горъ
Къ подошвѣ тянется Аѳоса,
И башни гордыя Летоса
Встрѣчаетъ удивленный взоръ.
Порою корабли водами
На быстрыхъ, бѣлыхъ парусахъ
Летали между островами
Какъ бы на лебедя крылахъ.
Воспоминанье здѣсь одною
Прошедшей жизнію живетъ...
Вотъ цареградскій путь идетъ
Чрезъ поле черной полосою...
. . . .
Кустарникъ дикій въ отдаленьи
Терялся межъ угрюмыхъ скалъ—
Межъ скалъ, гдѣ въ счастьи, упоеньи
Фракіецъ храбрый пировалъ.
Теперь все пусто. Воспоминанье
Почти изгладилъ токъ временъ
И этотъ край обремененъ
Подъ игомъ варваровъ. Страданье
Осталось только въ той странѣ,
Гдѣ прежде греки воспѣвали
Ихъ храбрость, вольность; но они

Той страшной участи не знали.
И дышетъ все здѣсь стариной,
Минувшей славой и войной.
Когда жъ народъ ожесточенный
Хватался вдругъ за мечъ военный—
Въ пещерѣ темной, у скалы,
Какъ будто горные орлы,
Бывало, греки въ ночь глухую
Сбирали шайку удалую,
Чтобы на турокъ нападать,
Плѣнить, рубить, въ моряхъ летать—
И часто барка въ тьмѣ у брега
Была готова для побѣга
Отъ непріятельскихъ полковъ;
Не страшенъ былъ имъ плескъ валовъ
И въ той пещерѣ отдыхая,
Какъ часто ночью я сидѣлъ,
Воспоминая и мечтая,
Кляня жестокій свой удѣлъ.
И что-то новое пылало
Въ душѣ неопытной моей,
И сердце юное мечтало
О легкомъ вихрѣ прежнихъ дней.
Желалъ я быть въ бояхъ жестокихъ,
Желалъ я плыть въ моряхъ широкихъ
(Любить—кого, не находилъ).
Друзья мои, я молодъ былъ!...
. . . .

ПРЕСТУПНИКЪ.

«Скажи намъ, атаманъ честной,
Какъ жилъ ты въ сторонѣ родной?
Чай, прежній жаръ въ тебѣ и нынѣ
Не остываетъ отъ годовъ?
Здѣсь, подъ дубочкомъ, ты въ пустынѣ

Потѣшишь добрыхъ молодцовъ!»
— Отецъ мой, вѣкъ свой доживая,
Былъ на второй женѣ женатъ;
Она—красотка молодая,
Онъ былъ и знатенъ и богатъ...
Перетерпѣвши лѣтъ удары,
Когда захочетъ соколъ старый
Подругу молодую взять—
Такъ онъ не думаетъ, не чуетъ,
Что послѣ будетъ проклинать.
Онъ все голубитъ, все милуетъ;
Къ нему ласкается она,
Его хранитъ въ минуту сна;
Но вдругъ увидѣла другаго,
Не стараго, а молодаго—
Лишь первая приходитъ ночь,
Она, безъ всякаго зазрѣнья,
Клевкомъ лишитъ супруга зрѣнья,
И отъ гнѣзда помчится прочь...
. . . . *
Пиры веселья забывая,
И златоструйное вино,
И домъ, гдѣ, чашу наполняя,
Палило кровь мою оно,
Какъ часто я чело покоилъ
Въ колѣняхъ мачихи моей,
И съ нею вмѣстѣ козни строилъ
Противъ отца, среди ночей...
Ея пронзительныхъ лобзаній
Огонь впивалъ я въ грудь свою.
Я помню ночь страстей, желаній
Мольбы, угрозъ и заклинаній,

* Точки, какъ и въ другомъ мѣстѣ этого стихотворенія—всѣ въ рукописи.

Но слезы злобы только лью!...
Богъ вѣсть: меня она любила,
Иль это былъ притворный жаръ,
И мысль печально утаила,
Чтобы вѣрнѣй свершить ударъ;
Иль мнила, что она любима,
Порочной страстію дыша?
Кто знаетъ! Женская душа
Какъ океанъ неизслѣдима!
  И дни летѣли. Часъ насталъ!
Ужъ грѣховодникъ въ дни младые,
Я какъ предъ казнію дрожалъ...
Гремятъ проклятья роковыя;
Я принужденъ, какъ нѣкій тать,
Изъ дому отчаго бѣжать.
О, сколько мукъ! Потеря чести!
Любовь, и стыдъ, и нищета!
Вражда непримиримой мести,
И гнѣвъ отца! За ворота
Бѣжалъ я, сирый, одинокій,
И обратившись, бросилъ взоръ,
Съ проклятіемъ, на домъ высокій,
На тотъ пустой, унылый дворъ,
На прудъ заглохшій, садъ широкій!...
Въ безумьи мрачномъ и нѣмомъ
Желалъ, чтобъ сжегъ небесный громъ
И столъ, за коимъ я съ друзьями
Пилъ чашу радости и нѣгъ,
И рѣчки безыменной брегъ,
Всегда покрытый табунами,
Гдѣ принялъ онъ ударъ свинца,
И возвышонныя стремнины,
И тѣ коварныя сѣдины,
Неумолимаго отца;
И очи, очи неземныя...

И грудь и плечи молодыя,
И сладость тайную отрадъ,
И устъ неизлечимый ядъ;
И ту зеленую аллею,
Гдѣ я въ лобзаньяхъ утопалъ,
И ложе то, гдѣ я—и съ нею,
И съ этой мачихой лежалъ!
Въ лѣсахъ, изгнанникъ своевольный;
Двумя жидами принятъ я:
Одинъ—властями недовольный
Купецъ, обманщикъ и судья;
Другой служитель Аарона,
Ревнитель древняго закона,
Алмазы прежде продавалъ,
Какъ я, изгнанникъ, бѣденъ сталъ;
Какъ я, искалъ по міру счастья,
Бродяга пасмурный, скупой
На деньги, на ударъ; лихой
На поцѣлуи сладострастья;
Но скрытенъ, недовѣрчивъ, глухъ
Для всякихъ просьбъ, какъ адскій духъ!...
Придетъ ли ночь и мракъ печальный—
Идемъ къ дорогѣ столбовой;
Тамъ изъ страны проѣзжій дальной
Летитъ на тройкѣ почтовой:
Раздался выстрѣлъ. Съ быстротой
Свинецъ промчался непомѣрной;
Ударъ губительный и вѣрной!...
Съ обезображеннымъ лицомъ
Упалъ ямщикъ! Помчались кони!
И рѣдко лишь ударъ погони
Ихъ не застигнетъ за лѣскомъ.
Разъ—подозрительна, блѣдна
Катилась на небѣ луна.
Вблизи дороги, передъ нами

Лежалъ застрѣленный пришлецъ.
О, какъ ужасенъ былъ мертвецъ,
Съ окровавленными глазами!
Смотрю... лицо знакомо мнѣ...
Кого жъ при трепетной лунѣ
Я узнаю... великій Боже!
Я узнаю его... кого же?
Кто сей погубленный пришлецъ?
Кому же роется могила?
На чьихъ сѣдинахъ кровь застыла?
О!... други!... Это мой отецъ!...
Я ослабѣлъ, упалъ на землю;
Когда жъ потомъ очнулся, внемлю:
Стучатъ... жидовскій разговоръ...
Гляжу, сырой еще бугоръ...
Надъ нимъ лежитъ топоръ съ лопатой,
И конь привязанъ подъ дубкомъ,
И два жида считаютъ злато
Передъ разложеннымъ костромъ!...
. . . .
. . . .

Промчались дни, на дно рѣчное
Одинъ товарищъ мой нырнулъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ утонулъ,
Пошло житье-бытье плохое:
Пріему не было въ корчмахъ
Жить было негдѣ, отовсюду
Гоняли наглаго Іуду.
Въ далекихъ дебряхъ и лѣсахъ
Мы укрывалися. Безъ страха
Не могъ я спать, мечтались мнѣ
Остроги, пытки въ черномъ снѣ,
То петля гладкая, то плаха!...
Исчезли средства прокормленья.
Одно осталось! зажигать

Дома господскіе, селенья
И въ суматохѣ пировать.
Среди снѣдающихъ пожаровъ
И домъ родимый запылалъ;
Я весь горѣлъ и трепеталъ,
Какъ въ шумѣ громовыхъ ударовъ!
Вдругъ вижу: раздраженный жидъ
Младую женщину тащитъ.
Ея ланиты обгорѣли
И шолкъ каштановыхъ волосъ;
И очи полны, полны слезъ
На похитителя смотрѣли.
Я не слыхалъ его угрозъ,
Я не слыхалъ ея моленій;
И ужъ въ груди ея торчалъ
Кинжалъ, друзья мои, кинжалъ!...
Увы! дрожатъ ея колѣни,
Она блѣднѣе стала тѣни,
И перси кровью облились,
И недосказанныя пѣни
Съ устъ посинѣлыхъ пронеслись.
Пришло Іудѣ наказанье:
Онъ въ ту же самую весну,
Повѣшенъ мною на сосну,
На пищу вранамъ. Состраданья
Послѣдній годъ меня лишилъ.
Когда жъ я снова посѣтилъ
Родныя, мрачныя стремнины,
Лѣса и рѣчки и долины,
Столь крѣпко вѣдомыя мнѣ:
То я увидѣлъ на соснѣ
Виситъ скелетъ полуистлѣвшій,
Изъ глазъ посыпался песокъ,
И коршунъ, тутъ же отлетѣвшій,
Тащилъ руки его кусокъ...

*

Бѣгутъ года, умчалась младость,
Остыли чувства, сердца радость
Прошла. Молчитъ въ груди моей
Порывъ болѣзненныхъ страстей.
Одни холодные остатки,
Несчастной жизни отпечатки:
Любовь къ свободѣ золотой,
Мнѣ сохранилъ мой жребій чудный.
Старикъ преступный, безразсудный,
Я всѣмъ далекъ, я всѣмъ чужой.
Но жаръ подавленный очнется,
Когда за волюшку мою,
Въ кругу удалыхъ, приведется,
Что чашу полную налью.
Поминки юности забвенной
Прославлю я, и шумъ крамолъ—
И ножъ мой, ножъ окровавленный
Воткну, смѣясь, въ дубовый столъ!...

ПИРЪ.

(КЪ САБУРОВУ).

Приди ко мнѣ, любезный другъ,
Подъ тѣнь черемухъ и акацій
Чтобъ раздѣлить святой досугъ
Въ объятьяхъ мира, музъ и грацій.
Не мясо тучнаго тельца,
Не фрукты Греціи счастливой
Увидишь ты; не медъ, не пиво
Блеснутъ въ стаканѣ пришлеца!
Но за столомъ любимца Феба
Пируетъ дружба и она;

А снѣдь—кусокъ прекрасный хлѣба
И рюмка краснаго вина.

ЦѢВНИЦА.

На склонѣ водъ, близъ горъ, прохожій, зрѣлъ ли ты
Бесѣдку тайную, гдѣ грустныя мечты
Сидятъ задумавшись? Надъ ними сводъ акацій:
Тамъ нѣкогда стоялъ алтарь и музъ и грацій;
И кустъ прелестныхъ розъ, взлелѣянныхъ весной,
Тамъ нѣкогда кругомъ черемухи млечной
Струилъ свой ароматъ; шумя съ прибрежной ивой
Шутилъ подчасъ зефиръ и нѣжный и игривой;
Тамъ нѣкогда моя послѣдняя любовь
Питала сердце мнѣ и волновала кровь!...
Сокрылось все теперь, какъ поутру туманы
Отъ солнечныхъ лучей рѣдѣютъ средь поляны.
Исчезло все теперь! но ты осталась мнѣ,
Утѣха страждущихъ, спасенье въ тишинѣ,
О милое, души святое вспоминанье!
Тебѣ жъ, о мирный кровъ, тѣхъ дней, когда страданье
Не вѣдало меня, я сохранилъ залогъ,
Который умертвить не можетъ грозный рокъ—
Мое веселіе, ужъ взятое гробницей,
И ржавый предковъ мечъ съ задумчивой цѣвницей.

1829.

ПОРТРЕТЪ.

Онъ не красивъ, онъ не высокъ,
Но взоръ горитъ, любовь сулитъ;
И на челѣ оставилъ рокъ,
Средь юныхъ дней, печать страстей.
Власы на немъ, какъ смоль, черны;
Блѣдны всегда его уста;
Открыты ль, сомкнуты ль они,
Ліютъ безъ словъ языкъ боговъ!...
И пылокъ онъ, когда надъ нимъ
Грозитъ бѣдой перунъ земной!
Не любитъ онъ и славы дымъ;
Средь тайныхъ мукъ, свободы другъ,
Смѣется рѣдко; чаще—вновь
Клянетъ онъ міръ, гдѣ вѣчно сиръ,
Коварность, зависть и любовь.
Все проклялъ онъ, какъ лживый сонъ,
Какъ призракъ дымныя мечты.
Холодный умъ, средь мрачныхъ думъ,
Не тронутъ слезы красоты.
Вездѣ одинъ, природы сынъ,
Не зналъ онъ друга межъ людей;
Такъ бури токъ сухой листокъ
Мчитъ жертвой посреди степей!...

КЪ ГЕНІЮ.

Когда во тьмѣ ночей мой, не смыкаясь, взоръ
Безъ цѣли бродитъ вкругъ; прошедшихъ дней укоръ
Когда зоветъ меня, невольно, къ вспоминанью:
Какому тяжкому я предаюсь мечтанью!...

О, сколько вдругъ толпой тѣснится въ грудь мою
И тѣней, и любви свидѣтелей!... «Люблю!»
Твержу, забывшись, имъ. Но, полный весь тоскою,
Невѣрной дѣвы ликъ мелькаетъ предо мною...
Такъ, счастье вѣдалъ я—и сладкій мигъ исчезъ,
Какъ гаснетъ блескъ звѣзды падучей средь небесъ!
Но я тебя молю, мой неизмѣнный геній:
Дай разъ еще любить! дай жаромъ вдохновеній
Согрѣться мигъ одинъ, послѣдній, и тогда
Пускай остынетъ пылъ сердечный навсегда...
Но прежде тамъ, гдѣ вы, души моей царицы,
Промчится звукъ моей задумчивой цѣвницы.
Молю тебя, молю, хранитель мой святой,
Надъ яблоней мой тирсъ и съ лирой золотой
Повѣсь и начерти: здѣсь жили вдохновенья!
Пѣвецъ знавалъ любви живыя упоенья!...
. . . И я приду сюда, и не узнаю васъ,
О, струны звонкія!. . . . .
. . . . *
Но ты забыла, другъ, когда порой ночной
Мы на балконѣ тамъ сидѣли. Какъ нѣмой,
Смотрѣлъ я на тебя съ обычною печалью.
Не помнишь ты тотъ мигъ, какъ я, подъ длинной шалью
Сокрывши, голову на грудь твою склонялъ—
И былъ отвѣтомъ вздохъ, твою я руку жалъ—
И былъ отвѣтомъ взглядъ и страстный и стыдливый!
И мѣсяцъ былъ одинъ свидѣтель молчаливый
Послѣднихъ и невинныхъ радостей моихъ!
Ихъ пламень на груди моей давно затихъ!...
Но, милая, за чѣмъ, какъ годъ прошелъ разлуки,
Какъ я почти забылъ и радости и муки,
Желаешь ты опять привлечь меня къ себѣ...
Забудь любовь мою! покорна будь судьбѣ!

* Точки въ рукописи.

Кляни мой взоръ, кляни моихъ восторговъ сладость!...
Забудь!... Пускай другой твою украситъ младость!
Ты жъ, чистый житель тѣхъ неизмѣримыхъ странъ,
Гдѣ стелется эѳиръ, какъ вѣчный океанъ,
И совѣсть чистая съ безпечностью драгою,
Хранители души, останьтесь ввѣкъ со мною!
И будетъ мнѣ луны любезенъ томный свѣтъ,
Какъ смутный памятникъ прошедшихъ милыхъ лѣтъ!...

ПИСЬМО.

Свѣча горитъ! дрожащею рукою
Я окончалъ завѣтныя черты;
Болѣзнь и Парка мчались надо мною,
И много въ грудь тѣснилося. И ты
Напрасно чашу мнѣ несла здоровья
(Такъ чудилось), съ веселіемъ въ глазахъ,
Напрасно стала здѣсь у изголовья,
И поцѣлуй любви горѣлъ въ устахъ...
Прости навѣкъ! Но вотъ одно желанье:
Приди ко мнѣ, приди въ послѣдній разъ,
Чтобъ усладить предсмертное страданье,
Чтобъ потушить огонь сомкнутыхъ глазъ,
Чтобъ сжать мою хладѣющую руку...
Далеко ты! не слышишь голосъ мой!
Не при тебѣ узнаю смерти муку,
Не при тебѣ оставлю міръ земной!
Когда жъ письмо въ очахъ твоихъ печальныхъ
Откроется... прочтешь его... тогда,
Быть можетъ, я при пѣсняхъ погребальныхъ
Сойду въ мой домъ подземный навсегда!...
Но ты не плачь, мы ближе другъ отъ друга,
Мой духъ всегда готовъ къ тебѣ летать,
Или въ часы безпечнаго досуга

Сокрыты прелести твои лобзать.
Настанетъ ночь, пріѣдешь изъ собранья
И къ ложу тайному придешь одна;
Посмотришь въ зеркало, и паръ дыханья
Почувствуешь, и не увидишь сна,
И пыхнетъ огнь на дѣвственны ланиты,
Къ груди младой прильнетъ безвѣстный духъ,
И надъ главой мелькнетъ призракъ забытый,
И звукъ влетитъ въ твой удивленный слухъ.
Узнай въ тотъ мигъ, что это я изъ гроба
На мрачное свиданье прилетѣлъ:
Такъ! душная земли нѣмой утроба
Не всѣхъ тѣней презрительный удѣлъ!
Когда жъ въ саняхъ, въ блистательномъ катаньи,
Проѣдешь ты на парѣ вороныхъ:
И за тобой въ любви живомъ страданьи
Стоитъ гусаръ безмолвенъ, мраченъ, тихъ;
И по груди обоихъ васъ промчится
Невольный хладъ, и сердце закипитъ,
И ты вздохнешь, гусара взоръ затмится,
Онъ черный усъ рукою закрутитъ;
Услышишь звукъ военнаго металла,
Увидишь блѣдный цвѣтъ его чела:
То тѣнь моя безумная предстала
И мертвый взоръ на путь вашъ навела!...
Ахъ! много, много я сказать желаю;
Но медленно слабѣетъ жизни духъ,
И чувствую, что къ смерти подступаю,
И падаетъ перо изъ слабыхъ рукъ...
Прости!... Я бѣгалъ за лучами славы,
Несчастливо, но пламенно любилъ,
Все измѣнило мнѣ, вездѣ отравы,
Лишь лиры звукъ мнѣ неизмѣненъ былъ!...

РУССКАЯ МЕЛОДІЯ.

1.

Въ умѣ своемъ я создалъ міръ иной,
И образовъ иныхъ существованье,
И цѣпью ихъ связалъ между собой;
Я далъ имъ видъ, но не далъ имъ названья;
Вдругъ зимнихъ бурь раздался грозный вой,
И рушилось невѣрное созданье!...

2.

Такъ передъ праздною толпой,
И съ балалайкою народной,
Сидитъ въ тѣни пѣвецъ простой,
И безкорыстный и свободный!...

3.

Онъ громкій звукъ внезапно раздаетъ,
Въ честь дѣвы милой сердцу и прекрасной—
И звукъ внезапно струны оборветъ,
И слышится начало пѣсни, но напрасно...
Никто конца ея не допоетъ!...

КЪ А. С.

Не привлекай меня красой!
Мой духъ погасъ и состарѣлся.
Ахъ! много лѣтъ, какъ взглядъ другой
Въ умѣ моемъ напечатлѣлся!...
Я для него забылъ весь міръ,
Для сей минуты незабвенной!...
Но я теперь, какъ нищій, сиръ;
Брожу одинъ, какъ отчужденный!
Такъ путникъ въ темнотѣ ночной,
Когда узритъ огонь блудящій,

Бѣжитъ за нимъ... схватилъ рукой...
И пропасть подъ ногой скользящей!...

ТРИ ВѢДЬМЫ.

(ИЗЪ МАКБЕТА, ФР. ШИЛЛЕРА).

ПЕРВАЯ.

Попался мнѣ одинъ рыбакъ:
Чинилъ онъ, веселъ, сѣти;
Какъ будто въ рубищѣ бѣднякъ
Имѣлъ златыя горы!
И съ пѣснью день и ночи мракъ
Встрѣчалъ безпечный мой рыбакъ...
Я жъ поклялась ему давно,
Что сердитъ все меня одно...
Однажды рыбу онъ ловилъ
И кладъ ему попался;
Кладъ блескомъ очи ослѣпилъ—
Ядъ черный въ немъ скрывался.
Онъ взялъ его къ себѣ на дворъ:
И пѣсенъ не было съ тѣхъ поръ!

ДРУГІЯ ДВѢ.

Онъ взялъ врага къ себѣ на дворъ:
И пѣсенъ не было съ тѣхъ поръ!

ПЕРВАЯ.

И вотъ, гдѣ онъ—тамъ пиръ горой,
Толпа увеселеній!
И прочь, какъ съ крыльями, покой
Быстрѣй умчался тѣни...
Не зналъ безумецъ молодой,
Что деньги вѣдьмы—прахъ пустой!

ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ.

Не зналъ глупецъ средь тѣхъ минутъ,
Что наши деньги въ адъ ведутъ!

ПЕРВАЯ.

Но бѣдность скоро вновь бѣжитъ;
Друзья исчезли ложны;
Онъ прибѣгалъ, чтобъ скрыть свой стыдъ,
Къ врагу людей, безбожный!
И на дорогѣ ужъ большой
Творилъ убійство и разбой...
Я нынѣ близъ рѣки иду
Свободною минутой—
Тамъ онъ сидѣлъ на берегу,
Терзаясь мукой лютой.
Онъ говорилъ: «мнѣ жизнь пуста!
Вы, отвращеній полны,
Блаженство, злато!... все мечта!...»
И забѣлѣли волны...

КЪ НИНѢ.

(ИЗЪ ШИЛЛЕРА).

Ахъ! сокрылась въ мракъ ненастный
Счастья скромнаго мечта!...
На одной звѣздѣ прекрасной
Млѣю, бѣдный сирота...
Но, какъ блескъ звѣзды моей,
Ложно счастье прежнихъ дней.
Пусть навѣкъ—съ златымъ мечтаньемъ—
Пусть навѣкъ глаза закрыть...
Сохраню тебя страданьемъ:
Ты для сердца будешь жить.
Но, увы! ты любишь свѣтъ—
И любви моей какъ нѣтъ!
Можетъ ли любви страданье,
Нина, нѣкогда пройти?
Бури свѣта, волнованье

Чувствъ горячихъ унести?
Иль умретъ небесный жаръ,
Какъ земли ничтожный даръ?...

ЭПИГРАММЫ.

1.

Поэтомъ (хоть и это бремя)
Изъ журналистовъ быть тебѣ не суждено:
Ругать и льстить, и лгать въ одно и то же время—
Признаться—очень мудрено!...

2.

Стыдить лжеца, шутить надъ дуракомъ
И спорить съ женщиной—все тоже,
Что черпать воду рѣшетомъ:
Отъ сихъ троихъ избавь насъ Боже!

КЪ ГРУЗИНОВУ.

Скажу, любезный мой пріятель,
Ты для меня такой смѣшной,
Ты музъ прилежный обожатель—
Имъ даже жертвуешь собой!...
Напрасно, милый другъ! коварныхъ
Къ себѣ не приманишь никакъ:
Вѣдь музы—женщины... итакъ,
Кто жъ видѣлъ женщинъ благодарныхъ?

ПАНЪ.

(въ древнемъ родѣ).

Люблю, друзья, когда за рѣчкой гаснетъ день,
Укрывшися лѣсовъ въ таинственную сѣнь,

Или подъ вѣтвями пустынныя рябины,
Смотрѣть на синія, туманныя равнины.
Тогда приходитъ панъ съ толпою пастуховъ
И пляшутъ вкругъ меня на бархатѣ луговъ.
Но чаще богъ овецъ ко мнѣ въ уединенье
Является, ведя святое вдохновенье:
Главу рогатую ласкаетъ легкій хмѣль,
Въ одной рукѣ его—стаканъ, въ другой—свирѣль.
Онъ учитъ пѣть меня, а я въ тиши дубравы
Играю и пою, не зная жажды славы.

ЖАЛОБА ТУРКА.

Ты зналъ ли дикій край, подъ знойными лучами
Гдѣ рощи и луга поблекшіе цвѣтутъ,
Гдѣ хитрость и безпечность злобѣ дань несутъ,
Гдѣ сердце жителей волнуемо страстями,
    И гдѣ являются порой
Умы и хладные и твердые, какъ камень,
Но мощь ихъ давится безвременной тоской
И рано гаснетъ въ нихъ добра спокойный пламень.
Тамъ рано жизнь тяжка бываетъ для людей,
Тамъ за успѣхами несется укоризна,
Тамъ стонетъ человѣкъ отъ рабства и цѣпей!...
    Другъ! этотъ край—моя отчизна!...

ДВА СОКОЛА.

Степь, синѣя, разстилалась
Близъ азовскихъ береговъ;
Западъ гасъ и ночь спускалась;
Вихрь скользилъ между холмовъ.
И, тряхнувшись, въ полѣ дикомъ
Сѣрый соколъ тихо сѣлъ;

И къ нему съ отвѣтнымъ крикомъ
Братъ стрѣлою прилетѣлъ.
«Братецъ, братецъ, что ты видѣлъ?
Разскажи мнѣ поскорѣй!»
— Ахъ! я свѣтъ возненавидѣлъ
И безжалостныхъ людей.
«Что жъ ты видѣлъ тамъ худова?»
— Кучу каменныхъ сердецъ:
Дѣвѣ—смѣхъ тоска милова,
Для дѣтей—тиранъ отецъ.
Дѣвы мукой слезъ правдивыхъ
Веселятся, какъ игрой,
И у ногъ самолюбивыхъ
Гибнутъ юноши толпой!...
Братецъ, братецъ, ты что жъ видѣлъ?
Разскажи мнѣ поскорѣй.
«Свѣтъ и я возненавидѣлъ
И измѣнчивыхъ людей.
Ношею обмановъ скрытыхъ
Юность тамъ удручена,
Воспоминаній ядовитыхъ
Старость мрачная полна.
Гордость, вѣрь ты мнѣ, прекрасной
Забывается порой;
Но измѣна дѣвы страстной—
Ножъ для сердца вѣковой!...»

ГРУЗИНСКАЯ ПѢСНЯ.

Жила грузинка молодая,
Въ гаремѣ душномъ увядая;
Случилось разъ,
Изъ черныхъ глазъ
Алмазъ любви, печали сынъ,
Скатился.

Ахъ! ею старый армянинъ
Гордился!
Вокругъ нея кристаллъ, рубины,
Но какъ не плакать отъ кручины
У старика?
Его рука
Ласкаетъ дѣву всякій день...

МОЙ ДЕМОНЪ.

Собранье золъ—его стихія.
Носясь межъ дымныхъ облаковъ,
Онъ любитъ бури роковыя
И пѣну рѣкъ, и шумъ дубровъ.
Межъ листьевъ желтыхъ, облетѣвшихъ,
Стоитъ его недвижный тронъ;
На немъ, средь вѣтровъ онѣмѣвшихъ,
Сидитъ унылъ и мраченъ онъ...
Онъ недовѣрчивость вселяетъ,
Онъ презрѣлъ чистую любовь.
Онъ всѣ моленья отвергаетъ,
Онъ равнодушно видитъ кровь;
И звукъ высокихъ ощущеній
Онъ давитъ голосомъ страстей,
И муза кроткихъ вдохновеній
Страшится неземныхъ очей.

КЪ ДРУГУ.

(ОТРЫВОКЪ).

Стремится медленно толпа людей,
До гроба самаго отъ самой колыбели

Игралищемъ и рока и страстей,
Къ одной святой, неизъяснимой цѣли.
И я къ высокому, въ порывѣ думъ нѣмыхъ,
И я душой летѣлъ во дни былые;
Но мнѣ милѣй страданія земныя—
Я къ нимъ привыкъ, я не оставлю ихъ!...

ЦЫГАНЕ.

(ОПЕРА).

ДѢЙСТВІЕ I. ЯВЛЕНІЕ I.

(Театръ представляетъ пріятное мѣстоположеніе. Цыгане сидятъ въ шатрахъ; иные ходятъ и, собравшись въ группы, поютъ).

ЦЫГАНСКАЯ ПѢСНЯ.

ЦЫГАНЪ (поетъ).

Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ,
Мы счастливѣе царей
И вельможъ могучихъ.
Гей цыгане! гей цыганки!...
(и проч.)

ЦЫГАНКА (изъ «Московскаго Вѣстника» пѣсню).*
(Пляшутъ и поютъ)... (Все умолкаетъ).

СТАРЫЙ ЦЫГАНЪ (предъ очагомъ).

Что за жизнь: одному да одному!... Земфира ушла гулять въ пустынномъ полѣ: она привыкла бродить по дальнымъ лѣсамъ и таборамъ. Но вотъ ужъ и ночь—а все ея нѣтъ... вотъ

* Пѣсня не выписана. Слѣдующіе пропуски — всѣ въ самой тетради.

и луна спускается къ небосклону. Какъ прекрасно... (Смотритъ на мѣсяцъ и подходя къ очагу). Мой ужинъ скоро простынетъ — а дочь не приходила; видно придется одному провесть ночь... Но вотъ она!

ЯВЛЕНІЕ II.

(Земфира и за нею юноша).

СТАРИКЪ.

Гдѣ ты была такъ долго, дочь моя? Я думалъ, что и ты меня покинешь, какъ сдѣлала коварная мать твоя...

ЗЕМФИРА.

Прости, отецъ мой! но, видишь ты,
Веду я гостя: за курганомъ
Его въ пустынѣ я нашла
И въ таборъ на ночь зазвала;
Онъ хочетъ быть, какъ мы, цыганомъ.
Его преслѣдуетъ законъ;
Но я ему подругой буду.
Его зовутъ Алеко; онъ
Готовъ идти за мною всюду.

СТАРИКЪ.

Я радъ; останься до утра
Подъ сѣнью нашего шатра,
Или пробудь у насъ и долѣ,
Какъ ты захочешь...

МОНОЛОГЪ.

Повѣрь, ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ!...
Къ чему глубокія познанья, жажда славы,

3

Талантъ и пылкая любовь свободы,
Когда мы ихъ употребить не можемъ?
Мы, дѣти сѣвера, какъ здѣшнія растенья,
Цвѣтемъ недолго, быстро увядаемъ...
Какъ солнце зимнее на сѣромъ небосклонѣ,
Такъ пасмурна жизнь наша, такъ недолго
Ея однообразное теченье...
И душно кажется на родинѣ,
И сердцу тяжко, и душа тоскуетъ...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустыхъ томится юность наша,
И быстро злобы ядъ ее мрачитъ,
И намъ горька остылой жизни чаша,
И ужъ ничто души не веселитъ.

ВСТРѢЧА.

(ИЗЪ ШИЛЛЕРА).

Она одна межъ дѣвъ своихъ стояла;
Еще я зрю ее передъ собой:
Какъ солнце вешнее она блистала
И радостной и гордой красотой.
Душа моя невольно замирала;
Я издали смотрѣлъ на милый рой...
Но вдругъ, какъ бы летучіе перуны,
Мои персты ударились о струны.

Что я почувствовалъ въ сей мигъ чудесной
И что я пѣлъ—напрасно вновь пою...
Я звукъ нашелъ дотолѣ неизвѣстной,
Я мыслей чистую излилъ струю;
Душѣ отъ чувствъ высокихъ стало тѣсно
И вмигъ она расторгла цѣпь свою;
Въ ней вспыхнули забытыя видѣнья,
И страсти юныя, и вдохновенья.

---

*

БАЛЛАДА.

Надъ моремъ красавица-дѣва сидитъ,
И къ другу ласкаяся, такъ говоритъ:
«Достань ожерелье, спустися на дно;
Сегодня въ пучину упало оно.
Ты этимъ докажешь свою мнѣ любовь!»
Вскипѣла младая у юноши кровь.
И умъ его обнялъ невольный недугъ...
Онъ въ пѣнную бездну кидается вдругъ.
Изъ бездны перловые брызги летятъ,
И волны тѣснятся, и мчатся назадъ,
И снова приходятъ, и о берегъ бьютъ;
Вотъ милаго друга онѣ принесутъ.
О счастье! онъ живъ, онъ скалу ухватилъ,
Въ рукѣ ожерелье, но мраченъ какъ былъ!...
Онъ вѣрить боится усталымъ очамъ,
И влажные кудри бѣгутъ по плечамъ...
«Скажи, не люблю иль люблю я тебя?
Для перловъ прекрасной и жизнь не щадя,
По слову, спустился на черное дно...
Въ коралловомъ гротѣ лежало оно.
Возьми!» И печальный онъ взоръ устремилъ
На то, что дороже онъ жизни любилъ.
Отвѣтъ былъ: «о милый! о юноша мой!
Достань, если любишь, кораллъ дорогой.»
Съ душой безнадежной младой удалецъ
Прыгнулъ, чтобъ найти иль кораллъ иль конецъ.
Изъ бездны перловые брызги летятъ,
И волны тѣснятся, и мчатся назадъ,
И снова приходятъ и о берегъ бьютъ,
Но милаго друга онѣ не несутъ.

ПЕРЧАТКА.

(ИЗЪ ШИЛЛЕРА).

Вельможи толпою стояли,
И молча зрѣлища ждали.
Межъ нихъ сидѣлъ
Король величаво на тронѣ;
Кругомъ на высокомъ балконѣ
Хоръ дамъ прекрасныхъ блестѣлъ.
Вотъ царскому знаку внимаютъ,
Скрипучую дверь отворяютъ —
И левъ выходитъ степной
Тяжелой стопой,
И молча вдругъ
Глядитъ вокругъ;
Зѣвая лѣниво,
Трясетъ желтой гривой;
И всѣхъ обозрѣвъ,
Ложится левъ.
И царь махнулъ снова —
И тигръ суровой
Съ дикимъ прыжкомъ
Взлетѣлъ опасной,
И встрѣтясь со львомъ,
Завылъ ужасно;
Онъ бьетъ хвостомъ,
Потомъ
Тихо владыку обходитъ,
Глазъ кровавыхъ не сводитъ...
Но рабъ предъ владыкой своимъ —
Тщетно ворчитъ и злится,
И невольно ложится
Онъ рядомъ съ нимъ.
Сверху тогда упади
Перчатка съ прекрасной руки,

Судьбы случайной игрою,
Между враждебной четою.
  И къ рыцарю вдругъ своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смѣясь:
«Рыцарь пытать я сердце люблю!
Если сильна такъ любовь у васъ,
Какъ вы твердите мнѣ каждый часъ,
То подымите перчатку мою!»
  И рыцарь съ балкона въ минуту бѣжитъ,
И дерзко въ кругъ онъ вступаетъ,
На перчатку межъ дикихъ звѣрей онъ глядитъ,
И смѣлой рукой подымаетъ.
  И зрители въ робкомъ вокругъ ожиданьи,
Трепеща, на юношу смотрятъ въ молчаньи,
Но вотъ онъ перчатку приноситъ назадъ;
Отвсюду хвала вылетаетъ;
И нѣжный, пылающій взглядъ —
Недальнаго счастья закладъ —
Съ рукой дѣвицы героя встрѣчаетъ.
Но досады жестокой пылая въ огнѣ,
Перчатку въ лицо онъ ей кинулъ:
«Благодарности вашей ненадобно мнѣ!»
И гордую тотчасъ покинулъ.

ДИТЯ ВЪ ЛЮЛЬКѢ.

(ИЗЪ ШИЛЛЕРА).

Счастливъ ребенокъ! и въ люлькѣ просторно ему; но дай время
Сдѣлаться мужемъ—и тѣсенъ покажется міръ.

КЪ ***

(ИЗЪ ШИЛЛЕРА).

Дѣлись со мною тѣмъ, что знаешь,
И благодаренъ буду я;
Но ты мнѣ душу предлагаешь —
На кой мнѣ чортъ душа твоя!

МОЛИТВА.

Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мракъ земли могильный
Съ ея страстями я люблю;
За то, что рѣдко въ душу входитъ
Живыхъ рѣчей твоихъ струя;
За то, что въ заблужденьи бродитъ
Мой умъ далеко отъ тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочетъ на груди моей;
За то, что дикія волненья
Мрачатъ стекло моихъ очей;
За то, что міръ земной мнѣ тѣсенъ,
Къ тебѣ жъ проникнуть я боюсь,
И часто звукомъ грѣшныхъ пѣсенъ
Я, Боже, на тебѣ молюсь.
Но угаси сей чудный пламень —
Всесожигающій костеръ,
Преобрати мнѣ сердце въ камень,
Останови голодный взоръ;
Отъ страшной жажды пѣснопѣнья
Пускай, творецъ, освобожусь;
Тогда на тѣсный путь спасенья
Къ тебѣ я снова обращусь.

ПЕРВЫЙ ОЧЕРКЪ ДЕМОНА.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Я буду пѣть, пока поется,
Пока волненья не забылъ,
Пока высокимъ сердце бьется,
Пока я жизнь не пережилъ.
Въ душѣ горятъ, хотя безвѣстнѣй,
Лучи небеснаго огня;
Но нѣжныхъ и веселыхъ пѣсней,
Мой другъ, не требуй отъ меня...
Я умеръ. Свѣтлыхъ вдохновеній
Забыта мною сторона
Давно. Какъ скученъ день осенній,
Такъ жизнь моя была скучна;
Такъ впечатлѣній непріятныхъ
Душа всегда была полна—
Понынѣ о годахъ развратныхъ
Не престаетъ скорбѣть она.

*

Я буду пѣть, пока поется,
Пока, друзья, въ груди моей
Еще высокимъ сердце бьется
И жалость не погибла въ ней.
Но той веселости прекрасной
Не требуй отъ меня напрасно,
И юныхъ гордыхъ дней, поэтъ,
Ты не вернешь: ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ!...
Какъ солнце осени суровой,
Такъ пасмурна и жизнь моя.
Среди людей скучаю я:
Мнѣ впечатлѣніе не ново...
И вотъ печальныя мечты,
Плоды душевной, пустоты!

*

Печальный демонъ, духъ изгнанья
Блуждалъ подъ сводомъ голубымъ,
И лучшихъ дней воспоминанья
Чредой тѣснились передъ нимъ,
Тѣхъ дней. когда онъ не былъ злымъ,

Когда глядѣлъ на славу Бога,
Не отвращаясь отъ него,
Когда сердечная тревога
Чуждалася души его, *
Какъ дня боится мракъ могилы.
И много, много... и всего
Представить не имѣлъ онъ силы...

«Демонъ узнаетъ, что ангелъ любитъ одну смертную. Демонъ узнаетъ и обольщаетъ ее, такъ что она покидаетъ ангела, но скоро умираетъ и дѣлается духомъ ада. Демонъ обольстилъ ее, разсказывая, что Богъ несправедл. и проч. Мою ист.»

Любовь забылъ онъ навсегда.
Коварство, ненависть, вражда
Надъ нимъ владычествуютъ нынѣ...
Въ немъ пусто, пусто, какъ въ пустынѣ.
Смертельный слѣдъ напечатлѣнъ
На томъ, къ чему онъ прикоснется,
И говорятъ, что даже онъ
Своимъ злодѣйствамъ не смѣется,
Что груды гибнущихъ людей
Не веселятъ его очей...
Зачѣмъ же демонъ отверженья
Роняетъ, посреди мученья,
Свинцовы слезы иногда,
И имъ забыты на мгновенья
Коварство, зависть и вражда?...

«Демонъ влюбляется въ смертную (монахиню), она его наконецъ любитъ; но демонъ видитъ ея ангела-хранителя и отъ зависти и ненависти рѣшается погубить ее. Она умираетъ. Душа ея улетаетъ въ адъ, и демонъ, встрѣчая ангела, который плачетъ съ высотъ неба, упрекаетъ его язвительной улыбкой.»

---

* Вар. Когда забота и тревога
Чуждалися ума его.

Угрюмо жизнь его текла,
Какъ жизнь развалинъ. Безконечность
Его тревожить не могла,
Онъ хладнокровно видѣлъ вѣчность, *
Не зная ни добра ни зла,
Губя людей безъ всякой нужды...
Ему желанья были чужды;
Онъ жегъ печатью роковой
Того, къ кому онъ прикасался;
Но часто демонъ молодой
Своимъ злодѣйствамъ не смѣялся.
Таковъ осеннею порой,
Среди долины опустѣлой,
Одинъ чернѣетъ пѣнь горѣлый.
Сраженъ стрѣлою громовой,
Онъ прямо высится главой,
И презираетъ бурь порывы,
Пустыни сторожъ молчаливый...

Боясь лучей бѣжалъ онъ тьму;
Душой измученною боленъ,
Ничѣмъ не могъ онъ быть доволенъ,
Все горько сдѣлалось ему,
И все на свѣтѣ презирая,
Онъ жилъ, не вѣря ни чему
И ничего не принимая.

Въ полночь, между высокихъ скалъ,
Однажды надъ волнами моря,

---

* Уныло жизнь его текла
Въ пустынѣ міра. Безконечность
Жилище для него была;
Онъ равнодушно видѣлъ вѣчность.

Одинъ безъ радости безъ горя, *
Бѣглецъ эдема пролеталъ,
И грѣшнымъ взоромъ созерцалъ
Земли пустынныя равнины.
И зритъ, чернѣетъ надъ горой
Стѣна обители святой
И башенъ странныя вершины.
Межъ низкихъ келій тишина.
Садится поздняя луна.
И въ усыпленную обитель
Вступаетъ мрачный искуситель.
Вотъ тихій и прекрасный звукъ,
Подобный звуку лютни, внемлетъ...
И чей-то голосъ... Жадный слухъ
Онъ напрягаетъ. Хладъ объемлетъ
Чело... Онъ хочетъ прочь тотчасъ...
Его крыло не шевелится,
И странно! изъ потухшихъ глазъ **
Слеза свинцовая катится...
Какъ много значилъ этотъ звукъ!
Мечты забытыхъ упоеній.
Вѣка страданія и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышленій —
Все оживилось въ немъ—и вновь
Погибшій вѣдаетъ любовь.

м.

О чемъ ты близъ меня вздыхаешь?
Чего ты хочешь получить?

---

* Первоначально строфа эта начиналась такъ:
На темени далекихъ скалъ,
Ровесниковъ самой природы,
Священный монастырь стоялъ;
Внизу, тѣснясь, шумѣли воды.

** И что же? изъ померкшихъ глазъ.

Я поклялась давно, ты знаешь,
Земныя страсти позабыть...
Кто ты?... Мольба твоя напрасна...
Чего ты хочешь.

Д.

Ты прекрасна.

М.

Кто ты?

Д.

Я демонъ. Не страшись,
Святыни здѣшней не нарушу!
И о спасеньи не молись:
Не искусить пришелъ я душу.
Сгорая жаждою любви,
Несу къ ногамъ твоимъ моленья,
Земныя первыя мученья
И слезы первыя мои.

ОЛЕГЪ.

(ОТРЫВОКЪ).

... Ахъ! было время, время боевъ,
На нашей милой сторонѣ!
Гдѣ жъ тѣ года? Прошли они
Съ мгновенной славою героевъ.
Но тѣни сильныхъ я видалъ,
И громкій голосъ ихъ слыхалъ,
Въ часы суровой непогоды,
Когда, бушуя, плещутъ воды,
И вихрь, клубя сѣдую пыль,
Волнуетъ по полямъ ковыль...
. . . .
И я рѣшился начертать
Временъ былыхъ лихую повѣсть.

Жилъ-былъ когда-то князь Олегъ,
Владѣтель русскаго народа,
Варягъ, боецъ (тогда свобода
Не начинала свой побѣгъ).
Его рушительный набѣгъ
Почти отъ Пскова до Онѣги
Поля и веси покорилъ...
Онъ всѣмъ сосѣдямъ страшенъ былъ:
Предъ нимъ дрожали печенѣги;
Съ нимъ отъ каспійскихъ береговъ
Казары дружества искали.
Его дружины побѣждали
Свирѣпыхъ жителей дубровъ.
И онъ искалъ на грековъ мести,
Презрѣньемъ гордыхъ раздраженъ...
Царь Византіи былъ смущенъ
Молвой ужасной этой вѣсти...
Но что замедлилъ князь Олегъ
Свой разрушительный набѣгъ?...

ЛИТВИНКА.

(ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОВѢСТИ).

Чей старый теремъ на горѣ крутой
Рисуется съ зубчатою стѣной?
Безсмѣнный царь синѣющихъ полей —
Кого хранитъ онъ твердостью своей?
Кто темнымъ сводамъ повѣрять привыкъ
Молитвы шопотъ и веселья кликъ?
Его владѣльца назову я вамъ:
Подъ именемъ Арсенія друзьямъ
И недругамъ своимъ онъ былъ знакомъ,
И не мечталъ объ имени другомъ.
Его права оспоривать не смѣлъ

Еще никто; — онъ больше не хотѣлъ!
Не вѣдалъ онъ владыки и суда,
Не посѣщалъ сосѣдей никогда;
Богатый въ мирѣ, сильный на войнѣ,
Когда къ нему являлися онѣ —
Онъ убѣгалъ довѣрчивыхъ бесѣдъ;
Презрѣніемъ дышалъ его привѣтъ;
Онъ даже лаской гостя унижалъ,
Хотя, быть можетъ, самъ того не зналъ.
Не потому ль, что слишкомъ рано онъ
Повелѣвать толпѣ былъ пріученъ?
На ложѣ наслажденья и въ бою
Провелъ Арсеній молодость свою.
Когда звучалъ ударъ его меча
И красная являлась епанча,
Бѣжалъ татаринъ и бѣжалъ литвинъ;
И часто стоилъ войска онъ одинъ!
Вся въ ранахъ грудь отважнаго была,
И посреди морщинъ его чела,
Приличнѣйшій нарядъ для всякихъ лѣтъ,
Краснѣлъ рубецъ, литовской сабли слѣдъ...
. . . .

Свѣтило дня, краснѣя сквозь туманъ,
Садится горделиво за курганъ;
И отдѣливъ ряды дождливыхъ тучъ,
Вдоль по землѣ скользитъ прощальный лучъ
Такъ сладостно, такъ тихо и свѣтло,
Какъ будто міра мрачное чело
Его любви достойно! Наконецъ
Оставилъ онъ долину, и вѣнецъ
Горы высокой теремъ озарилъ,
И пламень свой негрѣющій разлилъ
По стекламъ расписнымъ свѣтлицы той,
Гдѣ такъ недавно съ радостью живой,

Облокотясь на столикъ, у окна,
Ждала супруга вѣрная жена;
Гдѣ съ дѣтскою досадой сынъ ее
Чуть поднималъ отцовское копье...
Теперь... гдѣ сынъ и мать? На мѣстѣ ихъ
Сидитъ литвинка, дочь степей чужихъ.
Безмолвная подруга лучшихъ дней—
Разстроенная лютня передъ ней,
И по струнѣ оборванной скользя,
Блеститъ зари послѣдняя струя...
Устала Клара отъ душевныхъ бурь,
И очи голубыя, какъ лазурь,
Она сидитъ на западъ устремивъ.
Но не зари плѣнялъ ее разливъ:
Тамъ родина! пѣвецъ и воинъ тамъ
Не разъ къ ея склонялися ногамъ!
Тамъ вольны дѣвы! Тамъ никто бы ей
Не смѣлъ сказать хочу любви твоей!...
. . . .

И опустѣлъ его высокій домъ,
И странниковъ не угощаютъ въ немъ.
И дворъ заросъ зеленою травой,
И пыль покрыла сѣрой пеленой
Святые образа, дубовый столъ
И пестрые ковры! И гладкій полъ
Не скрыпнетъ ужъ подъ легкою ногой
Красавицы лукавой и младой!
Ни острый ножъ въ серебряныхъ ножнахъ,
Ни шлемъ стальной не блещутъ на стѣнахъ.
Они забыты въ полѣ роковомъ,
Гдѣ онъ погибъ! Въ покоѣ лишь одномъ
Все, все, какъ прежде: лютня у окна,
И вкругъ нея обвитая струна;
И двѣ одежды женскія лежатъ

На мягкомъ ложѣ, будто бы назадъ
Тому лишь день, какъ дѣва странъ чужихъ
Сюда небрежно положила ихъ;
И раздувая пологъ парчевой,
Скользитъ по нимъ прохладный вѣтръ ночной,
Когда сквозь тонкій занавѣсъ окна
Глядитъ луна — нескромная луна! —
Есть монастырь и тамъ въ недѣлю разъ
За упокой молящихъ слышенъ гласъ,
И съ честью передъ набожной толпой
Арсеній поминается порой.
И блещетъ въ церкви длинный рядъ гробовъ,
Украшенный гербомъ его отцовъ.
Но никогда межъ нихъ не будетъ тотъ
Съ которымъ славный кончился ихъ родъ...

АУЛЪ-БАСТУНДЖИ.

(ОТРЫВОКЪ).

1.

Между Машукомъ и Бешту, назадъ
Тому лѣтъ тридцать, былъ аулъ; горами
Закрытъ отъ бурь и вольностью богатъ.
Его ужъ нѣтъ. Кудрявыми кустами
Покрыто поле; дикій виноградъ,
Цѣпляясь, вьется длинными хвостами
Вокругъ камней, покрытыхъ сѣдиной.
Съ вершинъ сосѣднихъ брошенныхъ грозой!

2.

Ни бранный шумъ, ни пѣсня молодой
Черкешенки ужъ тамъ не слышны болѣ,
И въ знойный, лѣтній день табунъ степной
Безъ стражи ходитъ тамъ, одинъ, по волѣ;

И безъ оглядки съ пикой за спиной
Донской казакъ въѣзжаетъ въ это поле;
И безопасно въ небесахъ орелъ
Чертя круги, глядитъ на тихій долъ.

3.

И тамъ, когда вечерняя заря
Блѣднѣющимъ румянцемъ одѣваетъ
Вершины горъ, пустынная змѣя
Изъ-подъ камней, рѣзвяся, выползаетъ;
На ней рябая блещетъ чешуя
Серебрянымъ отливомъ, какъ блистаетъ
Разбитый мечъ, оставленный бойцомъ
Въ густой травѣ, на полѣ роковомъ.

4.

Сгорѣлъ аулъ и слухъ о немъ исчезъ.
Его сыны разсыпаны въ чужбинѣ...
Лишь предъ огнемъ, въ туманный день, черкесъ
Порой о немъ разсказываетъ нынѣ
При малыхъ дѣтяхъ. И чужихъ небесъ
Питомецъ, проѣзжая по пустынѣ,
Напрасно молвитъ казаку: «скажи,
Не знаешь ли аула Бастунджи?»...

КАЛЛЫ. *

ЧЕРКЕССКАЯ ПОВѢСТЬ.

(ОТРЫВОКЪ).

«Теперь насталъ урочный часъ,
И тайну я тебѣ открою.
Мои совѣты — Божій гласъ:
Клянись имъ слѣдовать душою.

---

* Убійца.

Узнай: ты чудомъ сохраненъ
Отъ рукъ убійцъ окровавленныхъ,
Чтобъ неба оправдать законъ
И отомстить за побѣжденныхъ;
И не тебѣ принадлежатъ
Твои часы, твои мгновенья:
Ты на землѣ орудье мщенья,
Палачъ — а жертва: Акбулатъ.
Отецъ твой, мать твоя и братъ,
Отъ рукъ злодѣя погибая,
Молили небо объ одномъ:
Чтобъ хоть одна рука родная
За нихъ раздѣлалась съ врагомъ! —
Старайся быть суровъ и мраченъ,
Забудь о жалости пустой:
На грозный подвигъ ты назначенъ
Закономъ, клятвой и судьбой.
За всѣ минувшія злодѣйства,
Изъ обреченнаго семейства
Ты никого не пощади.
Ударилъ часъ ихъ истребленья!
Возьми жъ мои благословенья,
Кинжалъ булатный — и поди!»
Такъ говорилъ мулла жестокій,
И кабардинецъ черноокій
Безмолвно, чистя свой кинжалъ,
Уроки мщенія внималъ.
Онъ молодъ сердцемъ и годами,
Но чуждый страха, онъ готовъ
Обычай дѣдовъ и отцовъ
Исполнить свято надъ врагами;
Онъ поклялся — своей рукой
Ихъ погубить во тьмѣ ночной...

1830.

—

ВТОРОЙ ОЧЕРКЪ ДЕМОНА.

(писано въ пансіонѣ, въ началѣ 1830 года).

Cain. Who art thou!
Lucif. Master of spirits.
Cain. And being so canst thou
Leave them and walk wirth dust?
Lucif. J know the thoughts
Of dust, and feel for it, and wirth you.
Cain. Are ye happy?
Luc. We are mitghty.
Cain Are ye happy?
Luc. No: art thou?

1.

Печальный демонъ, духъ изгнанья,
Блуждалъ подъ сводомъ голубымъ
И лучшихъ дней воспоминанья
Чредой тѣснились передъ нимъ.
Тѣхъ дней, когда онъ не былъ злымъ;
Когда глядѣлъ на славу Бога,
Не отвращаясь отъ него;
Когда заботы и тревога
Чуждалися ума его,
Какъ дня боится мракъ могилы...
И много, много... и всего
Представить не имѣлъ онъ силы.

Уныло жизнь его текла
Въ пустынѣ міра. Безконечность

*

Его тревожить не могла,
Онъ равнодушно видѣлъ вѣчность,
Не зная ни добра ни зла,
Губя людей безъ всякой нужды.
Ему желанья были чужды.
Онъ жегъ печатью роковой
Все то, къ чему ни прикасался;
И часто демонъ молодой
Своимъ злодѣйствамъ не смѣялся.
Боясь лучей, бѣжалъ онъ тьму;
Душой измученною боленъ,
Ничѣмъ не могъ онъ быть доволенъ,
Все горько дѣлалось ему;
И всѣ на свѣтѣ презирая,
Онъ жилъ, не вѣря ни чему
И ничего не признавая.

2.

Однажды вечеромъ межъ скалъ
И надъ сѣдой равниной моря,
Одинъ безъ радости, безъ горя,
Бѣглецъ эдема пролеталъ
И грѣшнымъ взоромъ созерцалъ
Земли пустынныя равнины.
И зритъ: бѣлѣютъ подъ горой—
Стѣна обители святой
И башенъ странныя вершины.
Межъ бѣдныхъ келій тишина.
Встаетъ багровая луна.
И въ усыпленную обитель
Вступаетъ мрачный искуситель.
Вдругъ тихій и прекрасный звукъ,
Подобный звуку лютни, внемлетъ
И чей-то голосъ. Жадный слухъ
Онъ напрягаетъ. Хладъ объемлетъ

Чело... Онъ хочетъ прочь тотчасъ —
Его крыло не шевелится
И—чудо!—изъ померкшихъ глазъ
Слеза свинцовая катится...
Понынѣ возлѣ кельи той
Насквозь прожженный виденъ камень
Слезою, жаркою какъ пламень,
Не человѣческой слезой.

3.

Какъ много значитъ этотъ звукъ!
Вѣка минувшихъ упоеній,
Вѣка изгнанія и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышленій:
Все оживилось въ немъ опять;
Но что жъ? Ему не воскресать
Для нѣжныхъ чувствъ... Такъ, если мчится
По небу лѣтнему порой
Отрывокъ тучи громовой,
И лучъ случайно отразится
На сумрачныхъ краяхъ, она
Тотъ блескъ мгновенный презираетъ,
И дальше, дальше улетаетъ,
Холодной гордостью полна.

Проникнулъ въ келью духъ смущенный.
Людскаго счастья тайный воръ
Минуетъ образъ позлащенный;
Какъ будто видя въ немъ укоръ,
Со страхомъ отвращаетъ взоръ.
Онъ зритъ божественныя книги,
Лампаду, четки и вериги...
Но гдѣ же звуки? Гдѣ же та,
Къ которой сильная мечта
Его влечетъ?...

Она сидѣла
Съ испанской лютнею въ рукахъ,
И пѣсню горъ, играя, пѣла;
И все, и все въ ея чертахъ
Земной безпечностью дышало;
И кольцы мягкія кудрей
Сбѣгали, будто покрывало,
На вѣки блѣдныя очей.
Исполнена какой-то думой
Младая волновалась грудь.
Вотъ поднялась. На сводъ угрюмый
Она задумала взглянуть.
Какъ звѣзды омраченной дали
Глаза монахини сіяли...
Ея лилейная рука,
Бѣла какъ утромъ облака,
На черномъ платьѣ отдѣлялась;
И отвѣчали струны ей,
Что дальше, то нѣжнѣй, нѣжнѣй.
Тоской раскаянья, казалось,
Была та пѣсня сложена.
Межъ тѣмъ какъ путникъ любопытный,
Въ окно, участіемъ полна,
На дѣву, жертву грусти скрытной,
Смотрѣла ясная луна.
Окованъ сладкою игрою,
Стоялъ злой духъ. Ему любить
Не должно сердца допустить.
Онъ связанъ клятвой роковою
(И эту клятву молвилъ онъ,
Когда блистающій Сіонъ
Оставилъ съ гордымъ сатаною).
. . . .
. . . .*

* Точки въ рукописи.

Онъ искушать хотѣлъ—не могъ;
Не находилъ въ себѣ искусства;
Забыть—забвенья не далъ Богъ;
Любить—не доставало чувства.
Что дѣлать? Новыя мечты*
И чуждыя понынѣ муки!
Такъ, демонъ, слыша эти звуки,
Земную страсть извѣдалъ ты.
Ты плакалъ горькими слезами,
Глядя на милый свой предметъ,
О томъ, что цѣпь лежитъ межъ вами,
Что пламя въ мертвомъ сердцѣ нѣтъ;
Когда ты зналъ, что не принудитъ
Его минута полюбить,
Что даже скоро, можетъ быть,
Она твоею жертвой будетъ.

И удалиться онъ спѣшилъ
Отъ этой кельи, гдѣ впервые
Нарушилъ клятвы роковыя
И князя бездны раздражилъ.

---

* Слѣдующіе 14 стиховъ написаны вмѣсто, зачеркнутыхъ:
Онъ былъ бы для любви готовъ
Оставить полкъ своихъ духовъ,
И безъ могущества, безъ силы,
Скитаться посреди міровъ,
Какъ трупъ вампира, изъ могилы
Исторгшись, бродитъ межъ людей,
Страшилищемъ нѣмыхъ ночей...
Легокъ, какъ падающій снѣгъ
По вѣтру, средь зимы холодной,
Мой демонъ, волею свободный,
Летучій направляетъ бѣгъ—
Прочь, прочь отъ мѣста, гдѣ впервые
Земныя слезы уронилъ,
Нарушилъ клятвы роковыя
И князя бездны раздражилъ.

Но прелесть звуковъ и видѣнья
Остались на душѣ его,
И въ памяти сего мгновенья
Ужъ не изгладитъ ничего...

4.

Спустя сто лѣтъ, пергаментъ пыльный
Между развалинъ отыскалъ
Какой-то странникъ; онъ узналъ
Что это памятникъ могильный
И съ любопытствомъ прочиталъ
Онъ монастырскія преданья
О жизни дѣвы молодой,
И имъ повѣрилъ, и порой
Жалѣлъ о ней въ часы мечтанья.
Онъ перевелъ на свой языкъ
Разсказъ таинственный. Но свѣту
Не передамъ я повѣсть эту:
Цѣнить онъ чувства не привыкъ!*

---

* Эта строфа написана послѣ первоначальной, зачеркнутой:
Но кто жъ она? Зачѣмъ сокрыта
Въ пустынѣ межъ высокихъ стѣнъ?
Иль это добровольный плѣнъ,
И ею радость позабыта?
Иль краска черная одеждъ
Съ ея душой была согласна?
Ея исторія ужасна,
Какъ вспоминанье безъ надеждъ.
Она отца и мать не знала,
И люльку дѣтскую ее
Старушка чуждая качала...
Но это ль бѣдное житье,
Любовь ли сердце испугала,
Опасность ли—о томъ узнать
Никто не думалъ испытать... и пр. (20 стиховъ).

5.

Печальный демонъ удалился
Отъ силы адской съ этихъ поръ.
Онъ на хребетъ далекихъ горъ
Въ ледяный гротъ переселился,
Гдѣ подъ снѣгами хрустали
Корой огнистою легли,
Природы дивныя творенья.
Ея причудливой игры
Онъ наблюдаетъ измѣненья:
Составя свѣтлыя шары,
Онъ ихъ по вѣтру посылаетъ,
Велитъ имъ путнику блеснуть,
И надъ болотомъ освѣщаетъ
Заглохшій, неѣзжалый путь.
Когда метель гудитъ и свищетъ
Онъ охраняетъ пришлеца,
Сдуваетъ снѣгъ съ его лица
И для него защиту ищетъ...
И часто, подымая прахъ,
Въ борьбѣ съ летучимъ ураганомъ,
Одѣтый молньей и туманомъ,
Онъ дико мчится въ облакахъ,
Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить,
Спастись отъ думы неизбѣжной
И незабвенное забыть.
Но все не то его тревожитъ,
Что прежде; тотъ желѣзный сонъ
Прошелъ... Любить онъ можетъ... можетъ...
И въ самомъ дѣлѣ любитъ онъ.
И хочетъ въ путь опять пускаться,
Чтобъ съ милой дѣвой повидаться,
Чтобъ разъ ей въ очи посмотрѣть
И невозвратно улетѣть...

6.

Едва блестящее свѣтило
На небо юное взошло,
И моря синее стекло
Лучами утра озарило,
Какъ демонъ видѣлъ предъ собой
Стѣну обители святой,
И башни бѣлыя, и келью,
И подъ рѣшотчатымъ окномъ
Цвѣтущій садикъ.—И кругомъ
Обходитъ демонъ; но веселью
Онъ недоступенъ; тайный страхъ
Въ ледяныхъ свѣтится глазахъ...
Вотъ дверь простая передъ ними.
Томяся муками живыми,
Онъ долго медлилъ, онъ не могъ
Переступить черезъ порогъ,
Какъ будто бы онъ тамъ погубитъ,
Что на минуту отдалъ рокъ...
Теперь лишь видно, что онъ любитъ!
Теперь лишь признаки любви:
Волненіе надеждъ несмѣлыхъ
И пламень неземной крови —
Видны въ чертахъ окаменѣлыхъ!...

Все тихо. Вдругъ услышалъ онъ
Давно знакомый лютни звонъ;
Слова пѣвицы вдохновенной
Лились какъ свѣтлыя струи;
Но не понравились они
Тому, кто съ думой дерзновенной
Искалъ надежды и любви.

ПѢСНЯ МОНАХИНИ.

Какъ парусъ надъ бездной морской,
Какъ подъ вѣчеръ златая звѣзда,

Явился мнѣ ангелъ святой;
Не забуду его никогда.

Къ другой онъ летѣлъ, иль ко мнѣ:
Я напрасно бъ старалась узнать.
Быть можетъ, то было во снѣ...
Ахъ! всю жизнь такъ нельзя ли мнѣ спать.*

Тебя лишь любила, Творецъ,
Я понынѣ съ младенческихъ дней;
Но видитъ душа наконецъ,
Что другое готовилось ей.

Виновна я быть не должна:
Я горю не любовью земной;
Чиста какъ мой ангелъ она,
Мысль о немъ неразлучна съ тобой!

Онъ отблескъ сіяній твоихъ,
Ты украсилъ чело его самъ;
Явился онъ мнѣ лишь на мигъ—
Но за вѣчность тотъ мигъ не отдамъ.

Онъ въ сладкомъ снѣ
Явился мнѣ;
Онъ будетъ для меня всегда
Звѣзда
Надеждъ въ иной странѣ.
Моей виной,
Создатель мой,
Любовъ къ нему не можетъ быть;
Любить
Назначено тобой!

* О, зачѣмъ долженъ сонъ улетать.

7.

Умолкла. Вѣтеръ моря хладный
Послѣдній звукъ унесъ съ собой.
Непобѣдимою судьбой
Гонимый, демонъ безотрадный
Проникнулъ въ келью. Что же онъ
Не привлечетъ ея вниманья?
Зачѣмъ не пьетъ ея дыханья?
Не вздохъ любви—могильный стонъ,
Какъ эхо, изъ груди разбитой
Протяжно вышелъ наконецъ,
И сердце, яростью облито,
Отяжелѣло какъ свинецъ.
Его рука остановилась
На воздухѣ. Сведенный перстъ
Оледенѣлъ; хоть взоръ отверстъ,
Въ немъ ничего не отразилось,
Кромѣ презрѣнья—но къ чему?
Что показалося ему?

8.

Посланникъ рая, ангелъ нѣжный,
Въ одеждѣ дымной, бѣлоснѣжной,
Стоялъ съ блистающимъ челомъ
Вблизи монахини прекрасной,
И отъ врага съ улыбкой ясной
Пріосѣнилъ ее крыломъ.
Они счастливы, святы оба!...
И мщенье, ненавистъ и злоба
Взыграли демонской душой.
Онъ вышелъ твердою стопой.
Онъ вышелъ. Сколько чувствъ различныхъ,
Съ давнишнихъ лѣтъ ему привычныхъ,
Въ душѣ тѣснятся! Сколько думъ
Мѣняетъ безпокойный умъ!

Красавицѣ погибнуть надо.
Ее не пощадитъ онъ вновь.
Погибнетъ!—Прежняя любовь
Не будетъ для нея оградой!...

9.

Какъ жалко! онъ уже хотѣлъ
На путь спасенья возвратиться,
Забыть толпу недобрыхъ дѣлъ,
Позволить сердцу оживиться.
Творцу природы, можетъ быть,
Внушилъ бы демонъ сожалѣнье,
И благодарное прощенье
Ему бъ случилось получить.
Но поздно! сынъ безгрѣшный рая
Вдругъ разбудилъ мятежный умъ.
Кипитъ онъ, ревностью пылая,
Явилась снова воля злая
И ядъ преступныхъ черныхъ думъ.*
Онъ образъ смертный принимаетъ,
Вѣнецъ чело его ласкаетъ
И очи черныя горятъ...
Но что жъ? Очей тѣхъ пламень—ядъ.

Онъ ждетъ, у стѣнъ святыхъ блуждая,
Когда останется одна

---

* Послѣ этого были написаны, но потомъ зачеркнуты, слѣдующіе стихи:

И вотъ, облекшись въ образъ томный,
Обманчивый онъ принялъ видъ:
Онъ юноша печальный, скромный:
Какой-то тѣнью взоръ облитъ;
Его опущенныя крылья
Объяты участью безсилья;
На головѣ вѣнецъ златой
Померкнулъ и покрылся мглой.

Его монахиня младая:
Когда нескромная луна
Взойдетъ, пустыню озаряя;
Онъ ожидаетъ часъ глухой,
Текущій подъ ночною мглой,
Часъ тайныхъ встрѣчъ и наслажденій
И незамѣтныхъ преступленій.
Онъ къ ней прокрадется туда,
Подъ сѣнь обители уснувшей,
И тамъ погубитъ навсегда
Предметъ любви своей минувшей!

10.

Лампада въ кельи чуть горитъ.
Лукавый съ дѣвою сидитъ,
И чудный страхъ ее объемлетъ,
Она, какъ смерть блѣднѣя, внемлетъ.

ОНА.

Страстей волненье позабыть
Я поклялась давно, ты знаешь?
Къ чему жъ теперь меня смущаешь?
Чего ты хочешь получить?
О, кто ты? рѣчь твоя опасна!
Чего ты хочешь?

ДУХЪ.

Ты прекрасна!

ОНА.

Кто ты?

ДУХЪ.

Я демонъ. Не страшись,
Святыни здѣшней не нарушу!
И о спасеньи не молись —

Не искусить пришелъ я душу.
Къ твоимъ ногамъ, томясь въ любви,
Несу покорныя моленья,
Земныя первыя мученья
И слезы первыя мои.
Не разставлялъ я людямъ сѣти
Съ толпою грозной злыхъ духовъ:
Брожу одинъ среди міровъ
Несмѣтное число столѣтій.
Не выжимай изъ груди стонъ,
Не отгоняй меня укоромъ:
Несправедливымъ приговоромъ
Я на изгнанье осужденъ.
Не зная радости минутной,
Живу надъ моремъ и межъ горъ,
Какъ перелетный метеоръ,
Оставленъ всѣми, безпріютный.
И слишкомъ гордъ я, чтобъ просить
У Бога вашего прощенья.
Я полюбилъ мои мученья
И не могу ихъ разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мою томительную лѣнь
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тѣнь...
. . . .
Такъ говорилъ онъ и рукою
Онъ трепетную руку жалъ
И поцѣлуями порою
Плечо дѣвицы покрывалъ;
Она противиться не смѣла,
Слабѣла, таяла, горѣла
Отъ неизвѣстнаго огня,
Какъ бѣлый снѣгъ отъ взоровъ дня...

11.

Въ часы суровой не погоды,
Въ осенній день, когда межъ скалъ,
Пѣнясь, крутясь, шумѣли воды,
Восточный вѣтеръ бушевалъ,
И темносѣрыми рядами
Неслися тучи небесами:
Зловѣщій колокола звонъ,
Какъ умирающаго стонъ,
Раздался глухо надъ волнами.
Къ чему манитъ отшельницъ онъ?...
Не на молитву поспѣшали
Въ обширный и высокій храмъ,
Не двумъ счастливымъ женихамъ
Свѣчи дрожащія пылали:
Въ срединѣ церкви гробъ стоялъ,
Въ гробу мертвецъ лежалъ безгласный,
И рядъ монахинь окружалъ
Тотъ гробъ съ недвижностью безстрастной.
Зачѣмъ не слышенъ плачъ родныхъ
И не видать во храмѣ ихъ?
И кто мертвецъ? Едва примѣтный
Остатокъ прежней красоты
Являютъ мертвыя черты;
Уста закрытыя безцвѣтны;
И въ сердцѣ пылкой страсти ядъ
Сіи глаза не поселятъ,
Хотя еще весьма недавно
Владѣли бурною душой,
Неизъяснимой, своенравной,
Въ борьбѣ безумной и неравной
Не знавшей власти надъ собой.

За часъ до горестной кончины,
Когда сырая ночи мгла

На усыпленныя долины
Сребристой дымкою легла,
Духовника на мигъ единый
Младая дѣва призвала,
Чтобъ жизни грѣшныя дѣянья
Открыть съ слезами покаянья.
Пришелъ исповѣдникъ. Но вдругъ
Его безумный хохотъ встрѣтилъ.
Онъ на лицѣ ея замѣтилъ
Бореніе послѣднихъ мукъ.
На предстоящихъ не взирая,
Шептала дѣва молодая:
«О!... демонъ!... о, коварный другъ!
Своими сладкими рѣчами...
Ты... бѣдную... заворожилъ...
Ты былъ любимъ и не любилъ,
Ты бъ могъ спастись, а погубилъ...
Проклятье сверху, мракъ подъ нами!»
Но кто безжалостный злодѣй,
Губитель дѣвушки прелестной —
Тогда не понялъ старецъ честный,
И жизнь монахини моей
Осталась людямъ неизвѣстной....
Но говорятъ, какъ принесли
Къ могилѣ трупъ ея печальной,
И хоръ раздался погребальной,
И горсть прощальная земли
О крышку гроба застучала,
Надъ нимъ, всѣ видѣть то могли,
Тѣнь безпокойная летала.

12.

Съ тѣхъ поръ промчалось много лѣтъ;
Пустѣла древняя обитель,
И время, общій разрушитель,

Смывало постепенно слѣдъ
Высокихъ стѣнъ... И храмъ священный
Сталъ жертва бури и дождей.
Изъ двери въ дверь во мглѣ ночей
Блуждаетъ вѣтръ освобожденный;
Внутри на ликахъ росписныхъ
И средь разсѣлинъ стѣнъ сѣдыхъ
Большой паукъ, пустынникъ новый,
Кладетъ сѣтей своихъ основы.
Сбѣгаючи со скалъ крутыхъ,
Случалось, лань, дитя свободы,
Пріютъ отъ зимней непогоды
Искала въ кельи — и порой
Забытой утвари паденье,
Среди развалины глухой,
Вдругъ приводило въ удивленье
Ее... Но нынче ни чему
Нельзя встревожить тишину:
Что можетъ падать, то упало,
Что мретъ, то умерло давно,
Что живо, то безсмертно стало,
Но время вживѣ удержало
Воспоминаніе одно...
И море пѣнится и злится,
И сильно плещетъ и шумитъ,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранитъ;
Онъ вдался въ море одиноко;
На немъ чернѣетъ крестъ высокой.
Всегда скалой отражена,
Покрыта пѣной бѣлоснѣжной,
Тѣснится у волны волна,
И слышенъ ропотъ ихъ мятежной;
И удаляются толпой,
Другимъ предоставляя бой.

13.

Надъ тѣмъ крестомъ, подъ той скалою,
Однажды, утренней порою,
Съ глубокой думою стоялъ
Дитя эдема, ангелъ мирной,
И слезы молча утиралъ
Своей одеждою сапфирной.
И кудри мягкія какъ ленъ
Съ главы вѣнчанной упадали,
И крылья легкія какъ сонъ
За бѣлыми плечми сіяли.
И былъ небесный сводъ надъ нимъ,
Украшенъ радугой цвѣтистой,
И волны съ пѣной серебристой,
Съ какимъ-то трепетомъ живымъ,
Къ скаламъ тѣснились вѣковымъ.
Все было тихо. Взоръ унылый
На небо поднялъ ангелъ милый,
И съ непонятною тоской
За душу грѣшницы младой
Творцу молился онъ, и мнилось —
Природа вмѣстѣ съ нимъ молилась...
Тогда надъ синей глубиной,
Духъ гордости и отверженья,
Безъ цѣли мчался съ быстротой;
Но ни раскаянья, ни мщенья,
Не изъявлялъ угрюмый ликъ:
Онъ побѣждать себя привыкъ;
Не для другихъ его мученья!
Онъ близъ могилы промелькнулъ,
И взоръ презрительный кидая,
Посла потеряннаго рая
Улыбкой горькой упрекнулъ...

*

Я не для ангеловъ и рая
Всесильнымъ Богомъ сотворенъ;
Но для чего живу, страдая,
Про это больше знаетъ онъ.

Какъ демонъ мой, я зла избранникъ,
Какъ демонъ, съ гордою душой,
Я межъ людей безпечный странникъ,
Для міра и небесъ чужой.

Прочтя, мою съ его судьбою
Воспоминаніемъ сравни,
И вѣрь безжалостной душою,
Что мы на свѣтѣ съ нимъ одни.

---

* * *

Настанетъ день — и міромъ осужденный,
Чужой въ родномъ краю,
На мѣстѣ казни — гордый, хоть презрѣнный —
Я кончу жизнь мою;
Виновный предъ людьми, не предъ тобою,
Я твердо жду тотъ часъ.
Что̀ смерть? Лишь ты не измѣнись душою —
Смерть не разрознитъ насъ.
Иная есть страна, гдѣ предразсудки
Любви не охладятъ;
Гдѣ не отниметъ счастія изъ шутки,
Какъ здѣсь, у брата братъ.
Когда же вѣсть кровавая промчится
О гибели моей,
И, какъ побѣдѣ, станутъ веселиться
Толпы другихъ людей...
Тогда... молю!... единою слезою

Почти холодный прахъ
Того, кто часто, съ скрытою тоскою,
Искалъ въ твоихъ очахъ
Блаженства юныхъ лѣтъ и сожалѣнья;
Кто предъ тобой открылъ
Таинственную душу и мученья,
Которыхъ жертвой былъ.
Но если... если надъ моимъ позоро̀мъ
Смѣяться станешь ты,
И возмутишь неправеднымъ укоромъ
И рѣчью клеветы
Обиженную тѣнь... не жди пощады:
Какъ червь къ душѣ твоей
Я прилѣплюсь, и каждый мигъ отрады
Несносенъ будетъ ей;
И будешь помнить прежнюю безпечность,
Не зная воскресить,
И будетъ жизнь тебѣ долга, какъ вѣчность,
А все не будешь жить.

К. Д.

Будь со мною, какъ прежде бывала,
О, скажи мнѣ хоть слово одно,
Чтобъ душа въ этомъ словѣ сыскала,
Что̀ хотѣлось ей слышать давно!
Если искра надежды хранится
Въ моемъ сердцѣ — она оживетъ,
Если можетъ слеза появиться
На глазахъ — то она упадетъ.

Есть слова — объяснить не могу я,
Отчего у нихъ власть надо мной;
Ихъ услышавъ, опять оживу я,
Но отъ нихъ не воскреснетъ другой.

О, повѣрь мнѣ, холодное слово
И уста оскверняетъ твои,
Какъ листки у цвѣтка молодаго
Ядовитое жало змѣи!

ПѢСНЯ.

Желтый листъ о стебель бьется
Передъ бурей:
Сердце бѣдное трепещетъ
Предъ несчастьемъ.

Что за важность, если вѣтеръ
Мой листокъ одинокой
Унесетъ далеко, далеко...
Пожалѣетъ ли объ немъ
Вѣтка сирая?

Зачѣмъ грустить молодцу,
Если рокъ судилъ ему
Угаснуть въ краю чужомъ?
Пожалѣетъ ли объ немъ
Красна дѣвица?

КЪ НЭЕРѢ.

Скажи, для чего передъ нами
Ты въ кудри вплетаешь цвѣты?
Себя ли украсишь ты розой
Прелестной, минутной, какъ ты?
Зачѣмъ приводить намъ на память,
Что могутъ ланиты твои
Увянуть, что взоръ твой забудетъ
Восторги надеждъ и любви!

Дивлюсь я тебѣ: равнодушно,
Безпечно ты смотришь впередъ;
Смѣешься надъ временемъ, будто
Нэеру оно обойдетъ....
Ужель ты безумнымъ весельемъ
Прогнать только хочешь порой
Грядущаго тѣни? Ужели
Чужда ты веселью душой?
Пять лѣтъ протекутъ: ни лобзаньемъ,
Ни сладкой улыбкою глазъ
Къ себѣ ни душистое ложе
Опять не заманишь ты насъ.
О, лучше умри поскорѣе,
Чтобъ юный красавецъ сказалъ:
«Кто былъ этой дѣвы милѣе?
Кто раньше ея умиралъ?...»

КНЯЗЬ МСТИСЛАВЪ.

Три ночи я провелъ безъ сна — въ тоскѣ,
Въ молитвѣ, на колѣняхъ. Степь и небо
Мнѣ были храмомъ, алтаремъ — курганъ;
И если бъ кости, скрытыя подъ нимъ,
Пробуждены могли быть человѣкомъ,
То, обожженные моей слезой,
Проникнувшей сквозь землю, мертвецы
Вскочили бъ, загремѣвъ одеждой бранной!
О Боже! Какъ? — одна, одна слеза
Была плодомъ ужасныхъ трехъ ночей? —
Нѣтъ, эта адская слеза, конечно,
Послѣдняя: не то, три ночи бъ я
Ее не дожидался. — Кровь собратій,
Кровь стариковъ, растоптанныхъ дѣтей
Отяготѣла на душѣ моей,

И приступила къ сердцу, и насильно
Заставила его расторгнуть узы
Свои, и въ мщенье обратила все,
Что въ немъ похоже было на любовь.
Свой замыселъ пускай я не свершу,
Но онъ великъ и этого довольно;
Мой часъ насталъ — часъ славы иль стыда!
Безсмертенъ иль забытъ я навсегда!

Я вопрошалъ природу и она
Меня въ свои объятья приняла;
Въ лѣсу холодномъ, въ грозный часъ метели,
Я сладость пилъ съ ея волшебныхъ устъ,
Но для моихъ желаній міръ былъ пустъ:
Они себѣ предмета въ немъ не зрѣли.
На звѣзды устремлялъ я часто взоръ
И на луну, небесъ ночныхъ уборъ,
И чувствовалъ, что не для нихъ родился.
Я неба не любилъ, когда дивился
Пространству безъ начала и конца,
Завидуя судьбѣ его творца.
Но, потерявъ отчизну и свободу,
Я вдругъ нашелъ себя; въ себѣ одномъ
Нашелъ спасенье цѣлому народу,
И утонулъ дѣятельнымъ умомъ
Въ единой мысли, можетъ быть, напрасной
И безполезной для страны родной,
Но какъ надежда чистой и прекрасной,
Какъ вольность сильной и святой!...

СЮЖЕТЪ.

1. Молодежь разговариваетъ о томъ, что татары пріѣдутъ толпой и все берутъ: никто не смѣетъ слова сказать. Зарево видно. Иные говорятъ, что лучше предаваться татарамъ, чѣмъ умирать и т. п. Мстиславъ вскакиваетъ и уходитъ. Онъ все сначала молчалъ;

онъ кажется равнодушенъ къ бѣдствіямъ отечества; и его порицаютъ за это.

2. Паломникъ у Ольги; онъ разсказываетъ про Іерусалимъ, путешествія и разрушенный Кіевъ. Мстиславъ входитъ, и слыша разсказы о прежней вольности, ему приходитъ въ голову мысль освободить родину отъ татаръ. Ольгѣ одинъ богатый татаринъ далъ подарки; ея мать позволила; онъ ей нравится.

3. Въ городѣ послы татарскіе. Пиръ у князя. Униженіе князя. Одинъ посолъ за то, что русскій не низко поклонился, велитъ его казнить. Мстиславъ убиваетъ посла и скрывается.

4. Татаринъ любитъ Ольгу. Мать не противъ. Онъ обольщаетъ ее. Это длинная сцена. Между тѣмъ, множество заговорщиковъ разговариваютъ о возмущеніи противъ татаръ; они ищутъ начальника и выборъ падаетъ на Мстислава; они идутъ искать его.

5. Мстиславъ на курганѣ; три ночи онъ молился. Приходитъ паломникъ и узнаетъ его. Мстиславъ спрашиваетъ его о сестрѣ; паломникъ говоритъ, что про сестру его носятся дурные слухи, будто она въ связи съ мурзой татарскимъ; это еще болѣе воспламеняетъ его. Приходятъ заговорщики, избираютъ его начальникомъ. Онъ клянется имъ. Они хотятъ напасть на станъ татаръ, кои приближались опять, чтобы грабить, и надѣятся, что Россія послѣдуетъ ихъ примѣру.

6. Мстиславъ возвращается домой печаленъ, озабоченъ, угрюмъ. Сцена, гдѣ видна его любовь къ сестрѣ, Онъ ее спрашиваетъ: любитъ ли его одного; она смущается; онъ приготавливаетъ ее къ тому, что самъ, можетъ быть, погибнетъ, и спрашиваетъ, готова ли она все пожертвовать для отечества; потомъ, какъ будто все зналъ, но чтобы испытать правда ли, вдругъ говоритъ: «ты любишь татарина?» Она ему признается, въ испугѣ. Онъ мраченъ, но выноситъ этотъ ударъ; говоритъ ей сильно, какая она преступница, и заставляетъ ее согласиться, что на будущую ночь она его пригласитъ, и тогда его убьютъ; это будетъ сигналомъ кровопролитія. Однако, послѣ этой вѣсти, узнавъ позоръ сестры своей, Мстиславъ предчувствуетъ ужасное, однако не теряетъ духа.

7. Ольга колеблется между отечествомъ и любовникомъ; однако придумываетъ. Въ свиданіи умоляетъ, чтобъ онъ не приходилъ къ ней, ибо его жизнь въ опасности. Мурза допытывается, и догадывается, что есть заговоръ. Она бѣжитъ съ мурзой, боясь братнина гнѣва.

8. Мстиславъ проходитъ мимо деревни. Одна женщина поетъ, баюкая ребенка (Что за пыль... Злы татаровья). Онъ радуется тому, что эта пѣснь вдохнетъ ребенку ненависть противъ татаръ, и что если онъ погибнетъ, то останется еще мститель за отечество. Онъ

идетъ въ назначенное мѣсто, гдѣ всѣ собрались; однако жъ удивляется тому, что мурза не пришелъ.

9. Станъ татаръ; сонный; стражи пьютъ русское вино и засыпаютъ, разговаривая о красотѣ дѣвушки, которая досталась мурзѣ. Приходятъ русскіе и убиваютъ сонныхъ; Мстиславъ считаетъ удары. Онъ входитъ въ палатку мурзы и выноситъ оттуда дѣву, говоря, что какъ всѣхъ соглашено убить, то ее жалко; вдругъ узнаетъ, что это его сестра. Она спитъ и бредитъ; и просыпается, вскрикиваетъ, узнаетъ его, упадаетъ. Онъ думаетъ, что она умерла; склоняется надъ ней. Между тѣмъ, крикъ разбудилъ нѣсколькихъ татаръ, кои еще не могутъ опомниться. «Боже, говоритъ Мстиславъ, зачѣмъ одно чувство любви должно погубить мое отечество! — Какъ я ее любилъ, какъ она прекрасна». Выбѣгаетъ мурза; онъ его убиваетъ. Начинается битва; русскихъ перерѣзали.

10. День. Мстиславъ, раненый, подъ деревомъ. Старый воинъ приходитъ. Онъ спрашиваетъ: всѣ ли убиты, и узнаетъ, что всѣ, что татары взяли то же утро городъ и разграбили. Приходятъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ, которые хотятъ скрыться въ лѣсахъ, съ воемъ отчаянія, указывая на зарево. Мстиславъ спрашиваетъ, не видалъ ли онъ женщины въ станѣ, можетъ быть, она не умерла. Тотъ его не понимаетъ. Мстиславъ умираетъ и проситъ, чтобъ надъ нимъ поставилъ крестъ и чтобъ разсказалъ его дѣла какому нибудь пѣвцу, чтобы этой пѣснью возбудить жаръ любви къ родинѣ въ душѣ потомковъ.

СИЛУЭТЪ.

Есть у меня твой силуэтъ.
На память я его чертилъ,
И мнится, этотъ черный цвѣтъ
Родня съ моей душою былъ.
Виситъ онъ на груди моей,
И мраченъ онъ, какъ сердце въ ней.

Души въ глазахъ, ланитъ огня
Не различите вы на немъ,
За то онъ вѣчно близъ меня
И взоръ его не на другомъ.

Онъ тѣнь твоя, но я люблю,
Какъ тѣнь блаженства, тѣнь твою.

***

Какъ духъ отчаянья и зла
Мою ты душу обняла;
О, для чего тебѣ нельзя
Ее совсѣмъ взять у меня?
Моя душа — твой вѣчный храмъ;
Какъ божество твой образъ тамъ;
Не отъ небесъ, лишь отъ него
Я жду спасенья своего.

***

Я не люблю тебя; страстей
И мукъ умчался прежній сонъ;
Но образъ твой въ душѣ моей
Все живъ, хотя безсиленъ онъ.
Другимъ предавшися мечтамъ,
Я все забыть его не могъ;
Такъ храмъ оставленный — все храмъ,
Кумиръ поверженный — все Богъ!

Н. Ф. И.

Дай Богъ, чтобъ вѣчно вы не знали,
Что значатъ толки дураковъ,
И чтобъ вамъ не было печали
Отъ шпоръ, мундира и усовъ!
Дай Богъ, чтобъ васъ не огорчали
Соперницъ ложныя красы,

Чтобы у ногъ вы увидали
Мундиръ и шпоры и усы!

БУХАРИНОЙ.

Не чудно ль, что зовутъ васъ Вѣра
Ужели можно вѣрить вамъ?
Нѣтъ, я не дамъ своимъ друзьямъ
Такого страннаго примѣра!...
Повѣрить стоитъ разъ... но что жъ?
Вѣдь самъ раскаяваться будешь,
Закона вѣры не забудешь,
И старовѣромъ прослывешь?

ТРУБЕЦКОМУ.

Нѣтъ! міръ совсѣмъ пошелъ не такъ.
Обиняковъ не понимаютъ.
Скажи не просто: «ты дуракъ»,
За комплиментъ ужъ принимаютъ!
Все то, на чемъ ума печать,
Они привыкли ненавидѣть!
Такъ стану жъ умнымъ называть,
Когда захочется обидѣть.

АЛЯБЬЕВОЙ.

Вамъ красота, чтобы блеснуть,
Дана;
Въ глазахъ душа, чтобъ обмануть,
Видна!...
Но звалъ ли васъ хоть кто нибудь:
Она?...

Л. НАРЫШКИНОЙ.

Всѣмъ жалко васъ: вы такъ устали!
Вы не хотѣли танцовать —
И цѣлый вечеръ танцовали!
Какъ наконецъ не перестать?...
Но если бъ всѣ цѣнить умѣли
Вашъ умъ, любезность вашихъ словъ,
Клянусь безсмертіемъ боговъ,
Тогда бъ мазурки опустѣли.

ТОЛСТОЙ.

Не даромъ она, не даромъ
Съ отставнымъ гусаромъ.

МАРТЫНОВОЙ.

Когда поспорить вамъ придется,
Не спорьте никогда о томъ,
Что невозможно быть съ умомъ
Тому, кто въ этомъ признается;
Кто съ вами разъ поговорилъ,
Тотъ съ вами вѣчно спорить будетъ,
Что умъ вашъ вѣчно не забудетъ
И что другое все забылъ.

ДОДО.

Умѣешь ты сердца тревожить,
Толпу очей остановить,
Улыбкой гордой уничтожить,
Улыбкой нѣжной оживить;

Умѣешь ты польстить случайно,
Съ холодной важностью лица,
И умника унизить тайно,
Взявъ пылко сторону глупца.
Какъ въ талисманѣ стихъ небрежной,
Какъ надъ пучиною мятежной
Свободный парусъ челнока —
Ты беззаботна и легка.
Тебя не понялъ сѣверъ хладный;
Въ нашъ кругъ ты брошена судьбой,
Какъ божество страны чужой,
Какъ въ день печали мигъ отрадный!

БАШИЛОВУ.

Вы старшина собранья вѣрно,
Такъ я прошу васъ объявить,
Могу ль я здѣсь нелицемѣрно
Въ-глаза всѣмъ правду говорить?
Авось, авось займетъ насъ дѣломъ
Иль хоть забавитъ новый годъ,
Когда одинъ въ собраньи цѣломъ
Ему на встрѣчу не солжетъ.
И такъ, я васъ не поздравляю:
Что годъ сей дастъ вамъ—знаетъ Богъ!
За то минувшій, увѣряю,
Отмстилъ за васъ, какъ только могъ.

БУЛГАКОВУ.

На вздоръ и шалости ты хватъ
И мастеръ на бездѣлки,
И шутовской надѣвъ нарядъ,
Ты былъ въ своей тарелкѣ.

За службу долгую и трудъ,
Авось на мѣсто класса,
Тебѣ, мой другъ, по смерть дадутъ
Чинъ и мундиръ паяса.

***

Вы не знавали ль князь Петра?
Танцуетъ, пишетъ онъ порою;
Отъ ногъ его и отъ пера
Московскимъ дурамъ нѣтъ покою.
Ему устать бы ужъ пора
Ногами — но не головою.

***

Люблю я цѣпи синихъ горъ,
Когда, какъ южный метеоръ,
Ярка безъ свѣта и красна
Всплываетъ изъ-за нихъ луна,
Царица лучшихъ думъ пѣвца,
И лучшій перлъ того вѣнца,
Которымъ сводъ небесъ порой
Гордится, будто царь земной.
На западѣ вечерній лучъ
Еще горитъ на ребрахъ тучъ,
И уступить все медлитъ онъ
Лунѣ — угрюмый небосклонъ.
Но скоро гаснетъ лучъ зари...
Высоко мѣсяцъ... Двѣ иль три
Младыя тучки окружатъ
Его сейчасъ... Вотъ весь нарядъ,
Которымъ бѣлое чело
Ему убрать позволено.—

Кто не знавалъ такихъ ночей
Въ ущельяхъ горъ иль средь степей?
Однажды, при такой лунѣ,
Я мчался на лихомъ конѣ,
Въ пространствѣ голубыхъ долинъ,
Какъ вѣтеръ, воленъ и одинъ.
Туманный мѣсяцъ и меня,
И гриву, и хребетъ коня
Сребристымъ блескомъ осыпалъ;
Я чувствовалъ какъ конь дышалъ,
Какъ онъ, ударивши ногой,
Отбрасываемъ былъ землей:
И я въ чудесномъ забытьи,
Движенья сковывалъ свои,
И съ нимъ себя желалъ я слить,
Чтобъ этимъ бѣгъ нашъ ускорить.
И долго такъ мой конь летѣлъ...
И вкругъ себя я поглядѣлъ:
Все та же степь, все та жъ луна...
Свой взоръ склонивъ ко мнѣ, она,
Казалось. упрекала въ томъ,
Что человѣкъ съ своимъ конемъ
Хотѣлъ владычество степей
Въ ту ночь оспоривать у ней!...

---

* * *

Время сердцу быть въ покоѣ
Отъ волненья своего,
Съ той минуты, какъ другое
Ужъ не бьется для него.
Но пускай оно трепещетъ:
То безумной страсти слѣдъ;
Такъ все бурно море плещетъ,

Хоть надъ нимъ ужъ бури нѣтъ!...
Неужли ты не видала,
Въ часъ разлуки роковой,
Какъ слеза моя блистала,
Чтобъ упасть передъ тобой?
Ты отвергнула съ презрѣньемъ
Жертву лучшую мою,
Ты боялась сожалѣньемъ
Воскресить любовь свою.
Но сердечнаго недуга
Не могла ты угасить;
Слишкомъ знаемъ мы другъ друга,
Чтобъ другъ друга позабыть....

---

* * *

Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой!
Какъ ты стыдливъ! Ужели въ первый разъ
Грудь женскую ласкаешь ты рукой?
Въ моихъ объятьяхъ вотъ ужъ цѣлый часъ
Лежишь — и страха все не превозмогъ....
Не лучше ли у сердца, чѣмъ у ногъ?
Дай мнѣ одну минуту въ жизнь свою....
Что злато? — Я тебя люблю! люблю!...

Ты такъ хорошъ! Бывало жду, когда
Настанетъ вечеръ; сяду у окна...
И мимо ты идешь бывало... Да;
Ты помнишь? Серебристая луна,
Какъ ангелъ средь отверженныхъ, межъ тучъ
Блуждала, на тебя кидая лучъ,
И я гордилась тѣмъ, что наконецъ
Соперница моя — небесъ жилецъ.

Печать презрѣнья на моемъ челѣ...
Но справедливъ ли міра приговоръ?
Что добродѣтель, если на землѣ
Проступокъ не безчестье — но позоръ?
Повѣрь, невинныхъ женщинъ вовсе нѣтъ;
Лишь по желанью случай и предметъ
Не вѣчно тутъ. Любить не ставитъ въ грѣхъ
Та одного, та многихъ, эта всѣхъ!

Родителей не знала я своихъ;
Воспитана старухою чужой,
Не знала я веселья лѣтъ младыхъ
И даже не гордилась красотой;
Въ пятнадцать лѣтъ, по волѣ злой судьбы,
Я продана мужчинѣ.... Ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня.
Съ тѣхъ поръ я гибну, гибну — день отъ дня!

Мнѣ милъ мой стыдъ! Онъ право мнѣ даетъ
Тебя лобзать, тебя на мигъ одинъ
Отторгнуть отъ мучительныхъ заботъ!
О, наслаждайся! Ты мой господинъ!
Хотя тебѣ случится, можетъ быть,
Меня въ своихъ объятьяхъ задушить —
Блаженствомъ смерть мнѣ будетъ отъ тебя...
Мой другъ! чего не вынесешь, любя!...

(ОТРЫВОКЪ).

Она была прекрасна, какъ мечтанье
Ребенка подъ свѣтиломъ южныхъ странъ.
Что красота? Ужель одно названье?
Иль грудь высокая и гибкій станъ,
Или большія очи? Но порою

Все это не зовемъ мы красотою:
Уста безъ словъ никто любить не могъ,
Взоръ безъ огня — безъ запаха цвѣтокъ!

Она была свѣжа, какъ розы Леля,
Она была похожа на портретъ
Мадоны и Мадоны Рафаэля,
И врядъ ли было ей осьмнадцать лѣтъ.
Лишь святости черты не выражали:
Глаза огнемъ неистовымъ пылали,
И грудь, волнуясь, поцѣлуй звала....

---

* * *

Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень,
Не нуженъ въ мірѣ я;
Хоть сердце тяжело, какъ камень,
Но все подъ нимъ змѣя.

Меня спасало вдохновенье
Отъ мелочныхъ суетъ;
Но отъ своей души спасенья
И въ самомъ счастьи нѣтъ.

Молю о счастіи, бывало...
Дождался наконецъ —
И тягостно мнѣ счастье стало,
Какъ для царя вѣнецъ.

И всѣ мечты отвергнувъ, снова
Остался я одинъ,
Какъ зàмка мрачнаго, пустаго
Ничтожный властелинъ.

КЪ * * *.

Я не унижусь предъ тобою:
Ни твой привѣтъ, ни твой укоръ
Не властны надъ моей душою.
Знай, мы чужіе съ этихъ поръ.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдамъ;
И такъ пожертвовалъ я годы
Твоей улыбкѣ и глазамъ,
И такъ я слишкомъ долго видѣлъ
Въ тебѣ надежду юныхъ дней,
И цѣлый міръ возненавидѣлъ,
Чтобы тебя любить сильнѣй!
Какъ знать? Быть можетъ, тѣ мгновенья,
Что протекли у ногъ твоихъ,
Я отнималъ у вдохновенья!
И чѣмъ ты замѣнила ихъ?...
Быть можетъ, мыслію небесной
И силой духа убѣжденъ,
Я далъ бы міру даръ чудесный,
А мнѣ за то — безсмертье онъ?...
Зачѣмъ такъ нѣжно обѣщала
Ты замѣнить его вѣнецъ,
Зачѣмъ ты не была сначала,
Какою стала наконецъ!...
. . . .
Я былъ готовъ на смерть и муку,
И цѣлый міръ на битву звать,
Чтобы твою младую руку —
Безумецъ! — лишній разъ пожать.
Не знавъ коварную измѣну,
Тебѣ я душу отдавалъ;
Такой души ты знала ль цѣну?
Ты знала — я тебя не зналъ.

* * *

Какъ лучъ зари, какъ розы Леля
Прекрасенъ цвѣтъ ея ланитъ;
Какъ у Мадоны Рафаэля,
Ея молчанье говоритъ.
Съ людьми горда, судьбѣ покорна,
Не откровенна, не притворна,
Нарочно, мнилося, она
Была для счастья создана.
Но свѣтъ чего не уничтожитъ,
Что благородное снесетъ,
Какую душу не сожжетъ,
Чье самолюбье не умножитъ,
И чьихъ не обольститъ очей
Нарядной маскою своей?

РОМАНСЪ.

Стояла сѣрая скала
    На берегу морскомъ.
Однажды на чело ее
    Слетѣлъ небесный громъ,
И раздвоялъ ее ударъ —
    И новою тропой
Между разрозненныхъ камней
    Течетъ потокъ сѣдой.
Вновь двумъ утесамъ не сойтись,
    Но все они хранятъ
Союза прежняго слѣды —
    Глубокихъ трещинъ рядъ.
Такъ мы съ тобой разлучены
    Злословіемъ людскимъ,
Но для тебя я никогда

Не сдѣлаюсь чужимъ.
И мы не встрѣтимся опять,
И если предъ тобой
Меня случайно назовутъ,
Ты спросишь: кто такой?
И проклиная жизнь мою,
На память приведешь
Былое... и одну себя
Невольно проклянешь.
И не изгладишь ты никакъ
Изъ памяти своей
Не только чувствъ и словъ моихъ —
Минуты прежнихъ дней!...

ПРЕЛЕСТНИЦѢ.

Пускай ханжи глядятъ съ презрѣньемъ
На беззаконный нашъ союзъ,
Пускай людскимъ предубѣжденьемъ
Ты лишена семейныхъ узъ;
Но передъ идолами свѣта
Не гну колѣна я мои;
Какъ ты не знаю въ немъ предмета,
Ни сильной злобы, ни любви.
Какъ ты, кружусь въ весельи шумномъ,
Не чту владыкой никого,
Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
Живу для сердца своего;
Живу, какъ соколъ, беззаботно,
И не тревожимый ничѣмъ;
Я людямъ руки жму охотно,
Хоть презираю ихъ межъ тѣмъ.
Мы брань ихъ — смѣхомъ уничтожимъ,
Насъ клеветы не разлучатъ,

Мы будемъ счастливы, какъ можемъ,
Они пусть будутъ — какъ хотятъ!...

HAD WE NEVER LOVED SO KINDLY.

Если бъ мы не дѣти были,
Если бъ слѣпо не любили,
Не встрѣчались, не прощались —
Мы съ страданьемъ бы не знались.

ЭПИТАФІЯ.

Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочетъ ли свести
Двѣ жертвы жребія земнаго?
Какъ знать! Итакъ, прости, прости!
Ты далъ мнѣ жизнь, но счастья не далъ;
Ты самъ на свѣтѣ былъ гонимъ,
Ты въ людяхъ только зло извѣдалъ,
Но понимаемъ былъ однимъ.
И тотъ, одинъ, когда рыдая
Толпа склонялась надъ тобой,
Стоялъ, очей не отирая,
Небрежный, хладный и нѣмой.
И всѣ, не вѣдая причины,
Винили дерзостно его,
Какъ будто мигъ твоей кончины
Былъ мигомъ счастья для него.
Но что ему ихъ восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чѣмъ страдать
Безъ всякихъ признаковъ страданья!

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВСТУПЛЕНІЯ КЪ ПОВѢСТИ ВЪ СТИХАХЪ:

ДЖУЛІО.

Осенній день тихонько угасалъ
На высотѣ гранитныхъ шведскихъ скалъ.
Туманъ облекъ поверхности озеръ,
Такъ что едва замѣтить могъ бы взоръ
Бѣгущій бѣлый парусъ рыбака.
Я выходилъ тогда изъ рудника,
Гдѣ золото — земныхъ трудовъ предметъ —
Тамъ люди достаютъ ужъ много лѣтъ.
Здѣсь обратились страсти всѣ въ одну,
И вѣчный стукъ тревожитъ тишину;
Между столбовъ гранитныхъ и аркадъ,
Блеститъ огонь трепещущихъ лампадъ,
Какъ мысль въ умѣ, подавленномъ тоской,
Кидая свѣтъ безсильный и пустой!...

Но если очи въ безпривѣтной мглѣ
Угасшія, морщины на челѣ,
Но если блѣдный, вялый цвѣтъ ланитъ
И равнодушный, молчаливый видъ,
Но если вздохъ потерянный въ тиши —
Являютъ грусть глубокую души,
О! не завидуйте судьбѣ такой:
Печальна жизнь въ могилѣ золотой!
Повѣрьте мнѣ: немногіе изъ нихъ
Могли собрать плоды трудовъ своихъ.

Не нахожу достаточно рѣчей,
Чтобъ описать восторгъ души моей,
Когда я вновь взглянулъ на небеса,
И освѣжила голову роса.
Тянулись цѣпью острыя скалы

Передо мной; пустынные орлы
Носилися, крича средь высоты.
Я зрѣлъ вдали кудрявые кусты
У озера спокойныхъ береговъ
И стебли черные сухихъ дубовъ.
Отъ рудника вился желтѣя путь...
Какъ я желалъ скорѣй въ себя вдохнуть
Прохладный воздухъ, вольный какъ народъ
Тѣхъ горъ, куда сей узкій путь ведетъ.

Вожатому подарокъ я вручилъ,
Но, признаюсь, меня онъ удивилъ,
Когда не принялъ денегъ. Я не могъ
Понять зачѣмъ, и снова въ кошелекъ
Не смѣлъ ихъ положить... Его черты
(Развалины минувшей красоты,
Хоть не являли старости онѣ),
Казалося, знакомы были мнѣ.

И подойдя, взявъ руку у меня,
«Напрасно бъ», онъ сказалъ: «скрывался я.
Такъ, Джуліо предъ вами...»
. . . .
(Мартъ 1830).

КАВКАЗЪ.

Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней,
О, южныя горы, отторгнутъ отъ васъ!
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ.
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ.

Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ,
Но мнилось, что въ розовый вечера часъ

Та степь повторяла мнѣ памятный гласъ.
За это люблю я вершины тѣхъ скалъ,
Люблю я Кавказъ.

Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ!
Пять лѣтъ пронеслось, все тоскую по васъ.
Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ —
И сердце лепечетъ, воспомня тотъ взоръ:
Люблю я Кавказъ!

Н. Ф. И . . . . . ВОЙ.

Любилъ съ начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Гдѣ укрывался весь въ себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожалѣнье.

Счастливцы, мнилъ я, не поймутъ
Того, что самъ не разберу я;
И черныхъ думъ не унесутъ
Ни радость дружескихъ минутъ,
Ни страстный пламень поцѣлуя.

Мои неясныя мечты
Я выразить хотѣлъ стихами,
Чтобы, прочтя сіи листы,
Меня бы примирила ты
Съ людьми и буйными страстями.

Но взоръ спокойный, чистый твой
Въ меня вперился. Изумленной
Ты покачала головой,
Сказавъ, что боленъ разумъ мой,
Желаньемъ вздорнымъ ослѣпленный.

Я, вѣруя твоимъ словамъ,
Глубоко въ сердце погрузился;
Однако же нашелъ я тамъ,
Что умъ мой не по пустякамъ
Къ чему-то тайному стремился;

Къ тому, чего даны въ залогъ
Съ толпою звѣздъ ночные своды;
Къ тому, что̀ обѣщалъ намъ Богъ
И что̀ бъ уразумѣть я могъ.
Черезъ мышленіе и годы.

Но пылкій, но суровый нравъ
Меня грызетъ отъ колыбели...
И въ жизни зло лишь испытавъ,
Умру я, сердцемъ не познавъ
Печальныхъ думъ печальной цѣли.

СМЕРТЬ.

(ночь II).

Погаснулъ день! И тьма ночная своды
Небесные какъ саваномъ покрыла.
Кой гдѣ на немъ вертѣлись и мелькали
Свѣтящіяся точки,
И между нихъ земля вертѣлась наша;
На ней, спокойствіемъ объятой тихимъ,
Уснуло все — и я одинъ лишь не спалъ.
Одинъ я не спалъ... Страшнымъ полусвѣтомъ —
Межъ радостью и горестью срединой —
Мое тѣснилось сердце, и желалъ я
Веселіе или печаль умножить
Воспоминаньемъ о убитой жизни.
Послѣднее, однако, было легче!...

Вотъ съ запада скелетъ неизмѣримый
По мрачнымъ сводамъ началъ подниматься,
И звѣзды заслонилъ собою...
И цѣлые міры предъ нимъ уничтожались,
И все трещало подъ его ногами
Ничтожество за ними оставалось!
И вотъ приблизился къ земному шару
Гигантъ всесильный. — Все на ней уснуло,
Ничто встревожиться не мыслило; единый,
Единый смертный видѣлъ, чтò не дай Богъ
Созданію живому видѣть...

И вотъ онъ поднялъ костяныя руки —
И въ каждой онъ держалъ по человѣку
Дрожащему — и мнѣ они знакомы были —
И кинулъ взоръ на нихъ я — и заплакалъ!...
И страшный голосъ вдругъ раздался: «малодушный!
Сынъ праха и забвенія, не ты ли,
Изнемогая въ мукахъ нестерпимыхъ,
Ко мнѣ взывалъ?... Я здѣсь: я смерть!...
Мое владычество безбрежно!...
Вотъ двое. Ты ихъ знаешь — ты любилъ ихъ —
Одинъ изъ нихъ погибнетъ. Позволяю
Опредѣлить неизбѣжимый жребій...
И ты умрешь, и въ вѣчности погибнешь,
И ихъ нигдѣ, нигдѣ вторично не увидишь...
Знай, какъ исчезаетъ время, такъ и люди —
Его рожденье — только Богъ лишь вѣченъ...
Рѣшись, несчастный!...»

Тутъ невольный трепетъ
По мнѣ мгновенно началъ разливаться,
И зубы, крѣпко застучавъ, мѣшали
Словамъ жестокимъ вырваться изъ груди;
И наконецъ, преодолѣвъ свой ужасъ,

Къ скелету я воскликнулъ: «оба! оба!...
Я вѣрю: нѣтъ свиданья — нѣтъ разлуки!...
Они довольно жили, чтобы вѣчно
Продлилося ихъ наказанье.
Ахъ! и меня возьми — земнаго червя,
И землю раздроби — гнѣздо разврата,
Безумства и печали!...
Все, все беретъ она у насъ обманомъ
И не даритъ намъ ничего, кромѣ рожденья...
Проклятье этому подарку!...
Мы безъ него тебя бы не знавали,
Поэтому и тщетной, бѣдной жизни,
Гдѣ нѣтъ надеждъ — и всюду опасенья.
Да гибнутъ же друзья мои, да гибнутъ!...
Лишь объ одномъ я буду плакать:
Зачѣмъ они не дѣти!...»

И видѣлъ я, какъ руки костяныя
Моихъ друзей сдавили — ихъ не стало —
Не стало даже призраковъ и тѣней...
Туманомъ облачился образъ смерти,
И такъ пошелъ на сѣверъ. Долго, долго,
Ломая руки и глотая слезы,
Я на Творца роптал, страшась молиться!...

НЕЗАБУДКА.

(СКАЗКА).

Въ старинны годы люди были
Совсѣмъ не то, что въ наши дни;
(Коль въ мірѣ есть любовь) любили
Чистосердечнѣе они.
О древней вѣрности, конечно,
Слыхали какъ нибудь и вы;

Но какъ сказанія молвы
Все дѣло перепортятъ вѣчно,
То я вамъ точный образецъ
Хочу представить наконецъ

У влаги ручейка холодной,
Подъ тѣнью липовыхъ вѣтвей,
Не опасаясь злыхъ очей,
Однажды рыцарь благородный
Сидѣлъ съ любезною своей...
Тихонько ручкой молодою
Она красавца обняла.
Полна невинной простотою
Бесѣда мирная текла.

«Другъ, не клянися мнѣ напрасно!»
Сказала дѣва: «вѣрю я —
Ясна, чиста любовь твоя,
Какъ эта звонкая струя,
Какъ этотъ сводъ надъ нами ясной;
Но ка̀къ она въ тебѣ сильна,
Еще не знаю. Посмотри-ка,
Тамъ рдѣетъ пышная гвоздика,
Но, нѣтъ! гвоздика не нужна!
Подалѣе, какъ ты унылый,
Чуть видѣнъ голубой цвѣтокъ...
Сорви же мнѣ его, мой милый:
Онъ для любви не такъ далекъ!»

Вскочилъ мой рыцарь, восхищенный
Ея душевной простотой;
Черезъ ручей прыгнувъ, стрѣлой
Летитъ онъ — цвѣтикъ драгоцѣнный
Сорвать поспѣшною рукой...
Ужъ близко цѣль его стремленья,

Какъ вдругъ подъ нимъ (ужасный видъ)
Земля невѣрная дрожитъ;
Онъ вязнетъ, нѣтъ ему спасенья!...
Взоръ кинувъ полный весь огня
Своей красавицѣ безгласной,
«Прости! не позабудь меня!...»
Воскликнулъ юноша несчастный —
И мигомъ пагубный цвѣтокъ
Схватилъ рукою безнадежной
И сердца пылкаго въ залогъ
Его онъ кинулъ дѣвѣ нѣжной.

Цвѣтокъ печальный съ этихъ поръ
Любови дорогъ; сердце бьется,
Когда его примѣтитъ взоръ;
Онъ незабудкою зовется.
Въ мѣстахъ сырыхъ, вблизи болотъ,
Какъ бы страшась прикосновенья,
Онъ ищетъ тамъ уединенья,
И цвѣтомъ неба онъ цвѣтетъ,
Гдѣ смерти нѣтъ и нѣтъ забвенья.

Вотъ повѣсти конецъ моей —
Судите, быль или небылица.
А виновата ли дѣвица,
Сказала, вѣрно, совѣсть ей!

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

Я видалъ иногда, какъ ночная звѣзда
Въ зеркальномъ заливѣ блеститъ,
Какъ трепещетъ въ струяхъ, и серебряный прахъ,
Отъ нея разсыпаясь, бѣжитъ.

Но поймать ты не льстись, и ловить берегись:
Обманчивы лучъ и волна....
Мракъ тѣни твоей только ляжетъ на ней,
Отойдешь — и заблещетъ она!

Свѣтской радости такъ безпокойный призрàкъ
Насъ мàнитъ подъ хладною мглой.
Ты къ нему — онъ шутя убѣжитъ отъ тебя,
Ты обмануть — онъ вновь предъ тобой!

(ОТРЫВОКЪ).

...Теперь я вижу: пышный свѣтъ
Не для людей былъ сотворенъ.
Мы сгибнемъ — нашъ сотрется слѣдъ,
Таковъ нашъ рокъ, таковъ законъ.
Нашъ духъ вселенной вихрь умчитъ
Къ безбрежнымъ, мрачнымъ сторонамъ;
Нашъ прахъ лишь землю умягчитъ
Другимъ, чистѣйшимъ существамъ.

Не будутъ проклинать они;
Межъ нихъ ни злата, ни честей
Не будетъ; станутъ течь ихъ дни
Невинные, какъ дни дѣтей;
Межъ нихъ ни дружбу, ни любовь
Приличья цѣпи не сожмутъ,
И братьевъ праведную кровь
Они со смѣхомъ не прольютъ!...

Къ нимъ станутъ (какъ всегда могли)
Слетаться ангелы. А мы
Увидимъ этотъ рай земли,
Окованы надъ бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска

И вѣчность съ цѣлію одной:
Вотъ казнь за цѣлые вѣка
Злодѣйствъ, кипѣвшихъ подъ луной.

ВЪ ВОСКРЕСЕНСКѢ.

(НАПИСАНО НА СТѢНАХЪ ЖИЛИЩА НИКОНА).

Оставленная пустынь предо мной
Бѣлѣется вечернею порой,
Послѣдній лучъ на ней еще горитъ;
Но колоколъ растреснувшій молчитъ.
Его, бывало, заунывный гласъ
Звалъ братью къ всенощной въ сей мирный часъ.
Зеленый мохъ, растущій надъ окномъ,
Заржавленные ставни и кругомъ
Высокая полынь — все, все безъ словъ
Намъ говоритъ о таинствахъ гробовъ...
. . . .
Таковъ старикъ подъ грузомъ тяжкихъ лѣтъ
Еще хранящій жизни первый цвѣтъ;
Хотя онъ свѣжъ, на немъ печать могилъ
Тѣхъ юношей, которыхъ пережилъ.

ПРОСТИ.

(ИЗЪ БАЙРОНА).

Прости! Коль могутъ къ небесамъ
Взлетать молитвы за другихъ,
Моя молитва будетъ тамъ,
И даже улетитъ за нихъ.
Напрасно плакать и вздыхать:
Кровавыхъ капли слезъ порой

Не могутъ болѣе сказать,
Чѣмъ звукъ прощанья роковой!...

Уста молчатъ, засохъ мой взоръ,
Но подавили грудь и умъ
Непроходимыхъ мукъ соборъ,
Съ толпой неусыпимыхъ думъ.
О страсти не жалѣю вновь:
Лишь знаю я — и могъ снести —
Что тщетно въ насъ жила любовь,
Лишь чувствую. Прости! прости!

ЭЛЕГІЯ.

Дробись, дробись, волна ночная,
И пѣной орошай брега въ туманной мглѣ.
Я здѣсь стою близъ моря на скалѣ,
Стою, задумчивость питая,
Одинъ, покинувъ свѣтъ, и чуждый для людей,
И ни кому тоски повѣрить не желая.
Вблизи меня палатки рыбарей;
Межъ нихъ блеститъ огонь гостепріимной;
Семья безпечная сидитъ вкругъ огонька,
И внемля повѣсть старика,
Себѣ готовитъ ужинъ дымной!
Но я далекъ отъ счастья ихъ душой:
Я помню блескъ обманчивой столицы,
Веселій пагубныхъ невозвратимый рой...
И что жъ? Слеза бѣжитъ съ рѣсницы,
И сожалѣніе мою тревожитъ грудь;
Года погибшіе являются всечасно....
И этотъ взоръ, задумчивой и ясной....
Твержу, твержу душѣ: забудь!
Онъ все передо мной! я все твержу напрасно!

О, если бъ я въ семъ мѣстѣ былъ рожденъ,
Гдѣ не живетъ среди людей коварность,
Какъ много бы я былъ судьбою одолженъ —
Теперь у ней нѣтъ правъ на благодарность!...
Какъ жалокъ тотъ, чья младость принесла
Морщину лишнюю для стараго чела,
И отобравъ всѣ милыя желанья,
Одно печальное раскаянье дала...
Кто чувствовалъ, какъ я, чтобъ чувствовать страданья,
Кто рано свѣтъ узналъ и съ страшной пустотой,
Какъ я, оставилъ брегъ земли своей родной
Для добровольнаго изгнанья!...

ЭПИТАФІЯ.

Простосердечный сынъ свободы
Для чувствъ онъ жизни не щадилъ,
И вѣрныя черты природы
Онъ часто списывать любилъ.

Онъ вѣрилъ темнымъ предсказаньямъ,
И талисманамъ, и любви —
И неестественнымъ желаньямъ
Онъ отдалъ въ жертву дни свои.

И въ немъ душа запасъ хранила
Блаженства, муки и страстей.
Онъ умеръ. Здѣсь его могила.
Онъ не былъ созданъ для людей.

SENTENZ.

Когда бы могъ весь свѣтъ узнать,
Что жизнь съ надеждами, мечтами —

*

Не что иное, какъ тетрадь
Съ давно извѣстными стихами.

ГРОБЪ ОССІАНА.

Подъ занавѣсою тумана,
Подъ небомъ бурь, среди степей,
Стоитъ могила Оссіана
Въ горахъ Шотландіи моей.
Летитъ къ ней духъ мой усыпленной
Родимымъ вѣтромъ подышать
И отъ могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять!...

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Прими, прими мой грустный трудъ
И, если можешь, плачь надъ нимъ.
Я много плакалъ. Не придутъ
Вновь эти слезы — вѣчно имъ
Не освѣжать моихъ очей.
Когда катилися они,
Я думалъ, думалъ все о ней,
Жалѣлъ и ждалъ другіе дни!
Ужъ нѣтъ ея, и слезъ ужъ нѣтъ,
И нѣтъ надеждъ. Передо мной
Блеститъ надменный, глупый свѣтъ
Съ своей красивой пустотой!
Ужель я для него писалъ?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящалъ,
Являя сердца полноту?
Цѣнить онъ только злато могъ,
И гордыхъ думъ не постигалъ:

Мой геній сплелъ себѣ вѣнокъ
Въ ущелинахъ кавказскихъ скалъ.
Однимъ высокимъ увлеченъ,
Онъ только жертвуетъ любви;
Принесть тебѣ лишь — можетъ онъ
Любимые труды свои.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Тебѣ я нѣкогда ввѣрялъ
Души взволнованной мечты;
Я бѣденъ былъ — ты это зналъ,
И бѣдняка не кинулъ ты.

Ты примирилъ меня съ судьбой,
Съ мятежной властію страстей;
Тобой, единственно тобой,
Я сталъ, чѣмъ былъ съ давнишнихъ дней.

И муза, по моей мольбѣ,
Сошла опять со святой горы;
Но вѣрь, принадлежатъ тебѣ
Ея вѣнокъ, ея дары!

МОЯ МОЛЬБА.

(ПОСЛѢ РАЗГОВОРА СЪ СТАРУШКОЙ, ПЛАКАВШЕЙ НАДЪ ГРАНДИСОНОМЪ).

Да охраняюся я отъ мушекъ,
Отъ дѣвъ незнающихъ любви,
Отъ дружбы слишкомъ нѣжной, и —
Отъ романтическихъ старушекъ.

КЪ * * *

(ПРОЧИТАВЪ ЖИЗНЬ БАЙРОНА, НАПИСАННУЮ МУРОМЪ).

Не думай, чтобъ я былъ достоинъ сожалѣнья,
Хотя слова мои печальны — нѣтъ!
Нѣтъ! всѣ мои жестокія мученья —
Одно предчувствіе гораздо большихъ бѣдъ.

Я молодъ; но кипятъ на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я бъ хотѣлъ:
У насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки.
О, если бъ одинаковъ былъ удѣлъ!...

Какъ онъ, ищу забвенья и свободы,
Какъ онъ, въ ребячествѣ пылалъ ужъ я душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды,
И бурь земныхъ и бурь небесныхъ вой.

Какъ онъ, ищу спокойствія напрасно,
Гонимъ повсюду мыслію одной.
Гляжу назадъ — прошедшее ужасно,
Гляжу впередъ — тамъ нѣтъ души родной.

(КЪ ТРАГЕДІИ).

Взгляни на тихую луну! О, какъ прекрасна!
И облака вокругъ нея!... Луна!
Луна!... Ахъ, сколько въ этомъ звукѣ чувствъ!
Что будетъ, что теперь, и что прошло—все въ немъ
Соединяется — и что прошло!...
И кто бъ подумать могъ, что та жъ луна,
Которая была нѣмой свидѣтель
Минуты первой, у ручья, въ горахъ — ты помнишь —
Что та жъ луна свидѣтель будетъ
Разлуки, нѣжная Эмилія!...

Взгляни опять: подобная Армидѣ,
Подъ дымкою серебристой мглы ночной
Она идетъ въ волшебный замокъ свой.
Вокругъ нея и слѣдомъ — тучки
Тѣснятся, будто рыцари, вожди,
Горящіе любовью; и когда
Чело ихъ обращается къ прекрасной —
Оно блеститъ; когда же отвернутъ
Къ соперникамъ — то ревность и досада
Его покроетъ тотчасъ... Посмотри,
Какъ шлемы ихъ чернѣются, какъ перья
Колеблются во мракѣ... Помнишь, помнишь
Тотъ вечеръ? Все, какъ было — кромѣ
Судьбы Фернандо!... Небо и земля
Всѣ тѣ же.... Только люди!... Если бъ ты
Не причислялась къ нимъ, то я бъ ихъ проклялъ!
(Май 1830).

1830 ГОДА ІЮЛЯ 15-го.

Зачѣмъ семьи родной безвѣстный кругъ
Я покидалъ? Все сердце грѣло тамъ,
Все было мнѣ наставникъ или другъ,
Все вѣрило младенческимъ мечтамъ.
Какъ ужасы плѣняли юный духъ!
Какъ я рвался на волю къ облакамъ!
Готовъ лобзать уста друзей былъ я,
Не посмотрѣвъ, не скрыта ль въ нихъ змѣя.

Но въ общество иное я вступилъ,
Узналъ людей и дружескій обманъ,
Сталъ подозрителенъ и погубилъ
Безпечности душевной талисманъ.
Чтобы никто теперь не говорилъ:
Онъ будетъ другъ мнѣ! Боль старинныхъ ранъ

Изъ груди извлечетъ не рѣчь, но стонъ;
И не привѣтъ, упрекъ услышитъ онъ.

Ахъ! я любилъ, когда я былъ счастливъ,
Когда лишь отъ любви могъ слезы лить.
Но эту грудь страданьемъ напоивъ,
Скажите мнѣ, возможно ли любить?
Страшусь, въ объятьяхъ дѣву заключивъ,
Живую душу ядомъ напоить
И показать, что сердце у меня
Есть жертвенникъ сгорѣвшій отъ огня.

Но лучше я, чѣмъ для людей кажусь;
Они въ лицѣ не могутъ чувствъ прочесть;
И что молва кричитъ о мнѣ... боюсь!
Когда бъ я зналъ, не могъ бы перенесть.
Противу нихъ во мнѣ горитъ, клянусь,
Не злоба, не презрѣніе, не месть.
Но... для чего старалися они
Такъ отравить ребяческіе дни?

Согбенный лукъ, порвавши тетиву,
Гремитъ, но вновь не будетъ прямъ, какъ былъ.
Чтобъ цѣпь ихъ сбросить, я поднявъ главу,
Послѣднее усиліе свершилъ;
Что жъ? Нынѣ жалкій, грустный я живу
Безъ дружбы, безъ надеждъ, безъ думъ, безъ, силъ,
Блѣднѣй, чѣмъ лучъ безчувственной луны,
Когда въ окно скользитъ онъ вдоль стѣны.

Москва.

10-е ІЮЛЯ 1830.

Опять вы, гордые, возстали
За независимость страны,

И снова передъ вами пали
Тиранства низкіе сыны,
И снова знамя вольности кровавой
Явилося — побѣды мрачной знакъ;
Оно любимо прежде было славой;
Суворовъ былъ его сильнѣйшій врагъ...

ЧЕРНООКОЙ.

Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи.

Вблизи тебя до этихъ поръ
Я не слыхалъ въ груди огня;
Встрѣчалъ ли твой волшебный взоръ,
Не билось сердце у меня:

И пламень звѣздочныхъ очей,
Который вѣчно, можетъ быть,
Останется въ груди моей,
Не могъ меня воспламенить.

Къ чему жъ разлуки первый звукъ
Меня заставилъ трепетать!
Онъ не предвѣстникъ долгихъ мукъ,
Я не люблю! зачѣмъ страдать?

Однако же, хоть день, хоть часъ,
Желалъ бы дольше здѣсь пробыть,
Чтобъ блескомъ вашихъ чудныхъ глазъ
Тревогу мыслей усмирить.

Середниково. 12 августа. 1830.

БЛАГОДАРЮ.

Благодарю!... вчера мое признанье
И стихъ мой ты безъ смѣха приняла:
Хоть ты страстей моихъ не поняла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!

Въ другомъ краю ты нѣкогда плѣняла;
Твой чудный взоръ и острота рѣчей
Останутся навѣкъ въ душѣ моей,
Но не хочу, чтобы ты мнѣ сказала:
Благодарю!

Я бъ не желалъ умножить въ цвѣтѣ жизни
Печальную толпу твоихъ рабовъ
И отъ тебя услышать, вмѣсто словъ
Язвительной, жестокой укоризны:
Благодарю!

О, пусть холодность мнѣ твой взоръ укажетъ,
Пусть онъ убьетъ надежды и мечты
И все, что въ сердцѣ возродила ты;
Душа моя тебѣ тогда лишь скажетъ:
Благодарю!

Середниково. 12 августа. 1830.

---

* * *

У вратъ обители святой
Стоялъ — просящій подаянья,
Безсильный, блѣдный и худой
Отъ глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлѣба онъ просилъ
И взоръ являлъ живую муку,

И кто-то камень положилъ
Въ его протянутую руку!

Такъ я молилъ твоей любви,
Съ слезами горькими, съ тоскою;
Такъ чувства лучшія мои
Навѣкъ обмануты тобою.

(17 августа).

ЭКСПРОМТЪ.

Три граціи считались въ древнемъ мірѣ;
Родились вы... все три, а не четыре!

ВЕСНА.

Когда весной разбитый ледъ
Рѣкой взволнованной идетъ,
Когда среди полей, мѣстами,
Чернѣетъ голая земля,
И мгла ложится облаками
На полуюныя поля:
Мечтанье злое грусть лелѣетъ
Въ душѣ неопытной моей;
Гляжу — природа молодѣетъ,
Не молодѣть лишь только *ей*:
Ланитъ покойныхъ пламень алый
Съ годами время уведетъ,
И тотъ, кто такъ страдалъ бывало,
Любви къ ней въ сердцѣ не найдетъ.

---

* * *

Зови надежду сновидѣньемъ,
Неправду — истиной зови,

Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Лишь вѣрь одной моей любви!
Такой любви нельзя не вѣрить,
Мой взоръ не скроетъ ничего;
Съ тобою грѣхъ мнѣ лицемѣрить:
Ты слишкомъ ангелъ для того.

СТАНСЫ.

Взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ,
Хотя звѣзда судьбы моей
Померкнула съ давнишнихъ поръ,
А съ ней и думы свѣтлыхъ дней!
Слеза, которая не разъ
Рвалась блеснуть передъ тобой,
Ужъ не придетъ, какъ прошлый часъ,
На смѣхъ подосланный судьбой.

Смѣялась надо мною ты,
И я презрѣньемъ отвѣчалъ;
Съ тѣхъ поръ сердечной пустоты
Я ужъ ничѣмъ не замѣнялъ!
Ничто не сблизитъ больше насъ,
Ничто мнѣ не отдастъ покой,
И сердце шепчетъ мнѣ подчасъ:
«Я не могу любить другой!»

Я жертвовалъ другимъ страстямъ;
Но если первыя мечты
Служить не могутъ снова намъ,
То чѣмъ же ихъ замѣнишь ты?
Чѣмъ ты украсишь жизнь мою,
Когда ужъ обратила въ прахъ

Мои надежды въ семъ краю,
А можетъ быть и въ небесахъ?
(26 августа).

---

* * *

Когда къ тебѣ молвы разсказъ
Мое названье принесетъ
И моего рожденья часъ
Передъ полміромъ проклянетъ,
Когда мнѣ пищей станетъ кровь
И буду жить среди людей,
Ни чью не радуя любовь
И злобы не боясь ни чьей:
Тогда раскаянья кинжалъ
Пронзитъ тебя, и вспомнишь ты,
Что̀ при прощаньи я сказалъ:
Увы! то были не мечты,
И если только наконецъ
Моя лишь грудь поражена,
То вѣрно прежде зналъ Творецъ,
Что ты страдать не рождена.

КЪ Л***

(ПОДРАЖАНІЕ БАЙРОНУ).

У ногъ другихъ не забывалъ
Я взоръ твоихъ очей;
Любя другихъ, я лишь страдалъ
Любовью прежнихъ дней.
Такъ память, демонъ-властелинъ,
Все будитъ старину,

И я твержу одинъ, одинъ:
Люблю, люблю одну!

Принадлежишь другому ты,
Забытъ пѣвецъ тобой;
Съ тѣхъ поръ влекутъ меня мечты
Прочь отъ земли родной;
Корабль умчитъ меня отъ ней
Въ безвѣстную страну,
И повторитъ волна морей:
Люблю, люблю одну!

И не узнаетъ шумный свѣтъ,
Кто нѣжно такъ любимъ;
Какъ я страдалъ и сколько лѣтъ
Я памятью томимъ
И гдѣ бы я ни сталъ искать
Былую тишину,
Все сердце будетъ мнѣ шептать:
Люблю, люблю одну!

***

Передо мной лежитъ листокъ,
Совсѣмъ ничтожный для другихъ,
Но въ немъ сковалъ случайно рокъ
Толпу надеждъ и думъ моихъ.
Исписанъ онъ твоей рукой
И я вчера его укралъ,
И для добычи дорогой
Готовъ страдать, какъ ужъ страдалъ.

***

Свершилось! полно ожидать
Послѣдней встрѣчи и прощанья!
Разлуки часъ и часъ страданья
Придутъ — зачѣмъ ихъ отклонять!
Ахъ! я не зналъ, когда глядѣлъ
На чудные глаза прекрасной,
Что часъ прощанья, часъ ужасный,
Ко мнѣ внезапно подлетѣлъ.
Свершилось! голосомъ безцѣннымъ
Мнѣ больше сердца не питать;
Запрусь въ углу уединенномъ
И буду плакать... вспоминать!

1 октября 1830.

***

Итакъ, прощай! впервые этотъ звукъ
Тревожитъ такъ жестоко грудь мою.
Прощай!—шесть буквъ приносятъ столько мукъ,
Уносятъ все, что̀ я теперь люблю!
Я встрѣчу взоръ ея прекрасныхъ глазъ
И можетъ быть... какъ знать... въ послѣдній разъ.

МОГИЛА БОЙЦА.

Онъ спитъ послѣднимъ сномъ давно,
Онъ спитъ послѣднимъ сномъ;
Надъ нимъ бугоръ насыпанъ былъ,
Зеленый дернъ кругомъ.

Сѣдые кудри старика
Смѣшалися землей:

Они взвѣвались по плечамъ
За чашей пировой.

Они бѣлы, какъ пѣна волнъ,
Біющихся у скалъ;
Уста любимыя бесѣдъ
Впервые хладъ сковалъ.

И блѣдны щеки мертвеца,
Какъ ликъ его враговъ
Блѣднѣлъ, когда являлся онъ
Одинъ средь ихъ рядовъ.

Сырой землей покрыта грудь,
Но ей не тяжело;
И червь, движенья не боясь,
Ползетъ черезъ чело.

На то ль онъ жилъ и мечъ носилъ,
Чтобъ въ часъ вечерней мглы
Слеталися на холмъ его
Пустынные орлы?

Хотя пѣвецъ родной страны
Не разъ ужъ пѣлъ объ немъ,
Но пѣснь — все пѣснь, а жизнь — все жизнь!...
Онъ спитъ послѣднимъ сномъ.

1830 года 5 октября
во время холеры—morbus.

СМЕРТЬ.

Закатъ горитъ огнистой полосою;
Любуюсь имъ безмолвно подъ окномъ.

Быть можетъ, завтра онъ заблещетъ надо мною
Безжизненнымъ, холоднымъ мертвецомъ.
Одна лишь дума въ сердцѣ опустѣломъ,
То̀ мысль объ ней... О! далеко она,
И надъ моимъ недвижнымъ, блѣднымъ тѣломъ
Не упадетъ слеза ея одна!
Ни другъ, ни братъ прощальными устами
Не поцѣлуютъ здѣсь моихъ ланитъ,
И сожалѣнью чуждыми руками
Въ сырую землю буду я зарытъ.
Мой духъ утонетъ въ безднѣ безконечной...
Но ты... О! пожалѣй о мнѣ, краса моя!
Никто не могъ тебя любить, какъ я,
Такъ пламенно и такъ чистосердечно.

1830. Октября 9.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Въ ребячествѣ моемъ тоску любови знойной,
Ужъ сталъ я понимать душою безпокойной;
На мягкомъ ложѣ сна, не разъ, во тьмѣ ночной,
При свѣтѣ трепетномъ лампады образной,
Воображеніемъ, предчувствіемъ томимый,
Я предавалъ свой умъ мечтѣ непобѣдимой:
Я видѣлъ женскій ликъ—онъ хладенъ былъ какъ ледъ,
И очи... этотъ взоръ въ груди моей живетъ;
Какъ совѣсть, душу онъ хранитъ отъ преступленій;
Онъ слѣдъ единственный младенческихъ видѣній...
И дѣву чудную любилъ я, какъ любить
Не могъ еще съ тѣхъ поръ, не стану—можетъ быть!
Когда же улеталъ мой призракъ драгоцѣнный,
Я въ одиночествѣ кидалъ мой взглядъ смущенный
На стѣны желтыя и, мнилось, тѣни съ нихъ

Сходили медленно до самыхъ ногъ моихъ...
И мрачно, какъ онѣ, воспоминанье было
О томъ, чтò лишь мечта, и между тѣмъ такъ мило!

---

* * *

Я видѣлъ разъ ее въ веселомъ вихрѣ бала...
Казалось, мнѣ она понравиться желала;
Очей привѣтливость, движеній быстрота,
Природный блескъ ланитъ, и груди полнота —
Все, все наполнило бъ мнѣ умъ очарованьемъ,
Когда бъ совсѣмъ инымъ, безсмысленнымъ желаньемъ
Я не былъ угнетенъ, когда бъ передо мной
Не пролетала тѣнь съ насмѣшкою пустой,
Когда бъ я только могъ забыть черты другія,
Лицо безцвѣтное и взоры ледяные!...

ЗВУКИ.

Что за звуки! Неподвижно внемлю
Сладкимъ звукамъ я.
Забываю небо, вѣчность, землю,
Самого себя...
Всемогущій, что за звуки! Жадно
Сердце ловитъ ихъ,
Какъ въ пустынѣ путникъ безотрадный
Каплю водъ живыхъ...
И въ душѣ опять они рождаютъ
Сны веселыхъ лѣтъ,
И въ одежду жизни одѣваютъ
Все, чего ужъ нѣтъ.
Принимаютъ образъ эти звуки,
Образъ милый мнѣ;

Мнится, слышу тихій плачъ разлуки,
И душа въ огнѣ...
И опять безумно упиваюсь,
Ядомъ прежнихъ дней,
И опять я въ мысляхъ полагаюсь
На слова людей.

ПѢСНЯ. *

Что въ полѣ за пыль пылитъ?...
Что за пыль пылитъ, столбомъ валитъ?...
Злы татаровья полонъ дѣлятъ:
То тому, то сему—по добру коню;
А какъ зятю теща доставалася;
Онъ заставилъ ее три дѣла дѣлать:
А первое дѣло—гусей пасти,
А второе дѣло—бѣлъ кудель прясти,
А третье дѣло—дитя качать.

И я глазыньками гусей пасу,
И я рученьками бѣлъ кудель пряду,
И я ноженьками дитя качаю;
Ты баю-баю, мило дитятко!
Ты по батюшкѣ—злой татарченокъ,
А по матушкѣ—родной внученокъ;
У меня вѣдь есть примѣточка:
На бѣлой груди что копѣечка.

Какъ услышала моя доченька,
Закидалася, замѣталася:

---

* См. выше, упоминаніе объ этой пѣснѣ, въ 8-мъ отдѣлѣ «сюжета» стихотворенія: Князь Мстиславъ.

«Ты родная моя матушка!
Ахъ, ты что давно не сказалася?
Ты возьми мои золоты ключи,
Отпирай мои кованы ларцы
И бери казны сколько надобно,
Жемчугу, да злата-серебра!»

Ахъ, ты, милое мое дитятко!
Мнѣ не надо твоей золотой казны;
Отпусти меня на святую Русь;
Не слыхать мнѣ здѣсь пѣнья церковнаго,
Не слыхать звону колокольнаго.

РАСКАЯНІЕ.

Къ чему мятежное роптанье,
Укоръ владѣющей судьбѣ?...
Она была добра къ тебѣ —
Ты создалъ самъ свое страданье.
Безсмысленный! ты обладалъ
Душою чистой, откровенной,
Всеобщимъ зломъ незараженной —
И этотъ кладъ ты потерялъ!

Огонь любви первоначальной
Ты въ ней рѣшился зародить—
И долѣе не могъ любить,
Достигнувъ цѣли сей печальной;
Ты презрѣлъ все; между людей
Стоишь, какъ дубъ въ странѣ пустынной,
И тихій плачъ любви невинной
Не могъ потрясть души твоей.

Не дважды Богъ даетъ намъ радость,
Взаимной страстью веселя;
Безъ утѣшенія, томя,
Пройдетъ и жизнь твоя, какъ младость.
Ея лобзанья встрѣтилъ ты
Въ устахъ обманщицы прекрасной,
И будутъ предъ тобой всечасно
Предмета перваго черты.

О! вымоли ея прощенье,
Пади, пади къ ея ногамъ!
Не то—ты приготовишь самъ
Свой адъ, отвергнувъ примиренье;
Хоть будешь ты еще любить,
Но прежнимъ чувствамъ нѣтъ возврату:
Ты вѣчно первую утрату
Не будешь въ-силахъ замѣнить.

НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ

АРСЕНЬЕВУ.

Дай Богъ, чтобъ ты не соблазнялся
Приманкой сладкой бытія,
Чтобъ духъ твой въ небо не умчался,
Чтобъ не изсякла плоть твоя.
Пусть покровительство судьбины
Повсюду будетъ надъ тобой,
Чтобъ умъ твой не вскружили вины
И взоръ красавицы младой.
Ланиты и вино нерѣдко
Фальшивой краскою блестятъ:
Вино поддѣльное, кокетка—
Для головы и сердца ядъ.

MENSCHEN UND LEIDENSCHAFTEN.

EIN TRAUERSPIEL.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Тобою только вдохновенный
Я строки грустныя писалъ,
Не знавъ ни славы, ни похвалъ,
Не мысля о толпѣ презрѣнной.
Одной тобою жилъ поэтъ,
Скрываючи въ груди мятежной
Страданья многихъ, многихъ лѣтъ,
Свои мечты, твой образъ нѣжный.
На зло враждующей судьбѣ
Имѣлъ онъ лишь одно въ примѣтѣ:
Всю душу посвятить тебѣ—
И больше никому на свѣтѣ!
Его любовь отвергла ты,
Не заплативши за страданья.
Пусть предъ тобой сіи листы
Листами будутъ оправданья.
Прочти: онъ здѣсь своимъ перомъ
Напомнилъ о мечтахъ былова,
И если не полюбишь снова,
Ты, можетъ быть, вздохнешь о немъ.

ИСПАНЦЫ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

(ОТРЫВКИ).

—

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Не отвергай мой слабый даръ,
Хоть здѣсь я выразилъ небрежно

Души непобѣдимый жаръ
И дикой страсти пылъ мятежный.

Нѣтъ! не для свѣта я писалъ—
Онъ чуждъ восторгамъ вдохновенья;
Нѣтъ не ему я обѣщалъ
Свои любимыя творенья.

Я знаю, все равно ему:
Душѣ ль исполненной печали,
Или веселому уму
Живыя струны отвѣчали.

Но ты меня понять могла;
Страдальца ты не осмѣяла;
Ты съ безпокойнаго чела
Морщины раннія сгоняла.

Такъ надъ гробницею стоитъ
Береза юная, склоняя
Съ участьемъ вѣтки на гранитъ,
Когда реветъ гроза ночная.

ИЗЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

СЦЕНА II.*

Комната, у жида; богатые ковры вездѣ и сундуки; тутъ стоитъ на столикѣ лампа горящая. Въ глубинѣ сцены двѣ жидовки нижутъ жемчугъ; все богато. Ноэми сидитъ у стола, облокотившись.

НОЭМИ.

Нѣтъ! не могу работой заниматься!
Шитье въ глазахъ сливается, и пальцы

---

* Изъ первой сцены приводимъ отвѣтъ одного испанца бродячему пѣвцу, на вопросъ его—что пѣть:

Ну полно, братъ, садись и начинай играть,
А пѣсни выльются невольно;

Дрожать, какъ будто бы иголка тяготитъ ихъ!
Молиться я хотѣла—тоже все!
Начну лишь... а слова мѣшаются;
То холодъ пробѣжитъ по тѣлу вдругъ,
То жаръ въ лицо ударится порой,
И сердцу такъ неловко, такъ неловко!
И занимаетъ все воображенье
Прекрасный образъ незнакомца,
Который моего отца избавилъ
Отъ гибели вчера. Дай Богъ ему все счастье,
Отнятое у насъ несправедливо.
Какъ будто бы евреи ужъ не люди!
Нашъ родъ древнѣй испанскаго—и ихъ
Пророкъ рожденъ въ Ерусалимѣ!
Смѣшно! они хотятъ, чтобъ мы
Ихъ приняли законъ; но для чего?
Чтобъ въ гибель повергать другъ друга, какъ они?
Они такъ превозносятъ кротость,
Любовь къ себѣ подобнымъ, милость,
И говорятъ, что въ этомъ ихъ законъ!
Но этого пока мы не видали. (Молчаніе).
Однако жъ есть и между ними люди!
Вотъ, напримѣръ, вчерашній незнакомецъ...
Кто бъ ожидалъ?—Какъ жалко, что его
Я не увижу—но отецъ мой

Люблю я пѣсни, въ нихъ такъ живо
Являются души младенческіе дни.
О прошломъ говорятъ краснорѣчиво
И слезы на глаза влекутъ они;
Какъ будто въ нихъ мы можемъ слезы возвратить,
Которыя должны мы были проглотить.
Пусть слезы тѣ въ груди окаменѣли,
Но ихъ одинъ разводитъ звукъ,
Напомнивъ дни, когда мы пѣли
Безъ горькой памяти, безъ ожиданья мукъ.

Его такъ живо описалъ, такъ живо!...
Высокій станъ и благородный видъ,
И кудри черныя какъ смоль, и быстрый взоръ,
И голосъ... но зачѣмъ о немъ я мыслю?...
Что пользы?... Ахъ, какой же я ребенокъ! (Молчаніе).
Мнѣ скучно! вся душа разстроена,
И для меня суббота поневолѣ
Сегодня!... сердце бьется, бьется,
Какъ птичка, пойманная въ сѣткѣ!
Зачѣмъ нейдетъ отецъ мой? Онъ опять
Злодѣямъ въ руки попадется...
Какъ скучно быть одной весь день;
Все пѣснь одна: низать и распускать свой жемчугъ,
Читать и перечитывать, одѣться
Въ парчу и вновь раздѣться, ѣсть и пить,
И спать... Однако жъ эту ночь
Мой сонъ былъ занимателенъ и страшенъ! (Молчаніе).
Что пользы? (Кличетъ). Няня! Сара! Сара!
Поди ко мнѣ! Поди сюда! Ну, что же?...

САРА (старуха, идетъ).

Что, милая Ноэми, что тебѣ?
Иль жемчугъ распустила?—Но вѣдь я
Стара—мои глаза всю бойкость потеряли;
Тебѣ вредитъ неосторожность,
А мнѣ—такъ невозможность! такъ ли?

НОЭМИ.

Нѣтъ, Сара, жемчугъ я оставила низать.

САРА.

Что! аль не нравится? Вотъ я
Въ твои года не тѣмъ была довольна!
А этой молодежи нынѣшней
Все дурно! Что жъ меня звала ты?

НОЭМИ.

Такъ!
Мнѣ скучно!... я больна!

САРА.

Больна! ахъ, Боже мой!
Такъ я пошлю скорѣе за врачемъ...
Есть у меня знакомый, преискусный!...

НОЭМИ.

Не надо... я не то чтобы больна!
А... такъ не въ духѣ!... все нейдетъ на ладъ,
Что ни начну... мнѣ хочется того, чего
Сама опредѣлить не въ силахъ я!...
Мнѣ грустно! разскажи мнѣ сказку
Про старину! садись и разскажи!...

САРА.

Дай мнѣ припомнить, милое дитя...
Вотъ, видишь, память-то слаба!
Я столько слышала, видала, испытала,
Что изъ толпы моихъ воспоминаній
Наврядъ одно вполнѣ перескажу.

НОЭМИ.

Я видѣла сегодняшнюю ночь
Ужасный сонъ! ужасный!... растолкуй мнѣ:
Мнѣ снилось, что приходитъ человѣкъ,
Обрызганный весь кровью, говоря,
Что онъ мой братъ... но я не испугалась
И стала омывать потоки крови
И увидала рану противъ сердца
Глубокую... и онъ сказалъ мнѣ:
«Смотри, я братъ твой!...» но, клянуся,
Въ тотъ мигъ онъ былъ мнѣ больше брата,

И я заплакала и стала умолять
Я Бога, чтобы жизнь его продлилъ;
Но этотъ человѣкъ захохоталъ
И вдругъ воскликнулъ: «перестань молиться!
Я братъ твой! нынѣ братьевъ ненавидятъ!..
Оставь меня, прекрасная еврейка:
Я христіанинъ—и не братъ твой;
Я надъ тобой хотѣлъ лишь посмѣяться.»
И онъ спѣшилъ уйти... и я схватила
Его широкій плащъ... но что жъ? въ рукахъ
Остался погребальный саванъ!... я проснулась...

САРА.

Онъ братомъ называлъ себя твоимъ?

НОЭМИ.

Но это вздоръ! я не имѣла брата
И никогда имѣть не буду!...

САРА.

О, Ноэми!
Не говори!... случиться это можетъ...

НОЭМИ.

Какъ можетъ?... Какъ?... Нѣтъ! это невозможно!

САРА.

Послушай! у тебя былъ братъ.
Онъ старше былъ тебя... Судьбою чудной,
Бѣжа отъ инквизиціи, отецъ твой
Съ покойной матерью его оставили
На мѣстѣ томъ, гдѣ ночевали:
Страхъ помѣшалъ имъ вспомнить это...
Быть можетъ, думали они, что я
Его держала на рукахъ... Съ тѣхъ поръ

Его мы почитали всѣ умершимъ...
И для того тебѣ о немъ не говорили.
А можетъ быть онъ живъ, какъ знать!
Вѣдь Божья воля неисповѣдима!

НОЭМИ.

Ахъ, Сара, Сара! нѣтъ, онъ умеръ!...
Увялъ онъ, какъ трава пустыни, и какъ цвѣтъ
Полей засохнулъ!... Такъ, онъ былъ рожденъ для жизни,
Онъ былъ рожденъ, чтобъ быть мнѣ другомъ.
О, Сара! если умеръ онъ—какъ счастливъ,
И какъ должна я плакать о себѣ!
Гонимый всѣми, всѣми презираемъ,
Нашъ родъ скитался по свѣту; отчизна,
Спокойствіе, жилище наше—все не наше.
Но часъ придетъ, когда и мы возстанемъ!
Такъ говоритъ писанье, такъ я вѣрю.
Зачѣмъ и нѣтъ? Что сдѣлалъ мой отецъ
Симъ кровожаднымъ христіанамъ? Деньги
Имѣетъ онъ и дочь—вотъ все его богатство.
И если бъ онъ увѣренъ былъ найти
Отчизну и спокойствіе, то вѣрно бъ
Свои всѣ деньги отдалъ людямъ,
Которые его понынѣ притѣсняли....
Однако жъ и межъ нихъ есть добрые.

САРА.

Да, да! вотъ тотъ испанецъ молодой,
Который спасъ намедни Моисея!
Родитель твой хотѣлъ вознаградить
Его звенящимъ кошелькомъ, но онъ
Его ногами истопталъ, сказавъ:
«Собака! жизнь твоя сего не стоитъ!
Я не наемникъ твой!» Прости ему, Всевышній,
Подобныя хулы за то, что спасъ

Онъ одного изъ гибнувшихъ сыновъ
Израиля.

НОЭМИ.

Прости ему, Всевышній!...

САРА (подходитъ къ окну).

Какая ночь! въ такую точно ночь
Я стала жертвою любви! Іосифъ мой!
О, если бъ ты меня теперь увидѣлъ—
Ты испугался бы; въ то время я цвѣла;
Мои глаза блистали какъ алмазы
И щеки были нѣжны точно пухъ!...
Увы! Ноэми, кто бъ тогда подумалъ,
Что этотъ лобъ морщины исчертятъ,
Что эти косы посѣдѣютъ! то-то время!...

НОЭМИ.

Что мой отецъ нейдетъ?...

САРА.

Чу! вотъ сова кричитъ... ужасный крикъ!
Я не люблю его! во мнѣ всѣ жилы
Кровь оставляетъ при подобномъ крикѣ!... (Стучатъ въ дверь).
Ахъ! вѣрно твой отецъ пришелъ!... Ну жъ, поздно!...

ГОЛОСЪ.

Скорѣе отоприте! отоприте!

(Служанки, сидѣвшія за шитьемъ, бросаются и отпираютъ. Входитъ Моисей, ведетъ Фернандо съ перевязанной рукой; сей едва идетъ).

МОИСЕЙ.

Ноэми! Сара! помогите, помогите!....
Измученъ я усталостью... и страхомъ.
Онъ истекаетъ кровью... О, проклятье

Злодѣямъ!... Дайте кресло и подушки!
Онъ истекаетъ кровью!...

(Кладетъ на полъ длинную подушку, на которую сажаютъ раненаго и поддерживаютъ его ослабѣвшую голову).

Будь Авраамъ свидѣтель—эта ночь
Ужаснѣй той, когда я сына потерялъ;
Тому я далъ существованье,
А этотъ возвратилъ мнѣ жизнь!...
О, Богъ, Богъ іудеевъ, сохрани
Его, хоть онъ не изъ твоихъ сыновъ!...

ФЕРНАНДО.

Кто здѣсь моихъ убійцъ такъ проклиналъ?
Зачѣмъ? Они хотѣли сдѣлать мнѣ добро,
Освободить отъ мукъ—такъ земляки мои
Всегда добро творятъ другъ другу!
О, перестаньте! (Какъ отъ сна) Гдѣ я? Кто со мной?
(Поднимаетъ голову).
Благодарю того, кто спасъ меня—но кто онъ?

МОИСЕЙ.

Ты спасъ его недавно самъ:
Онъ здѣсь передъ тобой—еврей, гонимый
Твоимъ народомъ; но ты спасъ меня,
И я тебѣ обязанъ заплатить,
Хоть я въ твоей отчизнѣ презираемъ...
Такъ, дочь моя, вотъ мой спаситель!

НОЭМИ (становится на колѣни и цѣлуетъ руку).

Еврейка у тебя цѣлуетъ руку,
Испанецъ! (Она остается на колѣняхъ и держитъ руку).

ФЕРНАНДО (Моисею).

Что сказалъ ты, иновѣрный!
Отчизна, родина—слова пустыя для меня,

Затѣмъ, что я не вѣдаю цѣны ихъ.
Отечествомъ зовется край, гдѣ наши
Родные, домъ нашъ и друзья;
Но у меня подъ небесами
Нѣтъ ни родныхъ, ни дома, ни друзей!...

НОЭМИ.

Когда ты не нашелъ себѣ друзей
Межъ христіанъ, то между насъ найдешь.
Ты добръ, испанецъ!—небо справедливо!...

ФЕРНАНДО.

Я былъ добръ!...

МОИСЕЙ (стоя надъ нимъ).

Кровь течетъ изъ раны;
Перевяжите! какъ онъ поблѣднѣлъ!

ФЕРНАНДО.

У волка есть берлога, и гнѣздо у птицы,
Есть у жида пристанище;
И я имѣлъ одно—могилу!...
Чудовище!... зачѣмъ ты отнялъ у меня
Могилу?... Всѣ старанья ваши—зло!
Спасти отъ смерти человѣка для того,
Чтобъ сдѣлать зло! Безумцы!
Прочь!... пусть течетъ свободно кровь моя,
Пусть веселитъ... О, жалко! нѣтъ монаха здѣсь!...
Одни евреи бѣдные—что нужды?
Они все люди же, а кровь
Пріятна людямъ... Прочь! (Срываетъ перевязки).

НОЭМИ. (въ отчаяніи).

Отецъ мой!
Онъ сорвалъ перевязку! онъ умретъ!
(Всѣ бросаются опять наложить перевязку).

САРА.

О, какъ онъ ослабѣлъ, несчастный!
Какая блѣдность покрываетъ щеки!
Какъ жалко!...

ФЕРНАНДО.

Дайте пить мнѣ, я горю!
Языкъ засохъ... скорѣе, ради Бога!... (Сара уходитъ за питьемъ).

НОЭМИ.

Испанецъ, успокойся! успокойся!
Ты былъ несчастливъ, это видно,
Хоть молодъ. Я слыхала прежде,
Что если мы страдальцу говоримъ,
Что онъ несчастливъ, то снимаемъ тягость
Съ его души... Ахъ! какъ бы я желала,
Чтобы ты сталъ здоровъ и веселъ!

ФЕРНАНДО.

И веселъ! (Стонетъ).

НОЭМИ.

Я прошу тебя... подумай,
Что я твоя сестра, что тотъ еврей—отецъ твой;
Воображеніе тебя утѣшитъ:
Оно дано намъ, людямъ, для того,
Испанецъ!

ФЕРНАНДО.

Дѣвушка! ты дочь его?

НОЭМИ.

Ты отгадалъ, ты спасъ отца мнѣ!
И онъ тебя спасетъ.—Я заклинаю
Тебя твоимъ закономъ, перестань
Тревожиться печальной думой;
Она вредитъ здоровью твоему,
Разгорячаетъ кровь. (Сара приноситъ стаканъ).
На, выпей!

ФЕРНАНДО.

Благодарю! твои слова напитка лучше!
Когда жалѣетъ женщина меня,
Я чувствую двойное облегченье.
Послушай — что я сдѣлалъ этимъ людямъ,
Которые меня убить хотѣли?
Что не разбойники они, то это вѣрно:
Они съ меня не сняли ничего,
И бросили въ крови вблизи дороги...
. . . О, это все коварство!... я предвижу,
Что это лишь начало... а конецъ!...
Конецъ... (Вздрагиваетъ) что вздрогнулъ я? Что бъ ни было,
Я уступлю скорѣй судьбѣ, чѣмъ людямъ.
Оставь меня покуда! (Она встаетъ и отходитъ, но издали все на него смотритъ).

САРА (подходитъ къ Моисею).

Скажи, молю тебя, какъ ты его нашелъ?
Я это все за сонъ принять готова!

МОИСЕЙ.

Пошелъ къ раввину я: онъ былъ мнѣ долженъ;
Онъ задержалъ меня часа съ четыре,
Хоть противъ воли; ночь уже была
Темна, и я, въ сапогъ засунувъ
Свой кошелекъ, боясь воровъ, пошелъ
Домой. Луна вставала надъ болотомъ
И между горъ густой туманъ дымился,
Иду я недалеко ужъ отсюда
Густымъ лѣскомъ, и слышу шумъ шаговъ...
Всѣ жилки задрожали у меня,
И я невольно бросился за кустъ:
Сижу, дрожу; передо мной была поляна,
И мѣсяцъ ударялъ въ нее лучами.
Шесть человѣкъ стояли на полянѣ,

И слышу: «этой самою дорогой
Идти онъ долженъ нынѣ... ужъ не знаю,
Какъ выдержитъ кинжалы наши онъ.—
Мнѣ жалко бы убить его до смерти;
Онъ малый славный, и къ тому жъ бѣднякъ!
Да дѣлать нечего, когда велѣлъ намъ патеръ
Его отправить въ дальнюю дорогу!»
Едва окончена была такая рѣчь,
Какъ вдругъ я слышу крикъ и звукъ кинжаловъ:
Онъ долго защищался, наконецъ
Упалъ, и всѣ они въ минуту разбѣжались,
Какъ будто мертвый былъ страшнѣй живаго!
Когда утихло все, я вышелъ посмотрѣть,
Кто былъ несчастной жертвою злодѣйства,
И что жъ? мой благодѣтель, мой спаситель!
Я различилъ черты его при свѣтѣ
Луны... онъ раненъ былъ легко,
Но, странно, не узналъ меня,
И будто по природному влеченью
Всталъ... Я понесъ его... онъ все шепталъ,
Но я не понялъ словъ... потоки крови
Бѣжали на меня... Такъ я принесъ
Несчастнаго сюда! Богъ сдѣлалъ это чудо!

САРА.

И точно, это чудо, Моисей!

НОЭМИ (которая въ то время опять сѣла у ногъ Фернандо).

Что, утихаетъ боль твоя, иль нѣтъ?

ФЕРНАНДО.

Дай руку мнѣ, о нѣжное созданье!
Какъ обо мнѣ она печется...

МОИСЕЙ (Сарѣ).

Поди, постель ему ты приготовь;
Я тотчасъ самъ приду туда...

САРА.

Да какъ его зовутъ, кто онъ таковъ?
Нельзя ль узнать? (Уходитъ).

МОИСЕЙ (подходитъ).

Позволь, одно я у тебя спрошу....
Кто ты и какъ тебя зовутъ?

ФЕРНАНДО.

Когда я жизнь свою подвергнулъ для твоей,
Ты спрашивалъ ли: какъ меня зовутъ?... (Молчаніе).
Меня зовутъ Фернандо!....
Вотъ все, что я могу сказать: другое
Пусть спитъ въ груди моей, какъ прахъ твоихъ отцовъ
Въ землѣ сырой!... Я не скажу: моихъ отцовъ!
Я ни отца, ни матери не знаю...
Но полно: я прошу, не спрашивай меня
Вторично о такихъ вещахъ —
Ты этимъ ни отца, ни матери не дашь мнѣ.

НОЭМИ.

Я буду для тебя сестрой...

ФЕРНАНДО.

Ты для меня сестрой не будешь.

НОЭМИ.

Зачѣмъ же отвергать такъ своенравно
Того, кому ты можешь ввѣрить горесть
Души твоей? Ужель различье вѣры?
Ужели хочешь ты, чтобъ я
Раскаялася въ томъ, что іудейка?...

*

ФЕРНАНДО.

Богъ сохрани меня отъ этой мысли!...
Ты цвѣтъ пустыни, ты дитя свободы;
Безъ правилъ любишь ты — испанцы только
Безъ правилъ ненавидятъ ближнихъ!
У нихъ и рай и адъ — все на вѣсахъ,
И деньги сей земли владѣютъ счастьемъ неба,
И люди заставляютъ демоновъ краснѣть
Коварствомъ и любовію ко злу!...
У нихъ отецъ торгуетъ дочерьми,
Жена торгуетъ мужемъ и собою,
Король народомъ, а народъ свободой;
У нихъ, чтобъ угодить вельможѣ или
Ихъ церкви, можно человѣка
Невиннаго предать кровавой пыткѣ!...
И сжечь за слово на кострѣ, и подъ окномъ
Оставить съ голоду погибнуть, для того,
Что нѣтъ креста на шеѣ бѣдняка —
Есть дѣло добродѣтели великой!
О Боже! сохрани меня отъ мысли,
Что ты должна принять ихъ предразсудки;
Нѣтъ, вѣрь, что есть на небѣ Богъ — и только!
И самъ я больше этого не вѣрю...
Но между нихъ одно есть существо,
Но между демоновъ одинъ есть ангелъ
Души моей... но замолчу объ этомъ.

НОЭМИ.

Ты горячишься, это увеличитъ
Твое страданье съ болью ранъ твоихъ.
Не хочешь ли чего нибудь?... Усни...
Вотъ мой отецъ придетъ: онъ приготовилъ
Постель твою; всю ночь я просижу
Вблизи тебя... чего ни пожелаешь ты,

Мы все достанемъ, только будь спокоенъ,
Иль кровь опять начнетъ изъ раны литься.

ФЕРНАНДО (въ сторону).

Эмилія далеко отъ меня!
О, если бъ эта милая еврейка
Была Эмилія, какъ скоро бы всѣ раны
Закрылися, кромѣ одной;
Но рана эта такъ пріятна сердцу.
Эмилія! Эмилія! быть можетъ,
Умру я здѣсь, далеко отъ тебя,
И ты моей могилы не найдешь;
И отъ послѣдней — отъ тебя я буду
Забытъ!... забытъ!....

МОИСЕЙ.

Усни! постель уже готова...
Эй, Сара! помоги поднять его.
(Двѣ еврейки, слуга еврей, Сара и Моисей поднимаютъ Фернандо и уводятъ. Ноэми одна остается).

НОЭМИ.

Проникло сожалѣнье въ грудь мою.
Такъ вотъ кого я такъ желала видѣть,
Не вѣдая желанію причины!...
Нѣтъ, нѣтъ! я не спасителя отца
Хотѣла видѣть въ немъ;
Испанецъ молодой, съ осанкой гордой,
Какъ тополь стройный, съ черными глазами,
Съ такими жъ черными кудрями
Являлся моему воображенью,
И мною овладѣлъ непостижимой силой,
И завладѣлъ моимъ дѣвичьимъ сномъ;
Отецъ мой такъ его подробно описалъ. (Молчаніе).
О, какъ судьба людьми играетъ!...

Кто бъ отгадалъ, что этотъ человѣкъ,
Недавно спасшій моего отца,
Сегодня будетъ здѣсь, у насъ, облитый
Своею неповинной кровью,
Измученный, едва не мертвый?
Мнѣ кажется, я чувствую любовь
Къ нему, не сожалѣнье, а любовь.
Какъ это слово звучно въ первый разъ!...
Когда онъ говоритъ, то сердце у меня
Трепещетъ — точно какъ боится,
Чтобъ сердце юноши не перестало биться?
Когда жъ произношу его названье,
Хотя бы въ мысляхъ только я сказала:
Фернандо!... то краснѣю, будто бы
Самой себя стыжусь или боюсь!...
Чего стыдиться, я не понимаю,
Любви? всѣ любятъ, что же тутъ худаго?
. . . .
Какъ не любить? Ахъ! безъ любви такъ скучно,
И даже думать не о чемъ!... О, Боже!
Храни его, храни обоихъ насъ!
Прости любовь мою! я не могу иначе!...
(Она стоитъ въ задумчивости).

ИЗЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

(во второй сценѣ).

Плачь, Израиль! о, плачь! твой Солимъ опустѣлъ;
На чужѣ въ раздольи печально житье,
Но сыны твои взяты не въ пышный предѣлъ:
Въ пустыняхъ разсѣяно племя твое.

О родинѣ можно ль не помнить своей?
Но когда ужъ нельзя воротиться назадъ,
Не пойте!—досадные звуки цѣпей
Свободы веселую пѣснь заглушатъ!...

Изгнанники, пепломъ посыпьте чело,
И молитесь вы ночью при хладной лунѣ,
Чтобъ стенанье израильтянъ тронуть могло
Того, кто являлся пророку въ огнѣ!

Тому только можно Сіонъ вамъ отдать,
Привесть васъ на землю ливанскихъ холмовъ,
Кто можетъ утѣшить скорбящую мать,
Когда сынъ ея палъ подъ мечами враговъ.

СЦЕНА III.

Комната въ домѣ у жида, какъ во второмъ дѣйствіи.

НОЭМИ (за нею Сара).

Не утѣшай меня! не утѣшай меня!
Злой духъ меня сгубилъ! онъ предвѣщалъ
Мнѣ радость и любовь—любовь онъ далъ,
А радость онъ похоронилъ на вѣки!
Теперь мы больше не увидимся съ Фернандо,
И я могу открыто плакать,
Закона не боясь.—О! я люблю
Его какъ Бога... онъ одинъ мой Богъ.
И небо запрещать любить его не можетъ.
Меня не понялъ онъ; другую любитъ,
Другую, слышишь ли, другую!... я умру!
Не утѣшай меня! не утѣшай меня! (Ломаетъ руки).

САРА.

Съ тобою плакать вмѣстѣ я хочу,
Когда тебя нельзя утѣшить!...

НОЭМИ.

Плакать!
Тебѣ ль со мною плакать?... Любила ль ты
Какъ я?... любила ль чужеземца,
Любила ль христіанина, была ли
Имъ презрѣна, какъ я? Ахъ Сара, Сара!
Мое блаженство кончилось надолго!
И вотъ плоды моихъ надеждъ, мечтаній,
Плоды недоспанныхъ ночей и безпокойствъ!...
О, сжалься надо мною, небо!...
Скорѣй въ сырую землю, поскорѣй,
Покуда я себя роптаньемъ не лишила
Спокойствія и тамъ...

САРА.

Старайся
Разсѣяться!... въ твои лѣта позабываютъ
И самую жестокую печаль.
Вотъ твой отецъ придетъ! теперь
Съ раввиномъ онъ бесѣдуетъ
О чемъ-то занимательномъ и важномъ.
Онъ новостью тебя займетъ.

НОЭМИ.

Я проклинаю
Всѣ эти новости! одна ужъ
Меня лишила счастья... а другая
Мнѣ не отдастъ его. — Ахъ, Сара!
Все конечно! все конечно!
(Моисей вбѣгаетъ какъ бѣшеный).

МОИСЕЙ.

Дочь! дочь! дочь!... онъ нашелся!
Твой братъ... мой сынъ!... сынъ!... я не зналъ...
Жестокій случай... такъ, я не прижалъ

Его къ груди, и не прижму... найденъ,
И въ тотъ же мигъ потерянъ. О судьба!
Земля и небо! вѣтры! бури, громъ!
Куда вы сына унесли? Зачѣмъ отдать,
Чтобы отнять... И христіанинъ!
Возможно ли? мой сынъ... я чувствовалъ,
Что кровь его—моя... я чувствовалъ,
Что онъ родной мой... О Израиль!
Израиль!... ты скитаться долженъ въ мірѣ,
Тебя преслѣдуютъ стихіи даже...
И Богъ твой отъ тебя отворотился.
Мой сынъ! мой сынъ!...

САРА.

Гдѣ жъ онъ? Зачѣмъ не здѣсь?
Кто жъ онъ... и кто сказалъ... кто сынъ твой?...

МОИСЕЙ.

О горе! горе! горе намъ! онъ здѣсь былъ!—
Раввинъ принесъ мнѣ доказательства... я вѣрю,
Что онъ мой сынъ! я спасъ... онъ спасъ меня...
И онъ погибнуть долженъ... Не спастись
Ему вторично отъ руки злодѣевъ...
Ноэми! горе, горе для тебя!
Фернандо—братъ твой!
Испанецъ—братъ твой!
Онъ гибнетъ; онъ родился, чтобъ погибнуть
Для насъ!... онъ христіанинъ!... онъ твой братъ!
(Ноэми упадаетъ безъ чувствъ на полъ. Сара спѣшитъ къ ней.
Пускай умретъ и дочь... и я!... У Бога
Моихъ отцовъ нѣтъ жалости... Мой сынъ! мой сынъ!
(Ломаетъ руки и стоитъ недвиженъ).

1831.

***

Вверху одна
Горитъ звѣзда,
Мой взоръ она
Манитъ всегда;
Мои мечты
Она влечетъ,
И съ высоты
Меня зоветъ.
Таковъ же былъ
Тотъ свѣтлый взоръ,
Что я любилъ
Судьбѣ въ укоръ.
Мукъ никогда
Онъ зрѣть не могъ;
Какъ та звѣзда,
Онъ былъ высокъ.
Усталыхъ вѣждъ
Я не смыкалъ,
И безъ надеждъ
Къ нему взывалъ.

***

Нѣтъ, я не требую вниманья
На грустный бредъ души моей;
Таить отъ всѣхъ мои желанья
Привыкъ ужъ я съ давнишнихъ дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтобъ здѣсь чрезъ много скучныхъ лѣтъ,

Отъ жизни краткой, но мятежной,
Какой нибудь остался слѣдъ.

Быть можетъ, нѣкогда случится,
Что, всѣ страницы пробѣжавъ,
На эту взоръ вашъ устремится
И вы промолвите: онъ правъ!
Быть можетъ, долго стихъ унылый
Вашъ взглядъ удержитъ надъ собой,
Какъ близъ дороги столбовой
Пришельца—памятникъ могилы.

ВЪ АЛЬБОМЪ Н. И. ПОЛИВАНОВУ.

Послушай, вспомни обо мнѣ,
Когда закономъ осужденный
Въ чужой я буду сторонѣ—
Изгнанникъ мрачный и презрѣнный,
И будешь ты когда нибудь
Одинъ, въ безсонный часъ полночи,
Сидѣть съ свѣчей... И тайно грудь
Вздохнетъ, и вдругъ заплачутъ очи,
И молвишь ты: когда-то онъ
Здѣсь, въ это самое мгновенье,
Сидѣлъ тоскою удрученъ
И ждалъ судьбы своей рѣшенья.

28 марта 1831.

БОРОДИНО.

1.

Всю ночь у пушекъ пролежали
Мы безъ палатокъ, безъ огней,
Штыки вострили да шептали
Молитвы родины своей.

Шумѣла буря до разсвѣта,
Я, голову поднявъ съ лафета,
Товарищу сказалъ:
«Братъ, слушай пѣсню непогоды,
Она дика, какъ пѣснь свободы!»
Но, вспоминая прежни годы,
Товарищъ не слыхалъ.

2.

Пробили зорю барабаны,
Востокъ туманный побѣлѣлъ,
И отъ враговъ ударъ нежданный
На батарею прилетѣлъ.
И вождь сказалъ передъ полками:
«Ребята, не Москва ль за нами!
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
И мы погибнуть обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

3.

Что Чесма, Рымникъ и Полтава!
Я, вспомня, леденѣю весь.
Тамъ души волновала слава,
Отчаяніе было здѣсь.
Безмолвно мы ряды сомкнули;
Громъ грянулъ, завизжали пули;
Перекрестился я.
Мой палъ товарищъ, кровь лилася,
Душа отъ мщенія тряслася,
И пуля смерти понеслася
Изъ моего ружья.

4.

Маршъ-маршъ пошли впередъ и болѣ
Ужъ я не помню ничего.

Шесть разъ мы уступали поле
Врагу, и брали у него.
Носились знамена какъ тѣни,
Я спорилъ о могильной сѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ.
На пушки конница летала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

5.

Живые съ мертвыми сравнялись,
И ночь холодная пришла,
И тѣхъ, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали,
И барабаны застучали—
Противникъ отступилъ.
Но день достался намъ дороже!
Въ душѣ сказавъ: «помилуй Боже!»
На трупъ застывшій, какъ на ложе,
Я голову склонилъ.

6.

И крѣпко, крѣпко наши спали
Отчизны въ роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали,
Но этимъ не могли помочь.
Однако же въ преданьяхъ славы
Все громче Рымника, Полтавы
Гремитъ Бородино!
Скорѣй обманетъ гласъ пророчій,
Скорѣй небесъ потухнутъ очи,
Чѣмъ въ памяти сыновъ полночи
Изгладится оно.

ТОЛПѢ.

Безумецъ я! вы правы, правы!
Смѣшно безсмертье на земли!
Какъ смѣлъ желать я громкой славы,
Когда вы счастливы въ пыли?
Какъ могъ я цѣпь предубѣжденій
Умомъ свободнымъ потрясать,
И пламень тайныхъ угрызеній
За жаръ поэзіи принять!
Нѣтъ, не похожъ я на поэта!
Я обманулся, вижу самъ;
Пускай какъ онъ, я чуждъ для свѣта,
Но чуждъ за то и небесамъ!
Мои слова печальны, знаю,
Но смысла ихъ вамъ не понять.
Я ихъ отъ сердца отрываю,
Чтобъ муки съ ними оторвать!
Нѣтъ... мнѣ ли властвовать умами,
Всю жизнь на то употребя?
Пускай возвышусь я надъ вами,
Но удалюсь ли отъ себя,
И позабуду ль самовластно
Мою погибшую любовь,
Все то, чему я вѣрилъ страстно,
Чему не смѣю вѣрить вновь?...

ТРОСТНИКЪ.

Сидѣлъ рыбакъ веселый
На берегу рѣки,
И передъ нимъ по вѣтру
Качались тростники.
Сухой тростникъ онъ срѣзалъ
И скважины проткнулъ,
Одинъ конецъ зажалъ онъ,

Въ другой конецъ подулъ.
И будто оживленный,
Тростникъ заговорилъ—
То голосъ человѣка
И голосъ вѣтра былъ.
И пѣлъ тростникъ печально:
«Оставь, оставь меня!
Рыбакъ, рыбакъ прекрасный
Терзаешь ты меня!
И я была дѣвицей,
Красавица была,
У мачихи въ темницѣ
Я нѣкогда цвѣла,
И много слезъ горючихъ
Невинно я лила,
И раннюю могилу
Безбожно я звала.
И былъ сынокъ-любимецъ
У мачихи моей:
Обманывалъ красавицъ,
Пугалъ честныхъ людей.
И разъ пошли подвечеръ
Мы на берегъ крутой—
Смотрѣть на сини волны,
На западъ золотой.
Моей любви просилъ онъ—
Любить я не могла,
И деньги мнѣ дарилъ онъ—
Я денегъ не брала;
Несчастную сгубилъ онъ
Ударомъ въ грудь ножомъ,
И здѣсь мой трупъ зарылъ онъ
На берегу крутомъ.
И надъ моей могилой
Взошелъ тростникъ большой

И въ немъ живутъ печали
Души моей младой.
Рыбакъ, рыбакъ прекрасный,
Оставь же свой тростникъ.
Ты мнѣ помочь не въ-силахъ,
А плакать не привыкъ!»

РОМАНСЪ.

Хоть бѣгутъ по струнамъ моимъ звуки веселья,
Они не отъ сердца бѣгутъ;
Но въ сердцѣ разбитомъ есть тайная келья,
Гдѣ черныя мысли живутъ.
Слеза по щекѣ огиевая катится,
Она не изъ сердца идетъ:
Что въ сердцѣ обманутомъ жизнью хранится,
То въ немъ навсегда и умретъ.
Не смѣйте искать въ сей груди сожалѣнья
Питомцы надеждъ золотыхъ!
Когда я свои презираю мученья,
Что мнѣ до страданій чужихъ?
Умершей дѣвицы очей охладѣвшихъ
Не долженъ мой взоръ увидать;
Я бъ много припомнилъ минутъ пролетѣвшихъ,
Но я не люблю вспоминать!
Намъ память являетъ ужасныя тѣни,
Кровавый былаго призрàкъ;
Онъ вновь призываетъ къ оставленной сѣни,
Какъ въ бурю надъ моремъ маякъ,
Когда ураганъ по волнамъ веселится,
Смѣется надъ бѣднымъ челномъ,
И съ крикомъ пловецъ—безъ надеждъ воротиться—
Жалѣетъ о краѣ родномъ.

1831 ГОДА, ІЮНЯ 11.

1.

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала. Я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я минутами лишь жилъ;
И тѣ мгновенья были мукъ полны,
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями... Но сонъ,
Какъ міръ, не могъ быть ими омраченъ.

2.

Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнію иной,
И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакалъ; но всѣ образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ.
О нѣтъ, все было адъ иль небо въ нихъ!

3.

Холодной буквой трудно объяспить
Боренье думъ. Нѣтъ звуковъ у людей
Довольно сильныхъ, чтобъ изобразить
Желаніе блаженства. Пылъ страстей
Возвышенныхъ я чувствую; но словъ
Не нахожу, и въ этотъ мигъ готовъ
Пожертвовать собой, чтобъ какъ нибудь
Хоть тѣнь ихъ перелить въ другую грудь.

4.

Извѣстность, слава, что они?—А есть
У нихъ и надо мною власть: они

Велятъ себѣ на жертву все принесть,
И я влачу мучительные дни
Безъ цѣли, оклеветанъ, одинокъ;
Но вѣрю имъ! Невѣдомой пророкъ
Мнѣ обѣщалъ безсмертье, и живой—
Я смерти отдалъ все, что даръ земной.

5.

Но для небеснаго могилы нѣтъ.
Когда я буду прахъ, мои мечты,
Хоть не пойметъ ихъ, удивленный свѣтъ
Благословитъ; и ты, мой ангелъ, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдастъ безсмертной жизни вновь;
Съ моимъ названьемъ станутъ повторять
Твое: на что имъ мертвыхъ разлучать?

6.

Къ погибшимъ люди справедливы; сынъ
Боготворитъ что проклиналъ отецъ.
Чтобъ въ этомъ убѣдиться, до сѣдинъ
Дожить не нужно: есть всему конецъ;
Немного долголѣтнѣй человѣкъ
Цвѣтка; въ сравненьи съ вѣчностью ихъ вѣкъ
Равно ничтоженъ. Пережить одна
Душа лишь колыбель свою должна.

7.

Такъ и ея созданье. Иногда
На берегу рѣки, одинъ, забытъ,
Я наблюдалъ, какъ быстрая вода,
Синѣя, гнется въ волны, какъ шипитъ
Надъ ними пѣна бѣлой полосой:
И я глядѣлъ и мыслію иной
Я не былъ занятъ, и пустынный шумъ
Разсѣевалъ толпу глубокихъ думъ.

8.

Тутъ былъ я счастливъ... О, когда бъ я могъ
Забыть что незабвенно... Женскій взоръ!
Причину столькихъ слезъ, безумствъ, тревогъ!
Другой владѣетъ ею съ давнихъ поръ,
И я другую съ нѣжностью люблю,
Хочу любить—и небеса молю
О новыхъ мукахъ: но въ груди моей
Все живъ печальный призракъ прежнихъ дней.

9.

Никто не дорожитъ мной на землѣ
И самъ себѣ я въ тягость, какъ другимъ;
Тоска блуждаетъ на моемъ челѣ.
Я холоденъ и гордъ, и даже злымъ
Толпѣ кажуся; но ужель она
Проникнуть дерзко въ сердце мнѣ должна?
Зачѣмъ ей знать, что въ немъ заключено?
Огонь иль сумракъ тамъ—ей все равно!

10.

Темна проходитъ туча въ небесахъ,
И въ ней таится пламень роковой:
Онъ, вырываясь, обращаетъ въ прахъ
Все, что ни встрѣтитъ. Съ дивной быстротой
Блеснетъ—и снова въ облакѣ укрытъ;
И кто его источникъ объяснитъ,
И кто заглянетъ въ нѣдра облаковъ?
Зачѣмъ? Они исчезнутъ безъ слѣдовъ.

11.

Грядущее тревожитъ грудь мою:
Какъ жизнь я кончу, гдѣ душа моя
Блуждать осуждена, въ какомъ краю
Любезные предметы встрѣчу я?...

*

Но кто меня любилъ, кто голосъ мой
Услышитъ—и узнаетъ... И съ тоской
Я вижу, что любить какъ я—порокъ,
И вижу... я слабѣй любить не могъ.

12.

Не вѣрятъ въ мірѣ многіе любви,
И тѣмъ счастливы; для иныхъ она
Желанье, порожденное въ крови,
Разстройство мозга иль видѣнье сна.
Я не могу любовь опредѣлить,
Но эта страсть сильнѣйшая!—Любить
Необходимо мнѣ, и я любилъ
Всѣмъ напряженіемъ душевныхъ силъ.

13.

И отучить меня не могъ обманъ.
Пустое сердце ныло безъ страстей,
И въ глубинѣ моихъ сердечныхъ ранъ
Жила любовь, богиня юныхъ дней;
Такъ въ трещинѣ развалинъ иногда
Береза выростаетъ—молода
И зелена, и взоры веселитъ
И украшаетъ сумрачный гранитъ.

14.

И о судьбѣ ея чужой пришлецъ
Жалѣетъ. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконецъ
Увянетъ преждевременно она;
Но съ корнемъ не исторгнетъ никогда
Мою березу вихрь: она тверда;
Такъ лишь въ разбитомъ сердцѣ можетъ страсть
Имѣть неограниченную власть.

15.

Подъ ношей бытія не устаетъ
И не хладѣетъ гордая душа;
Судьба ее такъ скоро не убьетъ,
А лишь взбунтуетъ; мщеніемъ дыша
Противъ непобѣдимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей:
Съ такой душой ты Богъ, или злодѣй...

16.

Какъ нравились всегда пустыни мнѣ!
Люблю я вѣтеръ межъ нагихъ холмовъ,
И коршуна въ небесной вышинѣ,
И на равнинѣ тѣни облаковъ.
Ярма не знаетъ рѣзвый здѣсь табунъ,
И кровожадный тѣшится летунъ
Подъ синевой, и облако степей
Свободнѣй какъ-то мчится и свѣтлѣй.

17.

И мысль о вѣчности, какъ великанъ,
Умъ человѣка поражаетъ вдругъ,
Когда степей безбрежный океанъ
Синѣетъ предъ глазами; каждый звукъ
Гармоніи вселенной, каждый часъ
Страданья или радости—для насъ
Становится понятенъ, и себѣ
Отчетъ мы можемъ дать въ своей судьбѣ.

18.

Кто посѣщалъ вершины дикихъ горъ
Въ тотъ свѣжій часъ, когда садится день;
На западѣ свѣтило видитъ взоръ
И на востокѣ близкой ночи тѣнь,

Внизу туманъ, уступы и кусты,
Кругомъ все горы чудной высоты,
Какъ послѣ бури облака стоятъ
И странные верхи въ лучахъ горятъ.

19.

И сердце полно, полно прежнихъ лѣтъ,
И сильно бьется; пылкая мечта
Приводитъ въ жизнь—минувшаго скелетъ,
И въ немъ почти все та же красота.
Такъ любимъ мы глядѣть на свой портретъ,
Хоть съ нами въ немъ ужъ сходства больше нѣтъ,
Хоть на холстѣ хранится блескъ очей,
Погаснувшихъ отъ время и страстей.

20.

Что на землѣ прекраснѣй пирамидъ
Природы, этихъ гордыхъ снѣжныхъ горъ?
Не перемѣнитъ ихъ надменный видъ
Ничто: ни слава царствъ, ни ихъ позоръ;
О ребра ихъ дробятся темныхъ тучъ
Толпы, и молній обвиваетъ лучъ
Вершины скалъ: ничто не вредно имъ.
Кто близъ небесъ, тотъ не сраженъ земнымъ.

21.

Печаленъ степи видъ, гдѣ безъ препонъ,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучій аквилонъ
И предъ собой свободно гонитъ пыль,
И гдѣ кругомъ какъ зорко ни смотри,
Встрѣчаетъ взглядъ березы двѣ иль три,
Которыя подъ синеватой мглой
Чернѣютъ вечеромъ въ дали пустой.

22.

Такъ жизнь скучна, когда боренья нѣтъ.
Въ минувшее проникнувъ, различить

Въ ней мало дѣлъ мы можемъ; въ цвѣтѣ лѣтъ
Она души не будетъ веселить.
Мнѣ нужно дѣйствовать, я каждый день
Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
Великаго героя, и понять
Я не могу, что значитъ отдыхать.

23.

Всегда кипитъ и зрѣетъ что нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь.
Но что жъ? Мнѣ жизнь все какъ-то коротка
И все боюсь, что не успѣю я
Свершить чего-то. Жажда бытія
Во мнѣ сильнѣй страданій роковыхъ,
Хотя я презираю жизнь другихъ.

24.

Есть время—леденѣетъ быстрый умъ;
Есть сумерки души, когда предметъ
Желаній мраченъ; усыпленье думъ;
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ;
Душа сама собою стѣснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна—
Находишь корень мукъ въ себѣ самомъ
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ.

25.

Я къ состоянью этому привыкъ,
Но ясно выразить его бъ не могъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ:
Они такихъ не вѣдаютъ тревогъ;
Въ одномъ все чисто, а въ другомъ все зло.
Лишь въ человѣкѣ встрѣтиться могло
Священное съ порочнымъ. Всѣ его
Мученья происходятъ отъ того.

26.

Никто не получалъ, чего хотѣлъ
И что любилъ; и если даже тотъ,
Кому вполнѣ счастливый данъ удѣлъ,
Въ умѣ своемъ минувшее пройдетъ—
Увидитъ онъ, что могъ счастливѣй быть,
Когда бы не успѣла отравить
Судьба его надежды. Но волна
Ко брегу возвратиться не сильна,

27.

Когда гонима бурей роковой
Шипитъ и мчится съ пѣною своей...
Она все помнитъ тотъ заливъ родной,
Гдѣ нѣжилась въ пріютахъ камышей,
И, можетъ быть, она опять придетъ
Въ другой заливъ, но тамъ ужъ не найдетъ
Себѣ покоя: кто въ моряхъ блуждалъ,
Тотъ не заснетъ въ тѣни прибрежныхъ скалъ.

28.

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ,
И грусти ранняя на мнѣ печать;
И какъ я мучусь, знаетъ лишь Творецъ;
Но равнодушный міръ не долженъ знать.
И не забытъ умру я. Смерть моя
Ужасна будетъ; чуждые края
Ей удивятся, а въ родной странѣ
Всѣ проклянутъ и память обо мнѣ.

29.

Всѣ!... нѣтъ, не всѣ!... Созданье есть одно,
Способное любить—хоть не меня;
До этихъ поръ не вѣритъ мнѣ оно,
Однако сердце полное огня

Не увлечется мнѣньемъ, и мое
Пророчество припомнитъ умъ ее,
И взоръ, теперь веселый и живой,
Напрасной отуманится слезой.

30.

Кровавая меня могила ждетъ,
Могила безъ молитвъ и безъ креста,
На дикомъ берегу ревущихъ водъ,
И подъ туманнымъ небомъ; пустота
Кругомъ. Лишь чужестранецъ молодой,
Невольнымъ сожалѣньемъ и молвой,
И любопытствомъ приведенъ сюда,
Сидѣть на камнѣ станетъ иногда.

31.

И скажетъ: отчего не понялъ свѣтъ
Великаго, и какъ онъ не нашелъ
Себѣ друзей, и какъ любви привѣтъ
Къ нему надежду въ сердце не привелъ?
Онъ былъ ея достоинъ.—И печаль
Его встревожитъ, онъ посмотритъ вдаль:
Увидитъ облака съ лазурью волнъ,
И бѣлый парусъ, и бѣгущій челнъ,

32.

И мой курганъ!—Любимыя мечты
Мои подобны этимъ; сладость есть
Во всемъ, что не сбылось; есть красоты
Въ такихъ картинахъ—только перенесть
Ихъ на бумагу трудно: мысль сильна,
Когда размѣромъ словъ не стѣснена,
Когда свободна какъ игра дѣтей,
Какъ арфы звукъ въ молчаніи ночей!

ОДИННАДЦАТАГО ІЮЛЯ.

Между лиловыхъ облаковъ
Однажды вечеромъ свѣтило,
За снѣжной цѣпію холмовъ
Краснѣя ярко, заходило,
И возлѣ дѣвы молодой,
Послѣднимъ блескомъ озаренной,
Стоялъ я, блѣдный, чуть живой,
И съ головы ея безцѣнной
Моихъ очей я не сводилъ...
Какъ долго это я мгновенье
Въ туманной памяти хранилъ!
Ужель все было сновидѣнье!
И ложе дѣвы, и окно,
И трепетъ милыхъ устъ, и взгляды,
Въ которыхъ мнѣ запрещено
Судьбой искать себѣ отрады?
Нѣтъ! только счастье ослѣпить
Умѣетъ мысли и желанья,
И сномъ никакъ не можетъ быть
Все, въ чемъ хоть искра есть страданья!

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

РОМАНТИЧЕСКАЯ ДРАМА.

(кончена 17 іюля 1831).

Я рѣшился изложить драматически происшествіе истинное, которое долго безпокоило меня и всю жизнь, можетъ быть, занимать не перестанетъ. Почти всѣ дѣйствующія лица писаны мною съ природы; но тѣ, кои могутъ узнать съ кого они взяты, едва ли откроютъ это міру. Читатель вѣрно пожалѣетъ о судьбѣ молодаго человѣка, который подавалъ столь блистательныя надежды, и отъ одной безумной страсти навсегда потерянъ для общества. Пускай люди,

бывшіе причиною его погибели, не обвиняютъ меня. Я хотѣлъ, я долженъ былъ оправдать тѣнь несчастнаго.

Лица, изображенныя мною, всѣ взяты съ природы, и я желалъ бы, чтобъ они себя узнали: тогда вѣрно раскаяніе посѣтитъ ихъ души. Справедливо ли описано у меня общество — не знаю; по крайней мѣрѣ оно всегда останется для меня собраніемъ людей безчувственныхъ, самолюбивыхъ въ высшей степени, и полныхъ зависти къ тѣмъ, въ душѣ которыхъ сохраняется хотя малѣйшая искра небеснаго огня. И этому обществу я отдаю себя на судъ.

—

The Lady of his love wedwith one
Who did not love her better...
. . . .
And this the world calls phrensy, but the wise
Have a far duper madness, and the glance
Of melancholy is a fearful gift;
What is it but the telescope of truth?
Which strips the distance of its phantasies,
And bring life near in utter nakedness,
Making the cold reality too real!
Lord Byron. (The Dream).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ Арбениныхъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ АРБЕНИНЪ (входитъ).

Говорятъ, что дѣти въ тягость намъ пока они молоды; но я думаю совсѣмъ противное. За ребенкомъ надобно ухаживать, няньчить его, кормить и поить; а двадцатилѣтняго опредѣляй въ службу, да каждую минуту трепещи, чтобъ онъ какою нибудь шалостью не погубилъ на вѣкъ себя и честное имя. Признаться, мое положеніе теперь самое критическое. Владиміръ нейдетъ въ военную службу, во первыхъ, потому что его характеръ, какъ онъ самъ говоритъ, слишкомъ своеволенъ; а во-вторыхъ, потому что онъ не силенъ въ математикѣ. Куда же опредѣлить его? Въ статскую? Всѣ лучшія мѣста заняты. Вос-

питывать — самая трудная вещь. Думаешь: «ну, все теперь кончилось!» Не тутъ-то было—только что начинается. Я боюсь, чтобы Владиміръ не потерялъ добрую славу въ большомъ свѣтѣ, гдѣ я столькими трудами пріобрѣлъ себѣ значительное мѣсто; тогда я же буду виноватъ: противъ меня скажутъ, что я не воспитывалъ его сообразно характеру. Какой же въ его лѣта характеръ?—Самый его характеръ есть безхарактерность. Такъ, я вижу, что не довольно строго держалъ сына моего. Какая польза, что такъ рано развились его чувства и мысли? Однако же я не отстану отъ своихъ плановъ; велю ему выйти въ отставку года черезъ четыре, а тамъ женю на богатой невѣстѣ и поправлю тѣмъ его состояніе, которое, по милости моей любезной супруги, совсѣмъ разстроено. Не могу безъ бѣшенства вспомнить, какъ она меня обманывала! О, невѣрная женщина! ты испытаешь всю тягость моего мщенія; въ бѣдности, съ раскаяніемъ въ душѣ и безъ надежды на будущее, ты умрешь далеко отъ глазъ моихъ; я никогда не рѣшусь тебя увидѣть. Обезчестить такого мужа, каковъ былъ я! И не дѣлалъ ли я все, что ей хотѣлось? Я очень радъ, что у нея нѣтъ близкихъ родныхъ, которые помогли бы ей... (Молчаніе). Кажется, кто-то сюда идетъ? Такъ точно. (Входитъ Владиміръ). Здравствуй, Владиміръ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ И ВЛАДИМІРЪ.

ВЛАДИМІРЪ.—Батюшка, здравствуйте!

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Я очень радъ, что ты пришелъ, Владиміръ! Мы кое о чемъ поговоримъ. Это касается будущей судьбы твоей. Но ты что-то не веселъ, другъ мой... Гдѣ былъ ты?

ВЛАДИМІРЪ (бросаетъ на отца быстрый и мрачный взоръ).—Гдѣ я былъ, батюшка?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Что значитъ этотъ пасмурный видъ? Такъ ли встрѣчаютъ ласки отца?

ВЛАДИМІРЪ.—Угадайте, гдѣ я былъ.

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—У какого нибудь тебѣ подобнаго шалуна, гдѣ ты проигралъ свои деньги, или у какой нибудь прекрасной, которая огорчила тебя своимъ отказомъ. Какія другія приключенія могутъ безпокоить тебя? Кажется, я отгадалъ?

ВЛАДИМІРЪ.—Я былъ тамъ, откуда веселье очень далеко; я видѣлъ одну женщину, слабую, больную, которая за давнишній проступокъ оставлена своимъ мужемъ и родными; она не имѣетъ никакого состоянія; весь міръ смѣется надъ ней и никто о ней не сожалѣетъ. О, батюшка! эта душа заслуживала прощеніе и другую участь! Батюшка! я видѣлъ горькія слезы раскаянія; я молился вмѣстѣ съ нею; я обнималъ ея колѣни, я... былъ у моей матери! Чего же вамъ больше?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.— Ты...

ВЛАДИМІРЪ.—О, если бы вы знали, если бъ видѣли... Отецъ мой! вы не поняли эту нѣжность, божественную душу, или вы несправедливы, несправедливы! Я повторю это предъ цѣлымъ свѣтомъ и такъ громко, что ангелы услышатъ и ужаснутся человѣческой жестокости...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Ты смѣешь... меня обвинять неблагодар...

ВЛАДИМІРЪ.—Ахъ, простите меня! я себя не помню... Посудите сами, какъ могъ я быть хладнокровенъ? Я согласенъ, она васъ оскорбила, непростительно оскорбила; но что она мнѣ сдѣлала? На ея колѣняхъ протекли первые годы моего младенчества, ея имя вмѣстѣ съ вашимъ было первою моею рѣчью; ея ласки облегчали мои первыя болѣзни... и теперь, когда она въ нищетѣ, безъ друзей, пріѣхала сюда, могъ ли я не упасть къ ея ногамъ?... Батюшка! она хочетъ васъ видѣть... Я васъ умоляю объ этомъ... Если вы меня любите, если хотите моего счастія... Одна ея чистая слеза смоетъ черное подозрѣніе и удалитъ предразсудки отъ вашего сердца!...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Нѣтъ! я на нее не сердитъ, но не хочу больше ее видѣть; не хочу, не долженъ!... Что скажутъ въ свѣтѣ?

ВЛАДИМІРЪ (кусая губы).—Что скажутъ въ свѣтѣ?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—И ты очень дурно сдѣлалъ, сынъ мой, что не сказалъ мнѣ, когда поѣхалъ къ ней: я бы далъ тебѣ порученіе...

ВЛАДИМІРЪ.—Которое бы убило послѣднюю ея надежду — не такъ ли?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Да, она еще недовольно наказана... эта сирена, эта негодная женщина...

ВЛАДИМІРЪ.—Она моя мать.

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Если опять ее увидишь, то посовѣтуй ей не являться ко мнѣ и не стараться выпросить прощенія, чтобы мнѣ и ей не было еще стыднѣе встрѣтиться, чѣмъ было при разлукѣ нашей.

ВЛАДИМІРЪ.—Отецъ мой! я не сотворенъ для такихъ порученій...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (съ улыбкой).—Довольно объ этомъ. Кто изъ насъ правъ, кто виноватъ—не тебѣ судить. Черезъ часъ приходи ко мнѣ въ кабинетъ, тамъ я тебѣ покажу недавно присланныя бумаги, которыя тебѣ хочу препоручить; также дамъ тебѣ прочитать письмо отъ графа, на счетъ опредѣленія тебя въ службу. И еще прошу тебя не говорить мнѣ больше ничего о твоей матери... я прошу, когда могу приказывать. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

ВЛАДИМІРЪ (одинъ).—Какъ онъ радъ, что имѣетъ право мнѣ приказывать! Боже, никогда не докучалъ я тебѣ лишними мольбами—теперь прошу: прекрати эту распрю! Смѣшны для меня люди: ссорятся изъ пустяковъ и отлагаютъ часъ примиренія, какъ будто это такая вещь, которую всегда успѣютъ сдѣлать!... Нѣтъ! вижу, что должно быть жестокимъ, чтобы жить съ людьми. Они думаютъ, что я созданъ для удовлетворенія ихъ прихотей, что я—средство для достиженія ихъ глупыхъ цѣлей! Никто меня ни понимаетъ, никто не умѣетъ обходиться съ этимъ серд-

цемъ, которое полно любви и принуждено расточать ее напрасно...

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВЛАДИМІРЪ И БѢЛИНСКІЙ.

БѢЛИНСКІЙ (быстро входитъ). — А! здравствуй, Арбенинъ, мой милый, любезный другъ! Что такъ задумчивъ? Для чего тому считать звѣзды, кто можетъ считать звонкую монету? Погляди на меня!... Бьюсь объ закладъ, я отгадалъ, о чемъ ты думалъ.

ВЛАДИМІРЪ.—Здравствуй, Бѣлинскій! Дай руку! (пожимаютъ руки).

БѢЛИНСКІЙ.—Ты думалъ о томъ, какъ заставить женщину любить или признаться въ томъ, что она притворялась. То и другое очень мудрено; однако я скорѣе возьмусь сдѣлать послѣднее, нежели первое, потому что...

ВЛАДИМІРЪ.—О чемъ ты болтаешь тутъ?

БѢЛИНСКІЙ.—О чемъ? Онъ поглупѣлъ или оглохъ!... Я говорилъ о царѣ Соломонѣ, который воспѣвалъ умѣренность и совѣтовалъ поститься, а самъ былъ не изъ послѣднихъ скоромниковъ... Ха! ха! ха!... Ты вѣрно здѣсь ждалъ, что твоя любезная прилетитъ къ тебѣ на крыльяхъ зефира? Нѣтъ, потрудись-ка самъ слетать... Другъ мой, кто разберетъ женщинъ?... Въ ту минуту, когда ты думаешь...

ВЛАДИМІРЪ.—(прерываетъ его).—Гдѣ ты былъ вчера?

БѢЛИНСКІЙ.—На музыкальномъ вечерѣ, такъ сказать. Дѣти дѣлали отцу сюрпризъ, по случаю его именинъ. Они играли на разныхъ инструментахъ: и для нихъ, и для отца это очень хорошо; не смотря на то, гостямъ, которыхъ находилось тутъ очень много, было очень скучно.

ВЛАДИМІРЪ.—Странный народъ! Такимъ образомъ глупое чванство всегда отравляетъ семейныя удовольствія.

БѢЛИНСКІЙ.—Отецъ былъ въ восхищеніи и къ каждому обращалъ глаза съ разными тѣлодвиженіями; каждый отвѣчалъ ему

наклоненіемъ головы и довольною улыбкой, и уловя время, когда бѣдный отецъ оборачивался въ противную сторону, каждый зѣвалъ отъ души... Мнѣ показались жалкими этотъ отецъ и его дѣти...

ВЛАДИМІРЪ.—А мнѣ жалки безстыдные гости. Не могу видѣть равнодушно этого презрѣнія къ счастію ближняго, какого бы рода оно ни было; всѣ хотятъ, чтобы другіе были счастливы по ихъ образу мыслей, и такимъ образомъ отравляютъ сердце, неимѣя средствъ излечитъ его. Я бы желалъ совершенно удалиться отъ людей, но привычка не позволяетъ мнѣ. Когда я одинъ, то мнѣ кажется, что никто меня не любитъ, никто не заботится обо мнѣ... и это такъ тяжело, такъ тяжело!...

БѢЛИНСКІЙ.—Э! полно, братецъ, говорить вздоръ! Товарищи тебя любятъ... а если есть какія нибудь другія непріятности, то надо умѣть ихъ переносить съ твердостью... Все проходитъ: зло, какъ добро.

ВЛАДИМІРЪ.—Переносить! переносить!... Какъ давно твердятъ эту роду человѣческому, хотя знаютъ, что этимъ словамъ почти никто не слѣдуетъ... (Беретъ Бѣлинскаго за руку). Было время, когда я былъ счастливъ, но это время слишкомъ давно соединилось съ прошедшимъ, чтобы воспоминаніе о немъ могло меня утѣшить. Вся истинная жизнь моя состоитъ изъ нѣсколькихъ мгновеній, а все прочее время было только приготовленіемъ или слѣдствіемъ этихъ мгновеній... Тебѣ трудно меня понять—я это вижу... Другъ мой, гдѣ найду я то, что принужденъ искать?...

БѢЛИНСКІЙ. — Въ своемъ сердцѣ. У тебя великій источникъ блаженства: умѣй только почерпать изъ него. Ты получилъ скверную привычку разсматривать со всѣхъ сторонъ каждую крошку гòря, которую судьба тебѣ посылаетъ. Учись презирать непріятности, наслаждаться настоящимъ, не заботиться о будущемъ и не жалѣть о минувшемъ. Все привычка въ людяхъ; а въ тебѣ еще больше, чѣмъ въ другихъ. Зачѣмъ не отстать, если видишь, что цѣль не можетъ быть достигнута... Нѣтъ: вынь-да-положъ!... А кто послѣ терпитъ?

ВЛАДИМІРЪ. — Нѣтъ, не суди такъ обо мнѣ; войди лучше въ мое положеніе. Знаешь ли, я иногда завидую сиротамъ; иногда мнѣ кажется, что родители мои спорятъ о любви моей, а иногда, что они совсѣмъ не дорожатъ ею. Они знаютъ, что я ихъ люблю, сколько можетъ любить сынъ... Нѣтъ! зачѣмъ, когда они другъ на друга косятся, зачѣмъ есть существо, которое хотѣло бы ихъ соединить, перелить весь пламень юной любви своей въ ихъ предубѣжденныя сердца... Другъ мой, Дмитрій! я не долженъ такъ говорить... но ты вѣдь знаешь все, все, и тебѣ я могу повѣрить то, что составляетъ несчастіе моей жизни, что скоро доведетъ меня до гроба или сумасшествія...

БѢЛИНСКІЙ. — Магометъ сказалъ, что онъ опустилъ голову въ воду и вынулъ, и въ это время четырнадцатью годами состарѣлся; такъ и ты въ короткое время ужасно перемѣнился.— Разскажи-ка мнѣ, какъ идутъ твои любовныя похожденія?... Ты хмуришься... Скажи, давно ли ты ее видѣлъ?

ВЛАДИМІРЪ.—Давно.

БѢЛИНСКІЙ.—А гдѣ живутъ Загорскины?... Ихъ двѣ сестры; отца нѣтъ; такъ ли?

ВЛАДИМІРЪ.—Такъ.

БѢЛИНСКІЙ.—Познакомь меня съ ними. — У нихъ бываютъ вечера, балы?

ВЛАДИМІРЪ.—Нѣтъ.

БѢЛИНСКІЙ.—А я думалъ... Однако все не мѣшаетъ... Познакомь меня.

ВЛАДИМІРЪ.—Изволь.

БѢЛИНСКІЙ.—Разскажи мнѣ исторію твоей любви.

ВЛАДИМІРЪ.—Она очень обыкновенна: тебя не займетъ.

БѢЛИНСКІЙ.—Знаешь ли ты кузину Загорскиныхъ, княжну? Вотъ прехорошенькая и прелюбезная дѣвушка.

ВЛАДИМІРЪ.—Быть можетъ. Въ первый разъ, какъ я увидѣлъ ее, то почувствовалъ какую-то антипатію. Я дурно о ней подумалъ, не слыхавъ отъ нея еще ни одного слова... А ты знаешь—я вѣрю предчувствіямъ.

БѢЛИНСКІЙ.—Суевѣръ!

ВЛАДИМІРЪ.—Намедни я поѣхалъ верхомъ; лошадь не хотѣла идти въ ворота; я ее пришпорилъ; она бросилась и чуть-чуть я не ударился головою объ столбъ. Точно такъ и съ душой: иногда чувствуешь отвращеніе къ кому нибудь, принудишь себя обойтись ласково, захочешь полюбить человѣка, а смотришь — онъ тебѣ платитъ коварствомъ и неблагодарностью...

БѢЛИНСКІЙ (смотря на часы).—Боже мой! а мнѣ давно пора ѣхать. Я къ тебѣ забѣжалъ вѣдь на минуту.

ВЛАДИМІРЪ.—Я это вижу... Куда жъ ты спѣшишь?

БѢЛИНСКІЙ.—Къ графу Бѣльскому. Скука такая, а надобно ѣхать...

ВЛАДИМІРЪ.—Зачѣмъ же надобно?

БѢЛИНСКІЙ.—Да такъ.

ВЛАДИМІРЪ.—Важная причина! Ну, прощай!

БѢЛИНСКІЙ.—До свиданія! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

ВЛАДИМІРЪ (одинъ). — Люблю Бѣлинскаго за его веселый характеръ. (Ходитъ взадъ и впередъ). — Какъ моя голова разстроена... все въ безпорядкѣ, какъ въ домѣ, гдѣ хозяинъ пьянъ! Поѣду къ ней: увижу Наталью, моего ангела... это меня успокоитъ. Взоръ женщины, какъ лучъ мѣсяца, невольно приводитъ въ грудь мою тишину. (Садится и вынимаетъ изъ кармана бумаги). Странно! (Опять кладетъ ихъ въ карманъ). Каждый разъ, какъ посмотрю на эту бумагу, сомнѣніе мрачное волнуетъ мои чувства. Годъ тому назадъ, я писалъ въ одномъ замѣчаніи о ней... Она и тогда имѣла на меня вліяніе благотворное, а теперь... когда вспомню... хочется молиться, плакать... и сожалѣю, зачѣмъ я не такъ добръ, зачѣмъ душа моя не такъ чиста, какъ бы я хотѣлъ?... Можетъ быть, она меня любитъ?... Что пользы?... Такъ вотъ конецъ, котораго я ожидалъ въ прошломъ году! Боже, Боже! для чего такъ тѣснится мое сердце?.. Когда я далеко отъ нея, то воображаю, что̀

скажу ей, какъ горячо сожму ея руку, какъ напомню о минувшемъ, о всѣхъ мелочахъ... А только близъ нея—все забыто, я истуканъ! Душа утонетъ въ глазахъ, все пропадетъ—воспоминанія, слезы, надежды, опасенія!... О, какой я ничтожный человѣкъ! Не могу даже сказать ей, что люблю ее, что она мнѣ дороже жизни; не могу ничего путнаго сказать, когда сижу противъ чуднаго созданія! (Пожимаетъ плечами). Чѣмъ-то кончится моя жизнь? а началась она недурно! Впрочемъ, не все ли равно, съ какими воспоминаніями я сойду въ могилу... Ха! ха! ха! Какъ бы я желалъ предаться удовольствіямъ и потопить въ ихъ потокѣ тяжелую ношу самопознанія, которая съ младенчества была моимъ удѣломъ. (Уходитъ тихо).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Комната въ домѣ Загорскиныхъ.

ГОСТИ. АННА НИКОЛАЕВНА; ДОЧЬ ЕЯ НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА.

АННА НИКОЛАЕВНА (къ одному гостю).—Были вы вчера на балѣ у графа? Тамъ, говорятъ, былъ благородный театръ? И еще говорятъ, какъ отдѣланы комнаты—это чудо, по царски!

ГОСТЬ ПЕРВЫЙ.—Какъ же, я былъ тамъ! До пяти часовъ танцовали, и всего было довольно... всякаго рода людей...

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА (подходя). — Какіе вы насмѣшники! (Анна Николаевна уходитъ къ другимъ барышнямъ). А кто тамъ былъ изъ кавалеровъ?

ГОСТЬ ПЕРВЫЙ. — Былъ князь Шумовъ, Бѣлинскій, Арбенинъ и другіе; однихъ не знаю, другихъ позабылъ. Знаете вы Бѣлинскаго? премилый малый, прелюбезный—не правда ли?

АННА НИКОЛАЕВНА.—Да, я слыхала. (Подходятъ другія барышни).

ОДНА ИЗЪ БАРЫШЕНЬ. — Скажите пожалуйста, кто этотъ Арбенинъ? Я о немъ много слышала.

ГОСТЬ ПЕРВЫЙ.—Во первыхъ, онъ ужасный повѣса, насмѣшникъ, и злой насмѣшникъ, дерзокъ и все, что вы хо-

*

тите; впрочемъ, очень умный человѣкъ! Не думайте, что это я говорю по какой нибудь личности — нѣтъ, всѣ о немъ судятъ такъ...

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА. — Я вамъ ручаюсь, что не всѣ. Я первая не такъ думаю о немъ; я его знаю давно — онъ къ намъ ѣздитъ — и я не замѣтила, чтобъ онъ былъ золъ, по крайней мѣрѣ онъ ни о комъ при мнѣ такъ не говорилъ, какъ вы теперь про него...

ГОСТЬ ПЕРВЫЙ.—О, это совсѣмъ другое; съ вами онъ очень, можетъ быть, любезенъ, но...

ДРУГАЯ ИЗЪ БАРЫШЕНЬ.—Я сама слышала, что Арбенина должно опасаться...

ГОСТЬ ВТОРОЙ (подходя).—Мнѣ кажется, наоборотъ...

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА (одной изъ барышень).—Ma chére, знаешь ли ты что нибудь глупѣе комплиментовъ?

ГОСТЬ ТРЕТІЙ (недавно подошедшій).—А знаете ли вы исторію Арбенина, о которомъ сейчасъ говорили?

ТРЕТЬЯ ДАМА.—Я не думаю, чтобъ онъ былъ такое важное лицо, чтобъ можно было заниматься его исторіей. И до кого она касается? Онъ очень счастливъ: это доказываетъ его характеръ; а исторія счастливыхъ людей никогда не бываетъ занимательна.

ГОСТЬ ТРЕТІЙ.—Повѣрьте, веселость въ обществѣ очень часто одна личина; но бываютъ минуты, когда эта самая веселость, въ бореніи съ внутреннею грустью, принимаетъ видъ чего-то дикаго. Если внезапный смѣхъ прерываетъ мрачную задумчивость, то не радость возбуждаетъ его: это переломъ, доказывающій только, что человѣкъ не можетъ скрыть совершенно чувствъ своихъ. Лица, которыя всегда улыбаются, вотъ лица счастливцевъ.

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА.—О! я знаю, что вы всегда заступаетесь за господина Арбенина!

ГОСТЬ ТРЕТІЙ.—Развѣ вы никогда не заступаетесь за людей, которыхъ обвиняютъ напрасно?

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА. — Напротивъ, вотъ недавно я цѣ-

лый часъ спорила съ дядюшкой, который утверждалъ, что Арбенинъ злой человѣкъ; а я знаю, что у него доброе сердце— онъ это доказалъ многимъ.

гость первый (обращаясь къ другому).—Смотрите, какъ она покраснѣла!

гость четвертый.—C'est une coquette!

наталья ѳедоровна.—Кто это еще пріѣхалъ?—Ахъ, вообразите! я не узнала издали кузину.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И КНЯЖНА СОФЬЯ СЪ ТЕТКОЮ. (Кузины цѣлуются).

княжна софья (тихо Натальѣ Ѳедоровнѣ).—Я, выходя сейчасъ изъ кареты, видѣла Арбенина: онъ ѣхалъ мимо вашего дома и такъ пристально глядѣлъ въ окна, что если бъ самъ государь мимо его проѣхалъ съ другой стороны, такъ онъ бы не обернулся. (Улыбается). Будетъ онъ нынче здѣсь?

наталья ѳедоровна.—Почему же мнѣ знать; я не спрашивала, а онъ самъ никогда напередъ не извѣщаетъ о своемъ пріѣздѣ.

княжна (въ сторону). Я надѣялась еще разъ его увидѣть. (Громко). У меня сегодня что-то голова болитъ!

гость второй.—Лишь бы не сердце.

княжна (въ сторону).—Какъ плоско! (Громко). Вы вчера прекрасно играли у графа, особенно во второй пьесѣ; всѣ были восхищены вами (онъ кланяется). Только скажите, для чего вы такъ рано уѣхали, тотчасъ послѣ ужина?

гость второй.—У меня заболѣла голова.

княжна (съ улыбкой). Что за важность? Это не сердце!

анна николаевна (подходитъ). — Барышни! господа кавалеры! не угодно ли кому въ мушку поиграть?

многіе.—Съ большимъ удовольствіемъ. (Всѣ кромѣ Софьи и Натальи уходятъ).

княжна.—Кузина! ты, кажется, совсѣмъ не радуешься своей побѣдѣ? Ты какъ будто не догадываешься... ну, къ чему

хитрить? Всякій замѣтилъ, что Арбенинъ въ тебя влюбленъ, и ты прежде всѣхъ это замѣтила. Зачѣмъ такъ мало довѣренности ко мнѣ? Ты знаешь, что я съ тобой дружна и всегда все про себя сказываю... или я еще не заслужила...

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА.—Душенька, не сердись! (цѣлуетъ ее). Впрочемъ, это неправда... неправда...

КНЯЖНА.—О, я знаю, что онъ тебѣ нравится! Ты Арбенина не знаешь хорошо, потому что его никто хорошо знать не можетъ. Этотъ умъ, который такъ колокъ и вмѣстѣ такъ гибокъ; эта душа легкая, пламенная, которая не хочетъ для себя преграды... и со всѣмъ тѣмъ перемѣнчивость склонностей—вотъ что опасно въ твоемъ любезномъ! Онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ, и по этой же причинѣ, полюбивъ, разлюбитъ тебя тотчасъ, если представится ему новая цѣль.

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА.—Съ какимъ жаромъ вы говорите, кузина!

КНЯЖНА.—Потому что я тебя люблю и предостерегаю...

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА.—Да почему ты такъ знаешь его?

КНЯЖНА.—О! я наслышалась довольно...

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА.—Да отъ кого?

КНЯЖНА.—Отъ самого Арбенина. (Наталья Ѳедоровна отворачивается и уходитъ). Она ревнива! она любитъ его! А онъ? онъ... какъ часто, когда я ему говорила что нибудь, онъ безъ вниманія сидѣлъ съ неподвижными глазами, какъ будто бы одна единственная мысль владѣла его существованіемъ. Когда Наташа подходила, я слѣдила за его взорами: внезапный блескъ появлялся на нихъ... О! я несчастная!... Но какъ не любить? Онъ такъ уменъ, такъ полонъ благородства! онъ часто разговариваетъ со мною, но все почти говоритъ о ней. Я знаю, что ему пріятно быть со мною, но знаю также, что это не для меня; и то, что должно бы служить мнѣ неисчерпаемымъ источникомъ блаженства, превращаетъ одна мысль въ жестокую муку... Онъ не красавецъ, но такъ не похожъ на другихъ людей, что самые недостатки его, какъ рѣдкость, невольно нравятся. О, я безразсудная! ломаю себѣ голову надъ его характеромъ, не

умѣя растолковать собственную страсть! не могу позабыть голоса, не могу... (Помолчавъ). Нѣтъ! они не будутъ счастливы: клянусь этимъ небомъ, клянусь душою моей, все что имѣетъ ядовитаго женская хитрость, все будетъ употреблено, чтобъ разрушить ихъ благополучіе! Пусть я тогда погибну, но въ утѣшеніе себѣ я скажу: онъ не веселится, когда я плачу; его жизнь не спокойнѣе моей! Я рѣшилась! Какъ легко мнѣ стало! Я рѣшилась...

(Входитъ Арбенинъ разсѣянно изъ гостиной. Въ глубинѣ театра нѣсколько гостей прохаживались; одни уѣзжали, другіе пріѣзжали и хозяйка провожала ихъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КНЯЖНА И АРБЕНИНЪ.

КНЯЖНА (увидавъ Арбенина).—Какъ смѣла я рѣшиться!

ВЛАДИМІРЪ.—А! княжна! какъ я радъ, что вы здѣсь!

КНЯЖНА.—Давно ли вы пріѣхали?

ВЛАДИМІРЪ.—Сейчасъ. Вхожу въ гостиную: тамъ играютъ въ мушку по пяти копѣекъ; я посмотрѣлъ, почти никому слова не сказалъ: мнѣ стало душно. Не понимаю этой глупой карточной работы: нѣтъ удовольствія, даже разсѣянія; нѣтъ даже надежды, обольстительной для многихъ, опустошить карманы противника. Несносное полотерство, стремленіе къ ничтожеству, самовыказываніе завладѣло половиной русской молодежи; безъ цѣли таскаются всюду, наводятъ скуку другимъ и себѣ...

КНЯЖНА.—Зачѣмъ же вы сюда явились?

ВЛАДИМІРЪ (пожавъ плечами).—Зачѣмъ!

КНЯЖНА (язвительно).—Я догадываюсь...

ВЛАДИМІРЪ.—Такъ, заблужденіе, заблужденіе!... Но скажите, можетъ ли быть тотъ счастливъ, который своимъ присутствіемъ въ тягость? Я не сотворенъ для свѣта и для людей; у нихъ каждый долженъ жертвовать своими чувствами и умомъ для толпы; но я этого не могу. Я вездѣ одинаковъ, а потому нигдѣ не гожусь: не правда ли, очень ясное доказательство?

КНЯЖНА.—Вы на себя нападаете.

ВЛАДИМІРЪ.—Да, я самъ себѣ врагомъ, потому что продаю свою душу за одинъ взглядъ ласковый, за одно неслишкомъ холодное слово... Мое безумство доходитъ до крайней степени и со мною случится горе не отъ ума, а горе отъ глупости.

КНЯЖНА.—Къ чему это притворство, мрачныя предчувствія?—Я васъ не понимаю. Все проходитъ; и ваши печали, или—я не знаю какъ назвать—ваши химеры исчезнутъ... Пойдемте играть въ мушку. Видѣли вы мою кузину Наташу?

ВЛАДИМІРЪ.—Когда я вошелъ, какой-то адъютантъ, потряхивая эполетами, разсказывалъ ей, какъ прошедшій разъ въ собраніи одинъ кавалеръ уронилъ замаскированную даму и какъ мужъ ея, вступившись за нее, съ дуру обнаружилъ кто она такова. Ваша кузина смѣялась отъ души, это и меня порадовало. Посмотрите, какъ нынче я буду веселъ. (Уходитъ медленно).

КНЯЖНА (глядитъ ему вслѣдъ). — Желаю вамъ много успѣховъ. Нынче же начну я приводить въ исполненіе мой планъ и скоро увижу конецъ всему... Боже, Боже! для чего я такъ слабодушна, такъ нетверда! (Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(ВЪ МОСКВѢ ЖЕ).

Комната въ домѣ у Марьи Дмитріевны, убранная бѣдно. У окна сидитъ Аннушка, служанка, старуха, и вяжетъ что-то. Слышенъ шумъ вѣтра и дождя.

ЯВЛЕНІЕ I.

АННУШКА (одна). — Вѣтеръ и дождь стучатъ въ наши окна, какъ запоздалые дорожные. Кто имъ скажетъ: вѣтеръ и дождь, подите прочь, мѣшайте спать богатымъ, которыхъ здѣсь такъ много; а мы и безъ васъ едва знаемъ сонъ и спокойствіе. Пріѣхала моя барыня мириться съ мyженькомъ; охъ, охъ, охъ! не мирно что-то началось, да не такъ и кончилось! Оставляетъ же онъ ее почти съ голоду умирать, стало быть, не любитъ и никогда не любилъ; а если такъ, то и отъ мировой толку не бу-

детъ. Лучше безъ мужа, чѣмъ съ дурнымъ мужемъ. Вѣдь охота же Марьѣ Дмитріевнѣ любить такого антихриста. Вотъ ужъ охота пуще неволи! За то молодой баринъ вышелъ у насъ хорошъ: такой ласковый! Шесть лѣтъ я его не видала: какъ выросъ, похорошѣлъ съ тѣхъ поръ! Еще помню, когда я его на рукахъ таскала. То-то былъ любопытный: что ни увидитъ, все—зачѣмъ? да что?—а ужъ вспыльчивъ былъ словно порохъ! Бывало, помню (ему еще было два года), бывало, барыня посадитъ его на колѣни и начнетъ играть на фортепьянахъ что нибудь жалкое—глядь, а у дитяти слезы по щекамъ такъ и катятся! Ужъ вѣрно Павелъ Григорьевичъ много наговорилъ ему противъ матери, да, видишь, не пошло въ прокъ худое слово. Дай Богъ здоровья Владиміру Павловичу, дай Богъ! онъ и меня на старости лѣтъ не позабываетъ: хоть ласковой рѣчью да подаритъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

АННУШКА И МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА (входитъ съ книгой тихо).—Я чувствую, что больна. Хотѣла читать, но какъ читать одними глазами, не слѣдя мыслью за буквами — тяжкое состояніе! непонятная воля судьбы! ужасное бореніе самолюбія женщины съ необходимостью, Не имѣя ни родныхъ, ни собственнаго имѣнія, я должна унижаться, чтобъ получить прощеніе отъ виновнаго мужа, и чтобъ вскорѣ, можетъ быть, раскаяваться въ этомъ. Прощеніе? Мнѣ просить прощенія—мнѣ? Боже! ты знаешь дѣла человѣческія, ты читалъ и въ моей и въ его душѣ, и ты видѣлъ, въ которой хранится источникъ всего зла!... Аннушка! ходила ли ты въ домъ къ Павлу Григорьевичу, чтобъ узнавать, какъ я велѣла? Тебя тамъ любятъ всѣ старые слуги. Ну, что ты узнала о моемъ мужѣ, о моемъ сынѣ?

АННУШКА.—Ходила, матушка, и разспрашивала.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Что жъ? Что говорилъ обо мнѣ Павелъ Григорьевичъ? Не слыхала ли ты отъ людей?

АННУШКА.—Ничего онъ, сударыня, о васъ не говорилъ. Если бы не было у васъ сына, то никто не зналъ бы, что Павелъ Григорьевичъ былъ женатъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Ни слова обо мнѣ! Онъ стыдится произнесть мое имя; онъ презираетъ меня!... Презрѣніе! какъ оно похоже на участіе, какъ эти два чувства близки другъ къ другу!—какъ смерть и жизнь!

АННУШКА.—Однако же, говорятъ, что Владиміръ Павловичъ васъ очень любитъ, хотя и воспитанъ не на вашихъ глазахъ. Напрасно, видно, батюшка его наговаривалъ ему на васъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Да! мой сынъ меня любитъ: я это видѣла вчера; я чувствовала жаръ его руки, я чувствовала, что онъ все мой, вопреки коварнымъ стараніямъ отца его. Такъ! душа его не перемѣняется; онъ все тотъ же, каковъ былъ сидящій на моихъ колѣняхъ въ тѣ вечера, когда я была счастлива, когда слабость, единственная слабость, не могла еще возстановить противъ меня небо и людей!... (Закрываетъ лицо руками).

АННУШКА.—Эхъ, матушка! плакать о прошедшемъ, когда о теперешнемъ не наплачешься! Павелъ Григорьевичъ бранилъ, да какъ еще бранилъ молодаго барина, кабы вы знали, за то, что онъ былъ съ вами повидаться, да, кажется, и запретилъ ему къ намъ пріѣзжать. Мнѣ сказалъ буфетчикъ; онъ все подслушалъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — О, это невозможно! это слишкомъ жестоко! Сыну не видаться съ матерью, когда она, больная, слабая, бѣдная, живетъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него! О, нѣтъ! невозможно! это противъ природы!... Аннушка, въ самомъ дѣлѣ онъ это сказалъ?

АННУШКА.—Въ самомъ дѣлѣ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—И онъ запретилъ своему сыну видѣть мать—точно?

АННУШКА.—Запретилъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА (помолчавъ). Аннушка! онъ думаетъ, что Владиміръ не его сынъ, или самъ никогда не знавалъ матери... (Садится у стола и облокачивается). И я пріѣхала искать

примирѣнія! съ такимъ человѣкомъ!... Нѣтъ, союзъ съ нимъ значитъ разрывъ съ небесами, хотя мой мужъ и орудіе небеснаго гнѣва... но, Творецъ! взялъ ли бы ты добродѣтельное существо для орудія казни? Честные ли люди бываютъ на землѣ палачами?

АННУШКА.—Какъ вы блѣдны, сударыня! Не хотите ли отдохнуть? (Смотритъ на стѣнные часы). Скоро пріѣдетъ докторъ; онъ обѣщалъ быть въ двѣнадцать часовъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — И пріѣдетъ въ послѣдній разъ. Какъ смѣшна я кажусь самой себѣ! думать, что лекарь вылечитъ глубокую рану сердца! (Молчаніе). О! для чего я не пользовалась тысячью случаями къ примиренію, когда еще было время; а теперь, когда прошелъ сонъ, я ищу сновидѣній... поздно! поздно! Чувствовать и понимать, что это напрасно—вотъ что меня убиваетъ! О, раскаяніе! зачѣмъ за маловажный проступокъ ты грызешь мою душу! Какое униженіе! я должна подъ другимъ именемъ пріѣхать въ Москву, чтобъ не заставить сына моего краснѣть передъ міромъ... передъ міромъ? Это правда... собраніе глупцовъ и злодѣевъ—есть міръ, нынѣшній міръ. Ничего не прощаютъ, какъ будто сами святые!

АННУШКА.—Докторъ пріѣхалъ. (Тихо). Я ужъ вынула три рубля.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Милости просимъ. (Докторъ входитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ДОКТОРЪ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Здравствуйте, Христіанъ Антоновичъ!

ДОКТОРЪ (подходитъ къ рукѣ).—Что? Каковы?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Благодарю васъ! Мнѣ гораздо лучше.

ДОКТОРЪ (щупая пульсъ).—Совсѣмъ напротивъ! совсѣмъ напротивъ! у васъ желчь, дѣйствуя на кровь, производитъ волненіе; у васъ нервы ужасно разстроены. Вотъ, я вѣдь говорилъ:

вамъ надобно лечиться долго, постепенно, а вы все хотите вдругъ...

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Но если не достаетъ способовъ?

ДОКТОРЪ. — Эхъ, сударыня! здоровье дороже всего. (Пишетъ рецептъ).

МАРЬЯ ДМИТРІЕВА.—Откуда вы теперь, Христіанъ Антоновичъ?

ДОКТОРЪ.—Отъ господина Арбенина.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА И АННУШКА.—Отъ Арбенина.

ДОКТОРЪ.—Развѣ вы его знаете?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Нѣтъ! А кто такой Арбенинъ?

ДОКТОРЪ.—Этотъ господинъ Арбенинъ въ разводѣ съ своею женою... то есть не въ разводѣ, а такъ... она покинула мужа, потому что была не вѣрна...

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Невѣрна! она его покинула!

ДОКТОРЪ. — Да, да! невѣрна. У нея, говорятъ, была интрига съ какимъ-то французомъ. У этого Арбенина есть сынъ, молодой человѣкъ лѣтъ девятнадцати, или двадцати, шалунъ, повѣса, который заслужилъ въ свѣтѣ очень дурную славу; говорятъ даже, что онъ пьетъ... да, да... Что вы на меня такъ пристально глядите? Всѣ, всѣ жалѣютъ, что у такого почтеннаго, извѣстнаго въ Москвѣ человѣка, каковъ Арбенинъ, сынъ такой негодяй! Если его принимаютъ въ хорошихъ домахъ, то это только для отца... и еще вообразите, онъ все смѣется надо мной и надъ моей ученостью... онъ! надъ моею ученостью смѣется!...

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА (всторону). — Личность, я отдыхаю!

ДОКТОРЪ. — Ахъ! у васъ лицо въ красныхъ пятнахъ! Я говорилъ, что вы еще не совсѣмъ здоровы.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Это пройдетъ, господинъ докторъ! Благодарю васъ за новость и позвольте съ вами проститься. Вы почти знаете въ какомъ я положеніи: я скоро ѣду изъ Москвы.

ДОКТОРЪ.—Какъ, не возвративши здоровья?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Доктора, я вижу, не могутъ мнѣ его возвратить: болѣзнь моя не по ихъ части...

ДОКТОРЪ.—Какъ! вы не вѣрите благому вліянію медицины?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Извините, я очень вѣрю, но не могу ею пользоваться...

ДОКТОРЪ.—Есть ли что нибудь невозможное для человѣка съ твердою волею?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Мнѣ должно, моя воля — возвратиться въ деревню, гдѣ у меня тридцать душъ мужиковъ живутъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ графы и князья; тамъ, въ уединеніи, на свѣжемъ воздухѣ, мое здоровье поправится; тамъ хочу я умереть. Ваши посѣщенія мнѣ больше не нужны. Благодарю за все. Позвольте вручить вамъ послѣдній знакъ моей признательности.

ДОКТОРЪ (беретъ деньги). — Однако вы еще нездоровы, вамъ бы надобно...

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА (значительно взглянувъ). — Прощайте! (Докторъ уходитъ, раскланявшись съ недовольною миной). Этотъ человѣкъ готовъ высосать послѣднюю копѣйку!

АННУШКА. — Вы совсѣмъ разстроены! Ваше лицо перемѣнилось! Ахъ, сударыня, присядьте! ваши руки дрожатъ!

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Мой сынъ имѣетъ одну участь со мной!

АННУШКА (поддерживая ее). — Видно, ужъ вамъ на-роду написано терпѣть...

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—И умереть.

АННУШКА.—Мы всѣ умремъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Я, вижу, что близокъ конецъ мой. Такія предчувствія меня никогда не обманывали. Боже, Боже мой! допусти только, чтобы я примирилась съ мужемъ моимъ прежде смерти. Аннушка доведи меня въ мою комнату. (Обѣ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Комната студента Рябинова. Нѣсколько молодыхъ людей: СНѢГИНЪ, ЧЕЛЯЕВЪ, РЯБИНОВЪ, ВИШНЕВСКІЙ, ЗАРУЦКІЙ, и проч. (курятъ трубки; бутылка шампанскаго на столѣ).

СНѢГИНЪ.—Что съ нимъ сдѣлалось? Отчего онъ вскочилъ и ушелъ, не говоря ни слова?

ЧЕЛЯЕВЪ.—Чѣмъ нибудь обидѣлся.

ЗАРУЦКІЙ.—Не думаю. Вѣдь онъ всегда таковъ: то говоритъ, вретъ, хохочетъ..... то вдругъ замолчитъ и сдѣлается подобенъ истукану; и вдругъ вскочитъ, убѣжитъ, какъ будто потолокъ надъ нимъ проваливается...

СНѢГИНЪ.—За здоровье Арбенина, sacre dieu! онъ славный товарищъ!

РЯБИНОВЪ.—Тостъ!

ВИШНЕВСКІЙ.—Челяевъ, ты былъ вчера въ театрѣ?

ЧЕЛЯЕВЪ.—Да.

ВИШНЕВСКІЙ.—Что играли?

ЧЕЛЯЕВЪ.—«Разбойниковъ» Шиллера. Мочаловъ лѣнился ужасно! Жалко, что онъ не всегда въ духѣ; случиться могло бъ, что я бы его видѣлъ вчера въ первый и послѣдній разъ; такимъ образомъ онъ теряетъ репутацію.

ВИШНЕВСКІЙ.—И ты, вѣрно, крѣпко боялся въ театрѣ?

ЧЕЛЯЕВЪ.—Боялся? Чего?

ВИШНЕВСКІЙ.—Какъ же? Ты былъ одинъ съ разбойниками!

ВСѢ.—Браво! браво! фора!—тостъ!—

СНѢГИНЪ (беретъ всторону Заруцкаго). —Правда ли, что Арбенинъ сочиняетъ?

ЗАРУЦКІЙ.—Да! и довольно хорошо...

СНѢГИНЪ.—То-то! Не можешь ли мнѣ достать что нибудь?

ЗАРУЦКІЙ.—Изволь.... да кстати, у меня есть въ карманѣ нѣсколько мелкихъ пьесъ.

СНѢГИНЪ.—Ради Бога, покажи! пускай они пьютъ и дурачатся, а мы сядемъ здѣсь и ты мнѣ прочтешь.

ЗАРУЦКІЙ (вынимаетъ изъ кармана листки).—Вотъ первое. Ты знаешь, онъ влюбленъ безъ ума въ Загорскину.—Слушай.

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала; я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которыхъ я мгновеньями лишь жилъ—
И тѣ мгновенья были мукъ полны:

И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями; но сонъ,
Какъ міръ, не могъ быть ими омраченъ!
Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнію иной,
И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакалъ. Но созданія мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ,
О, нѣтъ! все было адъ иль небо въ нихъ.
Такъ! для прекраснаго могилы нѣтъ!
Когда я буду прахъ, мои мечты,
Хоть не пойметъ ихъ, удивленный свѣтъ
Благословитъ. И ты, мой ангелъ, ты
Со мною не умрешь. Моя любовь
Тебя отдастъ безсмертной жизни вновь,
Съ моимъ названьемъ станутъ повторять
Твое... На что имъ мертвыхъ разлучать?

СНѢГИНЪ.—Ошибается Арбенинъ! Онъ это писалъ въ минуту, когда недоволенъ былъ собою... Другую.

ЗАРУЦКІЙ.—Здѣсь болѣе страсти.

Къ чему волшебною улыбкой
Будить забвенія мечты?
Я буду веселъ, но—ошибкой;
Причину слишкомъ знаешь ты.
Мы не годимся другъ для друга:
Ты любишь шумный, хладный свѣтъ;
Я сердцемъ сынъ пустынь и юга!
Ты счастлива, а я, я—нѣтъ!
Какъ небо утра молодое,
Прекрасенъ взоръ небесный твой;
Въ немъ дышетъ чувство всѣмъ родное,

А я на свѣтѣ всѣмъ чужой!
Моя душа боится снова
Святую вспомнить старину,
Ея надежды—бредъ больнова,
Имъ вѣрить—значитъ вѣрить сну.
Мнѣ одинокій путь назначенъ,
Онъ проклятъ строгою судьбой;
Какъ счастье безъ тебя—онъ мраченъ.
Прости!... прости же, ангелъ мой!...

Онъ чувствовалъ все, что здѣсь сказано; я его люблю за это.

ДРУГІЕ (шумно).—За здоровье дураковъ и . . . й

СНѢГОВЪ.—Оставь! не слушай ихъ; читай еще.

ЗАРУЦКІЙ.—Погоди (вынимаетъ еще бумагу). Вотъ этотъ отрывокъ тѣмъ замѣчателенъ, что онъ есть картина, снятая съ природы. Арбенинъ описываетъ себя... онъ самъ признался въ томъ.

Я видѣлъ юношу: онъ былъ верхомъ
На сѣрой, борзой лошади—и мчался
Вдоль берега крутаго Клязьмы. Вечеръ
Погасъ ужъ на багряномъ небосклонѣ,
И мѣсяцъ съ облаками отражался
Въ волнахъ, и въ нихъ онъ былъ еще прекраснѣй...
Но юный всадникъ не страшился, видно,
Ни ночи, ни росы холодной... Жарко
Пылали смуглыя его ланиты,
И черный взоръ искалъ чего-то все
Въ туманномъ отдаленьи. Въ безпорядкѣ
Минувшее являлося ему—
Грозящій призракъ, темнымъ предсказаньемъ
Пугающій довѣрчивую душу.
Но вѣрилъ онъ одной своей любви,
И для любви своей не зналъ преграды!...

Онъ мчится. Звучный топотъ по полянамъ
Разноситъ вѣтеръ. Вотъ идетъ прохожій;

Онъ путника остановилъ, и этотъ
Ему дорогу молча указалъ
И удалился съ видомъ удивленья.
И всадникъ примѣчаетъ огонекъ,
Трепещущій на берегу другомъ;
И проскакавъ тѣнистую дубраву,
Онъ различилъ окно, окно и домъ,
Онъ ищетъ мостъ... но сломанъ старый мостъ,
Рѣка темна, и мутны, шумны воды.

Какъ воротиться, не прижавъ къ устамъ
Плѣнительную руку, не слыхавъ
Волшебный голосъ тотъ, хотя бъ укоръ
Произнесли ея уста. О, нѣтъ!...
Онъ вздрогнулъ, натянулъ бразды, ударилъ
Коня—и шумныя плеснули воды,
И съ пѣною раздвинулись онѣ.
Плыветъ могучій конь—и ближе, ближе...
И вотъ ужъ онъ на берегу противномъ
И на гору летитъ... И на крыльцо
Взбѣгаетъ юноша, и входитъ
Въ старинные покои... нѣтъ ея!
Онъ проникаетъ въ длинный корридоръ,
Трепещетъ... нѣтъ нигдѣ... ея сестра
Идетъ къ нему на встрѣчу. О, когда бъ
Я могъ изобразить его страданье!...
Какъ мраморъ, блѣдный и безгласный онъ
Стоялъ. Вѣка ужасныхъ мукъ равны
Такой минутѣ. Долго онъ стоялъ!...
Вдругъ стонъ тяжелый вырвался изъ груди,
Какъ будто сердца лучшая струна
Оборвалась... Онъ вышелъ мрачно, твердо;
Прыгнулъ въ сѣдло и поскакалъ стремглавъ,
Какъ будто бы гналося вслѣдъ за нимъ
Раскаянье... и долго онъ скакалъ,

До самаго разсвѣта, безъ дороги,
Безъ всякихъ опасеній—наконецъ
Онъ былъ терпѣть не въ силахъ... и заплакалъ!
Есть вредная роса, которой капли
На листьяхъ оставляютъ пятна—такъ
Отчаянья свинцовая слеза,
Изъ сердца вырвавшись насильно, можетъ
Скатиться... но очей не освѣжитъ...

Къ чему мнѣ приписать видѣнье это?
Ужели сонъ такъ близокъ можетъ быть
Къ существенности хладной? Нѣтъ!
Не можетъ сонъ оставить слѣдъ въ душѣ,
И какъ ни силится воображенье,
Его орудья пытки, все—ничто
Противъ того, что есть и что имѣетъ
Вліяніе на сердце и судьбу!...

Мой сонъ перемѣнился невзначай.
Я видѣлъ комнату: въ окно свѣтилъ
Весенній, теплый день; и у окна
Сидѣла дѣва, нѣжная лицомъ,
Съ глазами полными огнемъ и жизнью,
И рядомъ съ ней сидѣлъ, въ молчаньи, мнѣ
Знакомый юноша, и оба, оба
Старалися довольными казаться,
Однако же на ихъ устахъ улыбка,
Едва родившись, томно умирала.
И юноша спокойнѣй, мнилось, былъ,
Затѣмъ, что лучше онъ умѣлъ таить
И побѣждать страданья. Взоры дѣвы
Блуждали по листамъ открытой книги,
Но буквы всѣ сливалися подъ ними...
И сердце сильно билось—безъ причины...
И юноша смотрѣлъ не на нее —
Хотя она одна была царицей

Его воображенья и причиной
Всѣхъ сладкихъ и высокихъ думъ его —
На голубое небо онъ смотрѣлъ,
Слѣдилъ сребристыхъ облаковъ отрывки,
И сжатою душой не смѣлъ вздохнуть;
Не смѣлъ пошевелиться, чтобы этимъ
Не прекратить молчанья: такъ боялся
Онъ услыхать отвѣтъ холодный, или
Не получить отвѣта на моленья!...

Безумный! ты не зналъ, что былъ любимъ,
И ты о томъ провѣдалъ лишь тогда,
Какъ потерялъ ея любовь навѣки,
И удалось привлечь другому лестью
Всѣ, всѣ желанья дѣвы легковѣрной!...

СНѢГИНЪ.—Странный человѣкъ Арбенинъ!

ВИШНЕВСКІЙ (въ другой сторонѣ).—Когда-то русскіе будутъ русскими?

ЧЕЛЯЕВЪ.—Когда они на сто лѣтъ подвинутся назадъ и будутъ образовываться снова-здорово.

ВИШНЕВСКІЙ.—Прекрасное средство. Если бы тебѣ твой докторъ всегда такіе рецепты прописывалъ, то, я бьюсь объ закладъ, что ты не сидѣлъ бы за столомъ, а лежалъ бы на столѣ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Комната Бѣлинскаго.

БѢЛИНСКІЙ (одинъ).—Судьба хочетъ непремѣнно, чтобъ я женился! Что же? Женитьба лекарство очень полезное отъ многихъ болѣзней и отъ карманной чахотки особенно. Теперь я занялъ деньги и почти купилъ деревню; но гдѣ взять еще денегъ? что заплатить заимодавцу?... Женись! женись! кричитъ разсудокъ. Такъ и быть! Но на комъ... Вчера я познакомился съ Загорскиными. Наташа мила, очень мила; у

ней кой-что есть... Но Владиміръ влюбленъ въ нее? Что жъ? Чья взяла, тотъ и правъ. Я въ такихъ нахожусь опасныхъ обстоятельствахъ, что онъ долженъ будетъ мнѣ простить. Впрочемъ, я не вѣрю, чтобъ онъ ужъ такъ сильно ее любилъ. Онъ странный, непонятный человѣкъ: одинъ день то, другой—другое! самъ себѣ противорѣчитъ; а когда заговоритъ и захочетъ тебя увѣрить въ чемъ нибудь, конечно, рѣдкій устоитъ! Иногда, напротивъ, слова не выбьешь: сидитъ и молчитъ, не слышитъ и не видитъ; глаза остановятся, какъ будто въ этотъ мигъ все существованіе его остановилось на одной мысли... (Молчаніе). Однако я ему ничего не скажу про свое намѣреніе, прежде чѣмъ все не кончится. Буду пока ѣздить въ домъ, а тамъ увидимъ...

ЯВЛЕНІЕ VI.

БѢЛИНСКІЙ И ВЛАДИМІРЪ.

ВЛАДИМІРЪ (входитъ).—Бѣлинскій! что такъ задумчивъ?

БѢЛИНСКІЙ. — А! здравствуй, Арбенинъ! Это — планы, планы...

ВЛАДИМІРЪ.—И тебя судьба не отучила дѣлать планы?

БѢЛИНСКІЙ.—Нѣтъ! Когда я твердо намѣренъ что нибудь сдѣлать, то это рѣдкость, если мнѣ не удастся. Повѣрь, человѣкъ, который непремѣнно хочетъ чего нибудь, принуждаетъ судьбу сдаться: судьба—женщина!

ВЛАДИМІРЪ.—А я столько разъ былъ обманутъ желаньями и столько разъ раскаявался, достигнувъ цѣли, что теперь не желаю ничего; живу, какъ живется; никого не трогаю, и отъ этого всѣ стараются чѣмъ нибудь возбудить меня, какъ нибудь вымучить изъ меня обидное себѣ слово... и знаешь ли, это иногда меня веселитъ: я вижу людей, которые изъ жилъ тянутся, чтобы чѣмъ нибудь сдѣлать еще несноснѣе мое существованіе!... Ха! ха! ха! Неужели я такое важное лицо въ мірѣ, или милость ихъ простирается даже до самыхъ ничтожныхъ?

БѢЛИНСКІЙ.—Другъ мой! ты строишь химеры въ своемъ воображеніи и даешь имъ черный цвѣтъ для бо́льшаго романтизма.

ВЛАДИМІРЪ.—Нѣтъ, нѣтъ! говорю я тебѣ, я не созданъ для людей. Я имъ кажусь слишкомъ гордъ, они мнѣ—слишкомъ подлы!

БѢЛИНСКІЙ.—Какъ? Ты не созданъ для людей? Напротивъ, ты довольно любезенъ въ обществѣ; дамы ищутъ твоего разговора; ты любимъ молодежью, и хотя иногда слишкомъ рѣзкія истины говоришь въ глаза, тебѣ все-таки прощаютъ, потому что ты ихъ умно говоришь и это какъ-то къ тебѣ идетъ.

ВЛАДИМІРЪ (съ горькой улыбкой).—Я вижу, ты хочешь меня утѣшить.

БѢЛИНСКІЙ.—Когда ты былъ у Загорскиныхъ? Могутъ ли тамъ тебя утѣшить?

ВЛАДИМІРЪ.—Вчера я ихъ видѣлъ.—Странно: она меня не любитъ и—любитъ. Она со мной иногда такъ добра, такъ много говорятъ глазки, такъ много этотъ румянецъ стыдливости выражаетъ любви; а иногда, особливо на балѣ гдѣ нибудь, она совсѣмъ другая и я больше не вѣрю ни ея любви, ни моему счастью.

БѢЛИНСКІЙ.—Она кокетка...

ВЛАДИМІРЪ.—Не вѣрю! Тутъ есть что нибудь, есть тайна...

БѢЛИНСКІЙ.—Поди ты къ чорту съ тайнами! Просто: когда ей весело, тогда твоя Наташа о тебѣ и не думаетъ, а когда скучно, то она тобой забавляется—вотъ и все.

ВЛАДИМІРЪ.—Ты это сказалъ такимъ нѣжнымъ голосомъ, какъ будто этимъ сдѣлалъ мнѣ великое благодѣяніе.

БѢЛИНСКІЙ (качая головой).—Ты не въ духѣ сегодня.

ВЛАДИМІРЪ (вынимаетъ изорванное письмо).—Видишь?

БѢЛИНСКІЙ.—Что такое?

ВЛАДИМІРЪ.—Это письмо я написалъ къ ней. Прочитай его. Вчера я пріѣзжаю къ ея кузинѣ, княжнѣ Софьѣ, и улучивъ минуту, когда на насъ не обращали вниманія, я умолялъ ее передать письмо Загорскиной. Она согласилась, но

съ тѣмъ, чтобы прежде прочитать письмо. Я ей отдалъ. Она ушла въ свою комнату. Я провелъ ужасный часъ. Вдругъ княжна является, говоря, что мое письмо развеселитъ очень ея кузину и заставитъ ее смѣяться. Смѣяться!... Другъ мой! я разорвалъ письмо, схватилъ шляпу и уѣхалъ.

БѢЛИНСКІЙ.—Я подозрѣваю хитрость княжны. Загорскина не стала бы смѣяться такому письму, потому что я очень отгадываю его содержаніе. Зависть, можетъ быть и болѣе, или просто шутка...

ВЛАДИМІРЪ. — Хитрость, хитрость! Я *ее* видѣлъ, провелъ съ ней почти наединѣ цѣлый вечеръ; я видѣлъ ее въ театрѣ: слезы блистали въ глазахъ ея, когда играли «Коварство и любовь»... Неужели она равнодушно будетъ слушать повѣсть моихъ страданій? (Схватывая за руку Бѣлинскаго). Что, если бы я могъ прижать Наталью къ этой груди и сказать ей: «ты моя, моя на вѣки!...» Боже, Боже! я не переживу этого! (Смотритъ въ глаза Бѣлинскому). Не говори ни слова, не разрушай моихъ дѣтскихъ надеждъ... только теперь не разрушай... а послѣ...

БѢЛИНСКІЙ (вскакиваетъ).—Послѣ! (Въ сторону) Какъ? Ужели онъ отгадываетъ судьбу свою?

ВЛАДИМІРЪ.—О! какъ сердце умѣетъ обманывать! (Закрывъ лицо руками, ходитъ взадъ и впередъ).

БѢЛИНСКІЙ (въ сторону). — И я долженъ буду разрушить этотъ обманъ? Ба! да я, кажется, начинаю подражать ему?... Нѣтъ, это вздоръ! онъ не такъ сильно любитъ, какъ думаетъ; жизнь не романъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И СЛУГА (входитъ).

СЛУГА.—Дмитрій Васильевичъ! какой-то мужикъ проситъ позволенія васъ видѣть. Онъ говоритъ, что слышалъ, будто вы покупаете ихъ деревню, такъ онъ пришелъ...

БѢЛИНСКІЙ.—Вели ему войти. (Слуга уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ И МУЖИКЪ (входитъ и бросается Бѣлинскому въ ноги).

БѢЛИНСКІЙ. — Встань! встань! Что тебѣ надобно, другъ мой?

МУЖИКЪ (на колѣняхъ).—Мы слышали, что ты, кормилецъ, хочешь купить насъ, такъ я пришелъ... (кланяется)... Мы слышали, что ты баринъ добрый...

БѢЛИНСКІЙ. — Да встань, братецъ, а потомъ говори!

МУЖИКЪ (вставъ).—Не прогнѣвайся, отецъ родной, коли я...

БѢЛИНСКІЙ.—Да говори же...

МУЖИКЪ (кланяясь). — Я присланъ отъ всего села къ тебѣ, кормилецъ, кланяться, чтобы ты сталъ нашимъ защитникомъ... всѣ бы стали Бога молить о тебѣ! Будь нашимъ спасителемъ!

БѢЛИНСКІЙ.—Что же? Вамъ не хочется съ своей госпожей разставаться, что ли?

МУЖИКЪ (кланяясь въ ноги).—Нѣтъ! купи, купи насъ, родимый!

БѢЛИНСКІЙ (въ сторону).—Странное приключеніе! (Мужику). А! такъ вы вѣрно недовольны своей помѣщицей?

МУЖИКЪ.—Охъ! тяжко!... за грѣхи наши!... (Владиміръ начинаетъ вслушиваться).

БѢЛИНСКІЙ. — Ну, говори смѣлѣй! Жестоко, что ли, госпожа поступаетъ съ вами?

МУЖИКЪ. — Да такъ, баринъ, что, вѣдь, ей-Богу, терпѣнья ужъ нѣтъ... Долго мы переносили, однако пришелъ конецъ... хоть въ воду!...

ВЛАДИМІРЪ (мрачно). — Что же она дѣлаетъ?

МУЖИКЪ. — Да что вздумается ея милости...

БѢЛИНСКІЙ. — Напримѣръ... сѣчетъ часто?

МУЖИКЪ. — Сѣчетъ, батюшка, да какъ еще! при себѣ... больно сѣчетъ, кормилецъ! за всякую малость, а чаще безъ вины... У нея управитель, вишь, въ милости; онъ и творитъ, что ему любо. Не сними-ка передъ нимъ шапки, такъ и невѣсть что сдѣлаетъ! за версту увидишь, такъ тотчасъ шапку

долой, да такъ и работай на жару, пока не прикажетъ надѣть, а коли сердитъ или позабудетъ, такъ иногда цѣлый день промаетъ...

вѣлинскій. — Какія злоупотребленія!

мужикъ. — Разъ какъ-то барынѣ донесли, что дескать Ѳедька дурно про тебя говорилъ и хочетъ въ городѣ жаловаться... а Ѳедька мужикъ былъ славный, вотъ она и приказала руки ему вывертывать на станкѣ... а управитель былъ на него сердитъ... какъ повели его на барскій дворъ, дѣти кричали, жена плакала... вотъ стали руки вывертывать. «Господинъ управитель! сказалъ Ѳедька, что я тебѣ сдѣлалъ? Вѣдь, ты меня губишь!» — «Вздоръ!» сказалъ управитель... да вывертывали, да ломали... Ѳедька и сталъ безрукой; на печкѣ такъ и лежитъ, да клянетъ свое рожденіе...

вѣлинскій.—Да что же, въ самомъ дѣлѣ, кто нибудь не пожалуется въ городѣ? На это, вѣдь, есть у насъ судъ. Вашей госпожѣ достанется, а управителя въ Сибирь...

мужикъ. — Гдѣ намъ, бѣднымъ людямъ! У нихъ, кормилецъ, всѣ судьи-то подкуплены нашимъ же оброкомъ... Плохо стало намъ! Посмотришь въ другое село — сердце кровью обливается!... живутъ спокойно да весело; а у насъ такъ и пѣсенъ не слышно стало на посидѣлкахъ... Разсказываютъ горничныя: разъ барыня разсердилась—такъ, вѣдь, ножницами стала имъ кожу рѣзать... охъ, больно... а какъ бороду велитъ щипать волосокъ по волоску, батюшка... ну, такъ тутъ и святыхъ забудешь, батюшка... (Упадаетъ въ ноги Бѣлинскому). О! кабы ты помогъ намъ! Купи насъ, купи, отецъ родной! (Рыдаетъ).

владиміръ (въ бѣшенствѣ).—Люди! люди!... И до такой степени злодѣйства доходитъ женщина, твореніе иногда близкое къ ангелу! О, проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство!... все, все куплено кровавыми слезами... ломать руки, рѣзать кожу, сѣчь, щипать бороду волосокъ по волоску... О, Боже! при одной мысли объ этомъ, я чувствую боль во всѣхъ моихъ жилахъ... Я бы раздавилъ ногами каждый суставъ этой злодѣйской женщины. Это приводитъ меня въ бѣшенство.

БѢЛИНСКІЙ. — Въ самомъ дѣлѣ ужасно! морозъ по кожѣ подираетъ!

МУЖИКЪ.—Купи насъ, родимый.

ВЛАДИМІРЪ.—Дмитрій, есть ли у тебя деньги? Вотъ все, что я имѣю: вексель на пять тысячъ... ты мнѣ отдашь когда нибудь. (Кладетъ на столъ бумажникъ).

БѢЛИНСКІЙ.—Если такъ (считаетъ), то я купилъ эту деревню. Поди, добрый мужичекъ, скажи своимъ, чтобы они не безпокоились. (Владиміру). Какова госпожа?—а?

МУЖИКЪ (кланяясь въ радости).—Дай Боже вамъ счастья обоимъ, отцы мои! Дай Богъ вамъ все, что душенькѣ ни пожелается! Прости, батюшка! Благослови тебя царь небесный! (Уходитъ).

ВЛАДИМІРЪ.—О, мое, отечество! мое отечество! (Ходитъ быстро взадъ и впередъ).

БѢЛИНСКІЙ.—Ахъ! какъ я радъ, что могу купить эту деревню, какъ я радъ! Впервые мнѣ удается облегчать страждущее человѣчество! Такъ, это доброе дѣло!... Несчастные мужики! что за жизнь, когда я каждую минуту въ опасности потерять все, что имѣю, и попасть въ руки палачей!

ВЛАДИМІРЪ.—Есть люди болѣе достойные сожалѣнія, чѣмъ этотъ мужикъ. Несчастія проходятъ и радость замѣняетъ ихъ; но тотъ, кто носитъ всю причину своихъ страданій въ своемъ сердцѣ, въ комъ живетъ червь, пожирающій малѣйшія искры удовольствія, тотъ, кто желаетъ и надѣется, тотъ, кто въ тягость всѣмъ, даже любящимъ его, тотъ... Но для чего говорить о такихъ людяхъ? Имъ не могутъ сострадать, ихъ никто, никто не понимаетъ.

БѢЛИНСКІЙ. — Опять за свое! О, эгоистъ? Какъ можно сравнивать химеры съ истинными несчастіями? Можно ли сравнивать свободнаго съ рабомъ?

ВЛАДИМІРЪ.—Одинъ рабъ человѣка, другой рабъ судьбы. Первый можетъ ожидать хорошаго господина, или имѣетъ выборъ; второй никогда. Имъ играетъ слѣпой случай, и страсти его и безчувственность другихъ—все соединено къ его гибели.

БѢЛИНСКІЙ.—Развѣ ты не вѣришь въ провидѣніе? Развѣ отвергаешь существованіе Бога, который все знаетъ и всѣмъ управляетъ?

ВЛАДИМІРЪ (смотритъ на небо).—Вѣрю ли я? вѣрю ли я?...

БѢЛИНСКІЙ.—Твоя голова, я вижу, набита ложными мыслями.

ВЛАДИМІРЪ (помолчавъ).—Послушай: не правда ли, теперь прекрасное время? Пойдемъ на бульваръ.

БѢЛИНСКІЙ. — Чудакъ! (Молчаніе. — Входитъ слуга Марьи Дмитріевны). Что тебѣ надобно? Кто ты?

ВЛАДИМІРЪ (испугавшись). Слуга моей матери!

СЛУГА.—Я присланъ къ вамъ, сударь, отъ Марьи Дмитріевны. Искалъ я васъ съ полчаса въ трехъ домахъ, гдѣ, какъ мнѣ у васъ сказали, вы часто бываете. Насилу нашелъ.

ВЛАДИМІРЪ.—Что сдѣлалось?

СЛУГА.—Да барыня-съ...

ВЛАДИМІРЪ.—Что?

СЛУГА.—Сдѣлалась очень нездорова и проситъ васъ къ себѣ.

ВЛАДИМІРЪ.—Нездорова, говоришь ты? больна?

СЛУГА.—Очень нездорова-съ!

ВЛАДИМІРЪ. (Бѣлинскому).—Слышишь ли? понимаешь ли ту опасность, которая мнѣ грозитъ? Что, если въ этотъ самый мигъ... Я твердъ въ своихъ несчастіяхъ — не правда ли?... (Молчаніе. – Слугѣ). Я иду! (Быстро уходитъ; за нимъ слуга).

БѢЛИНСКІЙ. (глядя вслѣдъ).—Тебя погубитъ эта излишняя чувствительность! Ты желаешь спокойствія, но неспособенъ имъ наслаждаться, и оно сдѣлалось бы большою твоею мукою, если бъ могло поселиться въ груди твоей. Я веселаго характера обыкновенно, однако примѣчаю, что печаль Арбенина прилипчива; послѣ него часа два я не могу справиться! Ха! ха! ха! Испытаю вѣрность женщины! Посмотримъ, устоитъ ли Загорскина противъ моихъ нападеній? Если она измѣнитъ Арбенину, то это лучшій способъ вылечитъ его отъ самой глупѣйшей болѣзни. (Входитъ слуга Бѣлинскаго). Что тебѣ?

СЛУГА.—Да я ходилъ взять билетъ-съ, какъ вы приказывали, въ театръ. Вотъ онъ-съ.

БѢЛИНСКІЙ. — Хорошо! Въ первомъ ряду? Хорошо! (Про себя). Скучно будетъ нынче во французскомъ театрѣ: играютъ скверно; тѣсно, душно, а нечего дѣлать! весь beau-monde! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Комната у Загорскиныхъ.

СОФЬЯ И НАТАША.

СОФЬЯ. — Ma chère cousine! я тебѣ совѣтую остерегаться!

НАТАША. — Пожалуйста, безъ наставленій! Я сама знаю, что мнѣ дѣлать. Я никогда не покажу Арбенину большой благосклонности, а пускай онъ будетъ доволенъ малымъ.

СОФЬЯ. — Вѣдь ты его не заставишь на себѣ жениться: онъ совсѣмъ не такой человѣкъ.

НАТАША.—Разумѣется, я сама за него свататься не стану; а если онъ меня любитъ, такъ женится.

СОФЬЯ.—Не правда ли, какъ интересна его меланхолія, какъ занимательны его печали, какъ милы его глаза, полные слезъ?

НАТАША.—Да, для меня очень занимательны.

СОФЬЯ.—Повѣрь, онъ только дурачится и шалитъ, а именно потому, что увѣренъ, что ты въ него влюблена.

НАТАША.—Ему не отчего быть увѣрену.

СОФЬЯ. — А попробуй показать холодность — тотчасъ отстанетъ.

НАТАША. — Я пробовала и онъ не отсталъ, и только больше съ тѣхъ поръ меня любитъ...

СОФЬЯ.—Ты не умѣешь притворяться, ты...

НАТАША.—Повѣрь, не хуже тебя.

СОФЬЯ. — Арбенинъ точно также прошлаго года куртизанилъ Лидиной Полинѣ, а тутъ и бросилъ ее, и смѣется самъ надъ нею—ты помнишь? Тоже будетъ и съ тобой.

НАТАША.—Я не Полина.

СОФЬЯ. —Посмотримъ.

НАТАША.—Да что ты такъ на одно наладила?

СОФЬЯ.—Ужъ что я знаю, то знаю. Вчера...

НАТАША.—Что такое? Впрочемъ, и знать не желаю!

СОФЬЯ.—Вчера Арбенинъ былъ у насъ.

НАТАША.—Ну что жъ?

СОФЬЯ.—Любезничалъ съ Лизой Шумовой, разсказывалъ ей Богъ знаетъ что, и между прочимъ просилъ меня отдать тебѣ письмо. Вотъ мужчины! въ одну влюблены, а другой пишутъ письма. Вѣрь имъ послѣ этого!

НАТАША.—И ты согласилась взять письмо?

СОФЬЯ.—Я его прочла и отдала назадъ, сказавъ, что ты будешь очень этому смѣяться. Онъ разорвалъ и уѣхалъ. Какова комедія? И еще, знаешь, мнѣ сказывали, что онъ хвалится, будто ты его любишь, но я не вѣрю.

НАТАША (въ сторону).—Онъ дѣлаетъ глупости! Я теперь на него такъ сердита, такъ сердита!... Хвалится—вотъ мило!... Кто бы подумалъ! это слишкомъ! (Громко). Ты знаешь, кузина, у насъ былъ вчера Бѣлинскій? Un jeune homme charmant! прелесть, какъ хорошъ, уменъ и любезенъ! Вотъ ужъ не надуетъ губы! ничего въ немъ нѣтъ мрачнаго и угрюмаго! Какъ воспитанъ! будто всю жизнь провелъ при дворѣ.

СОФЬЯ.—Поздравляю. И ты ему очень понравилась надѣюсь. (Въ сторону). Мои слова дѣйствуютъ! Боже мой, какъ я рада! (Громко). Вчера же Арбенинъ чуть-чуть не поссорился у насъ съ Нелидовымъ. Послѣдній, ты знаешь, un jeune homme de salon, такъ вѣжливъ, степененъ и остороженъ, а Вольдемаръ этого не слишкомъ придерживается. Нелидовъ разговорился съ нимъ про свѣтъ и репутацію и нѣсколько разъ повторялъ, что дорожитъ своею доброю славою такимъ тономъ, который давалъ чувствовать Арбенину, что онъ ее потерялъ. Этотъ понялъ и поблѣднѣлъ; послѣ и говоритъ мнѣ: «Нелидовъ хотѣлъ кольнуть мое самолюбіе; онъ достигъ своей цѣли—это правда. Я потерянъ для свѣта, но довольно гордъ, чтобъ слушать равнодушно напоминанія объ этомъ». Ха, ха, ха! Не правда ли, это показываетъ твердость характера?

НАТАША.—Конечно! Арбенинъ не совсѣмъ заслуживаетъ

дурное мнѣніе свѣта, но онъ о немъ мало заботится; а этотъ Нелидовъ очень глупо сдѣлалъ, если старался его обидѣть. (Идетъ къ окну).

СОФЬЯ.—Повѣрь мнѣ: Арбенина также огорчаетъ злословіе, какъ и другихъ; онъ только не хочетъ этого показать. (Молчаніе).

НАТАША (съ живостью).—Ахъ, сейчасъ проѣхалъ Бѣлинскій.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Кабинетъ Павла Григорьевича Арбенина. Шкафъ съ книгами; столъ съ бумагами и кресло.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ И ПОВѢРЕННЫЙ.

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (сидитъ въ креслѣ; передъ нимъ повѣренный, въ сюртукѣ, стоитъ). — Нѣтъ, братецъ, нѣтъ! скажи твоему господину, что я не намѣренъ ждать. Онъ долженъ— плати. Нечѣмъ—зачѣмъ задолжалъ? Въ Россіи на это есть судъ. Ну, если бъ я былъ бѣднякъ? развѣ два мѣсяца подождать ничего не значитъ?

ПОВѢРЕННЫЙ.—Хоть двѣ недѣли, сударь. На дняхъ мы ждемъ денегъ съ завода. Неужели ужъ мы обманемъ васъ?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Ни дня ждать не хочу!

ПОВѢРЕННЫЙ.—Да гдѣ же денегъ взять прикажете? Вѣдь восемь тысячъ на улицѣ не найдешь.

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Пускай твой господинъ продастъ хоть тебя самого, а мнѣ онъ заплатитъ въ назначенное время и съ процентами... слышишь?...

ПОВѢРЕННЫЙ.—Да помилуйте-съ!...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Ни слова больше! Ступай, ступай же! (Повѣренный уходитъ). Видишь, какой ловкій; все бы ему ждали! Нѣтъ, батюшка, нынче деньги дòроги; хлѣба дешевы, да, къ тому же, и дурно родятся. Пускай графы, и графскіе сынки, и вельможи проматываютъ имѣнье; нашъ братъ, дво-

рянинъ, отъ этого выигрываетъ: пускай они будутъ при дворѣ, пускай шаркаютъ въ гостиныхъ съ камергерскими ключами, а мы будемъ тише да выше, и наконецъ они оглянутся и увидятъ, хоть поздно, что мы ихъ обогнали. (Встаетъ съ креселъ). Ухъ! замотали меня эти дѣла, совершенно замотали, а все-таки какъ-то весело. Видѣть предъ собою бумажку, которая содержитъ въ себѣ цѣну многихъ людей и думать: своими трудами ты достигъ способа мѣнять людей на бумажки... Ха, ха, ха! почему же нѣтъ. И человѣкъ тлѣетъ, какъ бумажка, и человѣкъ, какъ бумажка, носитъ на себѣ условные знаки, которые ставятъ его выше другихъ и безъ которыхъ онъ... (Зѣваетъ). Уфъ! спать хочется!... Гдѣ-то сынъ мой? Мнѣ надо его видѣть. Онъ вѣрно опять задолжалъ, потому что дома обѣдаетъ третій день. Вотъ прошу покорно имѣть дѣтей!

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЛАДИМІРЪ (быстрыми шагами входитъ въ комнату, блѣдный и разстроенный) и ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

ВЛАДИМІРЪ (входя, громко).—Батюшка!

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Что тебѣ надобно?

ВЛАДИМІРЪ.—Я пришелъ, батюшка, чтобы... У меня есть одна единственная просьба до васъ... не откажите мнѣ... поѣдемте со мною! поѣдемте! заклинаю васъ! Одна минута замедленія—и вы сами будете разскаяваться!

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Бѣшеный! куда мнѣ ѣхать съ тобою? Ты съ ума сошелъ!

ВЛАДИМІРЪ.—Не мудрено. Если бъ даже вы увидали, что я видѣлъ, и остались при своемъ умѣ, то я бы удивился...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Это ни на что не похоже! Ты, Владиміръ, меня выводишь изъ терпѣнія.

ВЛАДИМІРЪ.—Такъ вы не хотите со мною ѣхать? Такъ вы мнѣ не вѣрите? Я думалъ... но теперь принужденъ все сказать. Батюшка! одна умирающая женщина хочетъ васъ видѣть; эта женщина...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Что мнѣ за дѣло до нея?

ВЛАДИМІРЪ.—Батюшка! она моя мать! ваша супруга...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (съ досадой).—Владиміръ!

ВЛАДИМІРЪ.—Вы вѣрно думаете испугать меня этимъ строгимъ взглядомъ и удушить голосъ природы въ груди моей? Но я не таковъ, какъ вы. Этотъ самый голосъ, приказывающій мнѣ повиноваться вамъ, заставляетъ... да! ненавидѣть васъ!... да! если долѣе будете противиться мольбамъ моей матери!... О, нынѣшній день уничтожилъ во мнѣ всѣ опасенія! Я говорю прямо. Я вашъ сынъ и ея сынъ. Мы счастливы, а она страдаетъ, на постели смерти. Кто правъ, кто виноватъ—не мое дѣло. Я слышалъ, слышалъ ея мольбы, ея рыданія, и послѣдній нищій назвалъ бы меня подлецомъ, если бъ я могъ еще любить васъ!

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Дерзкій! Я не требую любви твоей; но гдѣ видано, чтобъ сынъ упрекалъ отца такими словами? Прочь съ глазъ моихъ!

ВЛАДИМІРЪ.—Не уничтожайте во мнѣ послѣднюю искру покорности сыновней, чтобъ я не повторилъ эти обвиненія передъ цѣлымъ свѣтомъ.

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Безумецъ! знаешь ли...

ВЛАДИМІРЪ. — Я знаю, вы сами въ душѣ мучимы совѣстью, вы сами не имѣете спокойныхъ минутъ; вы виновны во многомъ...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Замолчи!

ВЛАДИМІРЪ.—Не замолчу! Не просить я пришелъ, но требовать, требовать! Я имѣю на это право!... Нѣтъ! эти слезы врѣзались у меня въ память!... Батюшка! (бросается на колѣни) батюшка! пойдемте со мной!

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Встань!

ВЛАДИМІРЪ.—Вы пойдете?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (въ сторону).—Что, если въ самомъ дѣлѣ? Можетъ быть...

ВЛАДИМІРЪ. Вы не хотите? (Встаетъ). Вы противитесь?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (въ сторону). — Она умираетъ,

говоритъ онъ, хочетъ выпросить мое прощеніе!... Это правда! я и самъ... Но ѣхать туда? Если узнаютъ, что скажутъ?

ВЛАДИМІРЪ.—Вамъ нечего бояться: моя мать нынче же умретъ. Она желаетъ съ вами примириться не для того, чтобы жить вашимъ имѣніемъ, она не хочетъ сойти въ могилу, пока имѣетъ врага на землѣ. Вотъ вся ея просьба, вся ея молитва къ Богу. Вы не хотѣли... Есть на небѣ судья! Вашъ подвигъ прекрасенъ: онъ показываетъ твердость характера. Повѣрьте, люди будутъ васъ за это хвалить. И что за важность, если среди тысячи похвалъ раздастся одинъ обвинительный голосъ? (Горько улыбается).

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Оставь меня... (тихо) на минуту...

ВЛАДИМІРЪ.—Хорошо! Я пойду... скажу, что вы не можете, заняты... (Горько). Она еще разъ въ жизни повѣритъ надеждѣ. (Идетъ тихо). О! если бъ громъ убилъ меня на этомъ порогѣ! Какъ? Я приду... одинъ! Я сдѣлаюсь убійцею моей матери! (Останавливается и смотритъ на отца). Боже! вотъ человѣкъ!

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. (про себя).—Однако для чего мнѣ не ѣхать? Что за бѣда? Передъ смертью помириться можно: надъ этимъ никто не станетъ смѣяться... а все бы лучше!... Да, такъ и быть, пойду! Она, я чай, безъ памяти и ужъ не узнаетъ меня... Ну, такъ и быть, отправлюсь, скажу, что прощаю — и дѣлу конецъ! (Громко). Владиміръ! послушай... погоди! (Владиміръ недовѣрчиво приближается). Я пойду съ тобой... я рѣшился... насъ никто не увидитъ? никто не узнаетъэтого?— а?... но я вѣрю! Пойдемъ... а въ другой разъ будь осторожнѣй. Я прощаю теперь твое бѣшенство: вѣдь у тебя одна мать!

ВЛАДИМІРЪ.—Такъ вы хотите идти къ ней? Это невѣроятно! Вы точно хотите примириться съ моей матерью, простить ей все и просить прощенія? точно?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Точно.

ВЛАДИМІРЪ (бросается къ нему на шею).—У меня есть отецъ! у меня снова есть отецъ! (Плачетъ). Боже, Боже! я опять счаст-

ливъ! Какъ легко стало сердцу! У меня есть отецъ!... Такъ! вижу, трудно бороться съ природными чувствами... О! какъ я счастливъ!...Видите ли, батюшка, какъ пріятно сдѣлать добро! Ваши глаза просіяли, ваше лицо сдѣлалось ангельскимъ лицомъ. (Обнимаетъ его). О, мой отецъ! вы будете вознаграждены Богомъ! Пойдемте, пойдемте скорѣй! ее надобно застать при жизни.

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (хочетъ идти). (Въ сторону). — Итакъ, я долженъ ее увидѣть... помириться... долженъ! Но почему? Да нѣтъ ли тутъ какой нибудь сѣти? Однако, отчаяніе Владиміра... но развѣ она не можетъ притвориться и увѣрить его, что умираетъ?... развѣ женщинѣ, а особливо моей женѣ, трудно обмануть кого бы ни было?... О! я предчувствовалъ, я проникъ этотъ замыселъ—и теперь все ясно!... Заманить меня опять... упросить... и если я не соглашусь, то сынъ мой по всему городу станетъ разсказывать про такую жестокость. Она его, пожалуй, подобьетъ... Признаюсь, прехитрый планъ! прехитрѣйшій! Чуть-чуть я не попался. Однако не на того напали. Хорошо, что я догодался вò-время. Не пойду же! Пускай себѣ умираетъ одна, коли могла жить безъ меня!

ВЛАДИМІРЪ (боязливо).—Вы медлите?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Да! (Холодно). Я медлю... сынъ мой...

ВЛАДИМІРЪ.—Вы... эта перемѣна... вы...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (гордо).—Я остаюсь, я не пойду съ тобой! Скажи своей матери и бывшей моей женѣ, что я не попался вторично въ разставленную сѣть; скажи, что я благодарю ее за приглашеніе и желаю веселой дороги. (Владиміръ вздрагиваетъ и отступаетъ).

ВЛАДИМІРЪ.—Какъ! (Съ отчаяніемъ). Это превзошло мои ожиданія! И съ такой открытой холодностью! съ такой адской улыбкой!... И я вашъ сынъ!... Такъ я вашъ сынъ, и потому долженъ быть врагомъ вашимъ.. изъ благодарности!... О! если бы я могъ мои чу́вства, сердце, душу, мое дыханіе превратить въ одно слово, въ одинъ звукъ, то этотъ звукъ былъ бы

проклятіе первому мгновенію моей жизни, громовой ударъ, который потрясъ бы твою внутренность, мой отецъ, и отучилъ бы тебя называть меня сыномъ...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Замолчи, сумасшедшій! Страшись моего гнѣва! Погоди: придутъ дни болѣе спокойные, тогда я отомщу тебѣ за подобныя слова, и ты узнаешь меня; узнаешь, какъ опасно оскорблять своего родителя!

ВЛАДИМІРЪ (закрываетъ лицо руками). — Я мечталъ найти жалость!...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Вонъ скорѣй изъ моего дома! Не смѣй показываться, пока не умретъ моя бѣдная супруга! (Со смѣхомъ). Посмотримъ, скоро ли ты придешь? Посмотримъ, настоящая ли болѣзнь, ведущая къ могилѣ, или неловкая хитрость надѣлали столько шуму и заставили тебя забыть почтеніе и обязанность... Теперь ступай! Разсуди хорошенько о своемъ поступкѣ, припомни, если можешь, что говорилъ, и тогда, если осмѣлишься, покажись опять мнѣ на глаза! (Злобно взглянувъ, уходитъ и запираетъ за собою дверь).

ВЛАДИМІРЪ (который стоитъ неподвижно, смотритъ вслѣдъ, и послѣ краткаго молчанія).—Все кончилось! (Уходитъ, взявъ шляпу свою со стола. Рѣшительное отчаяніе видно въ его походкѣ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Спальня Марьи Дмитріевны. Постель; столъ съ лекарствами.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА (лежитъ на постели); АННУШКА (стоитъ возлѣ нея).

АННУШКА. — У васъ, сударыня, сильная лихорадка. Не угодно ли чаю горяченькаго, или бузины? Тотчасъ будетъ готово. Охъ ты, моя родная! Какія руки холодныя? пальцы такіе ледяные! Не послать ли за лекаремъ? не прикажете ли матушка?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Послушай: что давитъ мнѣ грудь?

АННУШКА. — Ничего, сударыня; одѣяло прелегкое. Отчего бы, кажется, давить?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Аннушка! я сегодня умру!

АННУШКА.—И, Марья Дмитріевна! Богъ дастъ выздоровѣете, Богъ милостивъ; зачѣмъ умирать?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Зачѣмъ?...

АННУШКА.—Не всѣ больные умираютъ; иногда и здоровые прежде больныхъ попадаютъ на тотъ свѣтъ. Да не пора ли лекарство подать?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Я не хочу лекарства... Гдѣ мой сынъ? Да я и позабыла, что сама его услала. Посмотри въ окно: нейдетъ ли онъ сюда... Поди къ окну... что? нейдетъ? какъ долго!

АННУШКА.—На улицѣ пусто.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА (про себя). — Онъ уговоритъ отца—я увѣрена. О! какъ сладко помириться передъ кончиной! Теперь я не боюсь краснѣть. (Погромче). Аннушка, что ты высунулась въ окно?

АННУШКА.—Это такъ-съ! ничего-съ!

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Нѣтъ, говори, что такое?

АННУШКА. — Похороны, сударыня. Какого-то господина везутъ хоронить, да какъ пышно! сколько каретъ сзади: вѣрно богачъ! какія лошади! покровъ такъ и горитъ!... ужъ нечего сказать... А дрожекъ-то, дрожекъ-то...

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Аннушка, и мнѣ умереть пора... я чувствую, что послѣдніе дни мои настали. О! поскорѣе, поскорѣе, царь небесный!

АННУШКА.—Полноте, сударыня! что вамъ за охота? Какъ если, не дай Богъ, вы скончаетесь, что тогда со мною будетъ? Кто позаботится обо мнѣ? Неужто Павелъ Григорьевичъ къ себѣ возьметъ?... Не бывать этому. Лучше я по-міру пойду: добрые люди изъ окошка накормятъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Мой сынъ, Владиміръ, тебя не оставитъ.

АННУШКА.—Да еще перенесетъ ли онъ вашу смерть? Вишь онъ такой горячій! ужъ изъ малости въ отчаяньи, а тогда... Боже упаси!

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Скоро ли онъ придетъ? О, какъ сердце бьется!

*

АННУШКА (про себя). Господи Боже мой! отцы святые, спасите насъ грѣшныхъ! не дайте погибнуть мнѣ! Какъ буду я безъ госпожи моей?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Что хуже: ожиданіе или безнадежность?

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И ВЛАДИМІРЪ (тихо входитъ. Онъ мраченъ, молча подходитъ къ постели и останавливается въ ногахъ. Молчаніе).

АННУШКА.—Владиміръ Павлычъ пришелъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА (быстро). — Пришелъ! (Поднимается и опять опускаетъ голову). Здравствуй Владиміръ... ты одинъ!... А я думала... ты одинъ!...

ВЛАДИМІРЪ.—Да.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Другъ мой! ты звалъ его сюда? Сказалъ, что я умираю? Онъ скоро придетъ?

ВЛАДИМІРЪ (мрачно).—Какъ вы себя чувствуете?

АННУШКА.—Не поправить ли подушки, сударыня?

ВЛАДИМІРЪ. — Довольно ли вы крѣпки, чтобъ говорить и слушать?

АННУШКА. — Барыня. безъ васъ все плакала, Владиміръ Павлычъ.

ВЛАДИМІРЪ.—Боже, Боже! ты всесиленъ. Зачѣмъ непремѣнно я долженъ убить мать мою?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Владиміръ! говори скорѣе, не терзай меня понемногу!... Придетъ ли твой отецъ? (Онъ молчитъ). Гдѣ онъ?... я хочу, я должна примириться... Какъ предстать предъ Бога?... Владиміръ, безъ него я не умру спокойно!

ВЛАДИМІРЪ (тихо).—Нѣтъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА (не слыхавъ).—Что ты сказалъ... Дай мнѣ руку, Владиміръ.

ВЛАДИМІРЪ (со слезами бросается на колѣни возлѣ постели и цѣлуетъ руку ея). — Я возлѣ васъ... зачѣмъ вамъ другаго?... развѣ вамъ не довольно меня?... кто нибудь любитъ ли васъ сильнѣе, чѣмъ я?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Встань, встань!

ВЛАДИМІРЪ (вставъ, отходитъ въ сторону). — Ужасная пытка! Если все это я вынесу, то буду почитать себя за истукана, который не стоитъ имени человѣка. Если я вынесу, то увѣрюсь, что сынъ всегда похожъ на отца, что его кровь течетъ въ моихъ жилахъ, и что я, какъ онъ, хотѣлъ ея погибели... Такъ! я долженъ былъ силой притащить его сюда; угрозами, страхомъ исторгнуть у него прощеніе... (Съ бѣшеной радостью). Послушайте, матушка! мой отецъ здоровъ, веселъ и не хотѣлъ васъ видѣть!... (Вдругъ, какъ бы испугавшись, останавливается).

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА (Вздрагиваетъ. Послѣ молчанія). — Молись... молись за насъ... Не хотѣлъ... о!...

АННУШКА.—Ей дурно! дурно!.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Нѣтъ... нѣтъ... я соберу послѣднія силы... Владиміръ, ты долженъ узнать все... и судить твоихъ родителей... (Онъ приближается по знаку). Подойди!... Я умираю... отдаю душу правосудному Богу и хочу, чтобъ ты, ты, мое единственное сокровище, не обвинялъ меня по чужимъ слухамъ... я сама произнесу свой приговоръ. (Останавливается). Я виновна: молодость была моей виною!... я имѣла пылкую душу... твой отецъ холодно со мною обходился... я любила прежде другаго... если бы мой мужъ хотѣлъ—я забыла бы прежнее. Я нѣсколько лѣтъ боролась съ этою любовью—и одна минута рѣшила мою участь... Не смотри на меня такъ... о!.. упрекай лучше самыми жестокими словами! я твоя злодѣйка!... мой проступокъ заставляетъ тебя презирать отца и обвинять меня... но что прошло, того не перемѣнишь... Долгимъ раскаяніемъ я загладила свой проступокъ. Слушай! онъ былъ тайною, но я не хотѣла противиться долгу... я мучилась совѣстью и сама открыла все твоему отцу. Съ горькими слезами, униженными моленьями я упала къ ногамъ его... надѣялась, что онъ пожалѣетъ и великодушно проститъ мнѣ... но онъ выгналъ меня изъ дому, и я должна была оставить тебя, ребенка, и молча переносить всѣ насмѣшки свѣта... Онъ жестоко со мною поступилъ!... Я умираю!... Если онъ мнѣ не простилъ еще, то

Богъ его накажетъ... Владиміръ! не обвиняй мать свою... Ты молчишь?

ВЛАДИМІРЪ (въ великомъ движеніи). — Вижу! вижу! природа вооружается противъ меня!... я ношу въ себѣ сѣмя зла... я созданъ, чтобы разрушать естественный порядокъ!—Боже, Боже! здѣсь умирающая мать — и на языкѣ моемъ нѣтъ ни одного утѣшительнаго слова... ни одного... (Марья Дмитріевна стонетъ). Неужели мое сердце такъ сухо, что нѣтъ даже ни одной слезы?... Горе, горе тому, кто изсушилъ это сердце!... онъ мнѣ заплатитъ! я принужденъ имъ уморить родную мать... Съ этой минуты прочь сожалѣніе!... день и ночь буду я напѣвать отцу моему страшную пѣсню до тѣхъ поръ, пока у него встанутъ волосы дыбомъ и раскаяніе начнетъ тревожить и грызть душу. (Обращается къ матери). Ангелъ, ангелъ! не умирай такъ скоро! еще нѣсколько часовъ...

АННУШКА (съ примѣтнымъ безпокойствомъ посматриваетъ на госпожу).—Владиміръ Павлычъ! (Онъ услыхалъ и глядитъ на нее пристально. Она трогаетъ за руки Марью Дмитріевну и вдругъ останавливается). Прости, Господи, ея душу! (Крестится. — Владиміръ вздрагиваетъ, шатается и едва не упадаетъ; удерживается рукою за спинку стула и такъ остается неподвиженъ нѣсколько минутъ).

АННУШКА (плачетъ).—Какъ тихо скончалась-то, родимая моя? Что я буду теперь? (Плачетъ).

ВЛАДИМІРЪ (приходитъ въ себя; подходитъ къ тѣлу и, взглянувъ, отходитъ). — Для такой души, для такой смерти слезы ничего не значатъ... у меня ихъ нѣтъ... нѣтъ!... но я отомщу, жестоко отомщу!... Пойду, принесу отцу моему вѣсть о ея кончинѣ и заставлю, принужу его плакать, и когда онъ будетъ плакать— буду смѣяться. (Убѣгаетъ).

АННУШКА. — И сынъ родной оставляетъ твое тѣло!... Господи, Господи! возьми поскорѣй и меня отсюда! (Упадаетъ на тѣло).

(Сцена перемѣняется).

ЯВЛЕНІЕ V.

Комната у Загорскиныхъ.

ГОСТИ: ДВѢ СТАРУХИ; АННА НИКОЛАЕВНА, НАТАША И КНЯЖНА.

АННА НИКОЛАЕВНА (входя, вводитъ двухъ старухъ; барышни идутъ за ними).—А я васъ сегодня совсѣмъ не ожидала! Милости просимъ! милости просимъ! Прошу сѣсть. Какъ ваше здоровье, Марья Ивановна? (Садятся).

ПЕРВАЯ СТАРУХА.—Эхъ, мать моя! что у меня за здоровье! все ревматизмы да флюсъ... только нынче развязала щеку. (Къ другой старухѣ). Какъ мы съѣхались, Катерина Дмитріевна! Я только-что на дворъ, а вы за мною, какъ будто сговорились вмѣстѣ навѣстить Анну Николаевну.

ВТОРАЯ СТАРУХА (хозяйкѣ). — Я слышала, что вы были больны.

АННА НИКОЛАЕВНА.—Да... благодарю, что навѣстили. Совсѣмъ состарѣлась я... А что новаго, не слыхать ли чего нибудь?

ВТОРАЯ СТАРУХА.—У меня, знаете, сынъ Егорушка въ Петербургѣ, такъ онъ пишетъ, что турокъ наши въ пухъ разбили... пашу взяли...

ПЕРВАЯ СТАРУХА.—Дай-то Богъ!... А слышали вы: Горинкинъ женился—да на комъ! Знавали вы Болотину?—такъ на ея дочери! Славная партія! Вѣдь сколько жениховъ за нею гонялось! Такъ нѣтъ, кому счастье!

АННА НИКОЛАЕВНА.—А я слышала: графъ Свитскій умеръ. Вѣдь жена, дѣти...

ПЕРВАЯ СТАРУХА. — Да, жалко! А что разсказываютъ — слыхали вы?

АННА НИКОЛАЕВНА.—Что такое?

ВТОРАЯ СТАРУХА.—Что такое, матушка?

ПЕРВАЯ СТАРУХА.—Говорятъ, что покойникъ, прости Господи, почти все имѣніе свое продалъ и побочнымъ дѣтямъ деньги отдалъ. Есть же люди! И говорятъ также, будто въ духовной онъ написалъ, чтобы похороны его не стоили болѣе ста рублей.

ВТОРАЯ СТАРУХА.—Нечего сказать! каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилку. Всегда былъ чудакъ—покойникъ графъ—царство ему небесное! Что же, исполнили его завѣщаніе?

ПЕРВАЯ СТАРУХА. — Какъ можно! Пожалуй онъ бы написалъ, чтобъ его въ оврагъ кинули! Нѣтъ, матушка, пять тысячъ стали похороны!... въ Донскомъ монастырѣ, да два архіерея были!

АННА НИКОЛАЕВНА.—Стало быть, очень пышно было.

НАТАША.—Будто не все равно!

ПЕРВАЯ СТАРУХА. — Какъ такъ! развѣ можно графа похоронить какъ нищаго! (Общее молчаніе).

ВТОРАЯ СТАРУХА. — Анна Николаевна! вы меня извините! я, вѣдь, только на минуточку къ вамъ заѣхала; спѣшу къ золовкѣ на крестины. (Встаетъ). Прощайте.

АННА НИКОЛАЕВНА. — Если такъ, то не смѣю васъ удерживать. Прощайте! (Цѣлуются). До свиданія, матушка! (Провожаетъ ее. Вторая старуха уходитъ).

ПЕРВАЯ СТАРУХА.—Какова? Какъ разрядилась наша Мавра Петровна: пунцовыя ленты на чепчикѣ! ну кстати ли? Вѣдь сама насилу ноги таскаетъ!... А который ей годъ, Анна Николаевна, какъ вы думаете?

АННА НИКОЛАЕВНА.—Да лѣтъ пятьдесятъ есть. Она такъ говоритъ...

ПЕРВАЯ СТАРУХА. — Крадетъ съ десятокъ. Я замужъ выходила, ужъ у нея дѣти бѣгали.

НАТАША (тихо Софьѣ). — Я думаю, потому что она замужъ вышла тридцати лѣтъ!

КНЯЖНА.—Охота тебѣ ихъ слушать, Наташа!

НАТАША.—Помилуй, это очень весело.

(Входитъ слуга).

СЛУГА.—Дмитрій Васильевичъ Бѣлинскій пріѣхалъ.

АННА НИКОЛАЕВНА. — Проси въ гостиную (Слуга уходитъ. Первой старухѣ). Пойдемте въ гостиную, матушка. (Тихо). Я угадываю, зачѣмъ онъ пріѣхалъ: мнѣ сказывали. Онъ не богатъ самъ, да дядя при смерти; а у дяди тысяча пятьсотъ душъ.

ПЕРВАЯ СТАРУХА. — Понимаю! (Въ сторону). Посмотримъ, что за Бѣлинскій. (Наташѣ). О, плутовка! (Обѣ уходятъ).

КНЯЖНА.—Отчего ты такъ покраснѣла?

НАТАША.—Я?

КНЯЖНА.—Ну, ничего не слышитъ и не видитъ! Наташа, твои глаза пылаютъ, ты дрожишь, ты внѣ себя... что такое значитъ?

НАТАША (хватаетъ за руку княжну). — Такъ... это ничего... кто сказалъ, что я дрожу? Ахъ! знаешь ли... я отгадываю, зачѣмъ онъ пріѣхалъ... Теперь все рѣшится, все!—Мои руки горятъ—не правда ли?

КНЯЖНА.—Что же рѣшится?

НАТАША.—Какіе глупые вопросы, кузина! Вчера была у насъ княгиня...

КНЯЖНА. — Я тебя понимаю: ты влюблена въ Бѣлинскаго... Ну, что жъ? (Наташа, покраснѣвъ, отворачивается). Это очень натурально!

НАТАША (съ живостью). — Послушай, какъ онъ милъ, какъ онъ любезенъ!

КНЯЖНА.—Бѣдный Арбенинъ!

НАТАША.—А что такое?

КНЯЖНА.—Онъ тебя такъ любитъ!.. Бѣлинскій свататься пріѣхалъ; ты навѣрное ему не откажешь—такъ ли? А я знаю, что Арбенинъ тебя очень-очень любитъ!

НАТАША. — Разлюбитъ по неволѣ. Впрочемъ, онъ очень умѣлъ прежде притворяться съ другими, почему же не притвориться ему со мной? Правда, онъ мнѣ сначала немного понравился: въ немъ что-то необыкновенное, а за то какой несносный характеръ, какой злой умъ и какое печальное всегда воображеніе!... Боже мой! да такой человѣкъ въ одну недѣлю тоску нагонитъ! Есть многіе, которые не менѣе его чувствуютъ, а веселы!...

КНЯЖНА (съ ироническою улыбкой). — Ты хотѣла бы все смѣяться! Когда-то, давно, былъ у насъ Арбенинъ... въ сумерки онъ сѣлъ за фортепьяно и съ полчаса фантазировалъ. Я за-

слушалась; вдругъ онъ вскочилъ и подошелъ ко мнѣ со слезами на глазахъ. «Что съ вами»? спросила я. «Припадокъ!» отвѣчалъ онъ съ горькой улыбкой: «музыка напоминаетъ мнѣ Италію! Во всей ледяной Россіи нѣтъ сердца, которое бы отвѣчало моему! Все, что я люблю, убѣгаетъ отъ меня: прошу сожалѣнія—нѣтъ! Я похожъ на чумнаго! Все, что меня любитъ, то заражается этой болѣзнью несчастія, которую и принужденъ называть жизнью!» Тутъ Арбенинъ посмотрѣлъ на меня пристально... Ты не слышишь?

НАТАША.—Оставь меня! Что мнѣ за нужда до твоего Арбенина? Дѣлай съ нимъ, что хочешь, ангелъ мой! Клянусь тебѣ, мнѣ не до него... Слышишь? Вотъ, кажется, кто-то сюда идетъ?... Кажется, маменька...

КНЯЖНА (въ сторону). — Небо прекрасно исполняетъ мои желанія; судьба мститъ за меня. Хорошо! онъ почувствуетъ всю тяжесть любви безнадежной. Я очернила совѣсть свою не даромъ это меня радуетъ. Однако, что мнѣ пользы?... Я отмщу!... за что?... Онъ не знаетъ, что я его такъ люблю!... Но узнаетъ! я ему скажу, что есть женщины... (Входитъ Анна Николаевна).

АННА НИКОЛАЕВНА.—Наташа, подойди ко мнѣ, я хочу говорить съ тобой о важномъ дѣлѣ, которое рѣшитъ судьбу твоей жизни. Выйти замужъ — не порогъ перешагнуть. Все будущее зависитъ отъ одной минуты. Твое сердце должно бросить жребій; но разсудокъ не долженъ также молчать. Подумай: Бѣлинскій предлагаетъ тебѣ свою руку; согласна ты или нѣтъ? Нравится ли онъ тебѣ?

НАТАША (въ смущеніи). Я... не знаю...

АННА НИКОЛАЕВНА. — Какъ не знаю? помилуй! Онъ ждетъ въ той комнатѣ; рѣшись поскорѣе... по крайней мѣрѣ, дать ли ему надежду. Что ты молчишь?... Онъ молодой человѣкъ, хорошо воспитанный, честный; состояніе есть, хоть небольшое, но все-таки есть; а ты знаешь, какъ наше разстроено. Бѣлинскій ждетъ скоро богатое наслѣдство. Подумай: тысяча пятьсотъ душъ! Ты ужъ въ лѣтахъ, скоро стукнетъ восемнадцать

лѣтъ... теперь не пойдешь, такъ, можетъ быть, и никогда не удастся; сиди въ дѣвкахъ! Плохо теперь: жениховъ въ Москвѣ нѣтъ! Молодые, богатые не хотятъ жениться, мотаютъ себѣ въ волю; а старые? Что въ нихъ! глупы или бѣдны! Рѣшись, Наташа! вѣдь онъ тамъ ждетъ! Ну, скажи по совѣсти, вѣдь онъ тебѣ нравится?

НАТАША.—Нравится.

АННА НИКОЛАЕВНА.—Такъ ты согласна? Я пойду...

НАТАША (останавливаетъ ее). — Maman, подождите! такъ скоро!... Ей-Богу, я все это вижу во снѣ... Какъ можно въ одну минуту... (Плачетъ, закрывая лицо). Я не могу... развѣ непремѣнно сейчасъ?...

АННА НИКОЛАЕВНА (ласкаетъ ее). — Успокойся, другъ мой. О чемъ ты плачешь? Развѣ ты не сама сказала, что онъ нравится тебѣ? Посмотри, какъ сердце бьется: это нездорово. Ты слишкомъ встревожилась. Я опрометчиво поступила; однако, сама посуди, вѣдь онъ ждетъ; не надо упускать жениха. Вѣдь я тебя не отдаю насильно, а только спрашиваю: ты согласна—и я тотчасъ ему скажу; нѣтъ—такъ нѣтъ! бѣда не велика.

НАТАША (утирая слезы).—Онъ мнѣ нравится. Только дайте ему надежду, пускай онъ ѣздитъ въ домъ, пускай будетъ женихомъ... только!... я сама не знаю! такъ скоро мнѣ сказали... мнѣ стыдно плакать о глупостяхъ. Маменька, вы сами съумѣете ему сказать... я впередъ на все согласна.

АННА НИКОЛАЕВНА. — Ну, и давно бы такъ! О чемъ же плакать? (Креститъ ее). Христосъ съ тобой! въ добрый часъ! (Шепчетъ молитву и уходитъ).

НАТАША.—Ахъ!

КНЯЖНА. — Ты поблѣднѣла, кузина! Поздравляю тебя! Невѣста!

НАТАША.—Какъ скоро все это сдѣлалось! (Уходитъ).

КНЯЖНА. — Правда: это мѣна, двое за двое. Эти счастливы, а я и Владиміръ? Что? Отчего же мы несчастливы?... Я—онъ меня не любитъ и не будетъ любить! Но я отмстила! Зачѣмъ раскаяваться? Я ничего не сдѣлала; мы не виновны, если судьба

нечаянно исполняетъ наши дурныя желанія. Стало быть они справедливы.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТРИ ЛАКЕЯ.

ПЕРВЫЙ. — Что, братъ! Я тебѣ говорилъ, только что увидалъ, какъ молодой баринъ вошелъ: быть грозѣ!

ВТОРОЙ.—Да, была гроза! Мнѣ стало жалко молодаго барина: ну, какъ можно такъ строго взыскивать! вѣдь, онъ, братъ, только что оставилъ тѣло Марьи Дмитріевны... онъ, чай, былъ не въ своемъ умѣ.

ТРЕТІЙ.—Какъ сказалъ ему баринъ?

ВТОРОЙ.— «Проклинаю тебя!» сказалъ онъ ему.

ПЕРВЫЙ. — Нѣтъ, кажется, что-то иначе, только не проклинаю.

ТРЕТІЙ.—Та ли, другая ли пѣсня—все пѣсня!

ВТОРОЙ.—Зачѣмъ заперли молодаго барина?

ПЕРВЫЙ.—А куда старый баринъ уѣхалъ?

ТРЕТІЙ.—Владиміръ Павлычъ запертъ въ своей комнатѣ, потому что велѣно; а старый баринъ уѣхалъ въ гости.

ВТОРОЙ. — Для страху только, или въ самомъ дѣлѣ онъ проклялъ Владиміра Павлыча?

ТРЕТІЙ.—Для страху ли, въ самомъ дѣлѣ ли, все это страшно.

ПЕРВЫЙ.—Скажи, Сенька, какъ ты одѣвалъ стараго барина, былъ ли онъ огорченъ или сердитъ?

ТРЕТІЙ. — Нимало. Проклясть сына, ѣхать въ гости—эти двѣ вещи у насъ на одной линіи, почти какъ выпить стаканъ воды и выпить стаканъ вина.

ПЕРВЫЙ. — Эту ночь я видѣлъ во снѣ корову и сказалъ: «быть слезамъ». И въ правду не вытерпѣлъ, чтобы не заплакать, когда молодой баринъ вышелъ изъ гостиной. А крѣпко онъ поговорилъ батюшкѣ своему... тотъ сначала и не опомнился.

ВТОРОЙ.—Ты видѣлъ, ка́къ этотъ гость, какъ бишь его... ну, все равно, ты видѣлъ, какъ онъ ускользнулъ отъ насъ.

ПЕРВЫЙ.—Кабы этого гостя не было, Павелъ Григорьевичъ не проклялъ бы молодаго барина.

ТРЕТІЙ.—На людяхъ и слово обидно, а не при комъ и пощечину перенесешь.

ПЕРВЫЙ.—Оно все такъ, только жалко, ей-ей жалко!

ДѢЙСТВІЕ IV.

Комната у Загорскиныхъ. Дверь отворена въ другую, гдѣ много гостей.

ЯВЛЕНІЕ I.

АННА НИКОЛАЕВНА И СОФЬЯ.

СОФЬЯ. — Тетушка, мы съ Наташей сейчасъ пріѣхали изъ рядовъ и купили все, что надобно. Не знаю, понравится ли вамъ; по-мнѣ хорошо, только блонды дороги.

АННА НИКОЛАЕВНА. — Теперь некогда, Сонюшка, я послѣ посмотрю. (Входитъ гость). Ахъ! здравствуйте, Сергѣй Сергѣичъ! Какъ ваше здоровье? Я не ожидала васъ видѣть.

ГОСТЬ ПЕРВЫЙ. — Я узналъ, что Наталья Ѳедоровна ваша помолвлена и пріѣхалъ поздравить и пожелать ей всякаго счастія.

АННА НИКОЛАЕВНА. — Покорно васъ благодарю. Дай-то Богъ! Человѣкъ, кажется, хорошій.

ГОСТЬ ПЕРВЫЙ. — И я слышалъ: съ прекраснымъ состояніемъ.

АННА НИКОЛАЕВНА. — Какъ-же-съ! Да вы, я думаю, его знаете?

ГОСТЬ ПЕРВЫЙ. — Видалъ. Господинъ Бѣлинскій прелестнѣйшій молодой человѣкъ, какъ говорятъ.

АННА НИКОЛАЕВНА. — Милости просимъ въ гостиную, Сергѣй Сергѣичъ! (Уходятъ оба).

СОФЬЯ.—Все идетъ по-моему, отчего же я безпокоюсь? Отчего такое внутреннее безпокойство? Развѣ не все идетъ, какъ я хочу? Все! Нѣтъ, главная цѣль моя еще далеко, и я, можетъ быть, никогда ея не достигну. Какъ это подѣйствуетъ

на Владиміра—я желала бы знать. Ну, если онъ не перенесетъ? Если... если я себя назову его убійцею? Если я должна буду себя называть такъ? Раскаянье! теперь? Ужели это предчувствіе? Боже? какъ мнѣ душно въ этой толпѣ людей, которые такъ холодно разсуждаютъ о пустякахъ и не замѣчаютъ, что каждая минута отнимаетъ у меня по надеждѣ и каждый мигъ увеличиваетъ мою муку! И всѣ такъ счастливы! всѣ такъ счастливы! О, если бы мнѣ хоть разъ увидать въ его глазахъ любовь... одинъ разъ...

НАТАША (Входитъ весело). — Ха-ха-ха-ха-ха! Ma cousine, послушай! если бъ ты была тамъ, то насмѣялась бы до-сыта... ха-ха-ха! Боже мой!... Ахъ! я удерживалась до тѣхъ поръ, что чуть-чуть не захохотала ему въ глаза.

СОФЬЯ. — Кому?...

НАТАША.—На силу я вырвалась. Сергѣй Сергѣичъ подошелъ меня поздравить, смѣшался, запнулся, забормоталъ: я ничего не поняла. Онъ самъ, я думаю, не зналъ, что говорилъ—умора! Такъ мы остались другъ противъ друга... ха-ха-ха!

СОФЬЯ. — Какъ ты весела!... Гдѣ Бѣлинскій?

НАТАША. — Его окружили старики и старухи — такъ досадно!

БѢЛИНСКІЙ (входитъ).—Слава Богу, я опять съ вами! Меня осадилъ весь очаковскій вѣкъ. Добрые люди; только нестерпимо скучны! Они все толкуютъ о прошедшемъ, а я въ настоящемъ такъ счастливъ!

СОФЬЯ. — Это видно по вашему лицу!

НАТАША. — Ахъ mon cher ami! оставимъ ее: она въ дурномъ духѣ. Сядемъ, поговоримъ. (Садятся).

БѢЛИНСКІЙ (цѣлуетъ у нея руку). — О! я теперь совершенно счастливъ; мнѣ можно завидовать—клянусь небомъ!

СОФЬЯ (въ сторону). — Этотъ человѣкъ думаетъ говорить о счастьѣ, когда отнялъ, укралъ у своего друга, можетъ быть, послѣднее... Что же мнѣ Владиміръ? Отчего же я, хотя менѣе виновна, должна одна глотать слезы и чувствовать рас-

каянье? О если бъ онъ могъ меня любить, какъ вознаградила бы я его.

Все это время женихъ и невѣста межъ собой неслышно говорятъ). (Гость 2-й входитъ изъ гостиной, кланяется Софьѣ и подходитъ къ ней).

гость второй. — Здорова ли, княжна, ваша матушка?

софья. — Нѣтъ, она очень больна.

гость второй.—Вы, вѣрно, знаете Владиміра Арбенина.

софья. — Онъ къ намъ ѣздитъ.

гость второй. — Вы не примѣтили: сумасшедшій онъ?

софья.—Я всегда примѣчала, что онъ очень уменъ. Не могу догадаться къ чему такіе вопросы? Впрочемъ, я давно ужъ его не видала.

гость второй. — Нѣтъ, я въ самомъ дѣлѣ не шучу. Я намедни былъ у отца его. Вдругъ дверь съ шумомъ отворяется и вбѣгаетъ Владиміръ... я испугался и вскочилъ. Лицо его было блѣдно, глаза мутны, волосы въ безпорядкѣ. Я не знаю, на кого онъ былъ похожъ. Отецъ его остолбенѣлъ и ни слова не могъ выговорить. «Убійца!» воскликнулъ Владиміръ. «Ты мнѣ не вѣрилъ, поди же поцѣлуй ея мертвую руку!» — и съ вынужденнымъ хохотомъ упалъ безъ чувствъ на землю; слуги вбѣжали; его вынесли; отецъ не говорилъ ни слова и дрожалъ, хотя показывалъ, или старался показывать, что не былъ встревоженъ... Я поскорѣе взялъ шляпу и ушелъ. Потомъ я узналъ, что Павелъ Григорьевичъ его ужасно бранилъ и даже проклялъ, говорятъ, но я не вѣрю.

софья (въ сильномъ волненіи). — Онъ упалъ, его проклялъ отецъ, говорите вы; но ему ничего не сдѣлалось?... Вы не знаете, что значили слова его?—Нѣтъ, это не сумасшествіе... что нибудь да ужасное съ нимъ случилось.

гость второй (съ улыбкой).—Я не ожидалъ, чтобы вы приняли такое сильное участіе.

софья. — Въ самомъ дѣлѣ? (Съ досадой въ сторону). Боже, нельзя показать сожалѣнія!

гость второй.—Я потомъ узналъ, что въ этотъ день умерла мать Арбенина, которая въ разводѣ съ отцомъ его была; но такое бѣшенство, такія угрозы показываютъ совершенно сума-

сшествіе! это, въ самомъ дѣлѣ, очень жалко; онъ имѣлъ способности, умъ, познанія...

СОФЬЯ. — Я не почитаю это за сумасшествіе; но по словамъ, которыя вы мнѣ повторили, отецъ его былъ виноватъ въ чемъ нибудь... Онъ не замѣтилъ васъ, и если только въ этомъ состоитъ его сумасшествіе...

ГОСТЬ ВТОРОЙ. — Нѣтъ, совсѣмь нѣтъ! я не хотѣлъ этого сказать; но вы сами судите: этотъ поступокъ не изобличаетъ здраваго разсудка. Мнѣ было очень жаль Арбенина — вотъ для чего я у васъ спросилъ.

СОФЬЯ. — Я очень сожалѣю, что не могу вамъ дать положительнаго отвѣта.

ГОСТЬ ВТОРОЙ.—Вы поѣдете завтра въ концертъ, княжна? Славная музыкантша на арфѣ будетъ играть. Вы не слыхали? Она изъ Парижа недавно; это очень любопытно. Если угодно, я билетъ...

СОФЬЯ.—Я не любопытна; я не имѣю этого порока.

ГОСТЬ ВТОРОЙ. — Извините! Я желалъ вамъ услужить.

СОФЬЯ. — Вы очень милостивы...

ГОСТЬ (раскланиваясь). — Прошу васъ повѣрить, что если я что нибудь непріятное сказалъ вамъ, то мое намѣреніе было совсѣмъ не таково... (Уходитъ).

СОФЬЯ. — Чуть-чуть онъ не сказалъ, что хотѣлъ мнѣ доставить удовольствіе этими новостями! Придти нарочно, простоять четверть часа здѣсь для того, чтобъ сказать зло про одного человѣка и опечалить другаго! Боже мой! что приготовилъ ты мнѣ въ будущемъ? Владиміръ потерялъ мать; онъ долженъ лишиться Наташи. Но первая потеря поможетъ ему легче перенести вторую. Нѣсколько печалей не такъ опасны, какъ одна глубокая; а тамъ... тамъ, я могу еще надѣяться. Я примѣчала нѣсколько разъ, что его глаза пылали, когда онъ со мной говорилъ. Можетъ быть... впрочемъ, у него не каменное сердце...

НАТАША.—Что онъ тебѣ разсказывалъ?

СОФЬЯ. — Про Арбенина.

БѢЛИНСКІЙ.—Что такое? Что такое про Арбенина?

СОФЬЯ.—Не бойтесь.

БѢЛИНСКІЙ.—Чего же мнѣ бояться?

СОФЬЯ.—Вы лучше знать должны.

НАТАША. — Развѣ онъ провѣдалъ, что я выхожу замужъ?

СОФЬЯ.—За его друга?—нѣтъ... Владиміръ потерялъ мать и оттого въ отчаяніи. Его приняли за сумасшедшаго. Я не знаю, вынесетъ ли онъ второй ударъ.

БѢЛИНСКІЙ.—О, повѣрьте, что онъ кажется гораздо чувствительнѣе, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ есть.

СОФЬЯ. — Разумѣется, вы это должны лучше меня знать: вы были его другомъ.

БѢЛИНСКІЙ.—Я дружбу принесъ въ жертву любви.

СОФЬЯ.—Это очень хорошо... для васъ.

БѢЛИНСКІЙ. — Впрочемъ, не думайте, чтобъ я съ Арбенинымъ очень друженъ былъ. Пріятели не всегда друзья.

СОФЬЯ (Наташѣ). — Прошу не прогнѣваться, кузина, а я скажу, что ты его любила. Для жениха ты не должна имѣть тайны; и вѣрно господинъ Бѣлинскій со мной согласенъ?

НАТАША. — Да, это правда, Арбенинъ мнѣ сначала нравился и очень занималъ мое воображеніе; но этотъ сонъ, какъ всѣ печальные сны, прошелъ. Я тебя прошу, Софья, не напоминай мнѣ болѣе о немъ.

СОФЬЯ. — Я не совсѣмъ что-то вѣрю твоему пробужденію.

НАТАША.—Кузина, къ чему это?

БѢЛИНСКІЙ.—Можетъ быть, одинъ сонъ смѣнился другимъ.

СОФЬЯ.—Однако, послушайте, господинъ женихъ, не слишкомъ ей вѣрьте: она носитъ съ давнишнихъ поръ на крестѣ стихи, которые далъ ей Арбенинъ. Пожалуйста, скажите-ка ей, чтобъ она показала. А-а! покраснѣла, душа моя!

БѢЛИНСКІЙ.—Я могу просить, и то, если она позволитъ...

СОФЬЯ.—Попалась?

БѢЛИНСКІЙ. — Впрочемъ, я въ ней слишкомъ увѣренъ.

СОФЬЯ.—Излишества всегда опасны.

НАТАША.—Чтобъ доказать моей кузинѣ, что я не дорожу

ни мало этими бездѣлками (снимаетъ съ шеи ожерелье, на которомъ крестъ, и бумажку отвязываетъ), возьмите! Эта старинная бумажка была мною совсѣмъ позабыта. Прочти, мой другъ; эти стихи довольно порядочно написаны.

БѢЛИНСКІЙ (беретъ).—Это его рука.

СОФЬЯ (въ сторону).—Безстыдный! онъ также спокоенъ, какъ будто бы читаетъ театральную афишку: ни одной искры раскаянья въ ледяныхъ глазахъ! Ужели искусство? Нѣтъ, я женщина, но никогда не могла бы дойти до такой степени лицемѣрія. Ахъ! для чего одно пятно очернило мою чистую душу?

НАТАША.—Прочти, мой другъ.

БѢЛИНСКІЙ (читаетъ).

Когда одни воспоминанья
О дняхъ безумства и страстей
На мѣсто славнаго названья
Твой другъ оставитъ у людей,

Когда съ насмѣшкой ядовитой
Осудятъ грусть его порой,
Ты будешь ли его защитой
Передъ безчувственной толпой?

Онъ жилъ съ людьми, какъ бы съ чужими,
И справедлива ихъ вражда;
Но хоть виновенъ передъ ними,
Тебѣ онъ вѣренъ былъ всегда.

Одной слезой, однимъ отвѣтомъ
Ты можешь смыть ихъ приговоръ;
Вѣрь! не постыденъ передъ свѣтомъ
Тобой оплаканный позоръ!*

Прекрасно! очень мило! (Отдаетъ).

НАТАША (разрываетъ бумагу).—Теперь спокойны ли вы, кузина?

* Въ другомъ спискѣ здѣсь читается стихотвореніе «Когда я унесу въ чужбину».

СОФЬЯ.—О! я на твой счетъ никогда не безпокоилась.

БѢЛИНСКІЙ (въ сторону.)—Эта княжна вовсе не по-мнѣ! Къ чему ея упреки? Что ей за дѣло?

(Дверь отворяется, входитъ Владиміръ; кланяется; всѣ смущены Онъ хочетъ подойти, но, взглянувъ на Бѣлинскаго и Наташу, останавливается и быстро входитъ въ гостиную).

НАТАША (только что Владиміръ вошелъ). — Ахъ, Арбенинъ!

БѢЛИНСКІЙ (про себя).—Вотъ некстати! Чортъ его просилъ! О взбѣсится; онъ не знаетъ еще, вѣрно, что я женюсь, и на комъ... Мнѣ должно убираться, чтобы не сдѣлаться жертвою перваго пыла. (Громко). Мнѣ не хочется теперь встрѣтиться съ Арбенинымъ. Вы его знаете...

НАТАША.—Это правда.

БѢЛИНСКІЙ.—И такъ, прощайте. (Уходитъ).

НАТАША. — Невольный трепетъ пробѣжалъ по моему тѣлу; сердце бьется отчего-то... Отчего этотъ человѣкъ, котораго я уже не люблю, все еще имѣетъ на меня такое вліяніе? Можетъ быть, не совсѣмъ погасла любовь въ моемъ сердцѣ? Можетъ быть, одно воображеніе отвлекло меня отъ него на время? Но, что бы ни было, я дала Бѣлинскому слово: онъ сдѣлается моимъ мужемъ, а Арбенина надо удалить; это будетъ мнѣ легко. (Задумывается).

СОФЬЯ (про себя). — Слава Богу, я думала, что этотъ Бѣлинскій не мучимъ совѣстью; теперь я вижу совсѣмъ противное. Онъ боялся встрѣтить взоръ обманутаго имъ человѣка. Такъ! онъ виновнѣе меня... Я примѣтила смущеніе въ его чертахъ. Пускай бѣжитъ! Ему ли убѣжать отъ неизбѣжнаго наказанія небесъ? (Удаляется въ глубину театра. Владиміръ, блѣдный, выходитъ изъ гостиной; онъ и Наташа долго стоятъ неподвижно).

НАТАША.—Что скажете новаго?

ВЛАДИМІРЪ.—Говорятъ, вы выходите замужъ.

НАТАША.—Это для меня не ново...

ВЛАДИМІРЪ.—Я вамъ желаю счастья.

НАТАША.—Покорно благодарю.

ВЛАДИМІРЪ.—Такъ это точно, точно правда?

*

НАТАША.—Что же удивительнаго?

ВЛАДИМІРЪ (помолчавъ).—Вы не будете счастливы.

НАТАША.—Почему же?

ВЛАДИМІРЪ. — Я слышалъ, что свадьбы, которыя бываютъ въ одинъ день съ похоронами, несчастливы.

НАТАША. — Ваши пророчества очень печальны; впрочемъ, всякій день кто нибудь да умираетъ въ мірѣ. И такъ...

ВЛАДИМІРЪ. — Послушайте, скажите мнѣ по чести — это шутка или нѣтъ?

НАТАША.—Нѣтъ.

ВЛАДИМІРЪ. — Подумайте хорошенько... Клянусь Богомъ, я теперь не въ состояніи принимать такія шутки. О, если бъ вы знали, что со мною было! сердце облилось бы кровью: въ васъ есть жалость... Послушайте, я похоронилъ мать, ангела земнаго, и отвергнутъ отцомъ за то, что любилъ ее. Я пріѣхалъ сюда, чтобъ возлѣ васъ провести хоть одну спокойную минуту... Зачѣмъ изъ шутки лишать меня такой минуты?

НАТАША.—Я не думала шутить; я очень понимаю какъ ваше несчастіе велико; я бы достойна была презрѣнія, если бъ могла шутить съ вами теперь. Нѣтъ, вы имѣете право на уваженіе и состраданіе всякаго...

ВЛАДИМІРЪ. — Божественная душа! Какъ! я долженъ лишиться и этого послѣдняго сокровища? (Ей). Помните ли, давно тому назадъ, я привезъ вамъ стихи, въ которыхъ просилъ защитить меня противъ злословья свѣта, и вы обѣщали мнѣ; съ тѣхъ поръ я вамъ вѣрю, какъ Богу; съ тѣхъ поръ я васъ люблю! О, какимъ голосомъ было сказано это «обѣщаю!» и я тогда же въ душѣ произнесъ клятву вѣчно любить васъ—вѣчно! На языкѣ другаго это слово мало значитъ; но я поклялся любить васъ вѣчно, и ничто не изгладитъ васъ изъ моей памяти! Отвѣчайте мнѣ, скажите мнѣ одно не слишкомъ холодное слово—и я буду... доволенъ. Что стоитъ одно слово? оно спасетъ меня отъ отчаянья.

НАТАША (въ сторону).—Что мнѣ дѣлать? мысли мои разсѣяны. О! зачѣмъ, зачѣмъ нельзя изгладить нѣсколько дней

изъ моей жизни, возвратиться къ прежнему? Я могла бы отвѣчать ему: онъ такъ жалокъ! я его не люблю, но его судьба невольно трогаетъ...

ВЛАДИМІРЪ.—Женщина! ты колеблешься? Слушай: если бъ изсохшая отъ голода собака приползла къ твоимъ ногамъ съ жалобнымъ визгомъ и движеньями, изъявляющими жестокія муки, и у тебя бы былъ хлѣбъ—ужели ты не отдала бы ей, прочитавъ голодную смерть во впаломъ взорѣ, хотя бы этотъ кусокъ хлѣба былъ назначенъ совсѣмъ для другаго употребленія? Такъ я прошу у тебя одного слова любви.

НАТАША (помолчавъ, важно).—Я выхожу замужъ за Бѣлинскаго. (Софья, которая издали смотрѣла, уходитъ поспѣшно).

ВЛАДИМІРЪ.—Онъ? онъ?... какъ?... стало быть, мои подозрѣнія...

НАТАША.—Чего вы испугались?

ВЛАДИМІРЪ.—И я его называлъ другомъ! Адъ и проклятье! Онъ мнѣ заплатитъ за каждую слезу, которую пролилъ я на предательскую грудь.... онъ мнѣ заплатитъ своею кровью! (Хочетъ идти).

НАТАША. — Остановитесь! остановитесь! (Онъ неподвиженъ). Какое безумство! Такъ вотъ ваша привязанность ко мнѣ! Я люблю Бѣлинскаго, и вы хотите убить его! Опомнитесь! развѣ его смерть поможетъ вамъ?

ВЛАДИМІРЪ.—Тебѣ его жаль? Ты его любишь? Не вѣрю! нѣтъ, не вѣрю! Тотъ, кто обманулъ друга, недостоинъ уваженія, не можетъ быть хорошимъ супругомъ и отцомъ семейства. Моя рука спасетъ тебя отъ этой ехидны.

НАТАША.—Владиміръ, останьтесь, я умоляю...

ВЛАДИМІРЪ (посмотрѣвъ на нее, со вздохомъ).—Хорошо! Что еще я долженъ сдѣлать?

НАТАША.—Намъ не надобно больше видѣться. Я прошу, забудьте меня: это насъ обоихъ избавитъ отъ многихъ непріятностей. Мало ли разсѣяній для молодаго человѣка! Вамъ понравится другая, вы женитесь... тогда мы снова будемъ видѣться, сдѣлаемся друзьями, будемъ проводить вмѣстѣ цѣ-

лые дни радости... До тѣхъ поръ прошу васъ забыть дѣвушку, которая не должна слушать вашихъ жалобъ.

ВЛАДИМІРЪ. — Прекрасные совѣты! (Съ сухимъ смѣхомъ ходить взадъ и впередъ). Въ какомъ романѣ, у какой героини вы переняли такія мудрыя увѣщанія? Прекрасно! поучительно! Кто бы могъ ожидать?

НАТАША. — Разсудокъ вашъ тоже говоритъ, что я, только вы его не хотите слушать.

ВЛАДИМІРЪ. — Нѣтъ, я не стану мстить Бѣлинскому!—я ошибался. Я помню, онъ мнѣ часто говорилъ о разсудкѣ: они годятся другъ для друга... и что мнѣ за дѣло? пускай-себѣ живутъ да дѣтей наживаютъ, пускай закладываютъ деревни и покупаютъ другія—вотъ ихъ занятія!... Ахъ! а я за одинъ ея веселый часъ заплатилъ бы годами блаженства... А на что ей? Какая дѣтская глупость!

НАТАША.—Мои слова непріятны вамъ; но правда никому, говорятъ, не нравится. Я сама вамъ признаюсь, что вы, вашъ характеръ, сдѣлали сначала на меня довольно сильное впечатлѣніе; но теперь обстоятельства перемѣнились, и я должна изгнать васъ изъ моей памяти, не изъ сердца, потому что ужъ люблю другаго. Такъ я подамъ вамъ примѣръ: я васъ забуду...

ВЛАДИМІРЪ.—Ты меня забудешь? — ты? О, не думай! ты погубила меня—и совѣсть вѣрнѣе памяти. Нѣтъ! я слишкомъ сильно тебя люблю, слишкомъ безкорыстно, чтобы ты могла забыть того, кто бросилъ бы вселенную къ ногамъ твоимъ, если бъ долженъ былъ выбирать вселенную или тебя. Придетъ время и твой мужъ тебѣ наскучитъ, потому что онъ человѣкъ обыкновенный, и тогда ты пожалѣешь о прежнемъ, и мои слова и наши встрѣчи представятся твоей мысли, и тотъ вечеръ...

НАТАША.—Еще разъ говорю вамъ, перестаньте! Вы слишкомъ вольно говорите!

ВЛАДИМІРЪ (послѣ долгаго молчанія, съ жаромъ).—Дайте мнѣ поцѣловать руку на прощанье, одинъ разъ. Я полагаю, что мы не увидимся больше.

НАТАША.—Это будетъ очень умно. Какая вамъ радость смущать семейственную тишину? Этотъ мгновенный пылъ пройдетъ, а послѣ, послѣ мы будемъ друзьями.

ВЛАДИМІРЪ.—Вотъ женщина! она подаетъ надежды, чтобъ имѣть удовольствіе лишній разъ ихъ обмануть. (Наташа на него смотритъ съ досадой).

НАТАША. — Господинъ Арбенинъ! ваше упрямство нестерпимо, вы несносны.

ВЛАДИМІРЪ. — Отчего вы прежде со мною такъ не говорили?

НАТАША. — Вы несносны... Я сдѣлала все, что могла; больше нежели должно было... Вы можете нашъ разговоръ пересказывать цѣлому городу—повѣрьте, я и свѣтъ обращаютъ на ваши слова очень мало вниманія... Прощайте! желаю вамъ вылечиться отъ вашей смѣшной болѣзни. Вы недостойны, чтобъ я съ вами говорила, какъ съ умнымъ человѣкомъ, потому что забываете всѣ приличія. Но я на васъ не похожа. Прощайте! Я довольно слышала. Терпѣнью, какъ и всему, есть конецъ. (Отходитъ подальше).

ВЛАДИМІРЪ. — Богъ, Богъ! во мнѣ отнынѣ къ тебѣ нѣтъ ни вѣры, ни покорности!... но не наказывай меня за мятежное роптанье... Ты, ты самъ нестерпимой пыткой вымучилъ эти хулы... Зачѣмъ ты мнѣ далъ огненное сердце, которое любитъ до крайности и не умѣетъ такъ же ненавидѣть? Ты виновенъ! пускай твой громъ упадаетъ на меня: я не думаю, чтобы послѣдній вопль погибающаго червя могъ тебя порадовать... (Молчаніе. Въ это время вошелъ Бѣлинскій. Наташа сказала ему что-то на ухо и ушла; онъ издали смотритъ. Владиміръ ломаетъ руки). Эти нѣжныя губы, этотъ очаровательный голосъ, этотъ милый, божественный взоръ, этотъ тонкій станъ—все это, все это для меня стало ядъ! (Обтираетъ глаза и лобъ платкомъ). Вотъ кровавыя слезы! (Бѣлинскій подходитъ).

БѢЛИНСКІЙ. — Владиміръ! (Въ сторону). Мнѣ должно его умаслить, а то онъ чортъ знаетъ чего надѣлать радъ! Наташа

права: онъ только въ первыя минуты бѣшенства опасенъ. (Громко). Владиміръ!

ВЛАДИМІРЪ (не оборачиваясь).—Что?

БѢЛИНСКІЙ.—Ты на меня сердитъ?

ВЛАДИМІРЪ.—Нѣтъ.

БѢЛИНСКІЙ. — О! я вижу, что ты сердитъ. Я виновенъ, но не совсѣмъ: развѣ не она сама выбирала?

ВЛАДИМІРЪ (все не оборачиваясь).—Разумѣется.

БѢЛИНСКІЙ. —Ты утѣшишься: время тебя вылечитъ.

ВЛАДИМІРЪ.—Не знаю.

БѢЛИНСКІЙ.—Арбенинъ! я вижу по всему, ты ужасно на меня сердитъ. Повѣрь, я тебя знаю очень хорошо, я проникъ всѣ движенья твоего сердца и даже иногда скорѣе объясню твои поступки, чѣмъ свои собственные.

ВЛАДИМІРЪ.—Ты знаешь меня? ты говоришь это? (Со смѣхомъ). Если такъ, то Павелъ Васильичъ Бѣлинскій первѣйшій глупецъ, или первѣйшій злодѣй въ свѣтѣ!

БѢЛИНСКІЙ.—Скорѣе первое, чѣмъ послѣднее.

ВЛАДИМІРЪ.—Поздравляю!

БѢЛИНСКІЙ.—Ну, посуди самъ: развѣ я не имѣлъ одинакаго съ тобою права на ея руку? Ты, братецъ, эгоистъ?

ВЛАДИМІРЪ.—О, если бъ я могъ имъ сдѣлаться!

БѢЛИНСКІЙ.—Повѣрь мнѣ, твоя печаль не что иное, какъ оскорбленное самолюбіе.

ВЛАДИМІРЪ.—Мнѣ?... вѣрить?... тебѣ?...

БѢЛИНСКІЙ. — Развѣ я употребилъ во зло твою довѣренность, развѣ я открылъ какую нибуть изъ твоихъ тайнъ? Загорскина прежде любила тебя, а нынѣ моя очередь. Зачѣмъ ты тогда на ней не женился?

ВЛАДИМІРЪ. — Я совѣтую оставить меня. Не надѣйся на мое хладнокровіе. Я хотѣлъ... готовъ былъ тебѣ отмстить, упиться твоей кровью... кровью! слышишь ли? и я тебѣ прощаю, но не хочу принимать коварныхъ ласкъ. Ты сдѣлалъ дурно, ты поступилъ не по братски, но я тебя не обвиняю ни въ чемъ. Оставь же меня! Теперь я свободенъ. Никто, никто

ровно, положительно никто не дорожитъ мною на землѣ — слышишь? Это ты сдѣлалъ. Не пугайся, не раскаивайся. Что за важность? Я лишній! Ты, искусный, умный человѣкъ, увидѣлъ, что дружба меня изнѣжила, что надежда избаловала—и однимъ ударомъ отнялъ все... Бѣлинскій! кажется, у меня теперь ничего ужъ нѣтъ завиднаго?

БѢЛИНСКІЙ.—Ты не прощаешь мнѣ! эта язвительная улыбка, эта холодность...

ВЛАДИМІРЪ.—О, ты слишкомъ хорошо обо мнѣ думалъ: съ нѣкоторыхъ поръ я тебѣ ничѣмъ не обязанъ; мои долги тебѣ заплачены, денежные и другіе...

БѢЛИНСКІЙ. — Итакъ, ты у меня совершенно отнялъ свое сердце... Ужели мы не можемъ снова сойтись?

ВЛАДИМІРЪ. — На что?

БѢЛИНСКІЙ. — Я заклинаю тебя!

ВЛАДИМІРЪ (въ сторону). — Какая низость! и она можетъ, и я могъ его любить!

БѢЛИНСКІЙ. — Именемъ ея прошу тебя!

ВЛАДИМІРЪ. — Полно! полно! развѣ я тебѣ мѣшаю? развѣ можно у меня еще что нибудь отнять?

БѢЛИНСКІЙ (сквозь зубы). — Непреклонный! (Ему). Прости мнѣ. Теперь ничего уже нельзя перемѣнить; но впередъ будь увѣренъ...

ВЛАДИМІРЪ. — Довольно и одного раза.

БѢЛИНСКІЙ. — Одумайся! я могу тебя утѣшить современемъ...

ВЛАДИМІРЪ (въ сторону).—Современемъ! современемъ! Нестерпимо, ужасно!

БѢЛИНСКІЙ.—И ты даже не взглянулъ на опытнаго друга, который желаетъ тебѣ добра!

ВЛАДИМІРЪ. — Боже!...

БѢЛИНСКІЙ. — Такъ! я не долженъ тебя оставлять—это моя обязанность, и ты самъ будешь благодаренъ. Преступленіе было бы не удержать безумца на краю пропасти: отчаянье границъ не знаетъ. (Беретъ его за руку). Пойдемъ къ ней! Наташа

смягчитъ твою горесть; ея взоръ успокоитъ твою душевную бурю; пойдемъ къ ней! (Хочетъ его тащить; Владиміръ неподвиженъ съ минуту, потомъ вырываетъ буйно руку и бѣжитъ вонъ). Остановись, Владиміръ! Онъ ушелъ! (Молчаніе.—Тихо). Я исполнилъ желаніе моей невѣсты, судьба исполнила мое. Наташа хотѣла, чтобъ я его успокоилъ—и чего же ей больше? Я поступилъ, какъ умѣлъ. Онъ ушелъ... Почему я не могъ дышать свободно въ его присутствіи? Вѣдь я правъ, и всѣ въ этомъ согласны. Арбенинъ ребенокъ, который, боясь розги, бросается въ рѣку. Его огорчаетъ моя женитьба, и я увѣренъ, что онъ что нибудь съ собою сдѣлаетъ. Какъ бы предупредить несчастный случай? Признаюсь, я люблю Арбенина и не желалъ бы, чтобъ бѣшенство теперешнее завладѣло имъ совершенно. Какъ жалко, что столько способностей ума подавлены безсмысленной страстью! и какъ не умѣть себѣ приказать! (Княжна Софья входитъ).

СОФЬЯ. — Гдѣ Арбенинъ?

БѢЛИНСКІЙ. — Ушелъ. Ничего не слышитъ и не видитъ; какъ сумасшедшій бросился въ дверь!

СОФЬЯ.—И вы его не удержали! И онъ все любитъ Наташу?

БѢЛИНСКІЙ. — Больше, чѣмъ когда нибудь.

СОФЬЯ (упадая въ кресло). — И такъ все напрасно!

БѢЛИНСКІЙ.—Что съ вами? Человѣкъ! Эй, спирту!

СОФЬЯ. — Оставьте меня!

КОНЕЦЪ 4-ГО ДѢЙСТВІЯ.

МОНОЛОГЪ. *

Онъ, мой отецъ, меня проклялъ!... И въ ту самую минуту, когда я, лежавшій безъ чувствъ на полу, открывалъ глаза... Я могъ бы умереть отъ словъ его! Вотъ мщеніе! но я собой доволенъ: я сдѣлалъ должное. Она меня оправдаетъ передъ лицомъ всевышняго! Однако... буду ли я здѣсь счастливъ? Какъ! ужели я не могу выбить изъ головы этой ничтожной мысли? Нѣтъ! я

---

* Этотъ «монологъ» Арбенина приписанъ впослѣдствіи рукою Лермонтова и относится къ сценѣ послѣ отцовскаго проклятія.

требовалъ отъ свѣта больше, чѣмъ онъ мнѣ дать могъ! Я—безумецъ! Но испытаю послѣднее — женскую любовь!... Боже! какъ мало ты мнѣ оставилъ! Послѣдняя нить, привязывающая меня къ жизни, оборвется—и я буду съ тобой! ты сотворилъ мое сердце для себя, ты утолишь его жажду. Да! я скоро умру—и буду забытъ. Гдѣ мои необъятные планы? Ужели мечты, принимаемыя мною за предчувствіе, были только приманки злаго духа, который понынѣ преслѣдуетъ меня, показываетъ обольстительный призракъ на другой сторонѣ пропасти, чтобъ я скорѣе въ нее повергнулся? Къ чему служила эта жажда къ великому? гдѣ исполнятся мои замыслы? Ахъ! не я исполняю! Творческая сила, оживлявшая эту грудь, истощилась, воображенія нѣтъ, существенность подавила все. Люди, люди!... А развѣ я не человѣкъ? Отчего же они забавляются всякой малостью, счастливы безъ всякой причины... а я ношусь мыслью въ какомъ-то чуждомъ мірѣ, страдаю, молюсь, молюсь... и все напрасно! И мой отецъ меня проклялъ!... Ха-ха-ха! Кто другаго смѣлъ бы ожидать? Но развѣ точно проклятіе отца есть проклятіе Божіе? Нѣтъ, мой создатель! я чувствую, что ты меня примешь и теперь, какъ принялъ бы прежде. Эта луна, эти звѣзды, это синее небо мнѣ порукой за твое прощеніе! Какъ они глядятъ на меня, какъ они стараются увѣрить меня, что жизнь ничего не значитъ!...

ЭПИЛОГЪ.

(Въ домѣ у графа R. Много гостей. Подаютъ чай).

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ. — Слышали вы, графъ, новость: завтра свадьба въ вашемъ приходѣ. Любопытно ли посмотрѣть?

ГРАФЪ. — Свадьба? А чья, напримѣръ!

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ. — Загорскина выходитъ за Бѣлинскаго.

ПЕРВАЯ ДАМА. — Вы знаете жениха? (Графъ сѣлъ за карты).

ВТОРОЙ ГОСТЬ. — Знаю-съ.

ПЕРВАЯ ДАМА. — Онъ богатъ?

ВТОРОЙ ГОСТЬ.—Имѣетъ состояніе, но есть, разумѣется, и долги.

ПЕРВАЯ ДАМА. — Хорошъ собой?

ВТОРОЙ ГОСТЬ. — Молодецъ; только много занимается своимъ лицомъ.

ПЕРВАЯ ДАМА.—Стало быть, онъ занимается хорошимъ.

ВТОРАЯ ДАМА. — А невѣста?

ВТОРОЙ ГОСТЬ. — Недурна, une figure piquante!

ПЕРВАЯ ДАМА (къ другой). — Ma chère, я слышала: она кокетка до невозможности.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.—Она не одному Адамову потомку вскружила голову.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.—Да, бѣдный Арбенинъ! Вы, вѣрно, знаете, что онъ сошелъ съ ума?

МНОГІЕ. — Какъ сошелъ съ ума? Молодой Арбенинъ? Мы не слыхали.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ. — Какъ же! отъ любви къ Загорскиной!

ТРЕТЬЯ ДАМА (въ полголоса насмѣшливо). — Уменъ же былъ вашъ Арбенинъ, если Загорскина могла лишить его разсудка!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.—Можетъ быть, она волшебница.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ. — Только не бѣлая.

ВТОРАЯ ДАМА. — Кто жъ вамъ сказалъ, что она смугла?

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ (смотря на нее). — Въ сравненіи съ другими.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ. — Мнѣ разсказывали про жалкое состояніе этого Арбенина. Ему все кажется, что его куда-то тащутъ: онъ хватается за все, прицѣпляется ко всему — къ стульямъ, столамъ, какъ будто противится неизвѣстной силѣ; онъ хохочетъ и плачетъ въ одно время; его губы смѣются, а изъ глазъ текутъ ручьи слезъ; иногда онъ узнаетъ окружающихъ, всѣхъ, кромѣ отца, и странно! все его ищетъ; иногда начинаетъ укорять его въ какомъ-то убійствѣ. Я бъ желалъ знать, откуда у помѣшанныхъ берутся подобныя мысли?

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ. — Я слышалъ, что онъ былъ великій негодяй; однако удивительно, что почти всегда честные отцы имѣютъ дурныхъ сыновей.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОСТЬ. — Да! Павелъ Григорьевичъ человѣкъ почтенный во всѣхъ отношеніяхъ.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ (полунасмѣшливо). — Онъ хотѣлъ сына своего отдать въ сумасшедшій домъ, но ему отсовѣтовали. И въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, приписали бы это скупости.

ВТОРАЯ ДАМА. — И Загорскину не мучитъ совѣсть?

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.—Про то знаетъ ея духовникъ.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.—Неужели нельзя вылечить Арбенина? Можетъ быть, тутъ есть какія нибудь физическія причины. Странно съ ума сойти отъ любви! И Арбенинъ! онъ, который часто въ обществѣ казался такъ веселъ, такъ беззаботенъ, какъ будто сердце его было мыльный пузырь!...

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.—Очень вѣроятно, что эта веселость была только личиною; какъ видѣли изъ бумагъ и поступковъ, онъ имѣлъ характеръ пылкій, душу безпокойную и какая-то глубокая печаль отъ самаго дѣтства его терзала. Богъ знаетъ, отчего она произошла? Мнѣ сказывали, что умственныя способности Арбенина очень рано стали развиваться. Онъ узналъ дурную сторону свѣта, когда еще не могъ остеречься отъ его нападеній, ни равнодушно переносить ихъ; его насмѣшки не дышали веселостью; въ нихъ примѣтна была горькая досада противъ всего человѣчества. Правда, были минуты, когда онъ предавался всей добротѣ своей. У него нашли недавно множество тетрадей, гдѣ отпечаталось все его сердце; тамъ стихи и проза; есть глубокія мысли и огненныя чувства. Я увѣренъ, что если бъ страсти не разрушили его такъ скоро, то онъ могъ бы сдѣлаться однимъ изъ лучшихъ нашихъ писателей: въ его опытахъ виденъ геній...

ВТОРАЯ ДАМА. — По-мнѣ сумасшедшіе очень счатливы: ни о чемъ не заботятся, не думаютъ, не грустятъ, ничего не желаютъ, не боятся...

ТРЕТІЙ ГОСТЬ. — А почему вы это знаете? Они только не могутъ помнить и пересказывать своихъ чувствъ. У нихъ душа не ослабѣваетъ, не лишается никакой природной способности; но органы, которые выражали ощущеніе души, ослабѣваютъ, приходятъ въ разстройство отъ слишкомъ сильнаго напряженія: отъ этого ихъ муки еще ужаснѣе. Въ ихъ головѣ непонятный,

тягостный хаосъ. Одна только полусвѣтлая мысль неподвижна; вокругъ нея вертятся всѣ другія въ совершенномъ безпорядкѣ. Это происходитъ отъ мгновеннаго потрясенія всѣхъ нервовъ, всего физическаго состава, которое, вѣрно, нелегко для человѣка. Развѣ блѣдныя щеки, впалые, мутные глаза признаки счастія? Взгляните очень близко на картину—и вы ничего не различите: краски сольются передъ глазами вашими. Такъ и люди, которые слишкомъ близко взглянули на жизнь, ничего болѣе не могутъ въ ней разобрать; и если они еще сохраняютъ въ себѣ что нибудь отъ сей жизни, то это одна смутная память о прошедшемъ. Такое состояніе люди называютъ сумасшествіемъ и смѣются надъ его жертвами! (Между тѣмъ многіе разошлись).

второй гость (другому).—А я зѣваю!

четвертый гость. — Къ чему это ораторство? Познанія что ли свои онъ хочетъ показать?

пятый гость (онъ молодой человѣкъ. Подходитъ къ третьему). Сдѣлайте милость, нельзя ли вамъ дать мнѣ списать что нибудь изъ сочиненій Арбенина?

третій гость. — Очень хорошо, если достану.

(Входитъ слуга и отдаетъ билетъ графу, который кончилъ играть).

слуга. — Отъ Павла Григорьевича Арбенина. (Уходитъ).

многіе (межъ собой). — Что это значитъ?

третій гость. — Съ черною каймой—приглашеніе на похороны.

графъ. — А вотъ увидимъ. (Надѣваетъ очки и читаетъ).

«Павелъ Григорьевичъ Арбенинъ, съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщая о кончинѣ сына своего Владиміра Павловича Арбенина, послѣдовавшей сего мая восемнадцатаго дня пополудни, покорнѣйше проситъ пожаловать на выносъ тѣла въ собственный домъ мая двадцать перваго дня пополуночи въ десятомъ часу. Отпѣваніе въ приходской церкви» и проч.

третій гость (про себя).—Каково! похороны въ одинъ день съ свадьбой Загорскиной!

нѣкоторые. — Боже мой! Какая жалость!

ВТОРАЯ ДАМА. — Бѣдный отецъ!

ПЯТЫЙ ГОСТЬ. — Бѣдный молодой человѣкъ! Онъ могъ бы еще вылечиться.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ. — Смерть—самое лучшее выздоровленіе.

ТРЕТЬЯ ДАМА (третьему гостю). — Не правда ли, какая жалость?

ТРЕТІЙ ГОСТЬ (въ сторону). — Теперь жалѣютъ! Къ погибшимъ люди справедливы; но что въ этомъ сожалѣніи! Одна слева дружбы стоитъ всѣхъ восклицаній толпы; а такая слеза едва ли упадетъ на могилу Арбенина; онъ оставилъ угрызенія совѣсти въ сердцахъ, гдѣ поселить желалъ любовь.

ОДНА СТАРУХА. — Вотъ, чай, пышные будутъ похороны: вѣдь единственный сынъ!...

ТРЕТІЙ ГОСТЬ (одному изъ гостей). — Мнѣ кажется, что старухи любятъ смотрѣть на погребенія для того только, чтобы пріучиться къ мысли: «скоро и насъ потащутъ въ тѣсную могилу!»

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ. — Забудемъ мертвыхъ; Богъ съ ними!

ТРЕТІЙ ГОСТЬ. — Если всѣ такъ станутъ думать, то горе великимъ людямъ!

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ. — Я надѣюсь, вашъ Владиміръ Арбенинъ не великій человѣкъ; онъ былъ странный человѣкъ—вотъ и все!

(Третій гость пожимаетъ плечами и отходитъ прочь. Занавѣсъ опускается).

ТРЕТІЙ ОЧЕРКЪ ДЕМОНА.

По голубому небу пролеталъ
Однажды демонъ. Съ злобою нѣмой
Онъ въ безпредѣльность грустный взоръ кидалъ
И вспоминанья передъ нимъ толпой
Тѣснились. Это небо, гдѣ творецъ
Внималъ его хваламъ, и наконецъ,
Проклятьямъ, эти звѣзды... все кругомъ
Прекрасно, въ блескѣ вѣчно молодомъ,

Какъ было въ тотъ святой, великій часъ,
Когда отъ мрака отдѣлился свѣтъ,
И, ангелъ радостный, онъ въ первый разъ
Взглянулъ на будущность. И сколько лѣтъ
И сколько тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло!
И онъ уже не тотъ. Его чело
Померкло... Онъ одинъ... одинъ... одинъ...
Врагъ счастья и порока властелинъ.

Изгнанникъ, для чего тоскуешь ты
О томъ, что невозвратно? Но пускай!
Не воскресивъ душевной чистоты,
Ты не найдешь потерянный свой рай!
Напрасно обращенъ преступный взоръ
На небеса: ихъ свѣтъ — тебѣ укоръ.
— Будь гордъ, старайся мстить, живи губя. —
Но что жъ! и зло не радуетъ тебя?

И часто, очень часто людямъ онъ
Завидовалъ. «У нихъ надежда есть
На искупленье, на могильный сонъ.
Всѣ ихъ несчастья легче перенесть
Одной палящей капли адскихъ мукъ.
И вѣчность (это слово, этотъ звукъ,
Который значитъ все) — имъ не страшна.
Нѣтъ, вѣчность для рабовъ не создана!»

Такъ мыслилъ демонъ. Медленно крыломъ,
Спускаяся на землю, разсѣкалъ
Онъ воздухъ. Все цвѣло въ краю земномъ:
Весенній день, краснѣя, догоралъ.
Растенія и волны вѣтеркомъ
Колеблемы, негрѣющимъ лучемъ
Казались зажжены. Туманъ сырой
Ревниво поднимался надъ землей.

И только крестъ пустынный, наконецъ,
Стоящій на горѣ, едва вдали
Блестѣлъ... и гаснетъ! Звѣздный свой вѣнецъ
Надѣла ночь. Въ молчаніи текли
Свѣтила неба въ этотъ мирный часъ,
Но въ ихъ молчаньи есть понятный гласъ!
О будущемъ пророчествуетъ онъ.
Вотъ встала и луна. Повсюду сонъ.

Свѣти, свѣти, прекрасная луна!
Природа любитъ шаръ твой золотой:
Въ его сіяньи нѣжится она,
Одѣтая полупрозрачной мглой.
Но человѣка любишь ты дразнить
Несбыточной мечтой. Какъ не грустить,
Когда на насъ ты льешь свой блѣдный свѣтъ,
Ты—памятникъ всего, чего ужъ нѣтъ!

КЪ ***

Всевышній произнесъ свой приговоръ—
Его ничто не перемѣнитъ;
Межъ нами руку мести онъ простеръ,
И безпристрастно все оцѣнитъ.
Онъ знаетъ, и ему лишь можно знать,
Какъ нѣжно, пламенно любилъ я,
Какъ безотвѣтно все, что только могъ отдать,
Тебѣ на жертву приносилъ я.
Во зло употребила ты права,
Пріобрѣтенныя надъ мною,
И мнѣ, польстивъ любовію сперва,
Ты измѣнила—Богъ съ тобою!
О, нѣтъ, я бъ не рѣшился проклянуть!...
Все для меня въ тебѣ святое:

Волшебные глаза, и эта грудь,
    Гдѣ бьется сердце молодое.
Я помню, сорвалъ я обманомъ разъ
    Цвѣтокъ, хранившій ядъ страданья,
Съ невинныхъ устъ твоихъ въ прощальный часъ
    Непринужденное лобзанье;
Я зналъ: то не любовь—и перенесъ;
    Но отгадать не могъ я тоже,
Что всѣхъ моихъ надеждъ и мукъ, и слезъ,
    Веселый мигъ тебѣ дороже!
Будь счастлива несчастіемъ моимъ
    И услыхавъ, что я страдаю,
Ты не томись раскаяньемъ пустымъ.
    Прости!—вотъ все что я желаю...
Чѣмъ заслужилъ я, чтобъ твоихъ очей
    Затмился свѣжій блескъ слезами?
Ко смѣху пріучить себя нужнѣй:
    Вѣдь жизнь смѣется же надъ нами!

ЖЕЛАНІЕ.

Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной,
    Пролетѣвшій сейчасъ надо мной?
Зачѣмъ не могу въ небесахъ я парить
    И одну лишь свободу любить?

На западъ, на западъ помчался бы я,
    Гдѣ цвѣтутъ моихъ предковъ поля,
Гдѣ въ замкѣ пустомъ, на туманныхъ горахъ,
    Ихъ забвенный покоится прахъ.

На древней стѣнѣ ихъ наслѣдственный щитъ,
    И заржавленный мечъ ихъ виситъ.
Я сталъ бы летать надъ мечемъ и щитомъ—
    И смахнулъ бы я пыль съ нихъ крыломъ.

И арфы шотландской струну бы задѣлъ—
И по сводамъ бы звукъ полетѣлъ;
Внимаемъ однимъ, и однимъ пробужденъ,
Какъ раздался, такъ смолкнулъ бы онъ.

Но тщетны мечты, безполезны мольбы
Противъ строгихъ законовъ судьбы.
Межъ мной и холмами отчизны моей
Разстилаются волны морей.

Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
Увядаетъ средь чуждыхъ снѣговъ;
Я здѣсь былъ рожденъ, но нездѣшній душой...
О! зачѣмъ я не воронъ степной!...

Срединиково. Вечеръ на бельведерѣ.
29 іюля.

СВ. ЕЛЕНА.

Почтимъ привѣтомъ островъ одинокой,
Гдѣ часто въ думу погруженъ,
На берегу, о Франціи далекой
Воспоминалъ Наполеонъ!
Сынъ моря, средь морей твоя могила!
Вотъ мщеніе за муки столькихъ дней!
Порочная страна не заслужила,
Чтобы великій жизнь окончилъ въ ней.

Изгнанникъ мрачный, жертва вѣроломства
И рока прихоти слѣпой,
Погибъ, какъ жилъ—безъ предковъ и потомства,
Хоть побѣжденный—но герой!
Родился онъ игрой судьбы случайной,
И пролетѣлъ, какъ буря, мимо насъ;

*

Онъ міру чуждъ былъ. Все въ немъ было тайной:
День возвышенья—и паденья часъ!

КЪ ДРУГУ В. Ш.

«До лучшихъ дней»! передъ прощаньемъ,
Пожавъ мнѣ руку, ты сказалъ;
И долго эти дни я ждалъ,
Но былъ обманутъ ожиданьемъ!...

Мой милый! не придутъ они!
Въ грядущемъ счастія такъ мало!...
Я помню радостные дни,
Но все, что помню, то пропало.

Былое безполезно намъ—
Таковъ маякъ порой ночною
Надъ бурной бездною морскою,
Манящій къ вѣрнымъ берегамъ,

Когда на лодкѣ одинокой
Несется трепетный пловецъ,
И видитъ берегъ недалекой
И ближе видитъ свой конецъ.

Нѣтъ! обольстить мечтой напрасной
Больное сердце мудрено:
Едва нисходитъ сонъ прекрасный,
Ужъ просыпается оно!

7-го АВГУСТА.

(ВЪ ДЕРЕВНѢ, НА ХОЛМѢ, У ЗАБОРА).

Блистая, пробѣгаютъ облака
По голубому небу. Холмъ крутой

Осеннимъ солнцемъ озаренъ. Рѣка
Бѣжитъ внизу по камнямъ съ быстротой
И на холмѣ пришелецъ молодой,
Завернутъ въ плащъ, недвижимо сидитъ
Подъ старою березой. Онъ молчитъ;
Но грудь его подъемлется порой,
Но блѣдный ликъ мѣняетъ часто цвѣтъ;
Чего онъ ищетъ здѣсь? Спокойствія? О, нѣтъ!

Онъ смотритъ вдаль: тутъ лѣсъ пестрѣетъ, тамъ
Поля и степи, тамъ встрѣчаетъ взглядъ
Опять дубраву, или по кустамъ
Разсѣянныя сосны. Міръ, какъ садъ
Цвѣтетъ, надѣвъ могильный свой нарядъ:
Поблекнувшія листья... Жалокъ міръ!
Въ немъ каждый средь толпы забытъ и сиръ,
И люди всѣ къ ничтожеству спѣшатъ.
Но хоть природа презираетъ ихъ,
Любимцы есть у ней, какъ у царей другихъ.

И тотъ, на комъ лежитъ ея печать,
Пускай не ропщетъ на судьбу свою,
Чтобы никто, никто не смѣлъ сказать,
Что у груди своей она змѣю
Согрѣла. «О, когда бъ одно «люблю»
Изъ устъ прекрасныхъ могъ подслушать я,
Тогда бы люди, даже жизнь моя
Въ однообразномъ сѣверномъ краю,
Все бъ въ новый блескъ одѣлось!» такъ мечталъ
Безпечный... но просить онъ небо не желалъ!

АТАМАНЪ.

Горе тебѣ, городъ Казань!
Бѣжитъ толпа удальцовъ

Сбирать невольную дань
Съ твоихъ беззащитныхъ купцовъ.
Вдоль по Волгѣ широкой,
На лодкѣ плывутъ,
И вёслами дружными плещутъ,
И пѣсни поютъ.

Горе тебѣ, русская земля!
Атаманъ между ними сидитъ;
Хоть его лихая семья
Какъ волны шумна—онъ молчитъ;
И краса молодая,
Какъ саванъ блѣдна,
Передъ нимъ стоитъ на колѣняхъ
И молвитъ она:

«Горе мнѣ, бѣдной дѣвицѣ!
Чѣмъ виновна я предъ тобой,
Ты повѣрилъ злой клеветницѣ;
Любимъ мною не былъ другой.
Мнѣ жребій неволи
Судьбинушкой данъ;
Не губи, не губи мою душу,
Лихой атаманъ!»

«Горе дѣвицѣ лукавой!
Атаманъ ей, нахмурясь, въ отвѣтъ:
У меня оправдается правый,
Но пощады виновному нѣтъ;
Отъ глазъ моихъ трудно
Проступокъ укрыть—
Все знаю!... и вновь не могу я,
Дѣвица, любить!...

«Но лекарство чудесное есть
У меня для сердечныхъ ранъ...

Прости же!... лекарство то—месть
На что же я здѣсь атаманъ?
    И заплàчу ль, какъ плачетъ
    Любовникъ другой?...
И смягчишь ли меня ты, дѣвица,
    Своею слезой?»

Горе тебѣ, гроза-атаманъ,
Ты свой произнесъ приговоръ!
Средь пожаровъ ограбленныхъ странъ
Ты забудешь ли пламенный взоръ?...
    Остался ль ты хладенъ
    И твердъ какъ въ бою,
Когда бросили въ пѣнныя волны
    Красотку твою?

Горе тебѣ, удалой!
Какъ совѣсть совсѣмъ удалить?
Отнынѣ онъ чистой водой
Боится ужъ руки умыть.
    Умывать онъ ихъ любитъ,
    Съ дружиной своей,
Слезами вдовицъ беззащитныхъ
    И кровью дѣтей!

ИСПОВѢДЬ.

Я вѣрю, обѣщаю вѣрить,
Хоть самъ того не испыталъ,
Что могъ монахъ не лицемѣрить
И жить, какъ клятвой обѣщалъ,
Что поцѣлуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближнихъ малыя ошибки

Они прощають иногда;
Что время лечить отъ страданья;
Что міръ для счастья сотворенъ;
Что добродѣтель не названье
И жизнь поболѣе, чѣмъ сонъ!...

Но вѣрѣ теплой опытъ хладный
Противорѣчитъ каждый мигъ,
И умъ, какъ прежде, безотрадный
Желанной цѣли не достигъ;
И сердце, полно сожалѣній,
Хранитъ въ себѣ глубокій слѣдъ
Умершихъ, но святыхъ видѣній,
И тѣни чувствъ, какихъ ужъ нѣтъ;
Его ничто не испугаетъ,
И то, что было бъ ядъ другимъ,
Его живитъ, его питаетъ
Огнемъ язвительнымъ своимъ.

ЧАША ЖИЗНИ.

Мы пьемъ изъ чаши бытія
Съ закрытыми очами,
Златые омочивъ края
Своими же слезами.

Когда же передъ смертью съ глазъ
Завязка упадаетъ,
И все, что обольщало насъ,
Съ завязкой исчезаетъ,

Тогда мы видимъ, что пуста
Была златая чаша,
Что въ ней напитокъ былъ—мечта,
И что она—не наша!

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ А. М. ВЕРЕЩАГИНОЙ.

Тебѣ, тебѣ мой даръ смиренный,
Мой трудъ безвѣстный и простой,
Но пламенный, но вдохновенный
Воспоминаньемъ и — тобой!

Я дни мои влачу тоскуя
И въ сердцѣ образъ твой храня,
И объ одномъ тебя прошу я:
Будь ангелъ смерти для меня. *

Явись мнѣ въ грозный часъ страданья,
И поцѣлуй пусть будетъ твой
Залогомъ близкаго свиданья
Въ странѣ любви, въ странѣ другой!

Златой Востокъ, страна чудесъ,
Страна любви и сладострастья,
Гдѣ блещетъ роза—дочь небесъ,
Гдѣ все обильно, кромѣ счастья,
Гдѣ чище катится рѣка,
Вольнѣе мчатся облака,
Пышнѣе вечеръ догораетъ,
И міръ всю прелесть сохраняетъ
Тѣхъ дней, когда печатью зла
Душа людей, по волѣ рока,
Не обезславлена была.

* Варіантъ: Среди безчувственныхъ тоскуя,
Въ душѣ все прежнее храня,
Лишь объ одномъ тебя прошу я:
Будь ангелъ смерти для меня.

Люблю тебя, страна Востока!
Кто зналъ тебя, тотъ забывалъ
Свою отчизну; кто видалъ
Твоихъ красавицъ, не забудетъ
Надменный пламень ихъ очей,
И безъ сомнѣнья вѣрить будетъ
Печальной повѣсти моей.

Есть Ангелъ Смерти; въ грозный часъ
Послѣднихъ мукъ и разставанья
Онъ крѣпко обнимаетъ насъ;
Но холодны его лобзанья
И страшенъ видъ его для глазъ
Безсильной жертвы; и невольно
Онъ заставляетъ трепетать,
И часто сердцу больно, больно
Послѣдній вздохъ ему отдать.
Но прежде людямъ эти встрѣчи
Казались — сладостный удѣлъ:
Онъ зналъ таинственныя рѣчи,
Онъ взоромъ утѣшать умѣлъ,
И бурныя смирялъ онъ страсти,
И было у него во власти
Больную душу какъ нибудь
На мигъ надеждой обмануть.

Равно во всѣ края вселенной
Являлся Ангелъ молодой;
На все, что только прахъ земной,
Глядѣлъ съ презрѣніемъ нетлѣнный;
Его приходъ благословенный
Дышалъ небесной тишиной;
Лучами тихими блистая,
Какъ полуночная звѣзда,
Манилъ онъ смертныхъ иногда,

И провожалъ онъ къ дверямъ рая
Толпы освобожденныхъ душъ,
И самъ былъ счастливъ. — Почему жъ
Теперь томитъ его объятье,
И поцѣлуй его — проклятье?

Недалеко отъ береговъ
И волнъ ревущихъ океана,
Подъ жаркимъ небомъ Индостана,
Синѣетъ длинный рядъ холмовъ.
Послѣдній холмъ высокъ и страшенъ,
Скалами сѣрыми украшенъ,
И вдался въ море; и на немъ
Орлы да коршуны гнѣздятся,
И рыбаки къ нему боятся
Подъѣхать въ сумракѣ ночномъ.
Прикрыта дикими кустами
На немъ пещера есть одна—
Жилище змѣй — хладна, темна,
Какъ умъ обманутый мечтами,
Какъ жизнь, которой цѣли нѣтъ,
Какъ недосказанный очами
Убійцы хитраго привѣтъ.
Ея лампада — мѣсяцъ полный;
Съ ней говорятъ морскія волны;
И у отверстія стоятъ
Сторожевыя пальмы въ рядъ.

Давнымъ давно въ ней жилъ изгнанникъ,
Пришелецъ, юный Зораимъ.
Онъ на землѣ былъ только странникъ,
Людьми и небомъ былъ гонимъ.
Онъ могъ быть счастливъ — но блаженства
Искалъ въ забавахъ онъ пустыхъ,

Искалъ онъ въ людяхъ совершенства,
А самъ — самъ не былъ лучше ихъ;
Искалъ великаго въ ничтожномъ;
Страшась надѣяться, жалѣлъ
О томъ, что было счастьемъ ложнымъ,
И ставъ безъ пользы осторожнымъ,
Повѣрить никому не смѣлъ.
Любилъ онъ ночь, свободу, горы,
И все въ природѣ... и людей...
Но избѣгалъ ихъ. Съ раннихъ дней
Къ презрѣнью пріучилъ онъ взоры,
Но сердца пылкаго не могъ
Заставить также охладиться;
Любовь насильства не боится,
Она — хоть презрѣна — все богъ.
Одно сокровище — святыню
Имѣлъ подъ небесами онъ:
Съ нимъ раемъ почиталъ пустыню...
Но что жъ? — Всегда ли вѣренъ сонъ?

На гордыхъ высотахъ Ливана
Растетъ могильный кипарисъ,
И вѣтви плюща обвились
Вокругъ его прямаго стана;
Пусть вихорь мчится и шумитъ
И сломитъ кипарисъ высокій —
Вкругъ кипариса плющъ обвитъ:
Онъ не погибнетъ одиноко!...
Такъ, міру чуждый, Зораимъ
Не вовсе бѣденъ — Ада съ нимъ!
Она рѣзва, какъ лань степная,
Мила, какъ цвѣтъ душистый рая; *
Все страстно въ ней — и грудь, и станъ;

* Мила, какъ пери молодая.

Глаза — два солнца южныхъ странъ.
И дѣвѣ было все забавой,
Покуда не явился ей
Изгнанникъ блѣдный, величавый,
Съ холодной дерзостью очей;
И ей пришло тогда желанье —
Огонь въ очахъ его родить
И въ мертвомъ сердцѣ возбудить
Любви безумное страданье.
И удалось ей. Зораимъ
Любилъ—съ тѣхъ поръ, какъ былъ любимъ:
Судьбина ихъ соединила,
А разлучитъ — одна могила!...

На синихъ небесахъ луна
Съ звѣздами дальними сіяетъ,
Лучемъ въ пещеру ударяетъ;
И безпокойная волна,
Ночной прохладою полна,
Утесъ, бѣлѣя, обнимаетъ.
Я помню—въ этотъ самый часъ
Обыкновенно нѣжный гласъ,
Сопровождаемый игрою,
Звучалъ, теряясь за горою:
Онъ изъ пещеры выходилъ.
Какой же демонъ эти звуки
Волшебной властью усыпилъ?...

Почти безъ чувствъ, безъ думъ, безъ силъ,
Лежитъ на ложѣ смертной муки
Младая Ада. Вѣтерокъ
Не освѣжитъ ея ланиты,
И томный взоръ, полузакрытый,
Напрасно смотритъ на востокъ,
И утра ждетъ она напрасно:

Ей не видать зари прекрасной,
Она до утра будетъ тамъ,
Гдѣ солнца ужъ не нужно намъ. *

У изголовья, пораженный
Боязнью тайной, Зораимъ
Стоитъ — колѣнопреклоненный,
Тоской отчаянья томимъ.
Въ рукѣ изгнанника бѣлѣетъ
Дѣвицы хладная рука,
И жизни жаръ ее не грѣетъ.
«Но смерть», онъ мыслитъ, «не близка!
Рука — не жизнь; болѣзнь простая —
Все не кончина роковая!»
Такъ иногда надежды свѣтъ
Являетъ то, чего ужъ нѣтъ;
И намъ хотя не остается
Для утѣшенья ничего, **
Она надъ сердцемъ все смѣется,
Не исчезая изъ него.

Въ то время Смерти Ангелъ нѣжный
Летѣлъ чрезъ южный небосклонъ;
Вдругъ слышитъ ропотъ онъ мятежный,
И плачъ любви... и слабый стонъ...
И, быстрый, какъ полетъ мгновенья,
Къ пещерѣ подлетаетъ онъ.
Тоску послѣдняго мученья
Духъ смерти усладить хотѣлъ,
И на устахъ покорной Ады
Свой поцѣлуй напечатлѣлъ:
Онъ дать не могъ другой отрады,

* Гдѣ дня не нужно вовсе намъ.
** Для заблужденья ничего.

Или, быть можетъ, Зораимъ
Еще замѣченъ не былъ имъ...
Но скоро при огнѣ лампады
Недвижный, мутный встрѣтивъ взоръ,
Онъ въ немъ прочелъ себѣ укоръ;
И Ангелъ Смерти сожалѣнье
Въ душѣ почувствовалъ святой.
Скажу ли? — даже въ преступленьи
Онъ обвинялъ себя порой.
Онъ отнялъ все у Зораима:
Одна была лишь имъ любима;
Его любовь была сильнѣй
Всѣхъ думъ и всѣхъ другихъ страстей.
И онъ не плакалъ... Но понятно
По цвѣту блѣдному чела,
Что мука смерть превозмогла,
Хоть потерялъ онъ невозвратно.
И Ангелъ зналъ — и какъ не знать? —
Что безнадежности печать
Въ спокойномъ холодѣ молчанья,
Что легче плакать, чѣмъ страдать
Безъ всякихъ признаковъ страданья!... *

И Ангелъ мыслью пораженъ
Достойною небесъ: желаетъ
Вознаградить страдальца онъ.
Ужель создатель запрещаетъ
Несчастныхъ утѣшать людей?
И дѣвы трупъ онъ оживляетъ
Душою ангельской своей.
И чудо! кровь въ груди остылой

* Мѣсто нѣсколько разъ переправленное въ рукописи; оно такъ и осталось неотдѣланнымъ, какъ и многія другія строфы ниже.

Опять волнуется, кипитъ;
И взоръ, волшебной полонъ силой,
Въ тѣни рѣсницъ ея горитъ.
Такъ Ангелъ Смерти съединился
Со всѣмъ, чѣмъ только жизнь мила;
Но умъ границамъ подчинился,
И власть — не та ужъ, какъ была,
И только въ памяти туманной
Хранитъ онъ думы прежнихъ лѣтъ;
Ихъ появленье Адѣ странно,
Какъ ночью метеора свѣтъ,
И ей смѣшна ея безпечность,
И ей грядущее темно...
И чувства, вѣчныя какъ вѣчность,
Соединились всѣ въ одно.
Желаньямъ друга посвятила
Она всѣ радости свои —
Какъ будто смерть и не гасила
Въ невинномъ сердцѣ жаръ любви!...

Однажды на скалѣ прибрежной,
Внимая плескъ волны морской,
Задумчивъ, рядомъ съ Адой нѣжной,
Сидѣлъ изгнанникъ молодой.
Лучи вечерніе златили
Широкій, синій океанъ,
И видно было сквозь туманъ,
Какъ паруса вдали бродили.
Большіе черные глаза
На друга дѣва устремляла —
Но въ дикомъ сердцѣ бушевала,
Казалось, тайная гроза.
Порой разсѣянные взгляды
На красный западъ онъ кидалъ,
И вдругъ, взявъ тихо руку Ады

И обратившись къ ней, сказалъ:
«Нѣтъ! не могу въ пустынѣ долѣ
Однообразно дни влачить;
Я воленъ—но душа въ неволѣ:
Ей должно цѣпи раздробить...
Что жизнь?—давай мнѣ чашу славы,
Хотя бы въ ней былъ смертный ядъ;
Я не вздрогну—я выпить радъ:
Не всѣ ль блаженства—лишь отравы?
Когда нибудь все долженъ я
Оставить ношу бытія...*
Скажи, ужель одна могила
Ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ
Того, чье сердце столько лѣтъ
Мысль о ничтожествѣ томила?
И мнѣ спокойну быть?—о, нѣтъ!...
Взгляни: за этими горами
Съ могучимъ войскомъ подъ шатрами
Стоятъ два грозные царя;
И завтра, только что заря
Успѣетъ въ облакахъ проснуться,
Труба войны и звукъ мечей
Въ пустынѣ нашей раздадутся.
И къ одному изъ тѣхъ царей
Идти, какъ воинъ, я рѣшился;
Но ты не жди, чтобъ возвратился
Я побѣжденнымъ—нѣтъ, скорѣй
Волна, гонимая волнами
По безконечности морей,
Въ пріютъ родимыхъ камышей
Воротится. Но если съ нами

* Когда нибудь—и скоро—я
Оставлю ношу бытія...

Побѣда будетъ, я принесть
Клянусь тебѣ жемчугъ и злато,
Себѣ оставлю только честь...
И буду счастливъ, и тогда-то
Мы заживемъ съ тобой богато...
Я знаю: никогда любовь
Геройскій мечъ не презирала;
Но если бъ даже ты желала...
Мой другъ, я долженъ видѣть кровь!
Вѣрь: для меня ничто угрозы
Судьбы коварной и слѣпой.
Какъ? ты блѣднѣешь?... слезы! слезы!
О чемъ же плакать, ангелъ мой?»
И Ангелъ-дѣва отвѣчаетъ:
«Видалъ ли ты, какъ отражаетъ
Ручей склонившійся цвѣтокъ?—
Когда вода не шевелится,
Онъ неподвижно въ ней глядится;
Но если свѣжій вѣтерокъ
Волну зеленую встревожитъ,
И всколебается волна—
Ужели тѣнь цвѣточка можетъ
Не колебаться, какъ она?
Мою судьбу съ твоей судьбою
Соединилъ такъ точно рокъ.
Волна—твой образъ, мой—цвѣтокъ;
Ты грустенъ—я грустна съ тобою.
Какъ знать?—быть можетъ, этотъ часъ
Послѣдній счастливый для насъ?...»

Зачѣмъ въ долинѣ сокровенной
Отъ миртовъ дышетъ ароматъ?
Зачѣмъ?... Властители вселенной,
Природу люди осквернятъ.
Цвѣтокъ измятый обагрится

Ихъ кровью, и стрѣла промчится
На мѣсто птицы въ небесахъ,
И солнце отуманитъ прахъ.
Крикъ побѣдившихъ, стонъ сраженныхъ
Принудятъ мирныхъ соловьевъ
Искать въ предѣлахъ отдаленныхъ
Другихъ долинъ, другихъ кустовъ,
Гдѣ красный день какъ ночь спокоенъ,
Гдѣ ихъ царицу, ихъ любовь,
Не стопчетъ розу мрачный воинъ
И обагрить не можетъ кровь.

Чу!... топотъ... пыль клубится тучей,*
И вотъ звучитъ труба войны,
И первый свистъ стрѣлы летучей
Раздался съ каждой стороны.
Новорожденное свѣтило
Съ лазурной неба вышины
Кровавымъ блескомъ озарило
Доспѣхи ратные бойцовъ.
Межъ тѣмъ войска еще сходились
Все ближе, ближе—и сразились;
И треску копій и щитовъ,
Казалось, сами удивились.
Но мщенье—царь въ душахъ людей
И удивленія сильнѣй.

Была ужасна эта встрѣча,
Подобно встрѣчѣ двухъ громовъ
Въ грозу межъ дымныхъ облаковъ.
Съ успѣхомъ равнымъ длилась сѣча,
И все тѣснилось. Кровь рѣкой

---

* Въ долинѣ пыль клубится тучей.

Лилась вездѣ, мечи блистали,
Какъ тѣни знамена блуждали
Надъ каждой темною толпой,
И съ крикомъ смерти роковой
На трупы трупы упадали...
Но отступаетъ наконецъ
Одна толпа... и побѣжденный
Ужъ не противится боецъ,
И по травѣ окровавленной
Скользитъ испуганный бѣглецъ.
Одинъ лишь воинъ, окруженный
Враждебнымъ войскомъ, не хотѣлъ
Еще бѣжать. Изъ мертвыхъ тѣлъ
Вокругъ него была ограда...
И тутъ остался онъ одинъ.
Онъ не былъ царь иль царскій сынъ,
Хоть одаренъ былъ силой взгляда
И гордой важностью чела.—
Но вдругъ коварная стрѣла
Пронзила витязя младова,
И шумно навзничъ онъ упалъ,
И кровь струилась... и ни слова
Онъ, упадая, не сказалъ,
Когда побѣдный крикъ раздался,
Какъ погребальный стонъ, надъ нимъ,
И мимо смѣлый врагъ промчался,
Огнемъ пылая боевымъ.

На битву издали взирая
Съ горы кремнистой и крутой,
Стояла Ада молодая
Одна, волнуема тоской;
Высоко перси подымая,*

---

* И грудь высоко подымая.

Боязнью сердце билось въ ней,
Всечасно слезы набѣгали
На очи, полныя печали...
О, Боже! для такихъ очей
Кто не пожертвовалъ бы славой?
Но Зораиму былъ милѣй
Дѣвичьей ласки—путь кровавый!
Безумецъ! ты цѣны не зналъ
Всему, всему, чѣмъ обладалъ,
Не вѣдалъ ты, что ангелъ нѣжный
Оставилъ рай свой безмятежный,
Чтобъ сердце Ады оживить;
Что многихъ онъ лишилъ отрады
Въ послѣдній мигъ, чтобъ усладить
Твое страданье.—Бѣдной Ады
Мольбы отвергнулъ хладно ты.
Возможно ль? Ангелъ красоты—
Тебѣ, изгнанникъ, не дороже
Надменной и пустой мечты?...
Она глядитъ и ждетъ... но что же?
Давно ужъ въ полѣ тишина,
Враги умчались за врагами,
Лишь искаженными тѣлами
Долина битвы устлана...
Увы! гдѣ ангелъ утѣшенья?
Гдѣ вѣстникъ рая молодой?—
Онъ мучимъ страстію земной
И не услышитъ ихъ моленья!...
Ужъ солнце низко... Ада ждетъ!...
Все тихо вкругъ... онъ все нейдетъ!...

Она спускается въ долину
И видитъ страшную картину;
Идетъ межъ труповъ чуть дыша;
Какъ у невиннаго предъ казнью,

Надеждой, смѣшанной съ боязнью,
Ея волнуется душа;
Она предчувствовать страшится,
И съ каждымъ шагомъ воротиться
Она желала бъ; но любовь
Превозмогла въ ней ужасъ вновь;
Блѣдны ланиты дѣвы милой,
На грудь склонилась голова...
—И вотъ недвижна! — Такова
Была бъ лилея надъ могилой!...
Гдѣ Зораимъ?—Что, если онъ
Убитъ?—Но чей раздался стонъ?...
Кто этотъ, раненый стрѣлою,
У ногъ красавицы? Чей гласъ
Такъ сильно душу въ ней потрясъ?...
Онъ мертвыхъ окруженъ грядою,
Но часъ кончины и надъ нимъ...
Кто жъ онъ?—Свершилось!—Зораимъ!

«Ты здѣсь? теперь?—и ты ли, Ада?
О! твой приходъ мнѣ не отрада!
Зачѣмъ!... Для ужасовъ войны
Твои глаза не созданы,
Смерть не должна быть ихъ предметомъ;
Тебя излишняя любовь
Вела сюда... что пользы въ этомъ?...
Лишь я хотѣлъ увидѣть кровь
И вижу... и приходъ мгновенья,
Когда усну безъ сновидѣнья...
Никто—я самъ тому виной...*
Я гибну!—Первою звѣздой
Намъ возвѣститъ судьба разлуку.

---

* Я жертва сѣни гробовой.

Не бойся крови. Дай мнѣ руку:
Я виноватъ передъ тобой.
Прости! ты будешь сиротой,
Ты не найдешь родныхъ, ни крова...
И даже... на груди другова
Не будешь счастлива опять:
Кто можетъ дважды счастье знать?...

«Мой другъ! къ чему твои лобзанья
Теперь, столь полныя огня?
Они не оживятъ меня
И увеличатъ лишь страданья,
Напомнивъ, какъ я счастливъ былъ...
О, если бъ, если бъ я забылъ,
Что въ мірѣ есть воспоминанья!
Я чувствую къ груди моей
Все ближе, ближе смертный холодъ...
О, кто бъ подумалъ! какъ я молодъ!
Какъ много я провелъ бы дней
Съ тобою въ тишинѣ глубокой,
Подъ тѣнью пальмъ береговыхъ,
Когда бъ сегодня рокъ жестокой
Не обманулъ надеждъ моихъ!...

«Еще въ странѣ моей родимой
Гадатель мудрый, всѣми чтимый,
Мнѣ предсказалъ, что часъ придетъ—
И громкій подвигъ совершу я,
И гласъ молвы произнесетъ
Мое названье, торжествуя,
Но...» Тутъ, какъ арфы дальній звонъ,
Его слова невнятны стали,
Глаза всю яркость потеряли
И ослабѣлъ примѣтно онъ.

Страдальцу Ада не внимала,
Лишь молча крѣпко обнимала,
Забывъ, что у нея ужъ нѣтъ
Чудесной власти прежнихъ лѣтъ;
Что поцѣлуй ея безсильный,
Ничтожный, какъ ничтожный звукъ,
Не озаряетъ тьмы могильной,
Не облегчитъ послѣднихъ мукъ.
Межъ тѣмъ на сводѣ отдаленномъ
Одна алмазная звѣзда
Явилась въ блескѣ неизмѣнномъ,
Чиста, прекрасна какъ всегда,
И мнилось: лучъ ея не знаетъ,
Чтò на землѣ онъ озаряетъ;
Такъ онъ игриво нисходилъ
На жертву тлѣнья и могилъ.
И Зораимъ хотѣлъ напрасно *
Послѣднимъ ласкамъ отвѣчать:
Все, все, что можетъ онъ сказать—
Уныло, мрачно, но не страстно.
Ужъ пламень слезъ ея не жжетъ
Ланиты хладныя какъ ледъ,
Ужъ тихо каплетъ кровь изъ раны;
И съ крикомъ, точно духъ ночной,
Надъ ослабѣвшей головой
Летаетъ коршунъ, гость незваный.
И грустно юноша взглянулъ
На отдаленное свѣтило,
Взглянулъ онъ въ очи дѣвы милой,
Привсталъ—и вздрогнулъ—и вздохнулъ—
И умеръ.—Съ синими губами
И съ побѣлѣвшими глазами,
Ликъ, прежде нѣжный, былъ страшнѣй
Всего, что страшно для людей.

---

* И хочетъ юноша напрасно.

Чья тѣнь, прозрачной мглой одѣта,
Какъ заблудившійся лучъ свѣта,
Съ земли возносится туда,
Гдѣ блещетъ первая звѣзда?
Вѣнецъ играетъ серебристый
Надъ мирнымъ, радостнымъ челомъ,
И долго видѣнъ слѣдъ огнистый
За нею въ сумракѣ ночномъ...
То Ангелъ Смерти, смертью тлѣнной
Отъ узъ земныхъ освобожденный!...
Онъ тѣло дѣвы бросилъ въ прахъ:
Его отчизна въ небесахъ.
Тамъ все, что онъ любилъ земнова,
Онъ встрѣтитъ и полюбитъ снова!...

Все тотъ же онъ, и власть его
Не измѣнилась ничего;
Прошло печали въ немъ волненье,
Какъ улетаетъ призракъ сна,
И только хладное презрѣнье
Къ землѣ оставила она:
За гибель друга въ немъ осталось
Желанье міру мстить всему;
И ненависть къ другимъ, казалось,
Была любовію къ нему.
Все тотъ же онъ — и безконечность,
Какъ мысль, онъ можетъ пролетать,
И можетъ взоромъ измѣрять
Лѣта, вѣка, и даже вѣчность.
Но Ангелъ Смерти молодой
Простился съ прежней добротой;
Людей узналъ онъ: «состраданья
Они не могутъ заслужить;
Не награжденье — наказанье
Послѣдній мигъ ихъ долженъ быть.

Они коварны и жестоки,
Ихъ добродѣтели — пороки,
И жизнь имъ въ тягость съ юныхъ лѣтъ...»
Такъ думалъ онъ — зачѣмъ же нѣтъ?...

Его неизбѣжимой встрѣчи
Боится каждый съ этихъ поръ;
Какъ мечъ—его пронзаетъ взоръ;
Его привѣтственныя рѣчи
Тревожатъ насъ какъ злой укоръ,
И льда хладнѣй его объятье,
И поцѣлуй его — проклятье!...

ВОЛЯ.

Моя мать — злая кручина,
Отцомъ же была мнѣ судьбина,
Мои братья, хоть люди,
Не хотятъ къ моей груди
Прижаться;
Имъ стыдно со мною,
Съ бѣднымъ сиротою,
Обняться.
Но мнѣ Богомъ дана
Молодая жена —
Воля-волюшка,
Вольность милая,
Несравненная.
Съ ней нашлись другіе у меня—
Мать, отецъ и семья;
А моя мать — степь широкая,
А мой отецъ — небо далекое;
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали;

Мои братья въ лѣсахъ —
Березы да сосны...
Несусь ли я на конѣ,
Степь отвѣчаетъ мнѣ;
Брожу ли поздней порой —
Небо свѣтитъ мнѣ луной;
Мои братья въ лѣтній день,
Призывая подъ тѣнь,
Машутъ издали руками,
Киваютъ мнѣ головами:
И вольность мнѣ гнѣздо свила,
Какъ міръ — необъятное!

СЕНТЯБРЯ 28.

Опять, опять я видѣлъ взоръ твой милый!
Я говорилъ съ тобой!
И мнѣ былое, взятое могилой,
Напомнилъ голосъ твой.

Къ чему?... Другой лобзаетъ эти очи
И руку жметъ твою;
Другому голосъ твой во мракѣ ночи
Твердитъ: люблю, люблю!

Откройся мнѣ: ужели непритворны
Лобзанія твои?
Они правамъ супружества покорны,
Но не правамъ любви.

Онъ для тебя не созданъ; ты родилась
Для пламенныхъ страстей;
Отдавъ ему себя, ты не спросилась
У совѣсти своей!

Онъ чувствовалъ ли трепетъ потаенный
Въ присутствіи твоемъ?
Умѣлъ ли презирать онъ міръ презрѣнный,
Чтобъ мыслить объ одномъ?

Встрѣчалъ ли онъ съ моленьемъ и слезами
Привѣтъ холодный твой?
И лучшими ль онъ жертвовалъ годами —
Мгновеніямъ съ тобой?

Нѣтъ! я увѣренъ: твоего блаженства
Не можетъ сдѣлать тотъ,
Кто красоты наружной совершенства
Одни въ тебѣ найдетъ.

Такъ!... ты его не любишь!... Тайной властью
Прикована ты вновь
Къ душѣ печальной, незнакомой счастью,
Но нѣжной, какъ любовь.

---

* * *

Метель шумитъ и снѣгъ валитъ,
Но сквозь шумъ вѣтра дальній звонъ,
Порой, прорвавшися, гудитъ —
То отголосокъ похоронъ,

То звукъ могилы надъ землей,
Умершимъ — вѣсть, живымъ — укоръ,
Цвѣтокъ поблекшій, гробовой,
Который не плѣняетъ взоръ.

Пугаетъ сердце этотъ звукъ
И возвѣщаетъ онъ для насъ
Конецъ земныхъ недолгихъ мукъ,
Но чаще — новыхъ первый часъ!...

НЕБО И ЗВѢЗДЫ.

Чисто вечернее небо
Ясны далекія звѣзды,
Ясны какъ счастье ребенка;
О, для чего мнѣ нельзя и подумать,
Звѣзды, вы ясны какъ счастье мое!

Чѣмъ ты несчастливъ?
Скажутъ мнѣ люди.
Тѣмъ я несчастливъ,
Добрые люди, что звѣзды и небо —
Звѣзды и небо! — а я человѣкъ!...

Люди другъ къ другу
Зависть питаютъ;
Я же напротивъ
Только завидую звѣздамъ прекраснымъ,
Только ихъ мѣсто занять бы хотѣлъ.

---

* * *

Когда бъ въ покорности незнанья
Насъ жить создатель осудилъ,
Неисполнимыя желанья
Онъ въ нашу душу бъ не вложилъ,
Онъ не позволилъ бы стремиться
Къ тому, что не должно свершиться,
Онъ не позволилъ бы искать
Въ себѣ и въ мірѣ совершенства,
Когда бъ намъ полнаго блаженства
Не должно вѣчно было знать?

Но чувство есть у насъ святое —
Надежда, богъ грядущихъ дней;

Она въ душѣ, гдѣ все земное,
Живетъ на перекоръ страстей;
Она залогъ, что есть понынѣ
На небѣ, иль въ другой пустынѣ,
Такое мѣсто, гдѣ любовь
Предстанетъ намъ, какъ ангелъ нѣжный,
И гдѣ тоски ея мятежной
Душа узнать не можетъ вновь.

КЪ КН. Л. Г—ОЙ.

Когда ты холодно внимаешь
Разсказамъ горести чужой,
И недовѣрчиво качаешь
Своей головкой молодой;
Когда блестящіе наряды
Безумно радуютъ тебя
Иль отъ ребяческой досады
Душа волнуется твоя;
Когда я вижу, вижу ясно,
Что для тебя въ семнадцать лѣтъ
Все привлекательно, прекрасно,
Все — даже люди, жизнь и свѣтъ;
Тогда, измученъ вспоминаньемъ,
Я говорю душѣ своей:
Счастливъ, кто могъ земнымъ желаньямъ
Отдать себя во цвѣтѣ дней!
Но не завидуй: ты не будешь
Довольна этимъ — какъ она,
Своихъ надеждъ ты не забудешь,
А для другихъ — не рождена.
Такъ! мысль великая хранилась
Къ тебѣ донынѣ, какъ зерно;
Съ тобою въ міръ она родилась;
Погибнуть ей не суждено!

---

*
* *

Я видѣлъ тѣнь блаженства; но вполнѣ,
Свободно отъ людей и отъ земли,
Не суждено имъ насладиться мнѣ.
Быть можетъ, манитъ только издали
Оно надежду; получивъ—какъ знать? —
Быть можетъ, я бъ его сталъ презирать;
И увидалъ бы, что ни слезъ, ни мукъ
Не стоитъ счастье, ложное какъ звукъ.

Кто скажетъ мнѣ, что звукъ ея рѣчей
Не отголосокъ рая? что душа
Не смотритъ изъ живыхъ ея очей,
Когда на нихъ смотрю я, чуть дыша?
Что для мученья моего она,
Какъ ангелъ казни, Богомъ создана?
Нѣтъ! чистый ангелъ не виновенъ въ томъ,
Что есть пятно тоски въ умѣ моемъ.

И съ каждымъ годомъ шире то пятно;
И скоро все поглотитъ и тогда
Узнаю я спокойствіе; оно,
Навѣрно, много причинитъ вреда
Моимъ мечтамъ и пламень чувствъ убьетъ,
За то безъ бурь напрасныхъ приведетъ
Къ уничтоженью; но до этихъ дней
Я воленъ, даже — если рабъ страстей!

Печалью вдохновенный, я пою
О ней одной, и все, что чуждо ей,
То чуждо мнѣ; я родину люблю
И больше многихъ: средь ея полей
Есть мѣсто, гдѣ я горесть началъ знать,
Есть мѣсто, гдѣ я буду отдыхать,

Когда мой прахъ, смѣшавшися съ землей,
Навѣки прежній видъ оставитъ свой.

О, мой Отецъ! гдѣ ты? гдѣ мнѣ найти
Твой гордый духъ, бродящій въ небесахъ?
Въ твой міръ ведутъ столь разные пути,
Что избирать мѣшаетъ тайный страхъ.
Есть рай небесный, звѣзды говорятъ;
Но гдѣ же? вотъ вопросъ — и въ немъ-то ядъ;
Онъ сдѣлалъ то, что въ женскомъ сердцѣ я
Хотѣлъ сыскать отраду бытія.

СТАНСЫ КЪ Д***.

Я не могу ни произнесть,
Ни написать твое названье:
Для сердца тайное страданье
Въ его знакомыхъ звукахъ есть;
Суди жъ, какъ тяжко это слово
Мнѣ услыхать въ устахъ другаго!

Какое право имъ дано
Шутить святынею моею?
Когда коснуться я не смѣю,
Ужели имъ позволено?
Какъ я, ужель они искали
Свой рай въ тебѣ одной? — едва ли!

Ни передъ кѣмъ я не склонялъ
Еще послушнаго колѣна:
То гордости была бъ измѣна;
А ей лишь робкій измѣнялъ.
И не поникну я главою,
Хотя бъ то было предъ судьбою!

Но если ты передъ людьми
Прикажешь мнѣ унизить душу,
Я клятвы юности нарушу,
Всѣ клятвы, кромѣ клятвъ любви;
Пускай имъ скажутъ, дорогая,
Что это сдѣлалъ для тебя я!

Улыбку я твою видалъ;
Она мнѣ сердце восхищала,
И ей — такъ думалъ я сначала —
Подобной нѣтъ: но я не зналъ,
Что очи, полныя слезами,
Равны красою съ небесами.

Я видѣлъ ихъ, и былъ вполнѣ
Счастливъ, пока слеза катилась:
Въ ней искра божества хранилась;
Она принадлежала мнѣ.
Такъ! все прекрасное, святое
Въ тебѣ — мнѣ больше чѣмъ родное.

Когда бъ міры у нашихъ ногъ
Благословляли нашу волю,
Я эту царственную долю
Назвать бы счастіемъ не могъ:
Ему страшны молвы сужденья,
Оно — цвѣтокъ уединенья.

Ты помнишь вечеръ и луну,
Когда въ бесѣдкѣ одинокой
Сидѣлъ я съ думою глубокой,
Взирая на тебя одну...
Какъ мнѣ мила тѣхъ дней безпечность!
За вечеръ тотъ я бъ не взялъ вѣчность.

Такъ за ничтожный талисманъ,
Отъ гроба Магомета взятый,
Факиру дайте жемчугъ, злато
И всѣ богатства чуждыхъ странъ:
Закону строгому послушный,
Онъ ихъ отвергнетъ равнодушно.

---

* * *

Ужасная судьба отца и сына —
Жить розно и въ разлукѣ умереть,
И жребій чуждаго изгнанника имѣть
На родинѣ съ названьемъ гражданина.
Но ты свершилъ свой подвигъ, мой отецъ;
Постигнутъ ты желанною кончиной!
Дай Богъ, чтобы какъ твой спокоенъ былъ конецъ
Того, кто былъ всѣхъ мукъ твоихъ причиной!
Но ты простишь мнѣ! Я ль виновенъ въ томъ,
Что люди угасить въ душѣ моей хотѣли
Огонь божественный, отъ самой колыбели
Горѣвшій въ ней, оправданный творцомъ?
Однако жъ тщетны были ихъ желанья:
Мы не нашли вражды одинъ въ другомъ,
Хоть оба стали жертвою страданья!
Не мнѣ судить, виновенъ ты иль нѣтъ?
Ты свѣтомъ осужденъ... А что такое свѣтъ?
Толпа людей, то злыхъ, то благосклонныхъ,
Собраніе похвалъ незаслуженныхъ
И стольких же насмѣшливыхъ клеветъ.
Далеко отъ него, духъ ада или рая,
Ты о землѣ забылъ, какъ былъ забытъ землей;
Ты счастливѣй меня: передъ тобой,
Какъ море жизни, вѣчность роковая
Неизмѣримою открылась глубиной.

Ужели вовсе ты не сожалѣешь нынѣ
О дняхъ, потерянныхъ въ тревогѣ и слезахъ,
О сумрачныхъ, но вмѣстѣ милыхъ дняхъ,
Когда въ душѣ искалъ ты какъ въ пустынѣ
Остатки прежнихъ чувствъ и прежнія мечты?
Ужель теперь совсѣмъ меня не любишь ты?...
О, если такъ! то небо не сравняю
Я съ этою землей, гдѣ жизнь влачу мою:
Пускай на ней блаженства я не знаю,
По крайней мѣрѣ я — люблю!

СТАНСЫ.

Гляжу впередъ сквозь сумракъ лѣтъ,
Сквозь лучъ надеждъ, которымъ нѣтъ
Опредѣленья, и они
Мнѣ обѣщаютъ годы, дни,
Подобные минувшимъ днямъ:
Ни мукъ, ни радостей, а тамъ
Конецъ — ожиданный конецъ...
Какая будущность, творецъ!

Пусть я кого нибудь люблю:
Любовь не краситъ жизнь мою —
Она, какъ чумное пятно
На сердцѣ, жжетъ—хотя темно...
Враждебной силою гонимъ,
Я тѣмъ живу, что̀ смерть другимъ,
Живу — какъ неба властелинъ—
Въ прекрасномъ мірѣ—но одинъ!

Я сынъ страданья. Мой отецъ
Не зналъ покоя по конецъ;
Въ слезахъ угасла мать моя;
Отъ нихъ остался только я,

Ненужный членъ въ пиру людскомъ,
Младая вѣтвь на пнѣ сухомъ:
Въ ней соку нѣтъ, хоть зелена
Дочь смерти — смерть ей суждена.

КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Мой другъ, не плачь передъ разлукой,
И преждевременною мукой
Младое сердце не тревожь:
Ты самъ же послѣ осмѣешь
Тоску любови легковѣрной,
Которая закралась въ грудь.
Что разъ потеряно, то, вѣрно,
Вернется къ намъ когда нибудь.
Но не виновенъ рокъ бываетъ,
Что чувство въ насъ не глубоко;
Что наше сердце измѣняетъ
Надеждамъ прежнимъ такъ легко;
Что получивъ опять предметы,
Недавно взятые судьбой,
Не узнаемъ мы ихъ примѣты,
Не прельщены ихъ красотой;
И даже прежнему пристрастью
Не вѣримъ слабою душой,
И даже то относимъ къ счастью,
Что намъ казалося бѣдой.

ДВА ПОСВЯЩЕНІЯ ПОЭМЫ «ДЕМОНЪ».

I.

Прими мой даръ, моя Мадона!
Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ явилась ты,

Моя любовь мнѣ оборона
Отъ порицаній клеветы.

Такой любви нельзя не вѣрить,
А взоръ не скроетъ ничего:
Ты не способна лицемѣрить,
Ты слишкомъ ангелъ для того!

Скажу ли? — преданъ самовластью
Страстей печальныхъ и судьбѣ,
Я счастьемъ не обязанъ счастью,
Но всѣмъ обязанъ я — тебѣ.

Какъ демонъ хладный и суровый,
Я въ мірѣ веселился зломъ;
Обманы были мнѣ не новы,
И ядъ былъ на-сердцѣ моемъ.

Теперь, какъ мрачный этотъ геній,
Я близъ тебя опять воскресъ
Для непорочныхъ наслажденій,
И для надеждъ, и для небесъ.

II.

Я кончилъ — и въ груди невольное сомнѣнье:
Займетъ ли вновь тебя давно знакомый звукъ,
Стиховъ невѣдомыхъ задумчивое пѣнье,
Тебя, забывчивый, но незабвенный другъ?

Пробудится ль въ тебѣ о прошломъ сожалѣнье?
Иль быстро пробѣжавъ докучную тетрадь,
Ты — только мертваго, пустаго одобренья
Наложишь на нее тяжелую печать,

И не узнаешь здѣсь простаго выраженья
Тоски, мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ,
И примешь за игру, иль сонъ воображенья
Больной души тяжелый бредъ!

РОМАНСЪ КЪ ***.

Когда я унесу въ чужбину
Подъ небо южной стороны
Мою мятежную кручину,
Мои обманчивые сны,
И люди съ злобой ядовитой
Осудятъ жизнь мою порой —
Ты будешь ли моей защитой
Передъ безчувственной толпой?...
О, будь!... о, вспомни нашу младость,
Злословья жертву пощади,
Клянися въ томъ, чтобъ вовсе радость
Не умерла въ моей груди,
Чтобъ я сказалъ въ землѣ изгнанья:
Есть сердце, лучшихъ дней залогъ,
Гдѣ почтены мои страданья,
Гдѣ міръ ихъ очернить не могъ!...

НА КАРТИНУ РЕМБРАНДТА.

Ты понималъ, о, мрачный геній!
Тотъ грустный, безотчетный тонъ,
Порывъ страстей и вдохновеній,
Все то, чѣмъ удивлялъ Байронъ.
Я вижу ликъ полуоткрытый
Означенъ рѣзкою чертой...
То не бѣглецъ ли знаменитый
Въ одеждѣ инока святой?

Быть можетъ тайнымъ преступленьемъ
Высокій умъ его убитъ;
Все темно вкругъ; тоской, сомнѣньемъ
Надменный взглядъ его горитъ.
Быть можетъ, ты писалъ съ природы,
И этотъ ликъ не идеалъ;
Или въ страдальческіе годы
Ты самъ себя изображалъ?—
Но никогда великой тайны
Холодный не проникнетъ взоръ,
И этотъ трудъ необычайный
Бездушнымъ будетъ злой укоръ.

ВОЛНЫ И ЛЮДИ.

Волны катятся одна за другою
Съ плескомъ и шумомъ глухимъ;
Люди проходятъ ничтожной толпою
Также одинъ за другимъ.

Волнамъ ихъ воля и холодъ дороже
Знойныхъ полудня лучей;
Люди хотятъ имѣть души... и что же?
Души въ нихъ—волнъ холоднѣй!

---

* * *

Ты молодъ, цвѣтъ твоихъ кудрей
Не уступаетъ цвѣту ночи;
Какъ день твои блистаютъ очи
При встрѣчѣ радостныхъ очей.

Ты, отъ души смѣясь смѣшному,
Какъ скуку, гонишь прочь печаль;
Что бредъ ребяческій другому,
То все тебѣ покинуть жаль.

Волною жизни унесенный
Далеко отъ надеждъ былыхъ,
Какъ путешественникъ забвенный,
Я чуждымъ сталъ между родныхъ.

Предъ мною носятся видѣнья,
Жизнь обманувшія мою,
И не рожденный для забвенья,
Я вновь черты ихъ узнаю.

И время ихъ не измѣнило:
Они все тѣ же!—я не тотъ;
Зачѣмъ же гибнетъ все, что мило?
А что жалѣетъ, то живетъ?

---

* * *

Ребенка милаго рожденье
Привѣтствуетъ мой запоздалый стихъ.
Да будетъ съ нимъ благословенье
Всѣхъ ангеловъ небесныхъ и земныхъ!
Да будетъ онъ отца достоинъ;
Какъ мать его, прекрасенъ и любимъ;
Да будетъ духъ его спокоенъ
И въ правдѣ твердъ, какъ Божій херувимъ.
Пускай не знаетъ онъ до срока
Ни мукъ любви, ни славы жадныхъ думъ;
Пускай глядитъ онъ безъ упрека
На ложный блескъ и ложный міра шумъ;
Пускай не ищетъ онъ причины
Чужимъ страстямъ и радостямъ своимъ,
И выйдетъ онъ изъ свѣтской тины
Душою бѣлъ и сердцемъ невредимъ!

---

* * *

Опять, народные витіи,
За дѣло падшее Литвы
На славу гордую Россіи
Опять, шумя, возстали вы!
Ужъ васъ казнилъ могучимъ словомъ
Поэтъ, возставшій въ блескѣ новомъ
Отъ продолжительнаго сна,
И порицанія покровомъ
Одѣлъ онъ ваши имена.

Что это: вызовъ ли надменный,
На битву бѣшеный призывъ?
Иль голосъ зависти смущенной
Безсилья злобнаго порывъ?
Да, хитрой зависти ехидна
Васъ пожираетъ; вамъ обидна
Величья нашего заря;
Вамъ солнца божьяго не видно
За солнцемъ русскаго царя!

Давно привыкшіе вѣнцами
И уваженіемъ играть,
Вы мните, грязными руками
Вѣнецъ блестящій запятнать.
Вамъ непонятно, вамъ несродно
Все, что высоко, благородно;
Не знали вы, что грозный щитъ
Любви и гордости народной
Отъ васъ вѣнецъ тотъ сохранитъ!

Безумцы жалкіе! вы правы,
Мы чужды ложнаго стыда:
Такъ! нераздѣльны въ дѣлѣ славы
Народъ и царь его всегда.

Велѣньямъ власти благотворной
Мы повинуемся покорно
И вѣримъ нашему царю,
И будемъ всѣ стоять упорно
За честь его, какъ за свою!

. . . .

Но честь Россіи невредима,
И вамъ, смѣясь, внимаетъ свѣтъ!
Такъ въ дни воинственные Рима,
Во дни торжественныхъ побѣдъ,
Когда тріумфомъ шелъ Фабрицій
И раздавался по столицѣ
Восторга благодарный кликъ,
Бѣжалъ за свѣтлой колесницей
Одинъ наемный клеветникъ!

---

* * *

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ—
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.
Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ не много совершитъ;
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.
Кто можетъ, океанъ угрюмый,
Твои извѣдать тайны? Кто
Толпѣ мои разскажетъ думы?
Или поэтъ—или никто!...

1832.

* * *

Привѣтствую тебя, воинственныхъ славянъ
Святая колыбель. Пришлецъ изъ чуждыхъ странъ,
Съ восторгомъ я взиралъ на сумрачныя стѣны,
Черезъ которыя столѣтій перемѣны
Безвредно протекли, гдѣ вольности одной
Служилъ тотъ колоколъ на башнѣ вѣчевой,
Который отзвонилъ ея уничтоженье
И сколько гордыхъ думъ увлекъ въ своемъ паденьи!

МОРЯКЪ.

Въ семьѣ безвѣстной я родился
Подъ небомъ сѣверной страны,
И рано, рано пріучился
Смирять усилія волны!
О дѣтствѣ говорить не стану:
Я подаренъ былъ океану,
Какъ лишній въ мірѣ, въ тѣ года
Безпечной смѣлости, когда
Намъ все равно: земля иль море,
Родимый или чуждый домъ;
Когда безъ радости поемъ
И какъ змѣю мы топчемъ горе;
Когда мы рады все отдать,
Чтобъ вольнымъ воздухомъ дышать.
Я воленъ былъ въ моей темницѣ,
Въ полуживой тюрьмѣ моей;
Я все имѣлъ, что надо птицѣ:
Гнѣздо на мачтѣ межъ снастей!
Я съ кораблемъ не разставался,
Я какъ сѣтей земли боялся;

Не вѣдалъ счету я друзьямъ;
Они всегда тѣснились къ намъ;
Я ихъ угадывалъ движенья,
Я понималъ ихъ разговоръ,
Живой и полный выраженья!
Въ немъ были ласки и укоръ —
И былъ звучнѣй тотъ звукъ чудесный,
Чѣмъ вѣтра вой и шумъ древесный,
И въ морѣ каждая волна
Была душой одарена!...
Безумны были эти лѣта!
Но что жъ! ужели былъ смѣшнѣй
Я тѣхъ неопытныхъ людей,
Которые, въ пустынѣ свѣта
Блуждая, думаютъ найти
Любовь и душу на пути?...
Всѣ чувства тайной мукой полны—
И всякій плакалъ, кто любилъ:
Любилъ ли онъ морскія волны,
Иль сердце женщинамъ дарилъ!...
Покрывшись пѣною рядами,
Какъ серебромъ и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слугъ окружена;
Такъ точно дѣва молодая
Идетъ, гордясь, между рабовъ,
Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ нѣжныхъ словъ
Не слушая, не понимая!
Но вянутъ дѣвы въ тишинѣ;
А волны, волны—все однѣ!...
Я, обожатель ихъ свободы,
Какъ я въ душѣ любилъ всегда
Ихъ безконечные походы—
Богъ вѣсть откуда и куда!
И въ часъ заката молчаливый

Ихъ раззолоченныя гривы,
И бездны безконечный шумъ,
И эту жизнь безъ дѣлъ и думъ,
Безъ родины и безъ могилы,
Безъ наслажденья и безъ мукъ;
Однообразный этотъ звукъ,
Причудливыя эти силы,
Ихъ буйный ревъ и тишину,
И эту вѣчную войну,
Съ другой стихіей, съ облаками,
Съ дождемъ и вихремъ! Сколько разъ
На кораблѣ, въ опасный часъ,
Когда летала смерть надъ нами,
Я въ ужасѣ Творца молилъ,
Чтобъ океанъ мой побѣдилъ!...

(Sic transit gloria mundi).

ИЗЪ БАЙРОНОВА

МАЗЕПЫ.

Ахъ, нынѣ я не тотъ совсѣмъ,
Меня друзья бы не узнали,
И на челѣ тогда моемъ
Власы сѣдые не блистали.
Я былъ еще совсѣмъ не старъ,
А изсушилъ мнѣ сердце жаръ
Страстей; явилися морщины
И ненавистныя сѣдины;
Но и теперь преклонныхъ лѣтъ
Я презираю тяготѣнье.
Я зналъ еще души волненье—
Любви минувшей грозный слѣдъ.

Но говорю: краса Терезы...
Теперь, среди полночной грезы
Мнѣ кажется: идетъ она
Между каштановъ и черешенъ...
Катится по небу луна...
Какъ я доволенъ и утѣшенъ!
Я вижу кудри... взоръ живой
Горячей влагою одѣлся...
Какъ жемчугъ перси бѣлизной...
Такъ живо образъ дорогой
Въ умѣ моемъ напечатлѣлся!
Станъ невысокій помню я
И азіатскія движенья,
Уста пурпурныя ея,
Стыда румянецъ и смятенье...
Но полно, полно! я любилъ,
Я чувствъ своихъ не измѣнилъ...
. . . .
Любовь, сокрывшись въ сердцѣ дикомъ,
Въ однихъ лишь крайностяхъ горитъ
И вѣчно (тщетно рокъ свирѣпой
Возсталъ) меня не охладитъ,
И тѣнь минувшаго бѣжитъ
Понынѣ всюду за Мазепой...

ЧЕТВЕРТЫЙ ОЧЕРКЪ ДЕМОНА.*

ЧАСТЬ I.

2.

Въ пустынѣ міра онъ блуждалъ
Давно безъ цѣли, безъ пріюта...
Вослѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
Какъ за минутою минута
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Онъ сѣялъ зло безъ наслажденья,
Нигдѣ искусству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья,
И зло наскучило ему.
И побѣдивъ свое презрѣнье,
Онъ замѣшался межъ людей,
Чтобъ ядомъ пагубныхъ рѣчей
Убить въ нихъ вѣру въ провидѣнье—
Но до него, какъ и при немъ,
Ужъ вѣры не было ни въ комъ.
И полонъ скуки непонятной,
Онъ скоро кинулъ міръ развратный
И на хребетъ пустынныхъ горъ
Переселился съ этихъ поръ.
Тамъ надъ жемчужнымъ водопадомъ
Себѣ пещеру отыскалъ,
Въ природу вникъ глубокимъ взглядомъ,
Душою жизнь ея объялъ.

---

* Этотъ очеркъ представляетъ одну изъ послѣднихъ передѣлокъ поэмы. Въ немъ еще сохранились многіе стихи и цѣлыя строфы двухъ первоначальныхъ очерковъ (см. выше), откинутые впослѣдствіи при окончательной отдѣлкѣ.

Какъ часто на вершинѣ льдистой,
Одинъ межъ небомъ и землей,
Какъ царь съ развѣнчанной главой,
Подъ кровомъ радуги огнистой,
Сидѣлъ онъ—мрачный и нѣмой,
И бѣлогривыя метели,
Какъ львы у ногъ его ревѣли.

3.

Уныло жизнь его текла
Въ пустынѣ міра—и на вѣчность
Онъ приглядѣлся; но была
Мучительна его безпечность.
Путемъ назначеннымъ судьбой
Онъ равнодушно подвигался,
Онъ жегъ печатью роковой
Все то, къ чему ни прикасался.
Смѣясь надъ зломъ и надъ добромъ,
Стыдясь надеждъ, стыдясь боязни,
Онъ съ гордымъ встрѣтилъ бы челомъ
Прощенья гласъ, какъ слово казни.
Онъ жилъ забытъ и одинокъ—
Грозой оторванный листокъ—
Безъ упованья, презирая
И свѣтъ небесъ и ада тьму;
Не вѣря въ жизни ничему,
И ничего не признавая.

4.

Надъ утомленною землей
Остатки старыхъ поколѣній
Смѣнялись новою толпой
Живыхъ заботливыхъ твореній,
Но тщетны были для дѣтей
Отцовъ и праотцевъ уроки:
У перемѣнчивыхъ людей

Не измѣнялися пороки!
Все также грозныя слова,
Храня старинныя права,
Умы безумцевъ волновали;
Все также мелкія печали
Ничтожныхъ жителей земныхъ
Смѣшнымъ казались подражаньемъ:
Непредназначеннымъ для нихъ,
Инымъ, возвышеннымъ страданьямъ.

5.

Какъ черный саванъ, на землѣ
Лежала ночь... Вились туманы
По гребнямъ горъ; на ихъ челѣ
Гнѣздилися, какъ великаны,
Громады черныхъ облаковъ,
И вѣчно ропщущее море
Гуляло мирно на просторѣ
Между высокихъ береговъ.

6.

О море, море!... Какъ прекрасны
Въ блестящій день и въ день ненастный
Его и ревъ и тишина!...
Покрыта бѣлыми кудрями,
Какъ серебромъ и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слугъ окружена,
И, какъ царица молодая,
Течетъ одна между рабовъ,
Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ нѣжныхъ словъ
Не слушая, не понимая...
Какъ я люблю съ давнишнихъ поръ
Слѣдить ихъ буйныя движенья;
Живой и полный выраженья

Люблю упорный этотъ бой
Съ суровымъ небомъ и землей,
Люблю безпечность ихъ свободы,
Цѣпей незнавшей никогда,
Ихъ безконечные походы
Богъ вѣсть откуда и куда,
И въ часъ заката молчаливый
Ихъ раззолоченныя гривы
И безполезный этотъ шумъ,
И эту жизнь безъ дѣлъ и думъ,
Безъ гроба и безъ колыбели,
Безъ мукъ, безъ счастія, безъ цѣли...*

---

* Остальныя строфы 1-й части (7—20) сходны съ соотвѣтствующими имъ (III—XVI), напечатанными въ 1 томѣ; измѣненія встрѣчаются только въ 13, 16 и 19 (соотвѣтствующихъ IX, XII и XV):

13. Въ немъ чувство вновь заговорило
Роднымъ когда-то языкомъ.
Тогда, исполненный досады
На этотъ мигъ живой отрады,
Быть можетъ, посланный творцомъ,
Какъ бы страшася искушенья,
Духъ отрицанья и сомнѣнья
Закрылъ глаза свои крыломъ.
То былъ ли признакъ возрожденья?... и пр.

16. Затихло все... тѣснясь толпой
На трупы всадниковъ порой
Верблюды съ ужасомъ глядѣли,
И глухо въ тишинѣ степной
Ихъ колокольчики звенѣли... и пр.

19. «Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
«Имъ прошедшаго не жаль;
«Дѣти вольности воздушной,
«Безъ желаній, безъ страстей,
«Смотрятъ гордо, равнодушно
«На волненіе людей;
«Въ день томительный несчастья... и пр.

ЧАСТЬ II.

3.

Въ прохладѣ, межъ двумя холмами,
Таится монастырь святой;
Чинаръ и тополей рядами
Онъ окруженъ былъ—и порой
У стѣнъ его, прохлады полны,
Однообразно бились волны;
Кругомъ его густыхъ деревъ
Сплелись кудрявыя вершины,
И кое гдѣ изъ ихъ средины,
Стремясь достать до облаковъ,
Встаетъ, бѣлѣя, остовъ длинный
Зубчатой башни, и надъ ней—
Символъ спасенія забвенный—
Чернѣетъ ржавый крестъ, согбенный
Напоромъ бури и дождей.
Когда жъ ложилась ночь въ ущельи—
Внутри мелькала въ окнахъ кельи
Лампада схимницы младой...*

8.

Какъ много значилъ этотъ звукъ!
Вѣка минувшихъ упоеній,
Вѣка изгнанія и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышленій
О настоящемъ, о быломъ—
Все разомъ отразилось въ немъ.
Къ чему?... одной минутой рая
Не оживетъ душа пустая!...
Безсильно свѣтлый лучъ зари
На темной тучѣ не гори:
Тебѣ вѣдь съ ней не подружиться

* Далѣе—какъ напечатано въ 1 томѣ.

Ей ждать нельзя, она умчится,
Она громовою стрѣлой
Затмитъ покровъ твой золотой.

9.

И входитъ онъ, любить готовый,
Съ душой открытой для добра,
И мыслитъ онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепетъ ожиданья,
Страхъ неизвѣстности нѣмой,
Какъ будто въ первое свиданье,
Спознались съ гордою душой.
Проникнувъ въ келью, духъ смущенный,
Минуя образъ позлащенный,
Какъ будто видя въ немъ укоръ,
Со страхомъ отвращаетъ взоръ;
Въ углу изъ мрамора Мадона,
Лампада мѣдная предъ ней,
На головѣ ея корона
Изъ розъ душистыхъ и лилей,
У стѣнки дѣвственное ложе
(Луна, смѣясь, въ окно глядитъ),
А у окна... всесильный Боже!...
Что съ нимъ?... онъ млѣетъ... онъ дрожитъ...
По звонкимъ струнамъ ударяя
Блѣдна, озарена луной,
Въ одеждѣ черной, власяной
Она, монахиня младая,
Сидѣла молча передъ нимъ,
Объята жаромъ вдохновенья
Мила, какъ первый херувимъ,
Какъ звѣзды, первыя творенья...
Въ большихъ глазахъ ея порой
Невнятно говорило что-то

Невыразимою тоской,
Неизъяснимою заботой...
Полураскрытыя уста
Живые изливали звуки;
Въ нихъ было все: моленья, муки,
Слова надеждъ, слова разлуки,
И дѣтскихъ мыслей простота...
И грудь высоко поднималась,
И обнаженная рука—
Бѣлѣй, чѣмъ утромъ облака—
Къ струнамъ, какъ вѣтеръ, прикасалась...
Духъ отверженія и зла
Стоялъ недвижимъ у порога;
Не смѣлъ онъ приподнять чела,
Страшася въ ней увидѣть Бога!
Но взоръ онъ поднялъ: передъ нимъ
Посланникъ рая—херувимъ,
Хранитель грѣшницы прекрасной,
Стоитъ, съ блистающимъ челомъ,
И отъ врага съ улыбкой ясной
Пріосѣнилъ ее крыломъ.
Они счастливы, святы оба!...
Довольно! Ненависть и злоба
Въ его душѣ взыграли вновь...
Свершилось! онъ опять таковъ,
Какимъ явился межъ рабовъ
Великому царю вселенной
Въ часы той битвы незабвенной,
Гдѣ на презрѣнное чело
Проклятье вѣчное легло.
И лучъ божественнаго свѣта
Вдругъ ослѣпилъ нечистый взоръ,
И вмѣсто мирнаго привѣта
Раздался тягостный укоръ.

11. *

ТАМАРА.

Я поклялась давно, ты знаешь,
Забыть волненія страстей;
Къ чему жъ теперь меня смущаешь
Любовью страстною своей?...
О, кто ты? рѣчь твоя опасна!...
Тебя послалъ мнѣ адъ иль рай?
Чего ты хочешь?....**

ДЕМОНЪ.

... Что безъ тебя мнѣ эта вѣчность!
Моихъ владѣній безконечность
Пустыя, звучныя слова,
Обширный храмъ безъ божества!
Не искушать пришелъ я душу;
Ты о спасеньи не молись:
Святыни здѣшней не нарушу!
Меня, Тамара, не страшись,
Не отгоняй меня укоромъ,
Не выжимай изъ груди стонъ;
Несправедливымъ приговоромъ
Я на изгнанье осужденъ.
Не знаю радости минутной,
Живу надъ моремъ и межъ горъ,
Какъ перекатный метеоръ,
Какъ степи вѣтеръ безпріютный;
И слишкомъ гордъ я, чтобъ просить
У Бога вашего прощенья;
Я полюбилъ мои мученья
И не могу ихъ разлюбить.
Но ты—ты можешь оживить

* 10-я строфа не имѣетъ варіантовъ противъ IX-й (1-го тома).
** Далѣе—какъ въ 1 томѣ.

Своей любовью непритворной
Мою томительную лѣнь,
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тѣнь!

ТАМАРА.

Оставь меня...*

ДЕМОНЪ.

.... Люблю тебя не здѣшней страстью,
Какъ полюбить не можешь ты:
Всѣмъ упоеньемъ, всею властью
Безсмертной мысли и мечты.
Люблю блаженствомъ и страданьемъ,
Надеждою, воспоминаньемъ,
Всей роскошью души моей.
О, не страшись и пожалѣй!
Въ душѣ моей съ начала міра
Твой образъ былъ напечатлѣнъ... и пр. до:
... И все на свѣтѣ презирать....

ТАМАРА.

А наказанье? муки ада?...

ДЕМОНЪ.

Такъ что жъ? Ты будешь тамъ со мной!
Мы станемъ жить, любя, страдая,
И адъ намъ будетъ стоить рая.
Оставь сомнѣнія свои!
И что такое жизнь святая
Передъ минутою любви?
Моя безпечная подруга,
Ты будешь раздѣлять со мной
Вѣка безсмертнаго досуга
И власть надъ бѣдною землей.
Благословишь ты нашу долю,

* Далѣе—какъ въ 1 томѣ.

Не будешь на нее роптать,
И не захочешь грусть и волю
За рабство тихое отдать.—
Лишь только Божіе проклятье...*

12.

—И онъ слегка
Коснулся жаркими устами
Къ ея трепещущимъ губамъ;
Соблазна полными рѣчами,
Тоской, угрозами, слезами
Онъ отвѣчалъ ея мольбамъ;
Она противиться не смѣла,
Слабѣла, таяла, горѣла
Отъ неизвѣстнаго огня,
Какъ бѣлый воскъ отъ взоровъ дня.
Могучій взоръ смотрѣлъ ей въ очи...**

14.

За часъ до солнечнаго всхода,
Еще высокій берегъ спалъ,
Вдругъ зашумѣла непогода
И океанъ забушевалъ,
И вмѣстѣ съ бурей и громами,
Какъ умирающаго стонъ,

---

* Далѣе—какъ въ 1 томѣ до стиха: «Несокрушимый мавзолей». Послѣ того въ рукописи монологъ Тамары и пр. съ добавкою:
И пусть другіе бъ утѣшались
Ничтожнымъ жребіемъ своимъ
И думой неба не касались—
Міръ лучшій недоступенъ имъ!
Но не тебѣ, моей подругѣ...

** Далѣе, какъ въ 1 томѣ, и 13-я строфа (соотвѣтствующая XII печатной) варіантовъ не имѣетъ. За ней находится въ рукописи 14-я. Она потомъ уничтожена и замѣнена новымъ описаніемъ похоронъ, какъ въ печатной XIII.

Раздался глухо надъ волнами
Зловѣщій колокола звонъ.
Не для молитвы призывали
Святыхъ монахинь въ тихій храмъ,
Не двумъ счастливымъ женихамъ
Свѣчи дрожащія пылали:
Въ срединѣ церкви гробъ стоялъ,
Досками черными обитый,
И въ томъ гробу мертвецъ лежалъ,
Холоднымъ саваномъ обвитый.
Зачѣмъ не слышенъ гласъ родныхъ
И не видать во храмѣ ихъ?
И кто мертвецъ? Едва примѣтный
Остатокъ прежней красоты
Являютъ блѣдныя черты;
Уста раскрыты, безотвѣтны,
И въ сердцѣ пылкой страсти ядъ
Его глаза не поселятъ,
Хотя еще весьма недавно
Владѣлъ онъ пылкою душой,
Неизъяснимой, своенравной,
Въ борьбѣ безумной и неравной
Назнавшей власти надъ собой!
И нѣтъ тебя, младая дѣва!...
Какъ злакъ потопленныхъ полей,
Добыча ревности и гнѣва,
Ты вдругъ увяла въ цвѣтѣ дней.
Напрасно будетъ солнце юга
Играть привѣтно надъ тобой,
Напрасно будетъ дождь и вьюга
Ревѣть надъ плитой гробовой!
Лобзанье юноши живое
Твои уста не разомкнетъ!...
Земля взяла свое земное—
Она назадъ не отдаетъ...

21.*

... И не напомнитъ ничего
О славномъ имени Гудала,
О милой дочери его.
И тамъ, гдѣ кости ихъ истлѣли,
На рубежѣ зубчатыхъ льдовъ,
Теперь гуляютъ лишь метели
Да стаи вольныхъ облаковъ.
Заглохла древняя обитель!
Съ тѣхъ поръ промчалось много лѣтъ,
И время—вѣчный разрушитель—
Смывало постепенно слѣдъ
Высокихъ стѣнъ, и храмъ священный,
Добыча бури и дождей,
Сталъ молчаливъ, какъ мавзолей—
Умершихъ памятникъ надменный.
Изъ двери въ дверь, во мглѣ ночей,
Блуждаетъ вѣтръ освобожденный;
Внутри, на ликахъ расписныхъ
И на окладахъ золотыхъ,
Большой паукъ, отшельникъ новый,
Кладетъ сѣтей своихъ основы.
Не разъ, сбѣжавъ со скалъ крутыхъ,

* Строфы 15, 16 и 17 соотвѣтствуютъ XIII и XIV (1 тома); затѣмъ въ рукописи помѣщенъ токстъ (строфа 18-я), отнесенный въ выноску къ XV-й строфѣ, съ варіантомъ:

И въ тоже время царь порока
Туда примчался съ быстротой
Новорожденнаго потока.
Страданій мрачная семья
Въ чертахъ недвижимыхъ таилась;
По слѣду крылъ его свѣтилась
Багровой молніи струя...

Строфы 19 и 20 соотвѣтствуютъ XV-й (1 тома), а 21-я—заключенію:

На склонѣ каменной горы...

Сайгакъ иль серна, дочь свободы,
Пріютъ отъ зимней непогоды
Искали въ кельи. И порой
Забытой утвари паденье
Среди развалины глухой
Ихъ приводило въ изумленье.
Но въ наше время ничему
Нельзя нарушить тишину:
Что можетъ падать—то упало,
Что мретъ—то умерло давно,
Что живо—то безсмертно стало,
И время въ живѣ удержало
Воспоминаніе одно...*

1833.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Великъ, богатъ аулъ Джематъ,
Онъ никому не платитъ дани,
Его стѣна—ручной булатъ,
Его мечеть—на полѣ брани.
Его свободные сыны
Въ огняхъ войны закалены;
Дѣла ихъ громки по Кавказу,
Въ народахъ дальныхъ и чужихъ,
И сердца русскаго ни разу
Не миновала пуля ихъ.

По небу знойный день катится,
Отъ скалъ горящихъ паръ струится,

* Это потомъ замѣнено текстомъ, напечатаннымъ въ 1 томѣ, начиная со стиха: «Но церковь на крутой вершинѣ».

Орелъ, недвижимъ на крылахъ,
Едва чернѣетъ въ облакахъ;
Ущелья въ сонъ погружены,
Въ аулѣ нѣтъ лишь тишины.
Аулъ встревоженный пустѣетъ,
И подъ горой, гдѣ вѣтеръ вѣетъ,
Гдѣ изъ утеса бьетъ потокъ,
Стоитъ внимательный кружокъ.
О чемъ ведетъ переговоры
Совѣтъ джематскихъ удальцовъ?
Хотятъ ли вновь пуститься въ горы
На ловлю чуждыхъ табуновъ?
Не ждутъ ли русскаго отряда,
До крови лакомыхъ гостей?
Нѣтъ—только жалость и досада
Видна во взорахъ узденей.
Покрытъ одеждами чужими,
Сидитъ на камнѣ между ними
Лезгинецъ дряхлый и сѣдой;
И льется рѣчь его потокомъ,
И въ кругъ себя блестящимъ окомъ
Печально водитъ онъ порой.
Разсказу стараго лезгина
Внимали всѣ. Онъ говорилъ:
«Три нѣжныхъ дочери, три сына
Мнѣ Богъ на старость подарилъ;
Но бури злыя разразились,
И вѣтви древа обвалились.
И я стою теперь одинъ,
Какъ голый пень среди долинъ.
Увы я старъ! Мои сѣдины
Бѣлѣе снѣга той вершины,
Но и подъ снѣгомъ иногда
Бѣжитъ кипучая вода!...
Сюда, наѣздники Джемата!

Откройте удаль мнѣ свою!
Кто знаетъ князя Бей-Булата?
Кто возвратитъ мнѣ дочь мою?
Въ плѣну сестры ея увяли,
Въ бою неравномъ братья пали:
Въ чужбинѣ двое, а меньшой
Пронзенъ штыкомъ передо мной.
Онъ улыбался умирая!
Онъ, вѣрно, зрѣлъ, какъ дѣва рая
Къ нему слетѣла предъ концомъ,
Махая радужнымъ вѣнцомъ...
И вотъ пошелъ я жить въ пустыню
Съ послѣдней дочерью своей.
Ее хранилъ я какъ святыню;
Все, что имѣлъ я, было въ ней:
Я взялъ съ собою лишь ее,
Да неизмѣнное ружье.
Въ пещерѣ съ ней я поселился,
Родимой хижины лишенъ;
Къ бѣдѣ я скоро пріучился;
Давно былъ къ волѣ пріученъ.
Но часъ ударилъ неизбѣжный—
И улетѣлъ птенецъ мой нѣжный!...
Однажды ночь была глухая,
Я спалъ... Безмолвно надо мной,
Зеленой вѣткою махая,
Сидѣлъ мой ангелъ молодой.
Вдругъ просыпаюсь!... слышу: шопотъ —
И слабый крикъ—и конскій топотъ...
Бѣгу и вижу—подъ горой
Несется всадникъ съ быстротой,
Схвативъ ее въ свои объятья.
Я съ нимъ послалъ свои проклятья.
О! для чего второй гонецъ
Настичь не могъ ихъ—мой свинецъ.

Съ кровавымъ мщеньемъ, вотъ здѣсь скрытымъ,
Безъ силъ отмстить за свой позоръ,
Влачусь я по горамъ съ тѣхъ поръ,
Какъ змѣй, раздавленный копытомъ.
И нѣтъ покоя для меня
Съ того мучительнаго дня...
Сюда, наѣздники Джемата!
Откройте удаль мнѣ свою!
Кто знаетъ князя Бей-Булата?
Кто привезетъ мнѣ дочь мою?»

«Я!» молвилъ витязь черноокій,
Схватившись за кинжалъ широкій,
И въ изумленіи нѣмомъ
Толпа раздвинулась кругомъ.

«Я знаю князя. Я рѣшился!...
Двѣ ночи здѣсь ты жди меня;
Хаджи безстрашный не садился
Ни разу даромъ на коня.
Но если я не буду къ сроку,
Тогда обѣтъ мой позабудь,
И о душѣ моей пророку
Ты помолись, пускаясь въ путь.»

Взошла заря. Изъ за тумановъ,
На небосклонѣ голубомъ
Главы гранитныхъ великановъ
Встаютъ, увѣнчанныя льдомъ.
Въ ущельѣ облако проснулось,
Какъ парусъ розовый надулось
И понеслось по вышинѣ.
Все дышетъ утромъ. За оврагомъ,
По косогору ѣдетъ шагомъ
Черкесъ на борзомъ скакунѣ.

Еще лѣнивое свѣтило
Росы холмовъ не осушило.
Со скалъ высокихъ, надъ путемъ,
Склонился дикій виноградникъ;
Его серебрянымъ дождемъ
Осыпанъ часто конь и всадникъ;
Небрежно бросивъ повода,
Красивой плеткой онъ махаетъ,
И пѣсню дѣдовъ иногда,
Склонясь на гриву, запѣваетъ;
И дальный отзывъ за горой
Уныло вторитъ пѣснѣ той.

Есть поворотъ—и путь, прорытый
Арбы скрипучимъ колесомъ,
Тамъ, гдѣ красивые граниты
Зубчатымъ сходятся вѣнцомъ.
Оттуда онъ, какъ подъ ногами,
Смиренный различитъ аулъ,
И пыль, поднятую стадами,
И пробужденья первый гулъ;
И на краю крутаго ската
Отмѣтитъ саклю Бей-Булата.
И, какъ орелъ, съ вершины горъ
Вперитъ на крышу свѣтлый взоръ...
Въ тѣни прохладной, у порога,
Лезгинка юная сидитъ.
Предъ нею тянется дорога,
Но грустно въ даль она глядитъ.
Кого ты ждешь, звѣзда Востока,
Съ заботой нѣжною такой?
Не другъ ли будетъ издалека?
Не братъ ли съ битвы роковой?
Отъ зноя утомясь дневнаго,
Твоя головка ужъ готова

На грудь высокую упасть.
Рука скользнула вдоль колѣна,
И нѣги сладостная власть
Плечо исторгнула изъ плѣна;
Отяготѣлъ твой ясный взоръ,
Покрывшись влагою жемчужной;
Въ твоихъ щекахъ, какъ метеоръ,
Играетъ пламя крови южной;
Уста волшебныя твои
Зовутъ лобзаніе любви.
Нѣмымъ восторжена желаньемъ,
Обнять ты ищешь что нибудь,
И перси слабымъ трепетаньемъ
Хотятъ покровы оттолкнуть.
О! гдѣ ты, сердца другъ безцѣнный!...
Но вотъ и топотъ отдаленный,
И пыль знакомая взвилась—
И дѣва шепчетъ: «это князь!»

Легко надежда утѣшаетъ;
Легко обманываетъ глазъ;
Ужъ близко путникъ подъѣзжаетъ...
Увы! она его не знаетъ,
И видитъ только въ первый разъ;
То странникъ, въ полѣ запоздалый,
Гостепріимный ищетъ кровъ;
Дымится конь его усталый;
И онъ спрыгнуть уже готовъ...
Спрыгни же, всадникъ!... Что же онъ
Какъ будто крова испугался?
Онъ смотритъ... Кроткій, грустный стонъ
Отъ губъ сомкнутыхъ оторвался,
Какъ листъ отъ вѣтки молодой,
Измятый лѣтнею грозой.
«Что медлишь, путникъ, у порога?

Слѣзай съ походнаго коня.
Случайный гость—подарокъ Бога.
Кумысъ и медъ есть у меня.
Ты, вижу, бѣденъ; я богата.
Почти же кровлю Бей-Булата!
Когда опять поѣдешь въ путь,
Въ молитвѣ насъ не позабудь!»

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Аллахъ спаси тебя, Леила!
Ты гостя лаской подарила;
И отъ отца тебѣ поклонъ
За то привезъ съ собою онъ.

ЛЕИЛА.

Какъ! мой отецъ? Меня понынѣ
Въ разлукѣ долгой не забылъ?
Гдѣ онъ живетъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Гдѣ прежде жилъ—
То въ чуждой саклѣ, то пустынѣ.

ЛЕИЛА.

Скажи: онъ веселъ? онъ счастливъ?
Скорѣй отвѣтствуй мнѣ...

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Онъ живъ,
Хотя порой дождямъ и стужѣ
Открыта голова его...
Но ты?...

ЛЕИЛА.

Я счастлива.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ (тихо).

Тѣмъ хуже!

ЛЕИЛА.

А? что ты молвилъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Ничего!

Сидитъ пришелецъ за столомъ.
Чихирь съ серебрянымъ пшеномъ
Предъ нимъ не тронуты доселѣ
Стоятъ. Онъ страненъ въ самомъ дѣлѣ!
Какъ на челѣ его крутомъ
Блуждаютъ, движутся морщины!
Рукою лѣтъ или кручины
Проведены онѣ по немъ?

Развеселить его желая,
Леила бубенъ свой беретъ;
Въ него перстами ударяя,
Лезгинку пляшетъ и поетъ.
Ея глаза какъ звѣзды блещутъ,
И груди полныя трепещутъ.
Восторгомъ дѣтскимъ, но живымъ,
Душа невинная объята.
Она кружится передъ нимъ,
Какъ мотылекъ въ лучахъ заката—
И вдругъ звенящій бубенъ свой
Подъемлетъ бѣлыми руками,
Вертитъ его надъ головой,
И тихо черными очами
Поводитъ—и, безъ словъ, уста
Хотятъ сказать улыбкой милой:
«Развеселись, мой гость унылый!
Судьба и горе—все мечта!»

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Довольно! Перестань, Леила!
На мигъ веселье позабудь:
Скажи: ужель когда нибудь
О смерти мысль не приходила
Тебя встревожить? Отвѣчай!

ЛЕИЛА.

Нѣтъ! Что мнѣ хладная могила?
Я на землѣ нашла свой рай.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Еще вопросъ: ты не грустила
О дальней родинѣ своей,
О свѣтломъ небѣ Дагестана?

ЛЕИЛА.

Къ чему? Мнѣ лучше, веселѣй
Среди нагорнаго тумана.
Вездѣ прекрасенъ Божій свѣтъ.
Отечества для сердца нѣтъ!
Оно насилья не боится:
Какъ птичка вырвется, умчится...
Повѣрь мнѣ—счастье только тамъ,
Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ!

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Любовь!... Но знаешь ли, какое
Блаженство на землѣ второе
Тому, кто все похоронилъ,
Чему онъ вѣрилъ, что любилъ?
Блаженство то вѣрнѣй любови,
Но только хочетъ слезъ да крови...
Въ немъ утѣшенье для людей,
Когда умретъ другое счастье;
Въ немъ преступленій сладострастье,
Въ немъ адъ и рай души моей.
Оно при насъ всегда, безсмѣнно;
То мучитъ, то ласкаетъ насъ...
Нѣтъ, за единый мщенья часъ,
Клянусь, я не взялъ бы вселенной!

ЛЕИЛА.

Ты блѣденъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Выслушай. Давно
Тому назадъ, имѣлъ я брата;
И онъ—такъ было суждено—
Погибъ отъ пули Бей-Булата,
Погибъ безъ славы, не въ бою,
Какъ звѣрь лѣсной—врага не зная;
Но месть и ненависть свою
Онъ завѣщалъ мнѣ, умирая.
И я убійцу отыскалъ;
И занесенъ былъ мой кинжалъ...
Но я подумалъ: «это ль мщенье?
Что смерть! Ужель одно мгновенье
Заплатитъ мнѣ за столько лѣтъ
Печали, грусти, мукъ?... О, нѣтъ!
Онъ что нибудь да въ мірѣ любитъ:
Найду любви его предметъ,
И мой ударъ его погубитъ!»
Свершилось наконецъ. Пора!
Твой часъ пробилъ еще вчера.
Смотри, ужъ блещетъ лучъ заката!...
Пора! я слышу голосъ брата...
Когда сегодня въ первый разъ
Я увидалъ твой образъ нѣжный,
Тоскою горькой и мятежной
Душа какъ адомъ вся зажглась.
Но это чувство улетѣло...
Валлахъ! исполню клятву смѣло!

Какъ зимній снѣгъ въ горахъ, блѣдна,
Предъ нимъ повергнулась она
На ослабѣвшія колѣни;
Мольбы, рыданья, слезы, пени
Передъ жестокимъ излились.
«Охъ, ты ужасенъ съ этимъ взглядомъ!

Нѣтъ, не смотри такъ! отвернись!
По мнѣ текутъ холоднымъ ядомъ
Слова твои... О, Боже мой!
Ужель ты шутишь надо мной?
Отвѣтствуй! Ничего не значатъ
Невинныхъ слезы предъ тобой?
О, сжалься!... Говори—какъ плачутъ
Въ твоей родимой сторонѣ?...
Погибнуть рано, рано мнѣ!...
Оставь мнѣ жизнь! оставь мнѣ младость!
Ты зналъ ли, что такое радость?
Бывалъ ли ты во цвѣтѣ лѣтъ
Любимъ, какъ я? О, вѣрно, нѣтъ!»

Хаджи, въ молчаньи роковомъ,
Стоялъ съ нахмуреннымъ челомъ.

«Въ твоихъ глазахъ ни сожалѣнья,
Ни слезъ, жестокій, не видать...
Ахъ!... Боже!... Ай!... дай подождать!...
Хоть часъ одинъ... одно мгновенье!...»

Блеснула шашка. Разъ—и два...
И покатилась голова...
И окровавленной рукою
Съ земли онъ приподнялъ ее,
И острой шашки лезвее
Обтеръ волнистою косою.
Потомъ, бездушное чело
Одѣвши буркою косматой,
Онъ вышелъ и прыгнулъ въ сѣдло.
Послушный конь его, объятый
Внезапно страхомъ неземнымъ,
Храпитъ и пѣнится подъ нимъ:
Щетиной грива, ржетъ и пышетъ,

Грызетъ стальныя удила,
Ни словъ, ни повода не слышитъ,
И мчится въ горы какъ стрѣла.

Заря блѣднѣетъ; поздно, поздно,
Сырая ночь недалека.
Съ вершинъ Кавказа тихо грозно,
Ползутъ, какъ змѣи, облака:
Игру безсвязную заводятъ,
Въ провалы душные заходятъ,
Задѣвъ колючіе кусты,
Бросаютъ жемчугъ на листы.
Ручей катится—мутный, сѣрый,
Въ немъ пѣна бьетъ изъ-подъ травы,
И блещетъ сквозь туманъ пещеры,
Какъ очи мертвой головы.
Скорѣе, путникъ одинокій!
Закройся буркою широкой,
Ременный поводъ натяни,
Ременной плеткою махни.
Тебѣ вослѣдъ еще не мчится
Ни горный духъ, ни дикій звѣрь,
Но если можешь ты молиться,
То не мѣшало бы—теперь.

«Скачи, мой конь! Пугливымъ окомъ
Зачѣмъ глядишь передъ собой?
То камень, сглаженный потокомъ...
То змѣй блистаетъ чешуей...
Твоею гривой въ полѣ брани
Стиралъ я кровь съ могучей длани;
Въ степи глухой, въ недобрый часъ,
Уже не разъ меня ты спасъ.
Мы отдохнемъ въ краю родномъ;
Твою уздечку еще болѣ

Обвѣшу русскимъ серебромъ;
И будешь ты въ зеленомъ полѣ...
Давно ль, давно ль ты измѣнился,
Скажи, товарищъ дорогой?
Что рано пѣною покрылся?
Что тяжко дышешь подо мной?
Вотъ мѣсяцъ выйдетъ изъ тумана,
Верхи деревъ осеребритъ,
И намъ откроется поляна,
Гдѣ нашъ аулъ во мракѣ спитъ:
Заблещутъ, издали мелькая,
Огни джематскихъ пастуховъ,
И различимъ мы, подъѣзжая,
Глухое ржанье табуновъ;
И кони вкругъ тебя столпятся...
Но стоитъ мнѣ лишь приподняться—
Они въ испугѣ захрапятъ
И всѣ шарахнутся назадъ.
Они почуютъ издалека,
Что мы съ тобою дѣти рока!...»

Долины ночь еще объемлетъ,
Аулъ Джематъ спокойно дремлетъ;
Одинъ старикъ лишь въ немъ не спитъ;
Одинъ, какъ памятникъ могильный,
Недвижимъ, близъ дороги пыльной,
На сѣромъ камнѣ онъ сидитъ.
Его глаза на путь далекой
Устремлены съ тоской глубокой.

«Кто этотъ всадникъ? Бережливо
Съѣзжаетъ онъ съ горы крутой;
Его товарищъ долгогривый
Поникъ усталой головой.
Въ рукѣ, подъ буркою дорожной,

Онъ что-то держитъ осторожно,
И бережетъ, какъ свѣтъ очей.»
И думаетъ старикъ согбенный:
«Подарокъ, вѣрно, драгоцѣнный
Отъ милой дочери моей!»

Ужъ всадникъ близокъ; подъ горою
Коня онъ вдругъ остановилъ;
Потомъ дрожащею рукою
Онъ бурку темную открылъ;
Открылъ—и даръ его кровавый
Скатился тихо на траву.
Несчастный видитъ—Боже правый!
Своей Леилы голову!...
И онъ въ безумномъ восхищеньи
Къ своимъ устамъ ее прижалъ,
Какъ будто ей передавалъ
Свое послѣднее мученье.
Всю жизнь свою въ единый стонъ,
Въ одно лобзанье вылилъ онъ.
Довольно люди и печали
Вь немъ сердце бѣдное терзали!
Какъ нить, истлѣвшая давно,
Разорвалося вдругъ оно;
И неподвижныя морщины
Покрылись блѣдностью кончины.
Душа такъ быстро отлетѣла,
Что мысль, которой до конца
Онъ жилъ, черты его лица
Совсѣмъ оставить не успѣла.

Молчанье мрачное храня,
Хаджи ему не подивился;
Взглянулъ на шашку, на коня,
И быстро въ горы удалился.

Промчался годъ. Въ глухой тѣснинѣ
Два трупа смрадные, въ пыли,
Блуждая, путники нашли,
И схоронили на вершинѣ.
Облиты кровью были оба,
И ярко начертала злоба
Проклятіе на ихъ челѣ.
Обнявшись крѣпко, на землѣ
Они лежали, костенѣя,
Два друга съ виду, — два злодѣя!
Быть можетъ, то одна мечта,
Но бѣднымъ странникамъ казалось,
Что ихъ лицо порой мѣнялось,
Что все грозили ихъ уста.
Одежда ихъ была богата,
Башлыкъ ихъ шапки покрывалъ;
Въ одномъ узнали Бей-Булата,
Никто другаго не узналъ.

САШКА.

I.

Нашъ вѣкъ смѣшонъ и жалокъ — все пиши
Ему про казни, цѣпи, да изгнанья,
Про темныя волненія души,
И только слышишь муки да страданья.
Такія вещи очень хороши
Тому, кто мало спитъ, кто думать любитъ,
Кто дни свои воспоминаньемъ губитъ.
Впадалъ я прежде въ эту слабость самъ,
Но видѣлъ отъ нея лишь вредъ глазамъ;
Но нынче я не тотъ ужь, какъ бывало, —
Пою смѣясь. — Герой мой добрый малый.

II.

Онъ былъ мой другъ. Съ нимъ я не зналъ хлопотъ,
Съ нимъ чувствами и деньгами дѣлился;
Онъ бралъ на мѣсяцъ, отдавалъ чрезъ годъ,
Но я за то ни мало не сердился
И поступалъ не лучше въ свой чередъ;
Печаленъ ли, бывало, тотчасъ скажетъ,
Когда же веселъ, счастливъ — глазъ не кажетъ.
Не разъ отъ скуки онъ свои мечты
Мнѣ повѣрялъ и говорилъ мнѣ *ты*;
Хвалилъ во мнѣ, что прочіе хвалили,
И былъ мой вѣчный визави въ кадрили.

III.

Онъ былъ мой другъ. Ужь нѣтъ такихъ друзей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Пусть спитъ оно въ землѣ чужихъ полей,
Не тронуто никѣмъ, какъ дружба наша,
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей.
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза сомкнулись вѣчнымъ сномъ;
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ не понялъ ни единый.

IV.

И былъ ли то привѣтъ странѣ родной,
Названье ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга, —
Какъ разгадать? Что можетъ въ часъ такой
Наполнить сердце, жившее такъ много
И такъ недолго съ смутною тревогой?
Одинъ лишь другъ умѣлъ тебя понять
И нынѣ можетъ, долженъ разсказать
Твои мечты, дѣла и приключенья —
Глупцамъ въ забаву, мудрымъ въ поученье.

V.

Будь терпѣливъ, читатель милый мой!
Ктобъ ни былъ ты: внукъ Евы иль Адама,
Разумникъ ли, шалунъ ли молодой —
Картина будетъ; это — только рама!
Отъ правилъ утвержденныхъ стариной
Не отступлю, — я уважаю строго
Всѣхъ стариковъ, а ихъ теперь такъ много...
Не правдаль, кто не старъ въ 18-ть лѣтъ,
Тотъ вѣрно не видалъ людей и свѣтъ,
О наслажденьяхъ знаетъ лишь какъ слухъ
И самъ лишь ѣстъ и пьетъ, да давитъ мухъ?

VI.

Герой нашъ былъ москвичъ и потому
Я врагъ Невѣ и невскому туману.
Тамъ (я весь міръ въ свидѣтели возьму)
Веселье вредно русскому карману,
Занятья вредны русскому уму.
Тамъ жизнь грязна, пуста и молчалива,
Какъ плоскій берегъ Финскаго залива.
Москва — не то: покуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюбить Москву.
Тамъ я впервые въ дни надеждъ и счастья
Былъ боленъ отъ любви и любострастья.

VII.

Москва, Москва!... люблю тебя какъ сынъ,
Какъ русскій — сильно, пламенно и нѣжно!
Люблю священный блескъ твоихъ сѣдинъ
И этотъ Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думалъ чуждый властелинъ
Съ тобой, столѣтнимъ русскимъ великаномъ,
Помѣряться главою — и обманомъ
Тебя низвергнуть. Тщетно поражалъ
Тебя пришлецъ: ты вздрогнулъ — онъ упалъ!
Вселенная замолкла... Величавый,
Одинъ ты живъ, наслѣдникъ нашей славы.

VIII.

Ты живъ!... Ты живъ и каждый камень твой —
Завѣтное преданье поколѣній.
Бывало, я у башни угловой
Сижу въ тѣни, и солнца лучъ осенній
Играетъ съ мохомъ въ трещинѣ сырой,
И изъ гнѣзда, прикрытаго карнизомъ,
Касатки вылетаютъ, верхомъ, низомъ
Кружатся, вьются, чуждыя людей.
И я, такъ полный волею страстей,
Завидовалъ ихъ жизни безъизвѣстной,
Какъ упованье вольной, поднебесной.

IX.

Я не философъ — Боже сохрани! —
И не мечтатель. За полетомъ пташки
Я не гонюсь, хотя въ былые дни
Не вовсе чуждъ былъ глупой сей замашки.
Ну, муза! — ну, скорѣе, — разверни
Запачканный листокъ свой подорожный!
Не завирайся, — тутъ зоилъ безбожный...
Куда теперь намъ ѣхать изъ Кремля?
Воротъ вѣдь много, велика земля!
Куда? — «На Прѣсню! погоняй, извощикъ!»—
«Старуха, прочь!... Сворачивай, разнощикъ!»

X.

Луна катится въ зимнихъ облакахъ,
Какъ щитъ варяжскій, или сыръ голландскій.
Сравненье дерзко, но люблю я страхъ
Всѣ дерзости, по вольности дворянской.
Спокойствія рачитель на часахъ
У будки пробудился, восклицая
«Кто ѣдетъ?» — «Муза!» — «Что за чортъ! Какая?»
Отвѣта нѣтъ. Но вотъ уже пруды...
Бѣлѣетъ мостъ, по сторонамъ сады
Подъ инеемъ пушистымъ спятъ унылы;
Луна сребритъ желѣзныя перилы.

XI

Гуляка праздный, пьяный молодецъ,
Съ осанкой важной, въ фризовой шинели,
Держась за нихъ, бредетъ—и вотъ конецъ
Периламъ.—«Все направо!»—Заскрипѣли
Полозья по сугробамъ, какъ рѣзецъ
По мрамору... Лачуги цѣпью длинной
Мелькая мимо, кланяются чинно...
Вдали мелькнулъ знакомый огонекъ...
«Держи къ воротамъ... Стой,—сугробъ глубокъ!...
Пойдемъ по снѣгу, муза, только тише
И платье подними какъ можно выше».

XII.

Калитка—скрыпъ... Дворъ теменъ. По доскамъ
Идти неловко... Вотъ, насилу, сѣни
И лѣстница; но снѣгомъ по мѣстамъ
Занесена. Дрожащія ступени
Грозятъ мгновенно измѣнить ногамъ.
Взошли. Толкнули дверь—и свѣтъ огарка
Ударилъ въ очи. Толстая кухарка,
Прищурясь, заграждаетъ путь гостямъ
И вопрошаетъ: «что угодно вамъ?»
Но, услыхавъ отвѣтъ краснорѣчивый,
Захлопнувъ дверь, бранится неучтиво...

XIII.

Но, несмотря на это, мы войдемъ:
Вы знаете, для музы и поэта,
Какъ для хромаго бѣса, каждый домъ
Имѣетъ входъ особый; ни секрета,
Ни запрещенья нѣтъ для насъ ни въ чемъ...
У столика, въ одномъ углу свѣтлицы,
Сидѣли двѣ... дѣвицы — не дѣвицы...
Красавицы... названье тутъ какъ разъ!...
Чѣмъ выгоднѣй, узнать прошу я васъ
Отъ нашихъ дамъ, въ деревнѣ и въ столицѣ,
Красавицею быть или дѣвицей?

XIV.

Красавицы сидѣли за столомъ,
Раскладывали карты и гадали
О будущемъ, и умъ ихъ видѣлъ въ немъ
Надежды — то, что мы и всѣ видали.
Свѣча горѣла трепетнымъ огнемъ,
И часто, вспыхнувъ, лучъ ея мгновенный
Вдругъ обливалъ и потолокъ, и стѣны.
Въ углу переднемъ фольга образовъ
Тогда мѣняла тысячу цвѣтовъ,
И верба, наклоненная надъ ними,
Блистала вдругъ листами золотыми.

XV.

Одна изъ нихъ (красавицъ) не вполнѣ
Была прекрасна, но за то другая...
О, мы такихъ видали лишь во снѣ,
И то заснувъ — о небесахъ мечтая!
Слегка головку приклонивъ къ стѣнѣ
И устремивъ на столикъ взоръ прилежный,
Она сидѣла нѣсколько небрежно.
Въ отвѣтъ на рѣчь подруги иногда
Изъ устъ ея пустое «нѣтъ», иль «да»
Едва скользило, если предсказанья
Премудрой карты стоили вниманья.

XVI.

Она была затѣйлива, мила,
Какъ польская затѣйливая панна;
Но вмѣстѣ съ этимъ гордый видъ чела
Казался ей приличенъ. Какъ Сусанна,
Онабъ на судъ неправедный пошла
Съ лицомъ холоднымъ и спокойнымъ взоромъ;
Такая смѣсь не можетъ быть укоромъ.
Вы въ томъ должны повѣрить мнѣ въ кредитъ,
Тѣмъ болѣ, что отецъ ея былъ жидъ,
А мать, какъ помню, полька изъ-подъ Праги...
И лжи тутъ нѣтъ, какъ въ томъ, что мы — варяги.

XVII.

Когда Суворовъ Прагу осаждалъ,
Ея отецъ служилъ у насъ шпіономъ
И разъ, какъ онъ украдкою гулялъ
Въ мундирѣ польскомъ, вдоль по бастіонамъ,
Неловкій выстрѣлъ въ лобъ ему попалъ.
И многіе, вздохнувъ, сказали: «жалкій,
Несчастный жидъ, — онъ умеръ не подъ палкой!»
Его жена пять мѣсяцевъ спустя
Произвела на Божій свѣтъ дитя,
Хорошенькую Тирзу. Имя это
Дано по волѣ одного корнета.

XVIII.

Подъ рубищемъ простымъ она росла,
Въ невѣжествѣ, какъ травка полевая
Прохожимъ не замѣчена, — ни зла,
Ни гордой добродѣтели не зная.
Но часъ насталъ — пора любви пришла.
Какой-то смертный ей сказалъ два слова;
Она въ объятья божества земнаго
Упала; но, увы, прошло дней шесть,
Ужь полубогъ успѣлъ ей надоѣсть;
И съ этихъ поръ, чтобъ избѣжать ошибки,
Она дарила всѣмъ свои улыбки...

XIX.

Мечты любви умчались какъ туманъ.
Свобода стала ей всего дороже.
Обманомъ сердце платитъ за обманъ
(Я такъ слыхалъ, и вы слыхали тоже).
Въ ея лицѣ характеръ южныхъ странъ
Изображался рѣзко. Не наемный
Огонь горѣлъ въ очахъ; безъ цѣли томной,
Покрыты свѣтлой влагой иногда,
Они блуждали: такъ порой звѣзда
По небесамъ блуждаетъ, — и, конечно,
Былъ это знакъ тоски нѣмой, сердечной

XX.

Безвѣстная печаль смѣнялась вдругъ
Какою-то веселостью недужной...
(Дай Богъ, чтобъ всѣхъ томилъ такой недугъ!)
Волной вставала грудь, и пламень южный
Въ ланитахъ рдѣлъ, и бѣлый полукругъ
Зубовъ жемчужныхъ быстро открывался;
Головка поднималась, развивался
Душистый локонъ и на ликъ младой
Лоснясь катился черною струей;
И ножка, разрѣзвясь, не знала плѣна,
Безстыдно обнажаясь до колѣна.

XXI.

Когда шалунья навзничъ на кровать,
Шутя, смѣясь, роскошно упадала,
Поспорю, мудрено ее понять —
Она сама себя не понимала —
Ей было трудно сердце приковать,
Какъ баловня ребенка. Надо было
Кому-нибудь съ невѣдомою силой
Явиться и привѣтливой душой
Его согрѣть... Явился ли герой,
Или вотще остался ожидаемъ,
Все это мы со-временемъ узнаемъ.

XXII.

Теперь къ ея подругѣ перейдемъ,
Чтобъ выполнить начатую картину.
Онѣ недавно жили тутъ вдвоемъ,
Но души ихъ сливалися въ едину
И мысли ихъ встрѣчалися во всемъ.
О, еслибъ знали, сколько въ этомъ званьи
Сердецъ отличныхъ, добрыхъ! Но вниманье
Увлечено блистаньемъ модныхъ дамъ.
Вздыхая, мы бѣжимъ по ихъ слѣдамъ...
Увы, друзья, а наведите справки,
Вся прелесть ихъ... въ кредитъ изъ модной лавки!

XXIII.

Она была свѣжа, бѣла, кругла,
Какъ снѣжный шарикъ; щеки, грудь и шея,
Когда она смѣялась или шла,
Дрожали сладострастно; не краснѣя,
Она на жертву прелести несла
Свои красы. Широко и неловко
На ней сидѣла юбка; но плутовка
Поднять умѣла грудь, открыть плечо,
Ласкать умѣла бойко, горячо,
И хитро передразнивая чувства,
Слыла царицей своего искусства...

XXIV.

Она звалась Варюшею...* Но я
Желалъ бы дать другое ей названье:
Скажу, при этомъ имени, друзья,
Въ груди моей шипитъ воспоминанье,
Какъ подъ ногой прижатая змѣя;
И ползаетъ, какъ та среди развалинъ,
По жиламъ сердца. Я тогда печаленъ,
Сердитъ, молчу, или браню весь домъ,
И радъ прибить за слово чубукомъ.
Итакъ, для избѣжанья зла, мы нашу
Варюшу здѣсь перекрестимъ въ Парашу.

XXV.

Увы, минувшихъ лѣтъ безумный сонъ
Со смѣхомъ повторить не смѣетъ лира!
Живой водой печали окропленъ,
Какъ трупъ давно остывшаго вампира,
Грозя перстомъ, поднялся молча онъ,
И мысль къ нему прикована... Ужели
Въ моей груди изгладить не успѣли

* Въ подлинникѣ имени не выставлено, а только стоятъ точки.

Столь много лѣтъ и столько мукъ иныхъ—
Волшебный станъ и пару глазъ большихъ?
Хоть, признаюсь вамъ, разбирая строго,
Получше ихъ видалъ я послѣ много.

XXVI.

Да, много лѣтъ и много горькихъ мукъ
Съ тѣхъ поръ отяготѣло надо мною;
Но перваго восторга чудный звукъ
Въ груди не умираетъ,—и порою,
Сквозь облако заботъ, когда недугъ
Мой слабый умъ томитъ неугомонно,
Ея глаза мнѣ свѣтятъ благосклонно.
Такъ въ часъ ночной, когда гроза шумитъ
И бродятъ облака,—звѣзда горитъ
Въ дали эфирной, не боясь ихъ злости,
И шлетъ свои лучи на землю въ гости.

XXVII.

Предъ нагорѣвшей сальною свѣчой
Красавицы раздумавшись сидѣли,
И заставлялъ ихъ вздрагивать порой
Унылый свистъ играющей метели.
И какъ и вамъ, читатель милый мой,
Имъ стало скучно... Вотъ, на мѣсто знака
Условнаго, залаяла собака
И у калитки брякнуло кольцо.
Вотъ чей-то голосъ... Идутъ на крыльцо...
Параша потянулась и зѣвнула
Такъ, что едва не уронила стула,

XXVIII.

А Тирза быстро выбѣжала вонъ.
Открылась дверь. Въ плащѣ, закиданъ снѣгомъ,
Явился гость... Насмѣшливый поклонъ
Отвѣсилъ и, какъ будто долгимъ бѣгомъ
Или волненьемъ былъ онъ утомленъ,
Упалъ на стулъ... Заботливой рукою

Сняла Параша плащъ, потомъ другою
Стряхнула иней съ шолковыхъ кудрей
Пришельца. Видно, нравился онъ ей...
Все нравится, что молодо, красиво,
И въ чемъ мы видимъ прибыль особливо.

XXIX.

Онъ ловокъ былъ, со вкусомъ былъ одѣтъ,
Изящно былъ причесанъ и такъ далѣ.
На пальцахъ перстни изливали свѣтъ
И галстукъ надушонъ былъ какъ на балѣ.
Ему едва ли было двадцать лѣтъ,
Но блѣдностью казалися покрыты
Его чело и нѣжныя ланиты
(Не знаю, мукъ иль бурь послѣднихъ слѣдъ,
Но мнѣ давно знакомъ былъ этотъ цвѣтъ)—
И на устахъ его, опаснѣй жала
Змѣи, насмѣшка вѣчная блуждала.

XXX.

Замѣтно было въ немъ, что съ раннихъ дней
Въ кругу хорошемъ, то есть въ модномъ свѣтѣ,
Онъ обжился, что часть своихъ ночей
Онъ убивалъ безплодно на паркетѣ
И что другую тратилъ не умнѣй...
Въ глазахъ его открытыхъ, но печальныхъ,
Нашли бы вы безъ наблюденій дальнихъ
Презрѣнье, гордость; хоть онъ былъ не гордъ,
Какъ глупый турокъ, иль богатый лордъ,
Но все-таки себя въ числѣ двуногихъ
Онъ почиталъ умнѣе очень многихъ.

XXXI.

Борьба рождаетъ гордость. Воевать
Съ людскими предразсудками труднѣе,
Чѣмъ тигровъ и медвѣдей поражать,
Иль со штыкомъ на вражьей батареѣ
За бѣлый крестикъ жизнью рисковать...

*

Клянусь, имѣть великій надо геній,
Чтобъ разомъ сбросить цѣпь предубѣжденій,
Какъ сбросилъ бы я платье, если бъ вдругъ
Изъ сѣвера Всевышній сдѣлалъ югъ.
Но нынѣ насъ противное пугаетъ:
Неаполь мерзнетъ, а Нева не таетъ.

XXXII.

Да кто же этотъ гость?... Pardon, сейчасъ!...
Разсѣянность... Messieurs, рекомендую:
Герой мой, другъ мой—Сашка!... Жаль для васъ,
Что случай свелъ въ минуту васъ такую
И въ этомъ мѣстѣ... Вѣрьте, я не разъ
Ему твердилъ, что эти посѣщенья
О немъ дадутъ весьма дурное мнѣнье.
Я говорилъ—онъ слушалъ, онъ былъ весь
Вниманье... Глядь, а вечеромъ ужь здѣсь!...
И я нашелъ, что мнѣ его исправить
Труднѣе въ прозѣ, чѣмъ въ стихахъ прославить.

XXXIII.

Герой мой Сашка тихо развязалъ
Свой галстукъ... «Сашка»—старое названье!
Но «Сашка» тотъ печати не видалъ
И недозрѣвшій онъ угасъ въ изгнаньѣ.
Мой Сашка межъ друзей своихъ не зналъ
Другаго имя—дурно-ль, хорошо ли,
Разувѣрять друзей не въ нашей волѣ.
Онъ галстукъ снялъ, разсѣянно перстомъ
Провелъ по лбу, поморщился, потомъ
Спросилъ: «Гдѣ Тирза?»—«Дома».—«Что-жь не видно
Ея?»—«Уснула».—«Какъ ей спать не стыдно!»

XXXIV.

И онъ поспѣшно входитъ въ тотъ покой,
Гдѣ часто съ Тирзой пламенныя ночи
Онъ проводилъ... Все полно тишиной
И сумракомъ волшебнымъ; прямо въ очи

Недвижно смотритъ мѣсяцъ золотой
И на стеклѣ въ узоры ледяные
Кидаетъ искры, блёстки огневыя,
И голубымъ сіяніемъ стѣна
Игриво и свѣтло озарена.
И онъ—не мѣсяцъ, но мой Сашка—слышитъ,
Въ углу на ложѣ кто-то слабо дышетъ.

XXXV.

Онъ руку протянулъ—его рука
Попала въ стѣну; протянулъ другую—
Ощупалъ тихо кончикъ башмака.
Схватилъ потомъ и ножку, но какую?...
Такъ миньятюрна, такъ нѣжна, мягка
Казалась эта ножка, что невольно
Подумалъ онъ, не сдѣлалъ ли ей больно.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

XXXVI.

Блаженная минута!... Закипѣлъ
Мой Александръ, склонившись къ дѣвѣ спящей.
Онъ поцѣлуй на грудь напечатлѣлъ
И станъ ея обвилъ рукой дрожащей.
Въ самозабвеньи пылкомъ онъ не смѣлъ
Дохнуть... Онъ думалъ: «Тирза дорогая!
И жизнію, и чувствами играя,
Какъ ты, я чуждъ общественныхъ связей,—
Какъ ты, одинъ съ свободою моей
Не знаю въ людяхъ ни врага, ни друга,—
Живу, чтобъ жить какъ ты, моя подруга!

XXXVII.

«Судьба вчера свела случайно насъ,
Случайно завтра разведетъ навѣчно,—

Не все ль равно, что годъ, что день, что часъ,
Лишь только бъ я провелъ его безпечно?...»
И не сводилъ онъ яркихъ черныхъ глазъ
Съ своей жидовки и не зналъ, казалось,
Что рѣзвое созданье притворялось.
Межъ тѣмъ почла за нужное она
Проснуться и была удивлена,
Какъ надлежало... Страхъ и удивленье
Для женщинъ въ важныхъ случаяхъ спасенье.

XXXVIII.

И, прежде потеревъ глаза рукой,
Она спросила: «Кто вы?»—«Я, твой Саша!»—
«Неужто?... Видишь, баловникъ какой!
Ступай, давно тамъ ждетъ тебя Параша!...
Нѣтъ, надо разбудить меня... Постой,
Я отомщу». И за руку схватила
Его проворно и... и укусила,
Хоть это былъ скорѣе поцѣлуй.
Да, мерзкій критикъ, что ты ни толкуй,
А есть уста, которыя украдкой
Кусать умѣютъ сладко, очень сладко!...

XXXIX.

Когда бы Тирзу видѣлъ Соломонъ,
То вѣрно бъ свой престолъ украсилъ ею,—
У ногъ ея и царство, и законъ,
И славу позабылъ бы... Я не смѣю
Васъ увѣрять затѣмъ, что не рожденъ
Владыкой и не знаю въ низкой долѣ,
Какъ люди цѣнятъ вещи на престолѣ;
Но знаю только то, что Сашка мой
За цѣлый міръ не отдалъ бы порой
Ея улыбку, щечки, брови, глазки,
Достойные любой восточной сказки.

XL.

«Откуда ты?»—«Не спрашивай, мой другъ!
Я былъ на балѣ!»—«Что это такое?»—
«Невѣжда милый!—говоръ, шумъ и стукъ,
Толпа глупцовъ, веселье городское;
Наружный блескъ, обманчивый недугъ.
Кружатся дѣвы, чванятся нарядомъ,
Притворствуютъ и голосомъ, и взглядомъ.
Кто ловитъ душу, кто пять тысячъ душъ....
Всѣ такъ невинны, но я имъ не мужъ.
И какъ ни уважаю добродѣтель,
А здѣсь мнѣ лучше, въ томъ луна свидѣтель».

XLI.

Какимъ-то новымъ чувствомъ смущена,
Его слова еврейка поглощала.
Сначала показалась ей смѣшна
Жизнь городскихъ красавицъ, но... сначала.
Потомъ пришло ей въ мысль, что и она
Могла бъ кружиться ловко предъ толпою,
Терзать мужчинъ надменной красотою,
Въ высокія смотрѣться зеркала
И уязвлять, но не желая зла,
Соперницъ гордо презирать и въ свѣтѣ
Блистать, да ѣздить четверней въ каретѣ.

XLII.

Она прижалась къ юношѣ. Листокъ
Такъ жмется къ вѣткѣ, бурю ожидая.
Стучало сердце въ ней, какъ молотокъ,
Уста полузакрытыя, пылая,
Шептали что-то. Съ головы до ногъ
Она горѣла . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Но... есть во мнѣ къ стыдливости вниманье—
И цѣлый часъ я пропущу въ молчаньѣ.

XLIII.

Все было тихо въ домѣ. Облака
Нескромный мѣсяцъ дымкою одѣли,
И только раздавались иногда
Сверча ночнаго жалобныя трели;
Да мышь въ тѣни роднаго уголка
Скреблась въ обои старые прилежно.
Моя чета, раскинувшись небрежно,
Покоилась, не думая о томъ,
Что небеса грозили близкимъ днемъ,
Что ночь... Вы на вѣку своемъ едва ли
Такихъ ночей десятокъ насчитали...

XLIV.

Но Тирза вдругъ молчанье прервала
И молвила: «Послушай, прочь всѣ шутки!
Какая мысль мнѣ странная пришла:
Что если бъ ты, откинувъ предразсудки,—
Она его тутъ крѣпко обняла,—
Что если бъ ты, мой милый, мой безцѣнный,
Хотѣлъ меня утѣшить совершенно,
То завтра, или даже въ день иной
Меня въ театръ повезъ бы ты съ собой.
Извѣстно мнѣ, все для тебя возможно,
А отказать въ бездѣлицѣ—безбожно».

XLV.

«Пожалуй!» отвѣчалъ ей Саша. Онъ
Изъ словъ ея разслушалъ половину:
Его клонилъ къ подушкѣ сладкій сонъ,
Какъ птица клонитъ слабую тростину.
Блаженъ, кто можетъ спать! Я былъ рожденъ
Съ безсонницей. Въ теченье длинной ночи
Бывало безпокойно бродятъ очи
И жжетъ подушка влажное чело.
Душа грустить о томъ, что ужъ прошло,
Блуждая въ мірѣ вымысла безъ пищи,
Какъ лазарони, а по-русски—нищій...

XLVI.

И жадный червь ее грызетъ — грызетъ,
Я думаю, тотъ самый, что когда-то
Терзалъ Саула; но порой и тотъ
Имѣлъ отраду: арфы звукъ крылатый,
Какъ ангела таинственный полетъ,
Въ немъ воскрешалъ и слезы, и надежды;
И опускались пламенныя вѣжды,
Съ гармоніей сливалася мечта,
И злобный духъ бѣжалъ какъ отъ креста.
Но этихъ звуковъ нѣтъ ужъ въ поднебесной
Они исчезли съ арфою чудесной...

XLVII.

И все исчезнетъ. Вѣрить я готовъ,
Что нашъ безлучный міръ—лишь прахъ могильный
Другаго—горсть земли, въ борьбѣ вѣковъ
Случайно уцѣлѣвшая и сильно
Заброшенная въ вѣчный кругъ міровъ.
Свѣтила—ей двоюродные братья,
Хоть носятъ шлейфы огненнаго платья,
Да иногда имѣютъ въ добрый часъ
Вліянье благотворное на насъ...
А дай сойтись, такъ заварится каша—
Въ кулачки и... прощай планета наша.

XLVIII.

И пусть они блестятъ до той поры,
Какъ ангеловъ вечернія лампады.
Прійдетъ конецъ воздушной ихъ игры,
Печальная разгадка сей шарады...
Люблю я съ колокольни, иль съ горы,
Когда земля молчитъ и небо чисто,
Теряться взорами средь цѣпи ихъ огнистой;
И мнится, что межъ ними и землей
Есть путь давно измѣренный душой;
И мнится, будто на главу поэта
Стремятся вмѣстѣ всѣ лучи ихъ свѣта.

XLIX.

Итакъ, герой нашъ спитъ. Пріятный сонъ!
Покойной ночи! Вы жъ, читатель милый,
Пожалуйте — иначе принужденъ
Я буду вывесть васъ отсюда силой...
Романъ, впередъ!... Не хочетъ? — Ну, такъ онъ
Пойдетъ назадъ. Герой нашъ спитъ покуда,
Хочу я разсказать, кто онъ, откуда,
Кто мать его была, и кто отецъ,
Какъ онъ на свѣтъ родился, наконецъ
Какъ онъ попалъ въ позорную обитель,
Кто былъ его лакей и кто учитель.

L.

Его отецъ — симбирскій дворянинъ,
Иванъ Ильичъ N. N—овъ, мужъ дородный,
Богатаго отца любимый сынъ,
Былъ самъ богатъ. Имѣлъ онъ умъ природный
И, что ума полезнѣй, важный чинъ.
Съ четырнадцати лѣтъ служилъ и съ миромъ
Уволенъ былъ въ отставку бригадиромъ;
А бригадиръ блаженныхъ тѣхъ временъ
Былъ человѣкъ, и слѣдственно уменъ.
Иванъ Ильичъ нашъ слылъ по крайней мѣрѣ
Любезникомъ въ своей симбирской сферѣ.

LI.

Онъ былъ врагомъ писателей и книгъ;
Въ дѣлахъ судебныхъ почерпнулъ познанья.
Спалъ очень долго, ѣлъ за четверыхъ;
Ни на кого не обращалъ вниманья
И не носилъ приличія веригъ.
Однако же предъ знатью горделивой
Умѣлъ онъ гнуться скромно и учтиво.
Но въ этотъ вѣкъ учтивости законъ
Неумолимо требовалъ поклонъ;
А кланяться закону иль вельможѣ—
Считалося тогда одно и то же.

LII.

Онъ старшихъ уважалъ, за то и самъ
Почтительность вознаграждалъ улыбкой,
И ревностный хотя угодникъ дамъ,
Женился, по словамъ его, ошибкой.
Въ чемъ онъ ошибся, не могу я вамъ
Открыть, а знаю только (не соврать бы),
Что былъ онъ грустенъ на другой день свадьбы
И что печаль его была одна
Изъ тѣхъ, какими жизнь мужей полна.
По мнѣ они большіе эгоисты—
Все женъ винятъ, какъ будто сами чисты.

LIII. *

Благодари меня, о женскій полъ!
Я—Демосѳенъ твой: за твою свободу
Я радъ шумѣть; я непомѣрно золъ
На всю, на всю рогатую породу!
Кто власть имъ далъ?... Возстаньте—часъ пришелъ!
Я поднимаю знамя возмущенья.
Ура! Сюда всѣ дѣвы! Прочь терпѣнье!
Конецъ всему есть! Беззаботно, явно
Идите вслѣдъ за Марьей Николавной!
Понять меня, я знаю, вамъ легко,
Вѣдь въ нашихъ жилахъ—кровь, не молоко,
Ну, и краснѣть умѣете ужъ кстати
Отъ взоровъ и намековъ нашей братьи.

LIV.

Иванъ Ильичъ стерегъ жену свою
По старому обычаю. Безъ лести
Сказать, онъ велъ себя, какъ я люблю,
По правиламъ тогдашней старой чести.
Проказница жъ жена, не утаю,
Читать любила нѣжные романы,

---

* Эта строфа, а также строфы 63, 69, 82, 83, 84 и 108 въ подлинникѣ Лермонтовымъ зачеркнуты.

Или смотрѣть на свѣтлый шаръ Діаны,
Въ бесѣдкѣ темной сидя до утра.
А мѣсяцъ и романы до добра
Не доведутъ—отъ нихъ мечты родятся...
А искушенью только бъ подобраться!

LV.

Она была прелакомый кусокъ
И многихъ думъ и взоровъ стала цѣлью.
Какъ быть: пчела садится на цвѣтокъ,
А не на камень. Чувствамъ и веселью
Казенныхъ не назначено дорогъ.
Но въ брачной жизни Марья Николавна
Была, какъ надо, ласкова, исправна.
Но, говорятъ, хоть можетъ-быть и лгутъ,
Что долгъ супруга—только лишній трудъ.
Мужья у женъ подобныхъ (не въ обиду
Будь сказано) какъ вывѣски для виду.

LVI.

Иванъ Ильичъ имѣлъ въ Симбирскѣ домъ
На самой на горѣ, противъ собора.
При мнѣ давно никто ужъ не жилъ въ немъ
И онъ дряхлѣлъ, заброшенъ безъ надзора,
Какъ инвалидъ съ георгьевскимъ крестомъ.
Но нѣкогда съ кудрявыми главами
Вдоль стѣнъ колонны высились рядами;
Прозрачною рѣшеткой окруженъ,
Какъ клѣтка между нихъ висѣлъ балконъ
И надъ дверьми стеклянными въ порядкѣ
Виднѣлися гардинъ прозрачныхъ складки.

LVII.

Внутри все было пышно; на столахъ
Пестрѣли разноцвѣтныя клеёнки
И люстры отражались въ зеркалахъ,
Какъ звѣзды въ лужѣ; моськи и болонки

Встрѣчали шумно каждаго въ дверяхъ,
Одна другой несноснѣе, а далѣ
Зеленый попугай, порхая въ залѣ,
Кричалъ безстыдно: «Кто пришелъ?... Дуракъ!»
А гость съ улыбкой думалъ: «какъ не такъ!»
И ласково хозяйкой принимаемъ,
Чрезъ пять минутъ мирился съ попугаемъ.

LVIII.

Изъ оконъ былъ прекрасный видъ кругомъ:
Налѣво, то есть къ западу, рядами
Блистали кровли, трубы и потомъ
Межъ ними церковь съ круглыми главами,
И кое-гдѣ въ тѣни ограды, днемъ,
Уютный дворъ, обсаженый рябиной,
Съ бесѣдкою, цвѣтами и малиной,
Какъ дѣтская игрушка, если вамъ
Угодно, или какъ межъ знатныхъ дамъ
Румяная крестьянка—дочь природы,
Испуганная блескомъ гордой моды.

LIX.

Подъ глинистой утесистой горой,
Унизанной лачужками, направо
Катилася широкой пеленой
Родная Волга, ровно, величаво...
У пристани двойною чередой
Плоты и барки какъ табунъ тѣснились
И флюгера на длинныхъ мачтахъ бились,
Жужжа на вѣтрѣ, и скрипѣлъ канатъ
Натянутый. * Краснѣющій закатъ
Изъ-за горы кидалъ свой лучъ прощальный
На гребни сизыхъ волнъ и берегъ дальный.

---

* Варіантъ: .... Сырою мглой объятъ,
Виднѣлся дальній берегъ и бѣлѣли
Вкругъ островов края песчаной мели.

LX.

И странный говоръ грубыхъ голосовъ
Между судовъ перебѣгалъ порою;
Смѣхъ, пѣсни, брань, протяжный крикъ пловцовъ—
Все въ гулъ одинъ сливалось надъ водою.
И Марья Николавна, хоть суровъ
Казался вечеръ, день былъ на закатѣ,
Накинувъ шаль, или капотъ на ватѣ,
Съ французской книгой, часто, сѣвъ къ окну,
Слѣдила взоромъ сизую волну,
Прибрежныхъ струй приливы и отливы,
Ихъ мѣрный бѣгъ, ихъ золотыя гривы.

LXI.

Два года жилъ Иванъ Ильичъ съ женой
И все не тѣсны были ей корсеты.
Ея ль сложенье было въ томъ виной,
Или его немолодыя лѣты?...
Не мнѣ въ дѣлахъ семейныхъ быть судьей!
Иванъ Ильичъ имѣть желалъ бы сына
Законнаго: хоть правомъ дворянина
Онъ пользовался часто, но дѣтей,
Внѣ брака приживаемыхъ, злодѣй
Раскидывалъ по свѣту, гдѣ случится,
Страшась съ своей деревней породниться.

LXII.

Какая радость въ мысли: я отецъ!
И въ той же мысли сколько муки тайной—
Оставить въ мірѣ слѣдъ и наконецъ
Исчезнуть! Быть злодѣемъ, и случайно,—
Злодѣемъ потому, что жизнь—вѣнецъ
Терновый, тяжкій,—такъ по крайней мѣрѣ
Должны мы разсуждать по нашей вѣрѣ...
Къ чему, куда ведетъ насъ жизнь, о томъ
Не съ нашимъ бѣднымъ толковать умомъ;
Но исключая два-три дня да дѣтство,
Она, безспорно, скверное наслѣдство.

LXIII.

Бывало, этой думой удручён,
Я прежде много плакалъ и слезами
Я жегъ бумагу. Дѣтскій глупый сонъ
Прошелъ давно, какъ тучка надъ степями;
Но пылкій духъ мой не былъ освѣженъ,
Въ немъ родилися бури, какъ въ пустынѣ,
Но скоро улеглись онѣ, и нынѣ
Осталось сердцу, вмѣсто слезъ, бурь тѣхъ,
Одинъ лишь отзывъ—звучный, горькій смѣхъ...
Тамъ, гдѣ весной бѣлѣлъ потокъ игривый,
Лежатъ кремни—и блещутъ, но не живы!

LXIV.

Прилично было бъ мнѣ молчать о томъ,
Но я привыкъ идти противъ приличій,
И говоря всеобщимъ языкомъ,
Не жду похвалъ.—Поэтъ породы птичей,
Любовникъ розъ, надъ розовымъ кустомъ
Урчитъ и свищетъ межъ листовъ душистыхъ.
О чемъ? Какая цѣль тѣхъ звуковъ чистыхъ?—
Прошу хоть разъ спросить у соловья.
Онъ вамъ отвѣтитъ пѣснью... Такъ и я
Пишу, что мыслю, (или) что придется,
И потому мой стихъ такъ плавно льется.

LXV.

Два года миновало. Третій годъ
Обрадовалъ супруговъ безнадежныхъ:
Желанный сынъ, любви взаимной плодъ,
Предметъ заботъ мучительныхъ и нѣжныхъ,
У нихъ родился. Въ домѣ весь народъ
Былъ восхищенъ и три дня были пьяни
Всѣ на подборъ, отъ кучера до няни.
А между тѣмъ печально у воротъ
Всю ночь собаки выли на-пролетъ,
И что страшнѣе этого, ребёнокъ
Весь въ волосахъ былъ, точно медвѣжонокъ.

LXVI.

Старухи говорили: это знакъ,
Который много счастья обѣщаетъ.
И про меня сказали точно такъ,
А правда ль это вышло?—Небо знаетъ!
Къ тому же полуночный вой собакъ
И страшный шумъ на чердачѣ высокомъ—
Примѣты злыя; но не бывъ пророкомъ,
Я только покачаю головой.
Гамлетъ сказалъ: «Есть тайны подъ луной
И для премудрыхъ»—какъ же мнѣ поэту
Не вѣрить вмѣстѣ тайнамъ и Гамлету?...

LXVII.

Младенецъ росъ милѣе съ каждымъ днемъ:
Живые глазки, бѣлыя ручонки
И русый волосъ, вьющійся кольцомъ—
Плѣняли всѣхъ знакомыхъ; ужъ пеленки
Рубашечкой смѣнилися на немъ;
И первыя проказы начиная,
Ужъ онъ дразнилъ собакъ и попугая...
Года неслись, а Саша росъ, и въ пять
Добро и зло онъ началъ понимать;
Но, вѣрно, по враждебному влеченью,
Имѣлъ большую склонность къ разрушенью.

LXVIII.

Онъ росъ... Отецъ его бранилъ и сѣкъ—
Затѣмъ, что самъ былъ въ дѣтствѣ часто сѣченъ,
А слава Богу вышелъ человѣкъ:
Не стыдъ семьѣ, не тупъ, не изувѣченъ.
Понятья были низки въ старый вѣкъ...
Но Саша съ гордой былъ рожденъ душою
И желчнаго сложенья—предъ судьбою,
Передъ бичомъ язвительной молвы
Онъ не склонялъ и послѣ головы.
Умѣлъ онъ помнить, кто его обидѣлъ,
И потому отца возненавидѣлъ.

LXIX.

Великій грѣхъ!... Но чѣмъ теплѣе кровь,
Тѣмъ раньше зрѣютъ въ сердцѣ безпокойномъ
Всѣ чувства—злоба, гордость и любовь,
Какъ дерева̀ подъ небомъ юга знойнымъ.
Шалунъ мой хмурилъ маленькую бровь,
Встрѣчаясь съ нѣжнымъ папенькой; отъ взгляда
Онъ вздрагивалъ, какъ будто бъ капля яда
Лилась по жиламъ. Это можетъ быть
Смѣшно—что жъ дѣлать!—онъ не могъ любить,
Какъ любятъ всѣ гостиныя собачки
За лакомства—побои и подачки.

LXX.

Онъ былъ дитя, когда въ тесовый гробъ
Его родную съ пѣньемъ уложили.
Онъ помнилъ, что надъ нею черный попъ
Читалъ большую книгу, что кадили
И прочее... и что, закрывъ весь лобъ
Большимъ платкомъ, отецъ стоялъ въ молчаньи,
И что когда послѣднее лобзанье
Ему велѣли матери отдать,
То сталъ онъ громко плакать и кричать,
И что отецъ, ни мало съ нимъ не споря,
Велѣлъ его посѣчь... конечно, съ горя.

LXXI.

Онъ не имѣлъ ни брата, ни сестры,
И тайныхъ мукъ его никто не вѣдалъ.
До времени отвыкнувъ отъ игры,
Онъ жадному сомнѣнью сердце предалъ,
И презрѣвъ дѣтства милые дары,
Онъ началъ думать, строить міръ воздушный
И въ немъ терялся мыслію послушной.
Таковъ средь океана островокъ:
Пусть хоть прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ;
Ладьи къ нему съ гостями не пристанутъ,
Цвѣты жъ на немъ незнаемы увянутъ...

LXXII.

Онъ былъ рожденъ подъ гибельной звѣздой,
Съ желаньями безбрежными какъ вѣчность.
Они такъ часто спорили съ душой
И отравили лучшихъ дней безпечность.
Они летали надъ его главой,
Какъ царская корона; но безъ власти
Вѣнецъ казался бременемъ, и страсти,
Впервые пробудясь, живымъ огнемъ
Прожгли алтарь свой, не найдя кругомъ
Достойной жертвы, и въ пустынѣ свѣта
На дружній зовъ не встрѣтилъ онъ отвѣта.

LXXIII.

О, если бъ могъ онъ, какъ безплотный духъ,
Въ вечерній часъ сливаться съ облаками,
Склонять къ волнамъ кипучимъ жадный слухъ
И долго упиваться ихъ рѣчами,
И обнимать ихъ перси, какъ супругъ,
Въ глуши степей дышать со всей природой
Однимъ дыханьемъ, жить ея свободой!
О, если бъ могъ онъ, въ молнію одѣтъ,
Однимъ ударомъ весь разрушить свѣтъ!...
Но къ счастію для васъ, читатель милый,
Онъ не былъ одаренъ подобной силой.

LXXIV.

Я не берусь вполнѣ, какъ психологъ,
Характеръ Саши выставить наружу
И вскрыть его, какъ съ трюфлями пирогъ.
Скорѣй судей молчаньемъ я принужу
Къ рѣшенію... Пусть судъ ихъ будетъ строгъ!
Пусть журналистъ всевѣдущій хлопочетъ,
Зачѣмъ тотъ плачетъ, а другой хохочетъ!...
Пусть скажетъ онъ, что бѣсомъ одержимъ
Былъ Саша—я и тутъ согласенъ съ нимъ,
Хотя, божусь, пріятель мой, повѣса,
Взбѣсилъ бы иногда любаго бѣса.

LXXV.

Его учитель чистый былъ французъ,
Marquis de Tess. Педантъ полузабавный,
Имѣлъ онъ длинный носъ и тонкій вкусъ
И потому бралъ деньги преисправно.
Покорный рабъ губернскихъ дамъ и музъ,
Онъ сочинялъ сонеты, хоть порою
По часу бился съ риѳмою одною;
Но каламбуровъ полный лексиконъ,
Какъ талисманъ, носилъ въ карманѣ онъ,
И бывъ увѣренъ въ дамской благодати,
Не размышлялъ, что̀ кстати, что̀ не кстати.

LXXVI.

Его отецъ богатый былъ маркизъ,
Но жертвой сталъ народнаго волненья:
На фонарѣ однажды онъ повисъ,
Какъ было въ модѣ, вмѣсто украшенья.
Пріятель нашъ, парижскій Адонисъ,
Оставивъ прахъ родителя судьбинѣ,
Не поклонился гордой гильотинѣ:
Онъ молча проклялъ вольность и народъ,
И натощакъ отправился въ походъ,
И наконецъ, едва живой отъ муки,
Пришелъ въ Россію поощрять науки.

LXXVII.

И Саша мой любилъ его разсказъ
Про сборища народныя, про шумный
Напоръ страстей и про послѣдній часъ
Вѣнчаннаго страдальца... Надъ безумной
Парижскою толпою много разъ
Носилося его воображенье:
Тамъ слышалъ онъ святыхъ головъ паденье,
Межъ тѣмъ какъ нищихъ буйный милліонъ
Кричалъ, смѣясь: «да здравствуетъ законъ!»
И въ недостаткѣ хлѣба или злата,
Просилъ одной лишь крови у Марата.

LXXVIII.

Тамъ видѣлъ онъ высокій эшафотъ;
Прелестная на звучныя ступени
Всходила женщина... Слѣды заботъ,
Слѣды живыхъ, но тайныхъ угрызеній
Виднѣлись на лицѣ ея. Народъ
Рукоплескалъ... Вотъ кудри золотыя
Посыпались на плечи молодыя;
Вотъ голова, носившая вѣнецъ,
Склонилася на плаху... О, Творецъ!
Одумайтесь! Еще моментъ, злодѣи!...
И голова отторгнута отъ шеи...

LXXIX.

И кровь съ тѣхъ поръ рѣкою потекла,
И загремѣла жадная сѣкира...
И ты, поэтъ! высокаго чела
Не уберегъ! Твоя живая лира
Напрасно по вселенной разнесла
Все, все, что ты считалъ своей душою—
Слова, мечты съ надеждой и тоскою...
Напрасно!... Ты прошелъ кровавый путь,
Не отомстивъ, и творческую грудь
Ни стихъ язвительный, ни смѣхъ холодной
Не посѣтилъ—и ты погибъ безплодно...

LXXX.

И Франція упала за тобой
Къ ногамъ убійцъ бездушныхъ и ничтожныхъ.
Никто не смѣлъ возвысить голосъ свой;
Изъ мрака мыслей гибельныхъ и ложныхъ
Никто не вышелъ съ твердою душой,
Межъ тѣмъ какъ втайнѣ взоръ Наполеона
Ужь зрѣлъ ступени будущаго трона...
Я въ этомъ тонѣ могъ бы продолжать,
Но истина—не въ модѣ, а писать
О томъ, что было двѣсти разъ въ газетахъ,
Смѣшно, тѣмъ болѣ о такихъ предметахъ.

LXXXI.

Къ тому же я совсѣмъ не моралистъ—
Ни блага въ злѣ, ни зла въ добрѣ не вижу.
Я палачу не дамъ похвальный листъ
И клеветой героя не унижу.
Ни плескъ восторга, ни насмѣшки свистъ
Не созданы для мертвыхъ. Царь иль воинъ
Хоть похвалы порою и достоинъ,
Но отъ кадильницъ дыма и свѣчей
Не каждому здоровилось, ей-ей!
И длиннымъ одамъ внемля по неволѣ,
Зѣвалъ кто въ комнатѣ, кто на престолѣ.

LXXXII.

Я прикажу, кончая дни мои,
Отнесть свой трупъ въ пустыню и высокой
Курганъ надъ нимъ насыпать и любви,
Символъ ненарушимый—одинокой
Поставить крестъ: быть можетъ изъ дали,
Когда туманъ протянется въ долинѣ
И сводъ небесъ взбунтуется, къ вершинѣ
Гостепріимной нищій пѣшеходъ,
Его замѣтивъ, медленно придетъ,
И отряхнувши посохъ, безнадежнѣй
Вздохнетъ о жизни будущей и прежней—

LXXXIII.

И проклянетъ, склонясь на крестъ святой,
Людей и небо, время и природу,
И проклянетъ грозы безсильный вой
И пылкихъ мыслей тщетную свободу...
Но нѣтъ, къ чему мнѣ слушать плачъ людской?
На что мнѣ черный крестъ, курганъ, гробница?
Пусть отдадутъ меня стихіямъ! Птица
И звѣрь, огонь и вѣтеръ, и земля—
Раздѣлятъ прахъ мой, и душа моя
Съ душой вселенной, какъ эфиръ съ эфиромъ,
Сольется—и развѣется надъ міромъ!...

LXXXIV.

Пускай отъ сердца полнаго тоской
И желчью тайныхъ тщетныхъ сожалѣній,
Подобно чашѣ ядомъ налитой,
Слѣдовъ не остается... Безъ волненій
Я выпилъ ядъ по каплѣ; ни одной
Не уронилъ; но люди не видали
Въ моемъ лицѣ ни страха, ни печали,
И говорили хладно: онъ привыкъ!
И съ той поры я облилъ свой языкъ
Тѣмъ самымъ ядомъ—и по праву мести
Сталъ унижать толпу подъ видомъ лести...

LXXXV.

Но совершимъ скорѣе переходъ,—
Вновь обратимся къ нашему герою.
До этихъ поръ онъ не имѣлъ заботъ
Житейскихъ и невинною душою
Искалъ страстей, какъ пищи. Длинный годъ
Провелъ онъ средь тетрадей, книгъ, исторій,
Грамматикъ, географій и теорій
Всѣхъ философовъ міра. Пять системъ
Имѣлъ маркизъ, а на вопросъ: зачѣмъ?
Онъ отвѣчалъ вамъ гордо и свободно:
«Monsieur, c'est mon affaire»—такъ мнѣ угодно!

LXXXVI.

Но Саша не внималъ его словамъ;
Разсѣянно въ тетрадяхъ надъ строками
Его рука чертила здѣсь и тамъ
Какой-то женскій профиль и очами,
Горящими подобно двумъ звѣздамъ,
Онъ долго на него взиралъ, и нѣжно
Вздыхалъ онъ, и хранилъ его прилежно
Между листовъ, какъ тайный милый кладъ,
Залогъ надеждъ и будущихъ наградъ.
Такъ прячутъ иногда сухую травку,
Перо, записку, ленту иль булавку...

LXXXVII.

Но кто жъ она? Что пользы ей вскружить
Неопытную голову, впервые
Сердечный міръ дыханьемъ возмутить
И взволновать надежды огневыя?
Къ чему?... Онъ слишкомъ молодъ, чтобъ любить,
Идя во слѣдъ извѣстнаго Фобляза.
Его любовь какъ снѣгъ вершинъ Кавказа
Чиста, тепла какъ небо южныхъ странъ...
Ему ль платить обманомъ за обманъ?...
Но кто жъ она?—Не модная вертушка,
А просто дочь буфетчика, Маврушка...

LXXXVIII.

И Саша былъ четырнадцати лѣтъ.
Онъ привыкалъ (скажу вамъ подъ секретомъ,
Хоть важности большой во всемъ томъ нѣтъ)
Толкаться межъ служанокъ. Часто лѣтомъ,
Когда луна бросала томный свѣтъ
На тихій садъ, на сводъ густыхъ акацій,
И съ шопотомъ толпа домашнихъ грацій
Въ аллеѣ кралась—легкою стопой
Онъ догонялъ ихъ пошутить порой.
Его невинность, вы поймете сами,
Вѣдь не могла рости съ его годами.

LXXXIX.

Но между нихъ онъ отличалъ одну:
Въ ней было все, что увлекаетъ душу,
Волнуетъ мысли и мѣшаетъ сну.
Но я, друзья, покой вашъ не нарушу
И на портретъ накину пелену.
Её любилъ мой Саша той любовью,
Которая по жиламъ съ юной кровью
Течетъ огнемъ, клокочетъ и кипитъ;
Боролись въ немъ желаніе и стыдъ;
Онъ долго думалъ, какъ въ любви открыться?
Вѣдь надобно жъ на что нибудь рѣшиться.

XC.

И мудрено ль? Четырнадцати лѣтъ
Я самъ страдалъ отъ каждой женской ножки,
За каждую отдалъ бы цѣлый свѣтъ,
Я цѣловалъ слѣды ихъ по дорожкѣ.
Волнующихся персей нѣжный цвѣтъ
И алыхъ устъ горячее дыханье
Во мнѣ рождали чудное желанье;
Я трепеталъ, когда моя рука
Атласныхъ плечъ касалася слегка,
Но лишь въ мечтахъ я видѣлъ безъ покрова
Все, что для васъ конечно ужъ не ново...

XCI.

Онъ потерялъ и сонъ, и аппетитъ;
Молчитъ весь день и часто бредитъ ночь;
По корридору бродитъ и груститъ
И ждетъ, чтобъ показалась Евы дочь,
Чтобъ ясный взоръ мелькнулъ... Суровый видъ
Онъ принялъ, иногда улыбкой хладной
Отвѣтствовалъ на взоръ ея отрадный
И чувства подавлялъ онъ какъ раба.
Но съ сердцемъ страхъ невыгодна борьба!...
Итакъ мой Саша кончилъ съ нимъ возиться
И положилъ съ Маврушей объясниться.

XCII.

Случилось это лѣтомъ, въ знойный день.
По мостовой широкими клубами
Вилася пыль. Отъ трубъ высокихъ тѣнь
Ложилася на крышахъ полосами
И паръ съ камней струился. Сонъ и лѣнь
Вполнѣ Симбирскомъ овладѣли. Даже
Волна катилась медленнѣй и глаже.
Въ саду, въ бесѣдкѣ темной и сырой,
Лежалъ полураздѣтый нашъ герой
И размышлялъ о тайнѣ съединенья
Двухъ душъ—предметъ достойный размышленья!

XCIII.

Вдругъ слышитъ онъ, направо за кустомъ
Сирени, шорохъ платья и дыханье
Волнующейся груди, и потомъ
Чуть внятный звукъ, похожій на лобзанье.
Какъ Сашѣ быть? Забилось сердце въ немъ,
Запрыгало... Безъ дальнихъ опасеній
Онъ сквозь кусты пустился легче тѣни.
Трещатъ и гнутся вѣтви подъ рукой
И вдругъ предъ нимъ, съ Маврушей молодой
Обнявшися въ тѣни цвѣтущей вишни,
Иванъ Ильичъ... (Прости ему Всевышній!)...

XCIV.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Склоня главу съ досадою на грудь,
. . . . пустился въ путь,
Оставивъ тутъ обманутую дѣву,
Какъ Аріадну, преданную гнѣву.

XCV.

И есть за что, не спорю... Между тѣмъ
Что дѣлалъ Саша?—Съ неподвижнымъ взглядомъ,
Какъ бѣлый мраморъ холоденъ и нѣмъ,
Какъ Аббадона, грознымъ новымъ адомъ
Напуганный, по помнящій эдемъ,
Съ понившею стоялъ онъ головою
И на челѣ, наморщенномъ тоскою,
Качались тѣни трепетныхъ вѣтвей...
Но вдругъ ударъ проснувшихся страстей
Перевернулъ неопытную душу
И онъ упалъ какъ съ неба...

XCVI.

Упалъ (прости невинность!). Какъ змѣя
Маврушу крѣпко обнялъ онъ руками,
То холодѣя, то какъ жаръ горя,
Неистово впился въ неё устами
И—обезумѣлъ... Небо и земля
Слились въ туманъ. Мавруша простонала
И улыбнулась; какъ волна вставала
И упадала грудь, и томный взоръ,
Какъ надъ рѣкой безлучный метеоръ,
Блуждалъ вокругъ безъ цѣли, безъ предмета,
Боясь всего: людей, деревъ и свѣта...

XCVII.

Теперь, друзья, скажите на-прямикъ,
Кого винить?... По-мнѣ всего прекраснѣй
Сложить весь грѣхъ на чорта—онъ привыкъ
Къ напраслинѣ; къ тому же безопаснѣй
Рога и когти, чѣмъ иной языкъ...
Итакъ замѣтимъ мы, что духъ незримый,
Но гордый, мрачный, злой, неотразимый
Ни ладаномъ, ни бранью, ни крестомъ,
Игралъ судьбою Саши, какъ мячомъ,
И слѣдуя пустѣйшему капризу,
Кидалъ его то вкось, то вверхъ, то книзу.

XCVIII.

Два мѣсяца прошло. Во тьмѣ ночной,
На цыпочкахъ по лѣстницѣ ступая,
Слегка платокъ накинувъ шерстяной,
Являлась къ Сашѣ дѣва молодая;
Задувъ лампаду, трепетной рукой
Держась за спинку шаткую кровати,
Она искала жаркихъ тамъ объятій.
. . . .
. . . .
Тяжелый вздохъ изъ груди вырывался
И съ жгучимъ поцѣлуемъ онъ сливался.

XCIX.

Казалось, рокъ забылъ о нихъ; но разъ,
Не помню я, въ который день недѣли—
Ужъ пролетѣлъ давно свиданья часъ,
А Саша все одинъ былъ на постели.
Онъ сѣлъ къ окну въ раздумьи. Тихо гасъ
На блѣдномъ сводѣ мѣсяцъ серебристый
И неподвижно бахромой волнистой
Вокругъ его висѣли облака.
Дремало все, лишь въ окнахъ иногда
Являлся свѣтъ, и силуэтъ, объятый
Тьмой ночи, изъ картинъ Рембрандта взятой,

C.

Мелькая, рисовался на стеклѣ
И исчезалъ. На площади пустынной,
Какъ чудный путь къ невѣдомой землѣ,
Лежала тѣнь отъ колокольни длинной
И даль сливалась въ синеватой мглѣ.
Задумчивъ Саша... Вдругъ скрипнули двери,
И вы бъ сказали—поступь райской пери
Послышалась. Невольно нашъ герой
Вздрогнулъ. Предъ нимъ, озарена луной,
Стояла дѣва, опустивши очи,
Блѣднѣе той луны—царицы ночи...

CI.

И онъ узналъ Маврушу. Но—Творецъ!—
Какъ измѣнилось нѣжное созданье!
Казалось, тѣло изваялъ рѣзецъ,
А Богъ вдохнулъ не душу, но страданье.
Она стоитъ, вздыхаетъ, наконецъ
Подходитъ и холодными руками
Хватаетъ руку Саши, и устами
Прижалась къ ней, и слезы потекли
Все больше, больше, и казалось жгли
Ея лицо... Но кто не зрѣлъ картины—
Раскаянья преступной Магдалины?

CII.

И кто бы смѣлъ изобразить въ словахъ,
Что̀ дышетъ жизнью въ краскахъ Гвидо-Рени?
Гляжу на дивный холстъ: душа въ очахъ
И мысль одна въ душѣ—и на колѣни
Готовъ упасть, и непонятный страхъ,
Какъ струны лютни, потрясаетъ жилы,
И слышишь близость чудной тайной силы,
Которой въ мірѣ вѣруетъ лишь тотъ,
Кто какъ въ гробу въ душѣ своей живетъ,
Кто терпитъ всѣ упреки, всѣ печали,
Чтобъ геніемъ глупцы его назвали.

CIII.

И долго молча плакала она.
Разсыпавшись на кругленькія плечи,
Ея власы бѣжали какъ волна.
Лишь иногда отрывистыя рѣчи,
Отзывъ того, чѣмъ грудь была полна,
Блуждали на губахъ ея; но звуки
Яснѣе были словъ... И голосъ муки
Мой Саша понялъ, какъ языкъ родной;
Къ себѣ на грудь привлекъ ее рукой
И не щадилъ ни нѣжностей, ни ласки,
Чтобъ поскорѣе осушить ей глазки.

CIV.

Онъ говорилъ: «Къ чему печаль твоя?
Ты молода, любима—гдѣ жъ страданье?
Въ твоихъ глазахъ—мой міръ, вся жизнь моя,
И рай земной—въ одномъ твоемъ лобзаньѣ...
Быть можетъ, злобу хитрую тая,
Какой нибудь... Но нѣтъ! И кто же смѣетъ
Тебя обидѣть? Мой отецъ дряхлѣетъ,
Французъ давно не годенъ никуда...
Ну, полно! слезы прочь и сядь сюда!»

CV.

«Послушайте, я здѣсь въ послѣдній разъ.
Пренебрегла опасность, наказанье,
Стыдъ, совѣсть—все, чтобъ только видѣть васъ,
Поцѣловать вамъ руку на прощанье
И выманить слезу изъ вашихъ глазъ.
Не отвергайте бѣдную—довольно
Ужъ я терплю—за что же?... Сердце вольно.
Иванъ Ильичъ провѣдалъ отъ людей
Завистливыхъ... Все Васька вашъ — злодѣй,
Черезъ него я гибну... Все готово!
Молю... о, киньте мнѣ хоть взглядъ, хоть слово!

CVI.

«Для вашего отца впервые я
Забыла стыдъ—гдѣ у рабы защита?
Грозилъ онъ ссылкой, Богъ ему судья!
Прошла недѣля — бѣдная забыта...
А все любить другаго ей нельзя.
Вчера меня обидными словами
Онъ разбранилъ... Но что же передъ вами
Раба?—игрушка!... Точно: день, два, три
Мила, а тамъ?—пожалуй, хоть умри!...»
Тутъ начались слезы, восклицанья,
Но Саша ихъ оставилъ безъ вниманья.

CVII.

«Ахъ, баринъ, баринъ! вижу я, понять
Не хочешь ты тоски моей сердечной!...
Прощай! тебя мнѣ больше не видать,
За то ужъ помнить буду вѣчно, вѣчно...
Виновны оба, мнѣ жъ должно страдать.
Но, такъ и быть, цѣлуй меня въ грудь, въ очи;
Цѣлуй, гдѣ хочешь, для послѣдней ночи!...
Чѣмъ свѣтъ меня въ кибиткѣ увезутъ
На дальній хуторъ, гдѣ Маврушу ждутъ
Страданья, мужъ съ косматой бородою...
А ты?—вздохнешь и слюбишься съ другою!»

CVIII.

Она замолкла. Точно такъ, или нѣтъ
Изгнанница младая говорила,
Я утверждать не смѣю; двухъ, трехъ лѣтъ
Достаточна губительная сила,
Чтобы святѣйшихъ словъ загладить слѣдъ.
И тотъ, кто разсказалъ мнѣ повѣсть эту—
Его ужъ нѣтъ... Но что за нужда свѣту?
Не вѣры я ищу—я не пророкъ,
Хоть и стремлюсь душою на Востокъ,
Гдѣ свиньи и вино такъ нынѣ рѣдки
И гдѣ, какъ пишутъ, жили наши предки.

CIX.

Она замолкла, но не Саша: онъ
Кипѣлъ противъ отца негодованьемъ:
«Злодѣй! тиранъ!»—и тысячу именъ
Такихъ же милыхъ, съ истиннымъ вниманьемъ,
Онъ расточалъ ему. Но счастья сонъ,
Какъ ни бранись, умчался невозвратно...
Уже готовъ былъ юноша развратный
Въ послѣдній разъ. . . . .
. . . .
. . . .
. . . . какъ вдругъ — о провидѣнье!—

CX.

Ударъ ногою съ трескомъ растворилъ
Стеклянной двери обѣ половины
И ночника лучъ блѣдный озарилъ
Живой скелетъ вошедшаго мужчины.
Казалось, въ страхѣ съ ложа онъ вскочилъ—
Растрепанъ, босикомъ, въ одной рубашкѣ—
Вошелъ и строго обратился къ Сашкѣ:
«Eh bien, monsieur, que vois-je»?—«Ah, c'est vous!»
«Pourquoi ce bruit?—Que faites vous donc?»—«......»
И молвивъ такъ (пускай проститъ мнѣ муза),
Однимъ тузомъ онъ выгналъ вонъ француза.

CXI.

И вслѣдъ за нимъ, какъ лань кавказскихъ горъ,
Изъ комнаты пустилася бѣдняжка,
Не распростясь, но кинувъ нѣжный взоръ,
Закрывъ лицо руками... Долго Сашка
Не могъ унять волненья сердца. «Вздоръ —
Шепталъ онъ—вздоръ: любовь—не жизнь!» Но утро,
Подернувъ тучки блескомъ перламутра,
Ужъ начало заглядывать въ окно,
Какъ милый гость, ожиданный давно;
А на дворѣ, унылый и докучный,
Раздался колокольчикъ одноввучный.

CXII.

Къ окну въ волненьи Саша подбѣжалъ:
Разгонныхъ тройка у крыльца большого.
Вотъ сѣлъ ямщикъ и вожжи подобралъ;
Вотъ чей-то голосъ: «Что же, все готово?»
—«Готово».—Вотъ садится... Онъ узналъ:
Она!... Въ чепцѣ, платкомъ окутавъ шею,
Съ обычною улыбкою своею,
Ему кивнула тихо головой
И спряталась въ кибитку. Бичъ лихой
Взвился. «Пошелъ!»... Колесы застучали
И въ мигъ... Но что намъ до чужой печали?

CXIII.

Давно ль?... Но дѣтство Сашп протекло.
Я разсказалъ, что знать вамъ было нужно...
Онъ сталъ съ отцомъ браниться: не могло
И быть иначе—нѣжностью наружной
Обманывать онъ почиталъ за зло,
За низость, но правдивой мести знаки
Онъ не щадилъ (хотя бъ дошло до драки),
И потому родитель, разсчитавъ,
Что укрощать не стоитъ этотъ нравъ,
Сынка, рыдая какъ мы всѣ умѣемъ,
Послалъ въ Москву съ французомъ и лакеемъ.

CXIV.

И тамъ проказникъ былъ препорученъ
Старухѣ-теткѣ самыхъ строгихъ правилъ.
Свѣтъ утверждалъ, что рѣзвый Купидонъ
Ее краснѣть ни разу не заставилъ.
Она была одна изъ тѣхъ княженъ,
Которыя, страшась святаго брака,
Не смѣютъ дать рѣшительнаго знака
И потому въ сомнѣньи ждутъ, да ждутъ,
Покуда ихъ на вистъ не позовутъ.
Потомъ остатокъ жизни, какъ умѣютъ,
За картами клевещутъ и желтѣютъ.

CXV.

Но иногда какой нибудь лакей
Усердный, честный, вѣрный, осторожный,
Имѣя входъ къ владычицѣ своей
Во всякій часъ, съ покорностью возможной,
Въ уютной спальнѣ замѣняетъ ей
Служанку, то есть грѣетъ одѣяло,
Подушки, руки, ноги... Развѣ мало
Подъ мракомъ ночи дѣлается дѣлъ,
Которыхъ знать и чортъ бы не хотѣлъ,
Но долженъ знать?... Онъ долженъ быть свидѣтель,
Какъ сладко спитъ сѣдая добродѣтель.

CXVI.

Шалунъ былъ отданъ въ модный пансіонъ,
Гдѣ много пріобрѣлъ прекрасныхъ правилъ.
Сначала пристрастился къ книгамъ онъ,
Но скоро ихъ съ презрѣніемъ оставилъ.
Онъ увидалъ, что дружба, какъ поклонъ—
Двусмысленная вещь; что добрый малый—
Товарищъ скучный, тягостный и вялый;
Что умный—и забавнѣй, и сноснѣй,
Чѣмъ тысяча услужливыхъ друзей.
И потому (считая только явныхъ)
Онъ нажилъ въ мѣсяцъ сто враговъ забавныхъ.

CXVII.

И списокъ ихъ какъ памятникъ святой
На двухъ листахъ, раскрашенныхъ отлично,
Носилъ всегда онъ въ книжкѣ записной,
Обернутой атласомъ, какъ прилично,
Съ стальнымъ замкомъ и розовой каймой.
Любилъ онъ заговоры злобы тайной
Разстроить словомъ, будто бы случайно;
Любилъ враговъ внезапно удивлять,
На крикъ и брань—насмѣшкой отвѣчать,
Иль притворясь разсѣяннымъ невѣждой,
Ласкать ихъ долго тщетною надеждой.

CXVIII.

Изъ пансіона скоро вышелъ онъ,
Наскуча все твердить азы да буки,
И наконецъ въ студенты посвященъ,
Вступилъ надменно въ свѣтлый храмъ науки.
Святое мѣсто! помню я, какъ сонъ,
Твои каѳедры, залы, корридоры,
Твоихъ сыновъ заносчивые споры:
О Богѣ, о вселенной и о томъ,
Какъ пить: съ водой, иль просто голый ромъ;
Ихъ гордый видъ предъ гордыми властями,
Ихъ сюртуки висящіе клочками.

CXIX.

Бывало, только восемь бьетъ часовъ,
По мостовой валитъ народъ ученый.
Кто ночь провелъ съ лампадой средь трудовъ,
Кто въ грязной лужѣ, Вакхомъ упоенный;
Но всѣ равно задумчивы, безъ словъ
Текутъ... Пришли, шумятъ... Профессоръ длинный
Напрасно входитъ, кланяяся чинно.
Онъ книгу взялъ, раскрылъ, прочелъ—шумятъ;
Уходитъ—втрое хуже. Сущій адъ!...
По сердцу Сашѣ жизнь была такая
И этотъ адъ считалъ онъ лучше рая.

CXX.

Пропустимъ года два... Я не хочу
Въ одинъ пріемъ свою докончить повѣсть.
Читатель знаетъ, что я съ нимъ шучу,
И потому моя спокойна совѣсть,
Хоть, признаюся, много пропущу
Событій важныхъ, новыхъ и чудесныхъ.
Но часъ придетъ, когда, въ предѣлахъ тѣсныхъ
Не заключенъ и не спѣша впередъ,
Чтобъ сократить унылый эпизодъ —
Я снова обращу вниманье ваше
На тѣ года, потраченные Сашей...

CXXI.

Теперь героевъ разбудить пора,
Пора привесть въ порядокъ ихъ одежды.
Вы вспомните, какъ сладостно вчера
Въ объятьяхъ нѣги и живой надежды
Уснула Тирза? Рѣзвый бѣгъ пера
Я не могу удерживать серьезно,
И потому она проснулась поздно...
Растрепанные волосы назадъ
Рукой откинувъ и на свой нарядъ
Взглянувъ съ улыбкой сонною, сначала
Она довольно долго позѣвала.

CXXII.

На ней измято было все и грудь
Хранила знаки пламенныхъ лобзаній.
Она спѣшитъ лицо водой сплеснуть
И кудри безъ особенныхъ стараній
На головѣ гребенкою заткнуть;
Потомъ сорочку скинула, небрежно
Водой обмыла станъ свой бѣлоснѣжный...
Опять свѣжа, какъ персикъ молодой,
И на плеча капотъ накинувъ свой,
Плѣнительна безпечной наготою,
Она подходитъ къ нашему герою,

CXXIII.

Садится въ изголовьи и потомъ
На соннаго студеной влагой плещетъ.
Онъ поднялся, кидаетъ взоръ кругомъ
И видитъ, что пора: свѣтелка блещетъ,
Озарена роскошнымъ зимнимъ днемъ;
Замерзшихъ оконъ стекла серебрятся;
Въ лучахъ пылинки свѣтлыя вертятся;
Упругій снѣгъ на улицѣ хруститъ,
Подъ тяжестью полозьевъ и копытъ,
И въ городѣ, что мнѣ всегда досадно,
Колокола трезвонятъ безпощадно...

CXXIV.

Прелестный день! Какъ пышенъ Божій свѣтъ!
Какъ небеса лазурны!... Торопливо
Вскочилъ мой Саша. Вотъ ужъ онъ одѣтъ,
Атласный галстукъ повязалъ лѣниво,
Съ кудрей ночныхъ восторговъ сгладилъ слѣдъ;
Лишь синеватый вѣнчикъ подъ глазами
Изобличалъ его... Но, между нами,
Сказать тихонько: это—не порокъ.
У нашихъ дамъ найти бъ его я могъ,
Хоть между тѣмъ ручаюсь головою,
Что ихъ невиннѣй нѣту подъ луною.

CXXV.

Изъ комнаты выходитъ нашъ герой,
И пробираясь длиннымъ корридоромъ,
Онъ видитъ Катерину предъ собой,
Привѣтствуетъ ее холоднымъ взоромъ
И мимо. Вотъ онъ въ комнатѣ другой:
Вотъ стулъ съ дрожащей ножкою и рядомъ
Кровать; на ней, закрыта. . . . . ,
Храпитъ Параша, отвернувъ лицо.
Онъ плащъ надѣлъ и вышелъ на крыльцо
И вслѣдъ за нимъ несутся восклицанья,
Чтобы не смѣлъ забыть онъ обѣщанья:

CXXVI.

Чтобъ приготовилъ модный онъ нарядъ
Для бѣдной, милой Тирзы, и такъ далѣ.
Сказать ли, этой выдумкѣ былъ радъ
Проказникъ мой: въ театрѣ, въ нестрой залѣ
Замѣтятъ ли невинный маскарадъ?
Зачѣмъ еврейку не утѣшить тайно,
Зачѣмъ толпу не наказать случайно
Презрѣньемъ гордымъ всѣхъ ея причудъ?
И что молва?—Глупцовъ крикливый судъ,
Коварный шопотъ злой старухи, или
Два-три намека въ польскомъ иль кадрили!

CXXVII.

Ужъ Саша дома. Къ теткѣ входитъ онъ;
Небрежно у нея цѣлуетъ руку.
«Чѣмъ кончился вчерашній вашъ бостонъ?
Я бъ не рѣшился на такую скуку,
Хотя бы мнѣ давали милліонъ.
Какъ ваши зубы?... А Фиделька гдѣ же?
Она являться стала что-то рѣже.
Ей надоѣлъ нашъ модный кругъ—увы,
Какая жалость!... Знаете ли вы,
На этихъ дняхъ мы ждемъ къ себѣ комету,
Которая несетъ погибель свѣту?...

CXXVIII.

«И подѣломъ, вѣдь новый магазинъ
Открылся на Кузнецкомъ—не угодно ль
Вамъ посмотрѣть?... Тамъ есть Мишель Abine,
Monsieur Dupré, Durand, французъ природный,
Теперь купецъ, а бывшій дворянинъ;
Тамъ есть мадамъ Armand; тамъ есть субретка
Fanchaux—плутовка, смуглая кокетка!
Вся молодежь вокругъ ея вертится.
Ей-Богу, все равно мнѣ, что случится!
И по одной значительной причинѣ
Я только зритель въ этомъ магазинѣ.

CXXIX.

«Причина эта вотъ—мой кошелекъ:
Онъ пустъ, какъ голова француза; малость
Истратился; но это мнѣ урокъ—
Цѣнить дешевле вѣтреную шалость!»
И притворясь печальнымъ сколько могъ,
Шалунъ склонился къ теткѣ, два три раза
Вздохнулъ, чтобъ удалась его проказа.
Тихонько ларчикъ отперевъ, она
Заботливо дорылася до дна
И вынула три бѣленькихъ бумажки.
И... вы легко поймете радость Сашки.

CXXX.

Когда же онъ пришелъ въ свой кабинетъ,
То у дверей съ недвижностью примѣрной,
Въ чалмѣ пунцовой, щегольски одѣтъ,
Стоялъ арапъ, его служитель вѣрный.
Покрытъ какъ лакомъ былъ чугунный цвѣтъ
Его лица, и рядъ зубовъ перловыхъ,
И блескъ очей открытыхъ, но суровыхъ,
Когда смѣялся онъ иль говорилъ,
Невольный страхъ на душу наводилъ,
И въ голосѣ его, инымъ казалось,
Надменностью безсильной отзывалось.

CXXXI.

Союзъ довольно странный заключенъ
Межъ имъ и Сашей былъ. Ихъ разговоры
Казалися таинственны, какъ сонъ;
Вдвоемъ бывало ночью, точно воры
Уйдутъ и пропадаютъ. Одаренъ
Воображеньемъ бойкимъ, нашъ пріятель
Восточныхъ словъ былъ страстный обожатель
И потому «Зефиромъ» нареченъ
Его арапъ. За нимъ повсюду онъ,
Какъ мрачный призракъ, слѣдовалъ, и что же?—
Всѣ восхищались этой скверной рожей!

CXXXII.

Зефиру Сашка что-то прошепталъ.
Зефиръ кивнулъ курчавой головою;
Блеснувъ какъ рысь очами, денегъ взялъ
Изъ бѣлой ручки черною рукою;
Онъ долго у дверей еще стоялъ
И говорилъ все время, по несчастью,
На языкѣ чужомъ и тайной страстью
Одушевленъ казался. Между тѣмъ,
Облокотясь на столъ, задумчивъ, нѣмъ,
Герой печальный моего разсказа
Глядѣлъ на африканца въ оба глаза.

CXXXIII.

И наконецъ онъ подалъ знакъ рукой
И тотъ исчезъ быстрѣй китайской тѣни.
Проворный, хитрый, съ смѣлою душой,
Онъ жилъ у Саши какъ служебный геній,
Домашній духъ (по-русски домовой);
Какъ Мефистофель, быстрый и послушный,
Онъ исполнялъ безмолвно, равнодушно,
Добро и зло. Ему была законъ
Лишь воля господина. Вѣдалъ онъ,
Что кромѣ Саши въ цѣломъ Божьемъ мірѣ
Никто, никто не думалъ о Зефирѣ.

CXXXIV.

Однако были дни давнымъ-давно,
Когда и онъ на берегу Гвинеи
Имѣлъ родной шалашъ, жену, пшено
И ожерелье красное на шеѣ,
И мало ли?... О, тамъ онъ былъ звѣно
Въ цѣпи семей счастливыхъ!... Тамъ пустыня
Осталась неприступна какъ святыня.
И пальмы тамъ растутъ до облаковъ,
И пѣна водъ бѣлѣе жемчуговъ;
Тамъ жгутъ лобзанья и пронзаютъ очи;
И перси дѣвъ чернѣй роскошной ночи.

CXXXV.

Но родина и вольность будто сонъ
Въ туманѣ дальнемъ скрылись невозвратно...
Въ цѣпяхъ желѣзныхъ пробудился онъ.
Для дикаря все было непонятно—
Блестящихъ городовъ и шумъ, и звонъ.
Такъ облачко оторвано грозою,
Бродя одно подъ твердью голубою,
Куда пристать не знаетъ; для него
Все чуждо—солнце, міръ и шумъ его;
Ему обидно общее веселье;
Оно нахмурясь прячется въ ущельѣ.

CXXXVI.

О, я люблю густыя облака,
Когда они толпятся надъ горою,
Какъ на хребтѣ стальнаго шишака
Колеблющія перья! Предъ грозою
Въ одеждахъ золотыхъ издалека
Они текутъ безмолвнымъ караваномъ,
И наконецъ одѣтыя туманомъ,
Обнявшись, свившись будто куча змѣй,
Безпечно дремлютъ на скалѣ своей.
Настанетъ день, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ:
Куда, зачѣмъ, откуда?—кто ихъ спроситъ?

CXXXVII.

И послѣ нихъ на свѣтѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви поэта безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не открылъ вниманью дружбы нѣжной.
И ты, чья жизнь какъ бѣглая звѣзда
Промчалася неслышно между нами,
Ты мукъ своихъ не выразилъ словами,
Ты не хотѣлъ насмѣшки выпить ядъ,
Съ улыбкою притворной, какъ Сократъ,
И не разгаданъ глупою толпою,
Ты умеръ чуждый жизни... Миръ съ тобою!

CXXXVIII.

И миръ твоимъ костямъ! Онѣ сгніютъ,
Покрытыя одеждою военной...
И сумраченъ, и тѣсенъ твой пріютъ,
И зябнешь ты, какъ часовой безсмѣнный.
Но что же дѣлать?—Жди, авось придутъ,
Быть можетъ, кто нибудь изъ прежнихъ братій.
Какъ знать, земля до молодыхъ объятій
Охотница... Отвѣтствуй мнѣ, пѣвецъ,
Куда умчался ты?... Какой вѣнецъ
На головѣ твоей? И веселъ ли какъ прежде,
Ты любишь насъ и вѣришь ли надеждѣ?

CXXXIX.

И вы, вы всѣ, которымъ столько разъ
Я подносилъ пріятельскую чашу—
Какая буря въ даль умчала васъ?
Какая цѣль убила юность вашу?
Я здѣсь одинъ. Святой огонь погасъ
На алтарѣ моемъ. Желанья славы
Какъ призракъ разлетѣлися. Вы правы,
Я не рожденъ для дружбы и пировъ...
Я въ мысляхъ вѣчный странникъ, сынъ дубровъ,
Ущелій и свободы, и не зная
Гнѣзда, живу какъ птичка кочевая.

CXL.

Я для добра былъ прежде гибнуть радъ,
Но за добро платили мнѣ презрѣньемъ;
Я пробѣжалъ пороковъ длинный рядъ
И пресыщенъ былъ горькимъ наслажденьемъ...
Тогда я хладно посмотрѣлъ назадъ:
Какъ съ свѣжаго рисунка, сгладилъ краску
Съ картины прошлыхъ дней, вздохнулъ и маску
Надѣлъ, и буйнымъ смѣхомъ заглушилъ
Слова глупцовъ, и дерзко ихъ казнилъ,
И грубо пробуждая ихъ безпечность,
Насмѣшливо указывалъ на вѣчность.

CXLI.

О, вѣчность, вѣчность! Что найдемъ мы тамъ
За неземной границей міра?—Смутный,
Безбрежный океанъ, гдѣ нѣтъ вѣкамъ
Названья и числа; гдѣ, безпріютны,
Блуждаютъ звѣзды вслѣдъ другимъ звѣздамъ.
Заброшенъ въ ихъ нѣмые хороводы,
Что станетъ дѣлать гордый царь природы,
Который вѣрно созданъ всѣхъ умнѣй,
Чтобъ пожирать растенья и звѣрей,
Хоть между тѣмъ (пожалуй, клясться стану)
Ужасно самъ похожъ на обезьяну.

CXLII.

О, суета! И вотъ вамъ полубогъ—
Вашъ человѣкъ: искусствомъ завладѣвшій
Землей и моремъ, всѣмъ, чѣмъ только могъ,
Не въ силахъ онъ прожить три дня не ѣвши.
Но полно! злобный бѣсъ меня завелъ
Въ такіе толки. Вѣкъ нашъ—вѣкъ безбожный;
Пожалуй, кто нибудь, шпіонъ ничтожный,
Мои слова прославитъ, и тогда
Нельзя креститься будетъ безъ стыда
И по неволѣ станешь лицемѣрить,
Смѣясь надъ тѣмъ, чему желалъ бы вѣрить.

CXLIII.

Блаженъ, кто вѣритъ счастью и любви,
Блаженъ, кто вѣритъ небу и пророкамъ,
Онъ долголѣтенъ будетъ на земли
И для сыновъ останется урокомъ!
Блаженъ, кто думы гордыя свои
Умѣлъ смирять предъ гордою толпою
И кто грѣховъ тяжелою цѣною
Не покупалъ пурпурныхъ устъ и глазъ,
Живыхъ какъ жизнь, и свѣтлыхъ какъ алмазъ!
Блаженъ, кто не склонялъ чела младаго,
Какъ подлый рабъ, предъ идоломъ другаго!

CXLIV.

Блаженъ, кто выросъ въ сумракѣ лѣсовъ,
Какъ тополь дикъ и свѣжъ, въ тѣни зеленой
Играющихъ и шепчущихъ листовъ,
Подъ кровомъ скалъ, откуда ключъ студеный
По дну изъ камней радужныхъ цвѣтовъ
Струей гремучей прыгаетъ, сверкая,
И гдѣ надъ нимъ береза вѣковая
Стоитъ какъ призракъ позднею порой,
Когда едва кой гдѣ сучокъ гнилой
Трещитъ вдали и мракъ между вѣтвями
Отвсюду смотритъ черными очами!

CXLV.

Блаженъ, кто посреди большихъ степей
Межъ дикими воспитанъ табунами,
Кто пріученъ былъ на хребтѣ коней,
Косматыхъ, легкихъ, вольныхъ какъ надъ нами
Златыя облака, отъ раннихъ дней
Носиться; кто главой припавъ на гриву,
Летя подобно сумрачному Диву
Черезъ пустыню, чувствовалъ, считалъ,
Какъ мѣрно конь о землю ударялъ
Копытомъ звонкимъ и впередъ землею
Упругой былъ кидаемъ съ быстротою.

CXLVI.

Блаженъ!... Его душа всегда полна
Поэзіей природы, звуковъ чистыхъ;
Онъ не успѣетъ вычерпать до дна
Сосудъ надеждъ; въ его кудряхъ волнистыхъ
Не выглянетъ до время сѣдина;
Онъ, въ двадцать лѣтъ желающій чего-то,
Не будетъ вѣчной одержимъ зѣвотой
И въ тридцать лѣтъ не кинетъ край родной
Съ больною грудью и больной душой,
И не рѣшится отъ одной лишь скуки
Писать стихи, марать въ чернилахъ руки,

CXLVII.

Или трудясь какъ глупая овца,
Въ рядахъ дворянства съ робкимъ униженьемъ,
Прикрывъ мундиромъ сердце подлеца,
Искать чиновъ, мирясь съ людскимъ презрѣньемъ,
И покланяться нѣмцамъ до конца...
И чѣмъ же нѣмецъ лучше слявянина?
Не тѣмъ ли, что куда его судьбина
Ни кинетъ, онъ вездѣ себѣ найдетъ
Отчизну и картофель?... Вотъ народъ:
За сильныхъ всюду, всѣмъ за деньги служитъ,
Слабѣйшихъ давитъ, бьютъ его—не тужитъ!

CXLVIII.

Вотъ племя: всякій чортъ у нихъ баронъ!
Профессоръ важный—каждый ихъ сапожникъ!
Кричитъ, шумитъ... Но что жъ?—Онъ не рожденъ
Подъ нашимъ небомъ; наша степь святая
Въ его глазахъ бездушныхъ—степь простая,
Безъ памятниковъ славныхъ, безъ слѣдовъ,
Гдѣ бъ могъ прочесть онъ повѣсть тѣхъ вѣковъ,
Которые съ ихъ грозными дѣлами
Унесены забвенія волнами...

CXLIX.

Кто недоволенъ выходкой моей,
Тотъ пусть идетъ въ журнальную контору,
Съ листомъ въ рукахъ, съ аравою друзей,
И вѣруя ихъ опытному вздору,
Печатаетъ анаѳему, злодѣй!...
Я кончилъ... Такъ! дописана страница...
Лампада гаснетъ... Есть всему граница—
Наполеонамъ, бурямъ и войнамъ,
Тѣмъ болѣе терпѣнью и... стихамъ,
Которые давно ужъ не звучали
И вдругъ съ пера Богъ знаетъ какъ упали!...

КОНЕЦЪ 1-Й ГЛАВЫ.

ГЛАВА II.

I.

Я не хочу, какъ многіе изъ насъ,
Испытывать читателей терпѣнье,
И потому примусь за свой разсказъ
Безъ предисловій.—Сладкое смятенье
Въ душѣ моей и я, какъ въ первый разъ,
Ловлю прыгунью риѳму, и потѣя,
Въ досадѣ призываю Асмодея.
Какъ будто снова Богъ переселилъ
Меня въ тѣ дни, когда я точно жилъ,
Когда не зналъ я, что на слово младость
Есть риѳма: гадость, а не только радость!

II.

Давно когда-то за Москвой-рѣкой,
На Пятницкой, у самаго канала,
Заросшаго негодною травой
Былъ домъ угольный; жизнь тогда играла
Межъ стѣнъ высокихъ... Онъ теперь пустой.
Внизу живетъ съ беззубой половиной
Безмолвный дворникъ... Пылью, паутиной
Обвѣшены какъ инеемъ кругомъ
Карнизы стѣнъ, расписанныхъ огнемъ
И временемъ, и окна краской бѣлой
Замазаны повсюду кистью смѣлой.

III.

Въ гостиной есть диванъ и круглый столъ
На витыхъ ножкахъ, вражеской рукою
Исчерченный; но часъ ихъ не пришелъ,
Они гніютъ незримо, лишь порою
Скользитъ по нимъ играющій Эолъ,
Или еще крыло жильца развалинъ—
Летучей мыши. Жалокъ и печаленъ
Исчезнувшихъ пришельцевъ гордый слѣдъ.
Вотъ сабель ихъ рубцы, а ихъ ужъ нѣтъ:

Одинъ въ бою упалъ на штыкъ кровавый,
Другой въ слезахъ безъ гроба и безъ славы.

IV.

Ужель никто изъ нихъ не добѣжалъ
До рубежа отчизны драгоцѣнной?
Нѣтъ, прахъ Кремля къ подошвамъ ихъ присталъ
И русскій Богъ очистилъ храмъ священный...
Сердитый Кремль въ огнѣ ихъ принималъ
И проводилъ, пылая, свѣточъ грозный...
Онъ озарилъ имъ путь въ степи морозной—
И степь ихъ поглотила, и о томъ,
Кто намъ грозилъ и плѣномъ и стыдомъ,
Кто надъ землей промчался какъ комета,
Сталъ говорить съ насмѣшкой голосъ свѣта.

V.

И старый домъ, куда привелъ я васъ,
Его паденья также былъ свидѣтель.
На изразцахъ кой гдѣ встрѣчаетъ глазъ
Черты карандаша, стихъ. Посѣтитель
Въ нихъ ищетъ мысли—и безплодный часъ
Проводитъ... Кто писалъ? Съ какою цѣлью?
Грустилъ ли онъ, иль преданъ былъ веселью?
Какъ надписи нагробныя, онѣ
Рисуются узоромъ по стѣнѣ—
Слѣды давно погибшихъ чувствъ и мнѣній,
Эпиграфы невѣдомыхъ твореній.

VI.

И образы языческихъ боговъ —
Безъ рукъ, безъ ногъ, съ отбитыми носами—
Лежатъ въ углахъ низвергнуты съ столбовъ,
Раскрашенныхъ подъ мраморъ. Надъ дверями
Висятъ портреты дѣдовскихъ вѣковъ
Въ померкшихъ рамахъ и глядятъ сурово,
И мнится обвинительное слово
Изъ мертвыхъ устъ ихъ низлетитъ—увы!
О, если бъ этотъ домъ знавали вы

Тому назадъ лѣтъ двадцать пять и болѣ!
О, если бъ время было въ нашей волѣ!...

VII.

Бывало, только утренней зарей
Освѣтятся главы церквей златыя,
И сквозь туманъ заблещутъ надъ горой
Дворецъ царей и стѣны вѣковыя
Отражены зеркальною волной;
Бывало только прачка молодая
Съ бѣльемъ господскимъ изъ воротъ, зѣвая,
Выходитъ и сквозь утренній морозъ
Раздастся первый стукъ колесъ—
А графскій домъ ужъ полонъ суетою
И пестрыхъ слугъ заботливой толпою.

VIII.

И каждый день идетъ въ немъ пиръ горой,
Смѣются гости и бренчатъ стаканы;
Въ стеклѣ граненомъ даръ земли чужой
Клокочетъ и шипитъ струей румяной,
И отъ крыльца каретъ недвижный строй
Далеко тянется, и въ залѣ длинной,
Въ толпѣ мужчинъ, услужливой и чинной,
Красавицы, столицы лучшій цвѣтъ,
Мелькаютъ... Вотъ учтивый силуэтъ
Рисуется, вотъ шопотъ удивленья,
Улыбка, взгляды, вздохи, изъясненья...

IX.

О, какъ тогда былъ пышенъ этотъ домъ!
Вдоль стѣнъ висѣли пестрыя шпалеры,
Вездѣ фарфоръ китайскій съ серебромъ,
У зеркала. . . . .

(Окончанія нѣтъ).

*
* *

Когда надеждѣ недоступный,
Не смѣя плакать и любить,
Пороки юности преступной
Я мнилъ страданьемъ искупить;
Когда былое ежечасно
Очамъ являлося моимъ
И все, что свято и прекрасно,
Отозвалося мнѣ чужимъ —
Тогда молитвой безразсудной
Я долго небу докучалъ,
И вдругъ услышалъ голосъ чудный:
«Чего ты просишь?» онъ вѣщалъ.
«Ты, бѣдный, палъ, но я ль виновенъ!
Смири страстей своихъ порывъ,
Будь какъ другіе хладнокровенъ,
Будь какъ другіе терпѣливъ.
Твое блаженство было ложно,
Ужель мечты тебѣ такъ жаль?
Глупецъ! гдѣ посохъ твой дорожный?
Возьми его, пускайся въ даль.
Пойдешь ли ты черезъ пустыню
Иль городъ пышный и большой
Не обожай ни чью святыню,
Нигдѣ пріютъ себѣ не строй!...»

---

*
* *

Посреди небесныхъ тѣлъ
Ликъ луны туманной:
Какъ онъ круглъ и какъ онъ бѣлъ,
Будто блинъ съ сметаной.

Кажду ночь она въ лучахъ
Путь проходитъ млечной:
Видно, тамъ, на небесахъ,
Масляница вѣчно!

---

* * *

Онъ былъ въ краю святомъ,
На хо̀лмахъ Палестины;
Стальной его шеломъ
Изсѣкли сарацыны.

Понесъ онъ въ край святой
Цвѣтущія ланиты;
Вернулся онъ домой
Плѣшивый и избитый.

Невѣрныхъ онъ громилъ
Обѣими руками —
Ни женъ ихъ не щадилъ,
Ни малыхъ съ стариками.

Встрѣчаясь съ нимъ, подъ часъ,
Смущалися красотки:
Онъ ихъ ласкалъ не разъ,
Перебирая чотки.

Вернулся онъ въ свой домъ
Безъ славы и безъ злата;
Глядитъ — дѣтей содомъ,
Жена его брюхата.

Пришибло старика . . . .

ЮНКЕРСКАЯ МОЛИТВА.

Царю небесный!
Спаси меня
Отъ куртки тѣсной,
Какъ отъ огня.
Отъ маршировки
Меня избавь,
Въ парадировки
Меня не ставь.
Пускай въ манежѣ
Алёхинъ глазъ*
Какъ можно рѣже
Увидитъ насъ.
Еще моленье
Позволь послать—
Дай въ воскресенье,
Мнѣ опоздать!

А. А. Ѳ—ВУ.

(отрывокъ).

... Есть подлецы, которыхъ бьютъ,
Которымъ въ рожу всѣ плюютъ;
Но, униженные, они
Въ тиши свои скрываютъ дни.
А ты оплеванъ, ты и битъ,
Но все хранишь свой гордый видъ...

---

* Алексѣй Степановичъ Стунѣевъ, командиръ юнкерскаго эскадрона.

1834.

ПЕТЕРГОФСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

(ОТРЫВКИ).

Кипитъ веселый Петергофъ;
Толпа на улицахъ пестрѣетъ;
Печальный лагерь юнкеровъ
Примѣтно тихнетъ и пустѣетъ.
Туманъ ложится по холмамъ,
Окрестность сумракомъ одѣта—
И вотъ къ далекимъ небесамъ,
Какъ долгохвостая комета,
Летитъ сигнальная ракета.
Волшебно озарился садъ,
Затѣйливо, разнообразно.
Толпа валитъ впередъ, назадъ,
Толкается, зѣваетъ праздно.
Узоры радужныхъ огней,
Дворецъ, жемчужные фонтаны,
Жандармовъ черные султаны,
Корсеты дамъ, гербы ливрей,
Колеты кирасиръ мучные,
Лядунки, метники златые,
Купчихъ парчевые платки,
Кинжалы, сабли, алебарды,
Съ гнилыми фруктами лотки,
Старухи, франты, казаки,
Глупцовъ чиновныхъ бакенбарды,
Венгерки мелкихъ штукарей,
. . . .
Толпы пріѣзжихъ иноземцевъ,
Татаръ, черкесовъ и армянъ;

Французовъ тощихъ, жирныхъ нѣмцевъ,
И долговязыхъ англичанъ—
Въ одну картину все сливалось
Въ аллеяхъ темныхъ и густыхъ,
И сверху ярко освѣщалось
Огнями стклянокъ росписныхъ.

Гурьбу товарищей покинувъ,
У моста Бибиковъ стоялъ,
И каску на глаза надвинувъ,
Какъ юнкеръ истинный мечталъ...
Не опишу его мундиръ,
Хотя для ясности вамъ въ скобкахъ
Скажу, что былъ онъ кирасиръ.
Стоитъ онъ, пасмурный и пьяный.
Уставъ одинъ бродить вездѣ,
Съ досадой глядя на фонтаны,
Ворчитъ...
«Два года въ школѣ,
Да отъ роду, смѣшно сказать,
Лѣтъ двадцать мнѣ и даже болѣ,
А не могу еще по волѣ
Сидѣть въ палаткѣ иль гулять!...
Нѣтъ, видишь, гонятъ какъ скотину—
Ступай-ка въ садъ, да губъ не дуй...»

Умолкъ, поникнувъ головою;
Народъ толпой шумитъ вокругъ;
Вотъ кто-то легкою рукою
Его плеча коснулся вдругъ,
За фалду дернулъ, тронулъ каску.
Кутила вздрогнулъ, изумленъ:
Романа чуднаго завязку
Ужъ предугадываетъ онъ.
И слыша вновь прикосновенье,

Онъ обернулся съ быстротой...
Въ платкѣ и шляпкѣ голубой,
Маня улыбкой сладострастной,
За нимъ хорошенькая—глядь...
Вдругъ кинулась бѣжать, бѣжать;
Онъ ловитъ платье—трудъ напрасный!
И по дорожкамъ, по мостамъ,
Быстра какъ мотылекъ воздушный,
Она мелькаетъ здѣсь и тамъ;
То удаляясь равнодушно,
Грозитъ насмѣшливо перстомъ,
То дразнитъ дерзко языкомъ,
Вотъ углубилася въ аллею,
Все дальше, глубже,—онъ за нею,
Схватясь за нóжны палаша,
Кричитъ: «постой, моя душа!»
Куда! красавица не слышитъ,
Она все далѣе бѣжитъ,
Высоко грудь младая дышетъ
И шляпка на спинѣ виситъ.
Но вдругъ споткнулась, оступилась,
Въ травѣ запуталась густой...
Стремглавъ на землю повалилась;
А нашъ повѣса тутъ какъ тутъ...
. . . .
—Скажи мнѣ, какъ тебя зовутъ?
«Малашей».—Ну, прощай, Малаша...
«Куда же?»—Развѣ киснуть тутъ?
Болтать не любитъ братья наша,
Притомъ въ лѣсу...

И пріосанясь, рыцарь нашъ
Насупилъ брови, покосился,
Подъ мышку, молча, взялъ палашъ...
И почью въ лагерь возвратясь,

Въ палаткѣ дымной, межъ друзьями,
Онъ рекъ, съ сапогъ счищая грязь:
«Блаженъ, кто подъ вечеръ въ саду
Красотку добрую находитъ,
Бѣжитъ за ней, интрижку сводитъ...»

УЛАНША.

(отрывки).

Идетъ нашъ пестрый эскадронъ
Шумящей, пьяною толпою;
Повѣсъ усталыхъ клонитъ сонъ.
Ужъ поздно. Темной синевою
Покрылось небо, день угасъ.
Повѣсы ропщутъ:
«Эдакъ насъ
Прогонятъ черезъ всю Европу!
Ужель Ижорки не видать?...
Ты, братецъ, придавилъ мнѣ ногу!...
Дай трубку!... тише!...
Вотъ подняли опять тревогу!»
Но вотъ Ижорка, слава Богу!
Пора раскланяться съ конемъ.
Какъ должно, вышелъ на дорогу
Уланъ съ завернутымъ значкомъ;
Онъ по квартирамъ важно, чинно
Повелъ начальниковъ съ собой,
Хотя, признаться, запахъ винной
Изобличалъ его порой. . . . .
Но безъ вина, что жизнь улана?
Его душа на днѣ стакана
И кто два раза въ день не пьянъ,
Тотъ, извините, не уланъ.

Сказать вамъ имя квартирьера?
То былъ Лафа, буянъ лихой,
Съ чьей молодецкой головой
Ни доппель-кюммель, ни мадера,
Ни даже шумное ап
Ни разу сладить не могли...
Его коричневая кожа
Была въ сіяющихъ угряхъ.
Ну словомъ все, походка, рожа—
На сердце наводило страхъ.
Надвинувъ шапку на затылокъ,
Идетъ онъ; все гремитъ на немъ,
Какъ дюжина пустыхъ бутылокъ,
Толкаясь въ ящикѣ большомъ.
Шумя, какъ бѣсъ, онъ въ избу входитъ,
Шинель, скользя, валится съ плечъ,
Глазами вкругъ онъ косо водитъ
И мнитъ, что видитъ сотню свѣчъ,—
Въ избѣ жъ всего одна лучина:
Предъ нимъ треща, горитъ она,
Но что за дивная картина
Ея лучемъ озарена?
Сквозь дымъ волшебный, дымъ табачный,
Мелькаютъ лица юнкеровъ.
Ихъ рѣчи пьяны, взоры страшны,
Кто въ збруѣ весь, кто не таковъ.
Пируютъ... Въ ихъ кругу туманномъ
Дубовый столъ и ковшъ на немъ
И пуншъ въ ушатѣ деревянномъ
Пылаетъ синимъ огонькомъ...
. . . .
Идутъ... и разъярясь, какъ звѣри,
Всѣ кинулись они—и вдругъ
Съ тяжелой и дебелой двери
Какъ разъ слетѣлъ желѣзный крюкъ...

Они въ пылу самозабвенья
Ни слезъ, ни жаркаго моленья,
Ни тяжкихъ воплей не поймутъ...
Они идутъ! пришли! О, Боже!
Но скоро, скоро страхъ изчезъ...
. . . .
На утро днѐвное свѣтило
Взошло сквозь сѣрыхъ облаковъ
И кровли спящія домовъ
Лучемъ багровымъ озарило.
Вдругъ слышенъ крикъ: вставай скорѣй!
Ужъ сборъ пробили барабаны,
И полусонные уланы
Зѣвая сѣли на коней...
. . . .
Съ тѣхъ поръ промчалось много дней,
Но справедливое преданье
Навѣки сохранило ей
Уланши грозное прозванье.

1835.

МАСКАРАДЪ.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АРБЕНИНЪ, ЕВГЕНІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.
НИНА, жена его.
КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ.
БАРОНЕССА ШТРАЛЬ.
КАЗАРИНЪ, АѲАНАСІЙ ПАВЛОВИЧЪ.
ШПРИХЪ, АДАМЪ ПЕТРОВИЧЪ.
МАСКА.
ЧИНОВНИКЪ.
ИГРОКИ.
ГОСТИ.
СЛУЖИТЕЛИ И СЛУЖАНКИ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ИГРОКИ, КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ, КАЗАРИНЪ И ШПРИХЪ. (За столомъ мечутъ банкъ и понтируютъ. Кругомъ стоятъ).

ПЕРВЫЙ ПОНТЕРЪ.

Иванъ Ильичъ, позвольте мнѣ поставить.

БАНКОМЕТЪ.

Извольте.

ПЕРВЫЙ ПОНТЕРЪ.

Сто рублей.

БАНКОМЕТЪ.

Идетъ.

ВТОРОЙ ПОНТЕРЪ.

Ну, добрый путь.

ТРЕТІЙ ПОНТЕРЪ.

Вамъ надо счастіе поправить,
А семпелями плохо...

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОНТЕРЪ.

Надо гнуть.

ТРЕТІЙ ПОНТЕРЪ.

Пусти.

ВТОРОЙ ПОНТЕРЪ.

На все?... Нѣтъ, жжется!

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОНТЕРЪ.

Послушай, милый другъ: кто нынѣче не гнется,
Ни до чего тотъ не добьется.

ТРЕТІЙ ПОНТЕРЪ (тихо первому).

Смотри во всѣ глаза.

КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ.

Ва-банкъ!

ВТОРОЙ ПОНТЕРЪ.

Эй, князь!
Гнѣвъ только портитъ кровь — играйте не сердясь.

КНЯЗЬ.

На этотъ разъ оставьте хоть совѣты.

БАНКОМЕТЪ.

Убита.

КНЯЗЬ.

Чортъ возьми!

БАНКОМЕТЪ.

Позвольте получить.

ВТОРОЙ ПОНТЕРЪ (насмѣшливо).

Я вижу, вы въ пылу готовы все спустить!
Что стоятъ ваши эполеты?

КНЯЗЬ.

Я съ честью ихъ досталъ, и вамъ ихъ не купить.

ВТОРОЙ ПОНТЕРЪ (сквозь зубы, уходя).

Скромнѣй бы надо быть
Съ такимъ несчастіемъ и въ ваши лѣты.

(Князь, выпивъ стаканъ лимонада, садится къ сторонѣ и задумывается).

ШПРИХЪ (подходитъ съ участіемъ).

Не нужно ль денегъ, князь?... Я тотчасъ помогу.
Проценты вздорные... а ждать сто лѣтъ могу.

(Князь холодно кланяется и отворачивается. Шприхъ съ неудовольствіемъ уходитъ).

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

АРБЕНИНЪ И ПРОЧІЕ. (Арбенинъ входитъ, кланяется, подходя къ столу, потомъ дѣлаетъ нѣкоторые знаки и отходитъ съ Казаринымъ).

АРБЕНИНЪ.

Ну, что? ужъ ты не мечешь — а? Казаринъ.

КАЗАРИНЪ.

Смотрю, братъ, на другихъ.
А ты, любезнѣйшій, женатъ, богатъ, сталъ баринъ
И позабылъ товарищей своихъ!

АРБЕНИНЪ.

Да, я давно ужъ не былъ съ вами.

КАЗАРИНЪ.

Дѣлами занятъ все?

АРБЕНИНЪ.

Любовью... не дѣлами.

КАЗАРИНЪ.

Съ женой по баламъ?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ.

КАЗАРИНЪ.

Играешь?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ... утихъ!
Но здѣсь есть новые. Кто это франтикъ?

КАЗАРИНЪ.

Шприхъ.
Адамъ Петровичъ!... Я васъ познакомлю разомъ.
(Шприхъ подходитъ и кланяется).
Вотъ здѣсь пріятель мой, рекомендую вамъ —
Арбенинъ.

ШПРИХЪ.

Я васъ знаю.

АРБЕНИНЪ.

Помнится, что намъ
Встрѣчаться не случалось.

ШПРИХЪ.

По разсказамъ —
И столько я о васъ слыхалъ того-сего,
Что познакомиться давнымъ-давно желаю.

АРБЕНИНЪ.

Про васъ я не слыхалъ, къ несчастью, ничего;
Но многое отъ васъ, конечно, я узнаю.
(Раскланиваются опять. Шприхъ, скорчивъ кислую мину, уходитъ).
Онъ мнѣ не нравится. Видалъ я много рожъ,
А этакой не выдумать нарочно:
Улыбка злобная, глаза — стеклярусъ точно,
Взглянуть — не человѣкъ, а съ чортомъ не похожъ.

КАЗАРИНЪ.

Эхъ, братецъ мой, что видъ наружный?
Пусть будетъ хоть самъ чортъ... да человѣкъ онъ нужный.
Лишь адресуйся — одолжитъ.
Какой онъ націи — сказать не знаю смѣло:

На всѣхъ языкахъ говоритъ —
Вѣрнѣй всего что жидъ.
Со всѣми онъ знакомъ, вездѣ ему есть дѣло,
Все помнитъ, знаетъ все, въ заботѣ цѣлый вѣкъ;
Былъ битъ не разъ; съ безбожникомъ—безбожникъ,
Съ святошей — езуитъ, межъ нами — злой картежникъ,
А съ честными людьми — пречестный человѣкъ.
Короче, ты его полюбишь, я увѣренъ.

АРБЕНИНЪ.

Портретъ хорошъ — оригиналъ-то скверенъ!
Ну, а вонъ тотъ высокій и въ усахъ,
И нарумяненый въ добавокъ?
Конечно, житель модныхъ лавокъ,
Любезникъ отставной, и былъ въ чужихъ краяхъ?
Конечно, онъ герой не въ дѣлѣ
И мастерски стрѣляетъ въ цѣль?

КАЗАРИНЪ.

Почти... Онъ изъ полка былъ выгнанъ за дуэль,
Или за то, что не былъ на дуэли:
Боялся быть убійцей, да и мать
Къ тому жъ строга; потомъ лѣтъ черезъ пять
Былъ вызванъ онъ опять,
И тутъ дрался ужъ въ самомъ дѣлѣ.

АРБЕНИНЪ.

А этотъ маленькій каковъ?
Растрепанный, съ улыбкой откровенной,
Съ крестомъ и табакеркою?

КАЗАРИНЪ.

Трущовъ.
О! малый онъ неоцѣненный:
Семь лѣтъ онъ въ Грузіи служилъ,
Иль посланъ былъ туда съ какимъ-то генераломъ,
Изъ-за угла кого-то такъ хватилъ;

Пять лѣтъ за то былъ подъ началомъ,
И крестъ на шею получилъ.

АРБЕНИНЪ.

Да вы разборчивы на новыя знакомства!

ИГРОКИ (кричатъ).

Казаринъ! Аѳанасій Павловичъ! сюда!

КАЗАРИНЪ.

Иду! (Съ притворнымъ участіемъ).
Примѣръ ужасный вѣроломства!
Ха-ха-ха-ха!

ПЕРВЫЙ ПОНТЕРЪ.

Скорѣй!

КАЗАРИНЪ.

Какая тамъ бѣда?

(Живой разговоръ между игроками, потомъ они успокоиваются. Арбенинъ замѣчаетъ князя Звѣздича и подходитъ).

АРБЕНИНЪ.

Князь! какъ, вы здѣсь? ужель не въ первый разъ?

КНЯЗЬ (недовольно).

Я то же самое хотѣлъ спросить у васъ.

АРБЕНИНЪ.

Я вашъ отвѣтъ предупрежду, пожалуй:
Я здѣсь давно знакомъ, и часто здѣсь, бывало,
Смотрѣлъ съ волненіемъ нѣмымъ,
Какъ колесо вертѣлось счастья:
Одинъ былъ вознесенъ, другой раздавленъ имъ!
Я не завидовалъ, но и не зналъ участья.
Видалъ я много юношей, надеждъ
И чувства полныхъ, счастливыхъ невѣждъ
Въ наукѣ жизни, пламенныхъ душою,
Которыхъ прежде цѣль была одна любовь...
Они погибли быстро предо мною...
И вотъ мнѣ суждено увидѣть это вновь!

КНЯЗЬ (съ чувствомъ беретъ его за руку).

Я проигрался!

АРБЕНИНЪ.

Вижу. Что жъ? топиться?

КНЯЗЬ.

О, я въ отчаяньи!

АРБЕНИНЪ.

Два средства только есть:
Дать клятву за игру вовѣки не садиться,
Или опять сейчасъ же сѣсть.
Но, чтобы здѣсь выигрывать рѣшиться,
Вамъ надо кинуть все: родныхъ, друзей и честь;
Вамъ надо испытать, ощупать безпристрастно
Свои способности и душу; по частямъ
Ихъ разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицахъ чуть знакомыхъ вамъ
Всѣ побужденья, мысли; — годы
Употребить на упражненье рукъ;
Все презирать: законъ людей, законъ природы;
День думать, ночь играть, отъ мукъ не знать свободы —
И чтобъ никто не понялъ вашихъ мукъ!
Не трепетать, когда близъ васъ искусствомъ равный;
Удачи каждый мигъ постыдный ждать конецъ
И не краснѣть, когда вамъ скажутъ явно:
«Подлецъ!»
(Молчаніе. Князь его слушалъ и былъ въ волненіи).

КНЯЗЬ.

Не знаю, какъ мнѣ быть, что дѣлать?

АРБЕНИНЪ.

Что хотите.

КНЯЗЬ.

Быть можетъ, счастіе...

АРБЕНИНЪ.

О, счастія здѣсь нѣтъ!

КНЯЗЬ.

Я все вѣдь проигралъ... Ахъ, дайте мнѣ совѣтъ!

АРБЕНИНЪ.

Совѣтовъ не даю.

КНЯЗЬ.

Ну, сяду...

АРБЕНИНЪ (вдругъ беретъ его за руку).

Погодите!
Я сяду вмѣсто васъ. Вы молоды — я былъ
Неопытенъ когда-то и моложе.
Какъ вы заносчивъ, опрометчивъ тоже.
И если бъ... (останавливается) кто нибудь меня остановилъ...
То... (смотритъ на него пристально).
(Перемѣнивъ тонъ). Дайте мнѣ на счастье руку смѣло,
А остальное ужъ не ваше дѣло!
(Подходитъ къ столу; ему даютъ мѣсто).
Не откажите инвалиду:
Хочу я испытать, что скажетъ мнѣ судьба,
И дастъ ли нынѣшнимъ поклонникамъ въ обиду
Она стариннаго раба?

КАЗАРИНЪ.

Не вытерпѣлъ... зажглося ретивое!
(Тихо). Ну, не ударь же въ грязь лицомъ
И докажи имъ, что такое
Возиться съ прежнимъ игрокомъ.

ИГРОКИ.

Извольте, вамъ и книги въ руки: вы хозяинъ,
Мы гости.

ПЕРВЫЙ ПОНТЕРЪ (на ухо второму).

Берегись — имѣй теперь глаза!...

Не по нутру мнѣ этотъ Ванька Каинъ
И притузитъ онъ моего туза.

(Игра начинается. Всѣ толпятся вокругъ стола; иногда разные возгласы. Въ продолженіе слѣдующаго разговора многіе мрачно отходятъ отъ стола).

(Шприхъ отводитъ на авансцену Казарина).

ШПРИХЪ (лукаво).

Столпились въ кучку всѣ; кажись, нашла гроза.

КАЗАРИНЪ.

Задастъ онъ имъ на мѣсяцъ страху!

ШПРИХЪ.

Видно,

Что мастеръ.

КАЗАРИНЪ.

Былъ.

ШПРИХЪ.

Былъ? А теперь...

КАЗАРИНЪ.

Теперь?...

Женился и богатъ, сталъ человѣкъ солидный;
Глядитъ ягненочкомъ — а право тотъ же звѣрь...
Мнѣ скажутъ: можно отъучиться,
Натуру побѣдить! Дуракъ, кто говоритъ!
Пусть ангеломъ и притворится,
Да чортъ-то все въ душѣ сидитъ.
И ты, мой другъ (ударивъ по плечу), хоть передъ нимъ ребенокъ,
А и въ тебѣ сидитъ чертенокъ.

(Два игрока въ живомъ разговорѣ подходятъ).

ПЕРВЫЙ ИГРОКЪ.

Я говорилъ тебѣ.

ВТОРОЙ ИГРОКЪ.

Что дѣлать, братъ!

Нашла коса на камень, видно.
Я ль не хитрилъ—нѣтъ, всѣхъ какъ на подрядъ!
Подумать стыдно...

КАЗАРИНЪ (подходитъ).

Что, господа, иль не подъ силу—а?

ПЕРВЫЙ ИГРОКЪ.

Арбенинъ вашъ мастакъ.

КАЗАРИНЪ.

И! что вы, господа!
(Волненіе у стола между игроками).

ТРЕТІЙ ПОНТЕРЪ.

Да эдакъ онъ загнетъ, пожалуй, тысячъ на сто.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОНТЕРЪ (въ сторону).

Обрѣжется...

ПЯТЫЙ ПОНТЕРЪ.

Посмотримъ!

АРБЕНИНЪ (встаетъ).

Баста!

(Беретъ золото и отходитъ; другіе остаются у стола. Казаринъ и Шприхъ также у стола. Арбенинъ молча беретъ за руку князя и отдаетъ ему деньги. Арбенинъ блѣденъ).

КНЯЗЬ.

Ахъ, никогда мнѣ это не забыть!...
Вы жизнь мою спасли...

АРБЕНИНЪ.

И деньги ваши тоже.
(Горько). А право, трудно разрѣшить,
Которое изъ этихъ двухъ дороже.

КНЯЗЬ.

Большую жертву вы мнѣ сдѣлали.

АРБЕНИНЪ.

Ничуть!
Я радъ былъ случаю, чтобъ кровь привесть въ волненье,
Тревогою опять наполнить умъ и грудь.
Я сѣлъ играть—какъ вы пошли бы на сраженье.

КНЯЗЬ.

Но проиграться вы могли?

АРБЕНИНЪ.

Я? нѣтъ!... Тѣ дни блаженные прошли!
Я вижу все насквозь, всѣ тонкости ихъ знаю.
И вотъ зачѣмъ я ныньче не играю.

КНЯЗЬ.

Вы избѣгаете признательность мою....

АРБЕНИНЪ.

По чести вамъ сказать, ее я не терплю.
Ни въ чемъ и никому я не былъ въ жизнь обязанъ;
И если я кому платилъ добромъ,
То все не потому, чтобъ былъ къ нему привязанъ,
А просто—видѣлъ пользу въ томъ.

КНЯЗЬ.

Я вамъ не вѣрю.

АРБЕНИНЪ.

Кто велитъ вамъ вѣрить?
Я къ этому привыкъ съ давнишнихъ поръ.
И если бы не лѣнь, то сталъ бы лицемѣрить...
Но кончимъ этотъ разговоръ.
(Помолчавъ). Разсѣяться бъ и вамъ и мнѣ не худо.
Вѣдь ныньче праздники и, вѣрно, маскарадъ
У Энгельгардта.

КНЯЗЬ.

Да.

АРБЕНИНЪ.

Поѣдемте.

КНЯЗЬ.

Я радъ.

АРБЕНИНЪ (въ сторону).

Въ толпѣ я отдохну.

КНЯЗЬ.

Тамъ женщины есть—чудо!..
И даже тамъ бываютъ, говорятъ...

АРБЕНИНЪ.

Пусть говорятъ—а намъ какое дѣло?
Подъ маской всѣ чины равны;
У маски ни души, ни званья нѣтъ—есть тѣло;
И если маскою черты утаены,
То маску съ чувствъ снимаютъ смѣло.
(Уходятъ).

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

ТѢ ЖЕ, кромѣ Арбенина и князя Звѣздича.

ПЕРВЫЙ ИГРОКЪ.

Забастовалъ онъ кстати. Съ нимъ бѣда!...

ВТОРОЙ ИГРОКЪ.

Хотя бъ опомниться онъ далъ по крайней мѣрѣ.

СЛУГА (входитъ).

Готово ужинать.

ХОЗЯИНЪ.

Пойдемте, господа!
Шампанское утѣшитъ васъ въ потерѣ.
(Уходятъ).

ШПРИХЪ (одинъ).

Съ Арбенинымъ сойтиться я хочу....

И даромъ ужинать желаю.

(Приставивъ палецъ ко лбу).

Отужинаю здѣсь... кой-что еще узнаю,

И въ маскарадъ за ними полечу.

(Уходитъ и разсуждаетъ самъ съ собою).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

МАСКАРАДЪ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

МАСКИ, АРБЕНИНЪ, потомъ КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ. (Толпа проходитъ взадъ и впередъ по сценѣ. На лѣво канапе).

АРБЕНИНЪ (входитъ).

Напрасно я ищу повсюду развлеченья.
Пестрѣетъ и жужжитъ толпа передо мной,
Но сердце холодно и спитъ воображенье:
Они всѣ чужды мнѣ, и я имъ всѣмъ чужой!

(Князь подходитъ, зѣвая).

Вотъ нынѣшнее поколѣнье;
И то ль я былъ въ его лѣта, какъ погляжу?
Что, князь? Не набрели еще на проключенье!

КНЯЗЬ.

Какъ быть! а цѣлый часъ хожу!

АРБЕНИНЪ.

А! вы желаете, чтобъ счастье васъ ловило.
Затѣя новая... пустить бы надо въ свѣтъ.

КНЯЗЬ.

Все маски глупыя...

АРБЕНИНЪ.

Да маски глупой нѣтъ:
Молчитъ—таинственна, заговоритъ—такъ мило.
Вы можете придать ея словамъ
Улыбку, взоръ, какіе вамъ угодно...

Вотъ, напримѣръ, взгляните тамъ—
Какъ выступаетъ благородно
Высокая турчанка... какъ полна!
Какъ дышетъ грудь ея и страстно и свободно!
Вы знаете ли, кто она?
Быть можетъ, гордая графиня иль княжна:
Діана въ обществѣ, Венера въ маскарадѣ;
И также можетъ быть, что эта же краса
Къ вамъ завтра вечеромъ пріидетъ на полчаса.
Въ обоихъ случаяхъ вы, право, не въ накладѣ.
(Уходитъ).

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

КНЯЗЬ И ЖЕНСКАЯ МАСКА. (Одно домино подходитъ и останавливается. Князь стоитъ въ задумчивости).

КНЯЗЬ.

Все такъ! разсказывать легко!
Однако же я все еще зѣваю...
Но вотъ идетъ одна... дай, Господи!
(Одна маска отдѣляется и ударивъ его по плечу):

МАСКА.

Я знаю
Тебя!

КНЯЗЬ.

И видно, очень коротко.

МАСКА.

О чемъ ты размышлялъ—и это мнѣ извѣстно.

КНЯЗЬ.

А въ этомъ случаѣ ты счастливѣй меня.
(Заглядываетъ подъ маску).
Но если не ошибся я,
То ротикъ у нея прелестный.

МАСКА.

Я нравлюся тебѣ—тѣмъ хуже.

КНЯЗЬ.

Для кого?

МАСКА.

Для одного изъ-насъ.

КНЯЗЬ.

Не вижу отчего?...
Ты предсказаніемъ меня не испугаешь,
И я хоть очень не хитеръ,
Но узнаю, кто ты...

МАСКА.

Такъ, стало быть, ты знаешь,
Чѣмъ кончится нашъ разговоръ?...

КНЯЗЬ.

Поговоримъ и разойдемся.

МАСКА.

Право?

КНЯЗЬ.

Налѣво ты, а я направо...

МАСКА.

Но ежели я здѣсь нарочно съ цѣлью той,
Чтобъ видѣться и говорить съ тобой;
Но если я скажу, что черезъ часъ ты будешь
Мнѣ клясться, что во вѣкъ меня не позабудешь;
Что будешь радъ отдать мнѣ жизнь свою въ тотъ мигъ,
Когда я улечу, какъ призракъ безъ названья,
Чтобъ услыхать изъ устъ моихъ
Одно лишь слово: до свиданья!...

КНЯЗЬ.

Ты маска умная, а тратишь много словъ.
Коль знаешь ты меня, скажи, кто я таковъ?

МАСКА.

Ты! безхарактерный, безнравственный, безбожный,
Самолюбивый, злой, но слабый человѣкъ;
Въ тебѣ одномъ весь отразился вѣкъ,
Вѣкъ нынѣшній блестящій, но ничтожный.
Наполнить хочешь жизнь, а бѣгаешь страстей;
Все хочешь ты имѣть, а жертвовать не знаешь;
Людей безъ гордости и сердца презираешь,
А самъ игрушка тѣхъ людей.
О! знаю я тебя...

КНЯЗЬ.

Мнѣ это очень лестно.

МАСКА.

Ты сдѣлалъ много зла....

КНЯЗЬ.

Невольно, можетъ быть.

МАСКА.

Кто знаетъ? Только мнѣ извѣстно,
Что женщинѣ тебя не надобно любить.

КНЯЗЬ.

Я не ищу любви.

МАСКА.

Искать ты не умѣешь.

КНЯЗЬ.

Скорѣй—усталъ искать.

МАСКА.

Но если предъ тобой
Она появится и скажетъ вдругъ: ты мой!
Ужель безчувственнымъ остаться ты посмѣешь?

КНЯЗЬ.

Но кто жъ она?... конечно, идеалъ.

МАСКА.

Нѣтъ, женщина... а дальше—что за дѣло?

КНЯЗЬ.

Но покажи ее, пусть явится мнѣ смѣло.

МАСКА.

Ты хочешь многаго—обдумай, что сказалъ.
(Нѣкоторое молчаніе).
Она не требуетъ ни вздоховъ, ни признанья,
Ни слезъ, ни просьбъ, ни пламенныхъ рѣчей,
. . . .
Но клятву дай оставить всѣ старанья
Развѣдать, кто она... и обо всемъ
Молчать...

КНЯЗЬ.

Клянусь землей и небесами,
И честію моей...

МАСКА.

Смотри жъ! Теперь пойдемъ.
И помни, шутокъ нѣтъ межъ нами...
(Уходятъ подъ руки).

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

АРБЕНИНЪ И ДВѢ МАСКИ. (Арбенинъ тащитъ за руку мужскую маску).

АРБЕНИНЪ.

Вы мнѣ вещей наговорили
Такихъ, сударь, которыхъ честь
Не позволяетъ перенесть...
Вы знаете ль, кто я?

МАСКА.

Я знаю, кто вы были.

АРБЕНИНЪ.

Снимите маску—и сейчасъ!
Вы поступаете безчестно.

МАСКА.

Къ чему? Мое лицо вамъ такъ же неизвѣстно,
Какъ маска; и я самъ васъ вижу въ первый разъ.

АРБЕНИНЪ.

Не вѣрю. Что-то слишкомъ вы меня боитесь.
Сердиться стыдно мнѣ. Вы трусъ; подите прочь!

МАСКА.

Прощайте же, но берегитесь:
Несчастье съ вами будетъ въ эту ночь.
(Исчезаетъ въ толпѣ).

АРБЕНИНЪ.

Постой!... пропалъ!... Кто жъ онъ? Вотъ далъ мнѣ Богъ заботу!
Трусливый врагъ какой нибудь,
А имъ вѣдь у меня нѣтъ счету.
Ха-ха-ха-ха! Прощай, пріятель, добрый путь.

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ШПРИХЪ И АРБЕНИНЪ. (Шприхъ является).

(На канапе сидятъ двѣ женскія маски; кто-то подходитъ и интригуетъ, беретъ за руку... одна вырывается и уходитъ; браслетъ спадаетъ съ руки).

ШПРИХЪ.

Кого вы такъ безжалостно тащили,
Евгеній Александрычъ?

АРБЕНИНЪ.

Такъ, шутилъ
Съ пріятелемъ.

ШПРИХЪ.

Конечно, пошутили
Вы не на шутку съ нимъ: онъ шелъ и васъ бранилъ.

АРБЕНИНЪ.

Кому?

ШПРИХЪ.

Какой-то маскѣ.

АРБЕНИНЪ.

Слухъ завидный
У васъ.

ШПРИХЪ.

Я слышу все и обо всемъ молчу
И не въ свои дѣла не суюсь...

АРБЕНИНЪ.

Это видно.
Такъ, стало быть, не знаете... ну, какъ не стыдно!
Объ этомъ...

ШПРИХЪ.

О чемъ это-съ?

АРБЕНИНЪ.

Да нѣтъ, я такъ, шучу...

ШПРИХЪ.

Скажите...

АРБЕНИНЪ.

Говорятъ, у васъ жена красотка...

ШПРИХЪ.

Ну-съ, что жъ?

АРБЕНИНЪ (перемѣнивъ тонъ).

А ѣздитъ къ вамъ тотъ смуглый и въ усахъ?
(Насвистываетъ пѣсню и уходитъ).

ШПРИХЪ (одинъ).

Чтобъ у тебя засохла глотка!...
Смѣешься надо мной... такъ будешь самъ въ рогахъ.
(Теряется въ толпѣ).

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ПЕРВАЯ МАСКА (одна).

(Первая маска входитъ быстро, въ волненіи, и падаетъ на канапе).

Ахъ!... я едва дышу... онъ все бѣжалъ за мною.
Что если бы онъ сорвалъ маску... нѣтъ,
Онъ не узналъ меня... да и какой судьбою
Подозрѣвать, что женщина, которой свѣтъ
Дивится съ завистью, въ пылу самозабвенья
Къ нему на шею кинется, моля
Дать ей два сладкія мгновенья,
Не требуя любви, но только сожалѣнья,
И дерзко скажетъ: я твоя!..
Онъ этой тайны вѣчно не узнаетъ...
Пускай... я не хочу... но онъ желаетъ
На память у меня какой нибудь предметъ,
Кольцо... что дѣлать!... рискъ ужасный!
(Видитъ на землѣ браслетъ и поднимаетъ).
Вотъ счастье! Боже мой! потерянный браслетъ
Съ эмалью, золотой... отдамъ ему. Прекрасно!...
Пусть ищетъ съ нимъ меня.

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

ПЕРВАЯ МАСКА И КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ. (Князь съ лорнетомъ торопливо продирается).

КНЯЗЬ.

Такъ точно... вотъ она!
Межъ тысячи другихъ теперь ее узнаю.
(Садится на канапе и беретъ ее за руку).
О, ты не убѣжишь...

МАСКА.

Я васъ не убѣгаю.
Чего хотите вы?

КНЯЗЬ.

Васъ видѣть.

МАСКА.

Мысль смѣшна!
Я передъ вами...

КНЯЗЬ.

Это шутка злая!
Но цѣль твоя шутить, а цѣль моя — другая...
И если мнѣ небесныя черты
Сейчасъ же не откроешь ты,
То я сорву коварную личину;
Я силою...

МАСКА.

Поймите же мужчину!...
Вы недовольны... Мало вамъ того,
Что я люблю васъ... нѣтъ, вамъ хочется всего,
Вамъ надо честь мою на поруганье,
Чтобъ, встрѣтившись со мной на балѣ, на гуляньѣ,
Могли бы вы со смѣхомъ разсказать
Друзьямъ смѣшное приключенье
И, разрѣшая ихъ сомнѣнье,
Примолвить: вотъ она! и пальцемъ указать.

КНЯЗЬ.

Я вспомню голосъ твой.

МАСКА.

Пожалуй — вотъ ужъ чудо!
Сто женщинъ говорятъ всѣ голосомъ такимъ;
Васъ пристыдятъ — лишь адресуйтесь къ нимъ,
И это было бы нехудо!

КНЯЗЬ.

Но счастіе мое неполно.

МАСКА.

А какъ знать!
Вы, можетъ быть, должны судьбу благословлять
За то, что маску не хочу я снять.
Быть можетъ, я стара, дурна... Какую мину
Вы сдѣлали бы мнѣ!

КНЯЗЬ.

Ты хочешь испугать.
Но, зная прелестей твоихъ лишь половину,
Какъ остальныхъ не отгадать?

МАСКА (хочетъ идти).

Прощай навѣки!

КНЯЗЬ.

О, еще мгновенье!
Ты ничего на память не оставишь? Нѣтъ
Въ тебѣ къ безумцу сожалѣнья?

МАСКА (отойдя два шага).

Вы правы: жаль мнѣ васъ — возьмите мой браслетъ.
(Бросаетъ браслетъ на полъ; пока онъ его поднимаетъ, она скрывается въ толпѣ).

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

КНЯЗЬ, ПОТОМЪ АРБЕНИНЪ.

КНЯЗЬ (ищетъ ее глазами напрасно).

Я въ дуракахъ!... есть отчего разсудка
Лишиться... (Увидя Арбенина). А!

АРБЕНИНЪ (идетъ задумчивъ).

Кто этотъ злой пророкъ?...
Онъ долженъ знать меня... и врядъ ли это шутка.

КНЯЗЬ (подходя).

Мнѣ въ пользу послужилъ вашъ давишній урокъ.

КНЯЗЬ.

Васъ видѣть.

МАСКА.

Я передъ вами...

...нъ.

...чно такъ.

КНЯЗЬ.

Но цѣль твоя шут... я думалъ: кончилъ дѣло!
И если мнѣ... ладонь)... Теперь себя могу увѣрить
Сейчасъ... смѣло,
То я сог... сонъ, такъ я большой дуракъ.
Я сил...

АРБЕНИНЪ.

...ничего, и потому не спорю.

КНЯЗЬ.

Да вы все шутите. Помочь нельзя ли горю?
Я все вамъ разскажу... (Нѣсколько словъ на ухо).
Какъ я былъ удивленъ!
Пуговка вырвалась — и вотъ (показываетъ браслетъ)
какъ будто сонъ!...
Конецъ прежалобный...

АРБЕНИНЪ (улыбаясь).

А начали нехудо...

. . . .

Но покажите-ка. Браслетъ довольно милъ,
И гдѣ-то я видалъ такой же... погодите...
Да нѣтъ, не можетъ быть... забылъ...

КНЯЗЬ.

Гдѣ отыскать ее?...

АРБЕНИНЪ.

Любую подцѣпите:
Здѣсь много ихъ — искать недалеко!

КНЯЗЬ.

не она?

АРБЕНИНЪ.

А можетъ быть легко.
за бѣда?... Вообразите...

КНЯЗЬ.

ее сыщу на днѣ морскомъ; браслетъ
поможетъ мнѣ.

АРБЕНИНЪ.

Ну, сдѣлаемъ два тура.
Но ежели она не вовсе дура,
То здѣсь ея давно простылъ и слѣдъ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

АРБЕНИНЪ (входитъ); СЛУГА.

АРБЕНИНЪ.

Ну, вотъ и вечеръ конченъ — какъ я радъ!
Пора хотя на мигъ забыться.
Весь этотъ пестрый сбродъ — весь этотъ маскарадъ
Еще въ умѣ моемъ кружится,
И что же я тамъ дѣлалъ, не смѣшно ль?...
Давалъ любовнику совѣты,
Догадки повѣрялъ, сличалъ браслеты,
И за другихъ мечталъ, какъ дѣлаютъ поэты,
Ей Богу, мнѣ такая роль
Ужъ не подъ лѣты!
(Слугѣ) Что, барыня пріѣхала домой?

СЛУГА.

Нѣтъ-съ.

АРБЕНИНЪ.

А когда же будетъ?

СЛУГА.

Обѣщала-съ
Въ двѣнадцатомъ часу.

АРБЕНИНЪ.

Теперь ужъ часъ второй—
Не ночевать же тамъ она осталась!

СЛУГА.

Не знаю-съ.

АРБЕНИНЪ.

Будто бы? Иди! свѣчу
Поставь на столъ. Какъ будетъ нужно, я вскричу.
(Слуга уходитъ; онъ садится въ кресла).

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

АРБЕНИНЪ (одинъ).

Богъ справедливъ! и я теперь едва ли
Не осужденъ нести печали
За всѣ грѣхи минувшихъ дней.
Бывало, такъ меня чужія жены ждали;
Теперь я жду жены своей...
Въ кругу обманщицъ милыхъ я напрасно
И глупо юность погубилъ;
Любимъ былъ часто пламенно и страстно,
И ни одну изъ нихъ я не любилъ.
Романа не начавъ, я зналъ уже развязку,
И для другихъ сердецъ твердилъ
Слова любви, какъ няня сказку,
И тяжко стало мнѣ, и скучно жить!
И кто-то подалъ мнѣ тогда совѣтъ лукавой:
Жениться... чтобъ имѣть святое право
Ужъ ровно никого на свѣтѣ не любить,
И я нашелъ жену — покорное созданье.
Она была прекрасна и нѣжна;

Какъ агнецъ Божій на закланье,
Мной къ алтарю она приведена...
И вдругъ во мнѣ забытый звукъ проснулся:
Я въ душу мертвую свою
Взглянулъ... и увидалъ, что я ее люблю,
И стыдно молвить—ужаснулся!...
Опять мечты, опять любовь
Въ пустой груди бушуютъ на просторѣ.
Изломанный челнокъ—я снова брошенъ въ море!
Вернусь ли къ пристани я вновь?...
(Задумывается).

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

АРБЕНИНЪ и НИНА. (Нина входитъ на цыпочкахъ и цѣлуетъ его въ лобъ сзади).

АРБЕНИНЪ.

Ахъ, здравствуй, Нина... наконецъ!
Давно пора.

НИНА.

Неужели такъ поздно?

АРБЕНИНЪ.

Я жду тебя ужъ цѣлый часъ.

НИНА.

Серьезно?
Ахъ, какъ ты милъ!

АРБЕНИНЪ.

А думаетъ—глупецъ!
Онъ ждетъ себѣ, а я...

НИНА.

Ахъ, мой Творецъ!...
Да ты всегда не въ духѣ, смотришь грозно,
И на тебя ничѣмъ не угодишь.

Скучаешь ты со мною розно,
А встрѣтимся—ворчишь.
Скажи мнѣ просто: «Нина,
Кинь свѣтъ, я буду жить съ тобой
И для тебя. Зачѣмъ другой мужчина,
Какой нибудь бездушный и пустой,
Бульварный франтъ, затянутый въ корсетѣ,
Съ утра до вечера тебя встрѣчаетъ въ свѣтѣ,
А я лишь часъ какой нибудь на дню
Могу сказать тебѣ два слова!»
Скажи мнѣ это—я готова:
Въ деревнѣ молодость свою я схороню,
Оставлю балы, пышность, моду
И эту скучную свободу.
Скажи лишь просто мнѣ какъ другу... Но къ чему
Меня воображеніе умчало!...
Положимъ, ты меня и любишь, но такъ мало,
Что даже не ревнуешь ни къ кому!

АРБЕНИНЪ (улыбаясь).

Какъ быть! Я жить привыкъ безпечно,
И ревновать смѣшно...

НИНА.

Конечно.

АРБЕНИНЪ.

Ты сердишься?

НИНА.

Нѣтъ, я благодарю.

АРБЕНИНЪ.

Ты опечалилась.

НИНА.

Я только говорю,
Что ты меня не любишь.

АРБЕНИНЪ.

Нина!

НИНА.

Что вы?

АРБЕНИНЪ.

Послушай. Насъ одной судьбы оковы
Связали навсегда... ошибкой, можетъ быть:
Не мнѣ и не тебѣ судить.
(Привлекаетъ къ себѣ на колѣни и цѣлуетъ).
Ты молода лѣтами и душою,
Въ огромной книгѣ жизни ты прочла
Одинъ заглавный листъ и предъ тобою
Открыто море счастія и зла.
Иди любой дорогой,
Надѣйся и мечтай—вдали надежды много,
А въ прошломъ жизнь твоя бѣла!
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мнѣ и любишь—вѣрю я—
Но безотчетно чувствами играя,
И рѣзвясь, какъ дитя.
Но я люблю иначе: я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ;
Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ,
И болѣе всего страдалъ.
Сначала все любилъ, потомъ все презиралъ я;
То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ.
На жизни я своей узналъ печать проклятья,
И холодно закрылъ объятья
Для чувствъ и счастія земли...
Такъ годы многіе прошли.
О дняхъ, отравленныхъ волненьемъ
Порочной юности моей,
Съ какимъ глубокимъ отвращеньемъ

*

Я мыслю на груди твоей!
Такъ, прежде я тебѣ цѣны не зналъ, несчастный;
Но скоро черствая кора
Съ моей души слетѣла—міръ прекрасный
Моимъ глазамъ открылся не напрасно;
И я воскресъ для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то духъ враждебный
Меня уноситъ въ бурю прежнихъ дней,
Стираетъ съ памяти моей
Твой свѣтлый взоръ и голосъ твой волшебный.
Въ борьбѣ съ собой, подъ грузомъ тяжкихъ думъ,
Я молчаливъ, суровъ, угрюмъ.
Боюся осквернить тебя прикосновеньемъ,
Боюсь, чтобы тебя не испугалъ ни стонъ,
Ни звукъ, исторгнутый мученьемъ.
Тогда ты говоришь: меня не любитъ онъ!
(Она ласково смотритъ на него и проводитъ рукой по волосамъ).

НИНА.

Ты странный человѣкъ! Когда краснорѣчиво
Ты про любовь свою разсказываешь мнѣ
И голова твоя въ огнѣ,
И мысль твоя въ глазахъ сіяетъ живо,
Тогда всему я вѣрю безъ труда;
Но часто...

АРБЕНИНЪ.

Часто?...

НИНА.

Нѣтъ, но—иногда!...

АРБЕНИНЪ.

Я сердцемъ слишкомъ старъ, ты слишкомъ молода;
Но чувствовать могли бъ мы ровно.
И, помнится, въ твои года
Всему я вѣрилъ безусловно.

НИНА.

Опять ты недоволенъ... Боже мой!

АРБЕНИНЪ.

О, нѣтъ! я счастливъ, счастливъ... Я жестокой,
Безумный клеветникъ, далеко,
Далеко отъ толпы завистливой и злой,
Я счастливъ . . . . я съ тобой!
Оставимъ прежнее! забвенье
Тяжелой, черной старинѣ!
Я вижу, что Творецъ тебя, въ вознагражденье,
Съ своихъ небесъ послалъ ко мнѣ.

(Цѣлуетъ ея руку и вдругъ на одной не видитъ браслета; останавливается и блѣднѣетъ).

НИНА.

Ты поблѣднѣлъ, дрожишь... о, Боже!

АРБЕНИНЪ (вскакиваетъ).

Я? Ничего! Гдѣ твой другой браслетъ?

НИНА.

Потерянъ.

АРБЕНИНЪ.

А! потерянъ!

НИНА.

Что же?
Бѣды великой въ этомъ нѣтъ:
Онъ двадцать пять рублей, конечно, не дороже.

АРБЕНИНЪ (про себя).

Потерянъ... Отчего я этимъ такъ смущенъ?
Какое странное мнѣ шепчетъ подозрѣнье?
Ужель то было только сонъ,
А это—пробужденье?

НИНА.

Тебя понять я, право, не могу.

АРБЕНИНЪ (пронзительно на нее смотритъ, сложивъ руки).

Браслетъ потерянъ?

НИНА (обидясь).

Нѣтъ, я лгу!

АРБЕНИНЪ (про себя).

Но сходство, сходство!

НИНА.

Вѣрно, уронила
Въ каретѣ я его—велите обыскать.
Конечно бъ я его не смѣла взять,
Когда бъ вообразила...

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРЕЖНІЕ И СЛУГА.

АРБЕНИНЪ (звонитъ; слуга входитъ).

(Слугѣ) Карету обыщи ты вдоль и поперегъ:
Потерянъ тамъ браслетъ... Избави Богъ
Тебя вернуться безъ него! (Ей) О чести,
О счастіи моемъ тутъ рѣчь идетъ.

(Слуга уходитъ).

(Послѣ паузы ей). Но если онъ и тамъ браслета не найдетъ?

НИНА.

Такъ, стало быть, въ другомъ онъ мѣстѣ.

АРБЕНИНЪ.

Въ другомъ? и гдѣ—ты знаешь?

НИНА.

Въ первый разъ
Такъ скупы вы и такъ суровы;
И чтобъ скорѣй утѣшить васъ,
Я завтра жъ закажу такой же точно новый.

(Слуга входитъ).

АРБЕНИНЪ.

Ну, что?... скорѣе отвѣчай...

СЛУГА.

Я перешарилъ всю карету-съ...

АРБЕНИНЪ.

И не нашелъ тамъ?

СЛУГА.

Нѣту-съ.

АРБЕНИНЪ.

Я это зналъ... Ступай!
(Значительный взглядъ на нее).

СЛУГА.

Конечно, въ маскарадѣ онъ потерянъ.

АРБЕНИНЪ.

А! въ маскарадѣ!... такъ вы были тамъ?

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ СЛУГИ.

АРБЕНИНЪ (слугѣ).

Иди! (Ей) Что стоило бы вамъ
Сказать объ этомъ прежде? Я увѣренъ,
Что мнѣ тогда имѣть позволили бы честь
Васъ проводить туда и васъ домой отвезть;
Я бъ вамъ не помѣшалъ ни строгимъ наблюденьемъ,
Ни пошлой нѣжностью своей...
Съ кѣмъ были вы?

НИНА.

Спросите у людей:
Они вамъ скажутъ все, и даже съ прибавленьемъ.
Они по пунктамъ объяснятъ:
Кто былъ тамъ, съ кѣмъ я говорила,

Кому браслетъ на память подарила.
И вы узнаете все лучше во сто кратъ,
Чѣмъ если бъ съѣздили вы сами въ маскарадъ.
(Смѣется). Смѣшно, смѣшно, ей Богу!
Не стыдно ли, не грѣхъ
Изъ пустяковъ поднять тревогу?

АРБЕНИНЪ.

Дай Богъ, чтобъ это былъ твой не послѣдній смѣхъ!

НИНА.

О, если ваши продолжатся бредни,
То это, вѣрно, не послѣдній.

АРБЕНИНЪ.

Кто знаетъ, можетъ быть...
Послушай, Нина!... я смѣшонъ, конечно,
Тѣмъ, что люблю тебя такъ сильно, безконечно,
Какъ только можетъ человѣкъ любить.
И что за диво? у другихъ на свѣтѣ
Надеждъ и цѣлей милліонъ:
У одного богатство есть въ предметѣ,
Другой въ науки погруженъ,
Тотъ добивается чиновъ, крестовъ, иль славы,
Тотъ любитъ общество, забавы,
Тотъ странствуетъ, тому игра волнуетъ кровь...
Я странствовалъ, игралъ, былъ вѣтренъ и трудился,
Постигъ друзей, коварную любовь,
Чиновъ я не хотѣлъ, а славы не добился.
Богатъ и безъ гроша—былъ скукою томимъ.
Вездѣ я видѣлъ зло и, гордый, передъ нимъ
Нигдѣ не преклонился.
Все, что осталось мнѣ отъ жизни—это ты:
Созданье слабое, но ангелъ красоты!
Твоя любовь, улыбка, взоръ, дыханье...
Я человѣкъ—пока они мои;

Безъ нихъ — нѣтъ у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!
Но если я обманутъ... если я
Обманутъ... если на груди моей змѣя
Такъ много дней была согрѣта... если точно
Я правду отгадалъ... и, лаской усыпленъ,
Съ другимъ осмѣянъ былъ заочно!
Послушай, Нина... я рожденъ
Съ душой кипучею, какъ лава:
Покуда не растопится, тверда
Она какъ камень... но плоха забава
Съ ея потокомъ встрѣтиться! Тогда,
Тогда не ожидай прощенья —
Закона я на месть свою не призову,
Но самъ, безъ слезъ и сожалѣнья,
Двѣ наши жизни разорву!
(Хочетъ взять ее за руку, она отскакиваетъ въ сторону).

НИНА.

Не подходи... О, какъ ты страшенъ!

АРБЕНИНЪ.

Неужели?...
Я страшенъ? Нѣтъ, ты шутишь, я смѣшонъ!
Да смѣйтесь, смѣйтесь же... Зачѣмъ, достигнувъ цѣли,
Блѣднѣть и трепетать? Скорѣе! гдѣ же онъ,
Любовникъ пламенный, игрушка маскарада?
Пускай потѣшится, придетъ.
Вы дали мнѣ вкусить почти всѣ муки ада —
И этой лишь недостаетъ.

НИНА.

Такъ вотъ какое подозрѣнье!
И этому всему виной одинъ браслетъ!
Повѣрьте, ваше поведенье
Не я одна, но осмѣетъ весь свѣтъ!

АРБЕНИНЪ.

Да! смѣйтесь надо мной вы всѣ, глупцы земные,
Безпечные, но жалкіе мужья,
Которыхъ нѣкогда обманывалъ и я,
Которые межъ тѣмъ живете какъ святые
Въ раю... увы!... Но ты, мой рай,
Небесный и земной, прощай!...
Прощай! я знаю все! (Ей). Прочь отъ меня, гіена!
И думалъ я, глупецъ, что тронута, съ тоской,
Съ раскаяньемъ во всемъ передо мной
Она откроется, упавши на колѣна?
Да! я бъ смягчился, если бъ увидалъ
Одну слезу... одну... Нѣтъ, смѣхъ былъ мнѣ отвѣтомъ!

НИНА.

Не знаю, кто меня оклеветалъ,
Но я прощаю вамъ, я не виновна въ этомъ.
Жалѣю, хоть помочь вамъ не могу,
И чтобъ утѣшить васъ, конечно, не солгу.

АРБЕНИНЪ.

О, замолчи, прошу тебя... довольно!...

НИНА.

Но слушай... я невинна... пусть
Меня накажетъ Богъ! — послушай...

АРБЕНИНЪ.

Наизусть
Я знаю все, что скажешь ты.

НИНА.

Мнѣ больно
Твои упреки слушать... Я люблю
Тебя, Евгеній.

АРБЕНИНЪ.

Ну, по чести,
Признанье въ пору...

НИНА.

Выслушай, молю!
О, Боже! Но чего жъ ты хочешь?

АРБЕНИНЪ.

Мести!

НИНА.

Кому жъ ты хочешь мстить?

АРБЕНИНЪ.

О, часъ придетъ
И, право, мнѣ вы надивитесь!

НИНА.

Не мнѣ ль?... что жъ медлишь ты?

АРБЕНИНЪ.

Геройство къ вамъ нейдетъ.

НИНА (съ презрѣньемъ).

Кому жъ?

АРБЕНИНЪ.

Вы за кого боитесь?

НИНА.

Ужели много ждетъ меня такихъ минутъ?
О, перестань! ты ревностью своею
Меня убьешь... Я не умѣю
Просить, и ты неумолимъ... Но я и тутъ
Тебѣ прощаю.

АРБЕНИНЪ.

Лишній трудъ.

НИНА.

Однако есть и Богъ... Онъ не проститъ.

АРБЕНИНЪ.

Жалѣю!
(Она въ слезахъ уходитъ).
(Одинъ). Вотъ женщина!... О, знаю я давно
Васъ всѣхъ, всѣ ваши ласки и упреки!
Но жалкое познанье мнѣ дано,
И дорого плачу я за уроки!...
И то сказать, за что меня любить?
За то ль, что у меня и видъ и голосъ грозный?
(Подходитъ къ двери жены и слушаетъ).
Что дѣлаетъ она? Смѣется, можетъ быть!...
Нѣтъ, плачетъ... (уходя) жаль, что поздно...

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

(Баронесса сидитъ на креслѣ, въ усталости, и бросаетъ книгу).

БАРОНЕССА.

Подумаешь: зачѣмъ живемъ мы? Для того ли,
Чтобъ вѣчно угождать на чуждый нравъ
И рабствовать всегда? Жоржъ Зандъ почти что правъ.
Что нынѣ женщина? Созданіе безъ воли,
Игрушка для страстей, иль прихотей другихъ!
Имѣя свѣтъ судьей и безъ защиты въ свѣтѣ,
Она должна таить весь пламень чувствъ своихъ,
Иль удушить ихъ въ полномъ цвѣтѣ.
Что женщина? Ее отъ юности самой
Въ продажу выгодамъ, какъ жертву, убираютъ.

Винятъ въ любви къ себѣ одной,
Любить другихъ не позволяютъ.
Въ груди ея порой бушуетъ страсть:
И если какъ нибудь, забывши свѣта власть,
Она покровъ съ нея уронитъ,
Предастся чувствамъ всей душой —
Тогда прости и счастье и покой!
Свѣтъ тутъ: онъ тайны знать не хочетъ; онъ по виду,
По платью встрѣтитъ честность и порокъ —
Но не снесетъ приличіямъ обиду,
И въ наказаніяхъ жестокъ!... (Хочетъ читать).
Нѣтъ, не могу читать... Меня смутило
Все это размышленье; я боюсь
Его какъ недруга... и, вспомнивъ то, что было,
Сама себѣ еще дивлюсь. (Входитъ Нина).

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

НИНА.

Каталась я въ саняхъ, и мнѣ пришла идея
Къ тебѣ заѣхать, mon amour.

БАРОНЕССА.

C'est une idée charmante vous en avez toujours,
(Садятся). Ты что-то прежняго блѣднѣе
Сегодня, не смотря на вѣтеръ и морозъ,
И красные глаза — конечно, не отъ слезъ?

НИНА.

Я дурно ночь спала, и нынче нездорова.

БАРОНЕССА.

Твой докторъ нехорошъ — возьми другаго.

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ (входитъ).

БАРОНЕССА (холодно).

Ахъ, князь?

КНЯЗЬ.

Я былъ вчера у васъ
Съ извѣстіемъ, что нашъ пикникъ разстроенъ.

БАРОНЕССА.

Прошу садиться, князь.

КНЯЗЬ.

Я спорилъ лишь сейчасъ,
Что огорчитесь вы—но видъ вашъ такъ спокоенъ...

БАРОНЕССА.

Мнѣ, право, жаль.

КНЯЗЬ.

А я—такъ очень радъ.
Пикниковъ двадцать я отдамъ за маскарадъ.

НИНА.

Вчера вы были въ маскарадѣ?

КНЯЗЬ.

Былъ.

БАРОНЕССА.

А въ какомъ нарядѣ?

НИНА.

Тамъ было много?...

КНЯЗЬ.

Да; и тамъ
Подъ маской я узналъ иныхъ изъ нашихъ дамъ.
Конечно, вы охотницы рядиться. (Смѣется).

БАРОНЕССА (горячо).

Я объявить вамъ, князь, должна,
Что эта клевета нимало не смѣшна.
Какъ женщинѣ порядочной рѣшиться
Отправиться туда, гдѣ всякій сбродъ,

Гдѣ всякій вѣтреникъ обидитъ, осмѣетъ;
Рискнуть быть узнанной... Вамъ надобно стыдиться,
Отречься отъ подобныхъ словъ.

КНЯЗЬ.

Отречься не могу; стыдиться же—готовъ.
(Входитъ чиновникъ).

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРЕЖНІЕ И ЧИНОВНИКЪ.

БАРОНЕССА.

Откуда вы?

ЧИНОВНИКЪ.

Сейчасъ лишь изъ правленья,
О дѣлѣ вашемъ я пришелъ поговорить.

БАРОНЕССА.

Его рѣшили?

ЧИНОВНИКЪ.

Нѣтъ, но скоро... Можетъ быть,
Я помѣшалъ...

БАРОНЕССА.

Ничуть. (Отходитъ къ окну и говоритъ).

КНЯЗЬ (въ сторону).

Вотъ время объясниться! (Нинѣ).
Я въ магазинѣ нынче видѣлъ васъ.

НИНА.

Въ какомъ же?

КНЯЗЬ.

Въ англійскомъ.

НИНА.

Давно ль?

КНЯЗЬ.

Сейчасъ.

НИНА.

Мнѣ удивительно, что васъ я не узнала.

КНЯЗЬ.

Вы были заняты.

НИНА (скоро).

Браслетъ я прибирала. (Вынимаетъ изъ ридикуля).
Вотъ къ этому...

КНЯЗЬ.

Премиленькій браслетъ!
Но гдѣ жъ другой?

НИНА.

Потерянъ!

КНЯЗЬ.

Въ самомъ дѣлѣ?...

НИНА.

Что жъ страннаго?

КНЯЗЬ.

И не секретъ—
Когда?

НИНА.

Третьёводня, вчера, на той недѣлѣ—
Зачѣмъ вамъ знать, когда?

КНЯЗЬ.

Я мысль свою имѣлъ,
Довольно странную, быть можетъ... (Въ сторону)
Смущается она—вопросъ ее тревожитъ.
Охъ, эти скромницы! (Ей) Я предложить хотѣлъ
Свои услуги вамъ... онъ можетъ отыскаться...

НИНА.

Пожалуйста... Но гдѣ?

КНЯЗЬ.

А гдѣ жъ потерянъ онъ?

НИНА.

Не помню.

КНЯЗЬ.

Какъ нибудь на балѣ?

НИНА.

Можетъ статься.

КНЯЗЬ.

Или кому нибудь на память подаренъ?

НИНА.

Откуда вывели такое заключенье?
И подарю его кому жъ?...
Не мужу ли?

КНЯЗЬ.

Но будто въ свѣтѣ только мужъ?
Пріятельницъ у васъ толпа—въ томъ нѣтъ сомнѣнья.
Ну, пусть потерянъ онъ—а тотъ,
Который вамъ его найдетъ,
Получитъ ли отъ васъ какое награжденье?

НИНА (улыбаясь).

Смотря...

КНЯЗЬ.

Но если онъ
Васъ любитъ, если въ васъ потерянный свой сонъ
Онъ отыскалъ—и за улыбку вашу, слово,
Не пожалѣетъ ничего земнаго?
Но если сами вы когда нибудь
Ему рѣшились намекнуть
О будущемъ блаженствѣ,—если сами,
Не узнаны, подъ маскою, его

Ласкали вы любви словами...
О... но поймите же!

НИНА.

Изъ этого всего
Я то лишь поняла, что слишкомъ вы забылись...
И ныньче въ первый и послѣдній разъ
Не говорить со мной прошу покорно васъ.

КНЯЗЬ.

О, Боже! Я мечталъ... Ужель вы разсердились?
(Про себя) Ты отвертѣлася добро... но будетъ часъ,
И я своей достигну цѣли.
(Нина отходитъ къ баронессѣ).
(Чиновникъ раскланивается и уходитъ).

НИНА.

Adieu ma chère—до завтра: мнѣ пора.

БАРОНЕССА.

Да подожди, mon ange, съ тобой мы не успѣли
Сказать двухъ словъ (цѣлуются).

НИНА (уходя).

Я завтра жду тебя съ утра. (Уходитъ).

БАРОНЕССА.

Мнѣ день покажется длиннѣй недѣли.

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ НИНЫ И ЧИНОВНИКА.

КНЯЗЬ (въ сторону).

Я отомщу тебѣ! Вотъ скромница нашлась!
Пожалуй, я дуракъ—пожалуй, отречется,
Но я узналъ браслетъ.

БАРОНЕССА.

Задумалися, князь?

КНЯЗЬ.

Да многое раздумать мнѣ придется.

БАРОНЕССА.

Какъ кажется, вашъ разговоръ
Былъ оживленъ—о чемъ былъ споръ?

КНЯЗЬ.

Я утверждалъ, что встрѣтилъ въ маскарадѣ...

БАРОНЕССА.

Кого?

КНЯЗЬ.

Ее.

БАРОНЕССА.

Какъ, Нину?

КНЯЗЬ.

Да.

Я доказалъ ей.

БАРОНЕССА.

Безъ стыда,
Я вижу, вы въ глаза людей злословить рады.

КНЯЗЬ.

Изъ странности рѣшаюсь иногда.

БАРОНЕССА.

Такъ пощадите хоть заочно!
Къ тому же доказательствъ нѣтъ.

КНЯЗЬ.

Нѣтъ! Только мнѣ вчера былъ данъ браслетъ,
И у нея такой же точно.

БАРОНЕССА.

Вотъ доказательство... логическій отвѣтъ!
Такіе же есть въ каждомъ магазинѣ.

*

КНЯЗЬ.

Я нынѣ всѣ изъѣздилъ ихъ,
И тутъ увѣрился, что только два такихъ.

(Послѣ молчанія).

БАРОНЕССА.

Я завтра жъ дамъ совѣтъ полезный Нинѣ:
Не довѣряться болтунамъ.

КНЯЗЬ.

А мнѣ совѣтъ какой?

БАРОНЕССА.

А вамъ?
Смѣлѣе продолжать съ успѣхомъ начатое
И дорожить побольше честью дамъ.

КНЯЗЬ.

За два совѣта вамъ я благодаренъ вдвое.

(Уходитъ).

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

БАРОНЕССА.

Какъ честью женщины такъ вѣтрено шутить!
Откройся я ему—со мной бы было тоже!
Итакъ прощайте, князь! не мнѣ васъ выводить
Изъ заблужденія! о, нѣтъ, избави Боже!
Одно лишь странно мнѣ, какъ я найти могла
Ея браслетъ. Такъ! Нина тамъ была—
И вотъ разгадка всей шарады...
Не знаю, отчего, но я его люблю—
Быть можетъ, такъ, отъ скуки, отъ досады,
Отъ ревности... томлюся и горю,
И нѣту мнѣ ни въ чемъ отрады!
Мнѣ будто слышится и смѣхъ толпы пустой
И шопотъ злобныхъ сожалѣній!
Нѣтъ, я себя спасу... хотя бъ на счетъ другой

От̃ этого стыда... хотя бъ цѣной мученій
Пришлося выкупить проступокъ новый мой...
(Задумывается).
Какая цѣпь ужасныхъ предпріятій!

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

БАРОНЕССА И ШПРИХЪ.

ШПРИХЪ (входитъ, раскланивается).

БАРОНЕССА.

Ахъ, Шприхъ! ты вѣчно кстати.

ШПРИХЪ.

Помилуйте, я былъ бы очень радъ,
Когда бы могъ вамъ быть полезенъ.
Покойный вашъ супругъ...

БАРОНЕССА.

Всегда ль ты такъ любезенъ?

ШПРИХЪ.

Блаженной памяти, баронъ...

БАРОНЕССА.

Тому назадъ
Лѣтъ пять, я помню.

ШПРИХЪ.

Занялъ тысячъ...

БАРОНЕССА.

Знаю!
Но я тебѣ проценты за пять лѣтъ
Отдамъ сегодня же.

ШПРИХЪ.

Мнѣ-съ нужды въ деньгахъ нѣтъ.
Помилуйте-съ, я такъ, случайно вспоминаю.

БАРОНЕССА.

Скажи, что новаго!

ШПРИХЪ.

У графа одного
Наслушался — сейчасъ лишь вышелъ —
Исторій въ свѣтѣ тьма.

БАРОНЕССА.

А ничего
Про князя Звѣздича съ Арбениной не слышалъ?

ШПРИХЪ (въ недоумѣніи).

Нѣтъ... слышалъ... какъ же... нѣтъ...
Объ этомъ говорилъ и замолчалъ ужъ свѣтъ...
(Въ сторону). А что-бишь, я не помню, вотъ ужасно!..

БАРОНЕССА.

О, если это такъ ужъ гласно,
То нечего и говорить!

ШПРИХЪ.

Но я бъ желалъ узнать, какъ вы объ этомъ
Изволите судить?

БАРОНЕССА.

Они осуждены ужъ свѣтомъ.
А впрочемъ, я бъ могла ихъ подарить совѣтомъ —
Сказала бы ему, что женщины цѣнятъ
Настойчивость въ мужчинѣ,
Хотятъ, чтобъ онъ сквозь тысячу преградъ
Къ своей стремился героинѣ.
А ей бы пожелала я
Поменьше строгости и скромности поболѣ...
Прощайте, мосьё Шприхъ, обѣдать ждетъ меня
Сестра; а то бъ осталась съ вами долѣ.
(Уходя, въ сторону).
Теперь я спасена—полезный мнѣ урокъ!

ВЫХОДЪ ВОСЬМОЙ.

ШПРИХЪ (одинъ).

Не безпокойтеся: я понялъ вашъ намекъ
И не дождуся повторенья.
Какая быстрота ума, соображенья!
Тутъ есть интрига... да! вмѣшаюсь въ эту связь —
Мнѣ благодаренъ будетъ князь.
Я попаду къ нему въ агенты...
Потомъ сюда съ рапортомъ прилечу,
И ужъ, авось, тогда хоть получу
Я пятилѣтніе проценты.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Кабинетъ Арбенина.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

АРБЕНИНЪ одинъ; потомъ СЛУГА.

АРБЕНИНЪ.

Все ясно ревности—а доказательствъ нѣтъ!
Боюсь ошибки, а терпѣть нѣтъ силы;
Оставить такъ, забыть минутный бредъ...
Такая жизнь страшнѣй могилы!
Есть люди, я видалъ, съ душой остылой,
Они блаженствуютъ и мирно спятъ въ грозу —
То жизнь завидная!

СЛУГА (входитъ).

Ждетъ человѣкъ внизу.
Принесъ онъ барынѣ записку отъ княгини.

АРБЕНИНЪ.

Да отъ какой?

СЛУГА.

Не разобралъ-съ.

АРБЕНИНЪ.

Записка? къ Нинѣ?...

(Идетъ; слуга остается).

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

АѲАНАСІЙ ПАВЛОВИЧЪ КАЗАРИНЪ И СЛУГА.

СЛУГА.

Сейчасъ лишь баринъ вышелъ-съ; подождите
Немного-съ.

КАЗАРИНЪ.

Хорошо.

СЛУГА.

Я тотчасъ доложу-съ. (Уходитъ).

КАЗАРИНЪ.

Ждать я готовъ хоть годъ, когда хотите,
Мосьё Арбенинъ, и дождусь.
Дѣла мои преплохи, такъ-что грустно!
Товарищъ нуженъ мнѣ искусный.
Недурно, если онъ къ тому жъ
Великодушенъ часто, кстати
Имѣетъ тысячи три душъ
И покровительство у знати.
Арбенина втянуть опять бы надо мнѣ
Въ игру; онъ будетъ вѣренъ старинѣ:
И предъ дѣтьми не оробѣетъ.
А эта молодежь
Мнѣ просто — ножъ!
Толкуй имъ, какъ угодно,
Не знаютъ ни завесть, ни въ пору перестать,
Ни кстати честность показать,
Ни передернуть благородно.
Взгляните-ка, изъ стариковъ
Какъ многіе игрой достигли до чиновъ,

Изъ грязи
Вошли со знатью въ связи;
А все вѣдь отчего? — умѣли сохранять
Приличіе во всемъ, блюсти свои законы,
Держались правилъ — глядь:
При нихъ и честь и милліоны!...

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

КАЗАРИНЪ И ШПРИХЪ. (Входитъ Шприхъ).

ШПРИХЪ.

Ахъ, Аѳанасій Павловичъ! вотъ чудо!
Ахъ, какъ я радъ! не думалъ встрѣтить васъ.

КАЗАРИНЪ.

Я также? Ты съ визитомъ?

ШПРИХЪ.

Да-съ.
А вы?

КАЗАРИНЪ.

Я также!

ШПРИХЪ.

Право? А не худо,
Что мы сошлись; о дѣлѣ объ одномъ
Поговорить мнѣ нужно бъ съ вами.

КАЗАРИНЪ.

Бывало, ты все занятъ былъ дѣлами,
А дѣломъ въ первый разъ.

ШПРИХЪ.

Bon mot вамъ ни почемъ,
А, право, нужное...

КАЗАРИНЪ.

Мнѣ также очень нужно
Съ тобой поговорить.

ШПРИХЪ.

Итакъ, мы сладимъ дружно.

КАЗАРИНЪ.

Не знаю... говори!

ШПРИХЪ.

Позвольте лишь спросить!
Вы слышали ль, что вашъ пріятель
Арбенинъ... (дѣлаетъ пальцами изображеніе роговъ).

КАЗАРИНЪ.

Что?... не можетъ быть!
Ты точно знаешь?...

ШПРИХЪ.

Мой Создатель!
Я самъ улаживалъ — тому лишь пять минутъ;
Кому же знать?

КАЗАРИНЪ.

Бѣсъ вѣчно тутъ-какъ-тутъ.

ШПРИХЪ.

Вотъ видите: жена его намедни,
Не помню я, на балѣ, у обѣдни,
Иль въ маскарадѣ встрѣтилась съ однимъ
Князькомъ; ему она довольно показалась
И очень скоро князь сталъ счастливъ и любимъ.
Но вдругъ красотка передъ нимъ
Отъ прежняго чуть-чуть не отклепалась.
Взбѣсился князь и полетѣлъ вездѣ
Разсказывать — того смотри, что быть бѣдѣ.
Меня просили сладить это дѣло...
Я принялся — и разомъ все поспѣло.
Князь обѣщалъ молчать, записку наваляль,
Покорный вашъ слуга слегка ее поправилъ
И къ мѣсту тотъ же часъ доставилъ.

КАЗАРИНЪ.

Смотри, чтобъ мужъ тебѣ ушей не оборвалъ.

ШПРИХЪ.

Въ такихъ ли я дѣлахъ бывалъ,
А обходилось безъ дуэли...

КАЗАРИНЪ.

И даже не былъ битъ?

ШПРИХЪ.

У васъ все шутка, смѣхъ...
А я всегда скажу, что жизнію безъ цѣли
Не должно рисковать.

КАЗАРИНЪ.

И въ самомъ дѣлѣ!
Такую жизнь, безцѣнную для всѣхъ,
Безъ пользы подвергать — великій грѣхъ.

ШПРИХЪ.

Но это въ сторону; вѣдь я о важномъ съ вами
Хотѣлъ поговорить.

КАЗАРИНЪ.

Что жъ это?

ШПРИХЪ.

Анекдотъ!
А дѣло вотъ въ чемъ...

КАЗАРИНЪ.

Пропадай съ дѣлами!
Арбенинъ, кажется, идетъ.

ШПРИХЪ.

Нѣтъ никого. Мнѣ привезли недавно
Отъ графа Врути пять борзыхъ собакъ.

КАЗАРИНЪ.

Твой анекдотъ, ей-Богу, презабавный.

ШПРИХЪ.

Вашъ братъ охотникъ; вотъ купить бы славно?

КАЗАРИНЪ.

Итакъ, Арбенинъ — какъ дуракъ...

ШПРИХЪ.

Послушайте...

КАЗАРИНЪ.

Попалъ въ-просакъ,
Обманутъ и осмѣянъ явно.
Женитесь послѣ этого!

ШПРИХЪ.

Вашъ братъ
Находкѣ этой былъ бы радъ.

КАЗАРИНЪ.

Въ женитьбѣ вѣрность, счастіе — все враки!
Эй, не женися, Шприхъ!

ШПРИХЪ.

Да я давно женатъ...
Послушайте, одна особенно — вотъ кладъ!

КАЗАРИНЪ.

Жена?

ШПРИХЪ.

Собака.

КАЗАРИНЪ.

Вотъ дались собаки!
Послушай, мой любезный другъ,
Не знаю, какъ жену — что Богъ дастъ — неизвѣстно,

А ты собакъ не скоро сбудешь съ рукъ.
(Арбенинъ входитъ съ письмомъ. Они стояли налѣво у бюро, и они ихъ не видалъ).
Задумчивъ, и съ письмомъ; узнать бы интересно...

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРЕЖНІЕ И АРБЕНИНЪ.

АРБЕНИНЪ (не замѣчая ихъ).

О, благодарность! И давно ли я
Спасъ честь его и будущность, не зная
Почти кто онъ таковъ — и что же?... О, змѣя!
Неслыханная низость!... Онъ, играя,
Какъ воръ вторгается въ мой домъ,
Покрылъ меня позоромъ и стыдомъ!...
И я глазамъ не вѣрилъ, забывая
Весь горькій опытъ многихъ дней,
Я, какъ дитя, незнающій людей,
Не смѣлъ подозрѣвать такого преступленья.
Я думалъ: вся вина ея... не знаетъ онъ,
Кто эта женщина... какъ странный сонъ,
Забудетъ онъ свое ночное приключенье.
Онъ не забылъ — онъ сталъ искать и отыскалъ,
И тутъ — не могъ остановиться...
Вотъ благодарность!... Много я видалъ
На свѣтѣ, а пришлось еще дивиться.
(Перечитываетъ письмо).
«Я васъ нашелъ! Но не хотѣли вы
«Признаться...» Скромность кстати чрезвычайно! —
«Вы правы... что страшнѣй молвы?
«Подслушать насъ могли бъ случайно.
«Такъ! не презрѣніе, но страхъ
«Прочелъ я въ вашихъ пламенныхъ глазахъ.
«Вы тайны любите — и это будетъ тайной!
«Но я скорѣй умру, чѣмъ откажусь отъ васъ.»

ШПРИХЪ.

Письмо! такъ, такъ, оно... Пропало все какъ разъ!

АРБЕНИНЪ.

Ого! искусный соблазнитель, право!
Мнѣ хочется послать ему отвѣтъ кровавый.
(Казарину) А! ты былъ здѣсь?

КАЗАРИНЪ.

Я жду ужъ цѣлый часъ.

ШПРИХЪ (въ сторону).

Отправлюсь къ баронессѣ: пусть хлопочетъ
И разсыпается, какъ хочетъ.
(Приближается къ двери).

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ПРЕЖНІЕ, кромѣ ШПРИХА. (Шприхъ уходитъ незамѣченъ).

КАЗАРИНЪ.

Мы съ Шприхомъ... гдѣ же Шприхъ?
Пропалъ! (Въ сторону).
Письмо! такъ вотъ что! понимаю! (Ему).
Ты въ размышленьи...

АРБЕНИНЪ.

Да, я размышляю.

КАЗАРИНЪ.

О бренности надеждъ и благъ земныхъ?

АРБЕНИНЪ.

Почти... О благодарности.

КАЗАРИНЪ.

Есть мнѣнья
Различныя на этотъ счетъ.
Но что-бъ ни думалъ этотъ или тотъ,
А все предметъ достоинъ размышленья

АРБЕНИНЪ.

Твое же мнѣніе?

КАЗАРИНЪ.

Я думаю, мой другъ,
Что благодарность — вещь, которая тѣмъ болѣ
Зависитъ отъ цѣны услугъ,
Что не всегда добро бываетъ въ нашей волѣ.
Вотъ, напримѣръ, вчера опять
Мнѣ Слукинъ проигралъ почти-что тысячъ пять,
И я, ей-Богу, очень благодаренъ;
Да вотъ какъ: пью ли, ѣмъ, иль сплю,
Все думаю о немъ.

АРБЕНИНЪ.

Ты шутишь все, Казаринъ.

КАЗАРИНЪ.

Послушай. Я тебя люблю
И буду говорить серьезно.
Но сдѣлай милость, братъ, оставь ты видъ свой грозный,
И я открою предъ тобой
Всѣ таинства премудрости земной.
Мое ты хочешь слышать мнѣнье
О благодарности... изволь: возьми терпѣнье.
Что ни толкуй Вольтеръ, или Декартъ,
Міръ для меня — колода картъ,
Жизнь — банкъ: рокъ мечетъ, я играю.
И правила игры я къ людямъ примѣняю.
И вотъ теперь примѣръ
Для поясненья этихъ правилъ:
Пусть разомъ тысячу я на туза поставилъ,
Такъ, по предчувствію — я въ картахъ суевѣръ —
Положимъ, что случайно, безъ обману
Онъ проигралъ — я очень радъ;
Но все никакъ туза благодарить не стану
И молча загребу свой кладъ,

И буду гнуть, да гнуть, покуда не устану;
А тамъ, итоги свелъ
И карту смятую — подъ столъ!
Теперь... Но ты не слушаешь, мой милый?

АРБЕНИНЪ (въ размышленіи).

Повсюду зло, вездѣ обманъ!
И я намедни... я, какъ истуканъ,
Безмолвно слушалъ, какъ все это было!

КАЗАРИНЪ (въ сторону).

Задумался. (Ему). Теперь мы перейдемъ
Къ другому казусу и дѣло разберемъ,
Но постепенно, чтобъ не сбиться.
Положимъ, напримѣръ, въ игру или въ развратъ
Ты бъ захотѣлъ опять пуститься.
И тутъ пріятель твой случится
И скажетъ: «эй! остерегися, братъ!...»
И прочіе премудрые совѣты,
Которые не стоютъ ничего.
И ты случайно, такъ, послушаешь его.
Ему поклонъ и многи лѣты.
И если онъ тебя отъ пьянства удержалъ,
То напои его сейчасъ, безъ замедленья,
И въ карты обыграй въ обмѣнъ за наставленье.
А отъ игры онъ спасъ — такъ ты ступай на балъ,
Влюбись въ его жену... иль можешь не влюбиться,
Но обольсти ее, чтобъ съ мужемъ расплатиться:
Въ обоихъ случаяхъ ты будешь правъ, дружокъ,
И только-что отдашь урокомъ за урокъ.

АРБЕНИНЪ.

Ты славный моралистъ! (Въ сторону).
Такъ это всѣмъ извѣстно...
А! князь! за вашъ урокъ я заплачу вамъ честно.

КАЗАРИНЪ (не обращая вниманія).

Послѣдній пунктъ осталось объяснить.
Ты любишь женщину, ты жертвуешь ей честью,
Богатствомъ, дружбою и жизнью, можетъ быть;
Ты окружилъ ее забавами и лестью,
Но ей за что тебя благодарить?
Ты это сдѣлалъ все изъ страсти
И самолюбія отчасти;
Чтобъ ею обладать, пожертвовалъ ты все,
А не для счастія ее
Да! пораздумай-ка объ этомъ хладнокровно,
И скажешь самъ, что въ мірѣ все условно.

АРБЕНИНЪ (разстроенно).

Да, да, ты правъ; что женщинѣ въ любви?
Побѣды новыя ей нужны ежедневно.
Пожалуй плачь, терзайся и моли—
Смѣшонъ ей видъ и голосъ твой плачевный.
Ты правъ: глупецъ, кто въ женщинѣ одной
Мечталъ найти свой рай земной.

КАЗАРИНЪ.

Ты разсуждаешь очень здраво,
Хотя женатъ и счастливъ.

АРБЕНИНЪ.

Право?

КАЗАРИНЪ.

А развѣ нѣтъ?

АРБЕНИНЪ.

О, счастливъ... да...

КАЗАРИНЪ.

Я очень радъ.

Однако жъ все мнѣ жаль, что ты женатъ!

АРБЕНИНЪ.

А что же?

КАЗАРИНЪ.

Такъ... я вспоминаю
Про прежнее... когда съ тобой
Кутили мы, въ чью голову—не знаю,
Хоть оба мы—ребята съ головой!...
Вотъ было время! Утромъ отдыхъ, нѣга,
Воспоминанія пріятнаго ночлега...
Потомъ обѣдъ, вино — Рауля честь —
Въ граненыхъ кубкахъ пѣнится и блещетъ;
Бесѣда шумная; остротъ не перечесть;
Потомъ въ театръ — душа трепещетъ
При мысли, какъ съ тобой вдвоемъ изъ-за кулисъ
Выманивали мы танцовщицъ и актрисъ...
Не правда ли, что древле
Все было лучше и дешевле?
Вотъ пьеса кончилась, и мы летимъ стрѣлой
Къ пріятелю... вошли... игра ужъ въ самой силѣ;
На картахъ золото насыпано горой:
Тотъ весь горитъ; другой
Блѣднѣе чѣмъ мертвецъ въ могилѣ.
Садимся мы—и загорѣлся бой!...
Тутъ, тутъ, сквозь душу переходитъ
Страстей и ощущеній тьма,
И часто мысль гигантская заводитъ
Пружину пылкаго ума...
И если побѣдишь противника умѣньемъ,
Судьбу заставишь пасть къ ногамъ твоимъ съ смиреньемъ,
Тогда и самъ Наполеонъ
Тебѣ покажется и жалокъ и смѣшонъ.
(Арбенинъ отворачивается).

АРБЕНИНЪ.

О! кто мнѣ возвратитъ васъ, буйныя надежды,

Васъ, нестерпимые, но пламенные дни?
За васъ отдамъ я счастіе невѣжды,
Безпечность и покой—не для меня они...
Мнѣ ль быть супругомъ и отцомъ семейства?
Мнѣ ль, мнѣ ль, который испыталъ
Всѣ сладости порока и злодѣйства,
И передъ ихъ лицомъ ни разу не дрожалъ?
Прочь, дебродѣтель! я тебя не знаю,
Я былъ обманутъ и тобой,
И краткій нашъ союзъ отнынѣ разрываю—
Прощай—прощай...
(Падаетъ на стулъ и закрываетъ лицо).

КАЗАРИНЪ.

Теперь онъ мой!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Комната у князя. Дверь въ другую растворена; онъ въ другой спитъ на диванѣ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ИВАНЪ, потомъ АРБЕНИНЪ.

(Слуга смотритъ на часы).

ИВАНЪ.

Седьмой ужъ часъ почти въ исходѣ,
А въ восемь приказалъ себя онъ разбудить.
Онъ спитъ по русски, не по модѣ,
И я успѣю въ лавочку сходить.
Дверь на замокъ запру: оно вѣрнѣе.
Да... чу... по лѣстницѣ идутъ.
Скажу, что дома нѣтъ—и съ рукъ долой скорѣе.
(Арбенинъ входитъ).

АРБЕНИНЪ.

Князь дома?

*

СЛУГА.

Дома нѣтъ-съ.

АРБЕНИНЪ.

Не правда.

СЛУГА.

Пять минутъ
Тому назадъ, уѣхалъ.

АРБЕНИНЪ (прислушивается).

Лжешь! онъ тутъ.
(Показываетъ на кабинетъ).
И вѣрно, сладко спитъ: прислушайся какъ дышетъ...
(Въ сторону). Но скоро перестанетъ.

СЛУГА (въ сторону).

Онъ все слышитъ... (Ему)
Себя будить мнѣ князь не приказалъ.

АРБЕНИНЪ.

Онъ любитъ спать—тѣмъ лучше: приведется
И вѣчно спать. (Слугѣ) Я, кажется, сказалъ,
Что буду ждать, покуда онъ проснется.
(Слуга уходитъ).

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

АРБЕНИНЪ (одинъ).

Удобный мигъ насталъ—теперь иль никогда!
Теперь я все свершу безъ страха и труда;
Я докажу, что въ нашемъ поколѣньѣ
Есть хоть одна душа, въ которой оскорбленье,
Запавъ, приноситъ плодъ... О! я не ихъ слуга:
Мнѣ поздно передъ ними гнуться...
Когда бъ, крича, предъ нихъ я вызвалъ бы врага,
Они бъ смѣялися... теперь не засмѣются!
О, нетъ, я не таковъ! Позора цѣлый часъ

На головѣ своей не потерплю я даромъ.
(Растворяетъ дверь).
Онъ спитъ! Что видитъ онъ во снѣ въ послѣдній разъ?
(Страшно улыбаясь).
Я думаю, что онъ умретъ ударомъ—
Онъ свѣсилъ голову... я крови помогу...
И все на счетъ благой природы!
(Входитъ въ комнату).
(Минуты двѣ—онъ выходитъ блѣденъ).
Не могу!
(Молчаніе).
Да, это свыше силъ и воли...
Я измѣнилъ себѣ, я задрожалъ
Впервые во всю жизнь. Давно ли
Я трусъ?... трусъ?... Кто это сказалъ?...
Я самъ, и это правда... Стыдно, стыдно!
Бѣги, краснѣй, презрѣнный человѣкъ!
Тебя, какъ и другихъ, къ землѣ прижалъ нашъ вѣкъ.
Ты предъ собой лишь хвастался, какъ видно...
О, жалко... право жалко.... изнемогъ
И ты подъ гнетомъ просвѣщенья!
Любить ты не умѣлъ, а мщенья
Хотѣлъ, пришелъ и... и не могъ! (Молчаніе).
(Садится).
Я слишкомъ залетѣлъ высоко;
Вѣрнѣй избрать я долженъ путь...
И замыселъ иной глубоко
Запалъ въ мою измученную грудь.
Такъ! такъ! онъ будетъ жить; убійство ужъ не въ модѣ:
Убійцъ на площадяхъ казнятъ.
Такъ! въ образованномъ родился я народѣ:
Языкъ и золото—вотъ нашъ кинжалъ и ядъ!
(Беретъ чернила и пишетъ записку; беретъ шляпу).

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

АРБЕНИНЪ И БАРОНЕССА.

(Арбенинъ идетъ въ двери и сталкивается съ дамой въ вуалѣ).

ДАМА (въ вуалѣ).

Ахъ! все погибло!...

АРБЕНИНЪ.

Это что?

ДАМА (вырываясь).

Пустите!

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ, это не притворный крикъ
Продажной добродѣтели!
(Ей строго) Молчите!
Ни слова—или сей же мигъ...
Какое подозрѣнье!... отверните
Вашъ вуаль, пока мы здѣсь одни.

ДАМА.

Я не туда зашла, ошиблась.

АРБЕНИНЪ.

Да немного
Ошиблись, кажется и мнѣ,
Но временемъ, не мѣстомъ.

ДАМА.

Ради Бога,
Пустите! Я не знаю васъ.

АРБЕНИНЪ.

Смущенье странно... вы должны открыться.
Онъ спитъ теперь и можетъ встать сейчасъ!
Все знаю я... но убѣдиться
Хочу...

ДАМА.

Все знаете?...

(Онъ откидываетъ вуаль и отступаетъ въ удивленіи; потомъ приходитъ въ себя).

АРБЕНИНЪ.

Благодарю, Творецъ,
Что ты позволилъ мнѣ хоть нынче ошибиться!

БАРОНЕССА.

О! что я сдѣлала? Теперь всему конецъ!

АРБЕНИНЪ.

Отчаянье теперь некстати.
Невесело, согласенъ, въ часъ такой,
Намѣсто пламенныхъ объятій
Съ холодной встрѣтиться рукой...
И то минутный страхъ—а нѣтъ бѣды большой.
Я скроменъ, радъ молчать. Благодарите Бога,
Что это я, а не другой;
Не то, была бы въ городѣ тревога.

БАРОНЕССА.

Ахъ! онъ проснулся, говоритъ.

АРБЕНИНЪ.

Въ бреду...
Но успокойтесь, я сейчасъ уйду,
Лишь объясните мнѣ, какою властью
Вотъ этотъ купидонъ васъ вдругъ околдовалъ?
Зачѣмъ, когда онъ самъ безчувственъ, какъ металлъ,
Всѣ женщины къ нему пылаютъ страстью?
Зачѣмъ не онъ у вашихъ ногъ съ тоской,
Съ моленьемъ, клятвами, слезами?
А вы, вы здѣсь—вы женщина съ душой,
Забывши стыдъ, пришли ему предаться сами?
Зачѣмъ другая женщина, ничѣмъ

Не хуже васъ, ему отдать готова
Все: счастье, жизнь, любовь... за взглядъ одинъ, за слово?
Зачѣмъ... О, я глупецъ! (Въ бѣшенствѣ) Зачѣмъ, зачѣмъ?

БАРОНЕССА (рѣшительно).

Я поняла о чемъ вы говорите... Знаю,
Что вы пришли...

АРБЕНИНЪ.

Какъ! кто жъ вамъ разсказалъ?...
(Опомнившись) А что вы знаете?...

БАРОНЕССА.

О, я васъ умоляю,
Простите мнѣ...

АРБЕНИНЪ.

Я васъ не обвинялъ;
Напротивъ, радуюсь прiятельскому счастью.

БАРОНЕССА.

Ослѣплена была я страстью;
Во всемъ виновна я; но, слушайте...

АРБЕНИНЪ.

Къ чему?
Мнѣ, право, все равно... я врагъ морали строгой.

БАРОНЕССА.

Но если бы не я, то не бывать письму.
Ни...

АРБЕНИНЪ.

А! ужъ это слишкомъ много!...
Письмо!... какое?... а! такъ это вы тогда,
Вы ихъ свели... учили ихъ?... Давно ли
Взялись вы за такiя роли?
Что васъ понудило?... Сюда
Приводите вы вашихъ жертвъ невинныхъ?

Иль молодежь приходитъ къ вамъ?
Да — признаюсь!... вы кладъ въ гостиныхъ,
И я ужъ не дивлюсь разврату нашихъ дамъ!...

БАРОНЕССА.

О, Боже мой!...

АРБЕНИНЪ.

Я говорю безъ лести...
А сколько платятъ вамъ всѣ эти господа?

БАРОНЕССА (упадаетъ въ кресла).

Но вы безчеловѣчны!...

АРБЕНИНЪ.

Да,
Ошибся, виноватъ, вы служите изъ чести!
(Хочетъ идти).

БАРОНЕССА.

О! я лишусь ума... Постойте!... онъ идетъ,
Не слушаетъ... О! я умру...

АРБЕНИНЪ.

Что жъ, продолжайте.
Васъ это къ славѣ поведетъ...
Теперь меня не бойтесь, и прощайте...
Но, Боже сохрани, намъ встрѣтиться впередъ!...
Вы взяли у меня все, все на свѣтѣ!
Я стану васъ преслѣдовать всегда,
Вездѣ — на улицѣ, въ уединеньи, въ свѣтѣ:
И если мы столкнемся... то бѣда!
Я бъ васъ убилъ... но смерть была бъ награда,
Которую сберечь я долженъ для другой.
Вы видите, я добръ: въ замѣнъ терзаній ада,
Вамъ оставлю рай земной. (Уходитъ).

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

БАРОНЕССА (въ слѣдъ ему).

Послушайте, клянусь... то былъ обманъ... она
Невинна... и браслетъ... все я... все я одна...
Ушелъ, не слышитъ! Что мнѣ дѣлать? Всюду
Отчаянье... нѣтъ нужды! я хочу
Его спасти, во что бы то ни стало, — буду
Просить и унижаться; обличу
Себя въ обманѣ, преступленьи!
Онъ всталъ... идетъ... рѣшуся... О, мученье!

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

БАРОНЕССА И КНЯЗЬ.

КНЯЗЬ (въ другой комнатѣ).

Иванъ! Кто тамъ?... Я слышалъ голоса!...
Какой народъ! нельзя уснуть и полчаса. (Входитъ).
Ба! это что за посѣщенье?
Красавица! я очень радъ. (Узнаетъ и отскакиваетъ).
Ахъ, баронесса! нѣтъ, невѣроятно...

БАРОНЕССА.

Что отскочили вы назадъ? (Слабымъ голосомъ).
Вы удивляетесь?

КНЯЗЬ (въ смущеніи).

Конечно, мнѣ пріятно...
Но счастія такого я не ждалъ.

БАРОНЕССА.

И было бъ странно, если бъ ожидали.

КНЯЗЬ.

О чемъ я думалъ? О, когда бъ я зналъ...

БАРОНЕССА.

Вы все бы знать могли, и ничего не знали.

КНЯЗЬ.

Свою вину загладить я готовъ;
Съ покорностью приму какое наказанье
Хотите... и теперь не нахожу я словъ...
(Беретъ ее за руку).
Но ваши руки — ледъ! въ лицѣ у васъ страданье!
Ужель сомнительны для васъ слова мои?

БАРОНЕССА.

Вы ошибаетеся! Не требовать любви
И не выпрашивать признанья
Рѣшилась я пріѣхать къ вамъ,
Забывъ и стыдъ и страхъ — все, свойственное намъ.
Нѣтъ, то обязанность святая.
Былая жизнь моя прошла,
И жизнь ужъ ждетъ меня иная.
Но я была причиной зла,
И свѣтъ на вѣки покидая,
Теперь все прежнее загладить я пришла.
Я перенесть свой стыдъ готова;
Я не спасла себя — спасу другаго.

КНЯЗЬ.

Что это значитъ?

БАРОНЕССА.

Не мѣшайте мнѣ:
Мнѣ много стоило усилій,
Чтобъ говорить рѣшиться. Вы одни,
Не вѣдая того, причиной были
Моихъ страданій. Не смотря на то,
Я васъ должна спасти... зачѣмъ, за что —
Не знаю... Вы не заслужили
Всѣхъ этихъ жертвъ: вы не могли любить...
Понять меня. . и даже, можетъ быть,
Я бъ этого и не желала...

Но слушайте. Сегодня я узнала,
Какъ — это все равно... что вы
Къ женѣ Арбенина вчера неосторожно
Писали... По словамъ молвы,
Она васъ любитъ — это ложно, ложно!
Не вѣрьте — ради неба... Эта мысль одна
Насъ всѣхъ погубитъ — всѣхъ! Она
Не знаетъ ничего... но мужъ читалъ... ужасенъ
Въ любви и ненависти онъ!
Онъ былъ ужъ здѣсь... онъ васъ убьетъ... онъ пріученъ
Къ злодѣйству... Вы такъ молоды...

КНЯЗЬ.

Вашъ страхъ напрасенъ!
Арбенинъ въ свѣтѣ жилъ — и слишкомъ онъ уменъ,
Чтобы рѣшиться на огласку
И сдѣлать наконецъ, безъ цѣли и нужды,
Въ пустой комедіи кровавую развязку.
А разсердился онъ — и въ этомъ нѣтъ бѣды:
Возьмутъ Лепажа пистолеты,
Отмѣрять тридцать два шага —
И, право, эти эполеты
Я заслужилъ не бѣгствомъ отъ врага.

БАРОНЕССА.

Но если ваша жизнь кому нибудь дороже,
Чѣмъ вамъ... и связь у ней есть съ жизнію другой...
Но если васъ убьютъ? — убьютъ!:.. о, Боже!
И я всему виной...

КНЯЗЬ.

Вы?

БАРОНЕССА.

Пощадите?

КНЯЗЬ (подумавъ).

Я обязанъ драться:

Я виноватъ предъ нимъ — его я тронулъ честь,
Хотя не зналъ того; но оправдаться
Нѣтъ средства.

БАРОНЕССА.

Средство есть.

КНЯЗЬ.

Солгать — не это ли? Другое мнѣ найдите.
Я лгать не стану, жизнь свою храня,
И тотчасъ же пойду.

БАРОНЕССА.

Минуту... Не ходите,
И слушайте меня. (Беретъ его за руку).
Вы всѣ обмануты!... Та маска...
(Облокачивается на столъ, упадая). Это я!...

КНЯЗЬ.

Какъ? вы? о, провидѣнье! (Молчаніе).
Но Шприхъ?... Онъ говорилъ... онъ виноватъ во всемъ...

БАРОНЕССА (опомнясь подходя).

Минутное то было заблужденье,
Безумство страшное — теперь я каюсь въ немъ!
Оно прошло — забудьте обо всемъ.
Отдайте ей браслетъ — онъ былъ найденъ случайно,
Какой-то чудною судьбой;
И обѣщайте мнѣ, что это тайной
Останется... Мнѣ Богъ судьей!
Васъ Онъ проститъ... меня простить не въ вашей волѣ!
Я удаляюсь... думаю, что болѣ
Мы не увидимся.
(Подойдя къ двери, видитъ, что онъ хочетъ броситься за ней).
Не слѣдуйте за мной. (Уходитъ).

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ

КНЯЗЬ (одинъ).

КНЯЗЬ (послѣ долгаго размышленія).

Я, право, думать что не знаю,
И только могъ понять изъ этого всего,
Что случай счастливый, какъ школьникъ, пропускаю,
Не сдѣлавъ ничего.
(Подходитъ къ столу).
Ну вотъ еще записка; отъ кого?
Арбенинъ!... прочитаю!...

«Любезный князь! Пріѣзжай сегодня къ N. вечеромъ: тамъ будетъ много, и мы весело проведемъ время. Я не хотѣлъ разбудить тебя, а то бы дремалъ цѣлый вечеръ. — Прощай! Жду непремѣнно, твой искренній

Евгеній Арбенинъ».

Ну, право, глазъ особый нуженъ,
Чтобъ въ этомъ увидать картель.
Гдѣ слыхано, чтобъ звать на ужинъ
Предъ тѣмъ, чтобъ вызвать на дуэль?

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комната у N.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

КАЗАРИНЪ, ХОЗЯИНЪ И АРБЕНИНЪ (садятся играть).

КАЗАРИНЪ.

Такъ въ самомъ дѣлѣ ты причуды всѣ оставилъ,
Которыми гордится свѣтъ,
И въ прежній путь шаги свои направилъ?...
Мысль превосходная!... Ты долженъ быть поэтъ
И, сверхъ того, по всѣмъ примѣтамъ, геній.
Тѣснитъ тебя домашній кругъ.

Дай руку, милый другъ.
Ты нашъ?

АРБЕНИНЪ.

Я вашъ! Былаго нѣтъ и тѣни.

КАЗАРИНЪ.

Пріятно видѣть, ей-же-ей,
Какъ люди умные на вещи смотрятъ нынѣ.
Приличія для нихъ ужаснѣе цѣпей...
Не правда ль, что со мной ты будешь въ половинѣ?

ХОЗЯИНЪ.

А князя надо пощипать слегка!

КАЗАРИНЪ.

Да... да. (Въ сторону) Забавна будетъ стычка!

ХОЗЯИНЪ.

Посмотримъ. — Транспортъ!... (Слышенъ шумъ).

АРБЕНИНЪ.

Это онъ.

КАЗАРИНЪ.

Рука
Твоя дрожитъ?...

АРБЕНИНЪ.

О, ничего! — отвычка!

(Князь входитъ).

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ

ПРЕЖНІЕ И КНЯЗЬ.

ХОЗЯИНЪ.

Ахъ, князь! я очень радъ. Прошу-ка, безъ чиновъ,
Снимите саблю и садитесь.
У насъ ужасный бой.

КНЯЗЬ.

О! я смотрѣть готовъ.

АРБЕНИНЪ.

А все играть съ тѣхъ поръ боитесь?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, съ вами, право, не боюсь. (Въ сторону)
По свѣтскимъ правиламъ я мужу угождаю,
А за женою волочусь...
Лишь выиграть бы тамъ, а здѣсь пусть проиграю.
(Садится).

АРБЕНИНЪ.

Я нынче былъ у васъ.

КНЯЗЬ.

Записку я читалъ,
И, видите, послушенъ.

АРБЕНИНЪ.

На порогѣ
Мнѣ кто-то встрѣтился, въ смущеньи и тревогѣ.

КНЯЗЬ.

И вы узнали?

АРБЕНИНЪ (смѣясь).

Кажется, узналъ.
Князь, обольститель вы опасный!
Все понялъ я, все отгадалъ...

КНЯЗЬ (въ сторону).

Онъ ничего не понялъ — это ясно.
(Отходитъ и кладетъ саблю).

АРБЕНИНЪ.

Я не хотѣлъ бы, чтобъ жена моя
Вамъ приглянулась.

КНЯЗЬ (разсѣянно).

Почему же?

АРБЕНИНЪ.

Такъ! добродѣтелью, которой ищутъ въ мужѣ

Любовники, не обладаю я. (Въ сторону).
Онъ не смущается ничѣмъ... О! я разрушу
Твой сладкій миръ, глупецъ, и яду подолью...
И если бы ты могъ на карту бросить душу,
То я противъ твоей поставилъ бы свою.
(Играютъ. Арбенинъ мечетъ).

КАЗАРИНЪ.

Я ставлю пятьдесятъ рублей.

КНЯЗЬ.

Я тоже.

АРБЕНИНЪ.

Я разскажу вамъ анекдотъ,
Который слышалъ я, какъ былъ моложе;
Онъ нынче у меня изъ головы нейдетъ.
Вотъ видите: одинъ какой-то баринъ,
Женатый человѣкъ... твоя взяла, Казаринъ,—
Женатый человѣкъ, на вѣрность положась
Своей жены, дремалъ въ забвеньи сладкомъ,—
Внимательны вы что-то слишкомъ, князь,
И проиграетесь порядкомъ.—
Мужъ добрый былъ любимъ. Шелъ мирно день за днемъ
И, къ довершенью благъ, безпечному супругу
Былъ данъ пріятель... важную услугу
Ему онъ оказалъ когда-то, и притомъ
Нашелъ, казалось, честь и совѣсть въ немъ.
И что жъ? мнѣ неизвѣстно
Какой судьбой,—но мужъ узналъ,
Что благородный другъ, должникъ ужъ слишкомъ честный,
Женѣ его свои услуги предлагалъ.

КНЯЗЬ.

Что жъ сдѣлалъ мужъ?

АРБЕНИНЪ (будто не слыхавъ вопроса).

Князь, вы игру забыли:

Вы гнете не глядя. (Взглянувъ на него пристально).
А любопытно вамъ
Узнать что сдѣлалъ мужъ?... Придрался къ пустякамъ
И далъ пощечину... Вы какъ бы поступили,
Князь?

КНЯЗЬ.

Я бы сдѣлалъ то же. Ну, а тамъ
Стрѣлялись?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ!

КАЗАРИНЪ.

Рубились?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!

КАЗАРИНЪ.

Такъ помирились?

АРБЕНИНЪ (горько улыбаясь).

О, нѣтъ!

КНЯЗЬ.

Такъ что же сдѣлалъ онъ?

АРБЕНИНЪ.

Остался отомщенъ—
И обольстителя съ пощечиной оставилъ.

КНЯЗЬ (смѣется).

Да это вовсе противъ правилъ.

АРБЕНИНЪ.

Въ какомъ указѣ есть
Законъ, иль правило, на ненависть и месть?
(Играютъ.—Молчаніе).
Взяла... взяла!
Постойте! карту эту
Вы подмѣнили.

КНЯЗЬ.

Я? Послушайте...

АРБЕНИНЪ.

Конецъ
Игрѣ... Приличій тутъ ужъ нѣту,
Вы (задыхаясь) шулеръ и подлецъ!

КНЯЗЬ.

Я? я?

АРБЕНИНЪ.

Подлецъ, и я васъ здѣсь отмѣчу,
Чтобъ каждый почиталъ обидой съ вами встрѣчу.
(Бросаетъ ему карты въ лицо. Князь такъ пораженъ, что не знаетъ что дѣлать).
(Понизивъ голосъ). Теперь мы квиты.

КАЗАРИНЪ.

Что съ тобой?
(Хозяину). Онъ помѣшался въ самомъ лучшемъ мѣстѣ:
Тотъ горячился ужъ, спустилъ бы тысячъ двѣсти.

КНЯЗЬ (опомнясь, вставая).

Сейчасъ, за мной, за мной!
Кровь, ваша кровь лишь смоетъ оскорбленье!

АРБЕНИНЪ.

Стрѣляться? съ вами? мнѣ? вы въ заблужденьи!

КНЯЗЬ.

Вы трусъ! (Хочетъ броситься на него).

АРБЕНИНЪ (громко).

Пускай! Но подступать
Вамъ не совѣтую—ни даже здѣсь остаться!
Я трусъ—да вамъ не испугать
И труса.

КНЯЗЬ.

О, я васъ заставлю драться!

Я разскажу вездѣ, поступокъ вашъ каковъ,
Что вы—не я подлецъ...

АРБЕНИНЪ.

На это я готовъ.

КНЯЗЬ (подходя ближе).

Я разскажу, что съ вашею женою...
О, берегитесь!... вспомните браслетъ...

АРБЕНИНЪ.

За это вы наказаны ужъ мною...

КНЯЗЬ.

О, бѣшенство... да гдѣ я? цѣлый свѣтъ
Противъ меня... Я васъ убью!...

АРБЕНИНЪ.

И въ этомъ
Вы властны, даже я васъ подарю совѣтомъ
Скорѣй меня убить... а то, пожалуй, въ васъ
Остынетъ храбрость черезъ часъ.

КНЯЗЬ.

О! гдѣ ты, честь моя?... Отдайте это слово,
Отдайте мнѣ его—и я у вашихъ ногъ...
Да въ васъ нѣтъ ничего святаго,
Вы человѣкъ, иль демонъ?

АРБЕНИНЪ.

Я?—игрокъ.

КНЯЗЬ (упадая и закрывая лицо).

Честь, честь моя!...

АРБЕНИНЪ.

Да, честь не возвратится.
Преграда рушена между добромъ и зломъ,
И отъ тебя весь свѣтъ съ презрѣньемъ отвратится;
Отнынѣ ты пойдешь отверженца путемъ,

Кровавыхъ слезъ познаешь сладость,
И счастье ближнихъ будетъ въ тягость
Твоей душѣ; и мыслить объ одномъ
Ты будешь день и ночь; и постепенно чувства
Любви, прекраснаго погаснутъ и умрутъ,
И счастья не отдастъ тебѣ ничье искусство!
Всѣ шумные друзья какъ листья отпадутъ
Отъ сгнившей вѣтви и, краснѣя,
Закрывъ лицо, въ толпѣ ты будешь проходить,—
И будетъ больше стыдъ тебя томить,
Чѣмъ преступленіе злодѣя!
Теперь прощай... (уходя) желаю долго жить.
(Уходитъ).

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

БАЛЪ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ХОЗЯЙКА.

Я баронессу жду; не знаю,
Пріѣдетъ ли. Мнѣ, право, было бъ жаль
За васъ.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Я васъ не понимаю.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Вы ждете баронессу Штраль?
Она уѣхала.

МНОГІЕ.

Куда? зачѣмъ? давно ли?

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Въ деревню, нынче утромъ.

ДАМА.

Боже мой!
Какимъ же случаемъ! Ужель изъ доброй воли?

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Фантазія! романы!... хоть рукой
Махни! (Расходятся; другая группа мужчинъ).

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Вы знаете: князь Звѣздичъ проигрался.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОСТЬ.

Напротивъ, выигралъ—да видно, не путемъ,
И получилъ пощечину.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Стрѣлялся?

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОСТЬ.

Нѣтъ, не хотѣлъ.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Какимъ же подлецомъ
Онъ показалъ себя!...

ПЯТЫЙ ГОСТЬ.

Отнынѣ незнакомъ
Я больше съ нимъ.

ШЕСТОЙ ГОСТЬ.

И я! Какой поступокъ скверный!

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОСТЬ.

Онъ будетъ здѣсь?

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Нѣтъ, не рѣшится, вѣрно.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОСТЬ.

Вотъ онъ! (Князь подходитъ; ему едва кланяются).

(Всѣ отходятъ, кромѣ пятаго и шестаго гостя. Потомъ и они отходятъ. Нина садится на диванъ).

КНЯЗЬ (въ сторону).

Теперь мы съ ней отъ всѣхъ удалены,
Не будетъ случая другаго. (Ей)
Я долженъ вамъ сказать два слова,
И выслушать вы ихъ должны.

НИНА.

Должна?

КНЯЗЬ.

Для вашего же счастья!

НИНА.

Какое странное участье!

КНЯЗЬ.

Да, странно, потому что вы виной
Моей погибели... Но мнѣ васъ жаль: я вижу,
Что пораженъ я тою же рукой,
Которая убьетъ васъ; не унижу
Себя ничтожной местью никогда;
Но слушайте и будьте осторожны:
Вашъ мужъ злодѣй, бездушный и безбожный,
И я предчувствую, что вамъ грозитъ бѣда.
Прощайте же на вѣкъ; злодѣй не обнаруженъ
И наказать его теперь я не могу;
Но день придетъ—я подожду...
Возьмите вашъ браслетъ: онъ больше мнѣ не нуженъ.

(Арбенинъ смотритъ на нихъ издали).

НИНА.

Князь! вы сошли съ ума—на васъ
Теперь сердиться было бъ стыдно.

КНЯЗЬ.

Прощайте навсегда! прошу въ послѣдній разъ..

НИНА.

Куда жъ вы ѣдете, далеко очень, видно?
Конечно, не въ луну?

КНЯЗЬ (уходя).

Нѣтъ, ближе: на Кавказъ.

ХОЗЯЙКА.

Почти всѣ съѣхались, и здѣсь намъ будетъ тѣсно.
Прошу васъ въ залу, господа!
Mesdames! пожалуйте туда.
(Уходятъ).

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

АРБЕНИНЪ (одинъ про себя).

Я сомнѣвался—я? А это всѣмъ извѣстно;
Намеки колкіе со всѣхъ сторонъ
Преслѣдуютъ меня... Я жалокъ имъ, смѣшонъ!
И гдѣ плоды моихъ усилій?
И гдѣ та власть, съ которою, порой,
Казнилъ толпу я словомъ, остротой?...
—Двѣ женщины ее убили!
Одна изъ нихъ... О, я ее люблю,
Люблю—и такъ неистово обмануть!...
Нѣтъ, людямъ я ее не уступлю...
И насъ судить они не станутъ;
Я самъ свершу свой страшный судъ...
Я казнь ей отыщу—моя жъ пусть будетъ тутъ.
(Показываетъ на сердце).
Она умретъ; жить вмѣстѣ съ нею долѣ
Я не могу... Жить розно? (Какъ будто испугавшись себя).
Рѣшено:
Она умретъ—я прежней твердой волѣ
Не измѣню. Ей, видно, суждено
Во цвѣтѣ лѣтъ погибнуть, быть любимой
Такимъ, какъ я, злодѣемъ, и любить

Другаго!... это ясно... какъ же можно жить
Ей послѣ этого!... Ты, Богъ незримый,
Но Богъ всевидящій! возьми!
Какъ свой залогъ тебѣ ее вручаю...
Прости ее, благослови;
Но я — не Богъ, и не прощаю...
(Слышны звуки музыки).
(Ходитъ по комнатѣ; вдругъ останавливается).
Тому назадъ лѣтъ десять, я вступалъ
Еще на поприще разврата;
Разъ въ ночь одну, я все до капли проигралъ —
Тогда я зналъ ужъ цѣну злата,
Но цѣну жизни я не зналъ.
Я былъ въ отчаяньи — ушелъ и яду
Купилъ, и возвратился вновь
Къ игорному столу; въ груди кипѣла кровь.
Въ одной рукѣ держалъ я лимонаду
Стаканъ, въ другой четверку пикъ:
Послѣдній рубль въ карманѣ дожидался
Съ завѣтнымъ порошкомъ — рискъ, право, былъ великъ;
Но счастье вынесло — и въ часъ я отыгрался!
Съ тѣхъ поръ хранилъ я этотъ порошокъ.
Среди волненій жизни трудной,
Какъ талисманъ таинственный и чудный,
Хранилъ на черный день — и день тотъ недалекъ.
(Уходитъ быстро).

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

ХОЗЯЙКА, НИНА, НѢСКОЛЬКО ДАМЪ И КАВАЛЕРОВЪ.
(Во время послѣднихъ строкъ входятъ).

ХОЗЯЙКА.

Не худо бы немного отдохнуть.

ДАМА (другой).

Такъ жарко здѣсь, что я растаю.

ПЕТКОВЪ.

Настасья Павловна споетъ намъ что нибудь.

НИНА.

Романсовъ новыхъ, право, я не знаю;
А старые наскучили самой.

ДАМА.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, спой же, Нина, спой!

ХОЗЯЙКА.

Ты такъ мила, что, вѣрно, не заставишь
Себя просить напрасно цѣлый часъ.

НИНА (садясь за піано).

Но слушать со вниманьемъ — мой приказъ!
Хоть этимъ наказаньемъ васъ,
Авось, исправишь! (Поетъ):

«Когда печаль слезой невольной
Промчится по глазамъ твоимъ,
Мнѣ видѣть и понять не больно,
Что ты несчастлива съ другимъ.

«Незримый червь незримо гложетъ
Жизнь беззащитную твою,
И что жъ? я радъ, что онъ не можетъ
Тебя любить, какъ я люблю.

«Но если счастіе случайно
Блеснетъ въ лучахъ твоихъ очей,
Тогда я мучусь горько, тайно,
И цѣлый адъ въ груди моей.»

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРЕЖНІЕ И АРБЕНИНЪ.

(Въ концѣ 3-го куплета онъ входитъ и облокачивается на фортепьяно. Она, увидавъ его, останавливается).

АРБЕНИНЪ.

Что жъ, продолжайте.

НИНА.

Я конецъ совсѣмъ
Забыла.

АРБЕНИНЪ.

Если вамъ угодно,
То я напомню.

НИНА (въ смущеніи).

Нѣтъ, зачѣмъ?
(Въ сторону хозяйкѣ). Мнѣ нездоровится. (Встаетъ).

ГОСТЬ (другому).

Во всякой пѣснѣ модной
Всегда слова такія есть,
Которыхъ женщина не можетъ произнесть.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Къ тому же, слишкомъ прямъ и нашъ языкъ природный,
И къ женскимъ прихотямъ доселѣ не привыкъ.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Вы правы: какъ дикарь, свободѣ лишь послушный,
Не гнется гордый нашъ языкъ;
За то ужъ мы какъ гнемся добродушно!
(Подаютъ мороженое. Гости расходятся къ другому концу зала и, по одному, уходятъ въ другія комнаты, такъ что наконецъ Арбенинъ и Нина остаются вдвоемъ. Неизвѣстный показывается въ глубинѣ театра).

НИНА (хозяйкѣ).

Тамъ жарко; отдохнуть я сяду въ сторонѣ.

(Мужу). Мой ангелъ, принеси мороженаго мнѣ.

(Арбенинъ вздрагиваетъ и идетъ за мороженымъ; возвращается и всыпаетъ ядъ).

АРБЕНИНЪ (въ сторону).

Смерть! помоги.

НИНА (ему).

Мнѣ что-то грустно, скучно;
Конечно, ждетъ меня бѣда.

АРБЕНИНЪ (въ сторону).

Предчувствіямъ я вѣрю иногда.
(Подавая) Возьми; отъ скуки вотъ лекарство.

НИНА.

Да! это прохладитъ. (Ѣстъ).

АРБЕНИНЪ.

О, какъ не прохладитъ!

НИНА.

Здѣсь нынче скучно.

АРБЕНИНЪ.

Какъ же быть?
Чтобъ не скучать съ людьми, то надо пріучить
Себя смотрѣть на глупость и коварство —
Вотъ все, на чемъ вертится свѣтъ!

НИНА.

Ты правъ! ужасно!...

АРБЕНИНЪ.

Да, ужасно!...

НИНА.

Душъ непорочныхъ нѣту...

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ.
Я думалъ, что нашелъ одну, и то напрасно!

НИНА.

Что говоришь ты?

АРБЕНИНЪ.

Я сказалъ,
Что въ свѣтѣ лишь одну такую отыскалъ я,
Тебя.

НИНА.

Ты блѣденъ.

АРБЕНИНЪ.

Много танцовалъ.

НИНА.

Опомнись, mon ami! ты съ мѣста не вставалъ.

АРБЕНИНЪ.

Такъ, вѣрно, потому, что мало танцовалъ я...

НИНА (отдаетъ пустое блюдечко).

Возьми, поставь на столъ.

АРБЕНИНЪ (беретъ).

Все, все?
Ни капли не оставить мнѣ?... Жестоко!
(Въ размышленіи).
Шагъ сдѣланъ роковой, назадъ идти далеко,
Но пусть никто не гибнетъ за нее.
(Бросаетъ блюдечко объ землю и разбиваетъ).

НИНА.

Какъ ты неловокъ!

АРБЕНИНЪ.

Ничего: я боленъ —
Поѣдемъ поскорѣй домой.

НИНА.

Поѣдемъ. Но скажи мнѣ, милый мой:
Ты нынче пасмуренъ? ты мною недоволенъ?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ нынче я доволенъ былъ тобой.

(Уходятъ).

НЕИЗВѢСТНЫЙ (оставшись одинъ).

Я чуть не сжалился — и было тутъ мгновенье,
Когда хотѣлъ я броситься впередъ...

(Задумывается).

Нѣтъ, пусть свершается судьбы опредѣленье,
А дѣйствовать — потомъ настанетъ мой чередъ.

(Уходитъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Спальня Арбенина.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

Входятъ НИНА, за ней СЛУЖАНКА.

СЛУЖАНКА.

Сударыня, вы-что то блѣдны стали!

НИНА (снимая серьги).

Я нездорова.

СЛУЖАНКА.

Вы устали.

НИНА (въ сторону).

Мой мужъ меня пугаетъ! отчего —
Не знаю. Онъ молчитъ и страненъ взглядъ его.
(Служанкѣ). Мнѣ что-то дурно: вѣрно отъ корсета.
Скажи, къ лицу была сегодня я одѣта?
(Идетъ къ зеркалу).
Ты права, я блѣдна, какъ смерть блѣдна;
Но въ Петербургѣ кто не блѣденъ, право?
Одна лишь старая княжна,
И то румяны! Свѣтъ лукавый!

(Снимаетъ букли и завертываетъ косу).

Брось гдѣ нибудь и дай мнѣ шаль.
(Садится въ кресло).
Какъ новый вальсъ хорошъ! Въ какомъ-то упоеньи
Кружилась я быстрѣй, и чудное стремленье
Меня и мысль мою невольно мчало въ даль,
И сердце сжалося: не то, чтобы печаль,
Не то, чтобъ радость... Саша, дай мнѣ книжку.
Какъ этотъ князь мнѣ надоѣлъ опять —
А право, жаль безумнаго мальчишку!
Что говорилъ онъ тутъ... злодѣй, и наказать...
Кавказъ... бѣда... вотъ бредъ?

СЛУЖАНКА (показывая на наряды).

Прикажете убрать?

НИНА.

Оставь. (Погружается въ задумчивость).
(Арбенинъ показывается въ дверяхъ).

СЛУЖАНКА.

Прикажете идти?

АРБЕНИНЪ (служанкѣ тихо).

Ступай.
(Служанка не уходитъ). Иди же!
(Уходитъ. Онъ запираетъ дверь).

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

АРБЕНИНЪ И НИНА.

АРБЕНИНЪ.

Она тебѣ ужъ больше не нужна.

НИНА.

Ты здѣсь?

АРБЕНИНЪ.

Я здѣсь.

НИНА.

Я, кажется, больна,

И голова въ огнѣ. Поди сюда поближе.
Дай руку — чувствуешь, какъ вся горитъ она?
Зачѣмъ я тамъ мороженое ѣла:
Я, вѣрно, простудилася тогда —
Не правда ли?

АРБЕНИНЪ (разсѣянно).

Мороженое? да!...

НИНА.

Мой милый, я съ тобой поговорить хотѣла.
Ты измѣнился съ нѣкоторыхъ поръ:
Ужъ прежнихъ ласкъ я отъ тебя не вижу,
Отрывистъ голосъ твой и холоденъ твой взоръ.
И все за маскарадъ. О, я ихъ ненавижу;
Я заклялася въ нихъ не ѣздить никогда...

АРБЕНИНЪ (въ сторону).

Не мудрено! теперь безъ нихъ ужъ можно...

НИНА.

Что значитъ поступить хоть разъ неосторожно!

АРБЕНИНЪ.

Неосторожно! О!...

НИНА.

И въ этомъ вся бѣда.

АРБЕНИНЪ.

Обдумать все заранѣ надо было.

НИНА.

О, если бы я нравъ заранѣ знала твой,
То, вѣрно бъ, не была твоей женой.
Терзать тебя, страдать самой —
Какъ это весело и мило!

АРБЕНИНЪ.

И то! къ чему тебѣ моя любовь?

НИНА.

Какая тутъ любовь? на что мнѣ жизнь такая?

АРБЕНИНЪ (садится возлѣ нея).

Ты права! Что такое жизнь? Жизнь—вещь пустая.
Покуда въ сердцѣ быстро льется кровь,
Все въ мірѣ намъ и радость и отрада.
Пройдутъ года желаній и страстей—
И все вокругъ темнѣй, темнѣй!
Что жизнь?—давно извѣстная шарада
Для упражненія дѣтей,
Гдѣ первое—рожденье, гдѣ второе—
Ужасный рядъ заботъ и муки тайныхъ ранъ,
Гдѣ смерть—послѣднее, а цѣлое—обманъ!

НИНА (показывая на грудь).

Здѣсь что-то жжетъ.

АРБЕНИНЪ (продолжая).

Пройдетъ! пустое!
Молчи и слушай. Я сказалъ,
Что жизнь лишь дорога, пока она прекрасна,
А долго ль?... Жизнь какъ балъ:
Кружиться—весело: кругомъ все свѣтло, ясно...
Вернулся лишь домой, нарядъ измятый снялъ—
И все забылъ и только что усталъ.
Но въ юныхъ лѣтахъ лучше съ ней проститься,
Пока душа привычкой не сроднится
Съ ея бездушной пустотой;
Мгновенно въ міръ перелетѣть другой,
Покуда умъ былымъ еще не тяготится,
Покуда съ смертію легка еще борьба—
Но это счастіе не всѣмъ даетъ судьба.

НИНА.

О, нѣтъ! я жить хочу!

АРБЕНИНЪ.

Къ чему?

НИНА.

Евгеній,
Я мучусь, я больна!

АРБЕНИНЪ.

А мало ли мученій,
Которыя сильнѣй, ужаснѣе твоихъ!

НИНА.

Пошли за докторомъ.

АРБЕНИНЪ.

Жизнь—вѣчность, смерть—лишь мигъ.

НИНА.

Но я—я жить хочу!

АРБЕНИНЪ.

И сколько утѣшеній
Тамъ мучениковъ ждетъ!

НИНА (въ испугѣ).

Но я молю:
Пошли за докторомъ скорѣе!

АРБЕНИНЪ (вставая холодно).

Не пошлю.

НИНА (послѣ молчанія).

Конечно, шутишь ты, но такъ шутить безбожно:
Я умереть могу, пошли скорѣй.

АРБЕНИНЪ.

Что жъ? развѣ умереть вамъ невозможно
Безъ доктора?

НИНА.

Но ты злодѣй,
Евгеній! Я жена твоя...

АРБЕНИНЪ.

Да! знаю, знаю!

НИНА.

О, сжалься! пламень разлился
Въ моей груди; я умираю...

АРБЕНИНЪ (*смотритъ на часы*).

Такъ скоро? Нѣтъ еще; осталось полчаса.

НИНА.

О, ты меня не любишь!

АРБЕНИНЪ.

А за что же
Тебя любить? За то ль, что цѣлый адъ
Мнѣ въ грудь ты бросила? О, нѣтъ, я радъ, я радъ
Твоимъ страданьямъ. Боже, Боже!
И ты, ты смѣешь требовать любви?
А мало ль я любилъ тебя—скажи?
А этой нѣжности ты знала ль цѣну?
И что жъ нашелъ?—коварство и измѣну!
Возможно ли? меня продать—
Меня—за поцѣлуй глупца... меня, который
По слову первому былъ душу радъ отдать?
Мнѣ измѣнить? мнѣ, и такъ скоро!...

НИНА.

О! если бы вину свою сама
Я знала, то...

АРБЕНИНЪ.

Молчи, иль я сойду съ ума!
Когда же эти муки перестанутъ?

НИНА.

Браслетъ мой князь нашелъ, потомъ
Какимъ нибудь клеветникомъ
Ты былъ обманутъ.

*

АРБЕНИНЪ.

Такъ, я былъ обманутъ!
Довольно! я ошибся... возмечталъ,
Что я могу быть счастливъ... думалъ снова
Любить и вѣровать... но часъ судьбы насталъ,
И все прошло, какъ бредъ больнаго.
Быть можетъ, я бъ успѣлъ небесныя мечты
Осуществить, предавшися надеждѣ,
И въ сердцѣ бъ оживилъ все, что цвѣло въ немъ прежде —
Ты не хотѣла, ты!...
Плачь! плачь! Но что такое, Нина,
Что слезы женскія?—вода.
Я плакалъ—я, мужчина!
Отъ злобы, ревности, мученья и стыда
Я плакалъ—да!
А ты не знаешь, что такое значитъ
Когда мужчина плачетъ?
О! въ этотъ мигъ къ нему не подходи:
Смерть у него въ рукахъ и адъ въ его груди.

НИНА (въ слезахъ упадаетъ на колѣни и поднимаетъ руки къ небу).

Творецъ небесный пощади!
Не слышитъ онъ, но ты все слышишь, ты все знаешь—
И ты меня, всесильный, оправдаешь!...

АРБЕНИНЪ.

Остановись! хоть передъ нимъ не лги.

НИНА.

Нѣтъ, я не лгу—я не нарушу
Его святыни ложною мольбой.
Ему я предаю страдальческую душу:
Онъ—твой судья—защитникъ будетъ мой.

АРБЕНИНЪ (который въ это время ходитъ по комнатѣ, сложа руки).

Теперь молиться время, Нина:

Ты умереть должна чрезъ нѣсколько минутъ—
И тайной для людей останется кончина
Твоя, и насъ разсудитъ только Божій судъ.

НИНА.

Какъ? умереть? теперь? сейчасъ?... нѣтъ, быть не можетъ!

АРБЕНИНЪ (смѣясь).

Я зналъ заранѣе, что это васъ встревожитъ.

НИНА.

Смерть, смерть! Онъ правъ... въ груди огонь, весь адъ...

АРБЕНИНЪ.

Да, я тебѣ на балѣ подалъ ядъ.
(Молчаніе).

НИНА.

Не вѣрю, невозможно—нѣтъ! ты надо мною
(Бросается къ нему)
Смѣешься... ты не извергъ—нѣтъ, въ душѣ твоей
Есть искра доброты... Съ холодностью такою
Меня ты не погубишь въ цвѣтѣ дней.
Не отворачивайся такъ, Евгеній,
Не продолжай моихъ мученій,
Спаси меня, разсѣй мой страхъ...
Взгляни сюда...
(Смотритъ ему прямо въ глаза и отскакиваетъ).
О, смерть въ твоихъ глазахъ!
(Упадаетъ на стулъ и закрываетъ глаза).
(Онъ подходитъ и цѣлуетъ ее).

АРБЕНИНЪ.

Да, ты умрешь—и я останусь тутъ
Одинъ, одинъ... Года пройдутъ,
Умру—и буду все одинъ... Ужасно!
Но ты не бойся: міръ прекрасный
Тебѣ откроется, и ангелы возьмутъ

Тебя въ небесный свой пріютъ. (Плачетъ).
Да, я тебя люблю, люблю... Я все забвенью,
Что было, предалъ; есть граница мщенью,
И вотъ она.—Смотри: убійца твой
Здѣсь, какъ дитя, рыдаетъ надъ тобой...
(Молчаніе).

НИНА (вырывается и вскакиваетъ).

Сюда! сюда!... на помощь!... умираю...
Ядъ, ядъ!—не слышутъ... понимаю:
Ты остороженъ... никого... нейдутъ...
Но помни: есть небесный судъ,
И я тебя, убійца, проклинаю!
(Не добѣжавъ до двери, упадаетъ безъ чувствъ).

АРБЕНИНЪ (горько смѣясь).

Проклятіе! Что пользы проклинать?
Я проклятъ Богомъ! (Подходитъ). Бѣдное созданье!
Ей не по силамъ наказанье...
(Стоитъ сложа руки).
Блѣдна! (Содрогается). Но всѣ черты спокойны; не видать
Въ нихъ ни раскаянья, ни угрызеній...
Ужель?

НИНА (слабо).

Прощай, Евгеній!
Я умираю, но невинна... Ты—злодѣй.

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, не говори, тебѣ ужъ не поможетъ
Ни ложь, ни хитрость... говори скорѣй:
Я былъ обманутъ... такъ шутить не можетъ
Самъ адъ любовію моей!
Молчишь? О! месть тебя достойна...
Но это не поможетъ: ты умрешь...
И будетъ для людей все тайно—будь спокойна...

НИНА.

Теперь мнѣ все равно... Я все жъ
Невинна передъ Богомъ... (Умираетъ).

АРБЕНИНЪ (подходитъ къ ней и быстро отворачивается).

Ложь!
(Упадаетъ въ кресла).

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

АРБЕНИНЪ (сидитъ у стола на диванѣ).

Я ослáбѣлъ въ борьбѣ съ собой
Среди мучительныхъ усилій...
И чувства наконецъ вкусили
Какой-то тягостный, обманчивый покой...
Лишь иногда невольною заботой
Душа тревожится въ холодномъ этомъ снѣ
И сердце ноетъ, будто ждетъ чего-то.
Не все ли кончено? Ужели на землѣ
Страданье новое вкусить осталось мнѣ?
Вздоръ!... Дни пройдутъ—придетъ забвенье,
Подъ тягостью годовъ умретъ воображенье;
И долженъ же покой когда нибудь
Вновь поселиться въ эту грудь...
(Задумывается; вдругъ поднимаетъ голову).
Я ошибался?... Нѣтъ, неумолимо
Воспоминаніе!... Какъ живо вижу я
Ея мольбы, тоску... О! мимо, мимо!
Ты, пробужденная змѣя!...
(Упадаетъ головою на руки).

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

КАЗАРИНЪ (тихо).

Арбенинъ здѣсь, печаленъ и вздыхаетъ.
Посмотримъ, какъ-то онъ комедію сыграетъ. (Ему).
Я, милый другъ, спѣшилъ къ тебѣ,
Узнавши о твоемъ несчастьи.
Какъ быть! угодно такъ судьбѣ.
У всякаго свои напасти. (Молчаніе).
Да полно, братъ! личину ты сними—
Не опускай такъ важно взоры;
Вѣдь это хорошо съ людьми,
Для публики—а мы съ тобой актеры.
Скажи-ка, братъ... Да какъ ты блѣденъ сталъ,
Подумаешь, что ночь всю въ карты проигралъ.
О, старый плутъ!... да мы разговориться
Успѣемъ послѣ... Вотъ твоя родня:
Покойницѣ идутъ, конечно, поклониться.
Прощай же, до другаго дня.

(Уходитъ).

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

РОДСТВЕННИКИ приходятъ.

ДАМА (племянницѣ).

Ужъ, видно, есть надъ нимъ Господнее проклятье:
Дурной былъ мужъ, дурной былъ сынъ...
Напомни мнѣ заѣхать въ магазинъ
Купить матеріи на траурное платье.
Хоть нынче нѣтъ доходовъ никакихъ,
А разоряюсь для родныхъ.

ПЛЕМЯННИЦА.

Ma tante! какая же причина
Тому, что умерла кузина?

ДАМА.

А та, сударыня, что глупъ вашъ модный свѣтъ.
Ужъ доживете вы до бѣдъ!
(Уходятъ).

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Выходятъ изъ комнаты покойницы ДОКТОРЪ И СТАРИКЪ.

СТАРИКЪ.

При васъ она скончалась?

ДОКТОРЪ.

Не успѣли
Меня найти... Я говорилъ всегда:
Съ мороженымъ и балами бѣда!

СТАРИКЪ.

Покровъ богатъ; парчу вы разсмотрѣли?
У брата моего прошедшею весной
На гробѣ былъ точь въ точь такой.
(Уходитъ).

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ДОКТОРЪ подходитъ къ Арбенину и беретъ его за руку.

Вамъ надо отдохнуть.

АРБЕНИНЪ (вздрагиваетъ).

А!... (въ сторону) сердце сжалось.

ДОКТОРЪ.

Вы слишкомъ предались печали эту ночь —
Усните.

АРБЕНИНЪ.

Постараюсь.

ДОКТОРЪ.

Ужъ помо̀чь

Нельзя ничѣмъ; но вамъ осталось
Беречь себя.

АРБЕНИНЪ.

Ого! я невредимъ.
Какимъ страданіямъ земнымъ
На жертву грудь моя ни предавалась,
А я все живъ... Я счастія желалъ
И въ видѣ ангела мнѣ Богъ его послалъ;
Мое преступное дыханье
Въ немъ осквернило божество,
И вотъ оно, прекрасное созданье —
Смотрите — холодно, мертво!
Разъ въ жизни человѣка мнѣ чужаго,
Рискуя честію, отъ гибели я спасъ,
А онъ — смѣясь, шутя, не говоря ни слова,
Онъ отнялъ у меня все, все—и черезъ часъ.
(Уходитъ).

ДОКТОРЪ.

Онъ боленъ не шутя, и я не сомнѣваюсь,
Что въ этой головѣ мученій было тьма;
Но если онъ сойдетъ съ ума,
То я за жизнь его ручаюсь.
(Уходя, сталкивается съ двумя).

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

Входятъ НЕИЗВѢСТНЫЙ и КНЯЗЬ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Позвольте васъ спросить: Арбенина нельзя ль
Намъ видѣть?

ДОКТОРЪ.

Право, утверждать не смѣю:
Жена его вчера скончалась.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Очень жаль.

ДОКТОРЪ.

И онъ такъ огорченъ...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я и о немъ жалѣю.
Однако жъ дома онъ?

ДОКТОРЪ.

Онъ? дома, — да.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я дѣло до него преважное имѣю.

ДОКТОРЪ.

Вы изъ друзей его, конечно, господа?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Покамѣстъ нѣтъ; но мы пришли сюда,
Чтобъ подружиться понемногу.

ДОКТОРЪ.

Онъ боленъ не шутя.

КНЯЗЬ (испугавшись).

Лежитъ
Безъ памяти?

ДОКТОРЪ.

Нѣтъ! ходитъ, говоритъ —
И есть еще надежда...

КНЯЗЬ.

Слава Богу!

(Докторъ уходитъ).

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

КНЯЗЬ.

О, наконецъ!...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Лицо у васъ въ огнѣ.
Вы тверды ли въ своемъ рѣшеньи?

КНЯЗЬ.

А вы ручаетесь ли мнѣ,
Что справедливо ваше подозрѣнье?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Послушайте: у насъ обоихъ цѣль одна.
Его мы ненавидимъ оба;
Но вы его души не знаете — мрачна
И глубока, какъ двери гроба;
Чему хоть разъ отворится она,
То въ ней погребено навѣки. — Подозрѣнья
Ей стоютъ доказательствъ. Ни прощенья,
Ни жалости не знаетъ онъ,
Когда обиженъ. Мщенье, мщенье —
Вотъ цѣль его тогда и вотъ законъ.
Да, эта смерть скора не безъ причины.
Я зналъ: вы съ нимъ враги — и услужить вамъ радъ.
Вы драться станете — я два шага назадъ,
И буду зрителемъ картины.

КНЯЗЬ.

Но какъ узнали вы, что день тому назадъ
Я былъ обиженъ имъ?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я разсказать бы радъ,
Да это вамъ наскучитъ!
Къ тому жъ весь городъ говоритъ.

КНЯЗЬ.

Мысль нестерпимая!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Она васъ слишкомъ мучитъ.

КНЯЗЬ.

О, вы не знали, что такое стыдъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Стыдъ? — нѣтъ; и опытъ васъ забыть о немъ научитъ.

КНЯЗЬ.

Но кто вы?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Имя нужно вамъ?
Я вашъ сообщникъ, ревностно и дружно
За вашу честь вступился самъ,
А знать вамъ болѣе не нужно.
Но, чу! идутъ... походка тяжела
И медленна. — Онъ! точно. Удалитесь
На мигъ; есть съ нимъ у насъ дѣла,
И вы въ свидѣтели теперь намъ не годитесь.
(Князь отходитъ въ сторону).

ВЫХОДЪ ВОСЬМОЙ.

АРБЕНИНЪ (со свѣчей).

АРБЕНИНЪ.

Смерть! смерть! О, это слово здѣсь,
Вездѣ, — я имъ проникнутъ весь;
Оно меня преслѣдуетъ безмолвно.
Смотрѣлъ я цѣлый часъ на трупъ ея нѣмой,
И сердце было полно, полно
Невыразимою тоской.
Въ чертахъ спокойствіе и дѣтская безпечность,
Улыбка вѣчная тихонько разцвѣла,
Когда предъ ней открылась вѣчность,
И тамъ свою судьбу душа ея прочла.
Ужель я ошибался? — Невозможно!
Мнѣ ошибиться? — кто докажетъ мнѣ
Ея невинность? — ложно! ложно!

Гдѣ доказательства? есть у меня они!
Я не повѣрилъ ей — кому же стану вѣрить?
Да, я былъ страстный мужъ, но былъ судья
Холодный. — Кто же разувѣрить
Меня осмѣлится?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Осмѣлюсь — я!

АРБЕНИНЪ. (Сначала пугается и, отходя, подноситъ къ лицу свѣчу).

А кто же вы?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Немудрено, Евгеній,
Ты не узналъ меня — а были мы друзья.

АРБЕНИНЪ.

Но кто вы?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я твой добрый геній.
Да! непримѣченный, вездѣ я былъ съ тобой,
Всегда съ другимъ лицомъ, всегда въ другомъ нарядѣ,
Зналъ всѣ твои дѣла и мысль твою порой;
Остерегалъ тебя недавно въ маскарадѣ.

АРБЕНИНЪ (вздрогнувъ).

Пророковъ не люблю, и выйти васъ
Прошу немедленно — я говорю серьезно.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Все такъ: но, не смотря на голосъ грозный
И на рѣшительный приказъ,
Я не уйду. — Да, вижу, вижу ясно,
Ты не узналъ меня. Я не изъ тѣхъ людей,
Которыхъ можетъ мигъ опасный
Отвлечь отъ цѣли многихъ дней.
Я цѣль свою достигъ и здѣсь на мѣстѣ лягу,
Умру — но ужъ назадъ не сдѣлаю ни шагу.

АРБЕНИНЪ.

Я самъ таковъ, и этимъ, сверхъ того,
Не хвастаюсь. (Садится). Я слушаю.

НЕИЗВѢСТНЫЙ (въ сторону).

Доселѣ
Мои слова не тронули его.
Иль я ошибся въ самомъ дѣлѣ?
Посмотримъ далѣе. (Ему) Семь лѣтъ тому назадъ,
Ты узнавалъ меня, Арбенинъ. Я былъ молодъ,
Неопытенъ, и пылокъ, и богатъ.
Но ты... въ твоей груди ужъ крылся этотъ холодъ,
То адское презрѣнье ко всему,
Которымъ ты гордился всюду.
Не знаю, приписать его къ уму,
Иль къ обстоятельствамъ — я разбирать не буду
Твоей души — ее пойметъ лишь Богъ,
Который сотворить одинъ такую могъ.

АРБЕНИНЪ.

Дебютъ хорошъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Конецъ не будетъ хуже.
Разъ, ты меня уговорилъ, увлекъ
Къ себѣ... Мой кошелекъ
Былъ полонъ; и къ тому же
Я вѣрилъ счастью. Сѣлъ играть съ тобой —
И проигралъ. Отецъ мой былъ скупой
И строгій человѣкъ... и чтобъ не подвергаться
Упрекамъ, я рѣшился отыграться,
Но ты, хоть молодъ, ты меня держалъ
Въ когтяхъ — и я все снова проигралъ.
Я предался отчаянью. Тутъ были—
Ты помнишь, можетъ быть,
И слезы и мольбы... Въ тебѣ же возбудили

Онѣ лишь смѣхъ... О! лучше бы пронзить
Меня кинжаломъ! Но въ то время
Ты не смотрѣлъ еще пророчески впередъ!
И только нынче злое сѣмя
Произвело достойный плодъ.

(Арбенинъ хочетъ вскочить, но задумывается).

И я покинулъ все съ того мгновенья,
Все — женщинъ и любовь, блаженство юныхъ лѣтъ,
Мечтанья нѣжныя и сладкія волненья,
И въ свѣтѣ мнѣ открылся новый свѣтъ —
Міръ новыхъ, странныхъ ощущеній,
Міръ обществомъ отверженныхъ людей,
Самолюбивыхъ душъ и ледяныхъ страстей,
И увлекательныхъ мученій.
Я увидалъ, что деньги — царь земли,
И поклонился имъ. Года прошли,
Все скоро унеслось: богатство и здоровье;
Навѣки предо мной закрылась счастья дверь;
Я заключилъ съ судьбой послѣднее условье —
И вотъ сталъ тѣмъ, что я теперь...
А! ты дрожишь, ты понимаешь
И цѣль мою и то, что я сказалъ!
Ну, повтори еще, что ты меня не знаешь.

АРБЕНИНЪ.

Прочь! я узналъ тебя — узналъ!...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Прочь? Развѣ это все? Ты надо мной смѣялся —
И я повеселиться радъ.
Недавно до меня случайно слухъ домчался,
Что счастливъ ты, женился и богатъ.
И горько стало мнѣ, и сердце зароптало,
И долго думалъ я: за что жъ
Онъ счастливъ? — и шептало

Мнѣ чувство внятное: «иди, иди, встревожь!»
И сталъ я слѣдовать, мѣшаяся съ толпой,
Безъ устали, всегда повсюду за тобой,
Все узнавалъ—и наконецъ
Пришелъ трудамъ моимъ конецъ.
Послушай—я узналъ, и... и открою
Тебѣ я истину одну...
(Протяжно).
Послушай: ты... убилъ свою жену!...
(Арбенинъ отскакиваетъ. Князь подходитъ).

АРБЕНИНЪ.

Убилъ?—я?—Князь!—О! что такое!...

НЕИЗВѢСТНЫЙ (отступая).

Я все сказалъ; онъ скажетъ остальное.

АРБЕНИНЪ (приходя въ бѣшенство).

А! заговоръ!... прекрасно!... я у васъ
Въ рукахъ... Вамъ помѣшать кто смѣетъ?
Никто... вы здѣсь цари... я смиренъ... я сейчасъ
У вашихъ ногъ... душа моя робѣетъ
Отъ взглядовъ вашихъ... Я глупецъ, дитя,
Я противъ вашихъ словъ отвѣта не имѣю.
И мигомъ побѣжденъ; обманутъ я шутя,
И подъ топоръ нагну спокойно шею!...
А вы не разочли, что есть еще во мнѣ
Присутствіе ума, и опытность, и сила?
Вы думали, что все взяла ея могила?
Что я не заплачу вамъ всѣмъ по старинѣ?
Такъ вотъ какъ я униженъ въ вашемъ мнѣньи
Коварнымъ лепетомъ молвы!....
Да! сцена хорошо придумана; но вы
Не отгадали заключенья.
А этотъ мальчикъ?... Такъ и онъ со мной
Бороться вздумалъ? Мало было

Одной пощечины—нѣтъ, хочется другой?
Вы все получите, мой милый!
Вамъ жизнь наскучила? не странно ль: жизнь глупца?
Жизнь площаднаго волокиты?
Утѣшьтесь же теперь—вы будете убиты,
Умрете—съ именемъ и смертью подлеца.

КНЯЗЬ.

Увидимъ; но скорѣй...

АРБЕНИНЪ.

Идемъ, идемъ!

КНЯЗЬ.

Теперь я счастливъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ (останавливая).

Да! а главное забыли!...

КНЯЗЬ (останавливая Арбенина).

Постойте! Вы должны узнать, что обвинили
Меня напрасно; что ни въ чемъ
Не виновата ваша жертва; оскорбили
Меня вы во время: я только обо всемъ
Хотѣлъ сказать вамъ... Но пойдемъ.

АРБЕНИНЪ.

Что? что?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Твоя жена невинна; слишкомъ строго
Ты обошелся...

АРБЕНИНЪ (хохочетъ).

Да у васъ въ запасѣ шутокъ много.

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, нѣтъ, я не шучу, клянусь Творцомъ.
Браслетъ случайною судьбою
Попался баронессѣ и потомъ
Былъ отданъ мнѣ ея рукою.

Я ошибался самъ; но вашею женою
Любовь моя отвергнута была.
Когда бъ я зналъ, что отъ одной ошибки
Произойдетъ такъ много зла,
То вѣрно бъ не искалъ ни взора, ни улыбки...
И баронесса этимъ вотъ письмомъ
Вамъ открывается во всемъ.
Читайте же скорѣй—мнѣ дороги мгновенья...
(Арбенинъ взглядываетъ на письмо и читаетъ).

НЕИЗВѢСТНЫЙ (поднявъ глаза къ небу, лицемѣрно).

Казнитъ злодѣя провидѣнье:
Невинная погибла—жаль!
Но здѣсь ждала ее печаль,
А въ небесахъ спасенье!
Ахъ! я ее видалъ: ея глаза
Всю чистоту души изображали ясно.
Кто бъ думать могъ, что этотъ цвѣтъ прекрасный
Сомнетъ минутная гроза!...
Что ты замолкъ, несчастный?
Рви волосы, терзайся и кричи...
Ужасно!... о, ужасно!

АРБЕНИНЪ (бросается на нихъ).

Я задушу васъ, палачи!
(Вдругъ слабѣетъ и падаетъ въ кресла).

КНЯЗЬ (толкая грубо).

Раскаянье вамъ не поможетъ.
Ждутъ пистолеты—споръ нашъ не рѣшенъ...
Молчитъ, не слушаетъ. Ужели онъ
Разсудокъ потерялъ?...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Быть можетъ...

КНЯЗЬ.

Вы помѣшали мнѣ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Мы цѣлимъ розно.
Я отомстилъ; для васъ, я думаю, ужъ поздно!

АРБЕНИНЪ (встаетъ съ дикимъ взглядомъ).

О, что сказали вы?... Нѣтъ силъ, нѣтъ силъ...
Я такъ былъ оскорбленъ, я такъ увѣренъ былъ...
Прости, прости меня, о Боже... Мнѣ прощенье?
(Хохочетъ).
А слезы, жалобы, моленья!
А ты простилъ?
(Становится на колѣна).
Ну, вотъ и я упалъ предъ вами на колѣна:
Скажите же, не правда ли, измѣна,
Коварство очевидны... Я хочу, велю,
Чтобъ вы ее сейчасъ же обвинили.
Она невинна? Развѣ вы тутъ были,
Смотрѣли въ душу вы мою?
Какъ я теперь прошу, такъ и она молила!...
Ошибка... я ошибся... что жъ!
Она мнѣ то же говорила,
Но я сказалъ, что это ложь... (Встаетъ).
Я это ей сказалъ. (Молчаніе).
Вотъ что я вамъ открою:
Не я убійца. (Взглядываетъ пристально на неизвѣстнаго)
Ты, скорѣй!
Признайся, говори, смѣлѣй,
Будь откровененъ хоть со мною.
О, милый другъ! зачѣмъ ты былъ жестокъ?
Вѣдь я ее любилъ, я бъ небесамъ и раю
Одной слезы ея, когда бы могъ,
Не уступилъ—но я тебѣ прощаю!
(Упадаетъ на грудь ему и плачетъ).

НЕИЗВѢСТНЫЙ (отталкивая его грубо).

Приди въ себя—опомнись... (Князю) Уведемъ

Его отсюда; онъ опомнится, конечно,
На воздухѣ... (Беретъ его за руку).
Арбенинъ!

АРБЕНИНЪ.

Вѣчно
Мы не увидимся... Прощай... Идемъ... идемъ...
Сюда... сюда... (Вырываясь, бросается въ дверь, гдѣ гробъ Нины).

КНЯЗЬ.

Остановите!...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

И этотъ гордый умъ сегодня изнемогъ.

АРБЕНИНЪ (возвращаясь съ дикимъ стономъ).

Здѣсь посмотрите! посмотрите!...
(Прибѣгая на средину сцены).
Я говорилъ тебѣ, что ты жестокъ!
(Падаетъ на землю и сидитъ полулежа съ неподвижными глазами. Князь и Неизвѣстный стоятъ надъ нимъ).

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Давно хотѣлъ я полной мести—
И вотъ вполнѣ я отомщенъ!

КНЯЗЬ.

Онъ безъ ума—счастливъ; а я навѣкъ лишенъ
Спокойствія и чести!

БОЯРИНЪ ОРША.

ГЛАВА I.

Then burst her heart in one long shriek
And to the heart she fell like stone
As statue from its base o'erthrown.
Byron.

Во время оно жилъ да былъ
Въ Москвѣ бояринъ Михаилъ,
Призваньемъ Орша.—Важный санъ
Далъ Оршѣ Грозный Іоаннъ.
Онъ далъ ему съ руки своей
Кольцо—наслѣдіе царей;
Онъ далъ ему, въ веселый мигъ,
Соболью шубу съ плечъ своихъ;
Въ день Воскресенія Христа
Поцѣловалъ его въ уста,
И обѣщался въ тотъ же день
Дать тридцать царскихъ деревень,
Съ тѣмъ, чтобы Орша до конца
Не отлучался отъ дворца.

Но Орша нравомъ былъ угрюмъ:
Онъ не любилъ придворный шумъ;
При видѣ трепетныхъ льстецовъ
Щипалъ концы сѣдыхъ усовъ,
И разъ, опричнымъ огорченъ,
Такъ Іоанну молвилъ онъ:

«Надёжда-царь! пусти меня
На родину—я день отъ дня
Все старѣ; даже не могу
Обиду вымѣстить врагу.
Есть много слугъ въ дворцѣ твоемъ.

Пусти меня! Мой старый домъ
На берегу Днѣпра крутомъ,
Близъ рубежа Литвы чужой,
Обросъ могильною травой;
Пробудь я здѣсь еще хоть годъ,
Онъ догніетъ—и упадетъ.
Дай поклониться мнѣ Днѣпру...
Тамъ я родился—тамъ умру!»

И онъ узрѣлъ свой старый домъ.
Покои темные кругомъ
Уставилъ златомъ и сребромъ;
Икону въ ризѣ дорогой,
Въ алмазахъ, въ жемчугѣ, съ рѣзьбой,
Повѣсилъ въ каждомъ онъ углу,
И запестрѣли на полу
Узоры шелковыхъ ковровъ.
Но лучше царскихъ всѣхъ даровъ
Былъ Божій даръ—младая дочь;
О ней онъ думалъ день и ночь,
Въ его глазахъ она росла
Свѣжа, невинна, весела,
Цвѣтокъ грядущаго святой,
Былаго памятникъ живой!
Такъ средь развалинъ иногда
Растетъ береза: молода,
Мила надъ плитами гробовъ
Игрою шепчущихъ листовъ...
И та холодная стѣна
Ея красой оживлена!...
. . . .

Туманно въ полѣ и темно.
Одно лишь свѣтится окно

Въ боярскомъ домѣ, какъ звѣзда
Сквозь тучи смотритъ иногда.
Тяжелый звякнулъ ужъ затворъ,
Угрюмъ и пустъ широкій дворъ.
Вотъ, испытавъ замки дверей,
Съ гремучей связкою ключей
Къ калиткѣ сторожъ подошелъ
И взоры на небо возвелъ:
«А завтра быть грозѣ большой!»
Сказалъ, крестясь, старикъ сѣдой.
«Смотри-ка молнія вдали
Такъ и доходитъ до земли,
И бѣлый мѣсяцъ, какъ монахъ,
Завернутъ въ черныхъ облакахъ;
И воетъ вѣтеръ будто звѣрь...
Дай кучу злата мнѣ теперь,
Съ конюшни лучшаго коня
Сейчасъ сѣдлайте для меня—
Нѣтъ, не отъѣду отъ крыльца
Ни для родимаго отца!»
Такъ разсуждая самъ съ собой,
Кряхтя, старикъ пошелъ домой.
Лишь вдалекѣ едва гремятъ
Его ключи... Вокругъ палатъ
Все снова тихо и темно,
Одно лишь свѣтится окно.

Все въ домѣ спитъ—не спитъ одинъ
Его угрюмый властелинъ
Въ покоѣ пышномъ и большомъ,
На ложѣ бархатномъ своемъ.
Полусгорѣвшая свѣча
Предъ нимъ, сверкая и треща,
Порой на каждый льетъ предметъ
Какой-то странный полусвѣтъ.

Висятъ надъ ложемъ образа;
Ихъ ризы блещутъ, ихъ глаза
Вдругъ оживляются, глядятъ —
Но съ чѣмъ сравнить подобный взглядъ?
Онъ непонятнѣй и страшнѣй
Всѣхъ мертвыхъ и живыхъ очей!
Томитъ боярина тоска.
Ужъ поздно. Подъ окномъ рѣка
Шумитъ, и съ бурей заодно
Гремучій дождь стучитъ въ окно.
Чернѣетъ тѣнь во всѣхъ углахъ,
И — странно — Оршу обнялъ страхъ!
Бывалъ онъ въ битвахъ, хоть и старъ,
Противъ поляковъ и татаръ;
Слыхалъ онъ грозный царскій гласъ,
Встрѣчалъ и взоръ въ недобрый часъ:
Ни разу духъ его крутой
Не ослабѣлъ передъ бѣдой;
Но тутъ — онъ свистнулъ, и вошелъ
Любимый рабъ его, Соколъ.

И молвилъ Орша: «скучно мнѣ,
Все думы черныя однѣ.
Садись поближе на скамью,
И рѣчью грусть разсѣй мою...
Пожалуй, сказку ты начни
Про прежніе златые дни,
И я, припомнивъ старину,
Подъ говоръ словъ твоихъ засну».

И на скамью присѣлъ Соколъ
И рѣчь такую онъ завелъ:

«Жилъ былъ за тридевять земель,
Въ тридцатомъ княжествѣ отсель,

Великій и премудрый царь.
Ни въ наше времечко, ни встарь
Никто не видывалъ пышнѣй
Его палатъ, и много дней
Въ весельи жизнь его текла,
Покуда дочь не подросла.

«Тотъ царь былъ слабъ и хилъ и старъ,
А дочь — непрочный вѣдь товаръ!
Ее, какъ лучшій свой алмазъ,
Онъ скрылъ отъ молодецкихъ глазъ;
И на его царевну-дочь
Смотрѣлъ лишь день да темна ночь,
И цѣловать красотку могъ
Лишь перелетный вѣтерокъ.

И царь тотъ раза три на дню
Ходилъ смотрѣть на дочь свою;
Но вздумалъ вдругъ онъ въ темну ночь
Взглянуть, какъ спитъ младая дочь.
Свой ключъ серебряный онъ взялъ,
Сапожки шелковые снялъ,
И вотъ приходитъ въ башню ту,
Гдѣ скрылъ царевну-красоту...

«Вошелъ: въ свѣтлицѣ тишина;
Дочь сладко спитъ, но не одна;
Припавъ на грудь ея главой
Съ ней царскій конюхъ молодой.
И прогнѣвился царь тогда,
И повелѣлъ онъ безъ суда
Ихъ вмѣстѣ въ бочку засмолить
И въ сине море укатить...»

И быстро на устахъ раба —
Какъ будто тайная борьба

Въ то время совершалась въ немъ —
Улыбка вспыхнула, потомъ
Онъ очи на небо возвелъ,
Вздохнулъ и смолкъ. «Ступай, Соколъ!»
Махнувъ дрожащею рукой,
Сказалъ бояринъ: «въ часъ иной
Разскажешь сказку до конца
Про оскорбленнаго отца!»

И по морщинамъ старика,
Какъ тѣни ȯблака, слегка
Промчались тѣни черныхъ думъ.
Встревоженный и быстрый умъ
Вблизи предвидѣлъ много бѣдъ.
Онъ жилъ: онъ зналъ людей и свѣтъ,
Онъ зломъ не могъ быть удивленъ,
Добру жъ давно не вѣрилъ онъ,
Не вѣрилъ только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему!...

И вспыхнулъ въ немъ остатокъ силъ.
Онъ съ ложа мягкаго вскочилъ,
Соболью шубу на плеча
Накинулъ онъ; въ рукѣ свѣча;
И вотъ, дрожа, идетъ скорѣй
Къ свѣтлицѣ дочери своей.
Ступени лѣстницы крутой
Подъ тяжкою его стопой
Скрипятъ и свѣчка раза два
Изъ рукъ не выпала едва.

Онъ видитъ: няня въ уголкѣ
Сидитъ на старомъ сундукѣ
И спитъ глубоко, и порой
Во снѣ качаетъ головой;

На ней, предчувствіемъ объятъ,
На мигъ онъ удержалъ свой взглядъ —
И мимо; но, послыша стукъ,
Старуха пробудилась вдругъ,
Перекрестилась и потомъ
Опять заснула крѣпкимъ сномъ,
И занята своей мечтой,
Вновь закачала головой.

Стоитъ бояринъ у дверей
Свѣтлицы дочери своей
И чуткимъ ухомъ онъ приникъ
Къ замку — и думаетъ старикъ:
«Нѣтъ! непорочна дочь моя.
А ты, Соколъ, ты рабъ, змѣя,
За дерзкій, хитрый свой намекъ
Получишь гибельный урокъ!»
Но вдругъ... о горе! о позоръ!
Онъ слышитъ тихій разговоръ...

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

О! погоди, Арсеній мой!
Вчера ты былъ совсѣмъ другой.
День безъ меня — и мигъ со мной!...

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Не плачь... утѣшься! — близокъ часъ —
И будетъ міръ ничто для насъ.
Въ чужой, но близкой сторонѣ
Мы будемъ счастливы вполнѣ,
И не раба обнимешь ты
Среди полночной темноты.
Съ тѣхъ поръ, ты помнишь, какъ чернецъ
Меня привезъ, и твой отецъ
Вручилъ ему свой кошелекъ,
Съ тѣхъ поръ задумчивъ, одинокъ,

Тоской невольности томимъ,
Но нѣжнымъ голосомъ твоимъ
И блескомъ ангельскихъ очей
Прикованъ у тюрьмы моей,
Задумалъ я свой край родной
На вѣкъ оставить, но съ тобой!...
И скоро я въ лѣсахъ чужихъ
Нашелъ товарищей лихихъ,
Безстрашныхъ, твердыхъ, какъ булатъ.
Людской законъ для нихъ не святъ,
Война — ихъ рай, а миръ — ихъ адъ.
Я отдалъ душу имъ въ закладъ,
Но ты моя — и я богатъ!...

И голоса замолкли вдругъ.
И слышитъ Орша тихій звукъ,
Звукъ поцѣлуя... и другой...
Онъ вспыхнулъ, дверь толкнулъ рукой
И, изступленный и нѣмой,
Предсталъ предъ блѣдною четой...
. . . . *

Бояринъ сдѣлалъ шагъ назадъ,
На дочь онъ кинулъ злобный взглядъ,
Глаза ихъ встрѣтились — и вмигъ
Мучительный, ужасный крикъ
Раздался, пролетѣлъ — и стихъ.

---

* Точки въ подлинникѣ, замѣняющія зачеркнутые стихи:
Свѣчи дрожащій красный лучъ,
Какъ будто молнія изъ тучъ,
Прервавъ любви послѣдній пылъ,
Всѣ чувства ихъ оледѣнилъ...
Она при немъ, безъ думъ, безъ силъ,
Едва успѣла отомкнуть
Уста отъ устъ, отъ груди грудь.

И тотъ, кто крикъ сей услыхалъ,
Подумалъ, вѣрно, иль сказалъ,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой.
И тяжко на цвѣтной коверъ,
Какъ трупъ бездушный съ давнихъ поръ,
Небрежной сброшенный рукой,
Произведя ударъ глухой,
Упало что-то. — И на зовъ
Боярина толпа рабовъ,
Во всемъ послушная орда,
Шумя, сбѣжалася тогда,
И безъ усилій, безъ борьбы
Схватили юношу рабы.

Нѣмъ и недвижимъ онъ стоялъ,
Покуда крѣпко обвивалъ
Всѣ члены, какъ змѣя, канатъ;
Въ нихъ проникалъ могильный хладъ
И сердце громко билось въ немъ
Тоской, отчаяньемъ, стыдомъ.

Когда жъ безумца увели
И шумъ шаговъ умолкъ вдали,
И съ нимъ остался лишь Соколъ,
Бояринъ къ двери подошелъ,
Въ послѣдній разъ въ нее взглянулъ,
Не вздрогнулъ, даже не вздохнулъ,
И трижды ключъ перевернулъ
Въ ея заржавленномъ замкѣ...
Но... ключъ дрожалъ въ его рукѣ!
Потомъ онъ отворилъ окно:
Все было на небѣ темно,
А подъ окномъ межъ дикихъ скалъ
Днѣпръ безпокойный бушевалъ.

И въ волны ключъ отъ двери той
Онъ бросилъ сильною рукой,
И тихо ключъ тотъ роковой
Былъ принятъ хладною рѣкой.

Тогда, рѣшивъ свою судьбу,
Бояринъ вѣрному рабу
На волны молча указалъ,
И тотъ поклономъ отвѣчалъ...
И черезъ часъ ужъ въ домѣ томъ
Все спало снова крѣпкимъ сномъ,
И только не спалъ въ немъ одинъ
Его угрюмый властелинъ.

ГЛАВА II.

Народъ кипитъ въ монастырѣ;
У вратъ святыхъ и на дворѣ
Рабы боярскіе стоятъ.
Ихъ копья мѣдныя горятъ,
Ихъ шапки длинныя кругомъ
Опушены густымъ бобромъ,
За кушакомъ блестятъ у нихъ
Ножны кинжаловъ дорогихъ...
Межъ нихъ стремянный молодой,
За гриву правою рукой
Держа боярскаго коня,
Стоитъ; по временамъ звеня
Стремена бьются о бока;
Истертъ ногами сѣдока,
Въ пыли малиновый чепракъ;
Весь въ мылѣ сѣрый аргамакъ
Мотаетъ гривою густой,
Бьетъ землю жилистой ногой,

Грызетъ съ досады удила,
И пѣна легкая — бѣла,
Чиста, какъ первый снѣгъ въ поляхъ —
Съ желѣза падаетъ на прахъ.

Но вотъ обѣдня отошла;
Гудятъ, ревутъ колокола;
Вотъ слышно пѣнье — изъ дверей
Мелькаетъ длинный рядъ свѣчей,
Во слѣдъ игумену-отцу
Монахи сходятъ по крыльцу
И прямо въ трапезу идутъ:
Тамъ грозный судъ, послѣдній судъ
Произнесетъ отецъ святой
Надъ бѣдной грѣшной головой.

Безмолвна трапеза была.
Къ стѣнѣ налѣво два стола
И пышныхъ креселъ полукругъ —
Издѣлье иноческихъ рукъ—
Блистали тканью парчевой;
Въ большія окна свѣтъ дневной,
Врываясь свѣтлой полосой,
Дробяся въ искры по стеклу,
Игралъ на каменномъ полу.
Рѣзьбою мелкою стѣна
Была искусно убрана,
И на двери въ кружкахъ златыхъ
Блистали образа святыхъ.
Тяжелый, низкій потолокъ
Расписывалъ, какъ зналъ, какъ могъ,
Усердный инокъ... жалкій трудъ,
Отнявшій множество минутъ
У Бога, думъ святыхъ и дѣлъ...
Искусства горестный удѣлъ!...

На мягкихъ креслахъ предъ столомъ
Сидѣлъ въ бездѣйствіи нѣмомъ
Бояринъ Орша. Иногда
Усы сѣдые, борода,
Съ игривымъ встрѣтившись лучомъ,
Вдругъ отливались серебромъ,
И часто кудри старика
Отъ дуновенья вѣтерка
Приподнималися слегка.
Движеньемъ пасмурныхъ очей
Нерѣдко онъ искалъ дверей,
И, въ нетерпѣніи, порой
Онъ по столу стучалъ рукой.

Въ концѣ противномъ залы той
Одинъ, въ цѣпяхъ, къ нему спиной,
Покрытъ одеждою раба,
Стоялъ Арсеній у столба.
Но въ молодомъ лицѣ его
Вы не нашли бъ ни одного
Изъ чувствъ, которыхъ смутный рой
Кружится, вьется надъ душой
Въ часъ разставанія съ землей.

Хотѣлъ ли онъ передъ врагомъ
Предстать съ безчувственнымъ челомъ,
Съ холодной важностью лица,
И мстить хоть этимъ до конца?
Иль онъ невольно въ этотъ мигъ
Глубокой мыслію постигъ,
Что онъ въ цѣпи существъ давно
Едва ль не лишнее звено?...
Задумчивъ онъ смотрѣлъ въ окно
На голубыя небеса:
Его манила ихъ краса;

И кудри легкихъ облаковъ,
Небесъ серебряный покровъ,
Неслись свободно, быстро тамъ,
Кидая тѣни по холмамъ.
И онъ увидѣлъ: у окна,
Заботой рѣзвою полна,
Летала ласточка—то внизъ,
То вверхъ, подъ каменный карнизъ
Кидалась съ дивной быстротой
И въ щели пряталась сырой;
То, взвившись на небо стрѣлой,
Тонула въ пламенныхъ лучахъ...
И онъ вздохнулъ о прежнихъ дняхъ,
Когда онъ жилъ, страстямъ чужой,
Съ природой жизнію одной.
Блеснули тусклые глаза,
Но этотъ блескъ былъ—не слеза;
Онъ улыбнулся, но жестокъ
Въ его улыбкѣ былъ упрекъ.

И вдругъ раздался звукъ шаговъ,
Невнятный говоръ голосовъ,
Скрипъ отворяемыхъ дверей...
Они!—вошли!—Толпа людей
Въ высокихъ, черныхъ клобукахъ,
Съ свѣчами длинными въ рукахъ.
Согбенный тягостью веригъ,
Предъ ними шелъ слѣпой старикъ,
Отецъ-игуменъ.—Сорокъ лѣтъ
Ужъ онъ не зналъ чтó Божій свѣтъ;
Но умъ его былъ юнъ, богатъ,
Какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ.
Онъ шелъ, склонясь на посохъ свой,
И крестъ держалъ передъ собой;
И крестъ осыпанъ былъ кругомъ

Алмазами и жемчугомъ.
И трость игумена была
Слоновой кости, такъ бѣла,
Что лишь съ сѣдой его брадой
Могла равняться бѣлизной.

Перекрестясь, онъ важно сѣлъ
И плѣнника подвесть велѣлъ,
И одного изъ чернецовъ
Позвалъ по имени: суровъ
И холоденъ былъ видъ лица
Того святаго чернеца.
Потомъ игуменъ, наклонясь,
Сказалъ боярину, смѣясь,
Два слова на ухо. Въ отвѣтъ
На сей вопросъ или совѣтъ
Кивнулъ бояринъ головой...
И вотъ слѣпецъ махнулъ рукой!
И понялъ данный знакъ монахъ—
Укоръ готовый на устахъ
Словами книжными убралъ
И такъ преступнику вѣщалъ:
«Безумный, бренный сынъ земли!
Злой духъ и страсти привели
Тебя медовою тропой
Къ границѣ жизни сей земной.
Грѣшилъ ты много, но изъ всѣхъ
Грѣховъ страшнѣй послѣдній грѣхъ.
Простить не можетъ судъ земной,
Но въ небѣ есть судья иной:
Онъ милосердъ, ему теперь
При насъ дѣла свои повѣрь!»

АРСЕНІЙ.

Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ—благодарю.

Не понимаю, что была
У васъ за мысль?—Мои дѣла
И безъ меня ты долженъ знать,
А душу можно ль разсказать?
И если бъ могъ я эту грудь
Передъ тобою развернуть,
Ты вѣрно не прочелъ бы въ ней,
Что я безсовѣстный злодѣй!
Пусть монастырскій вашъ законъ
Рукою Бога утвержденъ,
Но въ этомъ сердцѣ есть другой,
Ему неменѣе святой:
Онъ оправдалъ меня—одинъ
Онъ сердцу полный властелинъ!
Когда бъ сквозь бѣдный мой нарядъ
Не проникалъ до сердца ядъ,
Тогда я былъ бы виноватъ.
Но всѣхъ равно влечетъ судьба:
И подъ одеждою раба,
Но полный жизнью молодой,
Я человѣкъ, какъ и другой.
И ты, и ты слѣпой старикъ,
Когда бъ ея небесный ликъ
Тебѣ явился хоть во снѣ,
Ты позавидовалъ бы мнѣ
И, въ изступленьи, можетъ быть,
Рѣшился бъ также согрѣшить,
И клятвы бъ грозныя забылъ,
И перенесть бы счастливъ былъ
За слово, ласку или взоръ
Мое мученье, мой позоръ!...

ОРША.

Не поминай теперь о ней!
Напрасно!—У груди моей,

Хоть нынѣ поздно вижу я,
Согрѣлась, выросла змѣя!...
Но ты заплатишь мнѣ теперь
За хлѣбъ и соль мою, повѣрь.
За сердце жъ дочери моей
Я заплачу тебѣ, злодѣй—
Тебѣ, найденышъ безъ креста,
Презрѣнный рабъ и сирота!...

АРСЕНІЙ.

Ты правъ: не знаю, гдѣ рожденъ,
Кто мой отецъ и живъ ли онъ?
Не знаю... Люди говорятъ,
Что я тобой ребенкомъ взятъ,
И былъ я отданъ съ раннихъ поръ
Подъ строгій иноковъ надзоръ,
И выросъ въ тѣсныхъ я стѣнахъ,
Душой дитя—судьбой монахъ!
Никто не смѣлъ мнѣ здѣсь сказать
Священныхъ словъ «отецъ» и «мать».
Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
Чтобъ я въ обители отвыкъ
Отъ этихъ сладостныхъ именъ?
Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
Со мной. Я видѣлъ у другихъ
Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
А у себя не находилъ
Не только милыхъ душъ—могилъ!
Но нынче самъ я не хочу
Предать ихъ имя палачу,
И все, что славно было бъ въ немъ,
Облить и кровью и стыдомъ.
Умру, какъ жилъ, твоимъ рабомъ!..
—Нѣтъ, не грози, отецъ святой:
Чего бояться намъ съ тобой?

Обоихъ насъ могила ждетъ...
Не все ль равно, что день, что годъ?
Никто ужъ намъ не господинъ;
Ты въ рай, я въ адъ—но путь одинъ!
Съ тѣхъ поръ, какъ длится жизнь моя,
Два раза былъ свободенъ я:
Послѣдній—нынѣ... Въ первый разъ,
Когда я жилъ еще у васъ,
Среди молитвъ и пыльныхъ книгъ,
Пришло мнѣ въ мысли хоть на мигъ
Взглянуть на пышныя поля,
Узнать прекрасна ли земля,
Узнать для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы...
И въ часъ ночной, въ ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
При блескѣ молній роковыхъ
Я убѣжалъ изъ стѣнъ святыхъ;
Боязнь съ одеждой кинулъ прочь,
Благословилъ и хладъ и ночь,
Забылъ печали бытія
И бурю братомъ назвалъ я.
Восторгомъ бѣшенымъ объятъ,
Съ ней унестись я былъ бы радъ;
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ!
О старецъ! что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой и живой
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?...

ИГУМЕНЪ.

На что намъ знать твои мечты?
Не для того предъ нами ты!

Въ другомъ ты нынѣ обвиненъ
И хочетъ истины законъ.
Открой же намъ друзей своихъ
Убійцъ, разбойниковъ ночныхъ,
Которыхъ страшныя дѣла
Смываетъ кровь и кроетъ мгла,
Съ которыми, забывши честь,
Ты мнилъ несчастную увезть.

АРСЕНІЙ.

Мнѣ ихъ назвать?—Отецъ святой,
Вотъ что умретъ во мнѣ, со мной.
О, нѣтъ, ихъ тайну—не мою,
Я неизмѣнно сохраню,
Пока земля въ урочный часъ
Какъ двухъ друзей не приметъ насъ.
Пытай желѣзомъ и огнемъ—
Я не признаюся ни въ чемъ;
И если хоть минутный крикъ
Измѣнитъ мнѣ... тогда, старикъ,
Я вырву слабый свой языкъ!...

МОНАХЪ.

Страшись упорствовать, глупецъ!
Къ чему?... Ужъ близокъ твой конецъ.
Скорѣе тайну намъ предай.
За гробомъ есть и адъ и рай,
И вѣчность въ томъ или другомъ...

АРСЕНІЙ.

Послушай, я забылся сномъ
Вчера въ темницѣ. Слышу вдругъ
Я приближающійся звукъ,
Знакомый, милый разговоръ,
И будто вижу ясный взоръ...
И пробудясь, во тьмѣ скорѣй
Ищу тѣхъ звуковъ, тѣхъ очей...

Увы! они въ груди моей!
Они на сердцѣ, какъ печать,
Чтобъ я не смѣлъ ихъ забывать,
И жгутъ его, и вновь живятъ...
Они мой рай, они мой адъ!
Для вспоминанія о нихъ
Жизнь—ничего, а вѣчность—мигъ!...

ИГУМЕНЪ.

Богохулитель, удержись!
Пади на землю, плачь, молись,
Прими святую въ грудь боязнь...
Мечтанья злыя—Божья казнь!
Молись ему...

АРСЕНІЙ.

Напрасный трудъ!
Не говори, что Божій судъ
Опредѣляетъ мнѣ конецъ:
Все люди, люди, мой отецъ!
Пускай умру... но смерть моя
Не продолжитъ ихъ бытія,
И дни грядущіе мои
Имъ не присвоить—и въ крови,
Неправой казнью пролитой,
Въ крови безумца молодой
Имъ разогрѣть не суждено
Сердцà, увядшія давно;
И гробъ безъ камня и креста,
Какъ жизнь ихъ ни была свята,
Не будетъ слабымъ ихъ ногамъ
Ступенью новой къ небесамъ;
И тѣнь несчастнаго, повѣрь,
Не отопретъ имъ рая дверь...
Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ

Въ холодной вѣчной тишинѣ...
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ!
Я молодъ, молодъ — зналъ ли ты,
Что значитъ молодость, мечты?
Или не зналъ? или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ,
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ, порой,
Въ глубокой трещинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой?...
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ... ты слѣпъ, ты сѣдъ,
И отъ желаній ты отвыкъ...
Что за нужда? ты жилъ, старикъ;
Тебѣ есть въ мірѣ что забыть...
Ты жилъ — я также могъ бы жить!...

Но тутъ игуменъ съ мѣста всталъ,
Рѣчь нечестивую прервалъ,
И, негодуя, всѣ вокругъ
На гордый видъ и гордый духъ,
Столь непреклонный предъ судьбой,
Шептались грозно межъ собой,
И слово «пытка» тамъ и тамъ
Вмигъ пробѣжало по устамъ.
Но узникъ былъ невозмутимъ,
Безчувственно внималъ онъ имъ.
Такъ бурей брошенъ на песокъ
Худой, увязнувшій челнокъ,
Лишенный веселъ и гребцовъ,
Недвижимъ ждетъ напоръ валовъ.

—

. . . .
. . . .
. . . .
. . . . *

Свѣтаетъ. Въ полѣ тишина.
Густой туманъ, какъ пелена
Съ посеребренною каймой,
Клубится надъ Днѣпромъ-рѣкой.
И сквозь него высокій боръ,
Разсыпанный по скату горъ,
Безмолвно смотрится въ рѣкѣ,
Едва чернѣя вдалекѣ.
И изъ-за тѣхъ густыхъ лѣсовъ
Выходятъ стаи облаковъ,
А изъ-за нихъ, огнемъ горя,
Выходитъ красная заря.
Блестятъ кресты монастыря;
По длиннымъ башнямъ и стѣнамъ
И по расписаннымъ вратамъ
Прекрасный, чистый и живой,
Какъ счастье жизни молодой,
Играетъ лучъ ея златой.

Унылый звонъ колоколовъ
Созвалъ ужъ въ храмъ святыхъ отцовъ;
Ужъ дымъ кадилъ между столбовъ
Вился струей и хоръ звучалъ...

---

* Прежде было написано:
Безчувственно внималъ онъ имъ,
Какъ мертвый образъ божества,
Внимаетъ кликамъ торжества:
Въ толпѣ шумящей тихъ, одинъ
Онъ все — и рабъ и властелинъ,
Безъ чувства онъ — предметъ страстей;
И выше всѣхъ — и всѣхъ слабѣй!
Такъ бурей брошенъ на песокъ и пр.

Вдругъ въ церковь служка прибѣжалъ;
Отцу-игумену шепнулъ
Онъ что-то скоро — тотъ вздрогнулъ
И молвилъ: «гдѣ же казначей?
Поди, спроси его скорѣй —
Не затерялъ ли онъ ключей!»
И казначей изъ алтаря
Пришелъ, дрожа и говоря,
Что всѣ ключи еще при немъ,
Что неповиненъ онъ ни въ чемъ!
Засуетились чернецы,
Забѣгали во всѣ концы,
И сводъ нерѣдко повторялъ
Слова: бѣжалъ! кто? какъ бѣжалъ?
И въ монастырскую тюрьму
Пошли, одинъ по одному,
Загадкой мучаясь простой,
Жильцы обители святой!...

Пришли, глядятъ: распилена
Рѣшетка узкаго окна,
Во рву притоптанный песокъ
Хранилъ слѣды различныхъ ногъ;
Забытый, на пескѣ лежалъ
Стальной, зазубренный кинжалъ;
И польскій шелковый кушакъ
Изорванъ, скрученъ кое-какъ,
Къ вѣтвямъ березы подъ окномъ
Привязанъ крѣпкимъ былъ узломъ.

Пошли прилежно по слѣдамъ:
Они вели къ Днѣпру — и тамъ
Могли замѣтить на мели
Рубецъ отчалившей ладьи.
Вблизи, на прутьяхъ тростника,

Лоскутъ того же кушака
Висѣлъ, въ водѣ однимъ концомъ,
Колеблемъ раннимъ вѣтеркомъ.

«Бѣжалъ! — Но кто жъ ему помогъ?
Конечно люди, а не Богъ!...
И гдѣ же онъ нашелъ друзей?
Знать, точно онъ большой злодѣй!»
Такъ, собираясь, межъ собой
Твердили иноки порой. *

ГЛАВА III.

Зима. Изъ глубины снѣговъ
Встаютъ, чернѣя, пни деревъ,
Какъ призраки, склонясь челомъ
Надъ замерзающимъ Днѣпромъ.
Глядится тусклый день въ стекло
Прозрачныхъ льдинъ — и занесло
Овраги снѣгомъ. На зарѣ
Лишь заяцъ крадется къ норѣ

---

* Было еще написано:
Когда жъ бояринъ все узналъ,
Онъ поблѣднѣлъ, затрепеталъ,
Глаза его покрылись мглой;
Не зря, смотрѣлъ онъ предъ собой;
Рука на небо поднялась;
Отъ синихъ губъ оторвалась
Не рѣчь, но звукъ — ужасный звукъ,
Отзывъ еще сильнѣйшихъ мукъ,
Невнятный, какъ далекій громъ...
Три дня, три ночи цѣлый домъ
Дрожалъ, встрѣчая мрачный взоръ.
— Они прошли — но съ этихъ поръ,
Какъ будто отъ рожденья нѣмъ,
Онъ слова не сказалъ ни съ кѣмъ. .

И прыгая назадъ, впередъ,
Свой слѣдъ запутанный кладетъ;
Да иногда во тьмѣ ночной
Раздастся псовъ протяжный вой,
Когда, голодный и худой,
Обходитъ волкъ вокругъ гумна;
И если въ полѣ тишина,
То даже слышны издали
Его тяжелые шаги,
И скрипъ, и щелканье зубовъ,
И каждый вечеръ межъ кустовъ
Сто яркихъ глазъ, какъ свѣчи въ рядъ,
Во мракѣ, прыгаютъ, блестятъ...

Но вьюги зимней не страшась,
Однажды въ ранній утра часъ
Бояринъ Орша далъ приказъ
Собраться челяди своей,
Точить мечи, сѣдлать коней;
И разнеслась вездѣ молва,
Что безпокойная Литва
Съ толпою дерзкихъ воеводъ
На землю русскую идетъ.
Отъ войска русскаго гонцы
Во всѣ помчалися концы:
Зовутъ бояръ и ихъ людей
На славный пиръ — на пиръ мечей.

Садится Орша на коня.
Далъ знакъ рукой: гремя, звеня,
Средь вопля женщинъ и дѣтей,
Всѣ повскакали на коней,
И каждый съ знаменьемъ креста
За нимъ проѣхалъ въ ворота;
Лишь онъ, безмолвный, не крестясь,

Какъ басурманъ, татарскій князь,
Къ своимъ приближась воротамъ,
Возвелъ глаза — не къ небесамъ,
Возвелъ онъ ихъ на теремъ тотъ,
Гдѣ прежде жилъ онъ безъ заботъ;
Гдѣ нынче вѣтеръ лишь живетъ,
И гдѣ, качая изрѣдка
Дверь безъ ключа и безъ замка,
Какъ мать качаетъ колыбель,
Поетъ гульливая метель!...

. . . .
. . . .
. . . . *

Умчался далѣ шумный бой,
Оставя слѣдъ багровый свой...
Между поверженныхъ коней,
Обломковъ копій и мечей
Въ то время всадникъ разъѣзжалъ;
Чего-то, мнилось, онъ искалъ,
То низко голову склоня
До гривы чернаго коня,
То вдругъ привставъ на стременахъ...
Кто жъ онъ? не русскій, и не ляхъ —
Хоть платье польское на немъ
Пестрѣло ярко серебромъ,
Хоть сабля польская, звеня,
Стучала по ребрамъ коня.
Чела крутаго смуглый цвѣтъ,
Глаза, въ которыхъ мракъ и свѣтъ
Въ борьбѣ смѣнялися не разъ,
Почти могли бъ увѣрить васъ,

* Точки въ подлинникѣ, какъ и выше (стр. 490).

Что въ немъ кипѣла кровь татаръ...
Онъ былъ не молодъ и не старъ.
Но разсмотрѣвъ его черты,
Не чуждыя той красоты
Невыразимой, но живой,
Которой блескъ печальный свой
Мысль неизмѣнная дала,
Гдѣ все, что есть добра и зла
Въ душѣ прикованной къ землѣ,
Отражено какъ на стеклѣ, —
Вздохнувши, всякій бы сказалъ,
Что жилъ онъ меньше, чѣмъ страдалъ.

Среди долины былъ курганъ.
Корнистый дубъ, какъ великанъ,
Его пятою попиралъ
И горделиво разстилалъ
Надъ нимъ, по прихоти своей,
Шатеръ чернѣющихъ вѣтвей.
Тутъ бой ужасный закипѣлъ,
Тутъ и затихъ. Громада тѣлъ
Обезображенныхъ мечемъ
Пестрѣла на курганѣ томъ.
И снѣгъ, окрашенный въ крови,
Кой-гдѣ протаялъ до земли;
Кора на дубѣ вѣковомъ
Была изрублена кругомъ,
И кровь на ней видна была,
Какъ будто бы она текла
Изъ глубины сихъ новыхъ ранъ...
И всадникъ въѣхалъ на курганъ,
Потомъ съ коня онъ соскочилъ
И такъ въ раздумьи говорилъ:
«Вотъ мѣсто — мертвый иль живой
Онъ здѣсь... вотъ дубъ — къ нему спиной

Прижавшись, бѣшеный старикъ
Рубился — видѣлъ я, хоть мигъ,
Какъ окруженъ со всѣхъ сторонъ
Съ пятью рабами бился онъ.
И дорого тебѣ, Литва,
Досталась эта голова!...
Здѣсь, сквозь толпу издалека
Я видѣлъ, какъ его рука
Три раза съ саблей поднялась
И опустилась... Каждый разъ,
Когда она являлась вновь,
По ней ручьемъ бѣжала кровь...
Четвертый взмахъ я долго ждалъ...
Но съ поля онъ не побѣжалъ,
Не могъ бѣжать, хотя бъ желалъ!...»
И вдругъ онъ внемлетъ слабый стонъ,
Подходитъ, смотритъ: «это онъ!»
Главу, омытую въ крови,
Бояринъ приподнялъ съ земли
И слабымъ голосомъ сказалъ:
«И я узналъ тебя! узналъ!
Ни время, ни чужой нарядъ
Не измѣнятъ зловѣщій взглядъ,
И это блѣдное чело,
Гдѣ преступленіе и зло
Печать оставили свою.
Арсеній! — Такъ! я узнаю,
Хотя могилы на краю,
Улыбку прежнюю твою,
И въ ней шипящую змѣю!
Я узнаю и голосъ твой
Межъ звуковъ стороны чужой,
Которыми ты, можетъ быть,
Его желаешь измѣнить.
Твой умыселъ постигъ я весь,

Я знаю, для чего ты здѣсь.
Но, вѣрный родинѣ моей,
Не отверну теперь очей,
Хоть ты бъ желалъ, измѣнникъ-ляхъ,
Прочесть въ нихъ близкой смерти страхъ
И сожалѣнье и печаль...
Но знай, что жизни мнѣ не жаль,
А жаль лишь то, что часъ мой билъ
Покуда я не отомстилъ;
Что не могу поднять меча,
Что на рукахъ моихъ, съ плеча
Омытыхъ кровью до локтей
Злодѣевъ родины моей,
Ни капли крови нѣтъ твоей!..»

—Старикъ! о старомъ позабудь...
Взгляни сюда на эту грудь,
Она не въ ранахъ, какъ твоя,
Но въ ней живетъ тоска-змѣя!
Ты отомщенъ вполнѣ давно,
А кѣмъ и какъ—не все ль равно?
Но лучше мнѣ скажи, молю,
Гдѣ отыщу я дочь твою?
Отъ рукъ враговъ земли твоей,
Ихъ поцѣлуевъ и мечей,
Хоть самъ теперь межъ ними я,
Ее спасти я поклялся!

«Скачи скорѣй въ мой старый домъ,
Тамъ дочь моя; ни ночь, ни днемъ
Не ѣстъ, не спитъ: все ждетъ да ждетъ,
Покуда милый не придетъ.
Спѣши... Ужъ близокъ мой конецъ...
Теперь обиженный отецъ
Для васъ лишь страшенъ—какъ мертвецъ!..»

Онъ дальше говорить хотѣлъ,
Но вдругъ языкъ оцѣпенѣлъ;
Онъ сдѣлать знакъ хотѣлъ рукой,
Но пальцы сжались межъ собой,
Тѣнь смерти мрачной полосой
Промчалась на его челѣ;
Онъ обернулъ лицо къ землѣ,
Вдругъ протянулся, захрипѣлъ,
И—духъ отъ тѣла отлетѣлъ.

Къ нему Арсеній подошелъ,
И руки сжатыя развелъ,
И поднялъ голову съ земли:
Двѣ яркія слезы текли
Изъ побѣлѣвшихъ мутныхъ глазъ,
Собой лишь свѣтлы какъ алмазъ.
Спокойны были всѣ черты,
Исполнены той красоты,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной какъ смерть сама.

И долго юноша надъ нимъ
Стоялъ, раскаяньемъ томимъ,
Невольно мысля о быломъ,
Прощая—не прощенъ ни въ чемъ!
И на груди его потомъ
Онъ тихо распахнулъ кафтанъ:
Старинныхъ и послѣднихъ ранъ
На ней кровавые слѣды
Вились, чернѣли, какъ бразды.
Онъ руку къ сердцу приложилъ,
И трепетъ замиравшихъ жилъ
Ему неясно возвѣстилъ,
Что въ буйномъ сердцѣ мертвеца
Кипѣли страсти до конца,

Что блескъ печальный этихъ глазъ
Гораздо прежде ихъ погасъ...

Ужъ время шло къ закату дня,
И сѣлъ Арсеній на коня,
Стальныя шпоры онъ въ бока
Ему вонзилъ—и въ два прыжка
Отъ мѣста битвы роковой
Онъ былъ далеко.—Пеленой
Широкою за нимъ луга
Тянулись: яркіе снѣга
При свѣтѣ косвенныхъ лучей
Сверкали тысячью огней.—
Предъ нимъ стѣной знакомый лѣсъ
Чернѣетъ на краю небесъ;
Подъ сѣнь деревъ въѣзжаетъ онъ.
Все тихо, всюду мертвый сонъ,
Лишь иногда съ сѣдаго пня,
Послыша близкій храпъ коня,
Тяжелый воронъ, царь степной,
Слетитъ и сядетъ на другой,
Свой кровожадный чистя клёвъ
О сучья жесткіе деревъ;
Лишь отдаленный вой волковъ,
Бѣгущихъ жадною толпой
На мѣсто битвы роковой,
Терялся въ тишинѣ степей...
Сыпучій иней вкругъ вѣтвей
Березъ и сосенъ, надъ путемъ
Прозрачнымъ свившихся шатромъ,
Висѣлъ косматой бахрамой;
И часто шапкой иль рукой
Когда за нихъ онъ задѣвалъ,
Прахъ серебристый осыпалъ
Его лицо... И быстро онъ

Скакалъ, въ раздумье погруженъ.
Измучилъ непривычный бѣгъ
Его коня. Въ глубокій снѣгъ
Онъ вязнетъ часто... труденъ путь!
Какъ печь, его дымится грудь;
Отъ нетерпѣнья сѣдока
Въ крови и пѣнѣ всѣ бока.
Но близко, близко... Вотъ и домъ,
На берегу Днѣпра крутомъ,
Предъ нимъ встаетъ изъ-за горы.
Заборы, избы и дворы
Привѣтливо между собой
Тѣснятся пестрою толпой,
Лишь домъ боярскій между нихъ,
Какъ призракъ, сумраченъ и тихъ...
Онъ въѣхалъ на широкій дворъ:
Все пусто... будто гладъ иль моръ
Недавно пировали въ немъ.
Онъ слѣзъ съ коня, идетъ пѣшкомъ...
Толпа играющихъ дѣтей,
Испуганныхъ огнемъ очей,
Одеждой чуждой пришлеца
И блѣдностью его лица,
Его встрѣчаетъ у крыльца,
И съ крикомъ убѣгаетъ прочь...
Онъ входитъ въ домъ—въ покояхъ ночь,
Закрыты ставни; полъ скрипитъ;
Пустая утварь дребезжитъ
На старыхъ полкахъ; лишь порой
Широкой, бѣлой полосой
Рисуясь на печи большой,
Проходитъ въ трещину ставней
Холодный свѣтъ дневныхъ лучей.

И лѣстницу Арсеній зритъ;
Сквозь сумракъ онъ бѣжитъ, летитъ

На верхъ, по шаткимъ ступенямъ.
Вотъ свѣтъ блеснулъ его очамъ,
Предъ нимъ замерзшее окно:
Оно давно растворено;
Сугробомъ собрался большимъ
Снѣгъ нерастаявшій подъ нимъ...
Увы, знакомыя мѣста!
Налѣво дверь—но заперта.
Какъ кровью, ржавчиной покрытъ,
Большой замокъ на ней виситъ,
И вынувъ ножъ изъ кушака,
Онъ всунулъ въ скважину замка,
И затрещавъ, распался тотъ...
И тихо дверь толкнувъ впередъ,
Онъ входитъ робкою стопой
Въ свѣтлицу дѣвы молодой.

Онъ руку съ трепетомъ простеръ,
Онъ ищетъ взоромъ милый взоръ,
И слабый шепчетъ онъ привѣтъ.
На взглядъ, на рѣчь отвѣта нѣтъ!
Однако смято ложе сна,
Какъ будто бы на немъ она,
Тому назадъ лишь день, лишь часъ,
Главу покоила не разъ,
Младенческій вкушая сонъ.
Но, приближаясь, видитъ онъ
На тонкихъ бѣлыхъ кружевахъ
Чернѣющій слоями прахъ,
И ткани паутинъ сѣдыхъ
Вкругъ занавѣсокъ парчевыхъ.

Тогда въ окно свѣтлицы той
Упалъ заката лучъ златой,
Играя, на коверъ цвѣтной.

Арсеній голову склонилъ...
Но вдругъ затрясся, отскочилъ
И вскрикнулъ, будто на змѣю...
Поставилъ онъ пяту свою...
Увы! теперь онъ былъ бы радъ,
Когда бъ быстрѣй чѣмъ мысль, иль взглядъ,
Въ него проникъ смертельный ядъ...*

Громаду бѣлую костей
И желтый черепъ безъ очей,
Съ улыбкой вѣчной и нѣмой—
Вотъ что узрѣлъ онъ предъ собой.
Густая, длинная коса,
Плечъ бѣломраморныхъ краса,
Разсыпавшись, къ сухимъ костямъ
Кой-гдѣ прилипнула... и тамъ,
Гдѣ сердце чистое такой
Любовью билось огневой,
Давно безъ пищи ужъ бродилъ
Кровавый червь—жилецъ могилъ...
. . . . **

«Такъ вотъ все то, что я любилъ!
Холодный и бездушный прахъ,
Горѣвшій на моихъ устахъ,
Теперь безъ чувства, безъ любви
Сожмутъ объятія земли!
Душа прекрасная ее,

---

* Зачеркнуто:
Исчезнуть радъ бы онъ съ земли,
Но муки жизнь ему спасли.
Одежды длинной лоскутокъ,
Который, сгнивъ, увялъ, поблекъ,
Громаду... и пр.

** Точки въ подлинникѣ.

Принявъ другое бытіе,
Теперь паритъ въ странѣ святой,
И какъ укоръ передо мной
Ея минутной жизни слѣдъ.
Она погибла въ цвѣтѣ лѣтъ,
Средь тайныхъ мукъ, иль безъ тревогъ,
Когда и какъ—то знаетъ Богъ.
Онъ былъ отецъ, но былъ мой врагъ:
Тому свидѣтель этотъ прахъ,
Лишенный сѣни гробовой,
На свѣтѣ признанный лишь мной!

«Да! я преступникъ, я злодѣй —
Но казнь равна ль винѣ моей?
Ни на землѣ, ни въ свѣтѣ томъ
Намъ не сойтись однимъ путемъ...*
Разлуки первый грозный часъ
Сталъ вѣкомъ, вѣчностью для насъ.
О, если бъ рай передо мной
Открытъ былъ властью неземной—
Клянусь, я бъ прежде чѣмъ вступилъ,
У вратъ священныхъ бы спросилъ:
Найду ли тамъ, среди святыхъ,
Погибшій рай надеждъ моихъ?
Творецъ! отдай ты мнѣ назадъ
Ея улыбку, нѣжный взглядъ;

---

* Зачеркнуто:
Жить и страдать теперь на что?
Она ничто—и все ничто!...
Передъ людьми преступникъ я
Меня казнитъ судьба моя,
Но о спасеньи не молюсь
Небесъ и ада не боюсь!
Пусть вѣчно мучусь—не бѣда,
Вѣдь съ ней не встрѣчусь никогда!

Отдай мнѣ свѣжія уста
И голосъ сладкій, какъ мечта,
Одинъ лишь слабый звукъ отдай!...
Что безъ нея земля и рай?
Одни лишь звучныя слова,
Блестящій храмъ—безъ божества!...

«Теперь осталось мнѣ одно:
Иду!—куда? Не все ль равно
Та иль другая сторона?
Здѣсь прахъ ея, но не она!
Иду отсюда навсегда
Безъ думъ, безъ цѣли и труда,
Одинъ, съ тоской во тьмѣ ночной,
И вьюга слѣдъ завѣетъ мой!...»

1836.

КЪ ПОРТРЕТУ СТАРАГО ГУСАРА.

(Н. Н. БУХАРОВУ).

Смотрите, какъ летитъ, отвагою пылая...
Порой обманчива бываетъ сѣдина:
Такъ мхомъ покрытая бутылка вѣковая
Хранитъ струю кипучаго вина.

КЪ БУХАРОВУ.

Мы ждемъ тебя, спѣши, Бухаровъ,
Брось царскосельскихъ соловьевъ!
Къ кругу товарищей гусаровъ
Обычный кубокъ твой готовъ.

Для насъ въ бесѣдѣ голосистой
Твой смѣхъ пріятнѣй соловья.
Намъ милъ и усъ твой серебристый
И трубка плоская твоя.

Намъ дорога твоя отвага,
Огнемъ душа твоя полна,
Какъ вновь раскупренная влага
Въ бутылкѣ стараго вина.

Столѣтья прошлаго обломокъ,
Межъ насъ остался ты одинъ,
Гусаръ прославленныхъ потомокъ,
Пировъ и битвы гражданинъ.

МОНГО.

Садится солнце за горой,
Туманъ дымится надъ болотомъ,
И вотъ дорогой столбовой
Летятъ, склонившись надъ лукой,
Два всадника лихимъ полетомъ.
Одинъ — высокъ и худощавъ —
Кобылу сѣрую собравъ,
То горячитъ нетерпѣливо,
То сдержитъ вдругъ одной рукой.
Малъ и широкъ въ плечахъ другой...
Храпя, мотаетъ длинной гривой
Подъ нимъ саврасый скакунокъ —
Степей башкирскихъ сынъ счастливый.
Устали всадники. До ногъ
Отъ головы покрыты прахомъ.
Коней прiѣзженныхъ размахомъ
Они любуются порой,
И рѣчь ведутъ между собой:

— Монго, послушай — тутъ направо!
Осталось только три версты!...
— Постой! ужъ эти мнѣ мосты!
Грозятъ и смотрятъ такъ лукаво.
— Впередъ, Маёшка! только насъ
Измучитъ это приключенье!
Вѣдь завтра въ шесть часовъ ученье!
— Нѣтъ, въ семь—я самъ читалъ приказъ!

Но прежде нужно вамъ, читатель,
Героевъ показать портретъ:
Монго — повѣса и корнетъ,
Актрисъ коварныхъ обожатель—
Былъ молодъ сердцемъ и душой,
Безпечно женскимъ ласкамъ вѣрилъ
И на аршинъ предлинный свой
Людскую честь и совѣсть мѣрилъ.
Породы англійской онъ былъ —
Флегматикъ съ бурыми усами;
Собакъ и портеръ онъ любилъ;
Не занимался онъ чинами;
Ходилъ немытый цѣлый день;
Носилъ фуражку на-бекрень;
Имѣлъ онъ гадкую посадку:
Неловко гнулся напередъ
И не тянулъ ноги онъ въ пятку,
Какъ долженъ каждый патріотъ.
Но если, милый, вы ѣзжали
Смотрѣть россійскій нашъ балетъ,
То, вѣрно, въ креслахъ замѣчали
Его внимательный лорнетъ...
Одна изъ дѣвъ ему сначала
Дней девять сряду отвѣчала,
Въ десятый день онъ былъ забытъ —
Съ толпою смѣшанъ волокитъ.

Всѣ жесты, вздохи, объясненья
Не помогали ничего...
И зародился пламень мщенья
Въ душѣ озлобленной его.

Маёшка былъ такихъ же правилъ:
Онъ лѣнь въ законъ въ себѣ поставилъ,
Домой съ дежурства уѣзжалъ,
Хотя и дома былъ безъ дѣла;
Порою разсуждалъ онъ смѣло,
Но чаще онъ не разсуждалъ.
Разгульной жизни отпечатокъ
Иные замѣчали въ немъ;
Печалей будущихъ задатокъ
Хранилъ онъ въ сердцѣ молодомъ;
Его покоя не смущало,
Что не касалось до него;
Насмѣшекъ гибельпое жало
Броню желѣзную встрѣчало
Надъ самолюбіемъ его.
Слова онъ вѣсилъ осторожно,
И опрометчивъ былъ въ дѣлахъ;
Порою, трезвый — вралъ безбожно,
И молчаливъ былъ — на пирахъ.
Характеръ вовсе безполезный
И для друзей и для враговъ...
Увы! читатель мой любезный,
Что дѣлать мнѣ — онъ былъ таковъ!

Теперь онъ слѣдуетъ за другомъ
На подвигъ славный, роковой,
Терзаемъ пьяницы недугомъ —
Изжогой мучимъ огневой.
Пріюты нѣги и прохлады,
Вдоль по дорогѣ въ Петергофъ —

Мелькаютъ въ-рядъ, изъ-за ограды,
Разнообразные фасады
И кровли мирныя домовъ,
Въ тѣни таинственныхъ садовъ.
Тамъ есть трактиръ — и онъ отъ вѣка
Зовется Краснымъ Кабачкомъ,
И тамъ — для блага человѣка —
Построенъ сумасшедшихъ домъ,
И тамъ пріютъ себѣ смиренный
Танцорка юная нашла.
Краса и честь балетной сцены
На содержаніи была:
N. N., помѣщикъ изъ Казани,
Богатый волжскій старожилъ,
Безъ волокитства, безъ признаній...
— Мой другъ! — ему я говорилъ:
Ты не въ свои садишься сани;
Танцоркой вздумалъ управлять!
Ну, гдѣ тебѣ?...

Но обратимся поскорѣе
Мы къ нашимъ буйнымъ головамъ.
Они стоятъ въ пустой аллеѣ,
Коней привязываютъ тамъ;
И вотъ тропинкой потаенной
Спѣшатъ, подобно двумъ ворамъ.
На землю сумракъ ниспадаетъ.
Сквозь вѣтви брезжетъ лунный свѣтъ
И переливами играетъ
На гладкой мѣди эполетъ.
Впередъ отправился Маёшка,
Въ кустахъ проползъ онъ, какъ черкесъ,
И осторожно, точно кошка,
Черезъ заборъ онъ перелѣзъ.
За нимъ Монго нашъ долговязый,

Довольный этою проказой,
Перевалился кое-какъ.
Ну, лихо! сдѣланъ первый шагъ!
Теперь душа моя въ покоѣ —
Судьба окончитъ остальное.

Облокотившись у окна,
Межъ тѣмъ, танцорка молодая
Сидѣла дома и одна.
Ей было скучно, и зѣвая,
Такъ, тихо, думала она:
Чудна судьба! о томъ ни слова:
На матушкѣ моей чепецъ
Фасона самаго дурнаго,
И мой отецъ — простой кузнецъ;
А я — на шелковомъ диванѣ
Ѣмъ мармеладъ, пью шоколадъ;
На сценѣ — знаю ужъ заранѣ —
Мнѣ будетъ хлопать третій рядъ.
Теперь со мной плохія шутки —
Меня сударыней зовутъ,
И за меня три раза въ сутки
Каналью повара дерутъ.
Мой Pierre не слишкомъ интересенъ,
Ревнивъ, упрямъ, что ни толкуй,
Не любитъ смѣху онъ, ни пѣсенъ,
За то богатъ и глупъ .....
Теперь не то, что было въ школѣ:
Ѣмъ за троихъ, порой и болѣ,
И за обѣдомъ пью люнель.
А въ школѣ, Боже! вотъ мученье!
Днемъ танцы, выправка, ученье,
А ночью — жосткая постель.
Встаешь, бывало, утромъ рано,
Бренчитъ ужъ въ залѣ фортепьяно,

Поютъ всѣ врознь, трещитъ въ ушахъ;
А тутъ сама, поднявши ногу,
Стоишь какъ аистъ на часахъ.
Флёри хлопочетъ, бьетъ тревогу...
Но вотъ одиннадцатый часъ —
Въ кареты всѣхъ сажаютъ насъ.
Тутъ у подъѣзда офицеры
Стоятъ всѣ въ-рядъ, порою въ два...
Какія милыя манеры
И все отборныя слова!
Иныхъ улыбкой ободряешь,
Другихъ бранишь и отгоняешь.
За то вернулись лишь домой —
Директоръ поретъ на убой!
Ни взглядъ не думай бросить лишній,
Ни слова ты сказать не смѣй;
А самъ, прости ему, Всевышній!....

Но тутъ въ окно она взглянула,
И чуть не брякнулась со стула.
Предъ ней, какъ призракъ роковой,
Съ нагайкой, освѣщенъ луной,
Готовый влѣзть почти въ окошко,
Стоитъ Монго, за нимъ Маёшка.
«Что это значитъ, господа?
Ворваться къ дѣвушкѣ — безчестно!»
— Намъ, право, это очень лестно!...
«Я васъ прошу: подите прочь!»
— Но гдѣ же проведемъ мы ночь?
Мы мчались, выбились изъ силы...
«Вы неучи!» — Вы очень милы! —
«Чего хотите вы теперь?
Ей-Богу, я не понимаю!»
— Мы просимъ только чашку чаю.
«Панфишка, отвори имъ дверь!»

Поклонъ отвѣсивши пренизко,
Монго ей бросилъ нѣжный взоръ,
Потомъ садится очень близко
И продолжаетъ разговоръ.
Сначала колкіе намеки,
Воспоминанія, упреки,
Ну, словомъ, весь любовный вздоръ....
И нѣжный вздохъ прилично-томный
Порхнулъ изъ груди молодой....
Вотъ ножку нѣжную порой
Онъ жметъ колѣнкою нескромной....

Маёшка, другъ великодушный,
Засѣлъ по-одаль на диванъ,
Угрюмъ, безмолвенъ, какъ султанъ.
Чужое счастіе намъ скучно,
Какъ добродѣтельный романъ.
Друзья! ужасное мученье
Быть.... адъютантомъ на сраженьи
При генералишкѣ пустомъ,
Быть на парадѣ жалонёромъ
Или на балѣ быть танцоромъ;
Но хуже, хуже во-сто разъ
Встрѣчать огонь прелестныхъ глазъ,
И думать: это не для насъ.

Межъ тѣмъ Монго горитъ и таетъ....
Вдругъ самый пламенный пассажъ
Зловѣщимъ звукомъ прерываетъ
На дворъ влетѣвшій экипажъ:
Девятимѣстная коляска
И въ ней пятнадцать сѣдоковъ....
Увы! печальная развязка —
Неотразимый гнѣвъ боговъ!...
То былъ N. N. съ своею свитой:

Степаномъ, Ѳедоромъ, Никитой,
Тарасомъ, Сидоромъ, Петромъ....
Идутъ, гремятъ, орутъ, содомъ!
Всѣ пьяны, прямо изъ трактира....
Но нѣтъ, постой, умолкни лира!
Тебѣ ль, поклонницѣ мундира
Побѣду фрачныхъ воспѣвать?

Въ истерикѣ младая дѣва:
Какъ защититься ей отъ гнѣва,
Куда гостей своихъ дѣвать —
Подъ столъ, въ комодъ, иль подъ кровать?
Въ комодѣ мѣста нѣтъ и платью....

Осталось средство имъ одно —
Перекрестясь, прыгнуть въ окно.
Опасенъ подвигъ дерзновенный
И не сносить имъ головы;
Но въ нихъ проснулся духъ военный:
Прыгъ, прыгъ — и были таковы!...

Ужъ ночь была, ни зги не видно,
Когда, свершивъ побѣгъ обидный
Для самолюбья и любви,
Повѣсы на коней вскочили,
И думы мрачныя свои
Другъ другу вздохомъ сообщили.
Дѣля печаль своихъ господъ,
Ихъ кони съ рыси не сбивались,
Упрямо убавляя ходъ,
Они нерѣдко спотыкались,
И лѣность ихъ преодолѣть
Ни шпоры не могли, ни плеть.

Когда же въ комнатѣ дежурной
Они сошлися по утру,

Воспоминанья ночи бурной
Прогнали краткую хандру.
Тутъ много шутокъ, смѣху было,
И, право, Пушкинъ нашъ не вретъ,
Сказавъ, что день бѣды пройдетъ,
А что пройдетъ, то будетъ мило....

Такъ повѣсть кончена моя,
И я прощаюсь со стихами;
А вы не можете ль, друзья,
Нравоученье сдѣлать сами....

КАЗНАЧЕЙША.

Играй, да не отыгрывайся.
Пословица.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Пускай слыву я старовѣромъ—
Мнѣ все равно, я даже радъ:
Пишу Онѣгина размѣромъ,
Пою, друзья, на старый ладъ.
Прошу послушать эту сказку.
Ея нежданную развязку
Одобрите, быть можетъ, вы
Склоненьемъ легкимъ головы.
Обычай древній наблюдая,
Мы благодѣтельнымъ виномъ
Стихи негладкіе запьемъ—
И пробѣгутъ они, хромая,
За мирною своей семьей
Къ рѣкѣ забвенья на покой.

I.

Тамбовъ на картѣ генеральной
Кружкомъ означенъ не всегда;
Онъ прежде городъ былъ опальный,
Теперь же, право, хоть куда!
Тамъ есть три улицы прямыя,
И фонари и мостовыя;
Тамъ два трактира есть: одинъ
Московскій, а другой Берлинъ;
Тамъ есть еще четыре будки,
При нихъ два будочника есть,
По формѣ отдаютъ вамъ честь,
И смѣна имъ два раза въ сутки;
. . . .
Короче, славный городокъ!

II.

Но скука, скука, Боже правый!
Гоститъ и тамъ, какъ надъ Невой,
Поитъ васъ прѣсною отравой,
Ласкаетъ черствою рукой.
И тамъ есть чопорные франты,
Неумолимые педанты,
И тамъ нѣтъ средства отъ глупцовъ
И музыкальныхъ вечеровъ;
И тамъ есть дамы—просто, чудо!
Діаны строгія въ чепцахъ,
Съ отказомъ вѣчнымъ на устахъ.
При нихъ нельзя подумать худо:
Въ глазахъ грѣховное прочтутъ,
И васъ осудятъ, проклянутъ.

III.

Вдругъ оживился кругъ дворянскій,
Губернскихъ дѣвъ нельзя узнать,

Пришло извѣстье: полкъ уланскій
Въ Тамбовѣ будетъ зимовать.
Уланы!... ахъ, какіе хваты!...
Полковникъ вѣрно неженатый;
А ужъ бригадный генералъ
Конечно дастъ блестящій балъ.
У матушекъ сверкнули взоры;
За то, несносные скупцы,
Неумолимые отцы
Пришли въ раздумье; сабли, шпоры —
Бѣда для крашеныхъ половъ...
Такъ волновался весь Тамбовъ.

IV.

И вотъ однажды утромъ рано,
Въ часъ лучшій дѣвственнаго сна,
Когда чрезъ пелену тумана
Едва проглядываетъ Цна,
Когда лишь куполы собора
Роскошно золотитъ Аврора,
И тишины извѣстный врагъ,
Еще безмолвствовалъ кабакъ,
. . . .
. . . .
Уланы справа по шести
Вступили въ городъ; музыканты,
Дремля на лошадяхъ своихъ,
Играли маршъ изъ Двухъ Слѣпыхъ.

V.

Услышавъ ласковое ржанье
Желанныхъ вороныхъ коней,
Чье сердце, полное вниманья,
Тутъ не запрыгало сильнѣй?
Забыта жаркая перина...

*

«Малашка, дура! Катерина!
«Скорѣе туфли и платокъ!
«Да гдѣ Иванъ? Какой мѣшокъ!
«Два года ставни отворяютъ...»
Вотъ ставни настежъ. Цѣлый домъ
Третъ стекла тусклыя сукномъ —
И любопытно пробѣгаютъ
Глаза опухшіе дѣвицъ
Ряды суровыхъ, пыльныхъ лицъ.

VI.

«Ахъ, посмотри сюда, кузина,
Вотъ этотъ!»—Гдѣ? Майоръ? «О, нѣтъ!
Какъ онъ хорошъ, а конь—картина!
Да жаль, онъ, кажется, корнетъ...
Какъ ловко смѣло избочился...
Повѣришь ли, онъ мнѣ приснился...
Я послѣ не могла уснуть...»
И тутъ дѣвическая грудь
Косынку тихо поднимаетъ —
И разыгравшейся мечтой
Слегка темнится взоръ живой.
Но полкъ прошелъ. За нимъ мелькаетъ
Толпа мальчишекъ городскихъ,
Немытыхъ, шумныхъ и босыхъ.

VII.

Противъ гостинницы Московской —
Притона буйныхъ усачей —
Жилъ нѣкто господинъ Бобковскій,
Губернскій старый казначей.
Давно былъ домъ его построенъ,
Хотя невзраченъ, но спокоенъ;
Межъ двухъ облупленныхъ колоннъ
Держался кое-какъ балконъ.

На кровлѣ треснувшія доски
Зеленымъ мохомъ поросли,
Злато предъ окнами цвѣли
Четыре стриженыхъ березки:
Взамѣнъ гардинъ и пышныхъ сторъ —
Невинной роскоши уборъ.

VIII.

Хозяинъ былъ старикъ угрюмый,
Отъ юныхъ лѣтъ съ казенной суммой
Онъ жилъ, какъ съ собственной казной.
Въ пучинахъ сумрачныхъ разсчета
Блуждать была его охота,
И потому онъ былъ игрокъ
(Его единственный порокъ).
Любилъ налѣво и направо
Онъ въ зимній вечеръ прометнуть,
Четвертый кушъ перечеркнуть,
Рутеркой понтирнуть со славой,
И талью скверную порой
Запить цимлянскаго струей.

IX.

Онъ былъ врагомъ трудовъ полезныхъ,
Трибунъ тамбовскихъ удальцовъ,
Гроза всѣхъ матушекъ уѣздныхъ
И воспитатель ихъ сынковъ.
Его краплёныя колоды
Не разъ невинные доходы
Съ индѣекъ, масла и овса
Вдругъ пожирали въ полчаса.
Губернскій врачъ, судья, исправникъ —
Таковъ его всегдашній кругъ;
Послѣдній былъ дѣлецъ и другъ,
И за столомъ такой забавникъ,

Что казначейша иногда
Сгоритъ, бывало, со стыда.

X.

Я не повѣдалъ вамъ, читатель,
Что казначей мой былъ женатъ.
Благословилъ его Создатель,
Пославъ ему въ супругѣ кладъ.
Ее цѣнилъ онъ тысячъ во сто,
Хотя держалъ довольно просто
И не выписывалъ чепцовъ
Ей изъ столичныхъ городовъ.
Предавъ ей таинства науки,
Какъ бросить вздохъ, иль томный взоръ,
Чтобъ легче влюбчивый понтеръ
Не разглядѣлъ проворной штуки,
Межъ тѣмъ догадливый старикъ
Съ глазъ не спускалъ ее на мигъ.

XI.

И впрямъ, Авдотья Николавна
Была прелакомый кусокъ.
Идетъ, бывало, гордо, плавно —
Чуть тронетъ землю башмачекъ.
Въ Тамбовѣ не запомнятъ люди
Такой высокой, полной груди:
Бѣла какъ сахаръ, такъ нѣжна,
Что жилка каждая видна.
Казалося, для нѣжной страсти
Она родилась. А глаза...
Ну, что́ такое бирюза?
Что небо? Впрочемъ, я отчасти
Поклонникъ голубыхъ очей,
И не гожусь въ число судей.

XII.

А этотъ носикъ! эти губки —
Два свѣжихъ розовыхъ листка!
А перламутровые зубки,
А голосъ сладкій, какъ мечта!
Она картавя говорила,
Нечисто *р* произносила;
Но этотъ маленькій порокъ
Кто извинить бы въ ней не могъ?
Любилъ трепать ея ланиты,
Разнѣжась, старый казначей.
Какъ жаль, что не было дѣтей
У нихъ! . . . .
. . . .
. . . .

XIII.

Для бо̀льшей ясности романа
Здѣсь объявить мнѣ вамъ пора,
Что страстно влюблена въ улана
Была одна ея сестра.
Она, какъ должно, тайну эту
Открыла Дунѣ по секрету.
Вамъ не случалось двухъ сестеръ
Замужнихъ слышать разговоръ?
О чемъ тутъ, Боже справедливый,
Не судятъ милыя уста!
О, русскихъ нравовъ простота!
Я, право, человѣкъ нелживый —
А изъ-за ширмомъ раза два
Такія слышалъ я слова...

XIV.

Итакъ тамбовская красотка
Цѣнить умѣла ужъ усы
. . . .
. . . .

Что жъ — знаніе ее сгубило!
Одинъ уланъ повѣса милый
(Я вмѣстѣ часто съ нимъ бывалъ),
Въ трактирѣ нумеръ занималъ
Окно въ окно съ ея уборной.
Онъ былъ мужчина въ тридцать лѣтъ,
Штабсъ-ротмистръ, строенъ какъ корнетъ,
Взоръ пылкій, усъ довольно-черный;
Короче, идеалъ дѣвицъ,
Одно изъ славныхъ русскихъ лицъ.

XV.

Онъ все отцовское имѣнье
Еще корнетомъ прокутилъ.
Съ тѣхъ поръ дарами провидѣнья,
Какъ птица Божія, онъ жилъ.
Онъ спать, лежать привыкъ, не вѣдать —
Чѣмъ будетъ завтра пообѣдать.
Шатаясь по Руси кругомъ
То на курьерскихъ, то верхомъ,
То полупьянымъ ремонтёромъ,
То волокитой отпускнымъ,
Привыкъ онъ къ случаямъ такимъ,
Что я бы самъ почелъ ихъ вздоромъ,
Когда бы всѣ его слова
Хоть тѣнь имѣли хвастовства.

XVI.

Страстьми земными не смущаемъ,
Онъ не терялся никогда
. . . .
. . . .
Бывало въ дѣлѣ подъ картечью
Всѣхъ разсмѣшитъ надутой рѣчью,
Гримасой, фарсой площадной,
Иль неподдѣльной остротой.

Шутя однажды, послѣ спора,
Всадилъ онъ другу пулю въ лобъ;
Шутя и самъ онъ легъ бы въ гробъ,
Иль сталъ душою заговора;
Порой, незлобленъ, какъ дитя,
Былъ добръ и честенъ, но́ шутя.

XVII.

Онъ не былъ тѣмъ, что волокитой
У насъ привыкли называть;
Онъ не ходилъ тропой избитой,
Свой путь умѣя пролагать.
Не дѣлалъ страстныхъ изъясненій,
Не становился на колѣни;
А не смотря на то, друзья!
Счастливѣй былъ, чѣмъ вы и я.
. . . .
. . . .
. . . .
Таковъ-то былъ штабсъ-ротмистръ Гаринъ:
По крайней мѣрѣ мой портретъ
Былъ схожъ тому назадъ пять лѣтъ.

XVIII.

Спѣшилъ о рѣдкостяхъ Тамбова
Онъ у трактирщика узнать.
Узналъ немало онъ смѣшнаго—
Интригъ секретныхъ шесть иль пять;
Узналъ, невѣсты какъ богаты,
Гдѣ свахи водятся, иль сваты;
Но занялъ болѣе всего
Мысль безпокойную его
Разсказъ о молодой сосѣдкѣ.
«Бѣдняжка!» думаетъ уланъ:
«Такой безжизненный болванъ
Имѣетъ право въ этой клѣткѣ

Тебя стеречь! и я, злодѣй,
Не тронусь участью твоей!»

XIX.

Къ окну поспѣшно онъ садится,
Надѣвъ персидскій архалукъ;
Въ устахъ его едва дымится
Узорный, бисерный чубукъ.
На кудри мягкія надѣта
Ермолка вишневаго цвѣта
Съ каймой и кистью золотой—
Даръ молдаваночки молодой.
Сидитъ и смотритъ онъ прилежно...
Вотъ промелькнувши какъ во мглѣ,
Обрисовался на стеклѣ
Головки милой профиль нѣжный;
Вотъ будто стукнуло окно...
Вотъ отворяется оно.

XX.

Еще безмолвенъ городъ сонный,
На окнахъ блещетъ утра свѣтъ;
Еще по улицѣ мощеной
Не раздается стукъ каретъ...
Что жъ казначейшу молодую
Такъ рано подняло? Какую
Назвать причину повѣрнѣй?
Ужъ не безсонница ль у ней?...
На ручку опершись головкой,
Она вздыхаетъ, а въ рукѣ
Чулокъ; но дѣло не въ чулкѣ—
Заняться этимъ намъ неловко...
И если правду ужъ сказать,
Ну, кстати ль было бъ ей вязать?

XXI.

Сначала взоръ ея прелестный
Бродилъ по синимъ небесамъ,
Потомъ склонился къ поднебесной
И вдругъ—какой позоръ и срамъ,
Напротивъ, у окна трактира,
Сидитъ мужчина—безъ мундира.
Скорѣй, штабсъ-ротмистръ, вашъ сюртукъ!
И по-дѣломъ... окошко стукъ...
И скрылось милое видѣнье.
Конечно, добрые друзья,
Такая грустная статья
На васъ навѣяла бъ смущенье;
Но я отдамъ улану честь—
Онъ молвилъ: «что жъ? начало есть!»

XXII.

Два дня окно не отворялось.
Онъ терпѣливъ. На третій день
На стеклахъ снова показалась
Ея плѣнительная тѣнь.
Тихонько рама заскрипѣла;
Она съ чулкомъ къ окну подсѣла.
Но опытный замѣтилъ взглядъ
Ея заботливый нарядъ.
Своей удачею довольный,
Онъ всталъ и вышелъ со двора—
И не вернулся до утра.
Потомъ, хоть было очень больно,
Собравъ запасъ душевныхъ силъ,
Три дня къ окну не подходилъ.

XXIII.

Но эта маленькая ссора
Имѣла участь нѣжныхъ ссоръ:

Межъ нихъ завёлся очень скоро
Нѣмой, но внятный разговоръ.
Языкъ любви—языкъ чудесный,
Одной лишь юности извѣстный—
Кому, кто разъ хоть былъ любимъ,
Не сталъ ты языкомъ роднымъ?
Въ минуту страстнаго волненья
Кому хоть разъ ты не помогъ
Близъ милыхъ устъ, у милыхъ ногъ?
Кого подъ игомъ принужденья,
Въ толпѣ завистливой и злой,
Не спасъ ты, чудный и живой?

XXIV.

Скажу короче: въ двѣ недѣли
Нашъ Гаринъ твердо могъ узнать,
Когда она встаетъ съ постели,
Пьетъ съ мужемъ чай, идетъ гулять,
Отправится ль она къ обѣдни—
Онъ въ церкви, вѣрно, не послѣдній;
Къ сырой колоннѣ прислонясь,
Стоитъ, все время не крестясь.
Лучемъ краснѣющей лампады
Его лицо озарено:
Какъ мрачно, холодно оно!
А испытующіе взгляды
То вдругъ померкнутъ, то блестятъ—
Проникнуть въ грудь ее хотятъ.

XXV.

Давно разрѣшено сомнѣнье,
Что любопытенъ нѣжный полъ.
Уланъ большое впечатлѣнье
На казначейшу произвелъ
Своею странностью. Конечно,
Не надо было бъ мысли грѣшной

Дорогу въ сердце пролагать,
Ее бояться и ласкать!
. . . .
. . . .
. . . .
Жизнь безъ любви такая скверность!
А что, скажите, за предметъ
Для страсти мужъ, который сѣдъ?

XXVI.

Но время шло. «Пора къ развязкѣ!»
Такъ говорилъ любовникъ мой.
«Вздыхаютъ молча только въ сказкѣ,
А я не сказочный герой.»
Разъ входитъ, кланяясь пренизко,
Лакей.—Что это?—«Вотъ-съ записка;
Вамъ баринъ кланяться велѣлъ-съ,
Самъ не пріѣхалъ: много дѣлъ-съ;
Да приказалъ васъ звать къ обѣду,
А вечеркомъ потанцовать.
Онъ самъ изволилъ такъ сказать.»
—Ступай, скажи, что я пріѣду.—
И въ три часа, надѣвъ колетъ,
Летитъ штабсъ-ротмистръ на обѣдъ.

XXVII.

Амфитріонъ былъ предводитель—
И въ день рожденія жены,
Порядка ревностный блюститель,
Созвалъ губернскіе чины
И цѣлый полкъ. Хотя бригадный
Заставилъ ждать себя изрядно
И послѣ цѣлый день зѣвалъ,
Но праздникъ въ томъ не потерялъ;
Онъ былъ устроенъ очень мило:

Въ огромныхъ вазахъ по столамъ
Стояли яблоки для дамъ;
А для мужчинъ въ буфетѣ было
Еще съ утра принесено
Въ большихъ трехъ ящикахъ вино.

XXVIII.

Впередъ подъ-ручку съ генеральшей
Пошелъ хозяинъ. Вотъ за столъ
Усѣлся отъ мужчинъ подальше
Прекрасный, но стыдливый полъ,
И дружно загремѣлъ съ балкона,
Средь утѣшительнаго звона
Тарелокъ, ложекъ и ножей,
Весь хоръ уланскихъ трубачей.
Обычай древній, но прекрасный:
Онъ возбуждаетъ аппетитъ,
Порою кстати заглушитъ
Межъ двухъ сосѣдей говоръ страстный;
Но въ наше время рѣшено,
Что все старинное—смѣшно.

XXIX.

Родовъ, обычаевъ боярскихъ
Теперь и слѣду не ищи,
И только на пирахъ гусарскихъ
Гремятъ, какъ прежде, трубачи.
О! скоро ль мнѣ придется снова
Сидѣть среди кружка родного,
Съ бокаломъ влаги золотой,
При звукахъ пѣсни полковой?
И скоро ль ментиковъ червонныхъ
Привѣтный блескъ увижу я,
Въ тотъ сѣрый часъ, когда заря
На строй гусаровъ полусонныхъ

И на бивакъ ихъ, у лѣска,
Бросаетъ лучъ изподтишка?

XXX.

Съ Авдотьей Николавной рядомъ
Сидѣлъ штабсъ-ротмистръ удалой:
Впился въ нее упрямымъ взглядомъ,
Крутя усы одной рукой.
Онъ видѣлъ, какъ въ ней сердце билось...
И вдругъ—не знаю какъ случилось,
Ноги ея, иль башмачка,
Коснулся шпорой онъ слегка.
Тутъ начались извиненья
И завязался разговоръ;
Два комплемента, нѣжный взоръ—
И ужъ дошло до изъясненья...
Да, да, какъ честный офицеръ!
Но казначейша не примѣръ.

XXXI.

Она въ отвѣтъ на нѣжный шопотъ,
Нѣмой восторгъ спѣша сокрыть,
Невинной дружбы тяжкій опытъ
Ему рѣшилась предложить—
Таковъ обычай деревенскій!
Помучить—способъ самый женскій.
Но ужъ давно извѣстна намъ
Любовь друзей и дружба дамъ!
Какое адское мученье
Сидѣть весь вечеръ tête-à-tête,
Съ красавицей въ осьмнадцать лѣтъ!
. . . .
. . . .
. . . .

XXXII.

Вобще, я могъ въ году послѣднемъ
Въ дѣвицахъ нашихъ городскихъ
Замѣтить страсть къ воздушнымъ бреднямъ
И мистицизму. Бойтесь ихъ!
Такая мудрая супруга,
Въ часы любовнаго досуга,
Вамъ вдругъ захочетъ доказать,
Что 2 и 3 совсѣмъ не пять,
Иль, вмѣсто пламенныхъ лобзаній,
Магнитизировать начнетъ—
И счасливъ мужъ, коли заснетъ!...
Плоды подобныхъ замѣчаній,
Конечно бъ, могъ не вѣдать міръ,
Но польза, польза—мой кумиръ.

XXXIII.

Я балъ описывать не стану,
Хоть это былъ блестящій балъ.
Весь вечеръ моему улану
Амуръ прилежно помогалъ.
Увы! . . . .
Не вѣруютъ Амуру нынѣ:
Забытъ любви волшебный царь;
Давно остылъ его алтарь!
Но за столичнымъ просвѣщеньемъ
Провинціалы не спѣшатъ;
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

XXXIV.

И сердце Дуни покорилось;
Его сковалъ могучій взоръ...

Ей дома цѣлу ночь все снилось
Бряцанье сабли или шпоръ.
Поутру, вставъ часу въ девятомъ,
Садится въ шлафорѣ измятомъ
Она за вѣчную канву —
Все тотъ же сонъ и наяву.
По службѣ занятъ мужъ ревнивый,
Она одна — разгулъ мечтамъ!
Вдругъ дверью стукнули. «Кто тамъ?
Андрюшка! Ахъ, тюлень лѣнивый!...»
Вотъ чей-то шагъ — и передъ ней
Явился... только не Андрей.

XXXV.

Вы отгадаете, конечно,
Кто этотъ гость нежданный былъ.
Немного, можетъ быть, поспѣшно
Любовникъ смѣлый поступилъ;
Но, впрочемъ, взявши въ разсмотрѣнье
Его минувшее терпѣнье,
И разсудивъ, легко поймешь,
Зачѣмъ рискуетъ молодежь.
Кивнувъ легонько головою,
Онъ къ Дупѣ молча подошелъ,
И на лицо ея навелъ
Взоръ, отуманенный тоскою;
Потомъ сталъ длинный усъ крутить,
Вздохнулъ и началъ говорить:

XXXVI.

«Я вижу, вы меня не ждали —
Прочесть легко изъ вашихъ глазъ;
Ахъ! вы еще не испытали,
Что въ страсти значитъ день, что часъ!
Среди сердечнаго волненья

Нѣтъ силъ, нѣтъ власти, нѣтъ терпѣнья.
Я здѣсь — на все рѣшился я...
Тебѣ я преданъ... ты моя!
Ни мелочные толки свѣта,
Ничто, ничто не страшно мнѣ;
Презрѣнье свѣтской болтовнѣ —
Иль я умру отъ пистолета...
О, не пугайся, не дрожи!
Вѣдь я любимъ — скажи, скажи!...»

XXXVII.

И взоръ его притворно-скромный,
Склоняясь къ ней, то угасалъ,
То, разгараясь страстью томной,
Огнемъ сверкающимъ пылалъ,
Блѣдна, въ смущеньи оставалась
Она предъ нимъ!... Ему казалось,
Что чрезъ минуту для него
Любви наступитъ торжество...
Какъ другъ внезапный и невольный
Стыдъ овладѣлъ ея душой —
И, вспыхнувъ вся, она рукой
Толкнула прочь его: «довольно!
Молчите, слушать не хочу!
Оставите ль?... я закричу!...»

XXXVIII.

Онъ смотритъ: это не притворство,
Не шутки — какъ ни говори —
А просто, женское упорство;
Капризы — чортъ ихъ побери!
И вотъ... о, верхъ всѣхъ униженій!
Штабсъ-ротмистръ преклонилъ колѣни
И молитъ жалобно... Какъ вдругъ
Дверь настежь — и въ дверяхъ супругъ.
Красотка «ахъ!» Они взглянули

Другъ другу сумрачно въ глаза;
Но молча разнеслась гроза,
И Гаринъ вышелъ. Дома пули
И пистолеты снарядилъ,
Присѣлъ и трубку закурилъ.

XXXIX.

И черезъ часъ ему приноситъ
Записку грязную лакей.
Что это? Чудо! нынче проситъ
Къ себѣ на вистикъ казначей:
Онъ имениникъ — будутъ гости...
Отъ удивленія и злости
Чуть не задохся нашъ герой.
Ужъ не обманъ ли тутъ какой?
Весь день проводитъ онъ въ волненьи.
Насталъ и вечеръ наконецъ.
Глядитъ въ окно: каковъ хитрецъ!
Домъ полонъ; что за освѣщенье!
А все — засунуть, или нѣтъ,
Въ карманъ, на случай, пистолетъ?

XL.

Онъ входитъ въ домъ. Его встрѣчаетъ
Она сама, потупя взоръ.
Вздохъ полновѣсный прерываетъ
Едва начатый разговоръ.
О сценѣ утренней ни слова.
Они другъ друга чужды снова.
Онъ о погодѣ говоритъ;
Она — «да-съ», «нѣтъ-съ», и замолчитъ...
Измученъ тайною досадой,
Идетъ онъ дальше въ кабинетъ...
Но здѣсь спѣшить намъ нужды нѣтъ,
Притомъ спѣшить нигдѣ не надо.

Итакъ, позвольте отдохнуть,
А тамъ докончимъ какъ нибудь.

XLI.

Я жить спѣшилъ въ былые годы,
Искалъ волненій и тревогъ;
Законы мудрые природы
Я безразсудно пренебрегъ.
Что жъ вышло? Право, смѣхъ и жалость!
Сковала душу мнѣ усталость,
А сожалѣнье день и ночь
Твердитъ о прошломъ. Чѣмъ помочь?
Назадъ не возвратятъ усилья.
Такъ въ клѣткѣ молодой орелъ,
Глядя на горы и на долъ,
Напрасно не подъемлетъ крылья,
Кровавой пищи не клюетъ,
Сидитъ, молчитъ и смерти ждетъ.

XLII.

Ужель исчезъ ты возрастъ милый,
Когда все сердцу говоритъ,
И бьется сердце съ дивной силой,
И мысль восторгами кипитъ?
Не все жъ томиться безполезно
Орлу за клѣткою желѣзной.
Онъ свой воздушный прежній путь
Еще найдетъ когда нибудь,
Туда, гдѣ снѣгомъ и туманомъ
Одѣты темныя скалы,
Гдѣ гнѣзда вьютъ одни орлы,
Гдѣ тучи бродятъ караваномъ —
Тамъ можно крылья развернуть
На вольный и роскошный путь.

XLIII.

Но есть всему конецъ на свѣтѣ
И даже выспреннимъ мечтамъ.
Ну, къ дѣлу. Гаринъ въ кабинетѣ...
О, чудеса! хозяинъ самъ
Его встрѣчаетъ съ восхищеньемъ.
Сажаетъ, подчуетъ вареньемъ,
Несетъ шампанскаго стаканъ.
«Іуда!» мыслитъ мой уланъ.
Толпа гостей тѣснилась шумно
Вокругъ зеленаго стола;
Игра ужъ дѣльная была,
И банкъ притомъ благоразумный.
Его держалъ самъ казначей
Для облегченія друзей.

XLIV.

И такъ какъ господинъ Бобковскій
Великимъ дѣломъ занятъ самъ,
То здѣсь блестящій кругъ тамбовскій
Позвольте мнѣ представить вамъ.
Во-первыхъ, господинъ совѣтникъ —
Блюститель нравовъ, мирный сплетникъ,
. . . .
. . . .
А вотъ уѣздный предводитель —
Весь спрятанъ въ галстухъ, фракъ до пятъ,
Дискантъ, усы и мутный взглядъ;
А вотъ спокойствія рачитель
Сидитъ и самъ исправникъ... но
О немъ ужъ я сказалъ давно.

XLV.

Вотъ въ полуфрачкѣ, раздушеный,
Временъ новѣйшихъ Митрофанъ;

Нетесаный, недоученый,
А ужъ безнравственный болванъ.
Довѣрье полное имѣя
Къ игрѣ и знанью казначея,
Онъ понтируетъ какъ велятъ—
И этой части очень радъ.
Еще тутъ были... но довольно,
Читатель милый, будетъ съ васъ;
И такъ несвязный мой разсказъ,
Перу покорствуя невольно
И своенравію чернилъ,
Богъ знаетъ чѣмъ я испестрилъ.

XLVI.

Пошла игра. Одинъ, блѣднѣя,
Рвалъ карты, вскрикивалъ; другой,
Повѣрить проигрышъ не смѣя,
Сидѣлъ съ поникшей головой.
Иные, при удачной тальи,
Стаканы шумно наливали
И чокались. Но банкометъ
Былъ нѣмъ и мраченъ. Хладный потъ
По гладкой лысинѣ струился,
Онъ все проигрывалъ до-тла.
Въ ушахъ его: дана, взяла!
Такъ и звучали. Онъ взбѣсился—
И проигралъ свой старый домъ,
И все, что въ немъ, или при немъ.

XLVII.

Онъ проигралъ коляску, дрожки,
Трехъ лошадей, два хомута,
Всю мебель, женины сережки,
Короче—все, все до-чиста.
Отчаянный и злости полный,

Сидѣлъ онъ блѣдный и безмолвный.
Ужъ было зá-полночь. Треща,
Одна погасла ужъ свѣча.
Свѣтъ утра синевато-блѣдный
Вдоль по туманнымъ небесамъ
Скользилъ. Ужъ многимъ игрокамъ
Сонъ прогулять казалось вредно,
Какъ вдругъ, очнувшись, казначей
Вниманья проситъ у гостей,

XLVIII.

И проситъ важно позволенья,
Лишь талью прометнуть одну,
Но съ тѣмъ, чтобъ отыграть имѣнье
Иль «проиграть ужъ и жену».
О, страхъ! о, ужасъ! о, злодѣйство!
И какъ донынѣ казначейство
Еще терпѣть его могло!
Всѣхъ будто варомъ обожгло.
Уланъ одинъ прехладнокровно
Къ нему подходитъ. «Очень радъ!»
Онъ говоритъ: «пускай шумятъ;
Мы дѣло кончимъ полюбовно;
Но только, чуръ, не плутовать—
Иначе, вамъ не сдобровать!»

XLIX.

Теперь кружокъ понтеровъ праздныхъ
Вообразить прошу я васъ.
Цвѣта ихъ лицъ разнообразныхъ,
Блистанье ихъ очковъ и глазъ,
Потомъ усастаго героя,
Который понтируетъ стоя.
Противъ него, межъ двухъ свѣчей,
Огромный лобъ, сѣдыхъ кудрей
Покрытый рѣдкими клочками,

Улыбкой вытянутой ротъ
И двѣ руки съ колодой — вотъ
И вся картина передъ вами,
Когда прибавимъ, вдалекѣ,
Жену на креслахъ, въ уголкѣ.

L.

Что въ ней тогда происходило —
Я не берусь вамъ объяснить;
Ея лицо изобразило
Такъ много мукъ, что, можетъ быть,
Когда бы вы ихъ разгадали,
Вы по неволѣ бъ зарыдали.
Но пусть участія слеза
Не отуманитъ вамъ глаза.
Смѣшно участье въ человѣкѣ,
Который жилъ и знаетъ свѣтъ!
Разсказы вымышленныхъ бѣдъ
Въ чувствительномъ прошедшемъ вѣкѣ
Не мало проливали слезъ...
Кто жъ въ этомъ выигралъ?—вопросъ.

LI.

Недолго битва продолжалась.
Уланъ отчаянно игралъ,
Надъ старикомъ судьба смѣялась —
И жребій выпалъ... часъ насталъ...
Тогда Авдотья Николавна,
Вставъ съ креселъ, медленно и плавно
Къ столу, въ молчаньи, подошла —
Но только цвѣтъ ея чела
Былъ страшно блѣденъ. Обомлѣла
Толпа. Всѣ ждутъ чего нибудь —
Упрековъ, жалобъ, слезъ... Ни чуть!
Она па мужа посмотрѣла

И бросила ему въ лицо
Свое вѣнчальное кольцо —

LII.

И въ обморокъ. Ее въ охапку
Схвативъ, съ добычей дорогой,
Забывъ разсчеты, саблю, шапку,
Уланъ отправился домой...
Поутру вѣстію забавной
Смущенъ былъ городъ благонравный.
Недѣлю цѣлую спустя,
Кто очень важно, кто шутя,
Объ этомъ всѣ распространялись.
Старикъ защитниковъ нашелъ;
Улана проклялъ милый полъ —
За что — мы, право, не дознались.
Не зависть ли? Но нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Ухъ! я не выношу клеветъ.

LIII.

И вотъ конецъ печальной были,
Иль сказки — выражусь прямѣй.
Признайтесь, вы меня бранили?
Вы ждали дѣйствія страстей?
Повсюду ищутъ нынче драмы,
Всѣ просятъ крови — даже дамы.
А я, какъ робкій ученикъ,
Остановился въ лучшій мигъ;
Простымъ, нервическимъ припадкомъ
Неловко сцену заключилъ,
Соперниковъ не помирилъ,
И не поссорилъ ихъ порядкомъ...
Что жъ дѣлать!... Вотъ вамъ мой разсказъ,
Друзья, покамѣстъ будетъ съ васъ.

ПОВѢСТЬ.

ГЛАВА I.

День угасалъ; лиловыя облака, протягиваясь по западу, едва пропускали красные лучи, которые отражались на черепицахъ башенъ и яркихъ главахъ монастыря. Звонили къ вечернѣ; монахи и служки ходили взадъ и впередъ по каменнымъ плитамъ, ведущимъ отъ кельи архимандрита въ храмъ; длинныя черныя мантіи съ шорохомъ обметали пыль вслѣдъ за ними; они толкали богомольцёвъ съ такимъ важнымъ видомъ, какъ будто бы это была ихъ главная должность. Подъ дымной пеленою ладона трепещущій огонь свѣчей казался тусклымъ и краснымъ; богомольцы тѣснились вокругъ сѣрыхъ столбовъ; глухой, торжественный шорохъ толпы, повторяемый сводами, показывалъ, что служба еще не началась.

У воротъ монастырскихъ была другая картина: нѣсколько нищихъ и увѣчныхъ ожидали милости отъ богомольцевъ; они спорили, бранились, дѣлили мѣдныя деньги, которыя звенѣли въ большихъ посконныхъ мѣшкахъ; это были люди, отвергнутые природой и обществомъ (только въ этомъ случаѣ общество согласно бываетъ съ природой); это были люди, погибшіе отъ недостатка или излишества надеждъ, олицетворенные упреки провидѣнію, созданія, лишенныя права требовать сожалѣнія, потому что они не имѣли ни одной добродѣтели, и не имѣющіе ни одной добродѣтели, потому что никогда не встрѣчали сожалѣнія.

Ихъ одежды были изображенія ихъ душъ: черныя, изорванныя. Лучи заката останавливались на головахъ, плечахъ и согнутыхъ костистыхъ колѣняхъ; углубленія въ лицахъ казались чернѣе обыкновеннаго; у каждаго на челѣ было написано вѣчными буквами: нищета! Хотя бы малѣйшій знакъ, малѣйшій остатокъ гордости отдѣлился въ глазахъ или въ улыбкѣ!

Въ толпѣ нищихъ былъ одинъ — онъ не вмѣшивался въ разговоръ ихъ и неподвижно смотрѣлъ на росписанныя святыя врата; онъ былъ горбатъ и кривоногъ, но члены его казались крѣпкими и привыкшими къ трудамъ этого позорнаго состоянія; лицо его было длинно, смугло; прямой носъ, курчавые волосы; широкій лобъ его былъ желтъ какъ лобъ ученаго, мраченъ какъ облако, покрывающее солнце въ день бури; синяя жила пересѣкала его неправильныя морщины; губы тонкія, блѣдныя были растягиваемы и сжимаемы какимъ-то судорожнымъ движеніемъ и въ глазахъ блистала цѣлая будущность. Его товарищи

не знали, кто онъ таковъ, но сила души обнаруживается вездѣ: они боялись его голоса и взгляда; они уважали въ немъ какой-то величайшій порокъ, а не безграничное несчастіе; демона, но не человѣка. Онъ былъ безобразенъ, но не это пугало ихъ; въ его глазахъ было столько огня и ума, столько неземнаго, что они, не смѣя вѣрить ихъ выраженію, уважали въ незнакомцѣ чудеснаго обманщика. Ему казалось не больше 28-ми лѣтъ; на лицѣ его постоянно отражалась насмѣшка, горькая, безконечная; волшебный кругъ, заключившій вселенную, его душа еще не жила по настоящему, но собирала всѣ свои силы, чтобы переполнить жизнь и прежде времени вырваться въ вѣчность. Нищій стоялъ сложа руки и разсматривалъ дьявола, изображеннаго поблекшими красками . . . . *, и внутренно сожалѣлъ объ немъ; онъ думалъ: «если бъ я былъ чортъ, то не мучилъ бы людей, а презиралъ бы ихъ; стóятъ ли они, чтобъ ихъ соблазнялъ изгнанникъ рая, соперникъ Бога!... Другое дѣло человѣкъ; чтобъ кончить презрѣніемъ, онъ долженъ начать съ ненависти».

И глаза его блистали подъ безпокойными бровями, и худыя щеки покрывались красными пятнами: все было согласно въ чертахъ нищаго, одна страсть владѣла его сердцемъ или, лучше, онъ владѣлъ одною только страстью — но за то совершенно!

«Христа ради, баринъ, погорѣлымъ, калѣкамъ, слѣпому... Христа ради копѣечку!» раздался крикъ его товарищей. Онъ вздрогнулъ, обернулся — и въ этотъ мигъ рѣшилась его участь. Что же увидалъ онъ? Русскаго дворянина Бориса Петровича Палицына, не больше.

ГЛАВА II.

Представьте себѣ мужчину лѣтъ 50-ти, высокаго, еще здороваго, но съ сѣдыми волосами и потухшимъ взоромъ, одѣтаго въ синее полукафтанье, съ анненскимъ крестомъ въ петлицѣ; ноги его, запрятанныя въ огромные сапоги, производили непріятный звукъ, ступая на пыльные камни; онъ шелъ съ важностью, размахивая руками, и наморщивалъ высокій лобъ всякій разъ, какъ докучливые нищіе обступали его; двое слугъ слѣдовали за нимъ съ подобострастіемъ. Палицынъ положилъ серебряный рубль въ кружку монастырскую и, оттолкнувъ нищихъ, воскликнулъ: «прочь ихъ! лѣнтяи—экіе молодцы—а просятъ Христа ради; что вы не работаете? Дай Богъ, чтобъ пришло время, когда этихъ бродягъ безъ стыда будутъ морить съ голоду. Вотъ вамъ рубль на всю братію — только чуръ, не перекусайтесь за него».

---

* Слова два не разобраны.

Между тѣмъ горбатый нищій молча приблизился и устремилъ яркіе черные глаза на великодушнаго господина. Этотъ взоръ былъ остановившаяся молнія, и человѣкъ, подверженный его таинственному вліянію, долженъ былъ содрогнуться и не могъ отвѣчать тѣмъ же, какъ будто свинцовая печать тяготѣла на его вѣкахъ; если магнитизмъ существуетъ, то взглядъ нищаго былъ сильнѣйшій магнитизмъ.

Когда старый господинъ удалился отъ толпы, онъ поспѣшилъ догнать его.

Палицынъ обернулся. «Что тебѣ надобно?»

— Очень мало. Я хочу работы...

Съ язвительной усмѣшкой посмотрѣлъ старикъ на нищаго, на его горбъ и безобразныя ноги, но бѣднякъ ни мало не смутился и остался хладнокровнымъ, какъ Сократъ, когда жена вылила кувшинъ воды на его голову; но это не было хладнокровіе мудреца — нищій былъ скорѣе похожъ на дуэлиста, который увѣренъ въ мѣткости руки своей.

— Если ты, баринъ, думаешь, что я не могу перенесть труда, то я тебя успокою на этотъ счетъ. Онъ поднялъ большой камень и началъ имъ играть какъ мячикомъ. Палицынъ изумился.

— Хочешь ли быть моимъ слугою?

Нищій въ одну минуту принялъ видъ смиренія и съ жаромъ поцѣловалъ руку своего новаго покровителя — изъ вольнаго онъ согласился быть рабомъ — ужели даромъ? и какая странная мысль принять имя раба за два мѣсяца до Пугачева.

— Клянусь головою отца моего, что исполню свою обязанность, воскликнулъ нищій, и адская радость вспыхнула на блѣдномъ лицѣ.

— Твое имя?

— Вадимъ.

— Прелестное имя для такого урода!

Слуги подхватили шутку барина и захохотали; нищій взглянулъ на нихъ съ презрѣніемъ, и неумѣстная веселость утихла; подлыя души завидуютъ всему, даже обидамъ, которыя показываютъ нѣкоторое вниманіе со стороны ихъ начальника.

— Слѣдуй за мной! — сказалъ Палицынъ, и всѣ оставили монастырь. Часто Вадимъ оборачивался. На полусвѣтломъ небосклонѣ рисовались зубчатыя стѣны, башни и церковь плоскими черными городами, безъ всякихъ оттѣнковъ; но въ этомъ зрѣлищѣ было что-то величественное, заставляющее душу погружаться въ себя и думать о вѣчности, и думать о величіи земномъ и небесномъ, и тогда рождаются мысли мрачныя и чудесныя, какъ одинокій монастырь, неподвижный памятникъ слабости нѣкоторыхъ людей, которые не понимали, что гдѣ скрывается добродѣтель, тамъ можетъ скрываться и преступленіе.

ГЛАВА III.

Поздно, поздно вечеромъ пріѣхалъ Борисъ Петровичъ домой; собаки встрѣтили его громкимъ лаемъ и только по свѣтящимся окнамъ можно было узнать строеніе; вѣтеръ шумя качалъ ветелки, насажденныя вокругъ господскаго двора, и когда топотъ конскій раздался, то слуги вышли съ фонарями, улыбаясь и внутренно проклиная барина, для котораго они покинули свои теплыя постели, а можетъ быть что нибудь получше. Палицынъ вошелъ въ домъ; въ залѣ было темно, оконницы дрожали отъ вѣтра и сильнаго дождя; въ гостиной стояла свѣча; эта комната была совершенно отдѣлапа во вкусѣ XVIII-го вѣка: разноцвѣтные обои; три круглые стола, передъ каждымъ небольшое канапе; глухая стѣна, находящаяся между двумя высокими печьми, на которыхъ стояли безобразныя статуйки, была вся измалевана; на ней изображался завядшими красками торжественный въѣздъ Петра I-го въ Москву послѣ Полтавы: эту картину можно бы назвать рисованной программой.

Передъ орѣховымъ гладкимъ столомъ сидѣла толстая женщина, зѣвая по сторонамъ, добрая женщина... Жирѣть, зѣвать, бранить служанокъ, прикащика, старосту, мужа, когда онъ въ духѣ... какая завидная жизнь!... и все это продолжается сорокъ лѣтъ и продолжится еще столько же... и будутъ оплакивать ея кончину... и будутъ помнить ее и хвалить ея ангельскій нравъ и жалѣть... Чудо, что за жизнь! особливо какъ сравнишь съ нею наши... бури, поглощающія цѣлые годы, и что еще ужаснѣе, обрывающія чувства человѣка, какъ листы съ дерева, одно за другимъ.

На скамейкѣ, у ногъ Натальи Сергѣевны (такъ я назову жену Палицына) сидѣла молодая дѣвушка, ея воспитанница... это былъ ангелъ, изгнанный изъ рая за то, что слишкомъ сожалѣлъ о человѣчествѣ. Сальная свѣча, горящая на столѣ, озаряла ея невинный открытый лобъ и одну щеку, на которой, пристально вглядываясь, можно было бы различить мелкій золотой пушокъ; остальная часть лица ея была покрыта густою тѣнью, и только когда она поднимала большіе глаза свои, то иногда двѣ искры свѣта отдѣлялись въ темнотѣ; это лицо было одно изъ тѣхъ, какія мы видимъ во снѣ рѣдко, а наяву почти никогда. Ея грудь тихо колебалась, порой она нагибала голову, всматриваясь въ свою работу, и длинныя космы волосъ вырывались изъ за ушей и падали на глаза; иногда выходила на свѣтъ бѣлая ручка съ продолговатыми пальцами; одна такая рука могла бы быть цѣлою картиной!

Борисъ Петровичъ вошелъ; обѣ встали. — «Я привезъ новаго холопа»—сказалъ онъ—«кладъ!... нищій, который захотѣлъ работать... онъ не долженъ быть слишкомъ боекъ... это видно по лицу... но за то будетъ послушенъ... вотъ ты увидишь сама... Эй, Вадимка!... живо». Вошелъ безобразный нищій. Госпожа осмотрѣла его безъ вниманія, какъ краденый товаръ... «Какой уродъ!» воскликнула она. Но Вадимъ не слыхалъ — его душа была въ глазахъ. Долго супругъ разговаривалъ съ супругой о жатвѣ, льнѣ, хозяйственныхъ дѣлахъ и вовсе забыли о нищемъ; онъ цѣлый битый часъ простоялъ въ дверяхъ. Куда смотрѣлъ онъ? что думалъ? онъ открылъ новую струну въ душѣ своей и новую цѣль своему существованію; цѣлый часъ онъ простоялъ, никто не замѣтилъ; Наталья Сергѣевна ушла въ свою комнату и тогда Палицынъ подошелъ къ ея воспитанницѣ.

— Какъ тебѣ нравится мой новый холопъ?

— Уродъ! — отвѣчала Ольга, и вдругъ ей послышалось что-то похожее на скрежетъ зубовъ.—Охота приводить такихъ пугалъ—продолжала она—намъ бѣднымъ плѣннымъ птичкамъ и безъ нихъ худо...

— Отъ того худо, что ты не хочешь согласиться, возразилъ Борисъ Петровичъ, и намѣревался ее обнять.

Ольга покраснѣла и оттолкнула его руку; это движеніе было слишкомъ благородно для женщины обыкновенной.

— Плутовка! если бы ты знала, какъ ты прекрасна: развѣ у стариковъ нѣтъ сердца, развѣ нѣтъ въ немъ уголка, гдѣ кровь кипитъ и клокочетъ? — А было бы тебѣ хорошо!... если бы — выслушай... у меня есть золотыя серьги съ крупнымъ жемчугомъ, персидскіе платки; у меня есть деньги, деньги, деньги...

— У васъ нѣтъ стыда!—отвѣчала Ольга. Палицынъ посмотрѣлъ на нее — и вспыхнулъ, но услыхавъ шорохъ въ другой комнатѣ, погрозившись, ушелъ.

— Боже!... Это восклицаніе невольно вырвалось изъ ея груди; это была молитва и упрекъ.

Безобразный нищій все еще стоялъ въ дверяхъ, сложа руки, нѣмъ и недвижимъ—на его рѣсницахъ блеснула слеза: можетъ быть первая слеза—и слеза отчаянія!...

Такія слезы истощаютъ душу, отнимаютъ нѣсколько лѣтъ жизни, могутъ потопить въ одну минуту милліонъ сладкихъ надеждъ! Они для одного человѣка, что Наполеонъ для вселенной: въ десять лѣтъ онъ подвинулъ насъ цѣлымъ вѣкомъ впередъ.

— Знаешь ли ты своихъ родителей, Ольга?—сказалъ Вадимъ.

— Странный вопросъ... отвѣчала она.

— Знаешь ли ты ихъ?—повторилъ онъ такимъ голосомъ, который заставилъ ее содрогнуться; она посмотрѣла ему пристально въ глаза,

какъ будто припоминая нѣчто давнее, давно прошедшее.

— Я сирота, и мой отецъ меня оставилъ, когда я была ребенкомъ—и отправился Богъ знаетъ куда — вѣрно очень далеко, потому что онъ не возвращался. — Чело Вадима омрачилось и горькая язвительная улыбка придала чертамъ его, слабо озареннымъ догорающей свѣчей, что-то демонское.

— Хочешь ли знать, куда?

— Хочу—и влажные глаза ея ярко заблистали.

— Подумай, я для тебя человѣкъ чужой... можетъ быть, я шучу, насмѣхаюсь... подумай: есть тайны, на днѣ которыхъ ядъ, тайны, которыя неразрывно связываютъ двѣ участи; есть люди, заражающіе своимъ дыханіемъ счастье другихъ: все, что ихъ любитъ и ненавидитъ, обречено погибели; берегись того и другаго — узнавъ мою тайну, ты отдашь судьбу свою въ руки опаснаго человѣка: онъ не съумѣетъ лелѣять цвѣтокъ этотъ — онъ изомнетъ его...

— Хочу знать непремѣнно! —воскликнула неопытная дѣвушка.

Она посмотрѣла вокругъ—нищаго уже не было въ комнатѣ.

ГЛАВА IV.

Прошло двое сутокъ — Вадимъ еще не объявлялъ своей тайны... Ужели онъ только хотѣлъ подстрекнуть женское любопытство? Если такъ, то онъ вполнѣ достигъ своей цѣли. Подъ разными предлогами, пренебрегая гнѣвъ госпожи своей, Ольга отлучалась отъ скучной работы и старалась встрѣтить гдѣ нибудь въ отдаленной пустой комнатѣ Вадима, и странно! она почти всегда находила его тамъ, гдѣ думала найти — и тогда просьбы, ласки, всѣ хитрости были употребляемы, чтобы выманить желанную тайну; однако онъ былъ непреклоненъ, умѣлъ отвести разговоръ на другой предметъ, занималъ ее разсказами—но тайны не было. Она дивилась его уму, его бурному нраву, начинала проникать въ его сумрачную душу и замѣтила, что этотъ человѣкъ рожденъ не для рабства: и это заставило ее имѣть къ нему довѣренность; не мудрено—власть разлучаетъ гордыя души, а неволя соединяетъ ихъ.

Однажды она взяла его за руку.

— Не правда ли, я очень безобразенъ?—воскликнулъ Вадимъ; она пустила его руку.—Да, продолжалъ онъ,—я это знаю самъ. Небо не хотѣло, чтобъ меня кто нибудь любилъ на свѣтѣ, потому что оно создало меня для ненависти. Завтра ты все узнаешь... на что мнѣ беречь тебя. О, если бъ... не укоряй за долгое молчанье... быть можетъ, настанетъ время и ты подумаешь: «зачѣмъ этотъ человѣкъ не родился нѣмымъ, слѣпымъ и глухимъ — если онъ могъ родиться кривобокимъ и горбатымъ?»

Поведеніе Вадима съ прочими слугами было непонятно, потому что его цѣли никто не зналъ; я объясню его сколько можно слѣдующимъ разговоромъ. На крыльцѣ дома сидѣло двое слугъ, одинъ старый, другой лѣтъ двадцати; вотъ слова ихъ:

— Замѣть, Ѳедька, что кто изъ грязи вышелъ, такъ лѣзетъ въ золото! Какъ этотъ Вадимка загордился—этакой уродъ, мнѣ никогда никакого уваженія не дѣлаетъ, когда самъ прикащикъ меня всегда отличаетъ; да и къ барину какъ умѣетъ подольститься: словно щенокъ!—Экой вѣкъ сталъ нехристіанской...

— Не скажу, дядя Ипатъ!... онъ всегда со мной ласковъ, парень лихой; съ нимъ держи ухо востро: тотчасъ на удочку поддѣнитъ—вонъ напримѣръ вчера...

— Что вчера?...

— Я тебѣ разскажу эту штуку, дядя, слушай... Вчера баринъ разгнѣвался на Олешку Шушерина и приказалъ ему влѣпить 25 палокъ; повели Олешку на конюшню —самъ прикащикъ и сталъ его бить; 25 разъ ударилъ, да и говоритъ: это за барина—а вотъ за меня—и занесъ руку... Вадимъ все это время стоялъ поодаль, въ углу: брови его сходились и расходились... въ одинъ мигъ онъ подскочилъ къ прикащику и сшибъ его на землю однимъ ударомъ... на губахъ его клубилась пѣна отъ бѣшенства, онъ хотѣлъ что-то вымолвить — и не могъ.

— Жаль! — возразилъ старикъ — не доживетъ этотъ человѣкъ до сѣдыхъ волосъ.—Онъ жалѣлъ отъ души, какъ могъ, какъ обыкновенно жалѣютъ старики о юношахъ, умирающихъ преждевременно, во цвѣтѣ жизни, которыхъ смерть забираетъ вмѣсто нихъ, какъ буря чаще ломаетъ тонкія высокія дерева и щадитъ пни столѣтніе.

Зачѣмъ Вадимъ старался пріобрѣсти любовь и довѣренность молодыхъ слугъ?—на это отвѣчаю: происшествія, мною описываемыя, случились за два мѣсяца до бунта Пугачевскаго.

Умы предчувствовали переворотъ и волновались: каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами въ книгу мщенія, и только кровь ихъ могла смыть эти постыдныя лѣтописи. Люди, когда страдаютъ, обыкновенно покорны, но если разъ имъ удалось сбросить ношу свою, то ягненокъ превращается въ тигра, притѣсненный дѣлается притѣснителемъ и платитъ сторицею — и тогда горе побѣжденнымъ!...

Русскій народъ, этотъ сторукій исполинъ, скорѣе перенесетъ жестокость и надменность своего повелителя, чѣмъ слабость его; онъ желаетъ быть наказываемъ, но справедливо; онъ согласенъ служить, но хочетъ гордиться своимъ рабствомъ, хочетъ поднимать голову, чтобъ смотрѣть на своего господина, и проститъ въ немъ скорѣе излишество пороковъ, чѣмъ недостатокъ добродѣтелей. Въ XVIII столѣтіи

дворянство, потерявъ уже прежнюю неограниченную власть свою и способы ее поддерживать, не умѣло перемѣнить поведенія: вотъ одна изъ тайныхъ причинъ, породившихъ Пугачевскій годъ!

ГЛАВА V.

Но обратимся къ нашему разсказу.

Домъ Бориса Петровича стоялъ на берегу Суры, на высокой горѣ, кончающейся въ рѣкѣ обрывомъ глинистаго цвѣта; кругомъ двора и вдоль по берегу построены избы дымныя, черныя, наклоненныя, вытягивающіяся въ линію по краямъ дороги, какъ нищіе, кланяющіеся прохожимъ; по ту сторону рѣки видны въ отдаленіи березовыя рощи, и еще далѣе лѣсистые холмы съ чернѣющимися елями; налѣво низкій берегъ, усыпанный кустарникомъ, тянется гладкою покатостью и далеко-далеко синѣютъ холмы, какъ волны. Вечернее солнце порою играло на тесовой крышѣ и въ стеклахъ золотыми переливами; раскрашенныя рѣзныя ставни, колеблемыя вѣтромъ, стучали и скрипѣли, качаясь на ржавыхъ петляхъ. Вокругъ стариннаго дома обходитъ деревянная рѣзной работы галдарейка, служащая вмѣсто балкона. Здѣсь, сидя за работой, Ольга часто забывала свое шитье и наблюдала синія странствующія воды и барки съ бѣлыми парусами и разноцвѣтными флюгерами. Тамъ люди вольны, счастливы, каждый день видятъ новый берегъ—и новыя надежды; пѣсни крестьянъ, идущихъ съ сѣнокоса, отдаленный колокольчикъ часто развлекали ея вниманіе—кто ѣдетъ: купецъ, баринъ, почта?... но на что ей?... не все ли равно... а все-таки не худо бы узнать.

Какая занимательная, полная жизнь, не правда ли?

Теперь она попала изъ одной крайности въ другую: теперь, завернувшись въ черную бархатную шубейку, обшитую заячьимъ мѣхомъ, она трепеща отворяетъ дверь на галдарейку... чего тебѣ бояться, неопытная дѣвушка?... Борисъ Петровичъ уѣхалъ въ городъ, его жена въ монастырь слушать поученія монаховъ и новости изъ устъ богомолокъ, не менѣе ею уважаемыхъ.

Кто идетъ ей на встрѣчу? Это Вадимъ. Она вздрогнула; она поблѣднѣла, потому что настала роковая минута.

— Что съ тобою?—сказалъ онъ.

— Ничего...

— А! понимаю... онъ закусилъ губы... ты меня испугалась.

— Зачѣмъ мнѣ бояться тебя?—отвѣчала Ольга.

— Тѣмъ лучше—продолжалъ онъ... Это уже много значитъ—такъ я тебѣ не страшенъ, не отвратителенъ... о, мой создатель! вотъ великое блаженство; право, мнѣ кажется это первое... Онъ остановился.

— Послушай, что, если душа моя хуже моей наружности? но развѣ я виноватъ... я ничего не просилъ у людей, кромѣ хлѣба—они прибавили къ нему презрѣніе и насмѣшку... Я имѣлъ небо, землю и себя, я былъ богатъ всѣми чувствами... видѣлъ солнце и былъ доволенъ... но постепенно все исчезло: одна мысль, одно открытіе, одна капля яда—берегись этой мысли, Ольга.

— Для чего мы здѣсь?—спросила она съ нетерпѣніемъ.

— Я здѣсь для того, чтобы тебя видѣть.

— А я совсѣмъ не для того...

— Опять, опять!—воскликнулъ Вадимъ.—Послушай, если хочешь чего нибудь добиться отъ меня, то не намекай о моемъ безобразіи: я завистливъ, я золъ, я все, что ты хочешь... но пощади меня. — Онъ закрылъ лицо обѣими руками. Ей стало жалко: онъ, человѣкъ, одаренный величайшимъ самолюбіемъ, просилъ у нея, слабой дѣвушки, у нея, еще болѣе чѣмъ онъ беззащитной, сожалѣнія—или нѣтъ... меньше... онъ просилъ, чтобъ она его не оскорбляла.

Такія рѣчи иногда трогаютъ женское сердце.

Она прервала непріятное молчаніе. — Ты говоришь, Вадимъ, что знаешь, гдѣ мой отецъ?

Онъ задумался.

— Обѣщай никогда не укорять меня за то, что я тебѣ открылъ свою тайну.

— Никогда.

— Слушай же: твой отецъ былъ дворянинъ, богатъ, счастливъ—и подобно многимъ, кончилъ жизнь на соломѣ... Ты вздрогнула... но это еще ничего...

— О, если это ничего, то не продолжай.

— Нѣтъ, слушай: у него былъ добрый сосѣдъ, его другъ и пріятель, занимавшій первое мѣсто за столомъ его, товарищъ на охотѣ, ласкавшій дѣтей его, — сосѣдъ искренній, простосердечный, который всегда стоялъ съ нимъ рядомъ въ церкви, снабжалъ его деньгами въ случаѣ нужды, ручался за него своею головою—что жъ... развѣ этого не довольно для погибели человѣка? Погоди... не блѣднѣй... дай руку: огонь, текущій въ моихъ жилахъ. перельется въ тебя... слушай далѣе: однажды на охотѣ собака отца твоего обскакала собаку его друга; онъ посмѣялся надъ нимъ: съ этой минуты началась непримиримая вражда—5 лѣтъ спустя твой отецъ ужъ не смѣялся. Горе тому, кто наказалъ смѣхъ этотъ слезами!... Другъ твоего отца открылъ старинную тяжбу о земляхъ, и выигралъ и отнялъ у него все имѣніе. Я видѣлъ отца твоего предъ кончиной... его сѣдая голова, неподвижная, сухая, подобная бѣлому камню, остановила на мнѣ пронзительный взоръ, гдѣ горѣла послѣдняя искра жизни и ненависти... и мнѣ она оста-

лась въ наслѣдство, и его проклятіе живо, живо, и каждый годъ пускаетъ новыя отрасли, и каждый годъ все болѣе окружаетъ своею тѣнью семейство злодѣя... я не знаю, какимъ образомъ все это сдѣлалось... но кто, ты думаешь, кто этотъ нѣжный другъ? Какъ, небо!... въ продолженіе 17-ти лѣтъ ни одинъ языкъ не шепнулъ ей: этотъ хлѣбъ купленъ цѣною крови—твоей—его крови!—и безъ меня, существа бѣднаго, у котораго вмѣсто души есть одно только ненасытимое чувство мщенія... безъ уродливаго нищаго, это невинное сердце билось бы для него одною благодарностью.

— Вадимъ, что сказалъ ты?

— Благодарность! продолжалъ онъ съ горькимъ смѣхомъ—благодарность: слово изобрѣтенное для того, чтобъ обманывать честныхъ людей, слово превращенное въ чувство! О, премудрость небесная! какъ легко тебѣ изъ ничего сдѣлать святѣйшее чувство! Нѣтъ, лучше издохнуть съ голода и жажды въ какой нибудь пустынѣ, чѣмъ быть орудіемъ безумца и лизать руку, подающую мнѣ остатки пира... о, благодарность...

И онъ ходилъ взадъ и впередъ скорыми шагами, сжавъ крестомъ руки—и казалось забылъ, что не сказалъ имени коварнаго злодѣя... и казалось, не замѣчалъ въ лицѣ несчастной дѣвушки страхъ неизвѣстности и ожиданія... Онъ былъ весь погребенъ самъ въ себѣ, въ могилѣ, откуда также никто не выходитъ... въ живой могилѣ, гдѣ также есть червь, грызущій вѣчно и вѣчно ненасытный.

Безобразныя черты Вадима чудесно оживились, геній блисталъ на челѣ его—и глаза, если бъ остановились въ эту минуту на человѣкѣ, то произвели бы дѣйствіе глазъ василиска, но они были обращены вверхъ!...

— Я отгадала!—воскликнула молодая дѣвушка, подойдя съ твердостію къ Вадиму: я поняла тебя... это Борисъ Петровичъ...

Она въ самомъ дѣлѣ отгадала: великія души имѣютъ особенное преимущество понимать другъ друга; онѣ читаютъ въ сердцѣ подобныхъ себѣ, какъ въ книгѣ, имъ давно знакомой; у нихъ есть примѣты, имъ однимъ извѣстныя и темныя для толпы; одно слово въ устахъ ихъ иногда цѣлая повѣсть, цѣлая страсть со всѣми ея оттѣнками...

Палицынъ былъ тотъ самый ложный другъ, погубившій отца юной Ольги—и взявшій къ себѣ дочь, ребенка 3-хъ лѣтъ, чтобы принудить къ молчанію нѣкоторыхъ дворянъ, осуждавшихъ его поступокъ; онъ воспиталъ ее какъ рабу и хвалился своею благотворительностью; десять лѣтъ тому назадъ онъ игралъ ея кудрями, забавлялся ея ребячествами, и теперь въ мысляхъ готовилъ ее для постыдныхъ удовольствій. Это было также мщеніе въ своемъ родѣ... кто бы подумалъ!

*

сколько страданій за то, что одна собака обогнала другую... какъ ничтожны люди!... какъ вѣрить общему мнѣнію! Палицынъ слылъ честнѣйшимъ человѣкомъ во всемъ околодкѣ, и точно! онъ погубилъ только одно семейство.

Я сказалъ, что великія души понимаютъ другъ друга, потому-то Вадимъ смотрѣлъ на нее безъ удивленія, но съ тайнымъ восторгомъ.

Она схватила его за руку и повлекла въ комнату, гдѣ хрустальная лампада горѣла передъ образами и лучъ ея сливался съ лучемъ заходящаго солнца на золотыхъ окладахъ, усыпанныхъ жемчугомъ и каменьями. Передъ иконой Богоматери упала Ольга на колѣни; спина и плечи ея отдѣляемы были блѣднѣющимъ свѣтомъ зари отъ темныхъ стѣнъ, а красноватый блескъ дрожащей лампады озарялъ и лицо вдохновенное, прекрасное, слишкомъ прекрасное для чувствъ, которыя бунтовали въ груди ея. Вадимъ не сводилъ глазъ съ этого неземнаго существа, какъ будто былъ счастливъ.

Ольга сорвала съ шеи богатое ожерелье и бросила его на землю.

— Такъ уничтожаю послѣдній остатокъ признательности... Боже! Боже! я не виновата... Ты, ты самъ далъ мнѣ вольную душу, а онъ хотѣлъ меня сдѣлать рабой, своей рабой... Невозможно! невозможно женщинѣ любить за такое благодѣяніе... терпѣть, страдать я согласна... но не требуй болѣе, Боже! Если бъ ты теперь мнѣ приказалъ почитать его своимъ благодѣтелемъ—я и тебя перестала бы любить... Моя жизнь, моя судьба принадлежатъ тебѣ, создатель, и кому ты хочешь—но сердце въ моей власти...

Слезы покатились изъ глазъ ея; она склонила голову; рука ея дрожала въ рукѣ Вадима...

— Я твой братъ!—воскликнулъ онъ внѣ себя.

Она обернулась, встала... какъ будто не поняла... какъ будто ужаснулась... руки ея опустились, какъ руки умершей, и сомкнутыя уста удерживали дыханіе.

— Я твой братъ!—повторилъ онъ дрожащимъ, страшнымъ голосомъ.

Она молчала.

Вадимъ взглянулъ на нее въ послѣдній разъ, схватилъ себя за голову и вышелъ, но выходя остановился у двери... и въ продолженіе одной минуты онъ думалъ раздробить свою голову объ косякъ... но эта безумная мысль скоро пролетѣла... онъ вышелъ.

— Братъ!—сказала Ольга, смотря ему въ слѣдъ,—братъ!

И безъ силъ она упала на стулъ.

ГЛАВА VI.

Борисъ Петровичъ былъ чрезвычайно доволенъ своимъ горбачемъ (такъ въ домѣ называли Вадима). Горбачъ почти вездѣ слѣдовалъ за нимъ: на охоту, въ поле, на пашню, исполнялъ его малѣйшія желанія, предугадывалъ ихъ, однимъ словомъ дѣлалъ все, чѣмъ могъ пріобрѣсти довѣренность, и если ему удавалось, то неизъяснимая радость процвѣтала на этомъ суровомъ лицѣ, которое выражало всѣ чувства, всѣ, кромѣ одного любимаго сокровища, хранимаго на черный день. Если Борисъ Петровичъ хотѣлъ наказать кого нибудь изъ слугъ, то Вадимъ намекалъ ему всегда, что есть наказанія, которыя жесточе и что вина гораздо больше, нежели Палицынъ воображалъ;—а когда недосказанный совѣтъ его его былъ исполненъ, то хитрый совѣтникъ старался возбудить неудовольствіе дворни,—взглядомъ, движеньями помогалъ имъ осуждать господина. Но никогда ничего не говорилъ такого, что бы могло быть пересказано ко вреду его—къ неудовольствію рабовъ или помѣщика. Онъ былъ враждебный геній этого дома.

Однажды, не знаю зачѣмъ, Палицынъ велѣлъ его позвать; искали горбача—не нашли. Такъ это и осталось...

День былъ жаркій, серебряныя облака тяжелѣли ежечасно, и синія, покрытыя туманомъ, уже показывались на дальнемъ небосклонѣ. На берегу рѣки была развалившаяся баня, врытая въ гору и обсаженная высокими кустами кудрявой рябины; около нея валялись груды кирпичей, между коими выростала высокая трава и желтые цвѣты на длинныхъ стебелькахъ. Тутъ сидѣлъ Вадимъ; одинъ, облокотясь на свои колѣни и поддерживая голову обѣими руками, онъ размышлялъ; тѣни рябиновыхъ листьевъ рисовались на лицѣ его непостоянными арабесками и придавали ему видъ таинственный; золотой лучъ солнца, скользнувъ мимо соломенной крыши, упадалъ на его колѣнку и Вадимъ, казалось, любовался воздушной пляской пылинокъ, которыя кружились и подымались къ солнцу.

Вчера онъ открылся Ольгѣ; наконецъ онъ нашелъ ее, онъ встрѣтился съ сестрой своей, которую оставилъ въ колыбели, наконецъ... О! чудна природа... далеко ли отъ брата до сестры? А какое различіе! Эти ангельскія чувства, эта демонская наружность... впрочемъ, развѣ ангелъ и демонъ произошли не отъ одного начала?...

Однако Вадимъ замѣтилъ въ ней семейственную гордость, сходство съ его душой, которое обѣщало ему много... обѣщало со временемъ и любовь... эта надежда была для него нѣчто новое; онъ хотѣлъ ею завладѣть, онъ боялся разстаться съ нею на одно мгновеніе—и вотъ зачѣмъ онъ удалился въ уединенное мѣсто, гдѣ плескъ

волны не могъ развлечь думы его. Онъ не зналъ, что есть цвѣты, которые, чѣмъ болѣе за ними ухаживаютъ, тѣмъ менѣе отвѣчаютъ стараніямъ садовника; онъ не зналъ, что слишкомъ привязавшись къ мечтѣ, мы теряемъ существенность, а въ его существенности было одно мщеніе.

Постепенно мысли его становились туманнѣе и онъ, полусонный, легъ на траву—и нечаянно взоръ его упалъ на лиловый колокольчикъ, надъ которымъ вились двѣ бабочки, одна сѣрая съ черными крапинками, другая испещренная всѣми красками радуги, какъ будто воздушный цвѣтокъ или рубинъ съ изумрудными крыльями, отдѣланный въ золото и оживленный какою нибудь волшебницею. Оба мотылька старались сѣсть на лиловый колокольчикъ и мѣшали другъ другу, и когда одинъ былъ близко, то вѣтеръ относилъ его прочь; наконецъ разноцвѣтный мотылекъ остался побѣдителемъ, усѣлся и спрятался въ лепесткахъ; напрасно другой кружился надъ нимъ... онъ былъ принужденъ удалиться... У Вадима былъ прутикъ въ рукѣ; онъ ударилъ по цвѣтку и убилъ счастливое насѣкомое... и съ какимъ-то восторгомъ наблюдалъ его послѣдній трепетъ!...

И Богъ знаетъ, отчего въ эту минуту онъ вспомнилъ свою молодость, и отца, и домъ родной, и высокія качели, и прудъ, обсаженный ветлами... и все, все... и отецъ его представился его воображенію таковъ, какимъ онъ возвратился изъ Москвы, потерявъ свое дѣло и принужденный продать все, что у него осталось, дабы заплатить стряпчимъ и суду... И потомъ онъ видѣлъ его лежащаго на жесткой постели въ домѣ бѣднаго сосѣда... казалось, слышалъ его тяжелое дыханіе и слова: «отомсти, сынъ мой, извергу, чтобъ никто изъ его семьи не порадовался краденнымъ кускомъ...» И вспомнилъ Вадимъ его похороны: необитый гробъ, поставленный на телегѣ, качался при каждомъ толчкѣ; онъ съ образомъ шелъ впередъ... дьячекъ и священникъ сзади; они пѣли дрожащимъ голосомъ... и прохожіе снимали шляпы... вотъ стали опускать въ могилу, канатъ заскрипѣлъ, пыль взвилась...

Кровь кинулась Вадиму въ голову, онъ шопотомъ повторилъ роковую клятву и обдумывалъ исполненіе; онъ готовъ былъ ждать... онъ готовъ былъ все выносить... но сестра!... если... о! тогда и она поможетъ ему... И безъ трепета онъ принялъ эту мысль; онъ рѣшился завлечь ее въ свои замыслы, сдѣлать ее орудіемъ... рѣшился погубить невинное сердце, которое больше чувствовало, нежели понимало: странно! онъ любилъ ее—или не почиталъ ли онъ ненависть добродѣтелью?

Вдругъ надъ нимъ раздался свистъ арапниковъ, и онъ почувствовалъ сильную боль во всей рукѣ своей; какъ тигръ вскочилъ Вадимъ... передъ нимъ стоялъ Борисъ Петровичъ и осыпалъ его ругательствами.

Кланяясь слушалъ онъ и съ покорнымъ видомъ послѣдовалъ за Палицынымъ въ домъ, гдѣ встрѣтили его съ насмѣшливыми улыбками, которыя говорили: пришелъ и твой чередъ.

Съ этихъ поръ Вадимъ ни разу не забывалъ своей должности.

ГЛАВА VII.

Подъ вечеръ пріѣхали гости къ Палицыну; Наталья Сергѣевна разрядилась въ фижмы и парчевое платье, распудрилась и разрумянилась; столъ въ гостиной уставили вареньями, ягодами сушеными и свѣжими; Геннадій Васильичъ Горинкинъ, богатый сосѣдъ, сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, и хозяйка поминутно подносила ему тарелки со сластями; онъ бралъ изъ каждой понемножку и важно обтиралъ себѣ губы. Онъ былъ высокаго роста, бѣлокуръ, и вообще довольно ловокъ для деревенскаго жителя того вѣка; и это потому, быть можетъ, что онъ служилъ въ лейбъ-кампанцахъ; 25-ти лѣтъ вышедъ въ отставку, онъ женился и нажилъ себѣ двухъ дочерей и одного сына. Борисъ Петровичъ занималъ его разговорами о хозяйствѣ, о Москвѣ, и проч., бранилъ новое, хвалилъ старое, какъ всѣ старики, ибо вообще если человѣкъ самъ сталъ хуже, то все ему хуже кажется. Поздно вечеромъ, истощивъ разговоръ, они не знали что начать, зѣвали въ руки, вертѣлись на мѣстахъ, смотрѣли по сторонамъ; но заботливый хозяинъ тотчасъ нашелся.

— Малый! Египетскаго! закричалъ онъ, въ восторгѣ отъ своей мысли. Принесли двѣ фляги и двѣ большія серебряныя кружки, начали пить, потомъ спорить, хохотать и цѣловаться; щеки ихъ разгорѣлись и воображеніе, охлажденное годами, закипѣло.

— Потѣшить ли тебя, сосѣдъ любезный! воскликнулъ Палицынъ.

— А что?

— Да ужъ то, что твоей милости и въ голову не придетъ; любишь ли ты пляску?... а у меня есть дѣвочка—чудо... а какъ пляшетъ!... Я не монахъ и ты не монахъ, Васильичъ...

— Избави, Христосъ...

— И точно такъ!

— Ну, что же?

— Да ужъ то!... мать моя, женушка, Наталья Сергѣевна,—вели Оленькѣ принарядиться въ шелковый святошный сарафанъ, да выдти поплясать, а другихъ пришли пѣть, да пѣсельниковъ-то намъ побольше, знаешь, чтобъ лихо... Онъ захохоталъ, самъ вѣрно не зная чему, и началъ подпирать руки, заранѣе наслаждаясь успѣхомъ своей выдумки;—этотъ человѣкъ, обыкновенно довольно угрюмый, теперь былъ совершенный ребенокъ.

Наталья Сергѣевна приказала сбираться пѣсельникамъ, а сама вышла искать Ольгу.

Гдѣ была Ольга?

Въ темномъ углу своей комнаты, она лежала на сундукѣ, положивъ подъ голову свернутую шубу. Она не спала, она еще не опомнилась отъ вчерашняго вечера, укоряла себя за то, что слишкомъ неласково обошлась съ своимъ братомъ... но Вадимъ такъ ужаснулъ ее въ тотъ мигъ! Она думала цѣлый день идти къ нему сказать, что она точно достойна быть его сестрой и не обвиняетъ за излишнюю ненависть, что оправдываетъ его поступокъ и удивляется чудесной смѣлости его.

Со свѣчей въ рукѣ вошла Наталья Сергѣевна въ маленькую комнату, гдѣ лежала Ольга; стѣны озарились, увѣшенныя платьями и шубами, и тѣнь отъ толстой госпожи упала на столикъ, покрытый пестрымъ платкомъ; въ этой комнатѣ протекала половина жизни молодой дѣвушки прекрасной, пылкой... Здѣсь ей снились часто молодые мужчины, стройные, ласковые, снились большіе города съ каменными домами и златоглавыми церквами; здѣсь, когда зимой шумѣла метелица и снѣгъ бѣлыми клоками упадалъ на тусклое окно и собирался передъ нимъ въ высокій сугробъ, она любила смотрѣть, завернувшись въ теплую шубейку, на бѣлыя степи, сѣрое небо и ветлы, обвѣшенныя инеемъ и колеблемыя взадъ и впередъ, и тайныя, неизъяснимыя желанія, какія бываютъ у дѣвушки въ семнадцать лѣтъ, волновали кровь ея, и досада заставляла плакать, вырывала иголку изъ рукъ...

— Вставай, Ольга! закричала Наталья Сергѣевна, сердито толкнувъ ее.

Ольга вскочила и зажмурилась, встрѣтивъ свѣчу прямо передъ глазами.

— Что, спала, лѣнивая...

— У меня голова болитъ.

— Вздоръ! дѣвчонка молодая... и смѣетъ голова болѣть... Просто лѣнь... ужъ такъ бы и говорила... а то еще лжетъ... отвѣчай: спала, лѣнтяйка?

— Я никогда не лгу.

— Какъ! еще смѣетъ отвѣчать, когда я говорю... спорить... ахъ, грубіянка! Да не я ли тебя выкормила и воспитала, да не я ли тебя отъ нищаго отца-негодяя взяла на свои руки... неблагодарная! Нѣтъ! этотъ народъ никогда не чувствуетъ благодѣяній! какъ волка ни корми, а все въ лѣсъ глядитъ... Да не смѣй строить рожъ, когда я браню тебя! стой прямо и не морщись—ты забываешь, кто я?

Ольга хотѣла что-то сказать, но удержалась; презрѣніе изобразилось на лицѣ ея; мрачный пламень, пробужденный въ глазахъ,

потерялся въ опущенныхъ рѣсницахъ; она стояла, опустивъ руки, съ колеблющейся грудью и обнаженными плечами, и неподвижно внимала обиднымъ изреченіямъ, которыя разсердили, испугали бы другую...

— Поди, надѣнь шелковый сарафанъ и выходи плясать... чтобъ голова не болѣла... слышишь... скорѣй же! да не больно финти передъ Борисомъ Петровичемъ... а не то я тебѣ дамъ знать!... вѣдь вы всѣ рады заманить барскую милость... берегись...

Ольга молчала—но вся вспыхнула... и если бъ Наталья Сергѣевна не удалилась, то она не вытерпѣла бы долѣе; слезы хотѣли брызнуть изъ глазъ ея, но женщина иногда умѣетъ остановить слезы... Какъ! ее подозрѣваютъ, упрекаютъ? и въ чемъ?... о!... гдѣ ея братъ! пускай придетъ онъ и выслушаетъ ея клятву: помогать ему во всемъ, что дышетъ местію и разрушеніемъ, пускай посвятитъ онъ ее въ это грозное таинство—она готова!

Теперь она будетъ умѣть отвѣчать Вадиму, теперь глаза ея вынесутъ его испытывающіе взгляды, теперь горькая улыбка не уничтожитъ ея твердости;—эта улыбка имѣла въ себѣ что-то неземное: она вырывала изъ души каждое благочестивое помышленіе, каждое желаніе, гдѣ таилась искра добра, искра любви къ человѣчеству; встрѣтивъ ее, невозможно было устоять въ своемъ намѣреніи, какое бы оно ни было; въ ней было больше зла, чѣмъ люди понимать способны.

Ольгу ждутъ въ гостиной; Борисъ Петровичъ сердится; его гость поминутно наливаетъ себѣ кружку и затягиваетъ плясовую пѣсню. Наконецъ, она вошла въ малиновомъ сарафанѣ, съ богатой повязкой; ея темная коса упадала между плечами до половины спины; круглота, бѣлизна ея шеи были удивительны, а маленькая ножка, показываясь по временамъ, обѣщала тайныя совершенства, которыя ищутъ молодые люди, глядя на женщину, какъ на орудіе своихъ удовольствій; впрочемъ, маленькая ножка имѣетъ еще другое значеніе, которое я бы открылъ вамъ, если бы не боялся слишкомъ удалиться отъ своего разсказа.

Она вошла и встрѣтила пьяные глаза, дерзко разбирающіе ея прелести, но она не смутилась, не покраснѣла; тусклая блѣдность ея лица изобличала совершенное отсутствіе безпокойства, совершенную преданность судьбѣ; въ этотъ мигъ она жила половиною своей жизни; она походила на испорченный органъ, который не играетъ ни начало, ни конецъ прекрасной пѣсни...

Хоръ затянулъ плясовую. «Начинай же, Оленька!» закричалъ Палицынъ, «не стыдись!» Она вздрогнула; ей пришло на мысль, что она будетъ плясать передъ убійцею отца своего. Эта мысль, какъ молнія, ворвалась въ ея душу и озарила тамъ слѣды минувшаго и всѣ обиды, всѣ несправедливости, (угнетенія?) рабства; однимъ сло-

вомъ, жизнь ея встала передъ ней, какъ остовъ изъ гроба своего, и она почувствовала его упрекъ.

Если бы можно было изобразить страданіе этого нѣжнаго существа, то трудно бы вы повѣрили, что она нелишилась разсудка, потому что ея рѣсницы были сухи, и сжатыя дрожащія губы не пропустили ни одного вздоха. «Что же! красотка моя, начинай! не бойсь! ты такъ хороша сегодня!» кричали оба помѣщика.

Что за лестное поощреніе! не правда ли?

Ольга окинула взоромъ всю комнату, надѣясь уловить хотя одно сожалѣніе... неумѣстная надежда! подлая покорность, глупая улыбка встрѣтила ее со всѣхъ сторонъ... рабы не сожалѣли объ ней—они завидовали. Пускай завидуютъ, подумала Ольга, это будетъ имъ наказаніе.

Она начала плясать.

Движенія Ольги были плавны, небрежны, даже можно было замѣтить въ нихъ нѣкоторую принужденность, ей несвойственную, но скоро она забылась, и тогда душевная буря вылилась наружу. Какъ поэтъ, въ минуты вдохновеннаго страданія бросая божественные стихи на бумагу, не чувствуетъ, не помнитъ ихъ, такъ и она не знала, что дѣлала, не заботилась о приличіи своихъ движеній, и потому-то они обворожили всѣхъ зрителей; это было не искусство, но страсть.

И вдругъ она остановилась, опомнилась, опустила пылающіе глаза; голова ея кружилась; всѣ предметы прыгали передъ нею, громкіе напѣвы слились для нея въ одинъ звукъ, нестройный, но рѣшительный, въ одинъ звукъ воспоминанія...

Она посмотрѣла вокругъ, ужаснулась, махнула рукой и выбѣжала...

Борисъ Петровичъ всталъ и, качаясь на ногахъ, послѣдовалъ за нею; раскаленныя щеки его обнаруживали преступное желаніе и съ дрожащихъ губъ срывались несвязныя слова, но слишкомъ ясныя для окружающихъ.

Дверь въ комнату Ольги была затворена; онъ дернулъ; крючекъ разскочился. Она стояла на колѣняхъ, закрывъ лицо руками и положивъ голову на кровать; она не слыхала какъ онъ вошелъ, потому что произнесла слѣдующія слова: «отецъ мой! не вини меня...»

— Теперь ты не вывернешься! воскликнулъ захохотавши Борисъ Петровичъ. Я человѣкъ добрый — и ты человѣкъ добрый... слѣдовательно...

Она вскочила, и устремивъ на него мутный взоръ, казалось не понимала этихъ словъ; онъ взялъ ее за руку; она хотѣла вырваться — не могла; сѣвъ на постели, онъ притянулъ ее къ себѣ и началъ цѣловать въ шею и грудь; у нея не было силъ защищаться; отвернувъ лицо, она предавалась его буйнымъ ласкамъ — и еще нѣсколько минутъ, она бы погибла...

Но вдругъ раздался шумъ и вбѣжала хозяйка; между достойными супругами начался крикъ, споръ... однако Натальѣ Сергѣевнѣ, благодаря виннымъ парамъ, удалось вывести мужа. Долго еще слышенъ былъ хриплый басъ его и пронзительный дискантъ Натальи Сергѣевны; наконецъ все утихло и Ольга тогда только увѣрилась, что всѣ ее оставили.

Она слышала, какъ стучало ея испуганное сердце и чувствовала странную боль въ шеѣ; бѣдная дѣвушка!... немного повыше круглаго плеча ея виднѣлось красное пятно, оставленное губами пьянаго старика... Сколько прелестей было измято его могильными руками! сколько ненависти родилось отъ его поцѣлуевъ!... Всталъ мѣсяцъ, скользя вдоль стѣны, его лучъ пробрался въ тѣсную комнату, и крестообразныя рамы окна отдѣлились на блѣдномъ полу... и этотъ лучъ упалъ на лицо Ольги, но ничего не прибавилъ къ ея блѣдности и красное пятно не могло утонуть въ его сіяніи. Въ это время на стѣнныхъ часахъ въ пріемной пробило одиннадцать.

ГЛАВА VIII.

Гдѣ скрывался Вадимъ весь этотъ вечеръ?... На темномъ чердакѣ, простертый на соломѣ, лицомъ кверху, сложивъ руки, онъ уносился мыслію въ вѣчность—ему снилось наяву давно желанное блаженство: свобода. Онъ былъ духъ, отчужденный отъ всего живущаго, духъ всемогущій, не желающій, не сожалѣющій ни объ чемъ, завладѣвшій прошедшимъ и будущимъ, которыя представлялись ему пестрой картиной, гдѣ онъ находилъ много смѣшнаго и ничего жалкаго. Его душа расширялась, хотѣла бы вырваться, обнять всю природу и потомъ сокрушить ее. Если это желаніе безумца, то по крайней мѣрѣ великаго безумца. Что такое величайшее добро и зло? Два конца незримой цѣпи, которые сходятся, удаляясь другъ отъ друга.

Чудные звуки разрушили мечтанія Вадима: то были отрывистые звуки плясовой пѣсни, смѣшанные съ порывами сѣвернаго вѣтра; Вадимъ привсталъ; луна ударяла прямо въ слуховое окно и свѣтъ ея, захватывая нѣсколько измятыхъ соломенокъ, упадалъ на противную стѣну, такъ что Вадимъ легко могъ разсмотрѣть на ней всѣ скважины, каждый клочекъ моха, высунувшійся между брусьями. Долго онъ не сводилъ глазъ съ этой стѣны, долго внималъ звукамъ отдаленной пѣсни—наконецъ они умолкли, облако набѣжало на полный мѣсяцъ... Вадимъ упалъ на постель свою, и безотчетное страданіе овладѣло имъ; онъ ломалъ руки, вздыхалъ, скрежеталъ зубами... неизвѣстный огонь бѣжалъ по его жиламъ, черепъ готовъ былъ треснуть... о! давно ли ему было довольно одной ненависти!

Маленькая дверь скрыпнула и отворилась; ему послышался легкій шумъ шаговъ.

— Братъ! сказалъ кто-то очень тихо.

Вадимъ затрепеталъ. Между тѣмъ облако пробѣжало и луна озарила одно плечо и половину лица Ольги; она стояла близъ него на колѣняхъ.

— Все понимаю, воскликнулъ онъ, примѣтивши въ ея взорѣ ужасное безпокойство.

— Точно? отвѣчала Ольга измѣнившимся голосомъ: точно?—Я пришла тебя обрадовать, другъ мой!

Другъ мой! Впервые существо земное такъ называло Вадима; онъ не могъ разомъ обнять все это блаженство; какъ безумный схватилъ онъ себя за голову, чтобы увѣриться въ томъ, что это не обманъ сновидѣнія; улыбка остановилась на устахъ его и душа его, обогащенная цѣлымъ чувствомъ, сдѣлалась подобна временщику, который, получивъ милліонъ, и не умѣя употребить его прячетъ въ желѣзный сундукъ и стережетъ свое сокровище до конца жизни.

Эти два слова такъ сильно врѣзались въ его душу, что нѣсколько дней спустя, когда онъ говорилъ съ самимъ собою, то не могъ удержаться, чтобъ не сказать: другъ мой...

Если мнѣ скажутъ, что нельзя любить сестру такъ пылко — вотъ мой отвѣтъ: любовь—вездѣ любовь, т. е. самозабвеніе, сумасшествіе, назовите какъ вамъ угодно; и человѣкъ, который ненавидитъ все и любитъ единое существо въ мірѣ, кто бы оно ни было: мать, сестра или дочь, его любовь сильнѣе всѣхъ вашихъ произвольныхъ страстей; его любовь сама по себѣ, въ крови, чужда всякаго тщеславія... но если къ ней примѣшается воображеніе, то горе несчастному! — По какой-то чудной противоположности, самое святое чувство ведетъ тогда къ величайшимъ злодѣйствамъ; это чувство, наконецъ, дѣлается такъ велико, что сердце человѣка умѣстить его въ себѣ не можетъ и должно погибнуть, разорваться или однимъ ударомъ сокрушить кумиръ свой; но часто самолюбіе беретъ перевѣсъ и божество падаетъ передъ смертнымъ.

— Братъ! слушай! продолжала Ольга; я все обдумала и рѣшилась сдѣлать первый шагъ на пути, по которому ни тебѣ, ни мнѣ не возвратиться... но все равно... они всѣ ведутъ къ смерти, но я не позволю низкому, бездушному человѣку почитать меня за свою игрушку... ты или я сама должна это сдѣлать; сегодня я перенесла обиду, за которую хочу, должна отомстить... Братъ! не отвергай моей клятвы... если ты ее отвергнешь, то берегись, я сказала, что не перенесу этого... ты будешь добръ для меня, ты примешь мою ненависть, какъ дитя мое; станешь лелѣять его, пока оно выростетъ и созрѣетъ и

смоетъ мой позоръ страданьями и кровью... да, позоръ... онъ, убійца, обнималъ, цѣловалъ меня... хотѣлъ... не правда ли, ты готовишь ему ужасную казнь...

Вадимъ дико захохоталъ и, стараясь умолкнуть, укусилъ нижнюю губу свою такъ крѣпко, что кровь потекла; онъ похожъ былъ въ это мгновенье на вампира, глядящаго на издыхающую жертву.

— Клянусь этимъ Богомъ, который создалъ насъ несчастными, клянусь его святыми таинствами, его крестомъ спасительнымъ—во всемъ, во всемъ тебѣ повиноваться.—Я знаю, Вадимъ, твой ударъ не будетъ слабъ и невѣренъ, если я сдѣлаюсь орудіемъ руки твоей... о! ты великій человѣкъ!

— Да, теперь, потому что ты меня любишь.

Она ничего не отвѣчала.

— Успокойся, опомнись, сказалъ Вадимъ, ты меня еще не знаешь, но я тебѣ открою мои мысли, разверну все мое существованіе и ты его поймешь... Передъ тобой я могу обнажить странную душу мою... ты не слабый челнокъ, неспособный переплыть это море; волны и бури его тебя не испугаютъ; ты рождена посреди этой стихіи, ты не утонешь въ ея безконечности.

«Помню, какъ послѣ смерти отца, я покидалъ тебя, ребенка въ колыбели, тебя, не знавшую ни добра, ни зла, ни заботы,—а въ моей груди уже бродила страсть пагубная, неусыпная — ты протянула ко мнѣ свои рученки, улыбнулась... будто просила о защитѣ... а я не имѣлъ своего куска хлѣба.

«Меня взяли въ монастырь, изъ состраданія, кормили, потому что я былъ не собака и нельзя было меня утопить; въ стѣнахъ обители я провелъ мои лучшіе годы, въ душныхъ стѣнахъ, оглушаемый звономъ колоколовъ, пѣньемъ людей, одѣтыхъ въ черныя платья и потому думающихъ быть ближе къ небесамъ, притѣсняемый за то, что я обиженъ природой... что я безобразенъ. Они заставляли меня благодарить Бога за мое безобразіе, будто бы онъ хотѣлъ этимъ средствомъ удалить меня отъ шумнаго міра, отъ грѣховъ... Молиться!... у меня въ сердцѣ были одни проклятія. Часто вечеромъ, когда розовые лучи заходящаго солнца играли на главахъ церкви и мѣдныхъ колоколахъ, я выходилъ изъ святыхъ вратъ и съ холма, гдѣ стояла развалившаяся часовня, любовался на тюрьму свою — она издали была прекрасна! Облака призывали мое воображеніе къ себѣ на воздушныя крылья, но насмѣшливый голосъ шепталъ мнѣ: ты способенъ обнять своею мыслію все сотворенное; ты могъ бы силою души разрушить естественный порядокъ и возстановить новый, для того-то я не выпущу отсюда, довольно тебѣ знать, что можешь это сдѣлать...

«Никто въ монастырѣ не искалъ моей дружбы, моего сообщества;

я былъ одинъ, всегда одинъ; когда я плакалъ—смѣялись, потому что люди не могутъ сожалѣть о томъ, что хуже или лучше ихъ. Всѣ монахи, которыхъ я зналъ, были обыкновенныя, полудобрыя существа, глупые отъ рожденья или отъ старости, неспособные ни къ чему, кромѣ постовъ. Я желалъ возненавидѣть человѣчество и по неволѣ сталъ презирать его; душа ссыхалась, ей нужна была свобода, степь, открытое небо... Ужасно сидѣть въ бѣлой клѣткѣ изъ кирпичей и судить о зимѣ и веснѣ по узкой тропинкѣ, ведущей изъ келій въ церковь; не видѣть ясное солнце иначе, какъ сквозь длинное рѣшетчатое окно, и не смѣть говорить о томъ, чего нѣтъ въ какой-то книгѣ...

«Можно придти въ отчаянье!

«Однажды, Ольга, я замѣтилъ безногаго нищаго, который, не вмѣшиваясь въ споры товарищей, сидѣлъ на землѣ у святыхъ воротъ и только постукивалъ камнемъ о камень, и когда вылетала искра, то чудная радость покрывала незначущее его лицо. Я подошелъ къ нему и сказалъ:—ты очень благоразуменъ, любезный, тѣмъ, что не мѣшаешься въ ихъ ссору.

— «Я безъ ногъ», отвѣчалъ онъ съ недовольнымъ видомъ. Это меня поразило: я ошибся! однако продолжалъ свои вопросы. — Что былъ ты прежде, купецъ или крестьянинъ?

— «Нищій! — отвѣчалъ онъ, рожденъ нищимъ и умру нищимъ; только разница въ томъ, что я рожденъ съ ногами, а умру безногой.

— «Отчего же?—Отчего!—тутъ онъ призадумался; потомъ продолжалъ равнодушно:—я былъ проводникомъ одного слѣпаго; насъ было много; когда слѣпой умеръ, то я сталъ лишнимъ. Мнѣ переломали руки и ноги, чтобъ я не даромъ кормился и былъ полезенъ; теперь меня возятъ на тележкѣ и—даютъ деньги...

— «Зналъ ли ты своихъ родителей?—спросилъ я поспѣшно.

— «Какъ же!

— «А кто были они?

— «Нищіе!» — Тутъ онъ улыбнулся. Не знаю, что было въ его улыбкѣ, насмѣшка надъ судьбой или надо мною, потому что я слушалъ его съ видомъ полной довѣренности.

«И такъ, есть состояніе, въ которомъ безобразіе не порокъ, подумалъ я.

«На другой день бѣжалъ изъ монастыря и сдѣлался нищимъ.

Вадимъ остановился.

— Понимаю тебя, воскликнула Ольга и пожала ему руку.

— Я это зналъ!... развѣ ты не сестра мнѣ? возразилъ Вадимъ.

— Послушай, вѣрно само небо хочетъ, чтобы мы отомстили за бѣднаго отца. Какъ оно согласило всѣ обстоятельства, какъ оно привело тебя къ цѣли...

— Небо или адъ... а можетъ быть и не они; твердое намѣреніе человѣка повелѣваетъ природѣ и случаю. Хотя съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался нищимъ, какой-то бѣшеный демонъ поселился въ меня, но не имѣлъ вліянія на поступки мои; онъ только терзалъ меня, воскрешалъ умершія надежды, жажду любви, странствовалъ со мною рядомъ по берегу мрачной пропасти, показывая мнѣ цѣлый рай въ отдаленіи; но чтобъ достигнуть рая, надобно было перешагнуть черезъ бездну. Я не рѣшился: кому завѣщать свое мщеніе? кому его уступить?

«Долго я бродилъ безъ крова и приставища, преданный зимнимъ метелямъ, какъ южная птица, отставшая отъ подругъ своихъ; долго жить—было цѣлью моей жизни.

«Но судьба мнѣ послала человѣка, который случайно открылъ мнѣ, что ты воспитываешься у Палицына, что онъ богатъ, доволенъ, счастливъ—это меня взорвало... Я не хотѣлъ, чтобъ онъ былъ счастливъ—и не будетъ отнынѣ; въ этотъ домъ я принесъ съ собою моего демона; его дыханіе—чума для счастливцевъ, чума... Сестра! ты мнѣ простишь... о! я преступникъ... вижу, и тобой завладѣлъ этотъ злой духъ, и въ тебѣ поселилась эта болѣзнь, которая портитъ жизнь и поддерживаетъ ее. Ты, земной ангелъ, безъ меня не потеряла бы свою безпечность... теперь все кончено, отъ моего прикосновенія увяли твои надежды, махни рукой твоему спокойствію... Цвѣты не растутъ посреди бунтующаго моря; гдѣ есть демонъ, тамъ нѣтъ Бога...»

— Какъ! воскликнула Ольга,—неужели ты раскаяваешься! Правда, я женщина—но развѣ всякая женщина промѣняетъ печали и безпокойства на блистательный позоръ... блистательный! о! быть любовницей старика, злодѣя моего семейства... ты желалъ этого! Вадимъ, не правда ли?

— Нѣтъ, я тогда убилъ бы тебя.

— А теперь кто мѣшаетъ?

— Теперь? теперь... Онъ опустилъ глаза въ землю и замолкъ. Глубокое страданье было видно въ слѣдующихъ словахъ:—теперь, убить тебя! теперь, когда у меня есть слезы, когда я могу плакать на твоихъ колѣняхъ... плакать! о! это величайшее наслажденіе для того, чей смѣхъ мучительнѣе всякой пытки!... Нѣтъ, я еще не такъ дуренъ, какъ ты полагаешь;—человѣкъ, для котораго видѣть тебя есть блаженство, не можетъ быть совершеннымъ злодѣемъ.

— Меня убить—значитъ сдѣлаться моимъ благодѣтелемъ, отвѣчала Ольга, улыбаясь, послѣ нѣсколькихъ минутъ глубокаго молчанія.

— А кто скажетъ: онъ хорошо поступилъ, когда мое имя сдѣлается на землѣ проклятіемъ?

— Я удивляюсь тебѣ, другъ мой.

— Но хочу! люби меня.

Она закрыла лицо обѣими руками.

ГЛАВА IX.

Кто изъ васъ бывалъ на берегахъ свѣтлой Оки? Кто изъ васъ смотрѣлся въ ея волны, бѣдныя воспоминаніями, богатыя природнымъ, собственнымъ блескомъ! Читатель, не онѣ ли были свидѣтелями твоего счастія или кровавой гибели твоихъ прадѣдовъ! Но нѣтъ! волна, окропленная слезами твоего восторга или ихъ кровью, теперь далеко въ морѣ, странствуетъ безъ цѣли и надежды, или въ минуту гнѣва разшиблась объ утесъ гранитный! Она потеряла дорòгой слѣды страстей человѣческихъ; она смѣется надъ перемѣнами столѣтій, протекающихъ надъ нею безвредно, какъ женщина надъ пустыми вздохами глупыхъ любовниковъ; она не боится ни ада, ни рая, вольна жить и умереть, когда ей угодно;—сдѣлавшись могилой какого нибудь несчастнаго сердца, она не теряетъ своей прелести, живаго, безпокойнаго своего нрава, и въ ея погребальномъ ропотѣ больше утѣшеній, нежели жалости. Если можно завидовать чему нибудь, то это синимъ холоднымъ волнамъ, подвластнымъ одному закону природы, который для насъ не годится съ тѣхъ поръ, какъ мы выдумали свои законы.

Вадимъ стоялъ подъ густой липой, и упоительный запахъ разливался вокругъ его головы, и чувства, окаменѣвшія отъ сильнаго напряженія души, растаяли постепенно—и, отвергнутый людьми, былъ готовъ кинуться въ объятія природы; она одна могла бы утолить его пламенную жажду, и давъ ему другую душу или новую наружность, поправить свою жестокую ошибку. Вадимъ съ непонятнымъ спокойствіемъ разсматривалъ рѣчныя травы и густой хмѣль, который яркими зелеными кудрями висѣлъ съ глинистаго берега. Вдали одѣтые туманомъ курганы, можетъ быть, могилы татарскихъ наѣздниковъ, подымались, выходили изъ полосатой пашни; еловыя, березовыя рощи казались опрокинутыми въ воды, и мрачный цвѣтъ первыхъ пріятно отдѣлялся желтоватой зеленью и бѣлыми корнями послѣднихъ; лѣтнее солнце съ улыбкой золотило эту простую картину.

Въ шумѣ родной рѣки есть что-то схожее съ колыбельной пѣснью, съ разсказами старой няни. Вадимъ это чувствовалъ и память его невольно переселилась въ прошедшее, какъ въ домъ, который нѣкогда былъ нашимъ и гдѣ теперь мы должны пировать подъ именемъ гостя; на днѣ этого удовольствія шевелится неизъяснимая грусть, какъ ядовитый крокодилъ въ глубинѣ чистаго, прозрачнаго американскаго колодца.

Вдругъ раздался въ отдаленіи звонъ дорожнаго колокольчика, приносимый вѣтромъ... Вадимъ вздрогнулъ, не зная самъ тому причины; онъ обернулся въ ту сторону, гдѣ деревянный мостъ показывался между кустовъ и гдѣ дорога, желтѣя, терялась за холмами; тамъ сѣрая пыль клубилась вслѣдъ за простою кибиткой... «Не къ намъ ли, подумалъ Вадимъ; но этого не можетъ быть! кому?...» Его тревожилъ колокольчикъ и непонятное предчувствіе, какъ свинецъ, упало на его душу; онъ побрелъ вдоль по рѣкѣ и старался разсѣяться... но не могъ: проклятый колольчикъ его преслѣдовалъ...

Что дѣлалось въ барскомъ домѣ?—Тамъ также слышали колокольчикъ—но этотъ милый звукъ не произвелъ никакого непріятнаго вліянія; Наталья Сергѣевна подбѣжала къ окну, а Борисъ Петровичъ, который не говорилъ съ женой со вчерашняго вечера, кинулся къ другому. Они ждали сына въ отпускъ—вѣрно это онъ!...

Въ тотъ вѣкъ почты были очень дурны, или лучше сказать, онѣ не существовали совсѣмъ; родные посылали ходока къ дѣтямъ, посвященнымъ царской службѣ... но часто они не возвращались, пользуясь свободой. Такимъ образомъ однажды мать сосватала невѣсту для сына, давно убитаго на войнѣ; долго ждала красавица своего суженаго, наконецъ вышла замужъ за другаго; на первую ночь свадьбы явился призракъ перваго жениха и легъ съ новобрачными въ постель; она моя — говорилъ онъ — и слова его были вѣтеръ гуляющій въ пустомъ черепѣ; онъ прижалъ невѣсту къ груди своей, гдѣ на мѣстѣ сердца у него была кровавая рана; призвали попа со крестомъ и святой водою и выгнали опоздавшаго гостя, и выходя онъ заплакалъ — но вмѣсто слезъ песокъ посыпался изъ открытыхъ глазъ его; — ровно черезъ сорокъ дней невѣста умерла чахоткой, и супруга ея нигдѣ не могли сыскать. Таково преданіе народное.

Обратимся къ повѣсти нашей. Борисъ Петровичъ и жена его три года не получали извѣстія отъ своего Юриньки. Мѣсяцъ тому назадъ онъ съ богомольцемъ, котораго встрѣтилъ на дорогѣ, прислалъ письмо, извѣщая о скоромъ прибытіи... Это онъ!

Колокольчикъ звенѣлъ все громче и громче... вотъ близко, топотъ, крикъ ямщика, шумъ колесъ... кибитка въѣхала въ ворота... вся дворня столпилась... это онъ.. въ военномъ мундирѣ... выскочилъ... и кинулся на шею матери... Отецъ стоялъ поодаль и плакалъ... это былъ ихъ единственный сынъ!

Впрочемъ, такія вещи не описываются.

Вечеромъ Вадимъ возвратился въ домъ, увидалъ кибитку, поймалъ нѣкоторыя отрывистыя рѣчи и догадался. Съ досадой смотрѣлъ онъ на веселую толпу и думалъ о будущемъ, разсчитывалъ дни, сквозь зубы бормоталъ какія-то упреки... и потомъ, обратившись къ дому, ска-

залъ: «такъ точно! слухъ этотъ не лживъ... черезъ нѣсколько недѣль здѣсь будетъ кровь, и больше; почему они не заплатятъ за долголѣтнее веселье однимъ днемъ страданія, когда другіе, послѣ безчисленныхъ мукъ, не получаютъ ни одной минуты счастья! Для чего они любимцы неба, а не я!—О! Создатель! если бъ ты меня любилъ, какъ сына—нѣтъ—какъ пріемыша... половина моей благодарности перевѣсила бы всѣ ихъ молитвы... но ты меня проклялъ въ часъ рожденія... и я прокляну твое владычество, въ часъ моей кончины...»

Неподвиженъ стоялъ Вадимъ возлѣ рогожной кибитки; толпа пестрѣла кругомъ; старухи, дѣти, все тѣснилось, кричало, смѣялось...

— Куда какой красавчикъ молодой нашъ баринъ — воскликнулъ кто-то... Вадимъ покраснѣлъ... и съ этой минуты имя Юрія Палицына стало ему ненавистнымъ...

Что дѣлать? онъ не могъ вырваться изъ демонской своей стихіи.

ГЛАВА X.

Смерклось; подали свѣчи, поставили на столъ разныя закуски и мѣдный самоваръ. Борисъ Петровичъ былъ въ восхищеніи, жена его не знала какъ угостить милаго пріѣзжаго. Дверь въ гостиную, до половины растворенная, пропускала яркую полосу свѣта въ сосѣднюю комнату, гдѣ по стѣнамъ чернѣли высокіе шкафы, наполненные домашней посудой; въ этой комнатѣ у дверей, на цыпочкахъ стояла Ольга и смотрѣла на Юрія — и больше нежели пустое любопытство понудило ее къ этому. Юрій былъ такъ хорошъ!... именно таковыя лица нравятся женщинамъ; что-то доброе и вмѣстѣ буйное, пылкость безъ упрямства, веселость безъ насмѣшки. Онъ не былъ напудренъ по обычаю того вѣка, длинные русые волосы вились вокругъ шеи, и голубые глаза не отражали свѣтъ, но, казалось, изливали его на все, что имъ встрѣчалось.

Онъ говорилъ о столицѣ, о великой Екатеринѣ, которую народъ называлъ «матушкой» и которая каждому гвардейскому солдату дозволяла цѣловать свою руку... онъ говорилъ объ ней, и щеки его горѣли, и голосъ его возвышался невольно. Потомъ онъ разсказывалъ о городскихъ весельствахъ, о красавицахъ, разряженныхъ въ дымныя кружева и волнистыя бархатныя платья.

Ольга слушала, и что-то похожее на зависть встревожило ее. «Если бъ обо мнѣ такъ говорили, если бъ и на мнѣ блистали кружева и дорогіе камни... о! я была бы счастливѣе!...» и всякой 18-ти лѣтней дѣвушкѣ на ея мѣстѣ эти мысли пришли бы въ голову. Наряды необходимы счастью женщины, какъ цвѣты веснѣ.

И Ольга боялась, чтобъ онъ не обернулся къ дверямъ и не замѣтилъ ея любопытства: маленькая гордость дышала въ этомъ опасеніи.

Однако жъ какъ уйти? Юрій говоритъ такъ пріятно; въ звукахъ его голоса такъ ясно выражались благородныя чувства, что если бъ даже невозможно было разобрать словъ его, то — ей казалось... она поняла бы смыслъ разговора!...

Нельзя сомнѣваться, что есть люди, имѣющіе этотъ даръ, но имъ воспользоваться можетъ только существо избранное, существо, котораго душа создана по образцу ихъ души, котораго судьба должна зависѣть отъ ихъ судьбы... и тогда эти два созданія, уже знакомыя прежде рожденія своего, читаютъ свою участь въ голосѣ другъ друга, въ глазахъ, въ улыбкѣ... и не могутъ обмануться... и горе имъ, если они не вполнѣ довѣрятся этому святому, таинственному влеченію... оно существуетъ, и должно существовать вопреки всѣмъ умствованіямъ людей ничтожныхъ, иначе душа брошена въ наше тѣло для того только, чтобъ оно питалось и двигалось... Что такое были бы всѣ цѣли, всѣ труды человѣчества безъ любви? И развѣ нѣтъ иногда этого всемогущаго сочувствія между народомъ и царемъ? Возьмите Наполеона и его войско! долго ли они прожили другъ безъ друга?

О! какъ Ольга была прекрасна въ эту первую минуту самопознанія, сколько жизни невинной, обѣщающей жизни было въ стѣсненномъ дыханьѣ этой полной груди, гдѣ билось сердце, обѣщанное мукамъ и созданное для райскаго блаженства.

Надобно было камню упасть въ гладкій источникъ.

Она обернулась.

Полоса яркаго свѣта, прокрадываясь въ эту комнату, упадала на губы, скривленныя ужасной, оскорбительной улыбкой; все кругомъ покрывала темнота—этого было ей довольно, чтобы тотчасъ узнать брата... на синихъ его губахъ сосредоточилась вся жизнь Вадима, и, какъ нарочно, онѣ однѣ были освѣщены.

— Поздравляю, Ольга...

— Съ чѣмъ?

— Не правда ли, какъ хорошъ собою молодой твой господинъ!...

— И твой! обидѣвшись возразила Ольга.

— Ни мало... я добровольно сталъ слугою... я не обязанъ имъ сохраненіемъ жизни, воспитаніемъ... но ты! о, посмотри на него, что за ловкость, что за румянецъ!

Она вздохнула.

— И эта прекрасная голова упадетъ подъ рукою казни — продолжалъ шопотомъ Вадимъ; — эти мягкіе, шолковые кудри, напитанные кровью, разовьются... ты помнишь клятву... не слишкомъ ли ты поторопилась... О, мой отецъ, мой отецъ!... Скоро настанетъ минута, когда безпокойный духъ твой, плавая надъ ихъ тѣлами, благословитъ дѣтей твоихъ,—скоро, скоро..

*

— Скоро!...

— Я вижу твое восхищеніе! — холодно возразилъ ей братъ;—скоро!—мы довольно ждали... но за то не напрасно! Богъ потрясаетъ цѣлый народъ для нашего мщенія; я тебѣ разскажу, слушай и благодари: на Дону родился дерзкій безумецъ, который выдаетъ себя за государя... Народъ, радуясь тому, что ихъ государь носитъ бороду, говоритъ какъ мужикъ, обратился къ нему; дворяне гибнутъ; надобно же игрушку для народа... безъ этого и праздникъ не праздникъ! вино безъ крови для нихъ стало слабо... ты дрожишь отъ радости, Ольга.

Она молча поникла головою и удалилась. У нея въ сердцѣ ужъ не было мщенія. Теперь, теперь вполнѣ постигла она весь ужасъ обѣщанія своего, хотѣла молиться—ни одна молитва не предстала ей ангеломъ-утѣшителемъ: каждая сдѣлалась укоризною, звукомъ напраснаго раскаянья. «Какой красавецъ сынъ моего злодѣя»—думала Ольга, и эта простая мысль всю ночь являлась ей съ разныхъ сторонъ, подъ разными видами; она не могла прогнать другихъ, только покрыла ихъ полусвѣтлой пеленою; но пропасть, одѣтая утреннимъ туманомъ, хотя не такъ черна, за то кажется вдвое обширнѣе бѣдному путнику.

Между тѣмъ Вадимъ остался у дверей гостиной, устремляя тусклый взоръ на семейственную картину, оживленную радостью свиданія; и въ его душѣ была радость, но это былъ огонь пожара возлѣ тихаго луча мѣсяца.

Долго стоялъ онъ тутъ и любовался красотою молодаго Палицына, и такъ забылся, что не слыхалъ какъ Борисъ Петровичъ въ первый разъ закричалъ: «эй, малый... Вадимка!» Опомнясь, онъ вошелъ. Съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на него Юрій, но Вадимъ не смѣлъ поднять на него глазъ, боясь, чтобы въ нихъ не изобразились слишкомъ явно его чувства.

— Какъ тебѣ нравится мой горбачъ,—сказалъ Борисъ Петровичъ,— преуморительный!

— Каждый человѣкъ, батюшка, — отвѣчалъ Юрій,— имѣетъ недостатки; онъ невиноватъ, что изувѣченъ природой.

— Если ты будешь хорошо мнѣ служить,—продолжалъ онъ, обратясь къ мрачному Вадиму, — то будь увѣренъ въ моей милости... теперь ступай.

— Пошелъ вонъ! — воскликнулъ отецъ, потому что Вадимъ не трогался съ мѣста: онъ былъ смущенъ добротою юноши, благосклоннымъ выраженіемъ лица его — и зависть возвратилась въ его душу только тогда, какъ онъ подошелъ къ дверямъ, но возвратилась, усиленная мгновеннымъ отсутствіемъ.

Перешагнувъ черезъ порогъ, онъ замѣтилъ на стѣнѣ свою безо-

бразную тѣнь—мучительное чувство...—Какъ бѣшеный, онъ выбѣжалъ изъ дома и пустился въ поле. Поутру явился онъ на дворѣ, таща за собою огромнаго волка:—блуждая по лѣсамъ, онъ убилъ этого звѣря длиннымъ ножемъ, который неотлучно хранился у него за пазухой. Вся дворня окружила Вадима; даже господа вышли подивиться его отважности. Наконецъ и онъ насладился минутой торжества! «Ты будешь моимъ стремяннымъ»—сказалъ Борисъ Петровичъ.

ГЛАВА XI.

Борисъ Петровичъ отправится въ отъѣзжее поле съ новымъ своимъ стремяннымъ и большою свитою, состоящею изъ собакъ и слугъ низшаго разряда. Даже въ старости Палицынъ любилъ охоту страстно, спѣшилъ, когда только могъ, углубляться въ непроходимые лѣса, жилище медвѣдей, которые были его главными врагами.

Что дѣлать Юрію, въ деревнѣ, въ глуши? слѣдовать ли за отцемъ? Нѣтъ! онъ не находитъ удовольствія въ войнѣ съ животными; онъ остался дома, бродитъ по комнатамъ, ищетъ разсѣянія, обрываетъ клочки раскрашенныхъ обоевъ... чудныя занятія для души и тѣла! Но что-то мелькнуло за угломъ... женское платье; онъ идетъ въ ту сторону и вступаетъ въ небольшую комнату, освѣщенную полуденнымъ солнцемъ; ея воздухъ имѣлъ въ себѣ что-то особенное, роскошное; онъ, казалось, былъ оживленъ присутствіемъ юной, пламенной дѣвушки.

Кто часто бывалъ въ комнатѣ женщины, имъ любимой, тотъ вѣрно пойметъ меня... Онъ испыталъ вліяніе этого очарованнаго воздуха, который породнился съ божествомъ его, который каждую ночь принимаетъ на себя дыханіе свѣжей, дѣвственной груди — этотъ уголокъ, украшенный одной постелью, промѣнялъ бы онъ за весь рай Магомета...

— А, это ты, Ольга!—сказалъ засмѣявшись молодой Палицынъ;—вообрази, я думалъ, что гонюсь за тѣнью—и какъ обманутъ!...

— Васъ огорчаетъ эта ошибка? О, если такъ, я могу васъ утѣшить, стану съ вами говорить какъ тѣнь, то есть очень мало... и потомъ...

— Ради Бога—не мало, любезная Ольга! — я готовъ тебя слушать цѣлый день; не можешь вообразить, какая тоска завладѣла мною; брожу вездѣ, не съ кѣмъ слова молвить... матушка хозяйничаетъ, — ради неба, говори, говори мнѣ... брани меня... только не избѣгай!...

— Какъ скоро вы забыли московскихъ красавицъ! думайте объ нихъ, это васъ займетъ.

— Думать объ нихъ — и говорить съ тобою, Ольга? это нейдетъ вмѣстѣ.

— А что я могу сказать вамъ, степная, простая дѣвушка? что я

видѣла, что слышала? Я не хочу быть вашимъ лекарствомъ отъ скуки; всякое лекарство, со всей своей пользой, очень непріятно.

— Ты не въ духѣ сегодня—воскликнулъ Юрій, взявъ ее за руку и принудивъ сѣсть;—ты сердишься на меня или на матушку... если тебя кто-нибудь обидѣлъ—скажи мнѣ; клянусь честію, этому человѣку худо будетъ.

— Не надо мнѣ вашей защиты, вашего мщенія... оставьте мою руку! Вы хотите забавляться — призовите другихъ, болѣе покорныхъ чѣмъ я, болѣе способныхъ настроивать свое сердце и лицо по вашему приказу... мнѣ грустно, скучно... да сверхъ того я не раба ваша... и такъ...

— Ольга, послушай, если хочешь упрекать... О! прости мнѣ; развѣ мое поведеніе обнаружило такія мысли? развѣ я поступалъ съ Ольгой, какъ съ рабой? Ты бѣдна, сирота — но умна, прекрасна,—въ моихъ словахъ нѣтъ лести; они идутъ прямо отъ души; чуждыя лукавства, мои мысли открыты передъ тобою; ты себѣ же повредишь, если захочешь убѣгать моего разговора, моего присутствія; тогда-то я тебя не оставлю въ покоѣ... Сжалься... я здѣсь одинъ среди получеловѣковъ, и вдругъ въ пустынѣ явился мнѣ ангелъ и хочетъ, чтобъ я къ нему не приближался, не смотрѣлъ на него, не внималъ ему? Боже мой! въ минуту огненной жажды видишь передъ собою благотворную влагу, которая, приближаясь къ губамъ, засыхаетъ!...

— Прекрасны ваши слова, Юрій Борисовичъ, я не спорю, все это очень ново для меня... со всѣмъ тѣмъ я прошу оставить дѣвушку, несчастную съ самой колыбели, и потому ни мало не расположенную забавлять васъ... повѣрьте слову: гибель вокругъ меня...

— Сто разъ готовъ я погибнуть у ногъ твоихъ!...

— Вы меня не поняли... я кажусь вамъ странною теперь, быть можетъ, но...

— Ты мила по-своему...

— Что за похвалы! — съ насмѣшливымъ видомъ воскликнула Ольга.

— Не сердись! возразилъ Юрій, и улыбаясь, онъ склонился къ ней, потомъ взялъ въ руки ея длинную темную косу, упадавшую на лѣвое плечо, и прижалъ ее къ губамъ своимъ; холодъ пробѣжалъ по его членамъ, какъ отъ прикосновенія могучаго талисмана; онъ взглянулъ на нее пристально, и на этотъ разъ удивительная рѣшимость блистала въ его взорѣ; она не смутилась, но испугалась.

— Перестаньте, сказала Ольга съ важностью,—мнѣ надо быть одной.

Напрасно онъ старался угадать въ глазахъ ея намѣреніе кокетки—помучить; ему не удалось!

— Ты довольна будешь мною, сказалъ онъ, медленно выходя изъ комнаты.

Такіе разговоры, занимательные только для нихъ, повторялись довольно часто, и содержаніе и заключеніе всегда было одно и то же; и если бъ они читали эти разговоры въ какомъ нибудь романѣ XIX-го вѣка, то уснули бы отъ скуки, но въ блаженномъ XVIII-мъ и въ годъ, описываемый мною, каждая жизнь была романъ. Теперь жизнь молодыхъ людей болѣе мысль, чѣмъ дѣйствіе; героевъ нѣтъ, а наблюдателей черезчуръ много и они похожи на сладострастнаго старика, который, вспоминая прежнія шалости и присутствуя на буйныхъ пирахъ, хочетъ пробудить погаснувшія силы; этотъ гальванизмъ кидаетъ величайшій стыдъ на человѣчество; оно приблизилось къ кончинѣ своей, пускай... но зачѣмъ прикрывать сѣдины дѣтскими гремушками? зачѣмъ привскакивать на смертномъ одрѣ, чтобы упасть и скончаться на полу?

Но возвратимся къ нашей повѣсти и поторопимся окончить главу.

Ольга стараніемъ утаить свою любовь, еще болѣе ее обнаруживала; Юрій былъ опытенъ, часто любилъ, чаще былъ любимъ и выученъ привычкой, читалъ въ глазахъ ея больше, чѣмъ она осмѣливалась читать въ собственной душѣ. Она думала о немъ и боялась думать о любви своей; ужасъ обнималъ сердце, когда она осмѣливалась вопрошать его, потому что прошедшее и будущее тогда являлись встревоженному воображенію Ольги. Таковъ былъ ужасъ Макбета, когда готовый сѣсть на королевскій престолъ, при шумныхъ звукахъ пира, онъ увидалъ окровавленную тѣнь Банко... но этотъ ужасъ не уменьшилъ его честолюбія, которое превратилось въ болѣзненный бредъ; то же самое случилось и съ любовью Ольги.

Юрій не могъ любить такъ нѣжно, какъ она; онъ все перечувствовалъ, и прелесть новизны не украшала его страсти,—но въ книгѣ судьбы его было написано, что волшебная цѣпь скуетъ до гроба его существованіе съ участью этой женщины.

Когда не былъ съ нею вмѣстѣ, то скука и спокойствіе не оставляли его, но приближаясь къ ней, онъ вступалъ въ очарованный кругъ, гдѣ не узнавалъ себя и благословлялъ свой плѣнъ и вѣрилъ, что никогда не любилъ сильнѣе теперешняго, что до сихъ поръ не понималъ опредѣленія красоты.—Пожалѣйте объ немъ.

ГЛАВА XII.

Таинственные отвѣты Ольги, иногда ея притворная холодность все болѣе и болѣе воспламеняли Юрія; онъ приписывалъ такое поведеніе то гордости, то лукавству, но чаще по недовѣрчивости, свойст-

венной всѣмъ почти любовникамъ, сомнѣвался въ ея любви... Однажды, послѣ долгой душевной борьбы, онъ рѣшился вытребовать уже полнаго признанья:.. или получить совершенный отказъ.

Какое ребячество! скажете вы; но въ томъ-то и прелесть любви; она превращаетъ насъ въ дѣтей, даритъ золотые сны какъ игрушки; и, разбиваясь, эти игрушки въ минуту досады доставляютъ не мало удовольствія, особливо когда мы надѣемся получить другія.

Съ мрачнымъ лицомъ онъ взошелъ въ комнату Ольги, молча сѣлъ возлѣ нея и взялъ ее за руку. Она не противилась, не отвела глазъ отъ шитья своего, не покраснѣла, не вздрогнула. Она все обдумала, все... и не нашла спасенія; она безропотно предалась своей участи, задернула будущее чернымъ покрываломъ и рѣшилась любить... потому что не могла рѣшиться на другое.

— Ольга! сказалъ Юрій невѣрнымъ голосомъ,—я люблю тебя.

— Знаю, отвѣчала она.

— Знаю, знаю! только-то! и я больше отъ тебя не услышу!

— Что же вамъ больше!... я слушаю... молчу...

— О, разумѣется, этого слишкомъ много! я не достоинъ даже приблизиться къ тебѣ, я бы долженъ былъ любоваться тобою, какъ солнцемъ и звѣздами. Ты прекрасна! кто споритъ; но развѣ это даетъ право не имѣть сердца?

— Я у Бога ни того, ни другаго не просила... Если мое обращеніе вамъ не нравится, то оставьте меня; мы дурно сдѣлали, что узнали другъ друга, но все на свѣтѣ можетъ поправиться.

— Какъ легко, сдѣлавъ человѣка несчастнымъ, сказать ему: будь счастливъ!—Все на свѣтѣ можетъ поправиться!... Ольга! слушай, въ послѣдній разъ говорю тебѣ: я люблю больше, чѣмъ ты можешь вообразить; это огонь... огонь... О, пойми меня... у меня нѣтъ словъ... я люблю тебя! если ты не понимаешь этого, то все остальное напрасно... отвѣчай: чего ты отъ меня требуешь, какихъ жертвъ!

— Забыть меня! воскликнула Ольга съ удивительною твердостію.

— Нѣтъ, никогда!... я совершу невозможное, чтобы обладать тобою,—но забыть... нѣтъ власти...

Онъ замолчалъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ остановился у окна, закрывъ лицо руками. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ онъ обернулся и сказалъ:—Я ошибался, признаюсь въ томъ откровенно—я ошибался... ахъ! Это была минута, но райская минута, это былъ сонъ—но сонъ божественный; о! теперь, теперь все прошло... уничтожаю навѣки всѣ ложныя надежды, уничтожаю однимъ дуновеніемъ всѣ картины воображенія моего; прочь отъ меня вѣра, любовь и счастье... Ольга, прощай—ты меня обманывала—обманъ всегда обманъ; не все ли равно глаза или языкъ? Чего

желала ты? не знаю... можетъ быть... о, возьми мое презрѣніе себѣ въ наслѣдство... я умеръ для тебя...

И онъ сдѣлалъ шагъ, чтобы выдти, кидая на нее взоръ свинцовый, отчаянный взоръ, одинъ изъ тѣхъ, передъ которыми кажется стѣны должны бы были рушиться; горькое негодованіе дышало въ послѣднихъ словахъ Юрія; она не могла вынести долѣе, вскочила и рыдая упала къ его ногамъ. Въ восторгѣ поднялъ онъ ее, прижалъ къ груди своей и долго не могъ выговорить двухъ словъ; противъ его сердца билось другое, нѣжное, молодое, любящее со всѣмъ увлеченіемъ первой любви. Они сѣли, смотрѣли въ глаза другъ другу, не плакали, не улыбались, не говорили; это былъ хаосъ всѣхъ чувствъ земныхъ и небесныхъ, вихорь, упоеніе неопредѣленное, какое не всякій испыталъ и никто изъяснить не можетъ; неконченныя рѣчи въ безпорядкѣ вырывались отъ ихъ трепещущихъ губъ и каждое слово стоило поэмы... Само по себѣ не значущее, но одушевленное звукомъ голоса, невольнымъ тѣлодвиженіемъ—каждое слово было цѣлое блаженство.

— Я любимъ, любимъ, любимъ, говорилъ Юрій;—я буду повторять это слово такъ громко, такъ часто, что ангелы услышатъ и позавидуютъ...

— Пускай же ангелы—только не люди.

— Отче же, мой ангелъ?

— Тогда, можетъ быть, они тебя отнимутъ у бѣдной Ольги...

— Ты прекрасна! что за пустой страхъ! ты моя, моя...

— Не раба! надѣюсь!

— Больше, сокровище!

— О, мой милый... цѣлуй, цѣлуй меня... я не хочу быть сокровищемъ скупаго... пускай мнѣ угрожаютъ адскія муки... надобно же заплатить судьбѣ... я счастлива! не правда ли?

— Ты счастлива? позволь мнѣ обнять тебя... крѣпче, крѣпче...

— Почему же нѣтъ! отдавъ тебѣ душу, могу ли отказать въ чемъ нибудь.

— Эти волосы... прочь ихъ! вотъ такъ! чтобы твои поцѣлуи и мои слились въ одинъ.

— Боже, Боже... теперь умереть... о! зачѣмъ не теперь!...

ГЛАВА XIII.

— Другъ мой, Ольга! есть Богъ на небесахъ; есть на землѣ счастье...

— Дай Богъ тебѣ счастье, если ты вѣришь имъ обоимъ— отвѣчала она.

И рука ея играла густыми кудрями безпечнаго юноши; ихъ лодка

скользила непримѣтно вдоль по рѣкѣ, оставляя бѣлый змѣистый слѣдъ за собою между темными волнами; весла, будто крылья горной птицы, махали по обѣимъ сторонамъ ихъ лодки; они оба сидѣли рядомъ и по веслу было въ рукѣ каждаго; студеная влага съ легкимъ шумомъ всплескивала, порою озаряясь фосфорическимъ блескомъ и потомъ уступала, составляя быстрые круги, которые постепенно исчезали въ темнотѣ; на западѣ была еще красная черта, граница дня и ночи; зарница, какъ алмазъ, отдѣлялась на синемъ сводѣ и свѣжая роса ужъ падала на опустѣлый берегъ Оки. Мирные плаватели, посреди усыпленной природы, не думая о будущемъ, шутили межъ собою; иногда Юрій какимъ нибудь движеніемъ заставлялъ колебаться лодку, чтобъ разсердить, испугать свою подругу; она умѣла отомстить за это невинное коварство, непремѣнно гребла въ противную сторону, такъ что всѣ усилія дѣлались тщетны и челнокъ останавливался, вертѣлся... Смѣхъ, ласки, дѣтскія опасенія, все такъ отзывалось чистотой души, что если бы демонъ захотѣлъ искушать ихъ, то не выбралъ бы эту минуту. Ольга не считала свою любовь преступленіемъ, она знала, хотя всячески старалась усыпить эту мысль, знала, что близокъ ужасный кровавый день... и небо должно было заплатить ей за будущее—въ настоящемъ; она имѣла сильную душу, которая не заботилась о неизбѣжномъ; по крайней мѣрѣ хотѣла жить—пока жизнь свѣтла. Какъ она благодарила судьбу за то, что братъ ея былъ далеко; одинъ взоръ этого непонятнаго, грознаго существа оледенилъ бы все ея блаженство; гдѣ взялъ онъ эту власть?

— Будетъ ли конецъ нашей любви!—сказалъ Юрій, переставъ грести и положивъ къ ней на плечо голову; нѣтъ, о, нѣтъ!—она продолжится въ вѣчность, она переживетъ нашу земную жизнь, и если бы наши души не были безсмертны, то она сдѣлала бы ихъ безсмертными. Клянусь тебѣ, ты одна замѣнишь мнѣ всѣ другія воспоминанья—дай руку... эта милая рука: она такъ бѣла, что свѣтитъ въ темнотѣ. Смотри, бери же мой перстень, Ольга! ты не слушаешь, не вѣришь моимъ клятвамъ?

Вмѣсто отвѣта она запѣла въ полголоса слѣдующую пѣсню:

Воетъ вѣтеръ,
Свѣтитъ мѣсяцъ:
Дѣвушка плачетъ—
Милый въ чужбину скачетъ;
Ни дѣва, ни вѣтеръ
Не замолкнутъ:
Мѣсяцъ погаснетъ,
Милый измѣнитъ!

— Прочь эту пѣсню!—воскликнулъ Юрій;—кто тебя ей выучилъ?

— Никто, сама.

— Не вѣрю. Развѣ ты во мнѣ сомнѣваешься?

— Нѣтъ; однако ты слишкомъ обѣщаешь—мы скоро разстанемся... а тамъ... тамъ...

— О, если только это пугаетъ тебя, то знай, я скоро не поѣду... я пробуду здѣсь еще три мѣсяца...

— Три мѣсяца! Боже! — Она содрогнулась и сердце облилось холодомъ.

— А потомъ,—сказалъ Юрій, стараясь ее утѣшить и не понимая значенія этого: Боже! — потомъ съѣзжу въ полкъ, возьму отставку и возвращусь опять къ тебѣ... тогда ты будешь моею вопреки всѣмъ ничтожнымъ предразсудкамъ... если даже мой отецъ захочетъ разлучить насъ, если... О, нѣтъ!... онъ далъ мнѣ жизнь, а ты даришь милліонъ жизней въ каждой улыбкѣ.

— Три мѣсяца, три мѣсяца, и нѣсколько дней, — повторяла, не слушая, Ольга. Ея умъ остановился на этой пагубной неизмѣнной мысли.

Они причалили къ берегу; ужъ было очень темно; деревенская церковь съ своей странной колокольней рисовалась на полусвѣтломъ небосклонѣ запада, подобно тѣни великана, и попеременно озаряемыя окна дома одни были видны сквозь рѣдкій ветельникъ.

Они шли подъ руку, молча, вдоль по узкой тропинкѣ, и поравнявшись съ разрушенной баней, вдругъ услышали грубые голоса.

— Посмотримъ, что такое... шепнулъ Юрій. Она машинально остановилась.

— Да скоро ли?—спросилъ первый голосъ.

— На дняхъ; ужъ въ округѣ начинается кутерьма; да будетъ ли у васъ готово?—сказалъ другой.

— Все будетъ... ужъ это наше дѣло... одни только не смѣемъ, и до вашего прихода будемъ молчать... воля твоя...

— Ну, пожалуй...

— Да правда ли, что будутъ соль и хлѣбъ давать даромъ...

— Не вѣдаю, только будетъ больно хорошо... а вино будетъ даромъ, изъ барскихъ погребовъ...

Тутъ нѣсколько словъ Юрій не разслушалъ.

— Да, Вадимъ былъ у насъ,—сказалъ первый голосъ.

При этомъ имени Ольга съ необыкновенной силой увлекла за собой Палицына.

— Куда ты?—сказалъ онъ съ удивленіемъ,—что съ тобою?

— Скорѣй, скорѣй!—больше она не могла выговорить.

«Это должно быть воры!» подумалъ Юрій, и перестал̀ъ дивиться ея испугу.

Пришедши домой, Ольга удалилась немедленно въ свою комнату и заперлась.

Наталья Сергѣевна встрѣтила сына и съ улыбкой намекнула о его ночной прогулкѣ. Что за радость этой доброй женщинѣ? Теперь мужъ ея вѣрно не рѣшится погрѣшить противъ сына и жены въ одно время. Впрочемъ, думала она,—молодымъ людямъ простительно шалить, а какъ сѣдому старику такимъ вещамъ придти въ голову. Знаетъ царь небесный!

— Мы поѣдемъ завтра въ монастырь, Юрьюшка,—сказала она вошедшему сыну: — Борисъ Петровичъ еще долго пропорскаетъ... куда я рада, что ты не въ него!...

И точно. Предпочитая своей Натальѣ Сергѣевнѣ медвѣдей и собакъ, почтенный помѣщикъ не слишкомъ льстилъ ея самолюбію, хотя у женщинъ XVIII-го столѣтія оно не было такъ взыскательно, какъ у нашихъ столичныхъ красавицъ.

Но вѣкъ иной—иные нравы!

ГЛАВА XIV.

Въ 8-ми верстахъ отъ деревни Палицына, у глубокаго оврага, размытаго дождями, окруженная лѣсомъ, была деревушка бѣдная и мирная; построенная на холмѣ, она господствовала, такъ сказать, надъ окрестностями; ея сѣрый дымъ былъ видѣнъ издалека и солнце утра золотило ея соломенныя крыши прежде нежели верхи многихъ липъ и дубовъ. Здѣсь отдыхалъ въ полдень Борисъ Петровичъ съ толпою собакъ, лошадей и слугъ. Травля была неудачная: двѣ лисы ушли отъ борзыхъ и одинъ волкъ отбился; въ торокахъ у стремяннаго висѣло только два зайца... и три гончія собаки еще не возвращались изъ лѣсу на звукъ роговъ, и протяжный крикъ ловчаго, который лишивъ себя обѣда изъ усердія, трусилъ по островамъ съ тщетными надеждами. Борисъ Петровичъ съ горя побилъ двухъ охотниковъ, выпилъ полграфина водки и легъ спать въ избѣ; на дворѣ все было живо и безпокойно; собаки, раздѣленныя по сворамъ, лакали въ длинныхъ корытахъ; лошади валялись на соломѣ и бѣдные всадники поминутно находились принужденными оставлять котелъ съ кашей, чтобъ нагайками подымать ихъ. День былъ ясенъ и свѣжъ, сѣверный вѣтеръ гналъ отрывистыя тучки по голубымъ сводамъ неба и вершины лѣсовъ шумѣли подобно водопаду, качаясь взадъ и впередъ.

Между тѣмъ слуги, расположась подъ навѣсомъ, шопотомъ сообщали другъ другу разныя извѣстія о самозванцѣ, о близкихъ бунтахъ, о казни многихъ дворянъ—и тайно или явно почти каждый радовал-

ся... Это были люди, привыкшіе жить въ полѣ, гоняться за звѣрьми и неспособные къ мирнымъ чувствамъ, къ сожалѣнію, къ большой приверженности; вино, буйство, охота — ихъ единственныя занятія не могли внушить имъ много набожныхъ мыслей, и если между ними и былъ вѣрный, честный слуга, то изъ осторожности молчалъ или удалялся. Однажды дошли какъ-то эти слухи до Бориса Петровича. «Вздоръ»—сказалъ онъ—«какъ это можетъ быть?»—Такая безпечность погубила многихъ нашихъ прадѣдовъ; они не могли вообразить, что народъ осмѣлится требовать ихъ крови: такъ они привыкли къ русскому послушанію и вѣрности.

— Ты помнишь, недавно, когда баринъ тебя посылалъ на три дня въ городъ, здѣсь намъ разсказывали, что какой-то удалецъ, котораго казаки величаютъ Красной Шапкой, все ставитъ вверхъ дномъ, что онъ кумъ сатанѣ и сватъ дьяволу, ха, ха, ха! — Что будто самъ батюшка хотѣлъ съ нимъ посовѣтоваться... видно хватъ!—Такъ говорилъ Вадиму старый ловчій, по прозванію Атуевъ, закручивая длинные рыжіе усы.

— Я его знаю—отвѣчалъ Вадимъ съ улыбкой—и вы его скоро увидите! — Въ этихъ словахъ было столько увѣренности, столько убѣдительной твердости, что по-неволѣ старый ловчій вздрогнулъ. «Ты чортъ или Гуммель»—сказалъ Фильдъ, когда въ первый разъ услыхалъ этого славнаго артиста. Атуевъ не сказалъ, но подумалъ почти то же самое.

— Когда?!—воскликнули многіе и между тѣмъ глаза ихъ недовѣрчиво устремлены были на горбача, который, съ минуту помолчавъ, всталъ, осѣдлалъ свою лошадь, надѣлъ рогъ—и выѣхалъ со двора.

Удивленная толпа смотрѣла ему вслѣдъ и по частому топоту она догадалась, что Вадимъ пустился вскачь.

Куда? зачѣмъ? — Если бъ разсказывать всѣ ихъ мнѣнія, то мнѣ былъ бы нуженъ талантъ Вальтеръ-Скотта и терпѣніе его читателей!

Густымъ лѣсомъ ѣхалъ Вадимъ; направо и налѣво разстилались кусты орѣховые и кленовые, межъ ними возвышались иногда высокіе полусухіе дубы съ змѣистыми сучьями, странные, темные—и въ отдаленіи синѣли холмы, усыпанные сверху до низу лѣсомъ, пересѣкаемые оврагами, гдѣ покрытыя мохомъ болота обманчивой яркой зеленью манили неосторожнаго путника. Вадимъ ѣхалъ скоро — и глубокая, единственная дума, подобно коршуну Прометея, пробуждала и терзала его сердце. Вдругъ звучная, вольная пѣсня привлекла его вниманіе; онъ остановился, прислушался... пѣсня была дика и годилась для шума листьевъ и вѣтра пустыни. Вотъ она:

Моя мать родная —
Кручинушка злая;

Мой отецъ родной
Назывался судьбой;
Мои братья хоть люди
Не хотятъ къ этой груди
Прижаться,
Имъ стыдно со мною,
Съ бѣднымъ сиротою,
Обняться.

Но мнѣ Богомъ дана
Молодая жена —
Вольность волюшка,
Воля милая,
Несравненная,
Неизмѣнная.

Съ ней нашлись—другіе у меня.
Мать, отецъ и семья.
А моя мать—степь широкая,
А мой отецъ—небо далекое,
А братья мои въ лѣсахъ —
Березы да сосны.

Скачу ли я на конѣ —
Степь отвѣчаетъ мнѣ;
Брожу ли поздней порой —
Небо свѣтитъ луной;
Мои братья въ жаркій день,
Призывая подъ тѣнь,
Машутъ издали руками,
Киваютъ мнѣ головами;
А вольность мнѣ гнѣздо свила,
Какъ міръ необъятное! *

Такъ пѣлъ казакъ, шагомъ выѣзжая на гору по узкой дорогѣ, беззаботно бросивъ повода̀ и сложа руки; конь привычный не требовалъ понужденія и молодой казакъ на свободѣ предавался мечтамъ своимъ; его голосъ былъ чистъ и полонъ, его сердце казалось такимъ же.

Не пѣсня, но видъ казака сильно подѣйствовалъ на Вадима; онъ ударилъ себя въ лобъ рукой, какъ обыкновенно дѣлаютъ, когда является неожиданная мысль.

---

* Сравн. выше, на стр. 250—251.

— Стой! — сказалъ онъ, устремивъ мрачный взоръ на подъѣхавшаго казака. Не знаю, что больше подѣйствовало на послѣдняго, голосъ или взоръ, но казакъ остановился и хотѣлъ ухватиться за саблю.—Не нужно—продолжалъ Вадимъ;—поѣзжай, скажи Бѣлбородкѣ, что послѣ-завтра я его жду къ себѣ въ гости; нынѣшнюю весну Палицынъ поставилъ на дворѣ новыя качели... къ двумъ веревкамъ не долго прибавить третью... Итакъ, послѣ-завтра... Скажи, что Красная Шапка ему кланяется. Ступай!

При имени Красной Шапки, казакъ почтительно съѣхалъ съ дороги и далъ мѣсто Вадиму, который гордо и вмѣстѣ ласково кивнулъ головой, ударилъ нагайкой лошадь... и ускакалъ.

Надобно имѣть слишкомъ великую или слишкомъ ничтожную, мелкую душу, чтобъ такъ играть жизнью и смертью... Однимъ словомъ Вадимъ убилъ семейство! И что же онъ такое? вчера нищій, сегодня рабъ, а завтра бунтовщикъ, незамѣтный въ пьяной, окровавленной толпѣ! Не самъ ли онъ создалъ свое могущество! Какая слава, если бы онъ избралъ другое поприще, если бы то, что сдѣлалъ для своей личной мести, если бы это терпѣніе, кроткое терпѣніе, эту скорость мысли, эту рѣшительность обратилъ въ пользу какого нибудь народа, угнетеннаго чуждымъ завоевателемъ... Какая слава, если бы, напримѣръ, онъ родился въ Греціи, когда турки угнетали потомковъ Леонида... а теперь? имѣя въ виду одну цѣль — смерть трехъ человѣкъ, изъ коихъ одинъ только виновенъ, теперь онъ со всѣмъ своимъ геніемъ долженъ потонуть въ пучинѣ неизвѣстности... ужели онъ родился только для ихъ казни! Разобравъ эти мысли, онъ такъ малъ сдѣлался въ собственныхъ глазахъ, что готовъ былъ бы въ одинъ мигъ уничтожить плоды многихъ лѣтъ, и презрѣніе къ самому себѣ, горькое презрѣніе обвилось какъ змѣя вокругъ его сердца и вокругъ вселенной, потому что для Вадима все заключалось въ его сердцѣ.

Теряясь въ такихъ мысляхъ, онъ сбился съ дороги и (былъ ли то случай?) непримѣтно подъѣхалъ къ тому самому монастырю, гдѣ въ первый разъ, прикрытый нищенскимъ рубищемъ, пламенный обожатель собственной страсти, онъ предложилъ свои услугу Борису Петровичу... О, тотъ вечеръ неизгладимо остался въ его памяти, со всѣми своими красками земными и небесными, какъ пестрый мотылекъ, утонувшій въ янтарѣ. И теперь опять онъ здѣсь, теперь, когда видя близкій конецъ своего ужаснаго предпріятія, онъ едва можетъ перенесть тя гость одной насмѣшки самолюбія—спрашиваю, случай ли привелъ его сюда?

Звонили ко всенощно.., и протяжный, дрожащій вой колокола раздавался въ окрестности; солнце было низко и одна половина стѣны ярко озарялась розовымъ блескомъ заката; народъ изъ сосѣднихъ де-

ревень, въ нарядныхъ одеждахъ, толпился у святыхъ вратъ, и Вадимъ издали узналъ длинныя дроги Палицына, покрытыя узорчатымъ ковромъ:—кто же здѣсь? вѣрно Наталья Сергѣевна. Онъ привязалъ свою лошадь къ толстой березѣ и пошелъ въ монастырь; сердце его билось болѣзненнымъ ожиданіемъ, но скоро перестало—одинъ любопытный взглядъ толпы, одно насмѣшливое слово—и человѣкъ дѣлается снова демонъ!

Тихо Вадимъ приближался къ церкви; сквозь длинныя окна сіяли многочисленныя свѣчи и на тусклыхъ стеклахъ мелькали колеблющіяся тѣни богомольцевъ, но на дворѣ монастырскомъ все было тихо; въ тѣни, окруженные высокою полынью и рябиновыми кустами, бѣлѣли памятники усопшихъ, съ надписями и крестами; свѣжая роса упадала на нихъ и вечернія мошки жужжали кругомъ; у колодца стоялъ павлинъ, распуща радужный хвостъ, неподвиженъ какъ новый памятникъ. Не знаю съ какой цѣлью, но эта птица находится почти во всѣхъ монастыряхъ.

По обѣимъ сторонамъ крыльца церковнаго сидѣли нищіе—прежніе его товарищи; они его не узнали или не смѣли узнать... но Вадимъ почувствовалъ неизъяснимое состраданіе къ этимъ существамъ, которыя подобно червямъ ползаютъ у ногъ богатства, которыя безъ родныхъ и отечества, кажется, созданы только для того, чтобы упражнять въ чувствительности проходящихъ!... Но люди ко всему привыкаютъ, и если подумаешь, то ужаснешься; какъ знать? можетъ быть и чувства святѣйшія—одна привычка, и если бъ зло было также рѣдко, какъ добро и послѣднее наоборотъ, то наши преступленія считались бы величайшими подвигами добродѣтели человѣческой!

Вадимъ, сказалъ я, почувствовалъ состраданіе къ нищимъ и остановился, чтобы дать имъ что нибудь; вынувъ нѣсколько грошей, онъ каждому бросалъ по одному—они благодарили на распѣвъ давно затвержденными словами и даже не поднявъ глазъ, чтобъ разсмотрѣть подателя милостыни... Это равнодушіе напомнило Вадиму, гдѣ онъ и съ кѣмъ; онъ хотѣлъ идти далѣе, но костистая рука вдругъ остановила его за плеча. «Постой, постой, кормилецъ»,—пищалъ хриплый женскій голосъ сзади его. И рука нищенки все крѣпче сжимала свою добычу; онъ обернулся—и отвратительное зрѣлище представилось его глазамъ: старушка, низенькая, сухая, съ большимъ брюхомъ, такъ сказать, повисла на немъ; ея засученные рукава обнажали двѣ руки похожія на грабли, и полусиній сарафанъ, составленный изъ тысячи гадкихъ лохмотьевъ, висѣлъ криво и косо на этомъ подвижномъ скелетѣ. Выраженіе ея лица поражало умъ какою-то неизъяснимою низостью, какою-то гнилостью, свойственной мертвецамъ, долго стоявшимъ на воздухѣ; вздернутый носъ, огромный ротъ, изъ котораго вырывался

голосъ рѣзкій и странный, еще ничего не значили въ сравненіи съ глазами нищенки; вообразите два сѣрые кружка, прыгающіе въ узкихъ щеляхъ, обведенныхъ красными каймами: ни рѣсницъ, ни бровей, и при всемъ этомъ взглядъ, тяготѣющій на поверхности души, производящій во всѣхъ чувствахъ болѣзненное состояніе! Вадимъ не былъ суевѣръ—но волосы у него встали дыбомъ; онъ въ одинъ мигъ прочелъ въ чертахъ цѣлую повѣсть разврата и преступленій, но не встрѣтилъ ничего похожаго на раскаянье; не мудрено—онъ отгадалъ правду: есть существа, которыя въ высшей степени несчастія такъ умѣютъ обрубить, обточить свою бѣдственную душу, что она теряетъ всѣ способности, кромѣ первой и послѣдней: жить!

— Ты позабылъ меня, дорогой! дай копѣечку—не для Бога, для чорта... дай копѣечку... или позабылъ меня! Не гордись, что ты холопъ барскій... чай, недавно валялся вмѣстѣ.

Вадимъ вырвался изъ ея рукъ.

— Проклятъ! проклятъ! проклятъ!—кричала въ бѣшенствѣ старуха:—чтобы тебѣ сгнить живому, чтобы черти твой языкъ подточили, чтобъ вороны глаза проклевали, чтобъ тебѣ ходить—спотыкаться, пить—захлебнуться; горбатый, уродъ, холопъ... проклятъ, проклятъ!...

И снова она уцѣпилась за полу Вадима; онъ обернулся и съ досады такъ сильно толкнулъ ее въ грудь, что она упала навзничь на каменное крыльцо; голова ея стукнула, какъ что-то пустое, и ноги протянулись; она ни слова не сказала больше, по крайней мѣрѣ Вадимъ не слыхалъ, потому что онъ поспѣшно вошелъ въ церковь, гдѣ толпа слушала съ благоговѣніемъ всенощную. Эти самые люди готовились проливать кровь завтра; нынче они, крестясь и кланяясь въ землю, поталкивали другъ друга, если замѣчали возлѣ себя дворянина и готовы были растерзать его на мѣстѣ, но еще не смѣли, еще ни одинъ казакъ не привозилъ кровавыхъ приказаній въ окружныя деревни.

Вадимъ продрался сквозь толпу до самаго клироса и, ставъ на амвонъ, окинулъ взоромъ всю церковь. Прямой, высокій, вызолоченный иконостасъ былъ уставленъ образами въ пять рядовъ и огромныя паникадила, висящія посреди церкви, бросали сквозь дымъ ладона таинственные лучи на блестящую рѣзьбу и усыпанные жемчугомъ оклады; задняя часть храма была въ глубокой темнотѣ; одна лампада. какъ запоздалая звѣзда, не могла разсѣять вокругъ тяготѣющія тѣни; у стѣны едва можно было различить блѣдное лицо стараго схимника, лицо, которое вы приняли бы за восковое, если бъ голова порою не наклонялась и не шевелились губы; черная мантія и клобукъ увеличивали его блѣдность, и руки, сложенныя на груди кре-

стомъ, подобились тѣмъ двумъ костямъ, которыя обыкновенно рисуются подъ адамовой головой.

Поближе, между столбами и противъ царскихъ дверей, пестрѣла толпа. Передъ Вадимомъ было волнующееся море головъ, и онъ съ возвышенія свободно могъ разсматривать каждую. Тутъ мелькали уродливыя лица, какъ странныя китайскія тѣни, которыя поражали сліяніемъ скотскаго съ человѣческимъ, уродливыя черты, которыхъ отвратительность опредѣлить невозможно было, но при взглядѣ на нихъ рождались горькія мысли; тутъ являлись старыя головы, исчерченныя морщинами, красныя, хранящія столько смѣшанныхъ слѣдовъ страстей унизительныхъ и благородныхъ, что сообразить ихъ было бы труднѣй, чѣмъ исчислить, и между ними кое-гдѣ сіялъ молодой взоръ и показывались щеки полныя, раскрашенныя здоровьемъ, какъ цвѣты между сѣрыми камнями.

Имѣя эту картину передъ глазами, вы безъ труда могли бы разобрать каждую часть ея, но цѣлое произвело бы на васъ впечатлѣніе смутное, неизъяснимое; и послѣ, вспоминая, вы не съумѣли бы ясно представить себѣ ни одного изъ тѣхъ образовъ, которые поразили ваше воображеніе, подали вамъ какую нибудь новую мысль и, оставивъ ее, сами потонули въ туманѣ.

Вадимъ для разсѣянія старался угадывать внутреннее состояніе каждаго богомольца по его наружности, но ему не удалось; онъ потерялъ принятый порядокъ, и скоро все слилось передъ его глазами въ пестрое собраніе лохмотьевъ, въ кучу носовъ, глазъ, бородъ, и озаренные общимъ свѣтомъ, они, казалось, принадлежали одному живому, вѣчно движущемуся существу; однимъ словомъ, это была—толпа: нѣчто смѣшное и вмѣстѣ жалкое!

Бродящій взглядъ Вадима искалъ гдѣ нибудь остановиться, но картина была слишкомъ разнообразна и къ тому же всѣ мысли его, сосредоточенныя на одинъ предметъ, не отражали впечатлѣній внѣшнихъ; одно мучительно-сладкое чувство ненависти, достигнувъ высшей своей степени, загородило весь міръ, и душа поневолѣ смотрѣла сквозь этотъ черный занавѣсъ.

Направо, между царскими вратами и боковыми дверьми былъ нерукотворенный образъ Спасителя, удивительной величины; позолоченный окладъ, искусно выдѣланный, сіялъ какъ жаръ и множество свѣчей, разставленныхъ на висячемъ паникадилѣ кидали красноватые лучи на возвышающіяся части мелкой рѣзьбы или на круглыя складки одежды; передъ самымъ образомъ стояла желѣзная кружка—это была милость у ногъ Спасителя—и надъ ней внизу образа было написано крупными буквами: пріидите ко мнѣ вси труждающіеся и азъ успокою вы.

Многіе приближались къ образу, и приложившись послѣ земнаго поклона, кидали въ кружку мѣдныя деньги, которыя, упадая, отдавали глухой звукъ.

Госпожа и крестьянка съ груднымъ младенцемъ на рукахъ подошли вмѣстѣ, но первая съ надменнымъ видомъ оттолкнула послѣднюю, и ушибленный ребенокъ громко закричалъ. Не мудрено, что завтра, подумалъ Вадимъ, эта богатая женщина будетъ издыхать на висѣлицѣ, тогда какъ бѣдная, хлопая въ ладоши, станетъ указывать на нее дѣтямъ своимъ—и отвернувшись онъ хотѣлъ идти прочь.

Но третья женщина приблизилась къ святой иконѣ—и онъ зналъ эту женщину...

Ея кровь—была его кровь, ея жизнь была ему въ тысячу разъ дороже собственной жизни, но ея счастье—не было его счастіемъ, потому что она любила другаго, прекраснаго юношу; а онъ, безобразный, хромой, горбатый, не умѣлъ заслужить даже братской нѣжности, онъ, который любилъ ее одну въ цѣломъ Божьемъ мірѣ, ее одну, который за первое непритворство, за искреннее люблю, съ восторгомъ бросилъ бы къ ея ногамъ все, что имѣлъ, свое сокровище, свой кумиръ—свою ненависть! Теперь было поздно.

Онъ зналъ, твердо былъ увѣренъ, что ея сердце отдано... и навѣки. Итакъ, она для него погибла... и со всѣмъ тѣмъ чѣмъ болѣе страдалъ, тѣмъ меньше могъ разстаться съ своей любовью, потому что эта любовь была послѣдняя божественная часть его души, и угасивъ ее, онъ не могъ бы остаться человѣкомъ.

Не замѣтивъ брата, Ольга тихо стала передъ образомъ, блѣдна и прекрасна; она была одѣта въ черную бархатную шубейку, какъ въ тотъ роковой вечеръ, когда Вадимъ открылъ ей свою тайну; большіе глаза ея были устремлены на ликъ Спасителя, это была ея единственная молитва . . . .
. . . . *

Перекрестясь она приложилась; яркая риза на минуту потускнѣла отъ дѣвственнаго дыханія, и когда Ольга вторично подняла взоръ, то въ немъ замѣтна была перемѣна, довольно странная; удивительный блескъ замѣнилъ прежнюю томность; это были слезы... одна изъ нихъ не удержалась на густой рѣсницѣ, блеснула какъ алмазъ, и упала.

Конечно, новая надежда вытѣснила изъ ея сердца эти слезы. Ольга обернулась, чтобы удалиться... и передъ ней стоялъ Вадимъ. Его огненный взглядъ въ одну минуту высушилъ слезы; каждая жила ея сердца вздрогнула, дыханье остановилось.

---

* Выпущено строки двѣ, неудобныхъ для печати.

Горе, горе ему! она пришла сюда съ вѣрою въ душѣ, а возвратилась съ отчаяньемъ (все это время дьячекъ читалъ козлинымъ голосомъ... * и кругомъ, ничего не замѣтивъ, толпа зѣвала въ нѣмомъ бездѣйствіи... что такое двѣ страсти въ цѣломъ морѣ равнодушія?)

Съ горькой, горькой улыбкой Вадимъ вторично прочелъ подъ образомъ Спасителя извѣстный стихъ: пріидите ко мнѣ вси труждающіеся и азъ успокою вы. Что дѣлать! онъ вѣрилъ въ Бога— но также и въ дьявола!

И выходя изъ храма, онъ еще разъ взглянулъ на сестру; возлѣ нея стоялъ Юрій, небрежно чертя на пескѣ разные узоры своей шпагой, и она, прислонясь къ стѣнѣ, не сводила съ него очей, исполненныхъ неизъяснимой муки... можно было подумать, что черезъ минуту ей суждено съ нимъ разстаться навсегда. Но развѣ нѣсколько дней не короче минуты, когда смерть зоветъ и любовь потеряла надежду?...

«Итакъ, она точно его любитъ», — шепталъ Вадимъ, неподвижно остановясь въ дверяхъ. Одна его рука была за пазухой, и ногти его по какому-то судорожному движенію такъ глубоко врѣзались въ тѣло, что когда онъ вынулъ руку, то пальцы были въ крови... Онъ, какъ безумный, посмотрѣлъ на нихъ молча, стряхнулъ кровавыя капли на землю и вышелъ.

На крыльцѣ шумѣла куча нищихъ и богомольцевъ; они составляли кружокъ, и посреди ихъ на холодныхъ каменныхъ плитахъ лежала протянувшись мертвая старуха.

«Какой-то проходящій толкнулъ ее; мы думали, что онъ шутитъ... она упала, да и окачурилась, чортъ ее зналъ! вольно жъ было не закричать!» Такъ говорилъ одинъ нищій; другіе повторяли его слова съ шумомъ, оправдываясь въ томъ, что не подали ей помощь, и плачевнымъ голосомъ защищали свою невинность.

Вадимъ слышалъ, но не вспомнилъ, что онъ толкнулъ старуху.

— Итакъ, она его любитъ!—бормоталъ онъ сквозь зубы, садясь на нетерпѣливаго коня.—Итакъ, она его любитъ!

Вадимъ имѣлъ несчастную душу, надъ которой иногда единая мысль могла пріобрѣсти неограниченную власть. Онъ долженъ бы былъ родиться всемогущимъ, или вовсе не родиться.

ГЛАВА XV.

Между тѣмъ передъ вратами монастырскими собиралась буйная толпа народа; кое гдѣ показывались казацкія шапки, блистали копья

* Выпущено три слова.

и ружья; часто отъ общаго ропота отдѣлялись грозныя рѣчи, дышащія мятежемъ и убійствомъ; часто раздавались отрывистыя пѣсни и пьяный хохотъ, которые не предвѣщали ничего добраго, потому что веселость толпы въ такую минуту—поцѣлуй Іуды. Что-то ужасное созрѣвало подъ этой веселостью, подстрекаемою своеволіемъ, возбужденною новыми пришельцами, уже привыкшими къ кровавымъ зрѣлищамъ и грабежу свободному...

И все это происходило въ виду церкви, гдѣ еще блистали свѣчи и раздавалось молитвенное пѣніе.

Скоро въ церкви пробѣжалъ зловѣщій шопотъ; по-немногу мужики стали изъ нея выбираться, одни отъ нетерпѣнія, другіе изъ любопытства, а иные — такъ, потому что сосѣдъ сказалъ: пойдемъ, потому что... какъ не посмотрѣть, что тамъ дѣлается?

Народъ, столпившійся предъ монастыремъ, былъ изъ ближней деревни, лежащей подъ горой; безпрестанно приходили новые помощники, безпрестанно частные возгласы сливались болѣе и болѣе въ одинъ общій гулъ, въ одинъ продолжительный, величественный ревъ, подобный безпрерывному грому въ душную лѣтнюю ночь... Картина была ужасная, отвратительная, но взоръ хладнокровнаго наблюдателя могъ бы ею насытиться вполнѣ; тутъ онъ понялъ бы, что такое народъ: камень, висящій на полугорѣ, который можетъ быть сдвинутъ усиліемъ ребенка, но не смотря на то сокрушаетъ все, что ни встрѣтитъ въ своемъ безотчетномъ стремленіи... Тутъ онъ увидалъ бы, какъ мелкія самолюбивыя страсти получаютъ вѣсъ и силу оттого, что становятся общими; какъ народъ невѣжественный и нечувствующій себя хочетъ увѣриться въ истинѣ своей минутной, поддѣльной власти, угрожая всему, что прежде онъ уважалъ или чего боялся, подобно ребенку, который говоритъ непристойности, желая доказать этимъ, что онъ взрослый мужчина!

Вокругъ яркаго огня, разведеннаго прямо противъ воротъ монастырскихъ, больше всѣхъ кричали и коверкались нищіе. Ихъ радость была изступленіе; озаренные трепетнымъ, багровымъ отблескомъ огня, они составляли первый планъ картины; за ними все было мрачнѣе и неопредѣлительнѣе; люди двигались, какъ рѣзкія грубыя тѣни; казалось, неизвѣстный живописецъ назначилъ этимъ нищимъ, этимъ отвратительнымъ лохмотьямъ приличное мѣсто; казалось, онъ выставилъ ихъ на свѣтъ, какъ главную мысль, главную черту характера своей картины...

Они были душа этого огромнаго тѣла, потому что нищета — душа порока и преступленій; теперь насталъ часъ ихъ торжества; теперь они могли въ свою очередь насмѣхаться надъ богатствомъ; теперь они превратили свои лохмотья въ царскія одежды и кровью смывали

съ нихъ пятна грязи; это былъ пурпуръ въ своемъ родѣ: чѣмъ менѣе они надѣялись повелѣвать, тѣмъ ужаснѣе было ихъ царствованіе; надобно же вознаградить цѣлую жизнь страданій хотя одной минутой торжества, нанести хотя одинъ ударъ тому, чье каждое слово было—обида;—одинъ—но смертельный.

Когда служба въ монастырѣ отошла и пріѣзжіе богомольцы, толкаясь, кучею повалили на крыльцо, то шумъ на время замолкъ и потомъ вдругъ пробѣжалъ зловѣщій ропотъ по толпѣ мятежной, какъ ропотъ листьевъ, пробужденныхъ внезапнымъ вихремъ, и неизвѣстная рука, неизвѣстный голосъ подалъ знакъ не условный, но понятный всѣмъ, но для всѣхъ повелительный: это былъ бѣдный ребенокъ одиннадцати лѣтъ не болѣе, который, заграждая путь какой-то толстой барынѣ, получилъ отъ нея ударъ въ затылокъ и, громко заплакавъ, упалъ на землю... Этого было довольно: толпа зашевелилась, зажужжала, двинулась, какъ будто она до сихъ поръ ожидала только эту причину, этотъ незначущій предлогъ, чтобы наложить руки на свои жертвы, чтобъ совершенно обнаружить свою ненависть. Народъ, еще неопытный въ такихъ волненіяхъ, похожъ на актера, который, являясь впервые на сцену, такъ смущенъ новостію своего положенія, что забываетъ начало роли, какъ бы твердо ее ни зналъ онъ; надобно непремѣнно, чтобъ суфлеръ, этотъ услужливый Протей, подсказалъ ему первое слово и тогда можно надѣяться, что онъ не запнется на дорогѣ.

Между тѣмъ Юрій и Ольга, которые вышли изъ монастыря нѣсколько прежде Натальи Сергѣевны, не захотѣвъ ея дожидаться у экипажа и желая воспользоваться душистой прохладой вечера, шли рука объ руку по пыльной дорогѣ; чувствуя теплоту дѣвственнаго тѣла такъ близко отъ своего сердца, внимая шороху платья, Юрій невольно забылся; онъ обвилъ круглый станъ Ольги одною рукою, а другой отодвинувъ большой бумажный платокъ, покрывавшій ея голову и плечи, напечатлѣлъ жаркій поцѣлуй на ея круглой шеѣ; она запылала, крѣпче прижалась къ нему и ускорила шаги, не говоря ни слова. Въ это время они находились на перекресткѣ двухъ дорогъ, возлѣ большой засохшей отъ старости ветлы, коей черные сучья рѣзко рисовались на полусвѣтломъ небосклонѣ, еще хранящемъ послѣдній отблескъ запада.

Вдругъ Ольга остановилась; странные звуки, подобные крикамъ отчаянія и воплю бѣшенства, поразили слухъ ея: они постепенно возрастали.

— Что-то ужасное происходитъ у монастыря, воскликнула Ольга;— моя душа предчувствуетъ... О, Юрій! Юрій! если бъ ты зналъ, мы гибнемъ... Ты замѣтилъ ли зловѣщій шопотъ народа при выходѣ изъ

церкви, и замѣтилъ ли эти дикія лица нищихъ, которые радовались и веселились... о, это дурной знакъ: святые плачутъ, когда демоны смѣются.

Юрій, мрачный, въ нерѣшимости, бѣжать ли ему на помощь къ матери или остаться здѣсь, стоялъ, вперивъ глаза на монастырь, коего нижнія части были ярко освѣщены огнями. Вдругъ глаза его сверкнули, онъ кинулся къ дереву, въ одну минуту вскарабкался до половины и вскорѣ съ помощью толстыхъ сучьевъ взобрался почти на самый верхъ.

— Что видишь ты?—спросила трепетная Ольга.

Онъ не отвѣчалъ. Была минута, въ которую онъ такъ сильно вздрогнулъ, что Ольга вскрикнула, думая, что онъ сорвался, но рука Юрія какъ бы машинально впилась въ безчувственное дерево. Наконецъ онъ слѣзъ, молча сѣлъ на траву близъ дороги и закрылъ лицо руками. — Что видѣлъ ты, — говорила дѣвушка, — отчего руки твои такъ холодны и лицо такъ влажно? — «Это роса», отвѣчалъ Юрій, отирая холодный потъ съ чела и вставая съ земли.

— Все кончено... напрасно... я безсиленъ противъ этой толпы... она погибла... о, провидѣніе!—что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать? отвѣчай мнѣ, Творецъ всемогущій, воскликнулъ онъ, ломая руки и скрежеща зубами.

Ночь дѣлалась темнѣе и темнѣе и Ольга, ухватясь за своего друга, съ ужасомъ кидала взоры на дальній монастырь, внимая гулу и воплямъ, разносимымъ по полю, возрастающимъ съ вѣтромъ; вдругъ шумъ колесъ и топотъ лошадиный послышались на дорогѣ; они постепенно приближались и вскорѣ подъѣхалъ къ нашимъ странникамъ мужикъ въ пустой телегѣ; онъ ѣхалъ рысью, правилъ стоя и пѣлъ какую то нескладную пѣсню. Поровнявшись съ Юріемъ, онъ пріостановилъ свою буланую лошадь. «Что, бояринъ»,—сказалъ онъ, насмѣшливо поглаживая рыжую бороду,—«аль тамъ не пирогами кормятъ, что ты больно поторопился домой-то... да еще пѣшечкомъ; сядь-ка довезу!...»

Юрій, не отвѣчая ни слова, схватилъ лошадь подъ уздцы. «Что ты, что ты, бояринъ! закричалъ грубо мужикъ.—«ужъ не впрямь ли хочешь со мною съѣздить; экъ, всполошился», продолжалъ онъ, ударивъ лошадь кнутомъ и присвистнувъ; — добрый конь рванулнулся... но Юрій, коего силы удвоило отчаяніе, такъ крѣпко вцѣпился въ уѣзду, что лошадь принуждена была кинуться въ сторону; между тѣмъ колесо телеги сильно ударилось о камень и она едва не опрокинулась. Мужикъ, потерявшій равновѣсіе, упалъ, но не выпустилъ возжи; онъ уже занесъ ногу, чтобъ опять вскочить въ телегу, когда неожиданный ударъ по головѣ повергнулъ его на землю и

сильная рука вырвала возжи.. «Разбой!» заревѣлъ мужикъ, опомнившись и стараясь приподняться, но Юрій уже успѣлъ схватить Ольгу, посадилъ ее въ телегу, повернулъ лошадь и ударилъ ее изо-всей мочи; она кинулась со всѣхъ ногъ; мужикъ еще разъ успѣлъ хриплымъ голосомъ закричать: «разбой!»—колесо переѣхало ему перезъ грудь—и онъ замолкъ—вѣроятно—навѣки.

Ужасна была эта ночь;—толпа шумѣла почти до разсвѣта и кровавые потѣшные огни встрѣтили первый лучъ восходящаго свѣтила; множество нищихъ, обезображенныхъ кровью, виномъ и грязью, валялись на полянѣ, иные изъ нихъ ужъ собирались кучками и расходились; во многихъ мѣстахъ опаленная трава и черный пепелъ показывали мѣста угасшаго костра; на нѣкоторыхъ деревьяхъ висѣли трупы... два или три не болѣе... одинъ изъ нихъ по всѣмъ примѣтамъ былъ нѣкогда женщиной, но обезображенный, онъ едва походилъ на бренные остатки человѣка, и даже ближайшіе родственники не могли бывъ немъ узнать добрую Наталью Сергѣевну.

ГЛАВА XVI.

Я прошу своего или своихъ любезныхъ читателей перенестись воображеніемъ въ ту малую лѣсную деревеньку, гдѣ Борисъ Петровичъ съ своей охотой основалъ главную свою квартиру, находя се центромъ своихъ операціонныхъ пунктовъ. Наканунѣ травля была удачная; поздно нашъ старый охотникъ возвратился на ночлегъ, досадуя на то, что его стремянной, Вадимъ, уѣхавъ Богъ знаетъ зачѣмъ, не возвратился. Въ избѣ, гдѣ онъ ночевалъ, была одна хозяйка-вдова, солдатка, лѣтъ 30-ти, довольно бѣлая, здоровая, большая, русая, черноглазая, полногрудая, опрятная, и потому вы легко отгадаете, что старый нашъ прелюбодѣй, не смотря на серебристую оттѣнку волосъ своихъ и на рождающіеся признаки будущей подагры, не смотрѣлъ на нее философическимъ взглядомъ, а старался всячески выиграть ея благосклонность, что и удалось ему довольно скоро и безъ большихъ убытковъ и хлопотъ. Ужъ давно лучина была погашена; ужъ пѣтухъ, хлопая крыльями, сбирался въ первый разъ пропѣть свою сиповатую арію; ужъ кони, сытые по горло, изрѣдка только жевали остатки хрупкаго овса и въ избѣ на палатяхъ, рядомъ съ полногрудою хозяйкою, Борисъ Петровичъ храпѣлъ непомилованно; вѣроятно, утомленный трудами дня и [вѣроятнѣе] упоенный сладкой водочкой и поцѣлуями полногрудой хозяйки и успокоенный чистой и непорочной совѣстью, онъ еще долго бы продолжалъ храпѣть и переворачиваться со стороны на сторону, если бы вдругъ среди глубокой тишины, сильная невѣдомая рука не ударила три раза въ ворота, такъ что они затрещали; собаки жалобно залаяли и хозяйка, вздрог-

нувъ, проснулась, перекрестилась и протирая кулаками опухшія глаза и разбирая растрепанные волосы, молвила: «Господи, Боже мой! да кто это тамъ! наше мѣсто свято!... да что это какъ стучатъ!...» Она слѣзла и подошла къ окну, отворила его: ночной вѣтеръ пахнулъ ей на открытую потную грудь и она, съ досадой высунувъ голову на улицу, повторила свои вопросы. Въ самомъ дѣлѣ, буланая лошадь въ хомутѣ и шлеѣ стояла у воротъ и возлѣ нея человѣкъ, незнакомый ей, но съ виду не старый и не крестьянинъ. «Отопри проворнѣе», закричалъ онъ громовымъ голосомъ.—«Экой скорой!» пробормотала солдатка, захлопнувъ окно,—«подождешь, не замерзнешь... не спится вѣрно тебѣ, такъ бродишь по лѣсу, какъ лѣшій проклятый». Она надѣла шубу, вышла, разбудила работника и тотъ, наконецъ, отперъ скрипучую калитку, браня пріѣзжаго; но сей послѣдній едва лишь ворвался во дворъ и узналъ отъ работника, что Борисъ Петровичъ тутъ, какъ опрометью бросился въ избу.

— Батюшка! сказалъ Юрій, котораго вы вѣроятно узнали, примѣтно измѣнившимся голосомъ и въ потемкахъ ощупывая предметы,—проснитесь, гдѣ вы! проснитесь! дѣло идетъ о жизни и смерти. Послушай,—продолжалъ онъ шопотомъ, обратясь къ полусонной хозяйкѣ и внезапно схвативъ ее за горло,—гдѣ мой отецъ? что вы съ нимъ сдѣлали? Помилуй, баринъ, что ты, рехнулся што ли... я закричу... да пусти... пусти меня, окаянный... да развѣ не слышишь, какъ онъ на палатяхъ-то храпитъ, и задыхаясь, она старалась вырваться изъ рукъ Юрія.

— Что за шумъ! кто тамъ разговорился! Петрушка, Терешка, Фотька! эй, вы!... закричалъ Борисъ Петровичъ, пробужденный шумомъ и холоднымъ вѣтромъ, который рвался въ полурастворенныя двери, свистя и завывая подобно лютому звѣрю.

— Батюшка! говорилъ Юрій, пустивъ обрадованную женщину,—сойдите скорѣе... жизнь и смерть... говорю я вамъ... сойдите, ради неба или ада...

— Да что ты за человѣкъ?—бормоталъ Борисъ Петровичъ, сползая съ печи.

— Я! вашъ сынъ... Юрій...

— Юрій... что это значитъ... объясни... зачѣмъ ты здѣсь... и въ это время!...

Онъ въ испугѣ схватилъ сына за руки и смотрѣлъ ему въ глаза, стараясь убѣдиться, что это точно онъ, что это не лукавый призракъ.

— Батюшка! мы погибли!... народъ бунтуетъ! да! и у насъ... Я видѣлъ, когда проскакалъ, на улицѣ села и вокругъ церкви толпились кучи народа... и нѣкоторыя восклицанія, долетѣвшія до меня,

показываютъ, что они ждутъ, если не самого Пугачева... то казаковъ его... спасайтесь...

— А Наталья Сергѣвна!.. а вещи мои...

— Матушка... не говорите объ ней... она... Спасайтесь! сказалъ мрачно Юрій, крѣпко обнявъ отца своего. Горячая слеза, брызнувшая изъ глазъ юноши, упала какъ искра на щеку старика и обожгла ее...

— О!... завопилъ онъ,—кто бъ могъ подумать, повѣрить! кто ожидалъ, что эта туча доберется и до насъ грѣшныхъ! О, Господи, Господи! куда мнѣ дѣваться! всё противъ насъ... Богъ и люди... и кто могъ отгадать, что этотъ Пугачевъ будетъ судить... кого же? русское дворянство! простой казакъ... Боже мой! святые отцы!

— Нѣтъ ли у васъ съ собою кого-нибудь, на чью вѣрность вы можете надѣяться,—сказалъ быстро Юрій.

— Нѣтъ, нѣтъ! никого нѣтъ!

— Фотька Атуевъ?

— Я его сегодня прибилъ до полусмерти, каналью!

— Терешка?

— Онъ давно желалъ бы мнѣ ножъ въ бокъ за жену свою... разбойники! антихристы!... О, спаси меня, сынъ мой!

— Мы погибли!—молвилъ Юрій, сложивъ руки и поднявъ глаза къ небу.—Одинъ Богъ можетъ сохранить насъ!... Молитесь ему, если можете.

Борисъ Петровичъ упалъ на колѣни и слезы рѣкой полились изъ глазъ его. Малодушный старикъ! онъ ожидалъ, что цѣлый міръ ангеловъ спустится къ нему на лучѣ мѣсяца и унесетъ его на серебряныхъ крыльяхъ за тридевять земель...

Но не ангелъ, а бѣдная солдатка съ состраданіемъ подошла къ нему и молвила: я спасу тебя.

Въ важныя эпохи жизни, иногда въ самомъ обыкновенномъ человѣкѣ разгорается искра геройства, неизвѣстно доселѣ тлѣвшая въ груди его, и тогда онъ свершаетъ дѣла, о коихъ до сего не случалось и грезить, которымъ даже послѣ онъ самъ едва вѣруетъ. Есть простая пословица: Москва сгорѣла отъ копѣечной свѣчки.

Между тѣмъ хозяйка молча подала знакъ рукою, чтобъ они оба за нею слѣдовали, и вышла; на цыпочкахъ они миновали темныя сѣни, гдѣ спалъ стремянной Палицына и осторожно спустились на дворъ по четыремъ скрипучимъ и скользкимъ ступенямъ; на дворѣ все было тихо: собаки на сворахъ лежали подъ навѣсомъ, и изрѣдка лишь фыркали сытые кони или охотникъ произносилъ во снѣ безсвязныя слова, поворачиваясь на соломѣ подъ теплымъ полушубкомъ. Когда они миновали анбаръ и подошли къ заднимъ воротамъ,

соединявшимъ дворъ съ обширнымъ огородомъ, усѣяннымъ капустой, коноплями, рѣдькой и подсолнечниками и оканчивающимся тѣснымъ гумномъ, гдѣ только двѣ клади, какъ будки, стоя по угламъ, казалось, сторожили высокій и пустой овинъ, возвышающійся посрединѣ, то раздался чей-то голосъ, вѣроятно одного изъ пробудившихся псарей. «Кто тамъ?» спросилъ онъ.—Развѣ не видишь, что хозяева,— отвѣчала солдатка. Замѣтивъ, что псарь приближался къ ней переваливаясь, какъ бы стараясь поддержать свою голову въ равновѣсіи съ прочими частями тѣла, она указала своимъ спутникамъ большой кустъ репейника, за который они тотчасъ кинулись, и хладнокровно остановилась у воротъ.

— А развѣ красавицамъ пристало гулять по ночамъ? сказалъ почесывая бокъ пьяный псарь, и тяжелой своей лапой съ громкимъ смѣхомъ ударилъ ее по плечу.

— И, батюшка, что я за красавица! съ нашей работки-то не больно разжирѣешь!

— Ужъ не ломайся, знаемъ мы! экая гладкая! У барина видно губа не дура... Экъ ты прижала себѣ стараго чорта... да не бойся! не сдобровать ему... высчитаемъ мы ему наши слезки... дай срокъ!... батюшка Пугачевъ ему рыло-то обтешетъ... пусть себѣ не вѣритъ.... а ты, моя молодка... за это поцѣлуй меня...

Онъ хотѣлъ обнять ее, но она увернулась и нашъ проворный рыцарь съ-пьяна наткнулся на оглоблю телеги, споткнулся, упалъ, проворчалъ нѣсколько ругательствъ, и заснулъ онъ или нѣтъ, не знаю, по крайней мѣрѣ не поднялся на ноги и остался въ сладкомъ самозабвеніи.

Легко вообразить, съ какимъ нетерпѣніемъ отецъ и сынъ ожидали конца этой непріятной сцены. Наконецъ, они вышли въ огородъ и удвоили шаги; сильно бились сердца ихъ, стѣсненныя непонятнымъ предчувствіемъ; они шли, удерживая дыханіе, скользя по росистой травѣ, пробираясь между коноплей и вязкихъ грядъ, зацѣпляя поминутно ногами или за кирпичъ, или за хворостъ; вороньи пугалы казались имъ людьми и каждый разъ когда полевая крыса кидалась изъ-подъ ногъ ихъ, они вздрагивали. Борисъ Петровичъ хватался за рукоятку охотничьяго ножа, а Юрій за шпагу... Но къ счастію всѣ ихъ страхи были напрасны и они благополучно приблизились къ темному овину; хозяйка вошла туда, за нею Борисъ Петровичъ и Юрій; она подвела ихъ къ одному темному углу, гдѣ находились два сусѣка—одинъ изъ нихъ съ хлѣбомъ, а другой до половины наваленный соломою.

— Полѣзай сюда баринъ—сказала солдатка, указывая на второй,—да заройся хорошенько съ головой въ солому и кто бы ни

приходилъ, что бы тутъ ни дѣлали... не вылѣзай безъ меня, а я коли жива буду, тебя не выдамъ; что бы ни было, а этого грѣха не возьму на свою душу.

Когда Борисъ Петровичъ влѣзъ, то Юрій, вмѣсто того, чтобы слѣдовать его примѣру, взглянулъ на небо и сказалъ твердымъ голосомъ: «прощайте, батюшка, будьте живы... ваше благословеніе! можетъ быть, мы больше не увидимся». Онъ повернулся и быстро пустился назадъ по той же дорогѣ; войдя на дворъ, онъ, не будучи никѣмъ замѣченъ, отвязалъ лучшую лошадь, вскочилъ на нее и пустился снова черезъ огородъ, проскакалъ гумно, махнулъ рукой удивленной хозяйкѣ, которая еще стояла у дверей овина, и перескочивъ черезъ ветхій обвалившійся заборъ, скрылся въ полѣ, какъ молнія; нѣсколько минутъ можно было различить мѣрный топотъ скачущаго коня,—онъ постепенно становился тише и тише, и наконецъ совершенно слился съ шопотомъ листьевъ дубравы.

«Куда этотъ верченый пустился!—подумала удивленная хозяйка,—видно голова крѣпка на плечахъ, а то, кто бы ему велѣлъ таскаться; ну, не дай Богъ, наткнется на казаковъ, и поминай какъ звали буйнаго молодца! Охъ, охъ, охъ! больно меня раздумье беретъ!... спрятала-то я стараго спрятала, а какъ станутъ меня бить да мучить... Ну, ужъ коли на то пошло, такъ берегись, баба!... не давши слова держись, а давши крѣпись... только бы онъ самъ не оплошалъ!...»

ГЛАВА XVII.

Въ эту же ночь, богатую событіями, Вадимъ, выѣхавъ изъ монастыря, пустился блуждать по лѣсу, но конь, уставъ продираться сквозь колючій кустарникъ, самъ вывезъ его на дорогу въ село Палицына.

Задумавшись, ѣхалъ мрачно горбачъ, сложа руки на груди и повѣся голову; его охотничья плеть моталась на передней лукѣ казацкаго сѣдла и добрый степной конь его, горячій, щекотливый отъ природы, понемногу сталъ прибавлять ходу, сбился на рысь; потомъ, чувствуя, что повода висятъ покойно на его мохнатой шеѣ, зафыркалъ, прыгнулъ и ударился скакать... Вадимъ опомнился, схватилъ поводья и такъ сильно осадилъ коня, что тотъ сразу присѣлъ на хвостъ, замоталъ головою, сдѣлалъ еще два скачка въ бокъ и остановился; теплый паръ поднялся отъ хребта его и пѣна, стекая по стальнымъ удиламъ, клоками падала на землю.

— Куда торопишься, чему обрадовался, лихой товарищъ? сказалъ Вадимъ; но тебя ждетъ покой и теплое стойло... ты не любишь, ты не понимаешь ненависти... ты не получилъ отъ благихъ небесъ этой

чудной способности: находить блаженство въ самыхъ дикихъ страданіяхъ... О, еслибъ я могъ вырвать изъ души своей эту страсть, вырвать съ корнемъ, вотъ такъ!—и онъ наклонясь вырвалъ изъ земли высокій стебель полыни.—Но нѣтъ! продолжалъ онъ,—одной капли яда довольно, чтобы отравить чашу, полную чистѣйшей влаги, и надо ее выплеснуть всю, чтобы вылить ядъ... Онъ продолжалъ свой путь, но не шагомъ; невѣдомая сила влечетъ его; неутомимый конь летитъ, разсѣкаетъ упорный воздухъ; волосы Вадима развѣваются; два раза шапка чуть не слетѣла съ головы; онъ придерживаетъ ее рукою... и только изрѣдка поталкиваетъ ногами скакуна своего. Вотъ ужъ и село... и церковь... кругомъ огни... мужики толпятся на улицѣ въ праздничныхъ кафтанахъ... кричатъ, поютъ пѣсни... то вдругъ замолкаютъ, то вдругъ сильнѣй и громче пробѣжитъ говоръ по пьяной толпѣ. Вадимъ привязываетъ коня къ забору и непримѣтно вмѣшивается въ толпу. Эти огни, эти пѣсни—все дышало тогда какой-то насильственной веселостью, принимало видъ языческаго празднества и даже въ пѣсняхъ часто повторяемыя имена «Дидо и Ладо» могли бы ввести въ это заблужденіе неопытнаго чужестранца.

— Ну, Вадимка! сказалъ одинъ толстый мужикъ съ рѣдкой бородою и огромной лысиной: какъ слышно... скоро ли нашъ батюшка-то пожалуетъ?...

— Завтра, въ обѣдъ — отвѣчалъ Вадимъ, стараясь отдѣлаться.

— Ой ли, подхватилъ другой, такъ стало быть не нонче, а завтра; такъ... такъ! А что, какъ слышно? чай, много съ нимъ рати военной... чай, казаковъ-то видимо невидимо... А что, у него серебряный кафтанъ-то...

— Ахъ, ты дуракъ, дуракъ, забубенная башка, сказалъ третій, покачивая головой;—эко диво серебряный... чай, не только кафтанъ, да и сапоги-то золотые...

— Да кто ему подноситъ станетъ хлѣбъ съ солью? чай, все старики...

— Вѣстимо.—Послушай, братъ Вадимъ, продолжалъ четвертый, огромный дѣтина, черномазый, съ налитыми кровью глазами,—гдѣ нашъ баринъ-то... не удралъ бы онъ... а жаль бы было упустить... ужъ я бы его попотчивалъ... онъ и въ могилу бы у меня съ оскоминою легъ.

«Нѣтъ, нѣтъ! подумалъ Вадимъ, удаляясь отъ нихъ, — это моя жертва... никто не наложитъ руки на него, кромѣ меня; никто не услышитъ послѣдняго его вопля, никто не напечатлѣетъ въ своей памяти послѣдняго его взгляда, послѣдняго судорожнаго движенія—кромѣ меня... Онъ мой... я купилъ его у небесъ и ада, я заплатилъ за него кровавыми слезами, ужасными днями, въ теченіе коихъ мысленно я пожиралъ всѣ возможныя чувства, чтобы подъ конецъ у меня въ

груди не осталось ни одного, кромѣ злобы и мщенія... О, я не таковъ, чтобы равнодушно выпустить изъ рукъ свою добычу и уступить ее вамъ—подлые рабы!»

Онъ быстрыми шагами спустился въ оврагъ, гдѣ протекалъ большой гремучій ручей, который, прыгая черезъ камни и пробираясь между сухими вербами, съ журчаніемъ терялся въ густыхъ камышахъ и безмолвно сливался съ Окою. Тутъ было все тихо и пусто; на противной сторонѣ возвышался позади небольшаго сада, господскій домъ съ многочисленными службами... онъ былъ теменъ, ни въ одномъ окнѣ не мелькала свѣчка, какъ будто всѣ его жители отправились въ дальнюю дорогу.—Вадимъ перебрался по доскамъ черезъ ручей и подошелъ къ ветхой банѣ, находящейся на полугорѣ и окруженной густыми рябиновыми кустами... Ему показалось, что онъ замѣтилъ слабый свѣтъ сквозь замокъ двери; онъ остановился и на цыпочкахъ подкрался къ окну, плотно закрытому ставнемъ...

Въ банѣ слышались невнятные голоса, и Вадимъ, припавъ подъ окномъ въ густую траву, началъ прилежно вслушиваться; его сердце, закаленное противъ всѣхъ земныхъ несчастій, въ эту минуту сильно забилось, какъ орелъ въ желѣзной клѣткѣ, при видѣ кровавой пищи. Вадимъ удивился, какъ удивился бы другой, если бы среди зимней ночи ударилъ громъ... Онъ крѣпко прижалъ руку къ груди своей и прошепталъ: «спи, безумное! спи... твоя пора прошла или еще не настала!.. Но къ чему теперь? развѣ есть близко тебя существо, которое ты ненавидишь? говори...» и онъ задержалъ дыханіе, снова приложилъ ухо къ окну и услышалъ:

1-й голосъ. Прощай мой другъ... навсегда...

2-й голосъ. Мнѣ тебя покинуть? Нѣтъ если бы на этомъ порогѣ было написано судьбою: смерть, то я перескочилъ бы... обнялъ тебя... и умеръ...

1-й голосъ. Но я въ безопасности... я существо ничтожное, я останусь незамѣчена среди общаго волненія...

2-й голосъ. Нѣтъ, невозможно... долгъ зоветъ меня къ отцу... я спасу его и вернусь... Міръ безъ тебя? что такое? храмъ безъ божества... зачѣмъ мнѣ бѣжать отъ опасности... развѣ провидѣніе не настигнетъ меня вездѣ, если я долженъ погибнуть.

1-й голосъ. Жестокій! такъ ты не хочешь... послушай! ради Бога... бѣги...

2-й голосъ. Нѣтъ!.. прощай... чрезъ нѣсколько часовъ я снова буду съ тобою...

Голоса замолкли и слышно было, какъ дверь бани скрипнула отворяясь и какъ опять захлопнулась, и Вадимъ видѣлъ, какъ кто-то, подобно призраку, мелькнулъ въ оврагѣ, потомъ на горѣ пе-

рескочилъ черезъ плетень, перерѣзывающій оврагъ и скрылся въ ночномъ туманѣ...

Вадимъ всталъ, подошелъ къ двери и твердою рукою толкнулъ ее; защелка внутри сорвалась и роковая дверь со скрипомъ распахнулась... кто-то вскрикнулъ... и все замолкло снова. Вадимъ вошелъ, торжественно заперъ за собою дверь и остановился; на полу стоялъ фонарь и возлѣ него сидѣла, приклонивъ блѣдную голову къ дубовой скамьѣ... Ольга!

Убійственная мысль, какъ молнія, озарила умъ бѣднаго горбача; онъ отгадалъ въ одно мгновеніе, кто былъ этотъ второй голосъ, о комъ такъ нѣжно заботилась сестра его, какъ будто въ немъ одномъ были всѣ надежды, вся любовь сердца.

Неподвижно сидѣла Ольга; на лицѣ ея была печать безмолвнаго отчаянія и глаза изливали какой-то однообразный, холодный лучъ и сжатыя губки казались растянуты постоянной улыбкой, но въ этой улыбкѣ дышалъ упрекъ провидѣнію. Фонарь стоялъ у ногъ ея, и догорающій пламень огарка сквозь зеленыя стекла слабо озарялъ нижнія части лица бѣдной дѣвушки: ея грудь была прикрыта черной душегрѣйкой, которая по временамъ приподнималась, и длинная полуразвитая коса упадала на правое плечо ея.

Вадимъ стоялъ передъ ней, какъ Мефистофель передъ погибшею Маргаритой, съ язвительнымъ выраженіемъ очей, какъ раскаяніе передъ душою грѣшника; сложа руки, онъ ожидалъ, чтобъ она къ нему обернулась, но она оставалась въ прежнемъ положеніи, хотя молвила прерывающимся голосомъ:

— Чего ты отъ меня еще хочешь?...

— Еще?... а что же я прежде отъ тебя требовалъ? какихъ жертвъ?—говори Ольга! Развѣ я силою заставилъ тебя произнести клятву... ты помнишь... развѣ я виноватъ, что роковая минута настала прежде, чѣмъ находишь это удобнымъ?...

— О, ты хищный звѣрь, а не человѣкъ!

— Ольга! твой отецъ былъ мой отецъ...

— Не вѣрю, не могу вѣрить... чтобы онъ, въ жилищѣ святыхъ, желалъ погибели этого семейства, желалъ сдѣлать насъ преступными... нѣтъ, ты не братъ мой... Прочь! я ненавижу, презираю тебя!...

— Ненавидѣть, такъ... а презирать не можешь...

— Презираю...

— Ты боишься меня... Онъ дико засмѣялся и подошелъ ближе.

— Вадимъ!... ради отца нашего... удались... отъ тебя вѣетъ смертнымъ холодомъ...

— Нѣтъ, Ольга!... я останусь здѣсь цѣлую ночь...

— Боже!—прошептала вздрогнувъ несчастная дѣвушка; сердце

ея сжалось и смутное подозрѣніе пробудилось въ немъ; она встала, ноги ея подгибались... она хотѣла сдѣлать шагъ и упала на колѣни.

— Послушай!—сказалъ Вадимъ, приподнявъ сестру и посадивъ ее на лавку. Онъ взялъ ея влажную руку и, стараясь смягчить голосъ, продолжалъ:—послушай, было время, когда я думалъ твоею любовью освятить мою душу... были минуты, когда глядя на тебя, на твои небесныя очи, я хотѣлъ разомъ разрушить свой ужасный замыселъ, когда я надѣялся забыть на груди твоей все прошедшее, какъ волшебную сказку... но ты не захотѣла, ты обманула меня — тебя плѣнилъ прекрасный юноша... и безобразный горбачъ остался одинъ... одинъ... какъ черная тучка, забытая на ясномъ небѣ, на которую ни люди, ни солнце не хотятъ и взглянуть... Да, ты этого не можешь понять... ты прекрасна, ты ангелъ; тебя не любить — невозможно... я это знаю... О! да посмотри на меня... неужели для меня нѣтъ ни одного взгляда, ни одной улыбки... все ему! все ему!... да знаешь ли, что онъ долженъ быть доволенъ и десятою долею твоей нѣжности, что онъ не отдастъ, какъ я, за одно твое слово всю свою будущность... О! да это невозможно постигнуть... если бы я зналъ, что на моемъ сердцѣ написано. какъ я тебя люблю, то я вырвалъ бы его сію минуту изъ груди и бросилъ бы тебѣ на колѣни... О, одно слово, Ольга, чтобъ я не проклялъ тебя, умирая...

— Проклинай!—отвѣтствовала она холодно...

Вадимъ неподвижный, подобный одному изъ тѣхъ безобразныхъ кумировъ, кои донынѣ иногда въ степи заволжской на холмѣ поражаютъ насъ удивленіемъ, стоялъ передъ ней, ломая себѣ руки, и глаза его, полузакрытые густыми бровями, выражали непобѣдимое страданіе... Все было тихо, лишь вѣтеръ по временамъ пробѣгалъ по крышѣ бани, взрывалъ гнилую солому и гудѣлъ въ пустой трубѣ... Вадимъ продолжалъ:

— Еще нѣсколько словъ, Ольга, и я тебя оставлю... это мое послѣднее усиліе... Если ты теперь не сжалишься, то знай—между нами нѣтъ болѣе никакихъ связей родства... я освобождаю тебя отъ всѣхъ клятвъ; мнѣ не нужно женской помощи; я безумецъ былъ, когда хотѣлъ повѣрить слабой дѣвушкѣ бичъ небеснаго правосудія. Но... довольно!... довольно!... послушай!... если бы бѣдная собака, изсохшая, полуживая отъ голода и жажды, съ визгомъ приползла къ ногамъ твоимъ, а у тебя былъ бы кусокъ хлѣба... одинъ кусокъ хлѣба... отвѣчай, что бы ты сдѣлала?

— Сердце—не кусокъ хлѣба... оно не въ моей власти...

— А! не въ твоей власти!... А! Но развѣ я это у тебя спрашивалъ.

— Ты хотѣлъ отвѣта... я отвѣчала...

— Въ тебѣ нѣтъ жалости!...

— А въ тебѣ есть жалость?

— Такъ ты его очень, очень любишь?

— Больше всего на свѣтѣ...

— А! больше всего на свѣтѣ... но это напрасно!

— Да, я его люблю... люблю... и никакая власть не разлучитъ насъ...

— Ошибаешься,—воскликнулъ съ громкимъ хохотомъ горбачъ,—онъ непремѣнно долженъ умереть... и очень скоро!...

— Я умру вмѣстѣ съ нимъ...

— О, нѣтъ, ты не умрешь... не надѣйся!...

— Я надѣюсь на Бога... онъ возьметъ насъ вмѣстѣ къ себѣ или спасетъ его, не смотря на всю твою злобу...

— Не говори мнѣ про Бога!... онъ меня не знаетъ; онъ не захочетъ у меня вырвать обреченную жертву—ему все равно... и не думаешь ли ты смягчить его слезами и просьбами? Ха, ха, ха!... Ольга, Ольга!... Прощай... я иду отъ тебя... но помни послѣднія слова мои: они стоютъ всѣхъ пророчествъ... Я говорю тебѣ: онъ погибнетъ; ты къ мертвому праху прилѣпила сердце твое... его имя вычеркнуто уже этой рукою изъ списка живущихъ... Да,—продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, и если хочешь, я въ доказательство принесу тебѣ его голову... Онъ отвернулся, хотѣлъ повидимому что-то прибавить, но голосъ замеръ на посинѣвшихъ губахъ его, онъ закрылъ лицо руками и выбѣжалъ... быть можетъ, желая утаить смущеніе или невольныя слезы, или стремясь, съ сильнѣйшимъ порывомъ бѣшенства, исполнить немедленно свое ужасное обѣщаніе.

Ольга осталась почти безъ чувствъ, въ забытьи. Она едва видѣла, какъ братъ ея скрылся, едва слышала ударъ захлопнувшейся двери.

ГЛАВА XVIII.

До сихъ поръ въ густыхъ лѣсахъ Нижегородской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерній, нѣкогда непроходимыхъ кромѣ для медвѣдей, волковъ и самыхъ безстрашныхъ ихъ гонителей, любопытный можетъ видѣть пещеры, подземные ходы, изрытые нашими предками, кои въ нихъ искали нѣкогда убѣжища отъ набѣговъ татаръ, крымцевъ и впослѣдствіи отъ киргизовъ и башкиръ, угрожавшихъ мирнымъ деревнямъ даже въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Послѣдній набѣгъ былъ въ 1769 году; но тогда, встрѣтивъ уже войска около сихъ мѣстъ, башкиры принуждены были удалиться, не дойдя нѣсколько верстъ до Саратова и не причинивъ значительнаго вреда. Случалось даже, что цѣлыя деревни были уведены

въ плѣнъ и разсѣяны. Во времена, нами описываемыя, эти пещеры не были еще, какъ теперь, завалены сухими листьями и хворостомъ, и одна изъ нихъ находилась не въ большомъ разстояніи отъ деревни Палицына. Народъ далъ ей прозваніе «Чортово Логовище», а суевѣрныя преданія населили ее страшными кикиморами и рогатыми лѣшими.

Чтобы изъ села Палицына кратчайшимъ путемъ достигнуть этой уединенной пещеры, должно бы было переплыть рѣку и версты двѣ идти болотистой долиной, усѣянной кочками, ветловыми кустами, и покрытой высокимъ камышомъ. Только нѣкоторые изъ окрестныхъ жителей умѣли по разнымъ примѣтамъ пробираться чрезъ это опасное мѣсто, гдѣ коварная зелень мховъ обманывала неопытнаго путника и высокій тростникъ скрывалъ яму и тину. Болото оканчивается холмомъ, черезъ который прежде вела тропинка и спустясь съ него поворачивала по косогору въ густой и мрачный лѣсъ; на опушкѣ столѣтнія липы, какъ стражи, казалось простирали огромныя вѣтви, чтобъ заслонить дорогу; казалось, на узорахъ ихъ сморщенной коры былъ написанъ адскими буквами этотъ извѣстный стихъ Данта: «lasciate ogni speranza voi ch'entrate». Тутъ тропинка снова постепенно ползла на отлогую длинную гору, извиваясь между деревъ какъ змѣя, исчезая по временамъ подъ сухими, хрупкими листьями и хворостомъ; наконецъ, лѣсъ начиналъ рѣдѣть, сквозь заборъ темныхъ деревъ начинало проглядывать голубое небо и вдругъ открывалась круглая луговина, обведенная лѣсомъ, какъ волшебнымъ очеркомъ, блистающая свѣтлою зеленью и пестрыми высокими цвѣтами, какъ островокъ среди угрюмаго моря; на ней во время осени всегда являлся высокій стогъ сѣна, воздвигнутый трудолюбіемъ какого нибудь бѣднаго мужика; грозно-молчаливо смотрѣли на нее другъ изъ-за друга ели и березы, будто завидуя ея свѣжести, будто намѣреваясь толпой подвинуться впередъ и злобно растоптать ея бархатную мураву. Отъ сей луговины еще три версты до «Чортова Логовища», но тропинки уже нѣтъ нигдѣ... и должно идти все на востокъ, стараясь какъ можно менѣе отклоняться отъ сего направленія; хотя лѣсъ не такъ высокъ, но колючіе кусты, хмѣль и другія растенія переплетаютъ неразрывною сѣткою корни деревъ, такъ что за три сажени нельзя почти различить стоящаго человѣка; иногда встрѣчаются глубокія ямы, гнѣзда бурею вырванныхъ деревъ, коихъ гнилыя колоды, обросшія зеленью и плющемъ, съ своими обнаженными сучьями, какъ крѣпостныя рогатки, преграждаютъ путь; подъ ними, выкопавъ себѣ широкое логовище, лежитъ зимой косматый медвѣдь и сосетъ неистощимую лапу; дремучія ели, какъ черный пологъ, наклоняются надъ нимъ и убаюкиваютъ его своимъ непонятнымъ шопотомъ. Пройдя такимъ обра-

зомъ немного болѣе двухъ верстъ, слышится что-то похожее на шумъ падающихъ водъ, хотя человѣкъ, непривыкшій къ степной жизни, воспитанный на бульварахъ, не различилъ бы этотъ дальній ропотъ отъ говора листьевъ; тогда, кинувъ глаза въ ту сторону, откуда вѣтеръ принесъ сіи новые звуки, можно замѣтить кругой и глубокій оврагъ. Его берегъ обсаженъ наклонившимися березами, коихъ бѣлые, нагіе корни, обмытые дождями весенними, висятъ надъ бездной длинными хвостами; глинистый скатъ оврага покрытъ камнями и обвалившимися глыбами земли, увлекшими за собою различные кусты, которые безпечно принялись на новой почвѣ; на днѣ оврага, если подойти къ самому краю и наклониться придерживаясь за надежныя дерева, можно различить небольшой родникъ, но чрезвычайно быстро катящійся, покрывающійся по временамъ пѣною, которая бѣлѣе пуха лебяжьяго останавливается клубами у береговъ, держится нѣсколько минутъ и, вновь увлечена стремленіемъ, исчезаетъ въ камняхъ и разсыпается объ нихъ радужными брызгами. На самомъ краю сего оврага снова начинается едва примѣтная дорожка, будто выходящая изъ земли; она ведетъ между кустовъ вдоль по берегу рытвины, и наконецъ, сдѣлавъ еще нѣсколько извилинъ, исчезаетъ въ глубокой ямѣ, какъ ужъ въ своей норѣ; но тутъ открывается маленькая поляна уставленная нѣсколькими высокими дубами; посерединѣ возвышаются три кургана, образующіе правильный треугольникъ; покрытые дерномъ и сухими листьями, они похожи съ перваго взгляда на могилы какихъ нибудь древнихъ татарскихъ князей или наѣздниковъ, но войдя въ середину между нихъ, мнѣніе наблюдателя перемѣняется при видѣ отверстій, ведущихъ подъ каждый курганъ, который служитъ какъ бы сводомъ для темной подземной галереи; отверстія такъ малы, что едва на колѣняхъ можетъ вползти человѣкъ, но когда сдѣлаешь такъ нѣсколько шаговъ, то пещера начинаетъ расширяться все болѣе и болѣе и наконецъ три человѣка могутъ идти рядомъ безъ труда, не задѣвъ почти локтемъ до стѣны. Всѣ три хода ведутъ повидимому въ разныя стороны, сначала довольно круто спускаясь внизъ, потомъ по горизонтальной линіи, но галерея, обращенная къ оврагу, имѣетъ особенное устройство: нѣсколько саженъ она идетъ отлогимъ скатомъ, потомъ вдругъ поворачиваетъ направо, и горе любопытному, который неосторожно пустится по этому новому направленію — она оканчи, вается обрывомъ или лучше сказать, поворачиваетъ вертикально внизъ должно надѣяться на твердость ногъ своихъ, чтобы спрыгнуть туда— какъ ни говори — двѣ саженп не шутка. Но тутъ оканчиваются всѣ искусственныя препятствія; она идетъ назадъ параллельно верхней своей части и въ одной съ нею вертикальной плоскости, потомъ склоняется на лѣво и впадаетъ въ широкую круглую залу, куда также при-

мыкаютъ двѣ другія. Эта зала устлана камнями, имѣетъ въ стѣнахъ своихъ четыре впадины въ видѣ нишей (niches); посрединѣ одинъ четвероугольный столбъ поддерживаетъ глиняный сводъ ея, довольно искусно образованный; возлѣ столба замѣтна яма, быть можетъ служившая нѣкогда вмѣсто печи несчастнымъ изгнанникамъ, которыхъ судьба заставляла скрываться въ сихъ подземныхъ переходахъ. Среди глубокаго безмолвія этой залы, слышно иногда журчаніе воды: то свѣтлый, холодный, по маленькій ключъ, который, выходя изъ отверстія, сдѣланнаго вѣроятно съ намѣреніемъ въ стѣнѣ, пробирается вдоль по ней и наконецъ, скрываясь въ другомъ отверстіи, обложенномъ камнями, исчезаетъ: немолчный ропотъ безпокойныхъ струй оживляетъ это мрачное жилище ночи, какъ пѣсни узника оживляютъ безмолвіе темницы. Всѣ эти признаки доказываютъ, что наши предки могли бы и намѣревались выдержать здѣсь продолжительную осаду; впрочемъ, камни и земля — все поросло мохомъ: при свѣтѣ фонаря можно различить въ стѣнѣ норы земляныхъ крысъ и другихъ безопасныхъ звѣрковъ, любителей мрака и неизвѣстности; индѣ сводъ началъ обсыпаться, и отъ прежней правильности и симметріи почти не осталось никакихъ слѣдовъ.

Борисъ Петровичъ зналъ это мѣсто, ибо раза два изъ любопытства, будучи на охотѣ, онъ подъѣзжалъ къ нему, хотя не осмѣлился проникнуть во внутренность мрачныхъ переходовъ. Когда онъ опомнился отъ страха, то «Чортово Логовище», не смотря на это адское прозваніе, представилось его мысли какъ единственное безопасное убѣжище... ибо остаться здѣсь, въ старомъ овинѣ, такъ близко отъ спящихъ палачей своихъ, было бы безразсудно... Но какъ туда пробраться?

Я долженъ вамъ признаться, милые слушатели, что Борисъ Петровичъ боялся смерти! Чувство, равно свойственное человѣку и собакѣ, вообще всѣмъ животнымъ... но дѣло въ томъ, что смерть Борису Петровичу казалась ужаснѣе, чѣмъ она кажется другимъ животнымъ, ибо въ эту минуту тревожная душа его, обнимая все минувшее, была готова, подобно преступнику, осужденному испанской инквизиціей, упасть въ колючія объятія мадонны долорозы (madonna dolorosa), этого искаженнаго, богохульнаго, страшнаго изображенія святѣйшей святыни... о, я вамъ отвѣчаю, что Борисъ Петровичъ больше испугался, чѣмъ неопытный должникъ, который, въ первый разъ обшаривая пустые карманы, слышитъ за дверями шаги и кашель чахоточнаго кредитора. Богъ знаетъ, что прочелъ Палицынъ на замаранныхъ листкахъ своей совѣсти; Богъ знаетъ, какіе образы тѣснились въ его воспоминаніяхъ—слово с м е р т ь, одно это слово такъ ужаснуло его, что отъ одной этой кровавой мысли онъ раза три едва

не обезпамятѣлъ, но его спасло именно отдаленіе всякой помощи: упавъ въ обморокъ, онъ также боялся умереть. Смерть! смерть со всѣхъ сторонъ являлась мутнымъ его очамъ, то грозная, высокая съ распростертыми руками, какъ висѣлица; то неожиданная, внезапная, какъ измѣна, какъ ударъ грома небеснаго... Она была снаружи, внутри его, вездѣ, вездѣ... она дробилась вдругъ на тысячу разныхъ видовъ, она насмѣшливо прыгала по влажнымъ его членамъ, подымала его сѣдые волосы, стучала его зубами другъ объ друга... Наконецъ, Борисъ Петровичъ хотѣлъ прогнать эту нестерпимую мысль... и чѣмъ же?... молитвой!... но напрасно!... уста его шептали затверженныя слова, но на каждое изъ нихъ у души одинъ былъ отзывъ, одинъ отвѣтъ: смерть! Онъ старался придумать способъ къ бѣгству, средство, какое бы оно ни было... самое отчаянное казалось ему лучшимъ; такъ прошелъ часъ, прошелъ другой... эти два удара молотка времени сильно отозвались въ его сердцѣ; каждый свистъ неугомоннаго вѣтра заставлялъ его вздрогнуть, малѣйшій шорохъ въ соломѣ, произведенный торопливостію большой крысы или же другаго столь же мирнаго животнаго, казался ему топотомъ злодѣевъ... онъ страдалъ, жестоко страдалъ! И то сказать: каждому свой чередъ; счастіе—женщина: коли полюбитъ вдругъ сначала, такъ разлюбитъ подъ конецъ. Борисъ Петровичъ также иногда вспоминалъ о своей толстой подругѣ... и волосъ его вставалъ дыбомъ: онъ понялъ молчаніе сына при ея имени, онъ объяснилъ себѣ его трепетъ... въ его памяти пробѣгали картины прежняго счастья, не омраченнаго раскаяніемъ и страхомъ; они пролетали, какъ легкое дуновеніе, какъ листы, сорванные вихремъ съ березы, мелькая мимо насъ, обманываютъ взоръ золотымъ и багрянымъ блескомъ, и упадаютъ; очарованы ихъ волшебными красками, увлечены невѣроятною мечтой, мы поднимаемъ ихъ, разсматриваемъ... и не находимъ ни красокъ, ни блеска: это простые, гнилые, мертвые листы!

Между тѣмъ, дѣло подходило къ разсвѣту, и Палицынъ болѣе и болѣе утверждался въ своемъ намѣреніи: спрятаться въ мрачную пещеру, описанную нами. Но кто ему будетъ носить пищу?... гдѣ друзья? слуги? гдѣ рабы, низкіе, послушные мановенію руки, движенію бровей?... никого, рѣшительно никого! Онъ плакалъ отъ бѣшенства! Къ тому же, кто его туда проводитъ? какъ выйдетъ онъ изъ этого душнаго овина, покуда его охотники не удалились... и не будетъ ли уже поздно, когда они удалятся?...

На разсвѣтѣ ему послышался лай, топотъ конскій, крикъ, брань и по временамъ призывный звонъ роговъ; это продолжалось съ полчаса, наконецъ, все умолкло; прошло еще полчаса; вдругъ онъ слы-

шитъ надъ собой женскій голосъ: «баринъ! баринъ!—вставай... да отвѣчай же! не спишь ли ты?»

Вы можете вообразить, что онъ не спалъ, но молчаніе его происходило оттого, что сначала онъ не узналъ этотъ голосъ, а потомъ, хотя узналъ, но оледенѣлый языкъ его не повиновался. Онъ тихо приподнялся на ноги, какъ воскресшій Лазарь изъ гроба—и вылѣзъ изъ сусѣка.

— Это ты, хозяйка! пролепеталъ онъ невнятно.

— Я, я!... да не бойсь... они всѣ уѣхали, поискали тебя немножко, да и махнули рукой: туда-ста ему и дорога... говорятъ...

— Хозяйка,—прервалъ Палицынъ,—ужъ свѣтаетъ... Послушай... я придумалъ, куда мнѣ спрятаться... ты знаешь... отсюда недалеко это мѣсто... говорятъ недоброе... да это все равно... ты знаешь «Чортово Логовище?...»

Хозяйка въ ужасѣ три раза перекрестилась, посмотрѣла пристально на Палицына.—Охъ, кормилецъ! бѣда! сатанинское это гнѣздо...

— Нѣтъ другаго!—возразилъ онъ въ отчаяніи.

— Оно бы есть, да больно близко твоей деревни... И то правда, баринъ, ты хорошо придумалъ... что начала, то кончу... ужъ мнѣ грѣхъ тебя оставить. Вотъ тебѣ мужицкое платье, скинь-ка свой балахонъ... а я тебѣ дамъ сына въ проводники... онъ малый глупенекъ, да за то не болтливъ и ужъ противъ материнскаго слова не пойдетъ...

Покуда Борисъ Петровичъ переодѣвался въ смурый кафтанъ и обвязывалъ запачканные онучи вокругъ ногъ своихъ, солдатка подошла къ дверямъ овина, махнула рукой; явился малой, лѣтъ 17-ти, глупой наружности, съ рыжими волосами, но складомъ и ростомъ богатырь. Онъ шелъ за матерью, которая шептала ему что-то на ухо, показывая затылокъ и кивая головой; онъ зѣвалъ безпощадно и только по временамъ отвѣчалъ: «хорошо, мачька!» Когда они приблизились къ Палицыну, то онъ ужъ былъ готовъ. «Съ Богомъ!»—прошептала имъ вслѣдъ хозяйка... Они вышли въ поле чрезъ заднія ворота; Борисъ Петровичъ боялся говорить, Петруха не умѣлъ и не любилъ; это случайное сходство было очень кстати. Оставимъ ихъ на узкой лѣсной тропинкѣ пробирающихся къ грозному «Чортову Логовищу», обоихъ дрожащихъ какъ листъ: одинъ—опасаясь погони, другой—боясь духовъ и привидѣній... оставимъ ихъ и посмотримъ, куда дѣвался Юрій, покинувъ своего чадолюбиваго родителя.

ГЛАВА XIX.

Юрій, выскакавъ на дорогу, ведущую въ село Палицыно, пріостановилъ усталую лошадь и поѣхалъ рысью; тысячи предпріятій и

еще болѣе опасеній тѣснились въ умѣ его, но спасти Ольгу или по крайней мѣрѣ погибнуть возлѣ нея было первымъ чувствомъ, господствующею мыслію его. Любовь, сначала очень обыкновенная, даже незаслуживавшая имя страсти, отъ нечаяннаго стеченія обстоятельствъ возрасла въ его груди до необычайности; какъ въ тѣни огромнаго дуба прячутся всѣ окружающіе его скромные кустарники, такъ всѣ другія чувства склонялись передъ этой новой властью, исчезали въ ея потокѣ.

По гладкой, но узкой дорогѣ ѣхалъ Юрій; его шпага, ударяясь объ бока лошади, непримѣтно возбуждала ея благородное рвеніе; по обѣимъ сторонамъ дороги начинали желтѣть молодыя нивы—какъ молодой народъ, они волновались отъ легчайшаго дуновенія вѣтра; далѣе за ними тянулись—налѣво холмы, покрытые кудрявымъ кустарникомъ, а направо возвышался густой, старый, непроницаемый лѣсъ: казалось, мракъ черными своими очами выглядывалъ изъ-подъ каждой вѣтви; казалось, возлѣ каждаго дерева стоялъ рогатый, кривоногій лѣшій. Все молчало кругомъ, иногда долеталъ до путника нашего жалобный вой волковъ, иногда отвратительный крикъ филина, этого ночнаго сторожа, этого члена лѣсной полиціи, который, засѣвъ въ свою будку, гнилое дупло, окликаетъ прохожихъ лучше всякаго часоваго. Но вдругъ Юрій услышалъ другіе звуки: это былъ конскій топотъ, который неимовѣрно быстро приближался. Юрій хотѣлъ было своротить съ дороги, слѣдуя какому-то инстинкту... но гордость превозмогла; онъ остановился, вынулъ изъ кармана небольшой пистолетъ, взятый имъ изъ дома на всякій случай, осмотрѣлъ кремень, взвелъ курокъ и приготовился къ храброму отпору; скоро онъ замѣтилъ за собою, но еще очень далеко, бѣлѣющую пыль и наконецъ показался всадникъ, который мчался къ нему во всѣ лопатки.

Подскакавъ на разстояніи 50-ти шаговъ, незнакомецъ началъ удерживать ретиваго коня.

— Стой! — закричалъ Юрій, — не приближайся! или я размозжу тебѣ голову. Кто ты таковъ?

— Или ты не узналъ меня, баринъ,—отвѣчалъ хриплый голосъ:— неужели ты хочешь убить вѣрнаго своего раба?

— Какъ? Это ты, Ѳедосѣй? — воскликнулъ удивленный юноша, приближаясь къ нему и стараясь различить его черты; — но зачѣмъ ты здѣсь? — продолжалъ онъ строго,—мнѣ не нужно спутниковъ... я знаю свою дорогу... развѣ я звалъ тебя?.. Говори?..

— Эхъ, баринъ, баринъ!.. ты грѣшишь; я видѣлъ, какъ ты пріѣзжалъ... и тотчасъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ за тобой слѣдомъ, чтобъ совѣсть меня послѣ не укорила... Я все знаю, батюшка... вре-

мена тяжкія... да ужъ Ѳедосей тебя не оставитъ; гдѣ ты, тамъ и я сложу свою головушку. Богъ велѣлъ мнѣ служить тебѣ, баринъ; меня спросятъ на томъ свѣтѣ: служилъ ли ты вѣрой и правдой господамъ своимъ... а кабы я тебя оставилъ, что бы мнѣ пришлось отвѣчать? Много нынче злодѣевъ, дурной сталъ народъ, но я не изъ нихъ, Юрій Борисовичъ... прикажи только, отецъ родной... и въ воду и въ огонь кинусь для тебя... ужъ таково дѣло холопское, ты меня поилъ кормилъ до сей поры... теперь пришла моя очередь... сгину, а господъ не выдамъ...

Юрій былъ растроганъ; онъ ударилъ его по плечу и сказалъ:

— Если ты говоришь правду, Ѳедосей, то Богъ наградитъ тебя и семью твою; но ты знаешь, что я теперь не имѣю этой власти...

— Да куда ты ѣдешь, баринъ, одинъ одинехонекъ...

— Ѳедосей, я исполнилъ долгъ свой: извѣстилъ отца объ опасности, помогъ скрыться... и ѣду.—Юрій призадумался и наконецъ, отворотясь, молвилъ отрывисто—я хочу видѣться съ Ольгой.

«Вотъ что! — подумалъ Ѳедосей, поглаживая усы,—время думать объ дѣвкахъ, когда петля на шеѣ».—И, баринъ, молвилъ онъ, осмѣлившись, — брось ее! что теперь за свиданья... опасно показаться въ селѣ... пожалуй, на грѣхъ мастера нѣтъ... охъ, кабы ты зналъ, что болтаетъ народъ...

— Я хочу ее видѣть... возьму ее съ собой... и только тогда буду заботиться объ опасности... Я хочу, я долженъ ее видѣть...

— Плохо!—пробормоталъ Ѳедосей.

Молча они ѣхали рядомъ нѣсколько времени, ни тотъ, ни другой не умѣя или не желая возобновить разговора. Въ такіе часы, когда рѣшается судьба наша, мы не тратимъ лишнихъ словъ, потому что дорожимъ каждымъ мгновеньемъ, потому что всѣ земныя страсти кипятъ въ умѣ и одного взгляда довольно, чтобъ заставить понять себя.

— Баринъ,—воскликнулъ вдругъ Ѳедосей,—посмотри-ка, кажись, наши гумна виднѣются... Такъ, такъ!.. остановись-ка, баринъ; послушай, мнѣ пришло на мысль вотъ что: ты мнѣ скажи только, гдѣ найти Ольгу... я пойду и приведу ее, а ты подожди меня здѣсь у забора съ лошадьми... Сдѣлай милость, баринъ, не кидайся ты въ петлю добровольно... береженаго и Богъ бережетъ... а вѣдь ей нечего бояться... она не дворянка...

Это предложеніе поразило Юрія; онъ почувствовалъ нѣкоторый стыдъ. «Какъ!—думалъ онъ,—и я для нея побоюсь пожертвовать этой глупой жизнью...» Но скоро съ помощью нѣкоторыхъ услужливыхъ софизмовъ, онъ успокоилъ свою гордость, побѣдилъ стыдъ неумѣстный и, увы! согласился... слѣзъ съ коня и махнулъ рукою Ѳедосею на прощанье...

Я желалъ бы представить Юрія истиннымъ героемъ, но что же мнѣ дѣлать, если онъ былъ таковъ же, какъ вы и я! противъ правды словъ нѣтъ. Я уже прежде сказалъ, что только въ глазахъ Ольги онъ почерпалъ неистовый пламень, бурныя желанія, гордую волю, что внѣ этого волшебнаго круга, онъ былъ человѣкъ, какъ и другой—просто добрый, умный юноша—что дѣлать?

Когда Ѳедосей исчезъ за плетнемъ, окружавшимъ гумно, то Юрій привязалъ къ сухой ветлѣ усталыхъ коней и прилегъ на сырую землю; напрасно онъ думалъ, что холодный вѣтеръ и влажность высокой травы, проникнувъ въ его жилы, охладитъ кровь, успокоитъ волнующуюся грудь... всѣ призраки, всѣ невѣроятности, порождаемыя сомнѣніемъ ожиданія, кружились вокругъ него въ несвязной пляскѣ и невольно завлекали воображеніе все далѣе и далѣе, какъ иногда блуждающій огонекъ, обманчивый фонарь какого нибудь зловреднаго генія, заводитъ путника къ самому краю пропасти...

Юрій, чтобъ оторвать свою мысль отъ грозныхъ картинъ будущаго-обратилъ ее на прошедшее. Такъ врачи въ отчаянныхъ случаяхъ употребляютъ отчаянныя средства—но всегда ли они удаются?

И передъ нимъ началъ развиваться длинный свитокъ воспоминаній, и онъ въ изумленіи подумалъ: «ужели ихъ такъ много? Отчего только теперь они всѣ вдругъ, какъ на праздникъ, являются ко мнѣ?» И онъ началъ перебирать ихъ одно по одному, какъ дѣвушка иногда, гадая, перебираетъ листки цвѣтка, и въ каждомъ онъ находилъ или упрекъ, или сожалѣніе, и онъ могъ по особенному преимуществу, дающемуся почти всѣмъ въ минуты сильнаго безпокойства и страданія, исчислить всѣ чувства, разбросанныя, растерянныя имъ на дорогѣ жизни, но увы! эти чувства не принесли плода; одни, какъ сѣмена притчи, были поклеваны хищными птицами, другія потоптаны странниками, иныя упали на камень и сгнили отъ дождей безполезно.

Онъ сначала мысленно видѣлъ себя еще ребенкомъ, бѣлокурымъ, кудрявымъ, рѣзвымъ, шаловливымъ мальчикомъ, любимцемъ-баловнемъ родителей, грозой слугъ и особенно служанокъ; онъ видѣлъ себя невиннымъ воспитанникомъ природы, играющимъ на колѣняхъ няни, трепещущимъ при словѣ «бука»; онъ невольно улыбался, думая о томъ, какъ недавно прошли эти годы и какъ невозвратно они погибли.

Но вотъ насталъ возрастъ первыхъ страстей, первыхъ желаній... его отдаютъ воспитываться къ старой и богатой бабкѣ. — Апютка, простая дворовая дѣвочка, привлекла его вниманіе; о, сколько ласкъ, сколько словъ, взглядовъ, вздоховъ, обѣщаній—какія дѣтскія надежды, какія дѣтскія опасенія! — Какъ смѣшны и страшны, какъ безпечны,

какъ таинственны были эти первыя свиданія въ темномъ коридорѣ, въ темной бесѣдкѣ, обсаженной густолиственной рябиной, въ березовой рощѣ у грязнаго ручья, въ соломенномъ шалашѣ полѣсовщика! О, какъ сладки были эти первые, сначала непорочные, чистые и подъ конецъ преступные поцѣлуи; какъ разгорались глаза Анюты, какъ трепетали ея едва образовавшіяся перси, когда горячая рука Юрія смѣло обхватывала неперетянутый станъ ея, едва прикрытый посконнымъ клѣтчатымъ платьемъ, когда уста его впивались въ ея грудь, опаленную солнечнымъ зноемъ.

Но ему говорятъ, что пора служить... онъ спрашиваетъ, зачѣмъ? Ему грозно отвѣчаютъ, что 15-ти лѣтъ его отецъ былъ сержантомъ гвардіи, что ему уже 16-ть; итакъ... итакъ, заложили бричку, посадили съ нимъ дядьку, дали 20 рублей на дорогу и большое письмо къ какому-то правнучатному дядюшкѣ... ударилъ бичъ, колокольчикъ зазвенѣлъ... прости воля и рощи и поля, прости счастье, прости Анюта! Садясь въ бричку, Юрій встрѣтилъ ея глаза, неподвижные, полные слезами; она изъ-за дверей долго на него смотрѣла... онъ не могъ рѣшиться подойти, поцѣловать въ послѣдній разъ ея блѣдныя щечки, онъ какъ вихорь промчался мимо нея, вырвалъ свою руку изъ холодныхъ рукъ Анюты, которая мечтала хоть на минуту остановить его... «О, какой звѣрской холодности она приписала мой поступокъ, какъ смѣло она можетъ теперь презирать меня!» думалъ онъ тогда... но что же! Онъ ее увидѣлъ 6 лѣтъ спустя... увы! она сдѣлалась дюжей толстой бабою; онъ видѣлъ, какъ она колотила слюнявыхъ ребятъ, мела избу, бранила пьянаго мужа самыми отвратительными рѣчами... очарованіе разлетѣлось какъ дымъ; настоящее отравило прелесть минувшаго. Съ этихъ поръ онъ не могъ вообразить Анюту иначе, какъ рядомъ съ этой отвратительной женщиной; онъ долженъ былъ изгладить изъ своей памяти, какъ умершую, эту живую, черноглазую, чернобровую дѣвочку... и принесъ эту жертву своему самолюбію, почти безъ всякаго сожалѣнія.

Между тѣмъ заботы службы, новыя лица, новыя мысли побѣдили въ сердцѣ Юрія первую любовь, изгладили въ его сердцѣ первое впечатлѣніе... Слава!... вотъ его кумиръ... Война!... вотъ его наслажденіе... Походъ въ Турцію... О! какъ онъ упитаетъ кровью невѣрныхъ свою острую шпагу, какъ гордо онъ станетъ попирать разрубленныя чалмы поклонниковъ корана! Какъ счастливъ онъ будетъ, когда самъ Суворовъ ударитъ его по плечу и молвитъ: «молодецъ, хватъ! лучше меня!... Помилуй Богъ!» Суворовъ вѣрно ему скажетъ что нибудь въ этомъ родѣ, когда онъ первый взлетитъ, сквозь огонь и градъ пуль турецкихъ, на окровавленный валъ и, колеблясь, истекая кровью отъ глубокой, хотя бездѣльной раны, водрузитъ въ чуж-

дую землю первое знамя съ двуглавымъ орломъ! О, какія поздравленія, какія объятія послѣ битвы!

Но войска перешли черезъ границу русскую—и пылаютъ села невѣрныхъ на берегу Дуная, который, подмывая берега свои, широкой зеленой волной катится черезъ дикія поляны... О, какъ жадно вдыхалъ Юрій этотъ теплый, ароматный воздухъ, какъ страстно онъ кидался въ шумную стычку, съ какимъ наслажденіемъ погружалъ свою шпагу во внутренность безобразнаго турка, который, выворотивъ глаза, съ судорожнымъ движеніемъ кусалъ и грызъ холодное желѣзо! Но кто эта плѣнница, которую такъ бережливо скрываетъ онъ въ шатрѣ своемъ отъ взоровъ товарищей, любопытныхъ и нескромныхъ? Кто она? О, это тайна! тайна, которую знаетъ лишь онъ да Богъ * . . . .

Онъ нашелъ ее полуживую, подъ пылающими угольями разрушенной хижины; неизъяснимая жалость зашевелилась въ глубинѣ души его и онъ поднялъ Зару—и съ этихъ поръ она жила въ его палаткѣ незрима и прекрасна, какъ ангелъ; въ ея чертахъ все дышало небесной гармоніей, ея движенія говорили, ея глаза ослѣпляли волшебнымъ блескомъ, ея бѣленькая ножка, исчерченная лиловыми жилками, была восхитительна, какъ фарфоровая игрушка, ея смугловатая твердая грудь воздымалась отъ малѣйшаго вздоха... Страсть блистала во всемъ: въ слезахъ, въ улыбкѣ, въ самой неподвижности; судя по ея наружности, она не могла быть существомъ обыкновеннымъ: она была или божество, или демонъ; ея душа была или чиста и ясна какъ веселый лучъ солнца, отраженный слезою умиленія, или черна какъ эти очи, какъ эти волосы, разсыпающіеся подобно водопаду по круглымъ бархатнымъ плечамъ... Такъ думалъ Юрій, и предался прекрасной мусульманкѣ, предался тѣломъ и душою, не удостоивъ будущаго ни единымъ вопросомъ. Прошли двѣ недѣли, и онъ еще не былъ утомленъ сладострастіемъ, не былъ пресыщенъ поцѣлуями... О, друзья мои, это не шутка: двѣ недѣли!

Однажды... какъ живо теперь въ его памяти представляется эта грозная ночь... Юрій спалъ на мягкомъ коврѣ въ своей палаткѣ; походная лампада догорала въ углу и по временамъ невѣрный блескъ пробѣгалъ по полосатымъ стѣнамъ шатра, освѣщая серебряную отдѣлку пистолетовъ и сабель, отбитыхъ у врага и живописно развѣшанныхъ надъ ложемъ юноши. Юрій спалъ, но вдругъ, какъ ужаленный скорпіономъ, пробудился; на него были устремлены два черные глаза и свѣтлый кинжалъ! Адъ и проклятіе! еще вчера онъ ненасытно любилъ эти очи, еще вчера за эту маленькую ручку онъ бы отдалъ

* Выпущена одна строка.

все свое имущество! Въ одно мгновеніе вырвалъ онъ у Зары смертоносное орудіе и кинулъ далеко отъ себя—но турчанка не испугалась, не смутилась... она отошла, сложила руки и склонила голову на грудь, готовая принять заслуженную казнь, готовая слушать безмолвно всѣ упреки, всѣ обиды... въ ней точно кипѣла южная кровь!

— Неблагодарная, змѣя!—воскликнулъ Юрій: — говори, развѣ смертью платятъ у васъ за жизнь? Развѣ на всѣ мои ласки ты не знала другаго отвѣта, какъ ударъ кинжала? Боже! Создатель! такая наружность и такая душа! О, если всѣ твои ангелы похожи на нее, то какая разница между адомъ и раемъ? Нѣтъ, Зара! нѣтъ! это не можетъ быть... отвѣчай смѣло: я обманулся, это сонъ, я боленъ, я безумецъ! говори, чего ты хочешь?

— Я хочу свободы,—отвѣчала Зара.

— Свободы!... а! я тебѣ наскучилъ... ты вспомнила о своихъ минаретахъ, о своей хижинѣ—но они сгорѣли... съ той поры моя палатка сдѣлалась твоей отчизной... Но ты хочешь свободы... ступай, Зара!... Божій міръ великъ, найди себѣ домъ, друзей... ты видишь, и безъ моей смерти можно получить свободу...

Молча Зара вышла; онъ долго слѣдовалъ за нею взоромъ и мечтою; луна озаряла ея длинное покрывало, которое какъ бѣлый туманъ обвивалось вокругъ ея гибкаго стана; она, какъ призракъ, неслышно скользила по травѣ... вотъ скрылась вдали за палаткой... вотъ мелькнула и снова скрылась... прощай, Зара! прощай, роза Гулистана! прощай навѣки!

На другой день, рано утромъ, блѣдный, съ мутнымъ взоромъ, безпокойный, какъ хищный звѣрь, рыскалъ Юрій по лагерю... Все было спокойно, солнце только что начинало разгораться и проникать одежду... вдругъ въ одномъ шатрѣ Юрій слышитъ ропотъ поцѣлуевъ, вздохи, стонъ любви, смѣхъ и снова поцѣлуи; онъ прислушивается... онъ видитъ щель въ разорванномъ полотнѣ; непреодолимая сила приковала его къ этой щели... его взоры погружаются во внутренность подозрительнаго шатра... Боже правый!... онъ узнаетъ свою Зару въ объятіяхъ артиллерійскаго поручика!

Онъ не былъ мстителенъ, но злоба, но глубокая печаль проникла въ его душу... онъ много, много плакалъ... хотѣлъ умереть—и не умеръ, рѣшился забыть Зару и... друзья мои... забылъ ее!

Наконецъ кончилась война; знамена русскія, пошумѣвъ надъ берегами Дуная, свернулись; возвратясь на родину, Юрій рѣшился мстить измѣной всѣмъ женщинамъ вмѣсто одной—чрезвычайно покойная и умная выдумка!... Не одна 30-лѣтняя вдова рыдала у ногъ его, не одна богатая барыня сыпала золотомъ, чтобъ получить одну его улыбку... Въ столицѣ, на пышныхъ праздникахъ, Юрій съ злоб-

ною радостью старался ссорить своихъ красавицъ и потомъ, когда онъ замѣчалъ, что одна изъ нихъ начинала изнемогать подъ бременемъ насмѣшекъ, онъ подходилъ, склонялся къ ней, и съ этой небрежной ловкостью самодовольнаго юноши, говорилъ, улыбался... и всѣ ея соперницы блѣднѣли. О, какъ Юрій забавлялся сей тайной, но убійственной войною! Но что ему осталось отъ всего этого? воспоминанія? да, но какія? горькія, обманчивыя, подобно плодамъ, растущимъ на берегахъ Мертваго моря, которые, блистая румяной корою, таятъ подъ нею пепелъ, сухой, горячій пепелъ! И нынѣ сердце Юрія всякій разъ при мысли объ Ольгѣ, какъ трескучій факелъ, окропленный водою, съ усиліемъ и болью разгоралось; неровно, порывисто оно билось въ груди его, какъ ягненокъ подъ ножемъ жертвоприносителя. Онъ смутно чувствовалъ, что это его послѣдняя страсть, узелъ, который судьба, не умѣя расплесть, перерубитъ, подобно Александру.

ГЛАВА XX.

Ѳедосей, не бывъ никѣмъ замѣченъ, пробрался черезъ гумна и наконецъ спустился въ знакомый намъ овражекъ, перелѣзъ черезъ плетень и приблизился къ банѣ. Но что же? въ эту рѣшительную минуту внезапный туманъ покрылъ его мысли; казалось, незримая рука отталкивала его отъ низенькой двери и вмѣстѣ съ этимъ онъ не имѣлъ силы удалиться, какъ боязливая птица, очарованная магнетическимъ взоромъ змѣи. Съ минуту онъ оставался неподвиженъ, но вдругъ опомнился, толкнулъ дверь—и вошелъ; не переступая черезъ порогъ, онъ оглянулся—и ему показалось, что черная тѣнь мелькнула за рябиновымъ кустомъ; онъ не успѣлъ различить ея формы, но тайное предчувствіе говорило ему, что это или злой духъ или злой человѣкъ. Когда Ѳедосей, пройдя черезъ сѣни, вступилъ въ баню, то остановился, пораженный смутнымъ сожалѣніемъ; его дикое и грубое сердце сжалось при видѣ такихъ прелестей и такаго страданія: на полу сидѣла, или лучше сказать, лежала Ольга, приклонивъ голову на нижнюю ступень полкà и поддерживая ее правою рукою; ея небесныя очи, полузакрытыя длинными шелковыми рѣсницами, были неподвижны, какъ очи мертвой, полны этой мрачной и таинственной поэзіи, которую такъ нестройно, такъ обильно изливаютъ взоры безумныхъ. Можно было тотчасъ замѣтить, что съ давнихъ поръ ни одна алмазная слеза не прокатилась подъ этими атласными вѣками, окруженными легкой коричневатой тѣнью; всѣ ея слезы превратились въ ядъ, который неумолимо грызъ ея сердце; ржавчина грызетъ желѣзо, а сердце 18 лѣтней дѣвушки такъ мягко, такъ нѣжно, такъ чисто, что каждое дыханіе досады туманитъ его какъ стекло, каждое прикосно-

веніе судьбы оставляетъ на немъ глубокіе слѣды, какъ бѣдный пѣшеходъ оставляетъ свой слѣдъ на золотистомъ днѣ ручья. Ручей — это надежда; покуда она свѣтла и жива, то въ нѣсколько мгновеній слѣды изглажены, но если однажды надежда испарилась, вода утекла, то кому нужда до этихъ ничтожныхъ слѣдовъ, до этихъ незримыхъ ранъ, покрытыхъ одеждою приличій.

Холодна, равнодушна лежала Ольга на сыромъ полу и даже не пошевелилась, не приподняла взоровъ, когда вошелъ Ѳедóсей. Фонарь съ умирающей своей свѣчою стоялъ на лавкѣ и дрожащій лучъ, прорываясь сквозь грязныя зеленыя стекла, увеличивалъ блѣдность ея лица; блѣдныя губы казались зеленоватыми; полураспущенная коса бросала зеленоватую тѣнь на круглое гладкое плечо, которое, освободясь изъ плѣна, призывало поцѣлуй; душегрѣйка, смятая подъ нею, не прикрывала болѣе высокой роскошной груди; два мягкіе шара, бѣлые и хладные какъ снѣгъ, почти совсѣмъ обнаженные, не волновались какъ прежде: взоръ мужчины безпрепятственно покоился на нихъ, ни малѣйшая краска не пробѣгала ни на шеѣ, ни на ланитахъ. Женщина, (только) потерявъ надежду, можетъ потерять стыдъ, это непонятное, врожденное чувство, это невольное сознаніе женщины въ неприкосновенности, въ святости своихъ тайныхъ прелестей.

Спрятавъ ноги подъ длинное платье, лежала Ольга, и въ недоумѣніи передъ ней стоялъ уполномоченный посланникъ Юрія; наконецъ онъ нетерпѣливо дернулъ ее за рукавъ.

— Вставай, вставай—время дорого.

— Ты опять здѣсь!—прошептала она не приподнимая головы.

— Какой чортъ опять! да ты меня не узнала, што ли? Вставай—время дорого! Юрій Борисычъ ждетъ за гумнами... неравно безъ меня что случится...

— О, не называй его! ты хочешь меня обмануть... это какая нибудь адская западня... О, Вадимъ, дай мнѣ по крайней мѣрѣ умереть въ покоѣ... тебѣ судьба за меня отплатитъ...

— Что ты, матушка, бредишь? помилуй... какой тутъ Вадимъ? я Ѳедосей—чай, меня не забыла... Да вставай... баринъ остался одинъ... а время опасное...

— Какъ пробужденная отъ сна вскочила Ольга, не вѣря глазамъ своимъ; съ минуту пристально вглядывалась въ лицо сѣдаго ловчаго и наконецъ воскликнула съ внезапнымъ восторгомъ:—такъ онъ меня не забылъ! такъ онъ меня любитъ? любитъ? онъ хочетъ бѣжать со мною, далеко, далеко!—и она прыгала и едва не цѣловала шершавыя руки охотника — и смѣялась и плакала... Нѣтъ, продолжала она, немного успокоившись, — нѣтъ! Богъ не потерпитъ, чтобъ люди насъ разлучили, нѣтъ! Онъ мой, мой, на землѣ и въ могилѣ вездѣ мой; я

купила его слезами кровавыми, мольбами, тоскою, онъ созданъ для меня, нѣтъ! онъ не могъ забыть свои клятвы, свои ласки...

— Я этого ничего не знаю, прервалъ хладнокровно Ѳедосей, — ужъ вы тамъ съ бариномъ согласитесь, какъ хотите, купить или не купить, а я знаю только то, что намъ пора... если ужъ не поздно...

— Но куда? какъ?

— Ужъ это мое дѣло! провалъ побери... развѣ не вѣришь?

— Ѳедосей, если ты обманываешь, оборони Боже...

— Что я за басурманъ... да скорѣе... Юрій Борисовичъ ждетъ насъ за гумнами на дорогѣ... чай, глазыньки проглядѣлъ...

— Я готова...

Ѳедосей, подавъ ей знакъ молчать, приблизился къ двери, отворилъ ее до половины и высунулъ голову съ намѣреніемъ осмотрѣть, все ли кругомъ пусто и тихо. Довольный своимъ обзоромъ, онъ, покашлявъ, проворчалъ что-то про себя и ужъ готовился совершенно расхлопнуть дверь, какъ вдругъ онъ ахнулъ, схватился рукой за шею, вытянулся и въ судорогахъ упалъ на землю; что-то мокрое брызнуло на руки и на грудь Ольги... она затряслась всѣмъ тѣломъ... хотѣла кричать... не могла... Передъ нею Ѳедосей плавалъ въ крови своей, грызъ землю и гребъ ее ногтями, а надъ нимъ съ топоромъ въ рукѣ на самомъ порогѣ стоялъ нѣкто еще ужаснѣе, чѣмъ умирающій: онъ стоялъ неподвижно, смотрѣлъ на Ольгу глазами коршуна и указывалъ пальцемъ на окровавленную землю; онъ торжествовалъ, какъ Геркулесъ, побѣдившій змѣя: улыбка, ядовито-сладкая улыбка набѣгала на его красныя губы: въ ней дышала то гордость, то презрѣніе, то сожалѣніе—да, сожалѣніе палача, который не по собственной волѣ, но по повелѣнію высшей власти наноситъ смертный ударъ.

— Ты видишь! сказалъ наконецъ Вадимъ съ глухимъ смѣхомъ,—я сдержалъ свое обѣщаніе... это онъ! не бойся взглянуть на искаженныя черты, нѣкогда молодаго, свѣтлаго лица... Это онъ!... тотъ самый, чья голова покоилась на груди твоей, кто на губахъ твоихъ замиралъ въ упоеніи, кто за одинъ твой нѣжный взглядъ оставилъ домъ, отца и мать,—для кого и ты бы ихъ покинула, если бъ имѣла... Это онъ! бѣдный глупый юноша! который такъ гордился своимъ дворянскимъ происхожденіемъ, который съ такимъ самодовольствіемъ носилъ свой зеленый раззолоченный мундиръ, который, окруженный лестію, сыпалъ деньги своимъ льстецамъ, не требуя даже благодарности, которому стоило только мигнуть, чтобъ женщина кинулась въ его объятія—да! — что же онъ теперь! окровавленный прахъ! бездушный чурбанъ, не чувствующій даже обиды, — и Вадимъ толкнулъ ногою охладѣвшій трупъ и продолжалъ: Какъ отвратителенъ теперь онъ долженъ быть... посмотри, Ольга, я не хочу смягчать душу этимъ зрѣлищемъ; посмо-

три, какъ хороши его закатившіеся бѣлые глаза... Творецъ небесный!.. кто же все это сдѣлалъ, кто превратилъ прекрасное созданіе Бога въ глыбу грязи? кто напиталъ эти кудри багрянымъ напиткомъ? кто разбрызгалъ по стѣнѣ этотъ бѣлый, чистый мозгъ?.. кто?.. я, я, я! ха! ха! ха! презрѣнный нищій, безсильный рабъ, безобразный горбачъ! да! да! неужели это такъ удивительно?.. Я говорилъ тебѣ, Ольга, не люби его! ты не послушалась; ты, какъ обыкновенная женщина, прельстилась на золото, красоту и пышныя обѣщанія; ты мнѣ не повѣрила: онъ обѣщалъ тебѣ счастіе — мечту, а я обѣщалъ месть и вѣрную месть. Ты выбрала первое; ты смѣла помыслить, что люди могутъ противиться судьбѣ, будто бы я ужъ такъ давно отвергнутъ Богомъ, что онъ захочетъ мнѣ отказать въ первомъ, послѣднемъ, единственномъ удовольствіи... Я твой братъ, Ольга, братъ! господинъ, повелитель, царь твой—насъ только двое на свѣтѣ изъ всего семейства—мой путь долженъ быть твоимъ; напрасно ты мечтала разорвать слабой рукой то, что связала природа: гдѣ бушуетъ моя ненависть, тамъ не цвѣсть любви твоей... Онъ на минуту замолкъ, его волосы стояли дыбомъ, глаза разгорались какъ уголья, и рука, простертая къ Ольгѣ, дрожала на воздухѣ; онъ поставилъ ногу на грудь мертвецу такъ крѣпко, что слышно было, какъ захрустѣли кости, и принявъ торжественный видъ жреца, произнесъ: — Свершилось — первое мое желаніе — онъ палъ, вотъ онъ—убійца моихъ надеждъ; вотъ онъ, грабитель моего перваго блаженства — ненавижу тебя и въ могилѣ и берегись, если мы когда нибудь встрѣтимся на томъ свѣтѣ! А ты, Ольга, — ты ступай, куда хочешь, между нами всѣ счеты кончены; я тебѣ заплатилъ — живи, умри — мнѣ все равно — прощай сестра! — прощай и ты, бѣдный юноша!

И Вадимъ, пожавъ плечами, приподнялъ голову мертваго за волосы, обернулъ ее къ фонарю, взглянулъ на позеленѣвшее лицо — вздрогнулъ, взглянулъ еще ближе и пристальнѣе—вдругъ закричалъ и отскочилъ какъ бѣшенный—голова, выпущенная изъ рукъ, ударилась о землю какъ камень; это было мгновеніе, но въ семъ мгновеніи заключалась цѣлая ужасная драма. Вадимъ, обманутый въ послѣдней надеждѣ, потерялся; онъ не могъ удержаться на ногахъ: блѣдный, страшный, онъ присѣлъ на скамью — и какъ вы думаете, что онъ дѣлалъ? плакалъ; да, плакалъ, какъ ребенокъ, горькими слезами.

Онъ сидѣлъ и рыдалъ, не обращая вниманія ни на сестру, ни на мертваго: Богъ одинъ знаетъ, что тогда происходило въ груди горбача, потому что закрывъ лицо руками, онъ не произнесъ ни одного слова болѣе... онъ казалось понялъ, что теперь боролся уже не съ людьми, но съ провидѣніемъ, и смутно предчувствовалъ, что если даже останется побѣдителемъ, то слишкомъ дорого купитъ побѣду; но не-

поколебимая желѣзная воля составляла все существо его, она не знала ни преградъ, ни остановокъ, стремясь къ своей цѣли! Такъ неугомонная волна день и ночь безъ устали хлещетъ и лижетъ гранитный берегъ: то старается вспрыгнуть на него, то снизу подмыть и опрокинуть; долго она трудится напрасно, каждый разъ отброшена въ дальнее море... но ничто ее не можетъ успокоить: и вотъ проходятъ годы, и подмытая скала срывается съ берега и съ гуломъ погружается въ бездну, и радостныя волны пляшутъ и шумятъ надъ ея могилой.

И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ противустоять твердой волѣ человѣка? Воля—заключаетъ въ себѣ всю душу, хотѣть—значитъ ненавидѣть, любить, сожалѣть, радоваться, жить; однимъ словомъ, воля есть нравственная сила каждаго существа, свободное стремленіе къ созданію или разрушенію чего нибудь, отпечатокъ божества, творческая власть, которая изъ ничего созидаетъ чудеса... О, если бы волю можно было разложить на цифры и выразить въ углахъ и градусахъ—какъ всемогущи и всезнающи были бы мы!

Не знаю, сколько часовъ сидѣлъ въ забытьи Вадимъ, но когда онъ поднялъ голову, то не нашелъ возлѣ себя сестры; свѣжій вѣтеръ утра, прорываясь въ дверь, шевелилъ платьемъ убитаго и по временамъ казалось, что онъ потрясалъ головой, такъ высоко взвѣвались рыжіе волосы на челѣ его, увлаженномъ густой, полузапекшейся кровью. Вадимъ холодно взглянулъ на Ѳедосея, покачалъ головой съ сожалѣніемъ, перешагнулъ черезъ протянутыя ноги и пошелъ скорымы шагами вдоль по оврагу. Востокъ бѣлѣлъ примѣтно и розовый блескъ змѣей обрисовывалъ нижнія части большаго сѣраго облака, которое, имѣя видъ коршуна съ растянутыми крылами, держащаго змѣю въ когтяхъ своихъ, покрывало всю восточную часть небосклона; фантастически отдѣлялись предметы на дальнемъ небосклонѣ и высокія сосны и березы окрестныхъ лѣсовъ чернѣли, какъ часовые на рубежѣ земли; природа была тиха и торжественна, и холмы начинали озаряться сквозь бѣлый туманъ, какъ иногда озаряется лицо невѣсты сквозь брачное покрывало; все было свято и чисто — а въ груди Вадима какая буря!

ГЛАВА XXI.

Было около двухъ часовъ пополудни; солнце медленно катилось по жаркимъ небесамъ и гибкіе верхи деревъ едва колебались, перешоптываясь другъ съ другомъ; въ густомъ лѣсу изрѣдка напѣвали странствующія птицы, изрѣдка вѣщая кукушка повторяла свой унылый напѣвъ, мѣрный, какъ бой часовъ въ сырой готической залѣ. На муравѣ, подъ огромнымъ дубомъ, окруженные часто-сплетеннымъ кустарникомъ, сидѣли два человѣка: мужчина и женщина; ихъ руки

были исцарапаны колючими вѣтвями и платья изорваны въ долгомъ странствіи сквозь чащу; усталость и печаль изображались на ихъ лицахъ, молодыхъ, прекрасныхъ.

Молодая женщина, скинувъ обувь, измокшую отъ росы, обтирала концомъ большаго платка розовую маленькую ножку, едва разрисованную лиловыми тонкими жилками, украшенную нѣжными прозрачными ноготками; она по временамъ поднимала голову, отряхнувъ волосы, ниспадающіе на лицо, и улыбалась своему спутнику, который, облокотясь на руку, кидалъ разсѣянные взгляды, то на нее, то на небо, то въ чащу лѣса. По временамъ онъ наморщивалъ брови, когда мрачная мысль прокрадывалась въ умѣ его; но временамъ неожиданная влажность покрывала его голубые глаза—и если въ это время они встрѣчали радужную улыбку подруги, то быстро опускались, какъ будто бы пораженные яркимъ лучемъ солнца.

— Ты задумчивъ!—сказала она,—но отчего? — опасность прошла; я съ тобою... ничто не противится нашей любви..... * Богъ милостивъ!.. зачѣмъ грустить, Юрій!—Это правда, мы скитаемся въ лѣсу, какъ дикіе звѣри, но за то, какъ они, свободны — пустыня будетъ нашимъ отечествомъ, Юрій, а лѣсныя птицы — нашими наставниками; посмотри, какъ онѣ счастливы въ своихъ открытыхъ тѣсныхъ гнѣздахъ...

— Да, — отвѣчалъ Юрій, — счастливы! и я возлѣ тебя счастливъ! Но твои шутки иногда для меня мучительны!...

— Развѣ лучше, если я буду плакать!...

— Ольга! ты мой ангелъ утѣшитель! О если бы ты знала, какія грозныя предчувствія тѣснятся въ душѣ моей! и какъ было не отгадать, что это случится, когда самые ужасные слухи такъ нагло разливались въ народѣ? Отчего они тогда казались намъ невѣроятны? а теперь русскіе дворяне гибнутъ и скрываются въ лѣсахъ отъ простаго казака, подлаго самозванца и толпы кровожадныхъ разбойниковъ! Всѣ, которые доселѣ готовы были цѣловать наши подошвы, теперь поднялись на насъ, о, змѣи! змѣи! Если бы я зналъ, я бы раздавилъ васъ... и вдругъ, въ одну ночь все погибло... мать, отецъ, имущество, родная кровля... все отнято... здѣсь ждетъ голодъ, холодъ, жизнь нищаго—а тамъ висѣлица, пытки, позоръ... Боже! что мы сдѣлали? — о, казни меня самъ, но зачѣмъ поручить орудье казни этой грязной, подлой толпѣ рабовъ?

— Юрій! успокойся... видишь, я равнодушно смотрю на потерю всего, кромѣ твоей нѣжности... Я видѣла кровь, видѣла ужасныя вещи, слышала слова, которыхъ бы ангелы испугались... но на груди

---

* Слово не разобрано.

твоей все забыто. Когда мы переплывали рѣку на конѣ и ты держалъ меня въ своихъ объятіяхъ такъ крѣпко, такъ страстно, я не позавидовала бы ни царицѣ, ни райскому херувиму... Я не чувствовала усталости, слѣдуя за тобой сквозь колючій кустарникъ, перелѣзая поминутно черезъ опрокинутые рогатые пни... Это правда, у меня нѣтъ ни отца, ни матери... При сихъ словахъ произнесенныхъ безъ умысла, она поблѣднѣла и замолкла, какъ будто сама испугалась ихъ... Юрій обхватилъ ея мягкій станъ, приклонилъ къ себѣ и поцѣловалъ ее въ шею: дѣвственныя груди облились румянцемъ, заволновались, стараясь вырваться изъ подъ упрямой одежды... О, сколько сладострастія дышало въ ея полураскрытыхъ пурпуровыхъ устахъ! Онъ жадно прилѣпился къ нимъ, лихорадочная дрожь пробѣжала по его тѣлу, томный вздохъ вырвался изъ груди...

— Ты права! — говорилъ онъ, — чего мнѣ желать теперь? Пускай придутъ убійцы... я былъ счастливъ!... чего болѣе для меня... я видалъ смерть близко на ратномъ полѣ и не боялся... и теперь не испугаюсь: я мужчина, я твердъ душой и тѣломъ и до конца не потеряю надежды спастись вмѣстѣ съ тобою... Но если надобно умереть, я умру не вздрогнувъ, не простонавъ... клянусь, никто подъ небесами не скажетъ, что твой другъ склонилъ колѣни передъ низкими палачами...

Въ такихъ разговорахъ пролетѣлъ часъ; они встали, пошли на востокъ, углубляясь въ лѣсъ болѣе и болѣе; вотъ подошли къ оврагу, и Юрій замѣтилъ изломанныя вѣтви и слѣды человѣка на сухихъ и гнилыхъ листахъ, коими усѣяна была земля.

— Пойдемъ по этому слѣду, Ольга, — сказалъ онъ подумавъ немного, — онъ приведетъ насъ куда нибудь... быть можетъ къ мѣсту спасенія...

— Чего бояться? пойдемъ... умереть съ голоду хуже; а если Богъ сохранилъ насъ доселѣ, то это значитъ, что онъ хочетъ быть нашимъ спасителемъ и далѣе... перекрестись... и пойдемъ...

Нѣсколько времени они шли, прилежно разбирая слѣды, мѣстами засыпанные свѣжими листьями и забросанные сухимъ валежникомъ; наконецъ, послѣ долгихъ и утомительныхъ розысканій они выбрались на небольшую поляну, на которой между нѣсколькими деревами возвышались намъ уже знакомые три кургана.

— Что это значитъ? — воскликнулъ Юрій, замѣтивъ чернѣющіеся выходы пещеръ.

— Постой, постой, Юрій... такъ точно... благодари провидѣніе... мы спасены.

— Но что такое? я не понимаю тебя!

— Я слышала много разсказовъ про эти пещеры, Юрій; подъ эти-

ми курганами таятся глубокіе подземные ходы, куда только самые смѣлые охотники прокрадывались... но намъ чего бояться? это мѣсто безопаснѣе самаго крѣпкаго терема.

— Въ самомъ дѣлѣ, — отвѣчалъ Юрій, осматривая мѣсто, — если всѣ эти разсказы справедливы, то мы спасены; остается только знать, не прячется ли въ нихъ дикій медвѣдь... или другой негостепріимный пустынникъ.

Подойдя къ одному изъ отверстій Чортова Логовища, Юрію показалось, что слышитъ запахъ дыма; онъ всунулъ туда голову — точно! но что это значитъ? ужъ не занята ли ихъ квартира? — Онъ сообщилъ свое замѣчаніе Ольгѣ: она испугалась, схватила его за руку и, какъ будто въ этой пещерѣ скрывалось грозное чудовище, съ трепетомъ воскликнула: — Пойдемъ отсюда... пойдемъ... не медли ни минуты...

— Идти... но куда же? ты забыла, что у насъ кромѣ синяго неба и темнаго лѣса нѣтъ ни кровли, ни пристанища... И чего бояться? это явно, что въ пещерѣ есть жители... Кто они таковы? что намъ за дѣло... если они разбойники, то имъ нечего съ насъ взять... если изгнанники, подобно намъ, то еще менѣе причинъ къ боязни... къ тому же въ теперешнія времена злодѣи и убійцы не боятся смотрѣть на красное солнце, не стыдятся показывать свои лица въ народѣ...

— Но я боюсь, Юрій,—твои убѣжденія ничтожны—я боюсь...

И она, какъ пугливое дитя, уцѣпилась за его руку и устремивъ на него умоляющій взглядъ, то улыбалась, то готова была заплакать.

— Ты ребенокъ! стыдись...

— Я не знаю ни стыда, ничего... ради любви моей, не ходи въ пещеру, пойдемъ далѣе... это западня... какъ тамъ темно, какъ страшно...

— Послушай... если мы пойдемъ далѣе, то не зная окрестностей. забредемъ Богъ знаетъ куда и попадемся въ руки казаковъ; тогда я неизбѣжно погибъ—развѣ ты хочешь моей смерти?

— Юрій... и ты смѣешь дѣлать такіе вопросы?

— Итакъ, пусти меня... или лучше пойдемъ вмѣстѣ въ это подземелье, и пусть будетъ что суждено!

Съ сими словами, вынувъ шпагу, онъ на колѣняхъ вползъ въ одно изъ отверстій, держа передъ собою смертоносное оружіе и, ощупью подвигаясь впередъ, дошелъ до того мѣста, гдѣ можно было идти прямо; сырой воздухъ могилы проникъ въ его члены, отдаленный ропотъ началъ поражать его слухъ, постепенно увеличиваясь; порою дымъ валилъ ему настрѣчу, и вскорѣ передъ собою, хотя въ отдаленіи онъ различилъ слабый свѣтъ огня, который то вспыхивалъ, то замиралъ; сердце его забилось ожиданіемъ; онъ началъ подвигаться тише, ста-

раясь произвесть какъ можно менѣе шуму и готовясь къ отчаянному сопротивленію, въ случаѣ неожиданнаго нападенія хозяевъ этого мрачнаго жилища, даже если бы то были существа безплотныя, духи зла и обмана.

Когда Юрій вошелъ въ круглую залу, неровно освѣщенную трескучимъ огонькомъ, разложеннымъ у подошвы четвероугольнаго столба, то сначала онъ ничего не могъ различить; пожирая нѣсколько сухихъ смолистыхъ вѣтвей, огонь ярко вспыхивалъ, бросая красныя искры вокругъ себя, а дымъ слоями разстилался по всему подземелью. Юрій остановился на минуту, чтобъ хорошенько осмотрѣться, и когда глаза его привыкли немного къ этой смрадной и туманной атмосферѣ, то онъ замѣтилъ въ одной изъ впадинъ стѣны что-то похожее на лицо человѣка, который, прижавшись къ землѣ, казалось не обращалъ на него вниманія. Юрій рѣшился подойти поближе и приготовившись къ защитѣ, закричалъ громовымъ голосомъ:

— Кто здѣсь?... вставай!... что ты за человѣкъ?... другъ или недругъ?... отвѣчай сію минуту, или будетъ худо!

Неизвѣстный приподнялся, вздрогнулъ, потеръ глаза и схвативъ огромную дубину, лежавшую у ногъ его, размахнулся не отвѣчая ни слова; окруженный дымомъ, который, какъ извѣстно, имѣетъ свойство увеличивать предметы и озаренный неровнымъ свѣтомъ огня, житель пещеры казался вѣроятно несравненно страшнѣе и огромнѣе, нежели въ самомъ дѣлѣ.

Юрій, видя неравенство борьбы и не надѣясь отразить ударъ дубины тонкой стальной шпагой, отскочилъ проворно назадъ; дубина упала на огонь; красные уголья и дымныя головешки съ трескомъ полетѣли на всѣ стороны.

— Остановись,—сказалъ Юрій,—или я тебя пронижу насквозь.

Незнакомецъ, какъ будто пораженный его голосомъ, остановился, началъ всматриваться и произнесъ довольно невнятно: кто ты?

Въ эту минуту яркій лучъ догорающаго огня озарилъ лицо Юрія; незнакомецъ-отецъ, не дождавшись отвѣта, кинулся къ нему и заревѣлъ хриплымъ голосомъ: сынъ мой! сынъ мой!

Они упали другъ другу въ объятія; они плакали отъ радости и отъ горя. И волчица прыгаетъ и воетъ и мотаетъ пушистымъ хвостомъ, когда найдетъ потеряннаго волченка, а Борисъ Петровичъ былъ человѣкъ, какъ вамъ это извѣстно, то есть животное, которое ничѣмъ не хуже волка, по крайней мѣрѣ такъ утверждаютъ натуралисты и философы; эти господа знаютъ природу человѣка столь же твердо, какъ мы грѣшные наши утренія и вечернія молитвы—сравненіе чрезвычайно справедливое.

Между тѣмъ отецъ и сынъ со слезами обнимали, цѣловали другъ

друга и не замѣчали, что недалеко отъ нихъ стояло существо имъ совершенно чуждое—существо забытое, но прекрасное, нѣжное,—женщина съ огненной душой, съ душой чистой и свѣтлой какъ алмазъ; не замѣчали они, что каждая ихъ ласка или слеза были для нея убійственнѣе, чѣмъ ядъ и кинжалъ; она также плакала, но одна, одна, какъ плачетъ изгнанный херувимъ, взирая на блаженство своихъ братьевъ сквозь рѣшетку райской двери.

Когда Борисъ Петровичъ разсказалъ сыну, какимъ образомъ съ помощью бѣдной, но гостепріимной солдатки, онъ былъ отведенъ въ это уединенное убѣжище, то прибавилъ: «Я рѣшился здѣсь оставаться, пока все не утихнетъ. — Войска разобьютъ бунтовщиковъ въ пухъ и въ прахъ—это необходимо. Но что можемъ мы сдѣлать вдвоемъ, безъ оружія, безъ друзей... окруженные рабами, которые рады отдать все, чтобы посмотрѣть, какъ трупъ ихъ прежняго господина мотается на висѣлицѣ?... адъ и проклятіе! кто бы ожидалъ!...

— Помилуйте, батюшка! невозможно, чтобы до васъ не доходили слухи, разлитые такъ изобильно въ нашемъ глупомъ народѣ!

— Слухи, слухи! а кто имъ вѣрилъ? напасть Божія на насъ грѣшныхъ, да и только!... Живи теперь, какъ красный звѣрь въ зимней берлогѣ и и не смѣй носа высунуть... сиди, не пей, не ѣшь, пока чужой мальчишка, очень ненадежный, не принесетъ тебѣ куска хлѣба... Вотъ онъ сказалъ, что будетъ сегодня по утру, а все нѣтъ, какъ нѣтъ!... чай, солнце уже закатилось, Юрій? а, Юрій?

Юрій не слыхалъ, не слушалъ; онъ держалъ бѣлую руку Ольги въ рукахъ своихъ, поцѣлуями осушалъ слезы, висящія на ея рѣсницахъ... Но напрасно онъ старался ее успокоить, обнадежить; она отвернулась отъ него, не отвѣчала, не шевелилась, какъ восковая кукла; неподвижно прислонившись къ стѣнѣ, она старалась вдохнуть въ себя ея холодную влажность. Отчего это съ нею случилось? какъ объяснить сердце молодой дѣвушки: милліонъ чувствованій тѣснится, кипитъ въ ея душѣ и нерѣдко и лицо и глаза отражаютъ ихъ, какъ зеркало отражаетъ буквы письма—наоборотъ!

— Здравствуй, Оленька,—сказалъ Борисъ Петровичъ, подойдя къ нимъ,—ты въ пору зачванилась, не поклонилась мнѣ, не поздоровалась. Правда, я теперь, какъ ты сама, безъ крова, безъ имущества...

— Развѣ я тогда была съ вами ласковѣе,—отвѣчала она отрывисто.

— А развѣ нѣтъ... Охъ... много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой въ послѣдній разъ поцѣловались... ты перемѣнилась, поблѣднѣла... а все еще красавица, хоть куда.

Онъ слегка ударилъ ее по плечу и хотѣлъ взять за подбородокъ, но Юрій, покраснѣвъ, схватилъ его за руку... Опомнясь въ ту

же минуту, онъ тихо отвелъ руку отца; отойдя съ нимъ немного въ сторону, сказалъ глухимъ, но внятнымъ голосомъ:

— Если хотите быть моимъ отцомъ, имѣть во мнѣ покорнаго сына, то вообразите себѣ, что эта дѣвушка такая неприкосновенная святыня, на которой самое ваше дыханіе оставитъ вѣчныя пятна... Вы меня поняли... простите меня... моя кровь кипитъ при одной мысли... я измѣряю слова на аршинъ приличій... вы согласились на мое предложеніе... въ противномъ случаѣ, все, все забыто... уваженіе имѣетъ границы, а любовь—никакихъ.

ГЛАВА XXII.

Что же дѣлалъ Вадимъ? О, Вадимъ не любилъ праздности! Съ восходомъ солнца онъ отправился искать сестру на барскомъ дворѣ, въ деревнѣ, въ саду—вездѣ, гдѣ только могъ предположить, что она проходила или спряталась. Неудача за неудачей! Досадуя на себя, онъ задумчиво пошелъ по дорогѣ, ведущей въ лѣсъ мимо крестьянскихъ гуменъ; поровнявшись съ ними и случайно поднявъ глаза, онъ видитъ буланую лошадь въ шлеѣ и хомутѣ, привязанную къ забору; онъ приближается и замѣчаетъ, что трава измята у подошвы забора, и вдругъ взоръ его упалъ на что-то пестрое, похожее на кушакъ, повисшій между цѣпкихъ репейниковъ... Точно! это кушакъ!.. точно!.. онъ узналъ, узналъ! это цвѣтной шелковый кушакъ его Ольги! Какой внезапный лучъ истины озарилъ умъ печальнаго горбача! развѣ нужно спрашивать? О! при одной мысли объ немъ, при одномъ имени Юрія, вся кровь Вадима превратилась въ желчь. «Нечего дѣлать!» думалъ горбачъ, скрежеща зубами,—«тебѣ удалось меня поддѣть, ты изъ моихъ рукъ вырвалъ добычу, ты посмѣялся надъ уродливымъ нищимъ,—дерзкій, безумецъ—но будетъ и на нашей улицѣ праздникъ!» Онъ вскочилъ на лошадь и ударами принудилъ измученнаго коня скакать по дорогѣ въ селеніе... въ его головѣ уже развились новые планы, новые замыслы гибели и разрушенія.

На широкой и единственной улицѣ деревни толпился народъ въ праздничныхъ кафтанахъ, съ буйными криками веселья и злобы, вокругъ 30-ти казаковъ, которые, держа коней въ поводу, гордо принимали подарки мужиковъ и тянули ковшами густую брагу, передавая другъ другу ведро, въ которое староста по временамъ подливалъ хмѣльнаго напитка; дѣвки и молодки въ красныхъ и синихъ кумачныхъ сарафанахъ по четыре и болѣе, держа другъ друга за руку, ходили взадъ и впередъ по улицѣ, ухмыляясь и запѣвая веселыя пѣсни, а молодые парни, слѣдуя за ними, перешоптывались и порою громко отпускали лихія шутки на счетъ дородности и румянца красавицъ; вино и брага примѣтно распоряжали ихъ словами и мыслями; они

примѣтно позволяли себѣ больше вольностей, чѣмъ обыкновенно, и женщины были примѣтно снисходительнѣй. Но оставимъ буйную молодость и послушаемъ, объ чемъ говорили воинственные пришельцы съ сѣдобородыми старшинами? отгдать не трудно! Они требовали выдачи господъ, а крестьяне утверждали и клялись, что господа скрылись, бѣжали... увы!—къ несчастію казаки были объ нихъ слишкомъ хорошаго мнѣнія; они не хотѣли даже слышать этого, и урядникъ уже поднималъ свою толстую плеть надъ головою старосты и его товарищи ужъ произносили слово пытки; между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ отправились на барскій дворъ и вскорѣ возвратились, таща прикащика на арканѣ. Урядникъ, по прозванію Орленко, мужчина въ полномъ значеніи сего слова, высокій, крѣпкій сложеніемъ, усастый, съ черной бородкой и румяными щеками, кинулъ презрительный взглядъ на блѣднаго прикащика, который, произнося несвязныя слова и возгласы, стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ съ руками, связанными на спинѣ; конецъ веревки былъ въ рукѣ одного маленькаго рябаго казака, который, злобно улыбаясь, поминутно ее подергивалъ.

— Что это за птица, Грицкò!—сказалъ урядникъ маленькому казаку,—что это за кликуша?... отчего реветъ, какъ волъ? ужъ не онъ ли здѣшній господинъ?

— А бисъ его знаетъ! — отвѣчалъ Грицкò, — говоритъ, што прикащикъ... вѣдь отъ этихъ москалей безъ плетки толку не доберешься... я его нашелъ подъ лавкой въ кухнѣ и насилу выкурилъ головешкой оттуда.

Улыбка показалась на устахъ урядника, когда онъ замѣтилъ опаленные волосы и брови несчастнаго плѣнника, который, не спуская съ него глазъ и переставъ кричать, казалось, старался на лицѣ казака прочесть свой приговоръ.

— Такъ ты прикащикъ? — спросилъ Орленко, обращаясь къ нему грозно.

Несчастный задрожалъ, хотѣлъ что-то вымолвить, и заикнулся.

— Что жъ ты молчишь, собачій сынъ? я тебѣ этимъ кинжаломъ разщѣплю зубы...

— Виноватъ! я прикащикъ...

— А! такъ ты виноватъ! сказалъ Орленко, наморщивъ брови и желая надъ нимъ позабавиться: — въ чемъ же ты виноватъ? сейчасъ признавайся... а не то, видишь!—Онъ пальцемъ указалъ на свои пистолеты.

— Батюшка! нѣтъ, я ни въ чемъ не виноватъ! ваше жъ благородіе! помилуй...

— Ты у меня запираться!...

— Виноватъ! опять заревѣлъ прикащикъ,—сжальтесь... я отъ страху

не знаю, что говорю... я прикащикъ... Если бы я зналъ, гдѣ господа, такъ я бы самъ ихъ выдалъ нашему батюшкѣ! я бы самъ полюбовался па ихъ висѣлицу! я бы самъ ихъ сжегъ на кострѣ, самъ бы своими руками съ нихъ кожу содралъ съ живыхъ...

— Будто бы! точно ли?

— Да убей меня Богъ! если я бы хоть одинъ волосокъ за нихъ отдалъ, злодѣевъ!

— Ну, а скажи-ка, отчего у тебя борода обрита?

— Борода?... да такъ... а что, родимый?

— Эй, ребята! я замѣчаю, что это плутъ большой руки...

— Ваше превосходительство! сказалъ прикащикъ привставъ, съ большею увѣренностью,—извольте спросить у всѣхъ міранъ: любилъ ли я господъ своихъ...

— Эй, вы! правду ли онъ говоритъ?

Мужики переминались, почесывали затылокъ, кашляли.

— Видишь, молчатъ! сказалъ насмѣшливо Орленко,—да я подозрѣваю... ужъ не самъ ли ты Палицынъ! борода-то мнѣ подозрительна... эй, мужички: какъ вы думаете? ха, ха, ха!

Увы! народъ молчалъ.

Прикащикъ бросилъ отчаянный взглядъ кругомъ, и не встрѣтивъ нигдѣ сожалѣнія, прикусилъ губы и, не зная что дѣлать, закричалъ: «Ахъ, вы нехристи, басурманы... что вы молчите, развѣ я не прикащикъ Матвѣй Соколовъ; развѣ въ первый разъ меня видите... что это вы морочите честныхъ людей... ахъ, вы канальи—развѣ забыли, какъ я васъ поролъ... или еще хочется...»

Лукавые мужички покашливали; наконецъ, одинъ изъ нихъ, покачавъ головой, молвилъ:—Пороть-то ты насъ, братъ, поролъ... грѣшно сказать, лучшаго мы отъ тобя ничего не видали... теперь-то ты насъ этимъ, любезный, не настращаешь... всему свое время... выше лба уши не растутъ... а теперь не хочешь ли на себѣ примѣрить?

— Что же? ты его признаешь за барина своего? спросилъ Орленко.

— Баринъ-то онъ не совсѣмъ баринъ,—сказалъ мужикъ,—да яблоко отъ яблони не далеко падаетъ; куда попъ—туда и попова собака!

— Что жъ я буду съ нимъ дѣлать?

— А что хочешь, кормилецъ! намъ все равно... какъ присудишь,—заговорило нѣсколько голосовъ.

Прикащикъ упалъ въ ноги уряднику и заревѣлъ:—Смилуйся, отецъ родной, золотой ты мой, серебряной... что я тебѣ сдѣлалъ... не ужъ-то нашъ батюшка велитъ губить вѣрныхъ слугъ своихъ...

— А на что ему такихъ трусовъ, такихъ бабъ, какъ ты! вашей братьею только улицы мостить... Эй, мужички, возьмите его себѣ... я вамъ его дарю на животъ и на смерть... дѣлайте изъ него, что хотите!

Въ одно мгновеніе мужики его окружили съ шумомъ и проклятіями; слова: «смерть», «висѣлица», отдѣлялись по временамъ отъ общаго говора, какъ въ бурю отдѣляются удары грома отъ шума листьевъ и визга пронзительныхъ вѣтровъ; всѣ глаза налились кровью, всѣ кулаки сжались, всѣ сердца забились однимъ желаніемъ мести; сколько обидъ припомнилъ каждый, сколько способовъ придумалъ каждый заплатить за нихъ сторицею.

Вдругъ толпа раздалась, расхлынулась, какъ нѣкогда море, тронутое жезломъ Моисея, и человѣкъ уродливой наружности, небольшаго роста, запыленный, весь въ поту, въ изорванной одеждѣ, явился передъ казаками... Когда урядникъ его увидалъ, то снялъ шапку и поклонился, какъ старому знакомому, но Вадимъ,—ибо это былъ онъ,—не замѣтивъ его, обратился къ мужикамъ и сказалъ: «отойдите подальше, мнѣ надо поговорить о важномъ дѣлѣ съ этими молодцами...» Мужики посмотрѣли другъ на друга и, не замѣтивъ ни на чьемъ лицѣ желанія противиться этому неожиданному приказу и побѣжденные рѣшительнымъ видомъ страшнаго горбача, отодвинулись, разошлись и въ нѣсколькихъ шагахъ собрались снова въ кучку.

Тогда Вадимъ обернулся къ уряднику.

— Здравствуй, Орленко,—сказалъ онъ отрывисто,—звѣря я сослѣдилъ, а поймать ваше дѣло.

— Ужъ ты молодецъ, Красная Шапка, знаемъ мы тебя... Съ этими словами Орленко ударилъ его по плечу.

Едва примѣтная тѣнь неудовольствія пробѣжала по лицу Вадима, но обиженная гордость повиновалась необходимости... Какъ быть? этимъ ли однимъ онъ пожертвовалъ для своей грозной цѣли?

— Если хотите, я васъ наведу на слѣдъ Палицына, пожива будетъ, за это отвѣчаю, только съ условіемъ... и чортъ даромъ не трудится...

— Только укажи слѣдъ,—сказалъ улыбаясь Орленко,—а ужъ за наградой дѣло не станетъ; сколько бы денегъ на немъ ни нашли—вотъ тебѣ крестъ—десятую долю тебѣ.

— Денегъ! нѣтъ, я не хочу денегъ...

— Чего жъ ты хочешь... крови?...

— Да, крови!—съ дикимъ хохотомъ отвѣчалъ горбачъ.

— Что жъ, и за этимъ дѣло не станетъ...

— О, я васъ знаю! вы сами захотите потѣшиться его смертью... а что мнѣ толку въ этомъ! что я буду? стоять и смотрѣть? Нѣтъ,

отдайте мнѣ его тѣло и душу, чтобъ я могъ въ одинъ часъ двадцать разъ ихъ разлучить и соединить снова, чтобъ я насытился его мученіями... одинъ... слышите ли... одинъ, чтобы ничье сердце, ничьи глаза не раздѣляли со мною этого блаженства... О, я не дуракъ... я вамъ не игрушка... слышите ли!

Нѣкоторые казаки были поражены его ужасными словами и мрачнымъ выраженіемъ этого лица, на которомъ такъ недавно стали отражаться его чувства во всей полнотѣ своей! Другіе, перемигиваясь, смѣялись надъ странными его тѣлодвиженіями.

— Ахъ ты уродъ,—сказалъ урядникъ;—ну, кто бы ожидалъ отъ тебя такую прыть! ха, ха, ха!

Вадимъ поблѣднѣлъ, бросилъ на казака тотъ взглядъ, который былъ его главнымъ оружіемъ, топнулъ ногою, заскрежеталъ, отвернулся, чтобы не могли прочитать его бѣшенства въ багровыхъ ланитахъ. Всѣ смотрѣли на него съ изумленіемъ.

Коня!—закричалъ онъ вдругъ, будто пробудившись отъ сна,—дайте мнѣ коня... я васъ проведу, ребята, мы потѣшимся вмѣстѣ... вамъ вся честь и слава... мнѣ же... Онъ вскочилъ на коня, предложеннаго ему однимъ изъ казаковъ и, махнувъ рукою прочимъ, пустился рысью по дорогѣ; мигомъ вся ватага повскакала на коней, раздался топотъ, пыль взвилась и слѣдъ простылъ.

Съ отчаяніемъ въ груди смотрѣлъ связанный прикащикъ на удаляющуюся толпу казаковъ, умоляя взглядомъ неумолимыхъ палачей своихъ; съ дреколіемъ тѣснились они около несчастной жертвы и холодно разсуждали о томъ, повѣсить его или засѣчь, или уморить голодомъ въ холодномъ анбарѣ; послѣднее средство показалось самымъ удобнымъ, и его съ торжествомъ, хохотомъ и пѣснями отвели къ пустому анбару, выстроенному на самомъ краю оврага, втолкнули въ узкую дверь и заперли на замокъ. Потомъ народъ разсыпался частью по избамъ, частью по улицѣ. Всѣ сіи происшествія заняли гораздо болѣе времени, нежели намъ нужно было, чтобы описать ихъ, и уже солнце начинало приближаться къ западу, когда волненіе въ деревнѣ утихло; дѣвки и бабы собрались на завалинкахъ и запѣли праздничныя пѣсни; вскорѣ стада съ топотомъ, пылью и блеяньемъ, возвращаясь съ паствы, разсыпались по улицѣ и ребятишки съ обычнымъ крикомъ стали гоняться за отсталыми овцами, и никто бы не отгадалъ, что часъ или два тому назадъ на этомъ самомъ мѣстѣ произнесенъ смертный приговоръ цѣлому дворянскому семейству.

ГЛАВА XXIII.

Вадимъ ѣхалъ передъ казаками по дорогѣ, ведущей въ ту небольшую деревеньку, гдѣ наканунѣ ночевалъ Борисъ Петровичъ.

Онъ безмолвствовалъ, онъ мечталъ о сестрѣ, о родной кровлѣ... онъ прощался съ этими мечтами—навѣки! Казалось, его задумчивость, какъ облако, тяготѣла надъ веселыми казаками; они также молчали; иногда вырывалось шутливое замѣчаніе, за нимъ появлялись три-четыре улыбки—и только! Вдругъ одинъ изъ казаковъ закричалъ: «Стой, братцы! Кто это намъ ѣдетъ на встрѣчу, слышите топотъ... видите пыль, тамъ за изволокомъ... ужъ не наши ли это изъ села Краснаго... то-то я думаю была пожива,—не то, что мы,—чай пальчики у нихъ облизать, такъ сытъ будешь... Э! да посмотрите... вѣдь точно, видно, они! Ахъ! разбойники... черти ихъ душу возьми... Экъ сколько телегъ за собой везутъ, цѣлый обозъ!»

И точно, толпа, подвигающаяся къ нимъ на встрѣчу, болѣе походила на караванъ, нежели на отрядъ вольныхъ жителей Урала; впереди ѣхало человѣкъ 50 казаковъ, предводительствуемыхъ однимъ старымъ сѣдымъ наѣздникомъ на сѣрой борзой лошади; за ними шло человѣкъ десять мужиковъ съ связанными назадъ руками, съ поникшими головами, безъ шапокъ, въ однихъ рубахахъ; потомъ слѣдовали нѣсколько телегъ, нагруженныхъ поклажею, виномъ, вещами, деньгами и наконецъ двѣ кибитки, покрытыя рогожей, такъ что нельзя было, не приподнявъ оную, разсмотрѣть, что въ нихъ находилось; нѣсколько верховыхъ казаковъ окружало сіи кибитки. Когда Орленко съ своими казаками приблизился къ нимъ саженъ на 50, то велѣлъ спутникамъ остановиться и подождать, пріударилъ коня нагайкой и подскакалъ къ каравану. «Здравствуй, молодецъ,—сказалъ ему сѣдой наѣздникъ съ привѣтливой улыбкой,—откуда и куда путь держишь?»

— А мы изъ села Краснаго, разбивали панскій дворъ... и веземъ этихъ собакъ къ Бѣлбородкѣ... онъ имъ совьетъ пеньковое ожерелье... не будутъ въ другой разъ бунтовать.

— Я отгадалъ, старый, что ты вѣрно въ Красномъ пировалъ... да кажется и теперь не съ пустыми руками.

— Да нельзя пожаловаться на судьбу... бочки три вина веземъ къ Бѣлбородкѣ.

— Къ Бѣлбородкѣ! Все ему? А зачѣмъ? У него и безъ насъ много! Эхъ, молодцы, кабы вмѣсто того, чѣмъ везти туда, мы его роспили за здоровье родной земли! Что бы вамъ моихъ казачковъ не попотчивать? У нихъ горло пересохло, какъ Уральская степь; вѣдь мы съ утра только по чаркѣ браги выпили, а теперь ѣдемъ искать Палицына и Богъ знаетъ, когда съ вами опять увидимся...

Старый обратился къ своимъ и молвилъ: «Эй, ребята, какъ вы думаете? Вѣдь намъ до вечера не добраться къ мѣсту... аль сдѣлать

приваль... своихъ обдѣлять не надо... мы попируемъ, отдохнемъ... тамъ что будетъ, то будетъ: утро вечера мудренѣе...»

«Стой!» раздалось по всему каравану.

Стой! скрыпучія колеса замолкли, пыль улеглась; казаки Орленки смѣшались съ своими земляками и, окруживъ телеги, съ завистью слушали разсказы послѣднихъ про богатыя добычи и про упрямыхъ господъ села Краснаго, которые осмѣлились оружіемъ защищать свою собственность; между тѣмъ нѣкоторые отправились къ рощѣ, возлѣ которой пробѣгалъ небольшой ручей, чтобъ выбрать мѣсто, удобное для привала, вслѣдъ за ними скоро тронулись туда телеги и кибитки, и наконецъ остальные казаки, ведя въ поводу лошадей своихъ...

Когда Вадимъ замѣтилъ, что его помощники вовсе не расположены слѣдовать за нимъ безъ отдыха для отысканія невѣрной добычи, особенно имѣя передъ глазами двѣ миловидныя бочки вина, то, подъѣхавъ къ Орленкѣ, онъ взялъ его за руку и молвилъ: «Итакъ, сегодня нѣтъ надежды!»

— Да, братъ, наврядъ;—да признаюсь, мнѣ самому надоѣло гоняться за этими крысами! Сколько ужъ я ихъ перевѣшалъ, право, и счетъ потерялъ, скорѣе сочту волосы въ хвостѣ моего коня.

Вадимъ круто повернулъ въ сторону, отъѣхалъ прочь, слѣзъ, привязалъ коня къ толстой березѣ, сложа руки на груди, онъ смотрѣлъ на приготовленія казаковъ, на ихъ беззаботную веселость; вдругъ его взоръ упалъ на одну изъ кибитокъ: рогожа была откинута и онъ увидѣлъ... О, если бъ вы знали, что онъ увидѣлъ? Во-первыхъ, изъ нея показалась сѣдая, лысая, желтая, исчерченная морщинами, угрюмая голова старика, лѣтъ 60-ти или болѣе; его взглядъ былъ мраченъ, но благороденъ, исполненъ этой холодной гордости, которая иногда родится съ нами, но чаще дается воспитаніемъ, образуется отъ продолжительной привычки повелѣвать себѣ подобными. Одежда старика была изорвана и мѣстами запятнана кровью, да, кровью, потому что онъ не хотѣлъ молча отдать наслѣдіе своихъ предковъ пошлымъ разбойникамъ, не хотѣлъ видѣть безчестіе дѣтей своихъ, не поднявъ меча за право собственности... но рокъ измѣнилъ... онъ уже перешагнулъ двѣ ступени къ гибели: сопротивленіе, плѣнъ; теперь осталась третья—висѣлица!

И Вадимъ пристально, съ участіемъ всматривался въ эти черты, отлитыя въ какую-то особенную форму величія и благородства, исчерченныя когтями времени и страданій, старинныхъ страданій, слившихся съ его жизнью, какъ сливаются двѣ однородныя жидкости. Но послѣдніе, самые жестокіе удары судьбы не оставили никакого слѣда на челѣ старика; его большіе сѣрые глаза, осѣненные тяже-

лыми вѣками, медленно, строго пробѣгали картину, развернутую передъ ними случайно; ни близость смерти, ни досада, ни ненависть, ничто не могло, казалось, отуманить этого спокойнаго всепроникающаго взгляда; но вотъ онъ обратилъ ихъ во внутренность кибитки, и что же? двѣ крупныя слезы, засверкавъ, невольно выбѣжали на сѣдыя рѣсницы и чуть чуть не упали на поднявшуюся грудь его. Вадимъ сталъ всматриваться съ большимъ вниманіемъ.

Вотъ показалась изъ-за рогожи другая голова: женская, розовая, фантастическая головка, достойная кисти Рафаэля, съ дѣтской, полусонной, полупечальной, полурадостной, невыразимой улыбкой на устахъ; она прилегла на плечо старика такъ безпечно и довѣрчиво, какъ ложится капля росы небесной на листокъ, изсушенный полднемъ, измятый грозою и стопами прохожаго, и съ перваго взгляда можно было отгадать, что это отецъ и дочь, ибо въ ихъ взаимныхъ ласкахъ дышала одна печаль близкой разлуки, безъ малѣйшихъ оттѣнковъ страсти, святая печаль, попечительное сожалѣніе отца, опасенія балованной, любимой дочери.

Тяжко было Вадиму смотрѣть на нихъ; онъ вскочилъ и пошелъ къ другой кибиткѣ. Она была совершенно раскрыта и въ ней были двѣ дѣвушки, двѣ старшія дочери несчастнато боярина; первая сидѣла и поддерживала голову сестры, которая лежала у ней на колѣняхъ; ихъ волосы были растрепаны, перси обнажены, одежды изорваны; толпа веселыхъ казаковъ осыпала ихъ обидными похвалами, обидными насмѣшками... они однако не смѣли подойти къ старику: его строгій, пронзительный взоръ поражалъ ихъ дикія сердца непонятнымъ страхомъ.

Между тѣмъ казаки разложили у берега рѣчки нѣсколько яркихъ огней и расположились вокругъ; прикатили первую бочку—началась пирушка. Сначала веселый говоръ пробѣжалъ по толпѣ; смѣхъ, пѣсни, шутки, разсказы, все сливалось въ одну нестройную, неполную музыку, но скоро шумъ началъ возрастать какъ грозное кресчендо оркестра; хоръ сдѣлался согласнѣе, сильнѣе, выразительнѣе. О, какія пѣсни, какія рѣчи, какіе взоры, лица, тѣлодвиженія, буйныя, вольныя! какія разноцвѣтныя группы! Яркое пламя костровъ согласно съ догорающимъ западомъ озаряло картину пира, когда Вадимъ рѣшился подойти къ нимъ, замѣшаться въ ихъ веселье.

— За здравіе пана Бѣлбородки!—говорилъ одинъ, выпивая разомъ полный ковшикъ,—онъ первый выдумалъ этотъ золотой походъ!

— Чортъ его побери! - отвѣчалъ другой, покачиваясь:—славный малый! пьетъ какъ бочка, дерется какъ звѣрь... и умнѣе монаха.

— Ребята! у кого изъ васъ не замѣченъ нынѣшній день на тѣлѣ зарубкой, тотъ поди ко мнѣ, я сослужу ему службу!....

— Ахъ ты хвастунъ, ляхъ проклятый! Ты во все время сидѣлъ съ винтовкой за анбаромъ, ха, ха, ха!

— А ты, рыжій, гдѣ спрятался, признайся, когда старикъ-то заперся въ свѣтелкѣ, да началъ отстрѣливаться?

— Я? а гдѣ бишь... да я тутъ же былъ съ вами! да кто же, если не я подстрѣлилъ того длиннаго молодца, что съ топоромъ высунулся изъ окна...

— Да это было прежде... ну, а если ты былъ тутъ, то скажи, что сдѣлалъ старый бояринъ, когда нашъ Грицко удалый повалилъ его сына?

— Что? ничего...

— Такъ врешь! онъ положилъ его поперегъ окна и прислонивъ къ нему ружье, выстрѣлилъ въ десятскаго... вотъ повалилъ-то! какъ снопъ! Ужъ я цѣлилъ, цѣлилъ въ его меньшую дочь... вѣдь разбойница! стоитъ за простѣнкомъ себѣ, да заряжаетъ ружья:.. по крайней мѣрѣ двѣ другія лежали безъ памяти у себя на постеляхъ...

— А много вашихъ легло?

— Да человѣкъ десятокъ есть... за то ужъ мы, какъ ворвались въ домъ, всѣхъ покрошили, кромѣ господъ... да этимъ суждено умереть немолодецкой смертью...

— Чего же вы ждете? осины есть... веревки есть...

— Да власти нѣтъ... старшина велитъ вести ихъ къ Бѣлбородкѣ!

— Эхъ, кабы я былъ старшина...

Тутъ ковшъ еще разъ пропутешествовалъ по рукамъ и сухой вернулся къ своему источнику. Умы заклокотали сильнѣе и лица разгорѣлись кровавымъ заревомъ.

— Кто вамъ мѣшаетъ ихъ убить!—развѣ боитесь своихъ старшинъ? сказалъ Вадимъ съ коварной улыбкой.

Это была искра, брошенная на кучу пороха.—«Кто мѣшаетъ! заревѣли пьяные казаки,—кто смѣетъ намъ мѣшать! мы дѣлаемъ что хотимъ, мы не рабы, чортъ возьми! Убить, да! убить! отомстимъ за нашихъ братьевъ! пойдемте ребята!» И толпа съ воемъ ринулась къ кибиткамъ; несчастный старикъ спалъ на груди своей дочери; онъ вскочилъ, высунулся... и все понялъ!...

— Чего вы хотите? сказалъ онъ твердымъ голосомъ.

— А, старый воронъ! старый филинъ!... мы тебя выучимъ воздушной пляскѣ... пожалуй-ка сюда... Да выходи же... сказалъ одинъ, подтверждая приказаніе ударомъ плетью.

Старикъ медленно вышелъ изъ кибитки, дочь выпрыгнула вслѣдъ за нимъ, уцѣпилась обѣими руками за его платье.—«Не бойся,—шепнулъ онъ ей, обнявъ одной рукой,—не бойся... если Богъ не захочетъ, они ничего не могутъ намъ сдѣлать, если же...» онъ отвернул-

ся... О! какъ изобразить выраженіе лица бѣдной дѣвушки! сколько прелестей, сколько отчаянія!

— Разнимать ихъ! закричалъ одинъ кривой исполинъ, приготавливая петлю,—что они лижутся!

Ихъ хотѣли растащить, но дѣвушка въ бѣшенствѣ укусила жестокую руку. «Перестань,—сказалъ отецъ твердымъ голосомъ,—ты этимъ не поможешь; если мнѣ суждено погибнуть отъ злодѣйскихъ рукъ, безъ покаянія... какъ басурману...»—Не можетъ быть, не можетъ быть, батюшка... ты не умрешь... «Отчего же, дочь, не можетъ быть? и Христосъ умеръ! молись...» Она отрывисто качнула головой— и заплакала... Боже! какія слезы!

Не смотря на это ихъ растащили; но вдругъ она вскрикнула и упала; отецъ кинулся къ ней, съ удивительной силой оттолкнулъ двухъ казаковъ—прижалъ руку къ ея сердцу... она была мертва, блѣдна, холодна, какъ сырая земля, на которой лежало ея молодое непорочное тѣло.

— Теперь пойдемте,—сказалъ старикъ. Его глаза заблистали мрачнымъ пламенемъ... онъ махнулъ рукой... ему надѣли на шею петлю, перекинули конецъ веревки черезъ толстый сукъ и—раздался громкій хохотъ, потомъ вдругъ молчаніе, молчаніе смерти...

Но, увы! еще не окончились его муки; пьяные безумцы прежде времени пустили конецъ веревки, который взвился къ верху; мученикъ сорвался, ударился о-земь и нога его хрустнула; онъ застоналъ и повалился возлѣ трупа своей дочери. «Убійцы—прохрипѣлъ онъ,— вотъ вамъ мое проклятье, проклятье!»—Заткни ему горло,—сказалъ Орленко. Это было сожалѣніе: два ножа въ минуту воткнулись въ горло старика и онъ умолкъ.

Когда казаки захотѣли увѣриться въ его кончинѣ, стали приподнимать его за руки, то замѣтили, что въ послѣднихъ судорогахъ онъ крѣпко ухватилъ ногу своей дочери, впился въ нее костяными пальцами, которые замерли на нѣжномъ тѣлѣ... О, это было ужасно... Они смѣялись.

Божественная, милая дѣвушка! и ты погибла, погибла безъ возврата... одинъ ударъ и свѣжій цвѣтокъ склонилъ голову! Твое слабое сердце, какъ нить изотлѣвшая—разорвалось... ни одно рыданье, ни одно слово мира и любви не усладило отлета души твоей рѣзвой, чистой какъ радужный мотылекъ, невинной какъ первый вздохъ младенца; грозныя лица окружали твое сырое смертное ложе, проклятіе было твоимъ надгробнымъ словомъ! какая будущность! какое прошедшее! и все въ одинъ мигъ разлетѣлось. Такъ иногда вечеромъ облака дымныя, багряныя, лиловыя гурьбой собираются на западѣ, свиваются въ столпы огненные, сплетаются въ фантастическіе хоро-

воды, и замокъ съ башнями и зубцами, чудный какъ мечта поэта, растетъ на голубомъ пространствѣ... но дунулъ сѣверный вѣтеръ, и разлетѣлись облака, и упадаютъ росою на безчувственную землю... Миръ съ тобою, дѣва красоты, да ангелъ твой хранитель споетъ надъ твоимъ прахомъ пѣснь мира, любви и прощанья!

А между тѣмъ Вадимъ стоялъ неподвижно, смотрѣлъ на нее и на старика также равнодушно и любопытно, какъ бы мы смотрѣли на какой нибудь физическій опытъ, онъ, чье неумѣстное слово было всему виною...

Погодите, это легко объяснить вамъ.

Во-первыхъ, онъ хотѣлъ узнать, какое чувство волнуетъ душу при видѣ такой казни, при видѣ самыхъ ужасныхъ мукъ человѣческихъ— и нашелъ, что душу ничего не волнуетъ.

Во-вторыхъ, онъ хотѣлъ узнать, до какой степени можетъ дойти непоколебимость человѣка—и нашелъ, что есть испытанія, которыхъ перенести никто не въ силахъ. Это ему подало надежду увидать слезы, раскаяніе Палицына—увидать его у ногъ своихъ грызущаго землю въ бѣшенствѣ, цѣлующаго его руки отъ страха—надежда усладительная, нѣтъ никакого сомнѣнія.

Ужъ было темно; огни догорали; толпа постепенно умолкала и многіе ужъ спали беззаботно. Луна, всплывая на синее небо, осеребрила струи вьющейся рѣчки и туманную отдаленность; черныя облака медленно проходили мимо нея, какъ ночной сторожъ ходитъ взадъ и впередъ мимо пылающаго маяка.

Вадимъ сидѣлъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ, подъ толстой березой, сложа руки и угрюмо глядя на небо. Къ нему подошелъ Орленко.

— Посмотри, какъ весело! Отчего ты одинъ, сердитъ, задумчивъ горбачъ?—сказалъ онъ, ударивъ его по плечу.

— Ты не видишь это облако, которое, какъ медвѣжья косматая шуба, виситъ надъ мѣсяцемъ? отвѣчалъ Вадимъ, приподнявъ голову съ презрительной усмѣшкой.

— Вижу.

— Ну, а какъ ты думаешь, что таится въ глубинѣ его?

— Что? по моему, громъ и молнія... вишь какъ насупилось...

— И ты спрашиваешь, зачѣмъ я угрюмъ и молчаливъ?

Орленко, не понявъ горбача, пожалъ плечами и отошелъ прочь.

ГЛАВА XXIV.

Теперь оставимъ пирующую и сонную ватагу казаковъ и перенесемся въ знакомую намъ деревеньку, въ избу бѣдной солдатки. Дѣло подходило къ разсвѣту, луна спокойно озаряла соломенныя кровли

дворовъ, и все казалось погруженнымъ въ глубокій, мирный сонъ; только въ избѣ солдатки свѣтилась тусклая лучина и по временамъ раздавался рѣзкій грубый голосъ солдатки, коему отвѣчалъ другой, чрезвычайно жалобный и плаксивый — и это покажется чрезвычайно обыкновеннымъ, когда я скажу, что солдатка била своего сына.

Я бы съ великимъ удовольствіемъ пропустилъ эту непріятную, пошлую сцену, если бъ она не служила необходимымъ изъясненіемъ всего слѣдующаго; а такъ какъ я предполагаю въ своихъ читателяхъ должную степень любопытства, то не считаю за необходимость долѣе извиняться.

— Ахъ, ты лѣнтяй! чтобъ тебѣ сдохнуть... собачій сынъ! говорила мать, таская за волосы своего дѣтища.

— Матушки, батюшки! помилуй... золотая, серебряная... не буду!... ревѣлъ длинный балбѣсъ, утирая глаза кулаками. — Я вчера, вишь, понесъ имъ хлѣба да квасу въ кувшинѣ... Вотъ, слышь, мачка, я шелъ... шелъ... да меня лѣшій и обошелъ... а я усталъ, да и легъ спать въ кусты, мачка... Вотъ, когда я проснулся... мнѣ больно ѣсть захотѣлось... я все и съѣлъ...

— Ахъ ты разбойникъ... экова болвана выростила... запорю тебя до смерти... И удары снова градомъ посыпались ему на голову. — Ахъ онъ, мой голубчикъ,—продолжала солдатка, — тамъ либо съ голоду померъ, либо вышелъ да попался душегубамъ... а ты нечесаная голова и не подумалъ объ этомъ... Да знаешь ли, что за это тебя черти на томъ свѣтѣ живаго зажарятъ... вотъ родила я какого негодяя на свою голову... ужъ кабы знала, не видать бы твоему отцу отъ меня ни к...а! И снова тяжкіе кулаки ея застучали о спину и зубы несчастнаго, который, прижавшись къ печи, закрывалъ голову руками и только по временамъ испускалъ стоны почти нечеловѣческіе.

И за дѣло! по милости негодяя бѣдные изгнанники болѣе сутокъ оставались безъ пищи, и отчаяніе уже начинало вкрадываться въ ихъ души! И въ самомъ дѣлѣ, какъ выдти, гдѣ искать помощи, когда по всѣмъ признакамъ послѣдніе покровители ихъ покинули на произволъ судьбы!

Между тѣмъ пока солдатка била своего парня, кто-то перелѣзъ черезъ частоколъ, ощупью пробрался черезъ дворъ, заставленный дровнями и колодами и вошелъ въ темныя сѣни невѣрными шагами; усталость говорила во всѣхъ его движеніяхъ; онъ прислонился къ стѣнѣ и тяжело вздохнулъ, потомъ тихо пошелъ къ двери избы, приложилъ къ ней ухо и узнавъ голосъ солдатки, отворилъ дверь—и вошелъ. Догорающая лучина слабо озарила его блѣдное, исхудавшее

лицо: не говоря ни слова, онъ въ изнеможенiи присѣлъ на скамью и закрылъ лицо руками.

Хозяйка вскрикнула при видѣ незваннаго гостя, но вскорѣ, вѣроятно узнавъ его и опасаясь свидѣтелей, поспѣшно притворила дверь и подошла къ нему съ видомъ простодушнаго участiя.

— Что съ тобою, мой кормилецъ? Ахъ, Матерь Божiя! да какъ ты зашелъ сюда... слава Богу! Я думала, что тебя злодѣи-то давнымъ давно извели!...

— Случайно я нашелъ батюшку въ Чортовомъ Логовищѣ,—отвѣчалъ онъ слабымъ голосомъ,—ты его спасла! благодарю... я пришелъ за хлѣбомъ...

— Ахъ я проклятая! ахъ я безумная! а вы тамъ, чай, родимые голодали, голодали... нѣтъ, я себѣ этого не прощу... А ты, болванъ неотесанный,—закричала она, обратясь къ сыну, — все это по твоей милости... собачiй сынъ... И снова удары посыпались на бѣдняка.

— Дай мнѣ чего нибудь, сказалъ Юрiй.

Эти слова напомнили ей дѣло болѣе важное; она вынула изъ печи хлѣба, поставила передъ нимъ горшокъ снятаго молока и онъ съ жадностью кинулся на предлагаемую пищу; въ эту минуту онъ забылъ все: долгъ, любовь, отца, Ольгу, все, что не касалось до этого благодатнаго молока и хлѣба. Если бы въ эту минуту закричали ему на ухо, что самъ грозный Пугачевъ въ 30-ти шагахъ, то несчастный еще подумалъ бы: оставить ли этотъ неоцѣненный ужинъ и спастись, или утолить голодъ и погибнуть; у него не было уже ни ума, ни сердца— онъ имѣлъ одинъ только желудокъ.

Пока онъ ѣлъ и отдыхалъ, прошелъ часъ, драгоцѣнный часъ; востокъ бѣлѣлъ непримѣтно, и уже дальнiе края туманныхъ облаковъ начинали одѣваться въ утреннюю свою парчевую одежду, когда Юрiй, обремененный ношею съѣстныхъ припасовъ, собирался выдти изъ гостепрiимной хаты.

Вдругъ раздался на улицѣ конскiй топотъ и кто-то проскакалъ мимо оконъ; Юрiй поблѣднѣлъ, уронилъ мѣшокъ и значительно взглянулъ на остолбенѣвшую хозяйку; она подбѣжала къ окну, всплеснула руками и простодушное загорѣлое лицо ея изобразило ужасъ.

— Дѣлать нечего,—сказалъ Юрiй, призвавъ на помощь всю свою твердость,—не правда ли, я погибъ? говори скорѣе, потому что я не люблю неизвѣстности...

И хозяйка не отвѣчала; она приподняла половницу возлѣ печи и указала на отверстiе пальцемъ; Юрiй понялъ сей выразительный знакъ и поспѣшно спустился въ небольшой холодный погребъ, уставленный домашней утварью.

— Чтó бы ты ни слыхалъ, что бы въ избѣ ни говорили со мной,

баринъ,—не выходи отсюда прежде двухъ дёнъ, Боже тебя сохрани! Здѣсь есть молоко, квасъ и хлѣбъ, на два дни станетъ... и тяжелая доска, какъ гробовая крышка, хлопнула надъ его головою.

Хозяйка, чтобы не возбудить подозрѣній, стала возиться у печи, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

Скоро дверь распахнулась съ трескомъ и вошли казаки, предводительствуемые Вадимомъ.

— Здѣсь былъ Борисъ Петровичъ Палицынъ съ охотниками? — спросилъ Вадимъ у солдатки,—гдѣ они?

— На зарѣ, чѣмъ свѣтъ, уѣхали, кормилецъ!

— Лжешь; охотники уѣхали, а онъ здѣсь.

— И, помилуйте отцы родные, да что мнѣ его прятать... вѣдь онъ, чай, не мой баринъ...

— Въ томъ-то и сила, что не твой! подхватилъ Орленко, и ударивъ ее плетью, продолжалъ:

— Ну, живо поворачивайся, укажи гдѣ онъ сидитъ... а не то...

— Дѣлайте со мною, что угодно,—сказала хозяйка, повѣсивъ голову,—а я знать не знаю, вотъ вамъ Христосъ и Святая Богородица! Ищите, батюшка, а коли не найдете, не пеняйте на меня грѣшную.

Нѣсколько казаковъ по знаку атамана отправились на дворъ за поисками и черезъ четверть часа возвратились, объявивъ, что ничего не нашли.

Орленко недовѣрчиво посмотрѣлъ на Вадима, который, прислонясь къ печи и приставивъ палецъ ко лбу, казался погруженъ въ глубокое размышленіе; наконецъ, какъ будто пробудившись, онъ сказалъ почти про себя:—Онъ здѣсь, непремѣнно здѣсь...

— Отчего же ты въ томъ увѣренъ? сказалъ Орленко.

— Отчего! Боже мой! отчего? я вамъ говорю, что онъ здѣсь,—я это чувствую... я отдаю вамъ свою голову, если здѣсь нѣтъ!..

— Хорошъ подарокъ! замѣтилъ кто-то сзади.

— Но какія доказательства и какъ его найти? спросилъ Орленко.

Грицко осмѣлился подать голосъ и совѣтовалъ употребить пытку надъ хозяйкой.

При грозномъ словѣ: пытка, она примѣтно поблѣднѣла но ни тѣни нерѣшимости или страха не показалось на лицѣ ея, оживленномъ быть можетъ новыми для нея, но не менѣе того благородными чувствами.

— Пытать, такъ пытать,—подхватили казаки, и обступили хозяйку; она неподвижно стояла передъ ними и только иногда губы ея шептали неслышно какую-то молитву. Къ каждой ея рукѣ привязали толстую веревку и перекинувъ концы ихъ черезъ брусъ, поддерживающій полати, стали понемногу ихъ натягивать; пятки ея отдѣли-

лись отъ полу и скоро она едва могла прикасаться до земли концами пальцевъ; тогда палачи остановились и съ улыбкою взглянули на ея надувшіяся на рукахъ жилы и на покраснѣвшее отъ боли лицо,

— Что, разбойница,—сказалъ Орленко, — теперь скажешь ли, гдѣ у тебя спрятанъ Палицынъ?

Глубокій вздохъ былъ ему отвѣтомъ.

Онъ подтвердилъ свой вопросъ ударомъ нагайки.

— Хоть зарѣжьте, не знаю, отвѣчала несчастная женщина.

— Тащи выше! было приказаніе Орленки, и въ двѣ минуты она поднялась отъ земли на аршинъ; глаза ея налились кровью; стиснувъ зубы, она старалась удерживать невольные крики... палачи опять остановились и Вадимъ сдѣлалъ знакъ Орленкѣ, который его тотчасъ понялъ. Солдатку разули и подъ ногами ея разложили кучу горячихъ угольевъ; отъ жару и боли въ ногахъ ея начались судороги и она громко застонала, моля о пощадѣ.

— Ага! таки наконецъ разжала зубы; проклятая... не бойсь какъ начнемъ жарить, такъ не только языкъ, сами пятки заговорятъ... Ну, отвѣчай же скорѣе, гдѣ онъ?

— Да, гдѣ онъ? повторилъ горбачъ.

— Охъ, охъ, батюшки, голубчики... дайте духъ перевести... отпустите на землю...

— Нѣтъ, прежде скажи, а потомъ пустимъ...

— Воля ваша... не могу слова вымолвить... охъ, охъ, Господи.. спаси... батюшки...

— Спустите ее, сказалъ Орленко.

— Когда ноги невинной жертвы коснулись до земли, когда грудь ея вздохнула свободно, то казакъ повторилъ прежніе вопросы.

— Онъ убѣжалъ!—сказала она,—въ ту же ночь... вонъ по той тропинкѣ, что идетъ по оврагу... больше вотъ вамъ Христосъ, я ничего не знаю.

Въ эту минуту два казака ввели въ избу рыжаго, замасленнаго болвана, ея сына. Она бросила ему взглядъ, который всякій бы понялъ, кромѣ его.

— Кто ты таковъ? спросилъ Орленко.

— Петруха, отвѣчалъ парень.

— Да, дурачина, кто ты таковъ?

— А почемъ я знаю... говорятъ, что мачкинъ сынъ...

— Хорошъ! — сказалъ захохотавъ Орленко, — да гдѣ вы его нашли?

— Зарылся въ соломѣ по уши около анбара; мы идемъ, анъ глядь, двѣ ноги торчатъ изъ соломы... Вотъ мы его оттуда... да за ноги... ужъ тащили... тащили... словно лодку съ отмели...

— Послушай, Орленко,—перервалъ Вадимъ,—мы отъ этого дурака можемъ больше узнать, чѣмъ отъ упрямой вѣдьмы—его матери.

Казакъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Только его надо вывести, иначе она намъ помѣшаетъ.

— И то правда. Выведите-ка его на дворъ,—сказалъ Орленко,—а эту чертовку мы запремъ здѣсь.

Услышавъ это, хозяйка вспыхнула; глаза ея засверкали.

— Послушай, Петруха,—закричала она звонкимъ голосомъ,—если скажешь хоть единое слово, я тебя прокляну, сгоню со двора, заморю, убью.

Онъ затрепеталъ при звукахъ знакомаго ему голоса; онѣмѣніе, произведенное въ немъ присутствіемъ стольких незнакомыхъ лицъ, еще удвоилось; онъ боялся матери больше, чѣмъ всѣхъ казаковъ на свѣтѣ, ибо привыкъ ее бояться; сопроводивъ свои угрозы значительнымъ движеніемъ руки, она впала въ задумчивость и казалась спокойною.

Прошло около десяти ужасныхъ минутъ. Вдругъ раздались на дворѣ удары плети, ругательства казаковъ и крикъ несчастнаго. Ея материнское сердце сжалось, но вскорѣ мысль, что онъ не вытерпитъ мученій до конца и выскажетъ ея тайну, овладѣла всѣмъ ея существомъ; она и молилась, и плакала и бѣгала по избѣ, въ нерѣшимости что ей дѣлать, даже было мгновенье, когда она почти покушалась на предательство... Но вотъ, сперва утихли крики... потомъ удары... потомъ брань... и, наконецъ, она увидала изъ окна, какъ казаки выходили одинъ за однимъ за ворота, и на улицѣ, собравшись въ кружокъ, стали совѣтоваться между собою. Лица ихъ были пасмурны, омрачены обманутой надеждой; рыжій Петруха, избитый, полуживой остался на дворѣ; онъ, охая и стоная, лежалъ на землѣ; мать содрогаясь, подошла къ нему, но въ глазахъ ея сіяла какая-то высокая, неизъяснимая радость: онъ не высказалъ, не выдалъ своей тайны душегубцамъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ.

1. Черкесы (стр. 1). Эта повѣсть въ стихахъ принадлежитъ къ самымъ раннимъ произведеніямъ Лермонтова. Тетрадка въ четвертку, состоящая изъ заглавнаго листа и 16 писаныхъ страницъ, хранится въ Публичной Библіотекѣ. Вся поэма состоитъ изъ 267 стиховъ, раздѣленныхъ на XI неравныхъ строфъ, отъ 16 до 51 стиха въ каждой. Послѣ картинъ мѣстности описывается приготовленіе черкесовъ къ набѣгу, безмятежный день въ «прекрасномъ градѣ на высокой горѣ», затѣмъ набѣгъ, битва, пораженіе и бѣгство черкесовъ, «спасенъ и градъ» и въ русскомъ станѣ «вездѣ господствуетъ покой». Поэму эту Лермонтовъ показывалъ своему учителю русскаго языка Зиновьеву и противъ 16-ти стиховъ VI-й строфы написалъ: «Зиновьевъ нашелъ, что эти стихи хороши», а противъ 10-ти слѣдующихъ помѣтилъ: «тоже». Надъ поэмой помѣта: «Въ Чембарѣ. За дубомъ». Къ тому же времени принадлежатъ «Кавказскій Плѣнникъ» и «Корсаръ».

2. Кавказскій Плѣнникъ (стр. 2). Поэма раздѣлена на двѣ части (17 и 18 строфъ), и написана до того подъ вліяніемъ поэмы Пушкина, что въ многихъ строфахъ она даже похожа на перифразъ ея, но въ концѣ поэмы, у Пушкина, русскій бѣжитъ изъ плѣна и спасается, а у Лермонтова отецъ черкешенки убиваетъ плѣнника. У Лермонтова, также какъ и у Пушкина, черкешенка бросается въ Терекъ. Поэма переписана въ маленькой книжкѣ, вродѣ альбома; вначалѣ, нарисована виньетка: лира между двумя вѣтками, отъ которыхъ идутъ стрѣлы. Потомъ написано: Черкесы. Подъ этимъ два пистолета, сложенные на крестъ, и куча ядеръ. На слѣдующей страницѣ: восемь стиховъ изъ Пушкина, ввидѣ эпиграфа: «подобно племени Батыя» и пр.; потомъ второй заголовокъ; «Кавказскій Плѣнникъ. Сочиненіе М. Лермонтова. Москва. 1828.» и внизу опять картинка — черкесъ скачущій на конѣ тащитъ плѣнника на арканѣ; на заднемъ планѣ горы и водопадъ или рѣчка.

3. Корсаръ (стр. 11). Корсаръ скитается по свѣту; его преслѣдуетъ холодность ко всему и обманъ вездѣ. Онъ бѣжалъ на Дунай, гдѣ вскорѣ былъ названъ атаманомъ корсаровъ. Пиры съ шайкой и

набѣги. Поэма раздѣлена на 3 части. Въ 3-й греческій корабль разбивается у береговъ и въ числѣ выброшенныхъ на берегъ корсаръ встрѣчаетъ гречанку, въ которую и влюбляется. — Вначалѣ поэмы приложена картинка: два ангела молятся надъ двумя заснувшими дѣтьми, и подпись: «Невинность всегда охранена».

4. Преступникъ (стр. 14). Въ предыдущихъ изданіяхъ было относимо къ 1829 г., но оно оказалось во вновь открытыхъ тетрадяхъ Лермонтова 1828 года.

5. Пиръ (стр. 20). Въ рукописи: «Къ Сабурову. Какъ онъ не понималъ моего пылкаго сердца».

6. Портретъ (стр. 22). Въ рукописи: «Этотъ портретъ былъ доставленъ одной дѣвушкѣ. Она въ немъ думала узнать меня. Вотъ за какого эгоиста принимаютъ обыкновенно поэта». Въ болѣе раннихъ тетрадяхъ поэта это стихотвореніе въ менѣе полной редакціи входило въ группу 6-ти стихотвореній, озаглавленную: «Портреты». Пять изъ нихъ, не представляющіе ничего характернаго, напечатаны въ «Русской Мысли» 1881, № 12, стр. 5—6.

7. Къ Генію (стр. 22). Приписано: «Напоминаніе о томъ, что было въ ефремовской деревнѣ въ 1827 г., гдѣ я во второй разъ полюбилъ 12-ти лѣтъ - и понынѣ люблю».

8. Письмо (стр. 24). Приписано: «Это вздоръ».

9. Русская мелодія (стр. 26). Приписано: «Эту пьесу отдавалъ за свою Ранчу Дурновъ — другъ, котораго понынѣ люблю и уважаю за его открытую и добрую душу. Онъ мой первый и послѣдній».

10. Къ А. С. (стр. 26). и Приписано: «Хотя я тогда этого не думалъ». Далѣе въ рукописи находится посланіе къ Сабурову съ помѣтою: «Наша дружба смѣшана съ такими разрывами и сплетнями, что воспоминанія о ней совсѣмъ невеселы. Этотъ человѣкъ имѣетъ женскій характеръ. Я самъ не знаю, отчего такъ дорожилъ имъ».

11. Три вѣдьмы (стр. 27) — первый встрѣчающійся въ тетрадяхъ Лермонтова переводъ изъ Шиллера былъ уже напечатанъ въ предыдущихъ изданіяхъ, но недавно сообщенъ какъ новость въ «Русской Мысли» 1881 (№ 12, стр. 18), при чемъ замѣчено, что Лермонтовымъ «переведены между прочимъ»: Къ Нинѣ (?), а изъ Шиллера: «Встрѣча», «Перчатка» и нѣкоторыя др. пьесы». Между тѣмъ стихотвореніе, отмѣченное тамъ знакомъ вопроса и выдѣленное изъ Шиллеровскихъ, относится къ этимъ послѣднимъ. Оно переведено Жуковскимъ: «Къ Эммѣ» (т. II, стр. 414), а также Козловымъ.

12. Къ другу (стр. 32). Въ «Р. Мысли» 1881 г. (№ 12, стр. 13—14) приведено это стихотвореніе вполнѣ, безъ оговорки, что

первое приведенное тамъ заглавіе: «Эпилогъ (къ Д..ву)» въ рукописи зачеркнуто. Мы однако не перепечатали начала стихотворенія, какъ не заключающее никакихъ характеристическихъ особенностей; въ поправкѣ же «Р. Мысли» нашего текста явилась, напротивъ, ошибка: «Стремится медленно толпа людей до гроба самого до самой колыбели», вм. нашего: «До гроба самаго отъ самой колыбели».

13. Литвинка (стр. 45) и слѣдующія двѣ пьесы въ прежнихъ изданіяхъ были отнесены къ 1832 г. по помѣтѣ на подлинной рукописи. Однако теперь оказалось, что помѣта эта сдѣлана не Лермонтовымъ, а владѣльцемъ тетради г. Хохряковымъ, и всѣ три пьесы написаны, вѣроятно, въ концѣ 1829 г. или въ началѣ 1830 г., потому что вслѣдъ за ними начинаются стихотворенія, несомнѣнно принадлежащія къ 1830 году. — Литвинку, кажется можно назвать первымъ очеркомъ «Боярина Орши». Арсеній, бояринъ грозный и суровый, живетъ въ дѣдовскомъ замкѣ. Жена его въ часы разлуки съ мужемъ играетъ на лютнѣ и ожидаетъ Арсенія съ войны. Бояринъ возвращается въ свой замокъ и привозитъ съ собою красавицу-плѣнницу, литвинку. Жену отдастъ въ монастырь, а литвинка дѣлается хозяйкой замка. Но Арсеній замѣчаетъ, что она скучна. Однажды вечеромъ стучатся у воротъ двое путешественниковъ; ихъ впускаютъ, и Клара (литвинка) узнаетъ въ одномъ изъ нихъ прекраснаго юношу, котораго любила еще въ Литвѣ. Она смущена, не можетъ вынести взгляда черныхъ глазъ его, и уходитъ въ комнату. Ночь. Отворяется окно. Литвинка бѣжитъ, и Арсеній остается одинъ. Онъ дѣлается еще мрачнѣе; еще болѣе возненавидѣлъ людей, ищетъ смерти въ сраженіи съ литвинами, которыми, какъ оказалось, предводительствуетъ Клара. Его убиваютъ.

Вслѣдъ за поэмою написано: «Демонъ». Сюжетъ.—Во время плѣненія евреевъ въ Вавилонѣ (изъ Библіи). Еврейка. Отецъ слѣпой. Онъ въ первый разъ видитъ ее спящую. Потомъ она поетъ отцу про старину и про близость ангела — какъ прежде. Еврей возвращается на родину. Ея могила остается на чужбинѣ».

За тѣмъ выписаны 4 стиха изъ «Абидосской Невѣсты» Байрона въ англійскомъ подлинникѣ.

14. Аулъ Бастунджи (стр. 48). Въ этомъ аулѣ, между Машукомъ и Бешту, живутъ два брата: Акбулатъ и Селимъ. Селимъ, меньшой братъ, обязанъ былъ старшему всѣмъ. Оба брата жили нелюдимами въ землянкѣ. Однажды старшій изъ набѣга привезъ себѣ въ жены красавицу Зару. Въ нее влюбляется младшій братъ и требуетъ у старшаго, чтобъ онъ уступилъ ему жену. Тотъ, конечно, отказываетъ. Селимъ объясняется въ любви Зарѣ, но та отвѣчаетъ

ему, что любитъ Акбулата и будетъ ему вѣрна до смерти. — Тогда Селимъ замышляетъ убить Зару и сжечь саклю Акбулата. И то и другое онъ исполняетъ. Отъ аула Бастунджи остался одинъ пепелъ.

15. Каллы (стр. 49). Мулла говоритъ Аджи, что онъ долженъ отмстить Акбулату за смерть отца, матери и брата, погибшихъ отъ руки Акбулата, и благословляетъ Аджи на месть. Ночью Аджи пробрался въ саклю Акбулата, убилъ старика, сына и наконецъ красавицу-дочь. Возвратившись въ аулъ, онъ убилъ и муллу, подавшаго ему такой совѣтъ. И съ тѣхъ поръ въ горахъ показался безвѣстный странникъ. Въ повѣсти VI главъ, скорѣе набросанныхъ, нежели отдѣланныхъ.

16. Князь Мстиславъ (стр. 71). Кромѣ сюжета, приведеннаго въ текстѣ, въ тетрадяхъ находятся еще слѣдующія замѣтки: «Имя героя Мстиславъ Всеволод.—Черный, прозваніе отъ его задумчивости.—Его сестра Ольга. — Мстиславъ три ночи молится на курганѣ, чтобъ не погибла ему любезная Россія. — Помѣстить пѣсню печальную о любви, или: что за пыль пылитъ.—Ольга молодая, невинная, ангелъ поетъ ее.—Входитъ братъ ея, послѣ паломникъ».— Сбоку: «Всѣ сначала укоряютъ Мстислава въ равнодушіи къ бѣдствіямъ родины, ибо онъ молчитъ».—Потомъ еще: «Какимъ образомъ умираетъ Мстиславъ? Онъ израненный лежитъ въ хижинѣ. Хозяйка-крестьянка баюкаетъ ребенка пѣснью: что за пыль пылитъ. — Входитъ мужъ ея израненый.—Юный князь Василій утонулъ въ крови во время битвы».

Вслѣдъ за «Сюжетомъ» Мстислава въ тетради написано: «Программа. Его исторія. Его любовь къ отцу. Пріѣздъ архіерея. Что про него сказалъ архіерей. Исторія одного монаха. Весна. Любовь къ неизвѣстной. Зеркало. Колокольчикъ. Родители. Несправедливости. (Пьянство. Послѣдняя игра). Постриженіе. Убійство: одинъ хотѣлъ быть игуменомъ и для того убилъ другаго и посадилъ его такъ, будто онъ самъ себя убилъ. (Родители пріѣзжаютъ). Послѣдняя любовь. Разочарованіе». Болѣзнь.—Постановленное въ скобки зачеркнуто въ рукописи. — Потомъ еще прибавлено: «Поэма на Кавказѣ.—Герой—пророкъ».

17. Склонись ко мнѣ (стр. 81). За этимъ стихотвореніемъ опять набросокъ программы: «Монахъ впослѣдствіи сидитъ у окна. Подходитъ старый нищій и дѣвушка. Онъ узнаетъ отца и сестру, хочетъ броситься, но останавливается и закрываетъ окно въ отчаяніи. Онъ укралъ деньги и на другой день ищетъ ихъ, но нигдѣ не находитъ. Потомъ, не зная, что съ ними дѣлать, зоветъ товарища-слугу въ кабакъ и пропиваетъ ихъ; тамъ узнаютъ, что онъ укралъ и онъ посаженъ въ тюрьму».

18. Какъ лучъ зари (стр. 85). Послѣ этого стихотворенія приписано: «Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали; вы къ небу меня пріучили, и я съ той поры все мечтаю о васъ, да о небѣ. Престолы природы, съ которыхъ какъ дымъ улетаютъ громовыя тучи! Кто разъ лишь на вашихъ вершинахъ Творцу помолился, тотъ жизнь презираетъ, хотя въ то мгновеніе гордился онъ ею! — Часто во время зари я глядѣлъ на снѣга и далекія льдины утесовъ: они такъ сіяли въ лучахъ восходящаго солнца, въ розовый блескъ одѣваясь; между тѣмъ, какъ внизу все темно — они возвѣщали прохожему утро... — Какъ я любилъ твои бури, Кавказъ! Тѣ пустынныя, громкія бури, которымъ пещеры, какъ стражи ночей, отвѣчаютъ. На гладкомъ холмѣ одинокое дерево, вѣтромъ, дождями нагнутое; виноградникъ шумящій въ ущельи; путь неизвѣстный надъ пропастью, гдѣ покрываяся пѣной, бѣжитъ безъименная рѣчка; выстрѣлъ нежданный, и страхъ послѣ выстрѣла... Врагъ ли коварный, иль просто охотникъ... Все, все въ этомъ краѣ прекрасно.

Воздухъ такъ чистъ, какъ молитва ребенка,
И люди, какъ вольныя птицы, живутъ беззаботно;
Война ихъ стихія, и въ смуглыхъ чертахъ ихъ душа говоритъ.
Въ дымной саклѣ, землей иль сухимъ тростникомъ
Покровенной, таятся ихъ жены и дѣвы и чистятъ оружье,
И шьютъ серебромъ, въ тишинѣ увядая...»

19. Джуліо (стр. 88). Помѣчено: «Я слышалъ этотъ разсказъ отъ одного путешественника».— При «Вступленіи» сказано: «1830 года, великимъ постомъ и послѣ». — Вся повѣсть занимаетъ около 3 листовъ мелкаго письма, и повидимому недостаетъ въ срединѣ двухъ страницъ (стиховъ 50). Она не окончена. Дѣйствіе происходитъ подлѣ Неаполя. Джуліо влюбленъ въ Лору, а она въ него. Но вскорѣ Джуліо бросаетъ Лору и ѣдетъ скитаться по свѣту, томимый тоскою. Ни Парижъ, ни Швейцарія, ни Рейнъ его не развлекаютъ. Наконецъ онъ является въ рудникахъ Швеціи.

20. Вслѣдъ за повѣстью написано: «1830. Замѣчаніе. Когда я началъ марать стихи въ 1828 г. («въ пансіонѣ» зачеркнуто), я какъ бы по инстинкту, переписывалъ и прибиралъ ихъ. Они еще теперь у меня. Нынѣ я прочелъ въ жизни Байрона, что онъ дѣлалъ тоже— это сходство меня поразило». Замѣтимъ, что Дудышкинъ указываетъ на двѣ поэмы будто бы Лермонтова: «Бахчисарайскій Фонтанъ» и «Шильонскій Узникъ» въ тетради 1827 г. и по поводу выписаннаго примѣчанія удивляется, что Лермонтовъ забылъ о тетрадяхъ 1827 г. Мы видѣли и эти тетради и нашли, что въ нихъ буквально

списаны двѣ названныя поэмы Пушкина и Жуковскаго, чего Дудышкинъ не досмотрѣлъ, и назвалъ ихъ «сочиненіями» Лермонтова, тогда какъ Лермонтовъ уже только въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» началъ «перелагать» Пушкина.

21. Кавказъ (стр. 89). Послѣ этого: «Музыка моего сердца была совсѣмъ разстроена нынче. Ни одного звука не могъ я извлечь изъ скрипки, изъ фортепьяно, чтобъ они не возмутили моего слуха». Черезъ нѣсколько стихотвореній опять замѣчено: «1830. Еще сходство въ жизни моей съ Лордомъ-Байрономъ. Его матери въ Шотландіи предсказала старуха, что онъ будетъ великій человѣкъ и будетъ два раза женатъ; про меня на Кавказѣ предсказала тоже самое старуха моей бабушкѣ. Дай Богъ, чтобъ и надо мной сбылось, хотя бъ я былъ также несчастливъ, какъ Байронъ». Слѣдующее стих. помѣчено: «1830 года, Іюля 15, Москва»; а за нимъ опять замѣтка: «Въ слѣдующей сатирѣ всѣхъ разругать и одну грустную строфу. Подъ конецъ сказать, что я напрасно писалъ, и что если бъ это перо въ палку обратилось и какое нибудь божество новыхъ временъ приударило въ нихъ—оно лучше». Затѣмъ написано опущенное нами стихотвореніе «Бульваръ».

22. Гробъ Оссіана (стр. 100)—«узнавъ отъ путешественника описаніе сей могилы». Напечатано въ первый разъ въ Русской Старинѣ 1873 г. № 4.

23. Посвященіе (стр. 100). Слѣдуетъ Кладбище съ помѣтой: «На кладбищѣ написано. 1830»; а послѣ 2-го посвященія (стр. 101), черезъ три стихотворенія съ короткими замѣтками слѣдуетъ: «Записка 1830 г., 8 Іюля, ночь. Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду?—Мы были большимъ семействомъ на водахъ кавказскихъ: бабушка, тетушка, кузины. Къ моимъ кузинамъ приходила одна дама съ дочерью, дѣвочкой лѣтъ девяти. Я ее видѣлъ тамъ. Я не помню, хороша собою была она или нѣтъ, но ея образъ и теперь еще хранится въ головѣ моей. Онъ мнѣ любезенъ, самъ не знаю почему. Одинъ разъ, я помню, я вбѣжалъ въ комнату. Она была тутъ и играла съ кузиною въ куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни объ чемъ еще не имѣлъ понятія, тѣмъ не менѣе это была страсть сильная, хотя ребяческая; это была истинная любовь; съ тѣхъ поръ я еще не любилъ такъ. О, сія минута перваго безпокойства страстей до могилы будетъ терзать мой умъ. И такъ рано!... Надо мной смѣялись и дразнили, ибо примѣчали волненіе въ лицѣ. Я плакалъ потихоньку, безъ причины; желалъ ее видѣть; а когда она приходила, я не хотѣлъ или стыдился войти въ комнату, не хотѣлъ говорить объ ней и убѣгалъ, слыша ея названье (теперь я забылъ его), какъ бы страшась,

чтобъ біеніе сердца и дрожащій голосъ не объяснили другимъ тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда? и понынѣ мнѣ неловко какъ-то спросить объ этомъ: можетъ быть, спросятъ и меня, какъ я помню, когда они позабыли; или тогда эти люди, внимая мой разсказъ, подумаютъ, что я брежу, не повѣрятъ ея существованью—это было бы мнѣ больно!... Бѣлокурые волосы, голубые глаза быстрые, непринужденность—нѣтъ, съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видалъ, или это мнѣ кажется, потому что я никогда не любилъ, какъ въ тотъ разъ.—Горы кавказскія для меня священны... И такъ рано! въ 10 лѣтъ. Эта загадка, этотъ потерянный рай—до могилы будутъ терзать мой умъ! Иногда мнѣ странно—и я готовъ смѣяться надъ этой страстію, но чаще—плакать.—Говорятъ (Байронъ), что ранняя страсть означаетъ душу, которая будетъ любить священныя искусства. Я думаю, что въ такой душѣ много музыки».

24. Къ *** прочитавъ жизнь Байрона (стр. 102). Замѣтка: «1830. Когда я былъ трехъ лѣтъ, то была пѣсня, отъ которой я плакалъ: я не могу теперь вспомнить, но увѣренъ, что если бъ услыхалъ ее, она бы произвела прежнее дѣйствіе. Ее пѣвала мнѣ покойная мать.—1830. Я помню одинъ сонъ, когда я былъ еще 8-ми лѣтъ. Онъ сильно подѣйствовалъ на мою душу. Въ тѣ же лѣта я одинъ разъ ѣхалъ въ грозу куда-то, и помню облако, которое—небольшое, какъ бы оторванный клочекъ чернаго плаща—быстро неслось по небу: это такъ живо передо мною, какъ будто вижу. Когда я еще малъ былъ, я любилъ смотрѣть на луну, на разновидныя облака, которыя видѣ рыцарей съ шлемами тѣснились будто вокругъ нея; будто рыцари, сопровождающіе Армиду въ ея замокъ, полные ревности и безпокойства».

25. Взгляни на тихую луну (стр. 102). Этому стих. предшествуетъ: «Въ первомъ дѣйствіи моей трагедіи Фернандо, говоря съ любезной подъ балкономъ, говоритъ при этомъ про луну и употребляетъ предыдущее сравненіе».—За тѣмъ: «1830 (мнѣ 15 лѣтъ). Я однажды (3 года назадъ) укралъ у одной дѣвушки, которой было 17 лѣтъ, и потому безнадежно любимой мною, бисерный синій спурокъ. Онъ и теперь у меня хранится.—Кто хочетъ узнать имя дѣвушки, пускай спроситъ у двоюродной сестры моей. Какъ я былъ глупъ!...—1830. Наша литература такъ бѣдна, что я ничего не могу изъ нея заимствовать; въ 15 же лѣтъ умъ не такъ быстро принимаетъ впечатлѣнія, какъ въ дѣтствѣ; но тогда я почти ничего не читалъ. Однако же, если захочу вдаться въ поэзію народную, то вѣрно нигдѣ больше не буду ея искать, какъ въ русскихъ пѣсняхъ.—Какъ жалко, что у меня была мамушкой нѣмка, а не русская—я не слыхалъ ска-

зокъ народныхъ: въ нихъ вѣрно больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности».

26. Черезъ стихотвореніе: «Мое завѣщаніе (про дерево, гдѣ я сидѣлъ съ А. С.). Схороните меня подъ этимъ сухимъ деревомъ, чтобы два образа смерти предстояли глазамъ вашимъ. Я любилъ, я любилъ подъ нимъ и слышалъ волшебное слово: люблю, которое потрясало судорожнымъ движеніемъ каждую жилу моего сердца: въ то время это дерево, еще цвѣтущее, при свѣжемъ вѣтрѣ покачало головою и шопотомъ молвило: безумецъ, что ты дѣлаешь?... (Оно засохло). Время постигло мрачнаго свидѣтеля радостей человѣческихъ, прежде меня. Я не плакалъ, ибо слезы есть принадлежность тѣхъ, у которыхъ есть надежды,—но тогда же взялъ бумагу и сдѣлалъ слѣдующее завѣщаніе: похороните мои кости подъ этой сухою яблоней, положите камень—и пускай въ немъ ничего не будетъ написано, если одного имени моего не довольно будетъ доставить ему безсмертіе!...»

27. Черноокой (стр. 105). Объ этомъ и слѣдующихъ за нимъ стихотвореніяхъ см. подробный разсказъ въ Воспоминаніяхъ о Лермонтовѣ Е. А. Хвостовой.

28. Зови надежду (стр. 107). По другимъ спискамъ это стихотвореніе читается такъ:

Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Неправдой истину зови,
Зови надежду сновидѣньемъ,
Но вѣрь, о вѣрь моей любви!
Такой любви нельзя не вѣрить,
А взоръ не скроетъ ничего;
Ты неспособна лицемѣрить!
Ты слишкомъ ангелъ для того.

29. Стихотворенія: «Первая любовь», «Я видѣлъ», «Звуки» и «Пѣсня» (стр. 113—115), а равно помѣщенныя ниже на стр. 142: «Толпѣ» и «Тростникъ»—въ первый разъ напечатаны по рукописи Лермонтова въ «Саратовскомъ Справочномъ Листкѣ» 1875 г. №№ 246 и 256. Тамъ же помѣщены съ небольшими варіантами: «Поле Бородина» и «Farewell» (Прости, коль могутъ къ небесамъ) и др.

30. Испанцы (стр. 118). Содержаніе драмы «Испанцы» слѣдующее. Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Альвареса, знатнаго испанца, гордаго своею знатностью и своими предками. Онъ женатъ во второй разъ на молодой женщинѣ, доннѣ Маріи, которая, въ свою очередь, третій разъ замужемъ. Отъ перваго брака у дона Альвареса есть дочь, донна Эмилія, и кромѣ того у него же въ домѣ живетъ пріемышъ,

донъ Фернандо, найденный имъ во время путешествія и воспитанный въ христіанской вѣрѣ. Фернандо и Эмилія влюбляются другъ въ друга; но Альваресъ выгоняетъ Фернандо изъ дома, въ отвѣтъ на требованіе руки Эмиліи. Во второмъ дѣйствіи является іезуитъ Сорриини, который собралъ у себя воровъ и разбойниковъ и угощаетъ ихъ за тѣмъ, чтобъ они убили Фернандо и похитили Эмилію. Сорриини помогаетъ мачиха, имъ подкупленная. Потомъ является на сцену жидъ Моисей, которому Фернандо спасъ жизнь, и дочь его Ноэми, которая заочно влюбилась въ спасителя своего отца. Это мѣсто драмы приведено въ текстѣ. Наемники Сорриини, между тѣмъ, увозятъ Эмилію; Фернандо отправляется спасать ее; подъ видомъ пилигрима входитъ въ домъ Сорриини, но спасти Эмилію отъ сластолюбія патера не можетъ. Тогда онъ убиваетъ Эмилію, несетъ трупъ на рукахъ своихъ въ домъ Альвареса; тамъ его настигаетъ инквизиція и ведетъ на казнь. Въ это время входитъ жидъ Моисей и предлагаетъ все свое золото патеру Сорриини за спасеніе Фернандо, который оказывается его сыномъ. Патеръ беретъ деньги и все таки не освобождаетъ Фернандо, котораго ведутъ на казнь. Ноэми, сестра Фернандо, сходитъ съ ума.

Трагедія эта, составляющая первое драматическое произведеніе Лермонтова, сохранилась въ единственномъ, набѣло переписанномъ спискѣ, принадлежащемъ нынѣ Б. Н. Чичерину. Рукопись состоитъ изъ 33 листовъ и писана довольно красивымъ почеркомъ, но съ ошибками, нерѣдко искажающими смыслъ (напр., «свидѣтелями свободы» вмѣсто «свадьбы» и т. п.). Она вся исправлена рукою Лермонтова карандашомъ. Поправки эти двоякаго рода: частію ими исправляются недосмотры и искаженія переписчика, частію же самый текстъ, причемъ первыя исправленія многочисленнѣе послѣднихъ. Къ сожалѣнію, рукопись сохранилась не вполнѣ: послѣдній полулистъ ея оторванъ, такъ что самаго конца пьесы недостаетъ. По этой-то рукописи, вполнѣ напечатанной въ книгѣ: «Юношескія драмы Лермонтова» (Спб. 1880). содержаніе трагедіи изложено С. Шестаковымъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1857 года, № 10, и приведены выписки изъ пьесы, которыя потомъ и взяты были Дудышкинымъ въ изданіе сочиненій Лермонтова 1860 года, а отсюда перепечатываются во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ.

Отрывки изъ трагедіи сохранились кромѣ того въ юношескихъ тетрадяхъ Лермонтова, находящихся нынѣ у А. А. Краевскаго, именно: въ нѣсколькихъ листкахъ одной разрозненной тетрадки и въ разныхъ мѣстахъ другихъ тетрадей, среди мелкихъ стихотвореній, гдѣ сверхъ того набросаны изрѣдка кое-какія замѣтки юноши-поэта о самой пьесѣ, дающія указанія какъ на время, въ которое она писалась, такъ отчасти и на самый процессъ ея сочиненія, а равно

указывающія на то, какъ рано обратился Лермонтовъ къ драматической формѣ, и сколько задумывалъ онъ драмъ и трагедій, сверхъ написанныхъ имъ пяти.

Еще въ тетрадяхъ, относящихся къ началу 1829 года, набросано имъ что-то въ родѣ программы для оперы—Цыганы (выше, стр. 33). Затѣмъ, въ тетрадяхъ начала 1830 г., одновременно съ стихотвореніемъ Незабудка (стр. 95) является замѣтка:

«Сюжетъ трагедіи. Отецъ съ дочерью; ожидаютъ сына, военнаго, который пріѣдетъ къ отцу ихъ. Отецъ разбойничаетъ въ своей деревнѣ и дочь самая злая убійца. Сынъ хочетъ сюрпризъ сдѣлать отцу и прежде нежели отправляется, пріѣхавъ, недалеко отъ деревни, становится въ трактирѣ. Онъ находитъ здѣсь любезную свою съ матерью. Онѣ просятъ, чтобъ онъ не спалъ, ибо боятся разбойниковъ. Онъ соглашается. Вдругъ разбойники ночью пріѣзжаютъ. Онъ защищается и отрубаетъ руку у одного. Его запираютъ въ его комнатѣ. Когда все утихло, онъ вырывается. Уходитъ и приноситъ трупъ своей любезной. Клянется отмстить ее. Для этого спѣшитъ къ отцу, чтобъ тамъ найти помощь.—Ночь у отца. Дочь примѣриваетъ платья убитыхъ нѣсколько дней тому назадъ; люди прибираютъ мертвыя тѣла. Прибѣгаетъ вскорѣ сынъ. Сказываетъ о себѣ. Его впускаютъ. Онъ разсказываетъ сестрѣ свое несчастіе. Вдругъ отецъ — онъ безъ руки.... Сынъ къ нему—и видитъ—въ отчаяніи убѣгаетъ. Смятеніе въ дому. Межъ тѣмъ полиція узнала не о семъ, но о другомъ недавнемъ злодѣяніи и приходитъ; сынъ самъ объявляетъ объ отцѣ; вбѣгаетъ съ ними полиція. Отца схватываютъ и уводятъ. Сынъ застрѣливается. Тутъ вбѣгаетъ служитель старый сына, добрый хочетъ его увидѣть и видитъ его мертваго.» Первоначально этотъ «сюжетъ» представился молодому поэту нѣсколько въ иномъ видѣ, что ясно изъ помарокъ. Такъ вмѣсто «трактира» сынъ останавливается «у мужика ночевать на постояломъ дворѣ съ женой». Послѣ пріѣзда разбойниковъ и отрубленія руки: «Всѣхъ убиваютъ и жену утаскиваютъ. Онъ въ отчаяніи идетъ броситься къ отцу, чтобъ тотъ далъ ему помощь, ибо домъ не такъ далеко». Въ концѣ было, что старый слуга «хочетъ сказать ему о смерти печальной супруги—и видитъ его мертваго».

Вслѣдъ за этимъ, послѣ трехъ небольшихъ стихотвореній опять набросанъ: «Сюжетъ трагедіи.—Въ Америкѣ.—Дикіе, угнетенные испанцами. — Изъ романа французскаго Аттала». А затѣмъ опять черезъ три стихотворенія.

«Природа подобна печи, откуда вылетаютъ искры.—Природа производитъ людей—иныхъ умнѣе, другихъ глупѣе; одни извѣстны, другіе неизвѣстны. — Изъ печи вылетаютъ искры: однѣ больше, другія

темнѣе, однѣ долго, другія мгновенье свѣтятъ, но все таки онѣ погаснутъ и исчезнутъ безъ слѣда; подобно имъ послѣдуютъ другія, также безъ послѣдствій, пока печь погаснетъ сама: тогда весь пепелъ соберутъ въ кучу и выбросятъ; такъ и съ нами».

«Прежде отъ матерей и отцовъ продавали дочерей казакамъ на ярмаркахъ, какъ негровъ. Это въ трагедіи помѣстить».

Не знаемъ, къ какой именно трагедіи относится послѣдній пунктъ замѣчанія, но первый вошелъ съ небольшими перемѣнами въ драму Menschen und Leidenschaften и, замѣтимъ кстати, составляетъ единственный слѣдъ этой драмы въ юношескихъ тетрадяхъ поэта.

Послѣ этого въ тетрадяхъ появляется сюжетъ, уже подходящій къ «Испанцамъ». Именно въ тетрадяхъ, относящихся къ маю или іюню 1830 г., записано: «Сюжетъ. Въ Испаніи у матери дочь увезъ въ дурной домъ обманщикъ, хотя служащій при инквизиціи, который хочетъ обмануть послѣ и другую сестру. Любовникъ первой, за котораго не хотѣли отдать, ибо у него нѣтъ многихъ благородныхъ предковъ, узнаетъ происшествіе, когда сидитъ съ друзьями. Онъ спасаетъ жида отъ инквизиціи прежде. Жидъ и говоритъ, что ее увезли. Онъ клянется живую или мертвую привезти. Жидъ ему помогаетъ ее найти. Онъ находитъ—ему злодѣй не отдаетъ. Онъ ее убиваетъ и уноситъ. Злодѣй не мѣшаетъ, ибо самъ боится, чтобъ не узнали похищенія. Злодѣй идетъ къ матери. Приноситъ тотъ свою любезную мертвую. Его схватываютъ—спрашиваютъ—полиція. Входитъ злодѣй. Обвиняемый бросается къ нему на шею, цѣлуетъ и кинжаломъ колетъ въ сердце. Его ведутъ казнить.»

Можетъ быть къ этому же сюжету относится и замѣтка, помѣщенная въ тетрадяхъ послѣ «Эпитафіи» (стр. 87): «Онъ угрожаетъ ей гибелью отца и она обѣщается завтра прислать къ нему рабу. Она заражается чумой. Онъ приходитъ проводить ночь и умираетъ въ ея объятіяхъ, въ саду.»

Не задолго до стихотвореній, написанныхъ 8 іюля 1830 г., встрѣчается уже и обозначеніе дѣйствующихъ лицъ «Испанцевъ», впрочемъ безъ имени пьесы: «Дѣйствующія лица. Донъ Алварецъ—отецъ. Немного бѣдный, но гордый дворянинъ—но добрый. Донна Марія—мачиха (было «мать») Эмиліи, причудливая, капризная, скупая женщина. Эмилія—дочь (зачеркнуто: не отъ Маріи) Алвареца—любитъ и любима Фернандомъ. Фернандо—молодой испанецъ, воспитанный въ домѣ Алвареца. Патеръ Соррини — италіанецъ, хитрый, богатый іезуитъ. Моисей — жидъ. Ноэми—дочь его. Испанцы праздношатающіеся. Жиды и жидовки.—Слуги.—(Дѣйствіе въ Кастиліи).»

Потомъ слѣдуютъ 4 стихотворенія (стр. 100—101) и опять замѣтка: «Въ первомъ дѣйствіи такъ начинается: Мачиха съ Эмиліей идутъ въ церковь. Фернандо тутъ. Эмилія изъ подъ мантильи роняетъ записку, гдѣ она говоритъ, что если Алварецъ ему станетъ что нибудь говорить, то чтобъ онъ не горячился. Тутъ приходитъ Алварецъ и говоритъ ему, что хотя прежде онъ обѣщалъ за него выдать дочь, но теперь не можетъ, ибо имѣетъ другіе виды. Фернандо побочный сынъ, не богатъ и проч.».

Кромѣ того, передъ стихотвореніемъ, написаннымъ въ Воскресенскомъ монастырѣ Никона (стр. 97): «Въ первомъ дѣйствіи моей трагедіи молодой испанецъ говоритъ отцу любовницы своей, что благородные для того не сближаются съ простымъ народомъ, что боятся дабы не увидали, что они еще хуже его. — Въ томъ же дѣйствіи испанецъ говоритъ: что такое золото, которое мое можетъ сдѣлать счастье, ибо безъ него не могу обладать моей любезной? Металлъ, какъ другой.—Вѣрно, Богъ не далъ ему этого преимущества, коего многіе люди не имѣютъ?»

Вмѣстѣ съ этимъ, сряду же записано: «Сюжетъ трагедіи. Молодой человѣкъ въ Россіи, который не дворянскаго происхожденія, отвергаемъ обществомъ, любовью, унижаемъ начальниками. — (Онъ былъ изъ поповичей или изъ мѣщанъ; учился въ университетѣ и вояжировалъ на казенный счетъ).—Онъ застрѣливается.»

Въ половинѣ іюля опять замѣтки, приведенныя выше (№ 24. 25).

Еврейская мелодія (стр. 134), которою начинается 2-я сцена 3-го дѣйствія, написана 26 августа, и въ тетради ей предшествуетъ повидимому первоначальный набросокъ:

Плачь, плачь, Израиля народъ!
Ты потерялъ звѣзду свою;
Она вторично не взойдетъ —
И будетъ мракъ въ земномъ краю.
По крайней мѣрѣ есть одинъ,
Который все съ ней потерялъ;
Безъ думъ, безъ чувствъ, среди долинъ
Онъ тѣнь слѣдовъ ея искалъ!...

Наконецъ еще замѣтка указываетъ: «Когда испанецъ вынимаетъ портретъ своей любезной, жидовка отвращается, и онъ говоритъ: вотъ что значитъ женщина; она не можетъ видѣть лица, которое не уступаетъ ей въ красотѣ. — Послѣ онъ, видя, что она огорчилась, тутъ же спрашиваетъ: что онъ долженъ дать ей? чего она хочетъ? Она говоритъ: чего я хочу, того ты не можешь мнѣ дать! — и уходитъ. Онъ: она только желаетъ и молчитъ, а какъ многіе требуютъ

невозможнаго отъ насъ! («Въ первой сценѣ у жида». Потомъ поправлено: «Во второй сценѣ у жида. Дѣйст.IV»).

Чтобы кончить съ «сюжетами», замѣтимъ, что уже въ 1831 г., въ то время когда писалъ «Страннаго человѣка», Лермонтовъ отмѣтилъ: «Memor. Написать трагедію: Марій, изъ Плутарха. 1) Дѣйств. Его жизнь въ Римѣ во время его конс., изгнаніе Силлою. 2) Когда Марій въ изгнаніи бродитъ и взятъ, и Цибрскій невольникъ не смѣетъ убить его. 3) Сынъ Марія при дворѣ сатрапа освобождаемъ невольницею, и Марій въ Карѳагенѣ. 4) Цинна въ Римѣ. Пришествіе Марія, тиранства, убійства (между прочимъ Антонія оратора убили) и проч. 5) Марій предчувствуетъ гибель. Онъ умираетъ. Сластолюбивый сынъ его тиранствуетъ, но угрожаемъ Силлою, бѣжитъ изъ Рима и въ Пренестѣ убиваетъ себя. — Сыну Марія передъ смертью, въ 5-мъ дѣйствіи, является тѣнь его отца и повелѣваетъ умереть, ибо родъ ихъ долженъ ими кончиться.»

Въ концѣ 1831 года Лермонтовъ замѣтилъ еще: «Ecrire une tragédie: Neron.»

31. Menschen und Leidenschaften (стр. 118). Драма эта, посвященіе которой приведено въ текстѣ, въ пяти дѣйствіяхъ. Не смотря на нѣмецкое заглавіе, пьеса взята изъ русской жизни. Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ старушки Громовой. Въ трагедіи слѣдующія лица: бабушка Марѳа Ивановна 80 лѣтъ, два ея сына, внукъ и двѣ внучки. Утверждаютъ, что эта драма имѣетъ автобіографическое значеніе. Здѣсь главное дѣйствующее лицо—внукъ, Юрій Николаевичъ, влюбленный въ кузину. Онъ находится въ странномъ положеніи: бабушка не любитъ его отца; не видно почему, кажется, только по сплетнямъ своей старой горничной, Дарьи. Отецъ Юрія бѣденъ, бабушка богата: отецъ требуетъ, чтобъ сынъ жилъ съ нимъ; бабушка желаетъ, чтобъ Юрій оставался у нея жить. Въ одномъ мѣстѣ Юрій говоритъ: «Надо ѣхать къ отцу, но отецъ едва можетъ прокормить себя. О, какую глупость я сдѣлалъ! но тутъ нѣтъ поправки, нѣтъ дороги, которая вывела бы изъ сего лабиринта». Однако передумываетъ: «Лучше ѣсть сухой хлѣбъ и пить воду въ кругу людей любезныхъ сердцу, нежели здѣсь веселиться среди змѣй и, пируя за столомъ, думать, что каждое роскошное блюдо куплено насчетъ кровавой слезы отца моего... Это ужасно! это адское дѣло!» Старушка Громова представлена въ трагедіи сварливою; она безпрестанно бьетъ горничныхъ по щекамъ. Въ концѣ трагедіи отецъ проклинаетъ сына и тотъ отравляется. —Пьеса напечатана вполнѣ въ книгѣ: «Юношескія драмы Лермонтова», по рукописи, хранящейся въ Публичной Библіотекѣ. Она написана, вѣроятно, одновременно съ «Испанцами» или даже немного послѣ нихъ, на что указываетъ выписанное нами выше мѣсто

*

(стр. 640—641), находящееся въ тетрадяхъ, принадлежащихъ г. Краевскому. Другихъ указаній въ тетрадяхъ на эту драму нѣтъ и самое имя ея встрѣчается въ нихъ только одинъ разъ при отрывкахъ изъ «Страннаго человѣка».

32. Есть еще одно юношеское произведеніе Лермонтова: **Два брата**. Дѣйствіе этой драмы происходитъ въ Москвѣ. Главное лицо въ ней Александръ Радинъ, который влюбился въ женщину замужнюю, нѣкогда влюбленную въ его брата Юрія, овладѣлъ ея сердцемъ и заставилъ ее полюбить себя, хотя и зналъ, что братъ Юрій все еще влюбленъ въ нее. Братья сдѣлались соперниками въ любви къ женщинѣ, впослѣдствіи равно-охладѣвшей къ нимъ обоимъ. Александръ хлопочетъ только о томъ, чтобъ прежняя любовь къ брату не вспыхнула въ женщинѣ, еще имъ любимой. Эта вражда братьевъ убиваетъ старика-отца, заставляетъ мужа Загорскиной увезти жену въ деревню. Но Александръ Радинъ торжествуетъ, потому что женщина, имъ любимая, если не принадлежитъ ему, то и никому не принадлежитъ.—Драма эта вполнѣ напечатана также въ изданіи «Юношескихъ драмъ» Лермонтова, по рукописи, сохранившейся у Б. Н. Чичерина только въ единственномъ спискѣ, перебѣленномъ посторонней рукою, но исправленномъ самимъ Лермонтовымъ. Заглавный листъ тетрадей, заключающихъ въ себѣ эту пьесу, въ настояще время уже утраченъ, и можно предполагать, сообразуясь съ другими рукописями, что съ этимъ листомъ утрачено обозначеніе дѣйствующихъ лицъ, времени и мѣста дѣйствія и времени сочиненія пьесы. Вѣроятно, тамъ было предисловіе и «посвященіе» въ стихахъ, безъ котораго у Лермонтова нѣтъ ни одной юношеской драмы и поэмы. **Шестаковъ**, передавшій содержаніе пьесы въ «Русск. Вѣстн.» (1857 г. № 11), полагаетъ, что она написана въ 1831 г., послѣ «Страннаго Человѣка», но въ самой пьесѣ никакихъ указаній на это нѣтъ, а фамилія **Загорскиной**, встрѣчающаяся въ обѣихъ, могла впервые появиться и въ «Двухъ братьяхъ».

33. **Нѣтъ, я не требую вниманья** (стр. 138). Вскорѣ послѣ черноваго наброска этого стихотворенія встрѣчаются замѣтки: «Я читаю Новую Элоизу. Признаюсь, я ожидалъ больше генія, больше познанія природы и истины. Ума слишкомъ много, идеалы—что въ нихъ? Они прекрасны, чудесны; но несчастные софизмы, одѣтые блестящими выраженіями, не мѣшаютъ видѣть, что они все идеалы. Вертеръ лучше. Тамъ человѣкъ—болѣе человѣкъ. У Жанъ-Жака даже пороки не таковы, какіе они есть. У него герои насильно хотятъ увѣрить читателя въ своемъ великодушіи. Но краснорѣчіе удивительное. И послѣ всего, я скажу, что хорошо, что у Руссо, а не у другаго родилась мысль написать Новую Элоизу».

34. Въ Альбомъ Поливанову (стр. 139)—напечатано въ «Русской Старинѣ» 1875 г. № 4.

35. Бородино (стр. 139). Первый очеркъ того стихотворенія, которымъ Лермонтовъ впослѣдствіи обратилъ на себя вниманіе публики. Оно отдѣлано окончательно только въ 1836 г.

36. «Странный человѣкъ» (стр. 154). Эта драма особенно важна, потому что имѣетъ значеніе біографическое для поэта, о чемъ можно судить по примѣчанію, сдѣланному Лермонтовымъ (см. стр 154).

Перебѣленная и исправленная самимъ Лермонтовымъ рукопись сохранилась только у Б. Н. Чичерина, но въ тетрадяхъ г. Краевскаго находится полный первоначальный текстъ. Содержаніе «Страннаго человѣка» было разсказано въ статьяхъ Шестакова (Русск. Вѣстн. 1857 г. № 11), а полный текстъ по черновому оригиналу впервые напечатанъ Дудышкинымъ въ изданіи сочиненій Лермонтова 1860 г. Сравнивъ этотъ текстъ, помѣщенный и въ нынѣшнемъ изданіи съ бѣловымъ текстомъ изданія: «Юношескихъ драмъ» Лермонтова, читатель увидитъ, что драма вся совершенно переправлена и что изъ прежняго текста не осталось трехъ-четырехъ строкъ сряду—безъ исправленія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣланы добавки, а нѣкоторыя, напротивъ, значительно сокращены. Въ этой же драмѣ, въ первый разъ мы встрѣчаемся съ привычкой Лермонтова, сохранившейся и впослѣдствіи, переносить въ новое произведеніе цѣлыя мѣста изъ прежнихъ, признанныхъ имъ неудовлетворительными. Какъ изъ «Боярина Орши» цѣлыя строфы перенесены въ «Мцыри», такъ и здѣсь перенесена въ «Страннаго человѣка» сцена изъ «Menschen und Leidenschaften». Кромѣ того, въ изданіи «Юношескихъ драмъ» является также въ связи съ ходомъ всей драмы и отдѣльно напечатанный нами «монологъ» (стр. 218), тоже перенесенный изъ «Menschen und Leidenschaften». Самая пьеса въ черновомъ оригиналѣ раздѣлена на дѣйствія и явленія, а въ передѣланной рукописи дѣлится только на сцены, при чемъ означено время, въ которое происходитъ каждая сцена, такъ что вся пьеса обнимаетъ около 7½ мѣсяцевъ, съ 26 августа по 12 мая слѣдующаго года.

Въ упомянутыхъ тетрадяхъ г. Краевскаго черновой оригиналъ «Страннаго человѣка» занимаетъ почти всю 8-ю тетрадь и имѣетъ помѣтку, не сохранившуюся въ перебѣленномъ спискѣ: «1831 года. Кончена 17 іюля. Москва». Въ послѣдующихъ тетрадяхъ встрѣчаются также кое-какія указанія на эту пьесу. Такъ, напр. «Прибавить къ Странному Человѣку еще сцену, въ которой читаютъ исторію его дѣтства, которая нечаянно попалась Бѣлинскому». Этой сцены, впрочемъ, не прибавлено. Сцена у студента Рябинова и разговоръ слугъ написаны тоже въ послѣдующихъ тетрадяхъ особо

и вслѣдъ за послѣднею помѣчено: «Теперь кабинетъ Владиміра и сцена изъ Menschen und Leidenschaften». Потомъ написано стихотвореніе Кн. Г—ой (стр. 254) и «Монологъ», къ Странному Человѣку.

Кстати замѣтимъ, что вслѣдъ за окончаніемъ пьесы Лермонтовъ началъ стихотвореніе:

Изъ Паткуля
Напрасна враговъ ядовитая злоба—
Разсудятъ насъ Богъ и преданья людей:
Хоть розны судьбою—мы боремся оба
За счастье и славу отчизны своей... и пр.

37. По голубому небу (стр. 223). При окончаніи этого отрывка, рукою Лермонтова написано: «Я хотѣлъ писать эту поэму въ стихахъ, но нѣтъ—въ прозѣ лучше». «Написать записки молодаго монаха 17-ти лѣтъ. Съ дѣтства онъ въ монастырѣ; кромѣ священныхъ книгъ ничего не читалъ. Страстная душа томится. Идеалы».

38. Атаманъ (стр. 229). Послѣ этого стихотворенія: «Написать шутливую поэму—приключенія богатыря.—Memor. перевесть въ прозѣ The Dream of lord Byron—pour miss Alexandrine».

39. Исповѣдь (стр. 231). Немного далѣе: «Memor. написать трагедію Маріи, изъ Плутарха», и пр., какъ изложено выше.

40. Чаша жизни (стр. 232). За этимъ въ рукописи обширный набросокъ сюжета изъ временъ Владиміра.

41. Ангелъ смерти (стр. 233). Въ черновой тетради Лермонтова, за двѣ страницы до начала поэмы, замѣчено: «Написать поэму—Ангелъ Смерти. Ангелъ Смерти, при смерти дѣвы, влетаетъ въ ея тѣло изъ сожалѣнія къ любезному и раскаивается, ибо это былъ человѣкъ мрачный и кровожадный, начальникъ грековъ. Онъ раненъ въ сраженіи и долженъ умереть; ангелъ уже не ангелъ, а только дѣва, и его поцѣлуй не облегчаетъ смерти юноши, какъ бывало прежде; ангелъ покидаетъ тѣло дѣвы, но съ тѣхъ поръ его поцѣлуи мучительны умирающимъ».—Въ самомъ началѣ поэмы приписано сбоку: «Повѣсть кончается вотъ чѣмъ:

Съ тѣхъ поръ
Хладнѣе льда его объятья,
И поцѣлуй его—проклятье!

Послѣ этого замѣчено: «Ангелъ говоритъ: море колеблется, и цвѣтокъ, отраженный его волнами, долженъ колебаться: скажи, отчего ты такъ безпокоенъ?» Въ концѣ поэмы приписано: «Написать длинную сатирическую поэму: приключенія Демона».—Въ нынѣшнемъ изданіи поэма вновь исправлена по рукописи.

42. Я видѣлъ тѣнь блаженства (стр. 255). Сбоку замѣчено: «Ecrire une tragédie: Néron».

43. Ужасная судьба (стр. 258). За этимъ стихотвореніемъ, имѣющимъ повидимому автобіографическое значеніе (сравн. еще «Эпитафію» на стр. 87), слѣдуютъ два отрывка изъ «Демона». Потомъ набросано стих. «Стансы» (см. стр. 259). Вслѣдъ за тѣмъ: «2-го (4-го) Декабря св. Варвары. Вечеромъ, возвратясь. Вчера еще я дивился продолжительности моего счастья! Кто бы подумалъ, взглянувъ на нее, что она можетъ быть причиной страданья?»

44. «Привѣтствую тебя» (стр. 267) написано при переѣздѣ Лермонтова изъ Москвы въ Петербургъ, поэтому и должно относиться къ 1832 году, а не къ 1831 г., какъ было въ прежнихъ изданіяхъ.

45. Хаджи-Абрекъ (стр. 283)—это первое, явившееся въ печати произведеніе Лермонтова, сообщенное помимо его воли въ «Библіотеку для Чтенія» товарищами по школѣ.

46. Сашка (стр. 297). Эта неоконченная поэма въ томъ составѣ, какъ нынѣ напечатана, отыскана только лѣтомъ 1881 г. и была помѣщена въ Русской Мысли 1882 г. № 1. Въ прежнихъ изданіяхъ печатались изъ нея только отрывки по черновымъ тетрадямъ поэта, при чемъ даже самое имя поэмы оставалось неизвѣстнымъ. Именно въ 1861 г. намъ случайно попалась копія съ рукописи Лермонтова, подлинникъ которой и до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ, а вовсе не находится въ Публичной Библіотекѣ, какъ замѣчаетъ г. Висковатовъ въ предисловіи своемъ къ поэмѣ. Въ этой копіи сверхъ стихотвореній: «Ахъ, нынѣ я не тотъ совсѣмъ» (выше, стр. 269), «Онъ былъ въ краю святомъ» (тоже, стр. 352) и «Я, матерь Божія» (т. I, стр. 105), находились четыре отрывка, которыхъ строфы, болѣе или менѣе полныя, были помѣчены особой нумераціею, именно: въ первомъ 1, 2, 3, 4 и двѣ безъ нумера; во второмъ: 1—9 и 14; въ третьемъ: 1 — 5, и въ четвертомъ: I — V и 2 строфы безъ нумеровъ. Часть этихъ строфъ была напечатана нами въ «Библіограф. Запискахъ» 1861 г. и за тѣмъ вошла въ изданія соч. Лермонтова. Нынѣ по сравненію съ текстомъ «Сашки» оказывается, что всѣ строфы принадлежатъ этой поэмѣ, но въ исправленный текстъ изъ перваго отрывка вошла только одна строфа и то съ измѣненіями:

1. — Свои записки нынѣ пишутъ всѣ,
И тотъ, кто славно жилъ и умеръ славно,
И тотъ, кто кончилъ жизнь на колесѣ;
И каждый лжетъ, хоть часто слишкомъ явно,

Чтобъ выставить себя во всей красѣ.
Увы!—Дѣла ихъ, чувства, мнѣнья
Погибнутъ безъ слѣда въ волнахъ забвенья;
Ни модный слогъ, ни модный фронтисписъ —
Ихъ не спасетъ отъ плесени и крысъ;
Но хоть пути предшественниковъ склизки,
И я хочу издать мои записки.
2. — Нашъ вѣкъ ужасно страненъ! Все пиши
Ему про добровольныя изгнанья,
Про темныя волненія души,
И только слышно—муки да страданья.
Такія вещи право хороши
Тому, кто мало спитъ, кто думать любитъ,
Кто жизнь свою въ воспоминаньяхъ губитъ.
Впадалъ я прежде въ эту слабость самъ,
Но видя отъ нея лишь вредъ глазамъ,
Минувшее свое, безъ дальней справки,
Я схоронить рѣшился въ книжной лавкѣ. (Ср. I строфу).
3. — Печальныхъ много будетъ тутъ вещей,
Но какъ они заставятъ разсмѣяться.—
Когда, уставъ отъ дѣлъ, отъ ласкъ друзей,
Отъ ласкъ жены, случится вамъ остаться
Однимъ, тогда вы книжкою моей
Займитесь чинно. Кликните Петрушку;
Онъ дастъ вамъ трубку; мягкую подушку
Вамъ за спину положитъ;—и потомъ,
Раскрывъ на серединѣ первый томъ,
Любезный мой, вы можете свободно
Уснуть или читать, какъ вамъ угодно.
4. — Видѣнья сна замѣнятъ мой разсказъ,
Запутанный и, какъ они, неясный.
И если бъ могъ я спать, то въ этотъ часъ,
Съ перомъ въ рукахъ, я бъ наяву напрасно
Не бредилъ... Правда, мнѣ не въ первый разъ
Просиживать въ мечтахъ о томъ, что было,
Мучительныя ночи... Тайной силой
Я былъ лишенъ отъ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ
Забвенья жизни и забвенья бѣдъ...
А. — И даже сны упорно повторяли
Моей души протекшія печали.—
В. — Сонъ—благо, даръ небесъ, когда онъ тихъ
Безропотно, какъ смерть, какъ отдыхъ рая,

Но, признаюсь я, часто для иныхъ
Карикатура жизни - жизнь вторая:
Не лучше первой, полная нѣмыхъ
И безпокойныхъ образовъ другаго
Таинственнаго міра, неземнаго;
Смущенная душа раздѣлена
Между..... и призраками сна,
Блуждаетъ въ мірѣ вымысла безъ пищи,
Какъ лазарони, а по-русски нищій....

Второй отрывокъ начинается нынѣшней XVIII строфой, но изъ нея только 5 стиховъ остались въ исправленномъ текстѣ, а остальные 6 читались:

Ей кто-то улыбнулся; простодушно
Она своихъ покинула, послушна
Какъ агнецъ. Но, увы! прошло пять дней—
Любовникъ глупый ужъ наскучилъ ей;
И съ этихъ поръ, чтобъ выбирать по волѣ,
Она взяла ихъ пять, шесть, семь и болѣ.

Затѣмъ изъ XIX-й стр. написаны 1, 2 и послѣдній стихи; изъ XX-й 1—5 и послѣдній ст., XXI вся съ незначительными варіантами, XXII вся безъ малѣйшихъ варіантовъ противъ исправленнаго текста; изъ XXIII-й первые 1½ стиха; изъ XXIV-й только: «перекрестимъ въ Парашу»; XXVII-я вся; изъ XXVIII-й одинъ первый стихъ и XXXII-я вся.

Третій отрывокъ сравнительно съ исправленнымъ текстомъ заключаетъ XIII—XVII строфы съ незначительными варіантами, именно: въ XV-й конецъ: «Съ улыбкой вырывалось.... наконецъ рукою Она смѣшала карты предъ собою»; въ XVI конецъ: «А мать, какъ слышалъ, краковская полька — И страннаго по-мнѣ тутъ нѣтъ нисколько» и въ XVII-й 6 и 7 стихъ: «И онъ былъ радъ, что умеръ не подъ палкой, Что, признаюсь, мнѣ право очень жалко».

Четвертый отрывокъ ужъ совершенно безъ варіантовъ и измѣненій передаетъ нынѣшнее начало поэмы. Онъ начинается съ 8-го стиха I-й строфы и кончается послѣднимъ стихомъ VI-й а за тѣмъ написана вся XII-я.

Слишкомъ 10 лѣтъ спустя, разсматривая въ Публичной Библіотекѣ «юнкерскія тетради» Лермонтова, мы нашли въ нихъ 18 нумерованныхъ, повидимому нѣсколько разъ переправленныхъ строфъ, а въ другомъ мѣстѣ еще двѣ строфы, всего 20, изъ которыхъ и напечатали пять сначала въ Русской Старинѣ, а потомъ въ изданіи 1880 г. (т. II, стр. 420—422), съ оговоркою, что эти строфы повидимому имѣютъ

соотношеніе съ приведенными выше отрывками, что нынѣ и подтвердилось. Такъ какъ рукописи Публичной Библіотеки (хотя и съ великимъ трудомъ) доступны изслѣдователю, то приводить изъ нихъ многочисленные варіанты мы считаемъ излишнимъ и только замѣтимъ, что не имѣя рукописи поэта, по которой «Сашка» напечатанъ въ «Р. Мысли», мы вынуждены были исправить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текстъ по этимъ черновымъ наброскамъ, потому что въ Р. Мысли онъ напечатанъ мѣстами до того небрежно, что теряется смыслъ. Не говоря уже о мелкихъ неточностяхъ, которыхъ не мало, какъ напр. въ VI строфѣ: «Тамъ жизнь грозна (вм. грязна).... какъ плоскій берегъ Финскаго залива», или въ XLVII, гдѣ говорится о землѣ, что «Свѣтила ей— двоюродные братья» въ Р. Мысли: «Свѣтили ей двоюродные братья», приведемъ для сравненія съ нашимъ текстомъ конецъ LXXX-й строфы изъ Р. Мысли: «Я прикажу....

Поставить крестъ: быть можетъ изъ дали,
Когда туманъ протянется въ долинѣ
И сводъ небесъ взбунтуется, въ вершинѣ
Гостепріимный (!) нищій пѣшеходъ
Его *заманитъ* (кого?). Медленно придетъ
И отряхнувши посохъ безнаде*жный* (!)
Вздохнетъ о жизни будущей и прежней.

Конечно ни «*гостепріимный* нищій», ни «*безнадежный посохъ*» не находятся у Лермонтова и не этотъ «гостепріимный нищій» *заманитъ* крестъ къ вершинѣ могильнаго кургана, а напротивъ: нищій пѣшеходъ, *замѣтивъ* крестъ, медленно придетъ къ гостепріимной вершинѣ кургана, какъ и напечатано у насъ въ текстѣ по черновому наброску.

Содержаніе поэмы относятъ къ несчастному Полежаеву, загубившему свой талантъ и загубленному суровыми условіями печальной жизни поэта, отданнаго въ солдаты.

47. Петергофскій праздникъ (стр. 354). Стихотвореніе это написано Лермонтовымъ въ 1834 году въ юнкерской школѣ. Тамъ же были написаны: Уланша, Юнкерская молитва и пр. Юнкерскій эскадронъ тогда былъ раздѣленъ на 4 отдѣленія и въ Уланшѣ описывается ночлегъ одного изъ этихъ отдѣленій (уланскаго) въ Ижоркѣ, близъ Стрѣльны, при переходѣ изъ Петербурга въ лагерь.—У М. И. Семевскаго мы видѣли одинъ нумеръ рукописнаго школьнаго журнала: «№ IV. Журналъ Школьная Заря. 1834». Этотъ нумеръ начинается стихотвореніемъ Лермонтова Уланша и оканчивается его же стихотвореніемъ: Гошпиталь, подъ которыми онъ подписался: «Гр. Діарбекиръ». Въ послѣднемъ стихо-

твореніи описывается приключеніе двухъ школьныхъ товарищей Лермонтова: князя А. И. Барятинскаго и Н. И. Поливанова (Лафа). Кн. Барятинскій въ темнотѣ, по ошибкѣ, обнимаетъ вмѣсто красавицы-горничной слѣпую дряхлую старуху; та кричитъ; вбѣгаетъ слуга съ свѣчей, бросается на князя и побиваетъ его. На помощь является Поливановъ, бывшій у красотки, и выручаетъ князя. Утромъ все забывается за шампанскимъ. Вотъ начало этого стихотворенія, неудобнаго въ печати:

Друзья, вы помните конечно
Нашъ Петергофскій госпиталь
И многимъ, знаю я, сердечно
Съ нимъ разставаться было жаль.
Тамъ, антресоли занимая,
Старушка дряхлая, сѣдая
Жила съ усатымъ ямщикомъ...
Но дѣло вовсе не о томъ.
Ея служанка молодая
Нескромной бойкостію словъ,
Огнемъ очей своихъ лазурныхъ
Плѣнила нашихъ грозныхъ, бурныхъ,
Неумолимыхъ юнкеровъ.
И то сказать: на эти очи,
На эту ножку, станъ и грудь
Однажды стоило взглянуть,
Чтобъ въ продолженьи цѣлой ночи
Не закрывать горящихъ глазъ...
Однажды, послѣ долгихъ преній
И осушивъ бутылки три,
Князь Б., любитель наслажденій,
Съ Лафою сталъ держать пари... и пр.

Въ этомъ же нумерѣ «Школьной Зари» есть еще нѣсколько совсѣмъ непристойныхъ стихотвореній Лермонтова, изъ которыхъ нѣкоторыя отрывочныя строки приведены въ «Р. Старинѣ» 1882 г., № 8. Мы ихъ не взяли оттуда, равно какъ и двухъ дѣтскихъ, крайне незначительныхъ стихотвореній, помѣщенныхъ г. Висковатовымъ въ той же книжкѣ Р. Старины. Такихъ неизданныхъ стихотвореній, въ тетрадяхъ Лермонтова хранящихся у г. Краевскаго, находятся цѣлыя сотни. Новый пятокъ изъ этихъ сотенъ не прибавляя ничего къ нравственной и поэтической характеристикѣ поэта, только увеличилъ бы размѣры нашего изданія.

48. По выходѣ изъ школы, были набросаны Лермонтовымъ посланія

къ Бухарову и поэма Монго (стр. 505). Въ этой поэмѣ Лермонтовъ разсказываетъ о себѣ (Маёшка) и объ А. А. Столыпинѣ (Монго): оба имени, подъ которыми они были извѣстны въ школѣ. Танцовщица была Екатерина Егоровна Пименова, а казанскій помѣщикъ—Моисеевъ.

49. Повѣсть (стр. 538), напечатанную въ первый разъ въ Вѣстникѣ Европы (1873, № 10), мы отнесли приблизительно къ 1831 г., руководствуясь тѣмъ, что въ нее вошло одно изъ стихотвореній этого года. Неувѣренность въ точности нашего опредѣленія заставила насъ, однако, перенести ее изъ общаго хронологическаго ряда произведеній Лермонтова въ конецъ тома, въ приложеніе.

---

50. Въ дополненіе къ двумъ письмамъ Лермонтова къ его бабушкѣ, Е. А. Арсеньевой, напечатаннымъ въ I т., на стр. 540—541, приводимъ еще одно, по неосмотрительности тамъ нами пропущенное. Повидимому, оно должно предшествовать второму. Оно напечатано впервые въ «Отчетѣ Публичной Библіотеки за 1875 годъ» (стр. 107—108):

Милая бабушка. Я сейчасъ пріѣхалъ только въ Ставрополь и пишу къ вамъ; ѣхалъ я съ Алексѣемъ Аркадьевичемъ, и ужасно долго ѣхалъ: дорога была прескверная. Теперь не знаю самъ еще куда поѣду; кажется, прежде отправлюсь въ крѣпость Шуру, гдѣ полкъ, а оттуда постараюсь на воды. Я, слава Богу, здоровъ и спокоенъ, лишь бы вы были такъ спокойны какъ я; одного только и желаю, пожалуста оставайтесь въ Петербургѣ: и для васъ и для меня будетъ лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Скажите Екиму Шангирею, что я ему не совѣтую ѣхать въ Америку, какъ онъ располагалъ; а ужъ лучше сюда на Кавказъ: оно и ближе, и гораздо веселѣе. Я все надѣюсь, милая бабушка, что мнѣ все таки выйдетъ прощенье, и я могу выйти въ отставку. Прощайте, милая бабушка; цѣлую ваши ручки и молю Бога, чтобы вы были здоровы и спокойны, и прошу вашего благословенія.—Остаюсь п. внукъ Лермонтовъ.

ОБЩЕЕ ОГЛАВЛЕНІЕ.

обоихъ томовъ. *

---

* Заглавія сочиненій въ прозѣ — напечатаны разборкой; римскія цифры обозначаютъ томъ, арабскія—страницу.

